IPz 94.

БѢЛИНСКІЙ

ПИСЬМА

ТРИ ТОМА

РЕДАКЦІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ

Е. А. Ляцкаго

Томъ II

[1839—1843]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1914

1Pz94

4542

Пр 87 61000.
БИБЛИОТЕКА
МГУ
им. Горького
41

Къ В. П. Боткину. 22 ноября, 1839.

Петербургъ. 1839, ноябрь 22 дня.

Виноватъ, другъ Василій! Ты писалъ ко мнѣ, спрашивалъ, безпокоился—одно мое слово—и ты былъ бы спокоенъ... Что дѣлать! Я нахожусь въ какой-то апатіи, въ которой, впрочемъ, есть все, кромѣ участія ко всему тому, что не я. Я и чувствую, и мыслю, порою даже и страдаю; но ни до тебя и ни до кого изъ васъ мнѣ дѣла нѣтъ, какъ будто вы всѣ не существуете и никогда не существовали. Или, видно, настало время разсчета съ самимъ *собою*, или чортъ знаетъ что—но вотъ вамъ фактъ: понимайте и толкуйте его, какъ хотите. Богъ да благословитъ васъ, а я не виноватъ.

Питеръ городъ знатный, Нева—рѣка пребольшущая, а петербургскіе литераторы—прекраснѣйшіе люди послѣ чиновниковъ и господъ офицеровъ. Мнѣ очень, очень весело: о чемъ ни заговоришь—столько сочувствія. Однимъ словомъ: Петербургъ молодой, молодой человѣкъ, но говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ. Да ну, къ чорту— лучше о дѣлѣ.

Я увидѣлся съ Мишелемъ на третій день пріѣзда. Съ первыхъ словъ я увидѣлъ, что комедій ломать съ нимъ не для чего, потому что онъ очень поумнѣлъ и очеловѣчился въ послѣднее время, и самъ заговорилъ о твоемъ дѣлѣ такимъ языкомъ, какимъ мы говорили. Правда, тутъ есть пунктъ, въ которомъ мы съ тобою ближе другъ къ другу, и въ которомъ онъ едва-ли когда сойдется съ нами, но этотъ пунктъ не относится къ вопросу о твоемъ счастіи, и мнѣ кажется, что онъ не совсѣмъ не правъ въ немъ, такъ же, какъ и мы не совсѣмъ не правы, слѣдовательно, обѣ стороны и правы и не правы. Вообще, Питеръ—славное исправительное мѣсто и очень исправилъ Ми-

шеля. Я думалъ увидѣться съ Мишелемъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ, но разстался съ нимъ, какъ съ другомъ и братомъ души моей. Это, Васинька, человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова. Въ немъ сущность свята, но процессы ея развитія и опредѣленій дики и нелѣпы; но за это винить его—по крайней мѣрѣ не мнѣ. Но лучше разскажу все, какъ было. На другой день Мишель былъ у меня и смертельно надоѣлъ и опротивѣлъ мнѣ, такъ что я радовался мысли, что онъ скоро уѣдетъ. Вретъ, шутитъ, машетъ неуклюжими руками—и все не въ попадъ. Тутъ былъ и Панаевъ. Рѣшились итти къ нему на верхъ; они оба пошли, а я замѣшкался. Прихожу на верхъ—Мишель бросаетъ мнѣ твое письмо и говоритъ при Панаевѣ о твоемъ дѣлѣ, какъ будто бы мы были вдвоемъ—прочтя письмо, онъ тотчасъ далъ и ему его прочесть, съ предисловною фразою: «Боткинъ любитъ мою сестру». Потомъ начались выходки противъ батюшки и матушки, изъявленія радости о войнѣ и пр.—ты самъ дополнишь. Пріятно увидѣть чувство въ лицѣ и непосредственности человѣка—и въ Мишелѣ точно было чувство; но пріятно видѣть чувство, которое сдерживается волею и прорывается избыткомъ собственной силы, вотъ этого-то и не было. За симъ пошла болтовня, шутки не кстати, достолюбезности невытанцовывающіяся и т. п. Когда, наконецъ, Мишель ушелъ—съ меня словно камень свалился. Все тотъ-же, подумалъ я, а Панаевъ сказалъ: «Теперь я понимаю, почему Бакунинъ, будучи прекраснымъ человѣкомъ, имѣетъ столько ожесточенныхъ враговъ». Я съ горя легъ спать и проспалъ часовъ до одиннадцати утра. Мишель приглашалъ меня обѣдать къ Заикину и вообще обнаруживалъ большое желаніе сблизить меня съ нимъ, чѣмъ самымъ и возбудилъ во мнѣ страшное нежеланіе этого сближенія; къ тому же я рѣшился было избѣгать всякихъ знакомствъ и жить схимникомъ. Но дѣлать было нечего—прихожу, пообѣдали, подпили, начали бесѣдовать—и Мишель явился мнѣ съ самой лицевой, передней стороны. Сколько задушевности, теплоты, благородства, человѣчестности! Самыя манеры его измѣнились—не было уже нелѣпыхъ шутокъ и натяжныхъ достолюбезностей, трубка уже не падала изъ рукъ его. Онъ спорилъ со мною, но такъ кротко, съ такою любовію и уваженіемъ ко мнѣ, хотя меня какой-то бѣсъ словно подталкивалъ наполовину говорить противъ себя. Однимъ словомъ, я провелъ московскій вечеръ и ушелъ съ новымъ, удивившимъ самого меня чувствомъ къ Мишелю. Потомъ

онъ былъ у меня—прочелъ мнѣ свою статью: статья сочная, крѣпкая, чуждая всякаго нахальства и размахиванья длинными руками, простая и цѣломудренная въ своей энергической крѣпости! Пошли потомъ толки. Я довольно рѣзко (моимъ слогомъ) высказалъ ему свое мнѣніе объ участіи, которое принимала въ твоей исторіи Татьяна Александровна, и даже о самой ней. Онъ ее во многомъ обвинилъ, но во многомъ и оправдывалъ, и показалъ мнѣ рѣзко, но и кротко, что онъ о ней думаетъ совершенно иначе. Это уже былъ не тотъ Мишель, который нѣкогда на замѣчаніе, что въ письмѣ Татьяны Александровны есть одна фраза, отвѣчалъ мнѣ съ царственно-геройскимъ и наглымъ видомъ: моя сестра не можетъ писать фразъ; но это былъ братъ, который нѣжно и глубоко любитъ и уважаетъ сестру и въ то время уважаетъ въ другихъ права дружбы и свободы мыслить. Потомъ, въ другой разъ, онъ показалъ мнѣ, что героизмъ его самому ему теперь смѣшонъ и пошлъ; что онъ боролся съ отцомъ по праву, но худо дѣлалъ, что фанфаронилъ этою борьбою и даже отчасти привилъ это фанфаронство и къ сестрамъ своимъ,—и во всемъ этомъ онъ сознавался не какъ прежде—съ хвастовствомъ или равнодушіемъ, но съ внутреннимъ страданіемъ. Это меня глубоко тронуло и совершенно помирило съ нимъ. И могло ли быть иначе? Если сознаніе вины вошло въ плоть и кровь человѣка, возродило его духомъ—его прощаетъ самъ Богъ, а человѣку надо отречься отъ своей человѣчестности, чтобы не простить его. Я тѣмъ болѣе не могъ этого не сдѣлать, что самъ не меньше Мишеля нуждаюсь въ прощеніи—и его перваго, и тѣхъ, кто меня хорошо знаетъ, и тѣхъ, которые едва знаютъ меня. Однажды, при его братѣ, я высказалъ ему кое-что о его болтовнѣ и претензіи на достолюбезность—послѣ онъ сказалъ мнѣ, что сначала ему ужасно было досадно на меня, а потомъ онъ согласился, что такъ. Не знаю, покажешь ли ты ему это письмо, но я желалъ бы этого, только сдѣлай это кстати, въ хорошую минуту Мишеля. Надо избѣгать крайностей: для насъ прошла пора требованій отчета въ поведеніи и образѣ мыслей другъ у друга, и это хорошо; но не будемъ же лишать дружбы ея правъ. Кто мнѣ скажетъ правду обо мнѣ, если не другъ, а слышать о себѣ правду отъ другого—необходимо. Помнишь ли, ты далъ мнѣ урокъ насчетъ моихъ народныхъ патріотическихъ остротъ и милыхъ достолюбезностей насчетъ Лангера? Вѣдь мнѣ казалось, что я въ самомъ дѣлѣ очень любезенъ, и если бы ты

не подставилъ мнѣ зеркала—я до сихъ поръ находился бы въ этой увѣренности. Друзья мои—будемъ бояться крайностей, какъ зла: оставимъ каждаго жить, какъ онъ хочетъ, не будемъ читать другъ другу поученій, посылать буллы, требовать отчета, но не побоимся же и замѣчать другъ другу то, чего каждый въ себѣ не хочетъ или не можетъ замѣчать, только будемъ это дѣлать съ уваженіемъ къ личности, деликатно, съ любовію. Вразуми же, Боткинъ, Мишеля, что природа создала его быть теплымъ и важнымъ и только подъ этимъ условіемъ свѣтлымъ, а когда онъ не таковъ—то молчаливымъ и важнымъ, но никогда достолюбезнымъ въ смыслѣ Станкевича. Заставь его почувствовать иногда важность, иногда пользу, а иногда и святость молчанія и возмутительность выговариванія того, что̀ понимается само собою и профанируется выговариваніемъ. Во всякомъ человѣкѣ—два рода недостатковъ—природные и налипные; нападать на первые и безполезно, и безчеловѣчно, и грѣшно; нападать на наросты—и можно, и должно, потому что отъ нихъ можно и должно освобождаться.

Мы обвиняли Мишеля въ недостаткѣ задушевности, въ неспособности принять участіе въ личности другого,—и мы были правы, но правы внѣшнимъ образомъ. Я больше всѣхъ кричалъ противъ Мишеля въ этомъ отношеніи, за то, что онъ не принималъ участія въ моихъ сердечныхъ похожденіяхъ: но ты самъ знаешь, до какой степени были достойны они участія, ты самъ знаешь, что дѣйствительно въ нихъ было только мучительное стремленіе, мучительная жажда любви и сочувствія, а проявленія были призрачны и пошлы. Мишель самъ обвинялъ себя, что не принялъ истиннаго участія въ исторіи Каткова, но ты самъ знаешь дѣйствительность этой исторіи, въ которой истинное было опять въ источникѣ, а не въ осуществленіи. Кто не полезенъ себѣ, тотъ не полезенъ и другимъ: надъ Мишелемъ больше, чѣмъ надъ кѣмъ-нибудь сбылась истина этихъ словъ. Въ немъ такъ много дикостей, угловатостей и нелѣпостей, онъ самъ очень хорошо ихъ видитъ и борется съ ними; процессы его духа совершаются такъ трудно, какъ процессъ дѣторожденія для женщины; сверхъ того, у него такъ мало такту и всего того, что̀ дается счастливою непосредственностію и полнотою натуры, онъ все долженъ пріобрѣсти борьбою и успѣхами въ мысли,—что ему, право, пока совсѣмъ не до другихъ, а только до себя. Я теперь собственнымъ опытомъ узналъ возможность

такого состоянія. Мнѣ теперь ни до кого нѣтъ дѣла, я никого не люблю, ни въ комъ не принимаю участія,—потому что для меня настало такое время, когда я увидѣлъ ясно, что или мнѣ надо стать тѣмъ, чѣмъ я долженъ быть, или отказаться отъ претензіи на всякую жизнь, на всякое счастіе. Для меня одинъ выходъ—ты знаешь, какой; для меня нѣтъ выхода въ jenseits, въ мистицизмѣ и во всемъ томъ, что составляетъ выходъ для полубогатыхъ натуръ и полупавшихъ душъ. Я теперь еще больше понимаю, отчего на святой Руси такъ много пьяницъ, и почему у насъ спиваются съ кругу все умные, по общественному мнѣнію, люди; но я не могу и спиться, хотя и каждый день раза по два пью водку и тяну то красное, то рейнвенъ. Мнѣ остается одно: или сдѣлаться дѣйствительнымъ, или, до тѣхъ поръ, пока жизнь не погаснетъ въ тѣлѣ, пѣть вотъ эту пѣсенку:

Я увялъ и увялъ
Навсегда, навсегда,
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда.
Всѣмъ постылый, чужой,
Никого не любя,
Въ мірѣ странствую я,
Какъ вампиръ гробовой.
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ,
И въ мученіяхъ злыхъ
Не сгораючи тлѣть.

Обращаюсь къ Мишелю. Вотъ причина, почему мы отрицали въ немъ задушевность и теплоту. И въ самомъ дѣлѣ, то и другое не всегда присутствуетъ въ немъ, потому что возня его съ самимъ собою, какъ и слѣдуетъ, захватываетъ бо̀льшую часть его времени. Но когда онъ бываетъ ровенъ съ самимъ собою,—это человѣкъ насквозь теплый, насквозь свѣтлый, въ высшей степени задушевный, любящій, готовый принять въ другомъ все участіе, какого только можно желать. А что онъ умѣетъ любить глубоко и горячо, этому лучшее доказательство—я: кто больше меня ругалъ и оскорблялъ его, къ кому, больше меня, бывалъ онъ несправедливѣе — и что же? — гдѣ бы онъ ни явился, съ кѣмъ бы ни познакомился, тамъ и тотъ уже знаетъ Бѣлинскаго. Заикинъ и всѣ прочіе сто разъ ужъ говорили мнѣ—какъ онъ любитъ васъ! И изо всего видно, что онъ любитъ меня, часто вопреки себѣ, именно за то, за что̀ нападалъ на меня, что́ со-

ставляетъ нашу противоположность. Погладь его за это по курчавой головѣ—право, онъ очень не глупъ, какъ я начинаю увѣряться. А сколько глубины, сколько инстинкта истины, какое сильное движеніе духа въ этомъ шутѣ! Я немного побылъ съ нимъ въ Питерѣ, но много узналъ отъ него новаго, много уяснились мнѣ и собственныя мои идеи. Это одинъ человѣкъ, съ которымъ побыть вмѣстѣ значитъ для меня—сдѣлать большой шагъ впередъ въ мысли—дьявольская способность передавать! Да, я вновь познакомился съ Мишелемъ и отъ души, какъ друга и брата, обнимаю его на новую жизнь и новыя отношенія.

Ну, да довольно о немъ—не все говорить о пустякахъ, надо и дѣла не забывать. Братъ Мишеля, Николай, — славный малый: глубокая и здоровая натура и прекрасная непосредственность. Въ душѣ его пылъ и разгулъ буйной молодости, но вмѣстѣ съ этимъ соединяется и какая-то кротость, напоминающая покойницу Любовь. Послѣ отъѣзда Мишеля я еще только разъ видѣлся съ нимъ—обѣдалъ у Заикина, много говорилъ съ нимъ и поближе разсмотрѣлъ его—славный человѣкъ! Заикинъ—чуднѣйшій человѣкъ—совершенно внутренній, религіозный, субъективный; но ужасно мало развитой. Во всякомъ случаѣ, я предвижу съ нимъ скорое и тѣсное сближеніе. Я видаюсь съ нимъ 4 раза въ недѣлю — мы учимся по-нѣмецкому и нѣмца — гмъ?.. Заикинъ сперва очень было не взлюбилъ нашего урода, но потомъ, когда узналъ его невинность, то крѣпко привязался къ нему и теперь тоскуетъ по немъ. Вотъ человѣкъ, который понялъ Мишеля, какъ должно: разсмотрѣлъ и его дико-нелѣпую сторону, да не просмотрѣлъ и его истинной стороны. Художникъ Стехв-новъ—прекрасный человѣкъ и доставитель сего посланія—прошу принять его по-человѣчески и по-московски. Каткова объ этомъ не прошу: онъ моложе и здоровше насъ, у него всегда больше отзыва на всякое доброе явленіе жизни—его надо просить только о томъ, чтобы не слишкомъ пылалъ.

Несмотря на мое рѣшеніе избѣгать всякихъ знакомствъ, я завелъ ихъ бездну. Разумѣется, прежде всего я познакомился съ Краевскимъ. Чрезвычайно добрый, теплый и умный человѣкъ! Въ немъ есть даже и чувство изящнаго, но оно не развито,— и потому живую, энергическую статейку о Цуриковѣ писалъ онъ, о Булгаринѣ тожъ (№ 11 «Отечественныхъ Записокъ»), но и о повѣстяхъ Н. Ф. Павлова писалъ все онъ же, все

Краевскій же. Плетневъ добрый и простой человѣкъ, но онъ теперь на покоѣ у жизни. Князь Одоевскій принялъ и обласкалъ меня, какъ нельзя лучше. Онъ очень добрый и простой человѣкъ, но повытерся свѣтомъ и жизнью и потому безцвѣтенъ, какъ изношенный платокъ. Теперь его больше всего интересуетъ мистицизмъ и магнетизмъ. Очень также хорошо отзывался онъ и о моемъ «Пятидесятилѣтнемъ Дядюшкѣ». У Панаева есть закадычный другъ, Языковъ—это, братъ, московскій человѣкъ, и я выключаю его изъ числа знакомыхъ. Братъ его, полковникъ и человѣкъ уже не молодой—тоже московская душа: трудно и въ молодомъ человѣкѣ встрѣтить столько интереса къ истинѣ, столько задушевности и жизни. Да, и въ Питерѣ есть люди, но это все москвичи, хотя бы они и въ глаза не видали Бѣлокаменной. Собственно Питеру принадлежитъ все половинчатое, полуцвѣтное, сѣренькое, какъ его небо, истершееся и гладкое, какъ его прекрасные тротуары. Въ Питерѣ только поймешь, что религія есть основа всего, и что безъ нея человѣкъ—ничто, ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святое и заставить въ немъ выйти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя—человѣкъ онъ, получеловѣкъ или скотина: если будетъ страдать въ немъ—человѣкъ; если Питеръ полюбится ему—будетъ или богатъ или дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Самъ городъ красивъ, но основанъ на плоскости, и потому Москва—красавица передъ нимъ. Въ театрѣ я былъ два раза (т.-е. въ Александринскомъ) и въ третій страхъ не хочется итти, а въ первый пришелъ въ восторгъ и написалъ преглупую статью, которую прочтете въ 21 № «Литературныхъ Прибавленій». Вообще, характеръ театра, какъ и самого Питера, плоскость. Въ Москвѣ театръ гористъ, угловатъ и неровенъ: Мочаловъ, Щепкинъ, Рѣпина, Живокини, Самаринъ, Потанчиковъ, Степановъ, Орловъ (Осипъ), даже Никифоровъ, Шумскій, даже Орлова—это все или горы или холмы, между которыми лежатъ плоскія долины Козловскихъ и прочихъ, а въ Питерѣ все ровно, все въ гармоніи, все плоско. Впрочемъ, Мартыновъ—истинный талантъ. Асенкова возмутительно-отвратительна: Орлова геній передъ нею. Видѣлъ Тальонову—хорошо, превосходно, но что-то нѣтъ охоты еще видѣть. Публика—господа офицеры и чиновники—звѣринецъ изъ орангутанговъ и мартышекъ — позоръ и оскорбленіе человѣчества и общества.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . Славный городъ Питеръ! Софья Астафьевна—mauvais genre; но собою очень интересна—съ усами и бородою—словно вѣдьма изъ Макбета.

У Краевскаго я встрѣтился съ Срезневскимъ — необычайно острый мужъ: очень хорошо разсуждаетъ о Гоголѣ и Основьяненкѣ,—говоритъ, что что̀ есть въ одномъ, того недоєтаетъ другому, что Гоголь беретъ формою, а Основьяненко изобрѣтеніемъ, но что «Ревизоръ» — отвратительный фарсъ, «Старосвѣтскіе помѣщики»—превосходное, геніальное созданіе, а «Тарасъ Бульба»—дрянь и прочее въ этомъ родѣ. «Признаюсь вамъ откровенно, когда другіе восхищались вашими статьями, я говорилъ, что Бѣлинскій—ничего, но когда прочелъ вашу драму, то увидѣлъ, что нѣтъ—это огромный талантъ!» Я его спросилъ, что выше—«Макбетъ» или моя драма,—и онъ холодно отвѣтилъ, что не понимаетъ «Макбета», т.-е. что ничего не видитъ въ немъ хорошаго. Вотъ это понялъ меня—не то, что вы, дураки. Вотъ бы кого въ Питеръ-то, именно въ университетъ, тоже основанный на плоскости. Впрочемъ, тамъ есть молодой профессоръ Куторга, товарищъ Рѣдькина, гегеліанецъ и умный человѣкъ, хотя въ искусствѣ и еще больше идіотъ, чѣмъ Грановскій. (Зри его статью въ 10 № «Отечественныхъ Записокъ», Историческія воспоминанія путешественника). Срезневскій презираетъ Кульчицкаго и весь этотъ кружокъ, и тебя, понеже ты въ этомъ кружкѣ вращался въ Харьковѣ. Экая скотина! Прощаясь, расцѣловался со мною, и вообще онъ убѣжденъ, что мы поняли другъ друга.

Кланяйся всѣмъ нашимъ, Каткову, которому стыдно не писать ко мнѣ, если онъ писывалъ къ Савельеву (вотъ скотина-то, Краевскій ужъ хочетъ отъ него и двери на запоръ—и я бѣгаю отъ него, какъ отъ чумы и говорю ему грубости). Скажи Каткову, что, по неотступнымъ просьбамъ Краевскаго, я уступилъ ему «Гренадеровъ» для 1 № «Отечественныхъ Записокъ», и чтобы онъ скорѣе высылалъ ихъ. Кудрявцеву мое слезное и кровное лобызаніе — безъ него мнѣ не хочется читать ни Иліады, ни Пушкина; жду отъ него повѣсти; увѣдомь меня, взялъ ли онъ мой столъ, да скажи ему, чтобы написалъ ко мнѣ хоть строчку, да прислалъ свой адресъ, по которому надо выслать къ нему «Отечественныя Записки» и «Литературныя Прибавленія». Милому

Грановскому — братскій поклонъ. Скажи, чтобы скорѣе присылалъ статью, да и Рѣдькина подталкивалъ, да чтобы писалъ ко мнѣ. Кланяйся Ивану Петровичу и увѣдомь меня—какъ и что онъ. Петру Петровичу—поклонъ до земли и лобызаніе. Передай поклонъ Щепкину, коли кого увидишь изъ нихъ, а я жду письма отъ Дмитрія и буду отвѣчать. Пашеньку Бакунина поцѣлуй въ лобъ и погладь по головкѣ. Беeру скажи, что я его люблю отъ души, за то, что онъ добрый малый, чуждый всякихъ претензій, и еще кое за что, чего не скажу, чтобы онъ не загордился. Лангеру—кстати: Одоевскій, проигравъ его Пушкинскую пьесу, остался недоволенъ однообразіемъ мелодіи, а «Примиреніемъ» остался очень доволенъ—«Заутрени» мы еще не показывали ему. Кого забылъ, тѣмъ самъ поклонись.

Насчетъ денегъ, братъ,—нѣтъ: сидимъ съ Панаевымъ безъ гроша, но онъ скоро получитъ,—и тогда не безпокойся, а пока потерпи. Онъ тебѣ кланяется и будетъ скоро писать. Питеръ на него, послѣ Москвы, начинаетъ наводить уныніе, да объективная терпимость его къ людямъ очень колеблется, и бездѣйственная жизнь тяготитъ—это все хорошо—изъ него будетъ прокъ. Булгаринъ, встрѣтясь съ нимъ на Невскомъ, на другой день послѣ выхода 11 № «Отечественныхъ Записокъ»—почтеннѣйшій, почтеннѣйшій—бульдога-то это вы привезли меня травить?

Скажи Грановскому, что чѣмъ больше живу и думаю, тѣмъ больше, кровнѣе люблю Русь, но начинаю сознавать, что это съ ея субстанціальной стороны, но ея опредѣленіе, ея дѣйствительность настоящая, начинаютъ приводить меня въ отчаяніе—грязно, мерзко, возмутительно, нечеловѣчески,—я понимаю Фроловыхъ...

Твой переводъ «Ряса монаха» я читалъ и перечитывалъ, упивался самъ и упоевалъ другихъ—теперь онъ въ рукахъ у князя Одоевскаго. Гоголя видѣлъ два раза, во второй обѣдалъ съ нимъ у Одоевскаго. Хандритъ, да есть отъ чего, и все съ ироническою улыбкою спрашиваетъ меня, какъ мнѣ понравился Петербургъ. Невскій проспектъ—чудо, такъ что перенесъ бы его, да Неву, да нѣсколько человѣкъ въ Москву.

Бога ради, о моихъ отзывахъ о Питерѣ и его литераторахъ—никому ни гу-гу, особенно объ Одоевскомъ. Каково я отдѣлалъ Загоскина? Статейки о Зотовѣ, Повѣсѣ, Иліадѣ тоже мои—очень хорошія статейки.

Прощай. Желаю тебѣ всего, чего ты желаешь. Хорошъ нашъ

старецъ-то—нечего сказать. Хоть бы со мною—принималъ меня въ Москвѣ, какъ нельзя лучше, а въ письмѣ къ Мишелю ругнулъ. Ну, да Богъ съ нимъ—со всѣмъ этимъ народомъ, только бы дѣло-то хорошо кончилось.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 30 ноября, 1839.

Спб. 1839, ноября 30 дня.

Мой милый, добрый и бѣдный Василій, письмо твое къ Панаеву поразило меня страннымъ впечатлѣніемъ. Какъ? Неужели дѣло приняло такой дурной оборотъ? Я никакъ не ожидалъ этого, что ты можешь замѣтить и изъ письма моего къ тебѣ, которое я думалъ послать съ художникомъ Стефановымъ, но, не найдя его квартиры, попросилъ П. Ѳ. Заикина переслать къ тебѣ черезъ своего брата, А. Ѳ. Заикина. Но страннѣе всего то, что не имѣешь никакого извѣстія о Мишелѣ, который выѣхалъ изъ Петербурга ровно за двѣ недѣли до означеннаго на этомъ письмѣ числа, получивъ черезъ Панаева посланные тобою 400 р. денегъ. Чувствую вину свою передъ тобою, несмотря на нелѣпость твоего подозрѣнія меня въ желаніи мстить тебѣ за старое, въ которомъ мы оба равно виноваты, и сознаюсь, что заслужилъ его. Чортъ знаетъ, словно какой демонъ овладѣлъ мною: не могъ руки поднять, не могъ приневолить себя написать къ тебѣ хоть двѣ строки, хотя и чувствовалъ, что въ твоемъ положеніи мои двѣ строки для тебя безцѣнны, потому что могли бы избавить тебя отъ мучительныхъ безпокойствъ. Несмотря на всю мою неохоту говорить о себѣ и на твое несостояніе думать обо мнѣ, не могу не повторить, что нахожусь въ странномъ состояніи духа: и чувствую, и мыслю, и страдаю, даже тяжело страдаю, пишу много для журнала, и пишу съ жаромъ, интересомъ; но не могу ни писать къ друзьямъ, ни заниматься ими даже въ мысляхъ и принимать въ нихъ задушевное участіе. Это также относится и къ новымъ моимъ друзьямъ. Думай объ этомъ, что̀ хочешь. Со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ терплю крайнюю нужду—весь обносился, денегъ ни копейки, даже на извощиковъ; къ довершенію всего, и у Панаева тоже. Когда Мишель уѣхалъ, я поуспокоился на счетъ моего молчанія, думая, что какъ онъ пріѣдетъ въ Торжокъ, то еще прежде отъѣзда въ Прямухино

пошлетъ къ тебѣ письмо. Сверхъ того, почему-то я былъ увѣренъ въ хорошей развязкѣ твоей драмы. Но вдругъ Панаевъ получаетъ отъ тебя письмо съ вопросомъ о Мишелѣ, потомъ Краевскій (которому я далъ слово отвѣтить за него, по его недосугамъ—и не исполнилъ), наконецъ вчера Панаевъ получаетъ еще письмо—и какое?.. Боже мой! Какіе подлецы! Какой гнусный старичишка, бездушный и пакостный! Вотъ все, что могу сказать въ твое утѣшеніе. Дай Богъ, чтобы факты утѣшили тебя—а люди не утѣшатъ. Пусть это будетъ фразой, но почитаю себя обязаннымъ написать ее къ тебѣ: будь твердъ и не падай, если только это можно... а можно ли, этого я не знаю. Но вѣрно ты преувеличиваешь свои страхи, и главная причина ихъ—неизвѣстность и Мишелево молчаніе.

Что Катковъ? Онъ что-то молчитъ. Страшно и за него, если наши предположенія не были ложны. Если сможешь, увѣдомь. Кирюшѣ поклонъ, Билибину также. Если видишься съ Огаревымъ, кланяйся ему и Марьѣ Львовнѣ. Что Кетчеръ не шлетъ маленькаго Цахеса? Николай Бакунинъ—славный малый, съ чудесною душою. Надо увѣдомить его обо всемъ. Прощай. Посылаю къ тебѣ твое письмо къ Мишелю. Прощай—храни тебя Господь. Панаевъ все собирается писать къ тебѣ, но тоже малый аккуратный.

Къ сестрамъ Бакунинымъ. Конецъ 1839 или начало 1840.

Позвольте, при сей вѣрной оказіи, напомнить вамъ о старомъ знакомомъ, который такъ много васъ любитъ и такъ часто о васъ вспоминаетъ, или, лучше сказать, у котораго въ памяти, послѣ васъ, кромѣ еще Боткина, да нѣсколькихъ хорошихъ и добрыхъ людей, нѣтъ ничего хорошаго и дорогого. Братъ вашъ, хоть и офицеръ, а чудесный человѣкъ—такая теплая, благородная и могучая душа, такое вмѣстѣ съ тѣмъ чистое и дѣвственное сердце! Бога ради, когда будете писать къ Варварѣ Александровнѣ, не забывайте упоминать обо мнѣ: я такъ безконечно, такъ свято люблю ее, такъ часто и съ такою безконечною грустію думаю о ней и ея миломъ Сашѣ, моемъ прежнемъ «ахъ!» Прощайте, будьте счастливы и спокойны, какъ вы того стоите, и вспоминайте иногда о добромъ Бѣлинскомъ, если только онъ стоитъ отъ васъ этого названія.

Къ В. П. Боткину. 16 декабря, 1839—10 февраля, 1840.

Спб. 1839 г., декабря 16 дня.

Спасибо, другъ Василій, за письмо твое отъ 30-го ноября: оно доставило мнѣ много сладостныхъ ощущеній и возбудило во мнѣ желаніе писать къ тебѣ, но, по множеству работы, не могъ я до сихъ поръ собраться. Не можешь представить, какъ удивило меня извѣстіе о нашемъ юношѣ: нечего сказать— «странно себя аттестуетъ». Это мнѣ не нравится, и субъективнаго участія я не могу въ этомъ принять; скажу болѣе, это набрасываетъ въ моихъ глазахъ какой-то непріятный свѣтъ на тоталитетъ юноши. Еслибы это была сильная и дикая натура, лишенная всякаго духовнаго развитія, ...; но юноша далекъ въ сферѣ идей; но видно, и въ самомъ дѣлѣ, можно думать одно и жить другимъ, видно абстрактность есть условіе юнаго возраста, и наука книги еще не полна безъ науки жизни. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . И какая цѣль?—Одна минута чувственнаго упоенія, потому что другой не станетъ силъ побѣдить отвращеніе. А между тѣмъ, мужъ, благородный человѣкъ, довѣрчивый не по слабости, а по благородству души. О абстракты! О сѣдовласый мистикъ! Какъ они глупы! Нѣтъ, хоть мы и не путемъ идеальничали, хоть и ошибались иногда, но въ такой женщинѣ неспособны были найти что-нибудь, кромѣ . . . . . .

. . . . резонерства. И что-жъ?—одинъ изъ нашихъ... Нѣтъ, на эту минуту, онъ не нашъ,—не Маросейка, а Арбатъ его сторона. И со всѣмъ тѣмъ, Боткинъ, я завидую ему,—да я завидую, мучительно завидую этой дурацкой способности предаться вполнѣ, безъ рефлексіи, хотя бы и пошлому чувству. Отчего же я никогда не могъ предаться весь и вполнѣ никакому чувству, хотя послѣдняя изъ моихъ глупостей была разумнѣе и человѣчнѣе теперешней юноши. Я знаю, что пораженный благородствомъ и нравственностію моего слога, Мишель выронитъ изъ длинныхъ рукъ трубку, разсыплетъ на полъ табакъ и, нелѣпо махая и загребая ими, зареветъ: Это оттого, что у Бѣ-

линскаго глубокая натура, которая можетъ удовлетвориться только истиннымъ чувствомъ и любить только разъ въ жизни!— Если онъ это сдѣлаетъ, Боткинъ, наплюй ему пожалуйста въ рожу и скажи, что онъ—дуракъ: оно будетъ и эффектно, и справедливо, и истинно. Нѣтъ, это вздоръ: въ каждомъ моментѣ человѣка есть современныя этому моменту потребности и полное ихъ удовлетвореніе:

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!
Блаженъ, кто во время созрѣлъ!

Я понимаю необходимость, разумность, а слѣдовательно, и достоинство рефлексіи, какъ момента самаго разума, какъ движителя жизни, недающаго человѣку убаюкаться на какой-нибудь низенькой ступенькѣ жизни; но дѣло въ томъ, что есть двѣ рефлексіи—нормальная и болѣзненная. Первая есть условіе глубокой натуры; вторая результатъ аналитическаго развитія. Что такое аналитическое развитіе? Резонерство, которое есть несвоевременное мышленіе о томъ, чего еще нѣтъ и не было въ созерцаніи. Это резонерство есть гниль сердечная, въ которой заводится червякъ, отравляющій всякое полное наслажденіе жизнію, а этотъ червякъ — болѣзненная рефлексія. Вотъ такая участь ждетъ брата Мишеля Алешу, который резонерствуетъ «съ ученымъ видомъ знатока» о любви, о бракѣ, о Шиллерѣ, о Гёте, которыхъ не понимаетъ, которыхъ надо сперва перечувствовать, чтобы потомъ понять мыслію. Да, если въ этомъ ребенкѣ есть глубокость души, его ждетъ моя участь — печальнѣйшая и горестнѣйшая изъ всѣхъ участей. Счастіе существуетъ только для здоровыхъ натуръ, а не для такихъ огаженныхъ и оскверненныхъ, каковы моя и Константина Аксакова, напримѣръ. Я недавно догадался, что есть два рода идеальности — здоровая и резонерская, и теперь понимаю ожесточеніе противъ идеальности. Что дѣлать? Кругомъ себя я видѣлъ все резонерскую идеальность и самъ пребывалъ въ ней. Только три здоровыя натуры встрѣтилъ я въ жизни своей, не понявъ ни одной. Чѣмъ особенно восхищался я въ Станкевичѣ? Тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ въ себѣ. Ты знаешь, какъ хорошо умѣлъ я оцѣнить покойную Любовь Александровну въ то время, какъ узналъ ее. Что касается до тебя, я тебя всѣхъ лучше понялъ и оцѣнилъ; но связавшись съ нами, т.-е. со мною и Мишелемъ, и ты заболѣлъ было. Болѣзненная рефлексія закрываетъ глаза на дѣйстви-

тельность и создаетъ свою—небывалую и абстрактную. Разъ—по ошибкѣ или невзначай—судьба послала было мнѣ минуту жизни и радости: прекрасная дѣвушка, возбудившая во мнѣ что-то похожее на страсть, млѣла въ моихъ объятіяхъ и звала въ свои роскошныя объятія, полныя нѣги, трепетнаго упоенія; во мнѣ кипѣла кровь, и изнывала душа въ сладостной тоскѣ, а я въ это время рефлектировалъ и хлопоталъ о томъ, чтобы поступить сообразно съ выдуманною мною и небывалою дѣйствительностію, а главное—не отступить отъ хорошо обдуманнаго и начертаннаго плана высшей жизни, котораго масштабомъ была духовная о..... Но кого же жаловаться? Ужъ конечно не на жизнь. Непремѣнно напишу огромную статью объ о....., или резонерской идеальности, которая изъ жизни дѣлаетъ тяжелый сонъ, изъ радостей призраки. Извѣстный намъ полковникъ больше, въ тысячу разъ больше человѣкъ, чѣмъ я: онъ живетъ съ своею Анною Ларіоновною, чѣмъ Богъ послалъ; эта жизнь вполнѣ удовлетворяетъ его (пока, или безусловно—это вопросъ, котораго я не берусь рѣшать), и онъ наслаждается ею вполнѣ, безъ рефлексіи и безъ претензій. Онъ живетъ, а я не жилъ и не живу; онъ что-то, а я меньше, чѣмъ ничто. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Боткинъ, Боткинъ! не сердись и не презирай, но пойми... Подъ этими похабностями скрывается нѣчто похожее на судорожное сжатіе сердца, на глубоко-болѣзненное стѣсненіе груди, въ которыхъ простая глубокая потребность любви и сочувствія. Нѣтъ, никогда не страдалъ я такъ глубоко — силъ недостаетъ. Внутри меня что-то глубоко оскорблено. Я уже не мучусь апатіею, но страдаю цѣлые дни какою-то тяжелою болѣзнію. Ну, да что объ этомъ говорить! Ты и безъ словъ поймешь меня — вѣдь не даромъ же такъ глубоко и братски, съ такою безконечною силою люблю я тебя.

Кто говоритъ, что надо стремиться къ общему, надо страдать и трудиться и бороться, чтобы почитать себя въ правѣ на личное блаженство,—того я буду слушать, передъ тѣмъ я обвиню себя въ тяжкихъ грѣхахъ, въ совершенномъ недостоинствѣ; но кто бы сталъ доказывать мнѣ, что жить должно только въ общемъ, презирая личное и субъективное — я сказалъ бы тому, что онъ поросенокъ, котораго мнѣ, старому борову, слушать неприлично и смѣшно, а для показанія дѣйствительности и прочности подобной философіи указалъ бы ему на юношу, который теперь «такъ странно себя аттестуетъ».

Всякая односторонность уже не бѣситъ, а глубоко оскорбляетъ меня. Одинъ кричитъ о высокомъ, прекрасномъ и идеальномъ; другой съ ироническою усмѣшкою человѣка, постигшаго мудрость мудрости, говоритъ о паровыхъ машинахъ и комфортѣ; одинъ уважаетъ общее и презираетъ личное; другой не вѣритъ общему и лакомится только частнымъ: все это ограниченности и односторонности. Міръ древній жилъ въ исторіи и искусствѣ и пускалъ въ трагедію только царей, героевъ и боговъ; а новый міръ начался словами: пріидите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные, и тотъ, кто сказалъ ихъ, возлежалъ съ мытарями и грѣшниками, Бога назвалъ отцомъ людей, а людей братьями другъ другу. Оттого въ новую трагедію вошли и плебеи и шуты, ибо героемъ ея сталъ человѣкъ, какъ субъективная личность. Смѣшно и досадно: любовь Ромео и Юліи есть общее, а

потребность любви или любовь читателя есть частное и призрачное. Жизнь въ книгахъ, а въ жизни ничто! Вотъ тутъ Грановскій улыбнется и скажетъ, что я поумнѣлъ; а я ему скажу на это, что онъ дуракъ: не хочу нѣмецкой жизни въ книгѣ, но французской, которая параллельна была бы нѣмецкимъ книгамъ, или совсѣмъ никакой, и въ особенности—сохрани Боже — французской. Всѣ эти аллегоріи и «придворные экивоки» клонятся къ тому, что права личнаго человѣка такъ же священны, какъ и мірового гражданина, и что кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ, — а мнѣ тотъ и другой и третій равно несносны. Говорить о себѣ, да о себѣ, или все о моихъ, да своихъ страданіяхъ, забывши, что и другой также думаетъ о себѣ и также богатъ страданіями, — не хорошо и не умно; но тяжело и давить въ себѣ все и не имѣть никого, кто бы дружески откликнулся на наши стоны и, сжавши намъ руку, сказалъ бы—я это понимаю, другъ, и жалѣю о тебѣ. Ахъ, мой добрый Василій, такъ тяжело, какъ еще никогда не бывало! Моя одинокость въ мірѣ терзаетъ меня: никогда такъ мучительно не жаждала душа груди, которая отвѣтила бы вздохомъ на ея вздохъ, которая съ любовію приняла бы на себя усталую отъ горя голову, съ сердцемъ которой мое хоть минуту побилось бы въ тактъ, движимое однимъ родственнымъ чувствомъ и—пожалуй, хоть бы и умереть въ такой минутѣ... Великое благо въ сей жизни дружба, и особенно великое для меня, потому что оно одно, которое я вполнѣ вкусилъ; но — знаешь ли что? Мужская грудь и холодна и жестка, а пожатіе грубой мужской руки, хотя бы и дружеской, даетъ только жизнь, а не смерть, ту сладкую и блаженную смерть, о которой говоритъ Гете въ своемъ божественномъ «Прометеѣ». А мнѣ хотѣлось бы хоть на мгновеніе умереть отъ избытка жизни, а послѣ этого, пожалуй, хоть и умереть въ буквальномъ смыслѣ. И что же? Каждый новый день говоритъ мнѣ: это не для тебя—пиши статьи и толкуй о литературѣ, да еще о русской литературѣ... Это выше силъ—глубоко оскорбленная натура ожесточается—внутри что-то реветъ звѣремъ — и хочетъ оргій, оргій и оргій, самыхъ буйныхъ, самыхъ безчинныхъ, самыхъ гнусныхъ.

Вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва!.. Грудь физически здорова — противъ обыкновенія, я даже не кашляю; но она вся истерзана — въ ней нѣтъ мѣста живого. Да, земля вспахана и

обработана—каковы-то плоды будутъ?.. Да, плоды, можетъ быть, и вкусные, и сочные, и ароматичные: прекрасная статья, которая усладитъ досугъ автора и займетъ праздность читателя, а этотъ читатель скажетъ—сколько души, сколько любви въ этомъ человѣкѣ! Лестная награда! Можетъ быть, и прекрасная читательница мнѣ скажетъ то же, да еще со вздохомъ прибавитъ: какое счастіе любить такого человѣка; а поставь передъ нею этого человѣка рядомъ съ какимъ-нибудь молодцомъ-офицеромъ и заставь, подъ условіемъ смертной казни, непремѣнно выбрать одного изъ двухъ, она скажетъ: не хочу ни того, ни другого, но если ужъ нельзя иначе, то вотъ этого — и подастъ руку г-ну офицеру, а меня попроситъ написать еще что-нибудь съ душою. Пойдешь же . . . . . къ Эмиліи, къ Шарлоттѣ, Амаліи... но вотъ бѣда — денегъ нѣту, штаны того и гляди спадутъ, а новыхъ не предвидится скоро. Другіе хоть ужинать могутъ, а я отказываюсь отъ хорошаго ужина, чтобы отъ него дня три не страдать животомъ. Умереть ужасно не хочется—жизнь никогда такъ не манила, а жить страшно. Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно, не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобы быть привязаннымъ къ нему какимъ-то чувствомъ состраданія—все это не слишкомъ утѣшительно. Жизнь богато надѣлила меня дружбою. Въ Москвѣ у меня было родство; но теперь нѣтъ и васъ со мною, а пріѣду—ужъ много будетъ непонятнаго для обѣихъ сторонъ. Я скажу—чудесный человѣкъ Языковъ, прекрасный человѣкъ Панаевъ,—и ты о послѣднемъ скажешь: да, я помню — прекрасный человѣкъ, о первомъ — разскажи-ка, что это за человѣкъ, — а что я тебѣ разскажу?—тоже и ты мнѣ. Разлука вещь ужасная для дружбы: только любовь вѣчна, только въ любви свиданіе совершенно уничтожаетъ интервалъ разлуки, потому что каждый изъ друзей принадлежитъ себѣ, потомъ многимъ другимъ, кромѣ друга, но любящіеся принадлежатъ только другъ другу и больше никому. Ну, да будетъ уже, пѣть элегіи-то заунывнымъ голосомъ.

Питеръ принялъ меня хорошо и ласково, но мнѣ отъ этого только грустнѣе. А впрочемъ, душа моя Тряпичкинъ, я жуирую, отпускаю въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Литературныхъ Прибавленіяхъ» bons mots, и въ хорошенькихъ актрисъ влюбляюсь, только не въ россійскихъ, ибо это—mauvais genre, а во француз-

61000.

скихъ. Объясняться съ ними не хочу, жду, чтобъ сами догадались, а не то—какъ разъ окритикую въ своей литературѣ... Гмъ! У князя Одоевскаго по субботамъ встрѣчаюсь съ посланниками, и у насъ уже составился вистъ впятеромъ: я, нѣмецкій, французскій, италіанскій и турецкій посланники. Впрочемъ, видѣлъ я одного—шведскаго, графа Пальментіерна: презамѣчательный старикъ, выучился по русски, любитъ со всѣми говорить по нашенскому-то, добръ и простъ, какъ какой-нибудь русскій нѣмецъ, учитель нѣмецкаго языка. Видѣлъ И. А. Крылова и, признаюсь, съ умиленіемъ посмотрѣлъ на этого милаго и достолюбезнаго старца.

30 декабря.

Вотъ, другъ Василій, какой промежутокъ въ моемъ письмѣ—почти половина мѣсяца! А въ эту половину много во мнѣ измѣнилось, хотя и все то же осталось, что и было—мучительное и безотрадное страданіе. Не хочу и перечесть написаннаго—стыдно будетъ. Боже мой! Скоро ли настанетъ время, когда я перестану стыдиться написаннаго или сказаннаго мною, перестану переходить отъ одной дѣтскости къ другой, отъ одного мальчишества къ другому? Скоро ли мое слово будетъ мыслію, а не фразою, скоро ли ощущенія, производимыя на меня объективнымъ міромъ, будутъ формироваться во мнѣ мыслями, а не случайными порывами. Право, стыдно писать,—вѣдь завтра же покажется глупо.

Поведенція юноши произвела во мнѣ непріятное впечатлѣніе только на минуту, и не сама собою, а сущностію міра и аксессуаровъ, въ которыхъ онъ пребываетъ. Съ однимъ я видѣлся въ Питерѣ—умный, добрый, прекрасный человѣкъ, но еслибъ Богъ привелъ больше не видѣться—хорошо бы. Обыкновенная терпимость разумна только въ отношеніи къ низшей дѣйствительности, а не къ высшей призрачности. Клыкова можно уважать и любить до извѣстной степени, ибо онъ есть то, что онъ есть; но избави Богъ отъ резонеровъ, живущихъ будто бы для искусства и мысли. Очень хорошій тоже человѣкъ И. В. С—ъ, когда тѣшитъ: какъ хочешь, а своего рода дѣйствительность, если не достопочтенная, то по крайней мѣрѣ достолюбезная; но когда онъ пускается въ, или, лучше сказать, напускается на Бетховена, Шекспира, Гёте, и вмѣшивается въ споры людей, которые частенько и врутъ о томъ, что̀ говорятъ, но которые всегда говорятъ о томъ,

что̀ живетъ въ нихъ и составляетъ насущный хлѣбъ ихъ жизни,— онъ мой личный врагъ тогда. Ты правду говоришь, что кружокъ, къ которому такъ странно приклеился нашъ юноша—не твой: и не мой, ей Богу, не мой, братъ. Знакомься—нешто, разъ, другой въ мѣсяцъ сойтись съ ними (и то въ толпѣ) не мѣшаетъ — люди честные, благородные, но не разумные и даже не разсудочные. Я уважаю людей съ сильнымъ разсудкомъ—это народъ дѣльный, полезный, безъ претензій, словомъ—дѣйствительный. Вотъ, хоть бы Владиміръ Константиновичъ: я первый, котораго онъ и лучше и достойнѣе, хотя я и безъ самолюбія могу сказать, что моя натура поглубже и пошире. Будь каждый изъ этихъ людей—математикъ, статистикъ, агрономъ—каждый изъ нихъ былъ бы лучше и меня и тебя. Но они глубоко оскорбляютъ духъ, о которомъ хлопочутъ и которому они не родня ни спереди, ни сзади. Я теперь въ такомъ состояніи, что оскорбленіе духа грубымъ непониманіемъ при поползновеніи резонерствовать о немъ—приводитъ меня въ остервенѣніе. Герценъ былъ восторженъ и упоенъ Каратыгинымъ въ роли Гамлета. Эхъ, заняться бы статистикой-то—славная наука! Знаешь ли что̀: въ комъ сильный разсудокъ, тотъ не можетъ быть призракомъ и попасть въ чуждую себѣ сферу. Право, мы оскорбляемъ разсудокъ, приписывая его резонерамъ.

Да, возмутила меня новая дружеская сфера нашего юноши. Но теперь я съ этимъ примирился. Не должно судить человѣка снаружи, какъ говоритъ Мишель (поцѣлуй его—онъ умникъ). Я помню, какъ вы всѣ нападали на меня съ прошлой осени до весны, и какъ невпопадъ вы нападали. Я былъ виноватъ, можетъ быть, даже и много виноватъ, но не передъ кѣмъ изъ васъ (даже передъ юношею), а передъ собою. А между тѣмъ я понимаю, что долженъ былъ казаться вамъ виноватымъ даже передъ вашими сапогами. Процессы духа иногда бываютъ некрасивы, хотя ихъ результаты и всегда прекрасны. Какъ бы ни было...

10 февраля.

Эта чепуха посылается къ тебѣ безъ конца, который не могъ вытанцоваться, потому что начало слишкомъ глупо. Пожалуйста, Боткинъ, пиши ко мнѣ, если можешь. Буду ждать твоего письма со всѣмъ страхомъ и трепетомъ ожиданія. Словно гора съ плечъ спала, когда нынче кончилъ это безконечное посланіе. Что твоя

статья о Римѣ—отсылай скорѣе—крайне нужна. Еще нѣтъ ли чего? Писать нечего—а бѣлой бумаги жаль. Ну, да такъ ужъ и быть, прощай. Здѣсь всѣ тебѣ низко кланяются—Панаевъ, Заикинъ, Николай Бакунинъ и даже Языковъ, заочно въ тебя влюбленный.

Къ Д. И. Иванову. 30 декабря, 1839.

Спб. 1839. Декабря 30 дня.

Жестоко виноватъ я передъ тобою, любезный Дмитрій. Впрочемъ, я не писалъ къ тебѣ по особенному расположенію духа, которое дѣлало меня равнодушнымъ ко всему и ко всѣмъ—даже къ себѣ, и которое рождало непобѣдимое отвращеніе при одной мысли о письмѣ къ кому бы то ни было. И въ самомъ дѣлѣ, Боткинъ написалъ ко мнѣ писемъ десять, очень важныхъ и требовавшихъ немедленнаго отвѣта, а я отвѣтилъ ему однимъ, и то уже слишкомъ черезъ мѣсяцъ по прибытіи въ Питеръ, который навелъ на меня апатію, уныніе и чортъ знаетъ что. Счастливъ, кто можетъ жить въ Москвѣ, и особенно можетъ не жить въ Петербургѣ!

Внѣшнія дѣла мои пока еще плохи, но скоро (недѣли черезъ двѣ или черезъ мѣсяцъ много) должны непремѣнно поправиться. Отчасти и это было причиною моего молчанія: хотѣлось послать письмо со вложеніемъ. Ну, братъ,—что и какъ у васъ?—не худо бы и тебѣ писнуть ко мнѣ, да побольше. Что и какъ ты, Леонора Яковлевна и маленькая Зинаида? Всѣ ли вы здоровы и счастливы? Что и какъ Никаноръ?—Вотъ уже прошло шесть мѣсяцевъ, т. е. ровно полгода со времени его неудачнаго экзамена. Въ это время много бы можно было сдѣлать: сдѣлалъ ли онъ хоть сколько нибудь? Новый годъ на дворѣ, а отъ него до Пасхи уже не столько можно сдѣлать, а отъ Пасхи до экзаменовъ—и того меньше. Не мѣшало бы ему порадовать меня чѣмъ-нибудь. Вѣдь онъ столько времени и такъ тяжко печалилъ меня. Пора мнѣ узнать—есть ли у меня братъ, или нѣтъ его. Какъ онъ ведетъ себя? Доволенъ ли ты имъ, довольна ли имъ Леонора Яковлевна? Бога самого ради—не оставь меня въ тяжеломъ невѣдѣніи на счетъ всего этого, и если худо—то скажи все прямо и откровенно; если хорошо, то и Никанору будетъ хорошо. Скоро у меня будутъ средства—и я уже не

допущу его терпѣть никакой нужды. Если поступитъ въ университетъ, то побываетъ и въ Петербургѣ. Что̀ Петя? Если все таковъ-же, то худо. А вы его губите, не беря мѣръ противъ того, въ чемъ мы его подозрѣвали, и въ чемъ я совершенно увѣренъ. Спасите его и для него, и для себя, и для отца съ матерью.

Кланяйся Алешѣ и поцѣлуй его. Скажи ему, что письмо его я получилъ, и что стыдно-де ему писать ко мнѣ съ оговорками, какъ къ чужому. Я всегда любилъ его и буду любить за его благородный характеръ и доброе сердце, и всегда готовъ ему служить всѣмъ, чѣмъ могу, какъ и онъ мнѣ служилъ. Съ Исаевымъ я недѣли двѣ не видался и на дняхъ увижусь. Онъ, кажется, едва-ли въ состояніи развѣдать о дѣлѣ; но онъ къ Алешѣ очень расположенъ. Кстати: я напишу къ Агашѣ письмо о петербургскихъ подвигахъ Алеши, какъ онъ ночью крался къ хозяйской дѣвченкѣ и щекоталъ ей ноги. Какова досада: мы съ нимъ жили въ Питерѣ нѣсколько времени, и не знали объ этомъ. Поцѣлуй его—да хорошенько.

Поклонись Дарьѣ Титовнѣ и скажи ей, что надѣюсь къ лѣту начисто съ нею раздѣлаться, и черезъ мѣсяцъ рублей полсотни, а можетъ и больше прислать (въ то же время пришлю и къ тебѣ особо). Кланяйся Ванѣ, увѣдомь меня и о немъ, какъ онъ и что̀. Кстати: какъ я былъ въ послѣдній разъ въ банѣ, то отдалъ ему образокъ съ шеи, а онъ, по своему обыкновенію, забылъ его мнѣ отдать. Это меня мучило всю дорогу, да и теперь мучитъ: образокъ этотъ мнѣ дорогъ. Бога самого ради постарайся поскорѣе переслать ко мнѣ его. Коли самъ не можешь, отдай его Боткину, объяснивъ ему мою просьбу. Скажи Никанору, чтобы низко и усердно поклонился отъ меня Аннѣ Максимовнѣ Петровой и всему ея семейству, присутствующимъ и отсутствующимъ. А ты поклонись отъ меня доброму Павлу Дмитріевичу Савельеву и всѣмъ, кто меня помнитъ и мною интересуется.

Познакомился я почти со всѣми литераторами, и всѣ меня очень хорошо приняли. Со всѣмъ тѣмъ, хоть бы сейчасъ въ Москву, чтобы и не возвращаться въ Петербургъ. Коли будешь писать въ Пензенскую губернію—кланяйся отъ меня всѣмъ пренизко, низко. Сбираюсь ко всѣмъ писать, да дѣла пропасть, хлопотъ бездна, знакомства не перечтешь. Однако соберусь-же.

Прощай, мой милый. Крѣпко, крѣпко жму твою руку. По-

вѣрь мнѣ, что я тебя знаю и цѣню, и люблю. Будь тѣмъ, что ты есть, и не старайся быть чѣмъ-нибудь другимъ—при этомъ условіи тебя нельзя не любить. Что касается до твоей ко мнѣ любви—я знаю ее, и ты объ этомъ—ни слова. Зачѣмъ слова, когда ясно дѣло. Пожалуйста, пиши ко мнѣ больше, больше, и скорѣе. Еще разъ жму твою руку и цѣлую тебя.

Твой В. Бѣлинскій.

Вотъ мой адресъ:

Въ контору Отечественныхъ Записокъ, на Невскомъ проспектѣ у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви. В. Г. Бѣлинскому. Больше ничего.

Къ К. С. Аксакову. 10 января, 1840.

Спб. 1840, января 10-го.

Любезный Константинъ, Панаевъ сію минуту прочелъ мнѣ твое письмо къ нему. Прошу тебя дружески извинить меня за мое къ тебѣ письмо, грязное и не эстетическое, которое такъ глубоко оскорбило твое чувство. Повѣрь мнѣ, что я не имѣлъ никакого намѣренія оскорблять тебя, а признаюсь въ грѣхѣ—хотѣлъ только шутя намекнуть тебѣ на нѣкоторыя истины. Вижу, что поступилъ неловко. Я забылъ, что не ко всѣмъ можно являться въ халатѣ, а къ однимъ во фракѣ, къ другимъ въ сюртукѣ, смотря по отношеніямъ. Вижу—и мнѣ это горько,—что главная ошибка моего письма — въ адресѣ. Еще разъ прости меня, и будь увѣренъ, что впередъ личность моя будетъ являться къ тебѣ для тебя, а не для себя и тебя вмѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, странно требовать, чтобы состояніе нашего духа равно интересовало всѣхъ, особенно когда мы увѣрены, что нѣкоторыхъ оно интересуетъ всегда и во всякомъ видѣ. Еще разъ—прости.

Благодарю тебя, любезный Константинъ, за твое вниманіе и ласки моему брату: я смотрю на нихъ, какъ на благодѣяніе для него и право на вѣчную мою благодарность. Если онъ тебѣ бываетъ иногда въ тягость—не церемонься съ нимъ, а главное, говори ему всегда правду безъ прикрасъ и, какъ мальчику, а не взрослому, удерживай отъ резонерствъ и самолюбія, къ которымъ онъ удивительно какъ наклоненъ. Будь увѣренъ, милый

Константинъ, что несмотря на все, я люблю тебя. Не знаю, до какой степени простирается моя любовь къ тебѣ, но знаю, что все, что̀ я услышу о тебѣ такого, чего бы не желалъ о тебѣ слышать, искренно огорчитъ меня, а все, что̀ желалъ бы слышать о тебѣ—искренно порадуетъ меня. Я увѣренъ, что, долго не видавшись, при свиданіи, каждый изъ насъ удивится, что обрадовался другому больше, чѣмъ думалъ... Крѣпко, крѣпко жму твою руку, мой добрый и благородный Константинъ, и не прошу тебя о любви и дружбѣ, будучи въ нихъ такъ увѣренъ, что не повѣрилъ бы самому тебѣ, еслибы ты вздумалъ меня разувѣрять въ нихъ. Если тебѣ покажется такъ,—не вѣрь себѣ, и я давно уже не вѣрю себѣ въ подобныя минуты. Для меня враждебность стала любовью, и только равнодушіе къ человѣку есть не обманчивый признакъ, что я его не люблю. А къ тебѣ я очень неравнодушенъ, потому что часто остервеняюсь противъ тебя. Что̀ дѣлать! Я люблю по своему. Увѣдомь меня подробнѣе о впечатлѣніи, которое произвела моя статья объ «Очеркахъ» Ѳ. Н. Глинки. Твое извѣстіе о неблагопріятности этого впечатлѣнія обезпокоило меня, какъ опасеніе за успѣхъ подписки на журналъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ порадовало. Лишь бы не смотрѣли равнодушно, а бранить—съ Богомъ: это доказательство дѣйствительности идеи и нѣкоторымъ образомъ моего служенія ей. Сперва посердятся, а тамъ и помирятся: это всегда такъ бываетъ.

Какъ моя статья кажется тебѣ? Бога ради—правду безъ оговорокъ. Пріѣхавши въ Питеръ, я увидѣлъ, что еще не умѣю писать—надо переучиваться, и я переучиваюсь. Никогда не сознавалъ я такъ ясно поверхности и недостатковъ своихъ писаній, какъ теперь. Пребываніе въ Питерѣ для меня тяжело—никогда я не страдалъ такъ, никогда жизнь не была мнѣ такимъ мученіемъ, но оно для меня необходимо. Я бы желалъ и тебѣ пожить въ этой отрицательно-полезной сферѣ. Какова Боткина статья о музыкѣ! Когда я прочелъ ее, мнѣ стало грустно за свои статьи. Панаевъ отъ нея безъ ума, читалъ ее другимъ разъ пять и выучилъ наизустъ. 1 № «Отечественныхъ Записокъ» интересенъ. Стихотворенія всѣ знакомы тебѣ, кромѣ Лермонтова. Каковъ его «Терекъ»? Дьявольскій талантъ! Присылай намъ своего, только съ условіемъ sine qua non — отдавай переписывать. Я привезъ съ собою въ Питеръ твою статью о Шиллерѣ и отдалъ Краевскому. Такъ какъ для «Литературной Газеты» она велика

и серьезна, подъ отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ» не подходитъ, то Краевскій и хотѣлъ ее помѣстить въ смѣси 1 № и отослалъ въ типографію, но получилъ обратно съ увѣдомленіемъ, что ни одинъ наборщикъ не въ состояніи разобрать въ ней ни единой буквы. Въ 1 № «Отечественныхъ Записокъ» моихъ двѣ статьи: о «Горѣ отъ ума» и о Менцелѣ (эта поизуродована цензурою, а въ началѣ ея NB. первая оплеуха Сенковскому, вторая Надеждину, а 3-я Гречу, который на своихъ публичныхъ чтеніяхъ тѣшилъ публику фразами изъ моей статьи, какъ образчиками галиматьи). Рецензіи почти всѣ мои, и одна изъ нихъ, о «Критическихъ очеркахъ» Полевого, почти въ $1^1/_2$ листа. Если пропустятъ, то увѣренъ, что послѣдняя не только понравится тебѣ, но и приведетъ тебя въ восторгъ. Бога самого ради, увѣдомь меня тотчасъ же, какое произведетъ впечатлѣніе статья о «Горѣ отъ ума» на Гоголя. Я что-то и почему-то не ожидаю хорошаго,—но во всякомъ случаѣ не церемонься: надо все знать.

Радуюсь твоей новой классификаціи: Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь, но и дивлюсь ей. Куда же дѣвался Гете? О, юноша! пылка душа твоя, и я люблю ея прекраснодушную пылкость! Вотъ мы и сошлись съ тобою; только у меня на мѣстѣ Гоголя стоитъ Пушкинъ, который всего поглотилъ меня, и котораго чѣмъ болѣе узнаю, тѣмъ болѣе не надѣюсь узнать. Это Россія и единственный русскій національный поэтъ, полный представитель жизни своего народа. Да, великъ Гоголь, поэтъ міровой: это для меня ясно, какъ 2+2=4; но... Пушкинъ... Впрочемъ, надо еще подождать. Эти вещи трудны для выговариванія. Впрочемъ, личное знакомство съ поэтомъ лучше знакомитъ съ его твореніями, или, по крайней мѣрѣ, усугубляетъ наслажденіе превозносить его.

Интересно мнѣ знать, что̀ ты скажешь о Ломоносовѣ. Ужъ вѣрно не то, что̀ говорятъ и что̀ не сто́итъ быть говоримымъ. По крайней мѣрѣ, со стороны его вліянія на словесность я крѣпко усумнился. Говорятъ, что онъ въ литературѣ Петръ, а мнѣ кажется, что даже и не Меншиковъ.

Видѣлъ Крылова и, признаюсь, съ умиленіемъ смотрѣлъ на этого старца-младенца, о которомъ можно сказать: «сей остальной изъ стаи славной». Видѣлъ Жуковскаго, въ тотъ вечеръ, какъ на него всѣ напали за намѣреніе продать Гоголя Смирдину. Жуковскій—это воплощенное прекраснодушіе. Въ дѣлахъ жизни онъ даже и не юноша, а меньше, чѣмъ ребенокъ. Во

внутренней жизни онъ юноша, и я глубоко уважаю его юношество.

Портретъ кн. Одоевскаго во «Сто литераторовъ» еще подъ сомнѣніемъ. По крайней мѣрѣ, онъ отрекся при мнѣ отъ согласія. Чуть ли это не штучка подлеца Полевого. Успокой Николая Филипповича, которому, кстати, и поклонись отъ меня. Да, пожалуйста, дай ему знать, что въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» писалъ о его повѣстяхъ не я, а Межевичъ. Я такихъ пошлостей не писывалъ. Ужъ еслибы лукавый дернулъ сподличать, то все не такъ глупо.

Мой искренній поклонъ Сергѣю Тимоѳеевичу. Вѣрь, Константинъ, что я уважаю твоего отца искренно, хотя онъ, какъ мнѣ кажется, и предубѣжденъ противъ меня. Что нужды! Я радъ, что мои предубѣжденія противъ него кончились. Наши лѣта и понятія разнятъ и рознятъ насъ, но я тѣмъ не менѣе уважаю его за вѣрное чувство поэзіи и за добрый и благородный характеръ. Да, въ Петербургѣ такихъ людей не много. Поклонись отъ меня Гоголю и скажи ему, что я такъ люблю его, и какъ поэта, и какъ человѣка, что тѣ немногія минуты, въ которыя я встрѣчался съ нимъ въ Питерѣ, были для меня отрадою и отдыхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ даже не хотѣлось и говорить съ нимъ, но его присутствіе давало полноту моей душѣ, и въ ту субботу, какъ я не увидѣлъ его у Одоевскаго, мнѣ было душно среди этихъ лицъ и пустынно среди множества. М. С. Щепкину и всему запорожскому семейству правь челобитье великое и не жалѣй лба. Еслибы ты былъ сильнѣе Митьки, я бы попросилъ тебя прибить его за то, что не пишетъ ко мнѣ.

Кланяйся всѣмъ, кто помнитъ меня.

Жму твою руку и обнимаю тебя.

Твой неистовый Виссаріонъ.

Панаевъ изъ рукъ вонъ: глупъ—мочи нѣтъ. Да ты самъ это знаешь. Книга о ноздренномъ дыханіи у князя есть своя, и потому не хлопочи. Отвѣчай мнѣ поскорѣе, буду съ нетерпѣніемъ ждать отвѣта, да пиши поразборчивѣе. Лажечниковъ очень доволенъ твоимъ знакомствомъ. Онъ очень тебя понравилъ.

Къ В. П. Боткину. 3—10 февраля, 1840.

Спб. 1840, февраля 3.

Не только давно сбираюсь и сбирался я писать къ тебѣ, мой милый и безцѣнный Боткинъ, но уже давно писалъ и пишу, какъ покажетъ это куча вздору, приложеннаго къ сему посланію, и выставленныя на ней числа. Причина моего молчанія—состояніе моего духа, страждущее, рефлектирующее, резонерствующее. Да, я не знаю свѣтлыхъ минутъ, самое страданіе посѣщаетъ меня въ рѣдкія, очень рѣдкія минуты. Въ душѣ моей сухость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и пр. и пр. Вѣра въ жизнь, въ Духа, въ дѣйствительность отложена на неопредѣленный срокъ—до лучшаго времени, а пока въ ней—безвѣріе и отчаяніе. Не могу завидовать блаженству пошляковъ — ненавижу и презираю его всѣми силами моей дико-страстной натуры, но, право, часто жалѣю, зачѣмъ я не рожденъ однимъ изъ этихъ господъ: по крайней мѣрѣ зналъ бы хоть какое-нибудь довольство и удовлетвореніе. А теперь не знаю никакого и потерялъ надежду узнать когда-нибудь. Въ душѣ моей отчаяніе и ожесточеніе. Тяжело мнѣ было во время нашей ссоры, когда, заснувши въ кругу друзей, я проснулся одинъ, оставленный и презрѣнный кровными, да, ужасно было это состояніе, но оно — рай, блаженство, въ сравненіи съ теперешнимъ. Тогда я еще зналъ грусть и слезы, былъ полонъ надежды на жизнь; теперь... И между тѣмъ мое мученіе нисколько не однообразно: каждая минута даетъ мнѣ новое, и потому я не могу кончить къ тебѣ ни одного письма: начавъ вчера, нынче вижу, что не то. Петербургъ былъ для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе. Это было необходимо, и лишь бы послѣ стало лучше, я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти гнусныя финскія болота. Но пока, это невыносимо, выше всякой мѣры терпѣнія. Знаешь ли что, другъ! Мы не такъ прекраснодушны, какъ и теперь еще думаемъ о себѣ: насъ губилъ китаизмъ, а не прекраснодушіе. Мы весь Божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ. Появилось стихотвореніе, повѣсть — восхитили тебя, меня, Каткова и прочихъ чудаковъ, а мы и говоримъ, что публика поняла это сочиненіе. Чтобъ узнать, что такое русская читающая публика, надо пожить въ Петербургѣ.

Представь себѣ, что двое литераторовъ приняли мою ругательную, наглую статью о романѣ Каменскаго за преувеличенную похвалу и наглую лесть Каменскому, и упрекали за то Краевскаго. Вотъ вамъ и публика! Что же сказать о моихъ дѣльныхъ статьяхъ? Для кого онѣ пишутся? Что же сказать о моемъ нелѣпѣйшемъ и натянутомъ вступленіи въ разборъ брошюрокъ о бородинской битвѣ, которымъ всѣ восхитились? Дорого далъ бы я, чтобы истребить его. Китаизмъ хуже прекраснодушія. Ключниковъ когда-то сказалъ, что дѣльная статья должна научить незнающаго и удовлетворить знающаго. Учить я васъ никогда не могъ, но самъ многимъ вамъ обязанъ, но иногда удовлетворялъ васъ: теперь и этого не ждите. Со 2 № «Отечественныхъ Записокъ», т.-е. съ статьи о Марлинскомъ, пишу не для васъ и не для себя, а для публики. Собственное удовлетвореніе и вашъ восторгъ отнынѣ — доказательство, что статья неудачна. Тебѣ жестоко не понравилась моя статья о Лажечниковѣ въ «Наблюдателѣ»: вотъ такія-то статьи и буду писать. Ихъ будутъ читать, и онѣ будутъ полезны; а я чувствую, что совсѣмъ не авторъ для немногихъ. Вообще, если бы я побывалъ у васъ, вамъ показалось бы, что нюхнулъ петербургскаго душку и захватилъ его холодку, но вы ошиблись бы: я только поумнѣлъ, хотя отъ этого сталъ не счастливѣе, а несчастнѣе. Самая убивающая истина лучше радостной лжи: я глубоко сознаю, что неспособенъ быть счастливымъ черезъ ложь, какую бы ни было, и лучше хочу, чтобы сердце мое разорвалось въ куски отъ истины, нежели блаженствовало ложью. Жаль, что я прежде не зналъ этого: многихъ глупостей, о которыхъ тяжело вспомнить, не сдѣлалъ бы я.

Боткинъ, я разстался съ тобой ледовито-холодно, и въ Питерѣ ты долго былъ для меня абстрактнымъ понятіемъ и холоднымъ воспоминаніемъ. Много ты сдѣлалъ для меня—я это видѣлъ, но до всего этого мнѣ не было никакого дѣла, какъ будто и не относилось ко мнѣ. Для меня было все равно—ѣхать и не ѣхать, умереть и жить, похоронить тебя или видѣть живымъ. Мнѣ кажется, что я и не помирился съ тобою, что оскорбленіе только было парализировано во мнѣ, но не умерло. Дружба мнѣ представлялась чувствомъ холоднымъ—обмѣномъ тщеславія, результатомъ привычки, пустоты, праздности и эгоизма. Мало того: дружба сдѣлалась мнѣ ненавистна, и я не могъ затаить отъ себя чувства удовольствія, что ни тебя и никого изъ на-

шихъ не увижу. Да, мой Василій, есть раны глубокія, послѣ которыхъ долго остаются шрамы. Но вотъ, 15 декабря, я обѣдалъ съ Панаевымъ и Языковымъ у Заикина, и такъ какъ я только что получилъ 12 № «Отечественныхъ Записокъ», то и захватилъ его съ собою. Послѣ обѣда Панаевъ прочелъ вслухъ твою статью — и все во мнѣ воскресло, и я вновь принялъ тебя въ себя, и какъ будто кора спала съ меня, мнѣ стало и легко, и больно, какъ выздоравливающему. Панаевъ читалъ съ неистовымъ восторгомъ (дня въ два послѣ онъ перечиталъ ее человѣкамъ десяти и знаетъ наизустъ), а Заикинъ, слушая, плакалъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая глубокость мысли, и какъ поэтически и опредѣленно выразилась она! Вотъ какъ надо писать! Мнѣ было и больно, и стыдно за мои бѣдныя статьи—сіи инфузоріи, никогда не возвышающіяся до выразительнаго опредѣленія. Но чортъ съ ними; дѣло въ томъ, что съ той минуты и до сей не было дня, чтобы душа моя не чувствовала тебя въ себѣ, и что ни просится изъ нея во-внѣ — все просится къ тебѣ. Можетъ быть, тутъ много значитъ и мой эгоизмъ, но какъ бы то ни было, только я ясно сознаю, никого я такъ не любилъ, какъ тебя, и ни къ кому ближе не хочется мнѣ быть. Ужъ сколько разъ сбирался я писать къ тебѣ, но неопредѣленность моего положенія, множество работы и душевный адъ, при апатіи и лѣности, мѣшали. Ахъ, Боткинъ, Боткинъ, полетѣлъ бы къ тебѣ хоть на минуту, поговорилъ бы хоть часокъ — легче было бы жить въ Питерѣ послѣ того. Бога ради, что твои дѣла? Ни слуху, ни духу. О старикѣ не хочу говорить ни слова. Рѣшеніе Александры Александровны благородно, и я за него только больше уважаю ее, но еще сталъ бы больше уважать, еслибы оно перемѣнилось на другое, новое. Что смотрѣть на комедіи этихъ людей, не стоющихъ ни любви, ни довѣрія, ни уваженія, ни состраданія, ни даже—презрѣнія. Это меня убьетъ—пустая фраза изъ мѣщанской мелодрамы: живущи, ихъ чортъ не убьетъ! И Панаева мать грозилась умереть, однакожъ живетъ и вѣрно переживетъ и сына и невѣстку. Видѣлся я съ Герценомъ: хорошій человѣкъ, но въ Питерѣ ему не такъ будетъ скучно, какъ мнѣ. Кланяйся ему. Ты познакомился съ С.—кланяйся ему, да выпроси у него мои глупыя письма, если онъ не сдѣлалъ изъ нихъ приличнаго употребленія, боясь жесткости бумаги. Кланяйся имъ всѣмъ. Да что ты, шутъ куриный, прислалъ мнѣ недоконченную поэму и стихи на Нелѣпаго (коего облобызай съ

подобающимъ чувствомъ — въ Питерѣ такихъ чудаковъ нѣтъ): ты знаешь, какой я охотникъ до такихъ штукъ. Высылай мнѣ статью о Римѣ—очень нужна, да нѣтъ ли чего для «Отечественныхъ Записокъ»? Кланяйся милому Грановскому. Нельзя ли и ему утѣшить меня дружескимъ посланіемъ строкъ въ двадцать? А что-жъ его статья для «Отечественныхъ Записокъ»? Стыдно ему не принять участія хотя и въ глупомъ, но благомъ дѣлѣ! А что Рѣдькина посулъ? Хорошенько за бока шепеляваго профессора: онъ обѣщалъ, а Краевскій низко бьетъ челомъ. Нѣтъ ли чего отъ Станкевича и о Станкевичѣ? Пересталъ ли дичить Катковъ? Умоляй его дѣлать для «Отечественныхъ Записокъ», да и дѣлать не для немногихъ. Вотъ навязалъ же чортъ страстишку. Будь я богаче Ротшильда—не перестану писать не только большихъ критикъ, даже рецензій. Какъ мнѣ ни тяжело, но работаю дюже и безъ рефлексіи—худо ли, хорошо ли — но перо трещитъ, чернилъ не успѣваю подливать, бумаги исходитъ гибель. Видно, ужъ такъ Богъ уродилъ, и потому вышелъ уродъ — физическій и моральный. Статья моя о Менцелѣ искажена цензурою, особенно мѣсто о различіи нравственности и морали — недостаетъ почти страницы, и смыслъ выпущенъ весь. Ахъ, други, други, вы въ Москвѣ, а я, чортъ знаетъ, гдѣ. Еслибъ и пріѣхалъ я въ Москву, то убѣжалъ бы только отъ Петербурга, а не отъ себя. Одинъ, одинъ! Ни угла въ мірѣ, ни сердца родного—страшно. Если умереть легко значитъ ни съ чѣмъ не разстаться, разставаясь съ жизнію — нигдѣ такъ не легко умереть, какъ въ Питерѣ. Ахъ, еслибы деньги—уѣхалъ бы за-границу, чтобы поскучать и тамъ для разнообразія. Кстати о деньгахъ: мнѣ передъ тобою крайне совѣстно, но это вина обстоятельствъ... [1]). Вѣроятно, я скоро получу отъ Краевскаго мои 2000 за прошлый годъ—тогда съ тобою съ первымъ расквитаюсь.

И въ Питерѣ есть люди, но они слывутъ дураками, и мнѣ кажутся колонистами. Истинное мое утѣшеніе—Языковъ. Дивная натура, какихъ мало не только въ Питерѣ, но и въ Божьемъ мірѣ. По развитію онъ рѣшительный нуль передо мною, но передъ его натурою я уничтожаюсь меньше, чѣмъ до нуля. Впрочемъ, о немъ нельзя писать—и въ разговорѣ немного скажешь—надо его видѣть. Чудакъ единственный, одинъ изъ тѣхъ людей, которые и въ глупостяхъ велики, сами того не зная. Безъ него

---

[1]) Слова три вырѣзано, къ концу листка.—*Прим. А. П.*

мнѣ хоть умирать—и только съ нимъ я знаю иногда божественныя минуты. Я для него былъ истиннымъ откровеніемъ, какъ толчокъ къ пробужденію; онъ для меня — непосредственное откровеніе. Почему-то ужасно любитъ тебя и мечтаетъ о знакомствѣ съ тобою, какъ, Богъ знаетъ, о чемъ. А когда прочелъ твою статью,—бредитъ тобою. У него душа музыкальная, слухъ дьявольски-вѣрный — споетъ тебѣ, что угодно, только бы разъ услышать; а между тѣмъ для музыки сдѣлалъ онъ меньше, чѣмъ я для нѣмецкаго языка. Панаевъ прекраснодушничаетъ—Москва была для него откровеніемъ. Въ его душѣ много силъ, натура богата элементами, но онъ, чортъ знаетъ что—инфузорій. Плохо было наше развитіе и воспитаніе, но его въ 100 разъ хуже. Заикинъ — вотъ человѣкъ, который оказался такимъ, какимъ его и подозрѣвать нельзя: глубокая натура, душа музыкальная, нѣжная, способность страдать безконечная, скромность до нельзя. Жаль, что я не узналъ его прежде, жаль, что и ты не зналъ его. Кстати: я живу у него. Чудакъ зоветъ меня въ Берлинъ, предлагая все, что для этого нужно: сверхъ души и сердца, необходимое обезпеченіе на время пребыванія. Но мнѣ нельзя и думать объ этомъ.

Братъ Мишеля чудный малый. Вотъ такого прекраснодушія нельзя не любить: въ немъ все—и до женственности милая непосредственность, и огненная душа, кипящая избыткомъ мужескихъ силъ, и дѣятельное стремленіе къ истинѣ, и скромность, отсутствіе всякихъ претензій. Разумѣется, что наши лѣта и положенія не могутъ допустить дружбы и даже близкой пріязни—я ужъ взрослый, хотя и искаженный человѣкъ, онъ дитя, хотя и обѣщающее дивное мужество, но мнѣ съ нимъ пріятно проводить время, и онъ никогда не бываетъ мнѣ въ тягость. Я говорю съ нимъ о Прямухинѣ и о всемъ принадлежащемъ къ нему: въ душѣ возникаютъ образы, прошедшее оживаетъ—и душѣ и больно, и сладостно. Боткинъ, что онѣ, какъ онѣ, онѣ, вѣчно живыя и незабвенныя для меня?—Что Варвара Александровна? Нѣтъ, чортъ возьми, и мнѣ жизнь дала кое-что: кто зналъ ихъ, тотъ не напрасно жилъ.

Кстати. Мысли мои объ Unsterblichkeit снова перевернулись: Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству. Мишель—погладь его по курчавой головѣ—много тутъ участвовалъ. Нѣтъ, объективный міръ—страшенъ, и мы съ тобою скоренько порѣшили важный вопросъ. Но объ этомъ зри письмо

къ Каткову, которое сей, странно-аттестующій себя юноша, получитъ вскорѣ послѣ сего посланія къ тебѣ, равно какъ Кудрявцевъ и Ключниковъ, о каковой радости и извѣсти. Письмо мое покажи Кудрявцеву. Страстно люблю сего поэтическаго юношу, и мою любовь онъ дѣлитъ съ Кольцовымъ, хотя та и другая—не похожи другъ на друга. Ей богу, мочи нѣтъ, какъ люблю обоихъ. Къ послѣднему тоже скоро пишу. Богатырь да и только—каковъ его «Хуторокъ»? А каковы Лермон. . . [1]).

Февраля 9.

Вотъ тебѣ, Боткинъ, и интервалъ—съ 3 числа скачокъ на 9. Это очень вѣрно характеризуетъ мою жизнь и состояніе моего духа (впрочемъ, теперь во мнѣ духа нѣтъ ни на грошъ). По крайней мѣрѣ, ты и изъ этихъ скачковъ увидишь, что я не писалъ къ тебѣ не по равнодушію къ тебѣ, и бесѣдовалъ съ тобою чаще, нежели ты предполагалъ. Итакъ, о Лермонтовѣ. Каковъ его «Терекъ»? Чортъ знаетъ — страшно сказать, а мнѣ кажется, что въ этомъ юношѣ готовится третій русскій поэтъ, и что Пушкинъ умеръ не безъ наслѣдника. Во 2 № «Отечественныхъ Записокъ» ты прочтешь его «Колыбельную пѣсню казачки»—чудо! А это:

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ.
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!

Какъ безумный, твердилъ я и дни и ночи эту чудную молитву,—но теперь я твержу, какъ безумный, другую молитву:

И скучно, и грустно!.. И некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды!..
Желанья!.. Что пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!

---

[1]) Обрѣзано на оборотѣ 4-го листка письма.—*Прим. А. П.*

Любить... но кого же?.. на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь?—Тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и мука, и все тамъ ничтожно.
Что страсти?.. Вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ —
Такая пустая и глупая шутка...

Эту молитву твержу я теперь потому, что она есть полное выраженіе моего моментальнаго состоянія. Повѣришь ли,—другъ Василій,—всѣ желанія умерли, ничто не манитъ, не интересуетъ, даже чувственность молчитъ и ничего не проситъ. А дня черезъ два надо приниматься за статью о дѣтскихъ выпускахъ, гдѣ я буду говорить о любви, о благодати, о блаженствѣ жизни, какъ полнотѣ ея ощущенія, словомъ, обо всемъ, чего и тѣни, и призрака нѣтъ теперь въ пустой душѣ моей. Полнота, полнота! Чудное, великое слово! Блаженство не въ абсолютѣ, а въ полнотѣ, какъ отсутствіи рефлексіи при живомъ ощущеніи въ себѣ того участка абсолютной жизни, какой данъ тому или другому человѣку. Что моя абсолютность: я отдалъ бы ее, еще съ придачею послѣдняго сюртука, за полноту, съ какою иной офицеръ спѣшитъ на балъ, гдѣ много барышенъ, и скачетъ штандартъ. Скучно, другъ Тряпичкинъ,—ей богу, хоть бы умереть!

Вчера я провелъ пріятно вечеръ съ Николаемъ Бакунинымъ—вотъ, братъ, человѣкъ-то—ай, ай! Какое глубокое, безконечно глубокое чувство—нѣтъ, не простое чувство, а вкусъ изящнаго! Я читалъ ему и то, и другое—наконецъ, Иліаду—каждое слово, каждый стихъ отражается у него на лицѣ. Мало на свѣтѣ людей съ такимъ глубокимъ чувствомъ изящнаго—онъ созданъ для искусства, а между тѣмъ страстно любитъ и математику, всѣмъ интересуется и всѣмъ занимается—вотъ полная-то натура! Я съ нимъ очень хорошо сошелся, и онъ всегда у меня—гость во время. Я не налюбуюсь его прекраснодушіемъ—оно въ тысячу разъ выше нашего . . . . . болѣзненнаго и мальчишескаго прекраснодушія и даже нашей жалкой дѣйствительности—въ немъ сила, могущество, жизнь, дѣятельность, оно полно, цѣлостно, въ немъ слово и дѣло—одно и то же, оно не кричитъ и не говоритъ о себѣ, не вытаскиваетъ изъ себя ощущеньицъ, чтобы, лежа, большею частію, на кровати и думая объ испанскихъ дѣлахъ, разсматривать его и копаться въ этой дряни. Да, братъ,

мы такъ искажены и исказнены, что страшно подумать. Ты всѣхъ меньше—я всѣхъ больше, у тебя оправданіе въ семейныхъ обстоятельствахъ, въ зависимости отъ аршиннаго взгляда на воспитаніе и жизнь, отъ амбара—у меня ни въ чемъ, или чортъ знаетъ, въ чемъ. Мишель еще счастливъ пока—у него пресчастливая способность по волѣ своей давать цвѣтъ и смыслъ дѣйствительности, онъ забралъ себѣ въ голову, что его спасеніе не дѣятельность, не миръ съ дѣйствительностью, а Берлинъ, и скачетъ туда уже лѣтъ пять по воздушной почтѣ, ни разу не подумавши въ это время о пріобрѣтеніи средствъ службою или уроками. Точь-въ-точь, какъ я, съ тою только разницею, что я давно уже пересталъ ожидать перемѣны въ судьбѣ отъ чуда, а въ дѣйствительности вижу—гибель свою.

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней.
. . . . . .
Я увялъ, и увялъ
Навсегда, навсегда,
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда.

Да, онъ насталъ—грозный разсчетъ съ дѣйствительностію—завѣса съ глазъ спадаетъ, лѣность сдѣлалась второю натурою, апатія — нормальнымъ состояніемъ, а восторгъ, проникновеніе истиною—болѣзненнымъ состояніемъ. Внѣшнія обстоятельства ужасны, и мысль о нихъ жалитъ душу, а поправить ихъ нѣтъ возможности: чуда не свершается, а обыкновеннымъ образомъ—надо сперва переродиться. Что-жъ въ будущемъ? Одно: слезы и грусть о потерянномъ раѣ, и то минутами, и всегдашнее сознаніе своего паденія на смерть, на вѣчность. Жизнь—ловушка, а мы—мыши, инымъ удается сорвать приманку и выйти изъ западни, но большая часть гибнетъ въ ней, а приманку развѣ понюхаетъ. Говорятъ—и мы съ тобою это порѣшили передъ моимъ отъѣздомъ въ Питеръ—что она—einmal; глупая комедія — чортъ возьми. Будемъ же пить и веселиться, если можемъ, нынѣшній день нашъ—вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва! Живетъ одно общее, а мы—китайскія тѣни, волны океана—океанъ одинъ, а волнъ много было, много есть и много будетъ, и кому дѣло до той или другой? Да, жизнь—игра въ банкъ—сорвалъ—твое, сорвали—бросайся въ рѣку, если боишься быть нищимъ. Въ жизни одно мгновеніе—пропустилъ его—и поѣзжай въ Берлинъ

по воздуху, или живи въ Питерѣ, да глотай кровавыя слезы, или просто зѣвай протяжно и съ чувствомъ. Съ Николаемъ Бакунинымъ ничего этого не будетъ—другая натура, чѣмъ у насъ, и со мною и братомъ онъ сошелся, когда уже мы не опасны для него, а только полезны, какъ гибельный примѣръ. Наше общее прекраснодушіе, и въ особенности Ключникова и Аксакова, произвели во мнѣ бѣшенство, болѣзненную ненависть противъ прекраснодушія, но примѣръ Николая Бакунина миритъ меня съ прекраснодушіемъ, какъ съ великимъ моментомъ души, безъ котораго жизнь—офицерство или чиновничество. А между тѣмъ Николай Бакунинъ любитъ свое офицерство, любитъ военную службу и хочетъ навсегда остаться въ ней. Разумѣется, я это одобряю и поддерживаю его въ благородномъ рѣшеніи. Горе человѣку, если онъ ограничивается быть только человѣкомъ, не присовокупляя къ этому абстрактному и громкому званію званія ни купца, ни помѣщика, ни офицера, ни чиновника, ни артиста, ни учителя. Общество покараетъ его. Эту кару я уже чувствую на себѣ. Если можно будетъ приткнуться къ какому-нибудь оффиціальному журналу, непремѣнно сдѣлаю это. Оно дастъ и имя въ обществѣ, безъ котораго человѣкъ—призракъ, и обезпечитъ на случай болѣзни и на другіе случаи. Ахъ, Боткинъ, всею силою любви, которой такъ много дала тебѣ твоя благодатная природа, дѣйствуй на Каткова: онъ лучше всѣхъ насъ, но въ немъ много нашего, т.-е. лѣни и мечтательности, рефлексіи и фразерства. Да не погибнетъ онъ, подобно мнѣ и другимъ, отъ недостатка дѣятельности, отъ развычки отъ работы, которая есть альфа и омега человѣческой мудрости, камень спасенія и условіе дѣйствительности. Кто не можетъ быть безъ дѣла, для кого день есть задача—сдѣлать то-то и столько-то,—только тотъ имѣетъ право сказать, что какъ ни мерзка жизнь, но и въ ней есть много прекраснаго: въ нашихъ же устахъ—это фраза.

Что Мишель? Что его воздушный Берлинъ? Я слышалъ, что онъ (не Берлинъ, а Мишель), наконецъ, раздѣлался съ своею глупою невинностію, съ которою носился, какъ курица съ яйцомъ. Я этому несказанно обрадовался. Это первый шагъ его въ дѣйствительность, и это, вѣрно, придастъ ему мягкости и человѣчестности, отнявъ сухость и жесткость. Сущность и поступки—великое дѣло! На днѣ ихъ . . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . на днѣ ихъ—мудрость. Авторъ «Ундины»—дѣвственникъ, и потому въ дѣлахъ жизни онъ глупъ, какъ сивый меринъ, и въ лицѣ его есть оттѣнокъ идіотства, похожій на Ал. Карташевскаго. Плетневъ (человѣкъ, который живетъ, чтобъ шутить и острить, и шутитъ и остритъ, чтобъ жить) говорилъ ему при мнѣ о Софьѣ Астафьевнѣ, но онъ ничего не понялъ. Когда же при Жуковскомъ острятъ на счетъ . . . . . .
. . . . . .—онъ это любитъ и идіотски ухмыляется.

Скажи Мишелю, что Краевскій ужъ не разъ спрашивалъ о его статьѣ—что-жъ она? Что онъ ее не шлетъ, и кончилъ ли онъ прочія, безъ которыхъ она не имѣетъ цѣлости? Выручили-ль вы отъ Мочалова «Ричарда II»? Торопи Кронеберга выправить V актъ. Если только цензура пропуститъ, «Ричардъ II» непремѣнно будетъ напечатанъ или въ «Отечественныхъ Запискахъ» или въ «Пантеонѣ», и переводчикъ получитъ слѣдующее ему. Нѣтъ ли у него и еще чего шекспировскаго—въ Питерѣ все можно сбыть и пустить въ ходъ. Питерская цензура очень добра, но и глупа—изъ рукъ вонъ. Въ статьѣ о Менцелѣ мѣсто о нравственности и морали лишено смысла. Стихи Лермонтова и Красова не пропущены въ «Отечественныхъ Запискахъ», а въ «Литературной Газетѣ», у которой другіе цензора, пропущены. Въ 2 № «Отечественныхъ Записокъ» стихи Ключникова «Знаете-ль ее?» напечатаны подъ названіемъ «Поэзія», ибо безъ этого условія цензура ихъ не пропускала, а какъ они были уже набраны, то и нельзя было ихъ выкинуть, ибо для Краевскаго минута замедленія для журнала—гибель.

Я видѣлъ «Роберта». Постановка—чудо, смѣшно и вспомнить о московскомъ «Робертѣ». Петровъ (Бертрамъ) великій актеръ онъ съигралъ передо мной роль свою, какъ геніальный актеръ. Но голоса у него для нея не хватаетъ—это ужъ и я тотчасъ понялъ. Еслибъ ему голосъ дурака Лаврова, я не пропустилъ бы «Роберта» ни разу. Самъ Робертъ (Леоновъ) скверный пѣвецъ и гнусный актеръ—тоже и Изабелла (Соловьева). Обо всемъ этомъ я было написалъ въ 4 письмѣ къ вамъ, да Волконскій (ми-

нистръ и цензоръ рецензій о театрѣ) зачеркнулъ. Видѣлъ «Стрѣлка» на нѣмецкомъ театрѣ. Славно! Пѣвцы вмѣстѣ и актеры. Стрѣлка выполняетъ Ферзингъ, Каспара—Брейтингъ. Когда послѣдній только готовился пѣть, мнѣ становилось страшно—какая могучесть и энергія! Заикинъ прежде былъ противъ Брейтинга, но теперь безъ ума отъ него. Я его познакомилъ съ «Стрѣлкомъ», и онъ съ ума было сошелъ. Агату выполняла Кунтъ—хорошая пѣвица, но гнусная актриса, съ манерами и штуками во всей отвратительности своей кухонной и колбасницкой національности. Постановка умная. Чортъ очень хорошъ—онъ въ красномъ плащѣ, безъ всякихъ московскихъ штукъ, простъ и хорошъ. Хоры недостаточны, по малочисленности хористовъ. Вообще, я немножко подвинулся къ музыкѣ, въ «Робертѣ» не дремалъ, но отъ многаго былъ въ удовольствіи, самъ не зная, почему. Тутъ много виноватъ Заикинъ—это музыкальная душа. Бываютъ минуты, когда душа моя жаждетъ звуковъ. Дорого бы я далъ, чтобы послушать въ твоей комнатѣ «Leiermann»; мнѣ кажется, я зарыдалъ бы, если бы, проходя по улицѣ, услышалъ подъ окномъ его чудные, граціозные звуки, которые глубоко запали въ мою душу. Когда Одоевскій при мнѣ заигралъ Лангерову «Съ Богомъ въ дальнюю дорогу»—во мнѣ душа заболѣла тоскою и радостью, услышавъ знакомые и милые звуки. Пожми руку доброму Лангеру. Я часто вспоминаю объ немъ. Хотя между нами и мало общаго, но я все-таки считаю его въ числѣ людей, за встрѣчу съ которыми на жизненномъ пути долженъ благодарить Бога. Расцѣлуй его мальчиковъ, да кстати ужъ и дѣвочку. Купи имъ гостинца и скажи, что это Бѣлинскій прислалъ имъ изъ Петербурга. Что Кирюша? Что его поѣздка въ Питеръ? Вообще, что и какъ онъ?

Тальони видѣлъ разъ—въ «Хитанѣ», и больше видѣть нѣтъ ни охоты, ни силъ. Да, хорошо, лучше Санковской; много граціи, но выходя изъ театра ничего не вынесешь. Только Петербургъ можетъ сходить съ ума отъ подобной невидали.

Милому Грановскому поклонъ и поклоненіе. Это человѣкъ съ волею, и нашъ братъ долженъ ему кланяться. Захотѣлъ и сдѣлалъ, и теперь знаетъ, что и кто онъ, для чего живетъ и для чего нуженъ. Его не испугала зависимость отъ казны, которая пугаетъ только слабовольныхъ мечтателей. Какимъ бы образомъ ни достигнуть цѣли, лишь бы достигнуть, и кто ро-

женъ для науки, тотъ найдетъ средства. Вотъ и Николай Бакунинъ будетъ въ Берлинѣ на казенный счетъ—и прекрасно. А ужъ поѣду съ тобою, Боткинъ, только не въ Берлинъ (на кой мнѣ его чортъ! Пропадай онъ), а въ Италію—тамъ чудное небо, чудная земля, великія созданія древняго языческаго искусства, чудныя женщины и прекрасный виноградъ—туда, туда!

Ахъ, Боткинъ, Боткинъ! съ какою бы радостію побылъ я хоть минутку въ милой Москвѣ, послушалъ бы царственнаго гула ея колоколовъ, взглянулъ бы на святой Кремль и на бодрыхъ московскихъ людей съ бородками. Въ Питерѣ и простой народъ не лучше чухонъ, офицеровъ и чиновниковъ... Извощики идіоты, погоняютъ лошадей кнутьями, тѣ бросаются въ сторону—ни ловкости, ни удальства—рожи гнусныя. А еслибъ часокъ посидѣть въ твоей комнатѣ—святители! Но увы! Мнѣ долго не видать Москвы, ради долговъ—каково встрѣтиться съ однимъ Андросовымъ—скоро ли я буду въ состояніи возвратить ему его тысячу.

Кланяйся всѣмъ, кто помнитъ меня. Поклонись Петру Кононовичу и Аннѣ Ивановнѣ и поблагодари ихъ за ласку и радушіе ко мнѣ. Въ Питерѣ, братъ, этого не встрѣтишь и научишься цѣнить. Равнымъ образомъ, засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе à mademoiselle Marie Botkinne и поцѣлуй у ней—ручку, а о большемъ, по свойственной мнѣ деликатности и стыдливости, просить не дерзаю, но предоставляю исполнить твоей догадливости. Какая милая дѣвочка—я часто вспоминаю о ней. Кстати: я, братъ, влюбленъ въ Ревекку Вальтера Скотта, которой изображеніе смотритъ на меня съ моей стѣны, кроткое, святое, дѣвственное, прекрасное, какъ сама красота, и красота романтическая. Боже мой, что еслибы увидѣть въ натурѣ такое божественное лицо—ай, ай, святители. Непремѣнно куплю и пришлю тебѣ. Не шутя, не могу смотрѣть на нее безъ грусти, любви и почти безъ слезъ. Но это все вздоры, я ужъ больше не мечтаю—потребность жизни, не находя себѣ исхода и удовлетворенія, пожрала сама себя—и я пустъ, какъ распитая бутылка, и въ утѣшеніе себѣ повторяю:

Любить? Но кого же? На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Да, хорошъ виноградъ, да зеленъ...

———

Посылаю тебѣ письмо это, не перечитавши. Особенно стыдно и подумать о перечтеніи стараго, а въ немъ наговореннаго резонерства о Катковѣ. Дай Богъ, чтобы это было послѣднимъ резонерствомъ на чужой счетъ. Все, что выходитъ изъ жизни, всему тому я способнѣе завидовать, нежели осуждать. Глупости Каткова выходятъ изъ его богатой, кипящей силами натуры. Онъ будетъ человѣкъ—это такъ же вѣрно, какъ и то, что я уже не буду человѣкомъ. У Панаева родилась дочь, и я при семъ случаѣ сказалъ съ тоскою слѣдующую остроту: вотъ и Панаевъ уже отецъ, а я все еще . . . . . Твой горемычный Виссаріонъ.

Февраля 10.

Завтра письмо пойдетъ къ тебѣ.

Бога ради, пиши ко мнѣ поскорѣе и побольше, ты этимъ дашь мнѣ нѣсколько блаженныхъ минутъ.

Къ В. П. Боткину. 18—20 февраля, 1840.

Спб. 1840, февр. 18 дня.

Вдали, чуть слышный для вниманья,
День озабоченный шумитъ,
Сквозь смутный гулъ и восклицанья
Тяжелый молотокъ стучитъ.
Тамъ человѣкъ такъ постоянно
Съ суровой борется судьбой,—
И вдругъ съ небесъ къ нему нежданно
Слетаетъ счастіе порой.

Такъ нежданно, мой добрый и милый Василій, слетѣла и ко мнѣ минута счастія вмѣстѣ съ письмомъ твоимъ! О, тысячу разъ благодарю тебя за него: оно нѣсколько вывело меня изъ мучительнѣйшей животной апатіи, изъ душевной апоплексіи, оно даже нѣсколько пробудило во мнѣ грусть и страданіе, и сухіе и высохшіе глаза вновь познакомило съ слезами, источникъ которыхъ давно уже былъ окаменѣнъ ожесточеніемъ. Ахъ, милый и подлый Василій—ты знаешь меня, хорошо знаешь, и умѣешь играть на разстроенной балалайкѣ прекрасной души моей.

Фантазіи и фантазіи—подлыя, онѣ опять проснулись, чтобы сладкою отравою своею мучить искаженную, болѣзненную натуру... А все ты, чтобъ тебѣ во снѣ приснился чортъ или Бул-

гаринъ! Еще разъ благодарю тебя, мой милый и мой мерзкій Боткинъ! Твое письмо, полное тобою, благоухающее букетомъ твоей чудной натуры, всей составленной изъ любви, цвѣтовъ и звуковъ, всколыхало толстую кору льда на тинистомъ и мутномъ болотѣ души моей—льдина прорвалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и скрытыя подъ нею волны радостно зашумѣли на встрѣчу живительнымъ лучамъ весенняго солнца. Какова аллегорія!—ужъ и видно, что г. «сочинитель» риторикѣ учился. Не шутя, Боткинъ, я ужасно сердитъ на тебя за твое письмо, и желалъ бы съ тобою увидѣться, чтобъ больно прибить тебя за него, однакожъ съ условіемъ, что ты меня не побоишься, и впредь такихъ подлыхъ писемъ писать не откажешься. Выписываю лучшее мѣсто изъ твоего посланія (я заучилъ его наизустъ — чортъ знаетъ, откуда и память взялась), а въ скобкахъ дѣлаю приличныя остроумныя замѣчанія. «Ну, дражайшій и чудовищный (оно не совсѣмъ вѣжливо и не совсѣмъ совмѣстно съ моимъ достоинствомъ, а пріятно и усладительно) Виссаріонъ (отчего же отечество пропущено—еслибъ я былъ чиновникомъ и наслаждался удовольствіемъ видѣть тонкое обращеніе съ собою начальника отдѣленія—то осердился бы на смерть и разсорился съ тобою), былъ я въ Харьковѣ (хорошо! продолжайте—намъ пріятно), видѣлъ Кронеберговыхъ (ай! ай! ничего! ничего! молчаніе, молчаніе!)—и что? Ты краснѣешь? (въ точности исполнено). Или потерялъ ты наконецъ и способность краснѣть при имени Софьи (врешь, подлецъ, не расточилъ, а пріумножилъ, и смѣло краснѣю отъ всѣхъ женскихъ именъ, какія только можно найти въ московскихъ и кіевскихъ святцахъ, въ мѣсяцословѣ, т.-е. въ календарѣ, и во всѣхъ возможныхъ «оракулахъ», т.-е. гадательныхъ книгахъ), какъ во время оно (въ этомъ отношеніи для меня нѣтъ времени: дуракомъ родился, дуракомъ и умру)—другіе образы смѣнили въ воображеніи твоемъ добродушную, умненькую дѣвушку (вотъ, братъ, и не угадалъ: за неимѣніемъ новыхъ, я вѣренъ старымъ, даже и не виданнымъ мною). А она? (святители!) Видишь ли (еще спрашиваетъ подлецъ—ну, какъ не видѣть: на что другое, а на глупости я очень зрячъ), хорошее сердце женское (слогъ не хорошъ) лучше сердца мужчины, оно долѣе хранитъ въ себѣ память о людяхъ (ей богу, еще покраснѣлъ). Хотя Софья (какое прекрасное имя—оно возбуждаетъ во мнѣ особенное стремленіе къ любомудрію) и никогда не видѣла

тебя (впрочемъ, это очень выгодно для нея и для меня: благодаря этому обстоятельству, она не перестанетъ читать моихъ статей и временемъ думать объ авторѣ, а я вновь не пройду сквозь уже неоднократно пройденныя мытарства оскорбленнаго самолюбія), но она тебя хорошо знаетъ (т. е. съ моей лучшей стороны и притомъ заочно), любитъ разспрашивать о тебѣ (Боткинъ, о, подлая, предательская душа! Гдѣ же честь, гдѣ же совѣсть! Ей богу, Боткинъ, послѣдніе волосы повстреплю изъ твоей лысины; кстати о лысинѣ—возрадуйся: Панаевъ скоро будетъ тебѣ братомъ), я уже не говорю о томъ, какъ она любитъ читать статьи твои (ну ужъ, братъ, тутъ и не знаю, что сказать тебѣ: просто подлецъ, да и только!). Вообще, имя твое въ Харьковѣ, право, лучше извѣстно, нежели въ Москвѣ, а все черезъ добрую Софью и Кульчицкаго (спасибо и ему, но ей... молчаніе, молчаніе!), а «Наблюдатель» считаетъ Софья просто своимъ журналомъ, журналомъ своихъ близкихъ людей, и не можетъ безъ грусти вспомнить, что больше ужъ нѣтъ «Наблюдателя» (Боткинъ, Боткинъ, ей замолчи, а то, ей богу, прибью; ну, самъ посуди, къ чему такая болтливость—мы съ тобою люди солидные). Видишь (да вижу, вижу, хоть, право, лучше бы не видѣть), тебѣ даромъ хотѣлось ѣхать въ Харьковъ (о, чортъ возьми! еще нужно повторять, какъ будто оно и безъ того тамъ не стоитъ такъ!), и я увѣренъ, время, которое бы тамъ провелъ (о еслибы! крыльевъ, Боткинъ, крыльевъ!), было бы однимъ изъ пріятнѣйшихъ и вмѣстѣ изъ простѣйшихъ въ твоей жизни (вѣрно, подлецъ, вѣрно! Но за то, и сколько бы рѣзни-то, рѣзни!).

Отъ Кульчицкаго письма не получалъ, и ты напрасно упрашиваешь меня отвѣчать ему: да что я за лошадь такая, чтобы не отвѣчать человѣку, живущему у Харьковѣ?... Ты, я думаю, знаешь меня—когда я прочь отъ глупостей! Напротивъ, я бѣгу къ нимъ, напрашиваюсь на нихъ. Что же мнѣ дѣлать, если только однѣ онѣ еще и даютъ мнѣ чувствовать, что въ жизни не однѣ гадости, но есть, и даже для меня могло-бъ быть, ксечто и хорошаго. Рѣшено! Съ Кульчицкимъ у меня начинается отчаянная переписка. Развѣ это не наслажденіе—сидѣть въ кругу людей, даже и не знающихъ о существованіи Софьи Кронебергъ, и краснѣть до ушей, какъ школьнику, при имени какой-нибудь Софьи, а тѣмъ наипаче при имени покойнаго профессора Кро-

неберга. Вотъ тебѣ мое честное слово, Боткинъ, что черезъ три мѣсяца у Кульчицкаго столько будетъ моихъ писемъ, что надолго будетъ обезпеченъ дровами. Я готовъ первый писать къ нему. Пришли поскорѣе его адресъ.

Боткинъ, что ты со мной сдѣлалъ — я просто въ экстазѣ — все кружится въ глазахъ моихъ, внутри тревога, и такая пріятная! Дитя, дитя, бѣдное счастіемъ дитя, которое радуется не тому, что у него много игрушекъ, а тому, что узнало, что есть на свѣтѣ вещи, которыхъ называютъ игрушками. Преглупое сравненіе—не вытанцовалось.

Не утерпѣлъ, и прочелъ твое письмо Заикину — онъ былъ удивленъ и посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ родомъ уваженія, что мое имя извѣстно такой дѣвушкѣ, и началъ съ восторгомъ описывать ее мнѣ. Да отвяжитесь, господа, что вы ко мнѣ пристали! Я и безъ того одурѣлъ... Боткинъ, а Боткинъ — нельзя ли — знаешь — еще нѣсколько строчекъ — т.-е. о чемъ именно разспрашивали, и какъ, и прочее — понимаешь — мнѣ больше сущность и поступки, а я ничего... А?—пожалуйста. Да смотри, никому не показывай моего письма,—слышишь ли?

Тебѣ не понравилась моя статья въ XII № «Отечественныхъ Записокъ»—я это зналъ. Въ самомъ дѣлѣ, не вытанцовалась. А странное дѣло, писалъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такою полнотою, что и сказать нельзя—напишу страницу, да и прочту Панаеву и Языкову. Въ разбитъ-то они больно восхищались, а какъ потомъ прочли въ цѣломъ, такъ не понравилась. Я самъ думалъ о ней, какъ о лучшей моей статьѣ, а какъ напечаталась, такъ не могъ и перечесть. Какъ нарочно, это случилось тотчасъ послѣ прочтенія твоей статьи. Признаюсь въ грѣхѣ—я было крѣпко пріунылъ. Хотѣлось мнѣ въ ней, главное, намекнуть поясньѣе на субстанціальное значеніе идеи общества, но, какъ я писалъ къ сроку и къ спѣху, сочиняя и пиша въ одно и то же время, и какъ хотѣлъ непремѣнно сказать и о томъ и о другомъ,—то и не вытанцовалось. Теперь я ту же бы пѣсенку, да не такъ бы спѣлъ. Что она тебѣ не понравилась—это такъ и должно быть: ты понимаешь дѣло и смотришь на него не снизу вверхъ; но досадно, что и людъ-то божій ей недоволенъ. Зарылись, свиньи, какъ будто у насъ хорошихъ статей—ѣшь не хочу; а гдѣ онѣ, въ какихъ журналахъ? Для нихъ и эта должна быть объядѣньемъ. Очень радъ, что тебѣ понравилась статья о Менцелѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней есть цѣлость, и еслибы оселъ

Фрейгангъ не надѣлалъ въ ней выпусковъ и не лишилъ ее смысла на страницахъ 53 и 54 (замѣть это), — она была бы очень и очень недурна. Во многихъ мѣстахъ Фрейгангъ зачеркнулъ «всеобъемлющій Гёте», говоря, что этотъ эпитетъ—божій, а не человѣческій. Вотъ тутъ и пиши. Съ твоимъ мнѣніемъ о статьѣ о «Горе отъ ума» я совершенно согласенъ: много хорошаго въ ней, но въ цѣломъ—уродъ. Изъ нея можно сдѣлать три хорошія статьи, но какъ одна—она уродлива. Что-жъ ты не сказалъ мнѣ ни слова о моей статейкѣ объ «Очеркахъ» Полевого? Ею я больше всѣхъ доволенъ; право, знатная штука. Повѣришь ли, Боткинъ, что Полевой сдѣлался гнуснѣе Булгарина. Это человѣкъ, готовый на все гнусное и мерзкое, ядовитая гадина, для раздавленія которой я обрекаю себя, какъ на служеніе истинѣ. Стрѣлы мои доходятъ до него, и онъ бѣсится. Во 2 № «Отечественныхъ Записокъ» я его опять отдѣлалъ. Въ «Литературной Газетѣ» тоже не даю ему покоя. Если увидишься съ нимъ въ Москвѣ, наплюй ему въ рожу и скажи ему, что онъ подлецъ и пакостный писака. Питеръ въ восторгѣ отъ его драматическаго навозу, и только «Ужаснаго Незнакомца» ошикалъ. Статья о Марлинскомъ тебѣ не понравится, но именно такія-то статьи я и буду отнынѣ писать, потому что только такія статьи и доступны и полезны для нашей публики. Но статья о дѣтскихъ книжкахъ — надѣюсь — будетъ такъ недурна, что понравится и тебѣ: и ты смѣло можешь сказать, что ты виноватъ въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, если она будетъ хороша, то потому, что твое письмо воззвало меня отъ смерти къ жизни, и что, пиша статью, я перечитывалъ его, особенно одно мѣсто... Смѣйся, Боткинъ, оно въ самомъ дѣлѣ смѣшно...

Февраля 19.

Вчера получилъ письмо Кульчицкаго—милое письмецо, я отъ души хохоталъ. Непремѣнно буду отвѣчать. Адреса не нужно: я къ тебѣ буду пересылать, а ты будешь приписывать свои этакія разныя остроумныя примѣчанія. Что̀ касается до твоей записки и напоминовенія о деньгахъ,—то не безпокойся болѣе: вмѣстѣ съ письмомъ къ тебѣ я отправилъ письмо къ родственнику моему Иванову, со вложеніемъ письма Краевскаго къ Ширяеву, по которому онъ, Ивановъ, имѣетъ получить отъ него, Ширяева, 1300 рублей ассигнаціями, изъ которыхъ отдастъ тебѣ 700, Вологжанинову 300, П. В. Нащокину 200. Совѣстно, братъ,

мнѣ передъ тобою, да дѣлать-то нечего. Впрочемъ, всему виною не я, а безалаберный Панаевъ. Да скажи Мишелю, что ты получилъ отъ меня всѣ свои деньги (700), и что, поэтому, Панаевъ уже не обязанъ отдавать Заикину 100 рублей, которые Мишель долженъ Заикину, который теперь крайне нуждается въ деньгахъ.

О «Ричардѣ» Кронеберга я писалъ къ тебѣ (огромное письмо на имя Грановскаго — увѣдомь поскорѣе, получилъ ли ты его): онъ будетъ напечатанъ или въ «Отечественныхъ Записках» или въ «Пантеонѣ». А что тебѣ не хочется его видѣть въ журналѣ, а особою книгою, это, душа моя Тряпичкинъ, даже и не прекраснодушіе, а нѣчто еще сквернѣйшее, именно — москводушіе. Вѣдь ты, вѣрно, для того желаешь видѣть «Ричарда» въ печати, чтобы его читали и прочли? Знаешь ли ты, что «Макбета», переведеннаго извѣстнымъ литераторомъ—Вронченко, разошлось ровно пять экземпляровъ? Потчивать нашу россійскую публику Шекспиромъ—о милое, о наивное москводушіе! Да это все равно, что въ салонѣ, танцуя галопадъ, говорить съ своей дамою о религіи; все равно, что въ кабакѣ съ пьяными мужиками разсуждать о гегелевской философіи! Я того и гляжу, что премудрый синедріонъ, состоящій изъ московскихъ душъ, вздумаетъ перевести всего Шекспира и великолѣпно издать его для удовольствія россійской публики. Смотрите же, господа, печатайте больше—экземпляровъ 100.000: россійская публика просвѣтится, а вы настроите себѣ каменныхъ домовъ и накупите деревень. Въ Питеръ бы васъ, дураковъ—тамъ бы вы поумнѣли, тамъ бы вы узнали, что такое россійская дѣйствительность и россійская публика. Въ журналѣ она прочтетъ и Шекспира: за журналъ она платитъ деньги, и за свои деньги читаетъ все сплошь. Русскій человѣкъ, заплативъ за журналъ денежки, поступаетъ съ нимъ, ... чтобъ деньги не пропадали. Такъ и въ трактирахъ дѣйствуетъ онъ. Не назови моего сравненія тривіальнымъ: говоря объ эстетическомъ вкусѣ и литературной образованности россійской публики, нельзя быть тривіальнымъ, и какихъ похабствъ ни наговори о ней, — ея имя все останется самымъ похабнымъ словомъ. Кого она поддерживаетъ, кого любитъ? Или людей по плечу себѣ, или плутовъ и мошенниковъ, которые ее надуваютъ. Чѣмъ больше всего взялъ «Телеграфъ»?—Либеральнымъ душкомъ. Чѣмъ взялъ Сенковскій?—

Основною мыслію своей дѣятельности, что учиться не надо, и что на все въ мірѣ надо смотрѣть шутя. Русскій человѣкъ любитъ жить на шеромыгу. Но главная страсть его—ко всему запрещенному цензурой. Если бы, напримѣръ, послѣ суда надъ Надеждинымъ, «Телескопъ» продолжался — у него было бы вѣрныхъ 3000 подписчиковъ. Пушкинъ однажды сказалъ, что, вмѣстѣ съ прекращеніемъ его запрещенныхъ стиховъ, прекратилась и его слава. И между тѣмъ, всѣ наши либералы ужасные подлецы: они не умѣютъ быть подданными, они холопы: за угломъ любятъ побранить правительство, а въ лицо подличаютъ, не по нуждѣ, а по собственной охотѣ. Такъ холопъ: за глаза только и дѣлаетъ, что ругаетъ барина, а при немъ не смѣетъ взглянуть смѣло. Потомъ, кого любитъ наша публика? Греча, Булгарина—да, они, особенно первый, въ Питерѣ, даже при жизни Пушкина, были важнѣе его и доселѣ сохраняютъ свой авторитетъ. О публичныхъ лекціяхъ Греча и теперь говорятъ, какъ о чудѣ, съ восторгомъ и благоговѣніемъ. Вотъ наша публика: давайте-жъ, о невинныя московскія души, скорѣе давайте ей Шекспира — она жаждетъ его. Нѣтъ, переведите-ка лучше всего В. Гюго съ братіею, да всего Поль-де-Кока, да и издайте великолѣпно съ романами Булгарина и Греча, съ повѣстями Брамбеуса и драмами Полевого: тутъ успѣхъ несомнителенъ; а бѣднаго Шекспира печатайте въ журналахъ—только въ нихъ и прочтутъ его. Сенковскій на эти вещи—геній, онъ не даромъ первый началъ печатать въ журналѣ романы и драмы. Онъ не ошибся въ разсчетѣ. У кого есть хоть капля ума въ головѣ, тотъ долженъ въ этомъ подражать ему.

Вообще, у тебя, Боткинъ, есть какая-то прекраснодушная враждебность и ни на чемъ не основанное презрѣніе къ литературѣ и журналу. Если добродушный юноша мучилъ тебя литературнымъ враньемъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы литература была вздоръ. Никто такъ пошло не вретъ о религіи и своимъ поведеніемъ и непосредственностію не оскорбляетъ ея, какъ русскіе попы,—и однакожъ изъ этого не слѣдуетъ, чтобы религія была вздоръ. Литература имѣетъ великое значеніе: это гувернантка общества. Журналистика въ наше время все: и Пушкинъ, и Гёте, и самъ Гегель были журналисты. Журналъ стоитъ каѳедры. За что-жъ на нихъ сердиться? Развѣ за Греча и Булгарина? Но это такъ же нелѣпо, какъ сердиться на поэзію и презирать ее за Сумарокова или Бенедиктова.

Я очень радъ за Кирюшу, что онъ такъ хорошо познакомился съ Гоголемъ. Тѣмъ не менѣе, его надежды на Брюллова едва ли сбыточны. Вы ждете Брюллова на дняхъ въ Москву, а онъ и не думаетъ ѣхать, и, говорятъ, пьетъ мертвую. Это обыкновенное явленіе въ Питерѣ, не какъ въ Москвѣ: Кукольникъ пьяница, Глинка пьяница, Брюлловъ пьяница. Послѣ развода съ женою, онъ, говорятъ, ничего не дѣлаетъ и только пьетъ.

О подписи именъ подъ статьями я съ тобою совершенно согласенъ; но не только настаивать, и говорить безполезно объ этомъ. Краевскій человѣкъ теплый, благородный и умный, но онъ, въ нѣкоторыхъ своихъ убѣжденіяхъ, упрямъ, какъ чортъ, и характеръ у него—желѣзный. Кстати: онъ низко бьетъ тебѣ челомъ и проситъ чего-нибудь. Не полѣнись, Василій. Если такіе люди, какъ ты, не будутъ ничего дѣлать, такъ нечего и жаловаться на гнусное состояніе нашей литературы. Ну-ка, объ Римѣ-то... Ты не получилъ 1 № «Отечественныхъ Записокъ», на которыя подписался, а Краевскій выслалъ тебѣ даровой экземпляръ: неужели ты и того не получилъ? Увѣдомь—вышлемъ оба.

Ты пишешь, что не знаешь звѣздъ моего полушарія, и что у меня ужъ вѣрно есть звѣзда, къ которой я порываюсь... Можетъ быть, ты намекаешь на... я помню—какъ-то говорилъ тебѣ передъ отъѣздомъ въ Питеръ; но увы!—

Не сбылись, мой другъ, фантазіи
Глупой праздности моей...

Сначала, было, лукавый подбивалъ; но во первыхъ, я не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, которое могло бы обратить вниманіе и показаться хоть нѣсколько страннымъ; во вторыхъ, я скоро сказалъ себѣ «полно» и теперь имѣю полное право почитать себя raisonnable. Видишь ли, я хорошо воспользовался кровавыми уроками... Но несмотря на то, по болѣзненности ли и искаженности моей натуры, или по неистовой потребности хоть какой-нибудь любви (для меня лучше чего-нибудь, нежели ничего), но только я не лишился надежды когда-нибудь настроить глупостей. Ужъ, видно, такимъ родился. Впрочемъ, объ этомъ ты получишь отъ меня особое письмо, въ которомъ не будетъ ничего, чего бы ты уже не слышалъ отъ меня, но общность

и результатъ котораго будетъ для тебя грустенъ, если ты любишь меня. Это письмо будетъ отвѣтомъ на твои слова: «съ нѣкотораго времени во мнѣ утвердилась крѣпкая вѣра, что ты непремѣнно найдешь себѣ сочувствующее существо». Ахъ, Боткинъ, Боткинъ, за эту вѣру я бы сто разъ умеръ за тебя—въ ней живое свидѣтельство, что ты глубоко любишь меня; но, другъ мой, вѣра—вѣрою, а дѣйствительность—дѣйствительностью; а у меня на этотъ счетъ совсѣмъ другая вѣра...

Ты говоришь, что я мало развилъ въ себѣ Entsagung. Можетъ быть, его и совсѣмъ нѣтъ во мнѣ. Такъ какъ я понимаю его въ другихъ и высоко цѣню, то недостатокъ его въ себѣ и считаю ограниченностію, въ которой однако-жъ не стыжусь признаться. Кажется, что для меня настаетъ время такихъ простыхъ признаній. По крайней мѣрѣ, теперь они для меня очень не трудны. Я этому радъ. Вообще, я уже много посбавилъ себѣ цѣны въ собственномъ мнѣніи и надѣюсь, что скоро сознаю себя тѣмъ, что̀ я есть—безъ пошлаго смиренія и пошлой гордости. А можетъ быть, во мнѣ и кроется возможность этого таинственнаго Entsagung; но какъ это мнѣ узнать. Вообрази себѣ мужика, который всю жизнь свою не ѣдалъ ничего, кромѣ хлѣба, пополамъ съ пескомъ и мякиною, и, пришедъ въ большой городъ, увидѣлъ горы и калачей, и кондитерскихъ издѣлій, и плодовъ: можно сказать, что у него нѣтъ самообладанія и человѣческой воздержности, если онъ на эти вещи будетъ смотрѣть глазами тигра, съ пѣною у рта, а захвативши что-нибудь, начнетъ пожирать съ звѣрскою жадностію, а когда у него станутъ отнимать, онъ въ бѣшенствѣ разобьетъ себѣ черепъ? Какъ же отъ него требовать Entsagung? У всякаго есть своя исторія, мой добрый Василій... Ты меня знаешь, и потому не удивишься, что я былъ въ экстазѣ цѣлый день отъ мысли, что прекрасное женское существо, гдѣ-то далеко живущее, никогда мною не виданное и меня не видѣвшее, читаетъ изліянія моей души, заинтересовывается черезъ нихъ писавшимъ и разспрашиваетъ о немъ... Но, увы! Экстазъ уже прошелъ, въ душѣ грусть, въ груди страданіе, тяжелое и глубокое страданіе; но спасибо тебѣ за него — оно все же лучше животной апатіи.

Статью Кронеберга о «Ричардѣ» присылай. Когда «Ричардъ» напечатается, и ее можно будетъ послѣ него напечатать. Комедію

Шекспира мнѣ очень интересно прочесть, а можетъ, и ее тиснемъ. (Разумѣется, не даромъ для переводчика).

Кругъ, въ которомъ я живу—Панаевъ, Языковъ, Заикинъ—люди, которые любятъ меня искренно, которыхъ и я люблю искренно; но дружба—вещь великая, и историческое развитіе—ея непремѣнное условіе. Да, много у меня людей, и людей чудесныхъ, изъ которыхъ многіе далеко лучше меня; но ты одинъ у меня на свѣтѣ, одна связь съ жизнію, безъ тебя я хуже, чѣмъ сирота—трупъ между живыми. Умри ты,—я махну рукою, и доживу свой вѣкъ безъ вопросовъ, безъ ожиданій и интересовъ. Развѣ... но о томъ нечего и говорить. Кромѣ же того, тебя мнѣ никто не замѣнитъ. Я чувствую это въ каждой каплѣ моей крови.

Грановскій — человѣкъ чудесный. Я понимаю и цѣню его вполнѣ. Мало можно встрѣтить такихъ любящихъ, задушевныхъ, святыхъ и чистыхъ натуръ. Я понимаю, что тамъ онъ ближе всѣхъ къ тебѣ. Катковъ для насъ слишкомъ молодъ, и потому, будучи нашимъ, онъ не нашъ.

Февраля 20.

Боткинъ, положи себѣ за правило никому не читать моихъ писемъ и даже никому не говорить о ихъ полученіи, пока прежде самъ не прочтешь. Можетъ быть, ты такъ и дѣлаешь, но на всякій случай мнѣ все-таки хотѣлось предупредить тебя.

Твое извѣстіе, что Мишель живетъ ужъ не у тебя, нисколько меня не удивило: за два дня до полученія твоего письма, я говорилъ Заикину, что ужъ вѣрно вы разъѣзжаетесь, если не разъѣхались. Ты приглашаешь меня порадоваться, что разумность беретъ верхъ, и что ты прямо высказалъ Мишелю, что и пр. Признаюсь тебѣ, что для меня тутъ мало причинъ къ радости. Я знаю, что Мишель съ тобою согласился, можетъ быть, даже лучше и глубже тебя развилъ головою высказанное тобою изъ души, обѣщался дѣйствовать сообразно съ этимъ; но повѣрь, что, какъ бы онъ ни дѣйствовалъ, результаты будутъ все тѣ же. Онъ все тотъ же и умретъ все тѣмъ же, чѣмъ былъ въ 37 и 38 годахъ. Зачѣмъ онъ поѣхалъ въ Питеръ? Ни за чѣмъ. Съ чѣмъ?—Ни съ чѣмъ. Приглашая къ себѣ, Муравьевы сдѣлали кислую мину, которую Николай тотчасъ замѣтилъ. Надоѣлъ

ему Муравьевъ, — онъ къ 12 ч. ночи пріѣзжаетъ въ Демутовъ трактиръ и посылаетъ къ Муравьеву за чемоданомъ. Разумѣется, тотъ сказалъ, что это можно будетъ сдѣлать лучше завтра, чѣмъ въ полночь—и легъ на постель, съ которой его подняли. Переѣхавъ къ Демуту, Мишель не имѣлъ ни копейки денегъ, ни надежды получить ихъ откуда-нибудь. А между тѣмъ, это одинъ изъ самыхъ дорогихъ трактировъ. Нынче познакомившись съ Заикинымъ, завтра проситъ у него денегъ, беретъ ихъ и разъ и два и т. д. Что же онъ дѣлаетъ съ этими деньгами? Пьетъ рейнвейнъ, въ которомъ отказываетъ себѣ Заикинъ, человѣкъ, получающій 15.000 годового дохода. Объ извощикахъ нечего и говорить: пока Мишель былъ въ Питерѣ, они были въ страшномъ разгонѣ. Въ спорахъ, онъ безпрестанно оскорблялъ Заикина, такъ что тотъ уже и не скрывалъ отъ него своей къ нему ненависти. Къ Заикину ходилъ музыкантъ Болле, который превосходно знаетъ генералъ-басъ и контрапунктъ, но плохой компонистъ — бывало начнетъ играть что-нибудь свое, а Мишель кричитъ ему: стукотня, стукотня! Разумѣется, теперь этотъ человѣкъ, имѣющій огромный кругъ знакомства, не упускаетъ случая хорошо поговорить о Мишелѣ. Въ театръ онъ ходилъ безпрестанно, а Заикинъ безпрестанно бралъ для него билеты. Этотъ человѣкъ такъ кротокъ, что противъ наглости стоять не можетъ и позволитъ себя ограбить; но онъ все понималъ и только качалъ головою и пожималъ плечами. Живя у Раевскаго, Мишель издѣвался надъ его благоговѣніемъ къ Вронскому—этому я самъ былъ свидѣтелемъ. Заикинъ говоритъ, что онъ увлекъ и брата, и что, когда онъ уѣхалъ, Николая снова нельзя узнать. Однажды, въ изліяніи самоосклабляющейся откровенности, Мишель сказалъ Заикину: Я въ Москвѣ былъ авторитетомъ. Да, Боткинъ, все тотъ же онъ. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я знаю и цѣню его истинную сторону, я радушно встрѣтился съ нимъ въ Питерѣ, пріятно проводилъ съ нимъ время. Личной враждебности противъ него у меня теперь нѣтъ, какъ тебѣ извѣстно; но этотъ человѣкъ мутитъ мою душу, когда я подумаю о томъ, чѣмъ создала ихъ природа, что онѣ были, и что теперь суть, благодаря ему. Дивныя, роскошныя откровенія женственнаго міра, что онѣ теперь, Боткинъ? Страшно выговорить—искаженныя натуры, вышедшія изъ своей непосредственности, потонувшія въ рефлексіи. Довольно тебѣ одного факта: въ Питерѣ онъ, не заикаясь, и даже не за тайну, открылъ мнѣ

что она хотѣла бы выйти за тебя, съ условіемъ, чтобы не быть съ тобою въ брачныхъ отношеніяхъ. Меня морозомъ по кожѣ подрало. Вотъ до чего дошло: гдѣ же полнота женственной натуры, гдѣ же вѣра любви, которая впереди ничего страшнаго и гадкаго не допускаетъ. Такая дѣвушка копается въ такихъ смрадныхъ рефлексіяхъ! Всѣ чувства обратились у нихъ въ понятія, и всѣ понятія въ чувства, и трудно отличить, что́ у нихъ чувство и что̀ понятіе. А все онъ, непризванный воспитатель женщинъ. Съ его дикою непосредственностію, съ его грубою натурою, съ его абстрактностію—дѣйствовать на женщинъ, налагать на нихъ магнетическій и фанатическій авторитетъ! Да послѣ этого *я* гожусь имъ въ гувернантки! Когда онъ началъ на нихъ дѣйствовать, онъ самъ былъ увѣренъ, что у него нѣтъ эстетическаго чувства, что искусство чуждо ему: это ли воспитатель женщинъ! Да, Боткинъ, онъ мутитъ мою душу, во мнѣ сильная враждебность къ нему. Я ихъ такъ хорошо понимаю, такъ дорого цѣню, такъ глубоко люблю; онѣ вошли въ меня, живутъ во мнѣ, ихъ судьба неразрывно связана съ моею. Повѣришь ли, я захочу поговорить объ нихъ съ Николаемъ десять минутъ, и вечеръ незамѣтно проходитъ—на душѣ и грустно, и радостно, минувшее воскресаетъ, на глазахъ слезы,—и я разсказываю ему все, до малѣйшей подробности, даже всѣ свои глупости. И что же, Боткинъ?—совершенно понимая великость, безконечность твоего блаженства,—я ему нисколько не завидую, мнѣ грустно и страшно за тебя. Часто я отгоняю мысль о тебѣ, въ этомъ отношеніи. Кто всему этому причиною?—онъ. Конечно, онъ это все дѣлалъ безъ умысла, и всѣ его намѣренія чисты и прекрасны; но что мнѣ за дѣло—разбойникъ ли зарѣжетъ меня изъ денегъ, или раскольникъ для спасенія души моей, слѣдовательно, изъ любви ко мнѣ—результатъ одинъ и тотъ же: я зарѣзанъ. Это несчастный человѣкъ: онъ рожденъ на горе себѣ и другимъ.

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ.

Онъ никогда не выходилъ и не выйдетъ изъ своей непосредственности, онъ не можетъ отдѣлаться отъ себя и видѣть себя объективно. Надѣлавши въ Питерѣ столько глупостей, онъ столько наговорилъ мнѣ о себѣ хорошаго и новаго, т.-е. о своихъ измѣ-

неніяхъ къ лучшему, что я и ротъ разинулъ. Ужъ послѣ узналъ я о всѣхъ его продѣлкахъ, которыя таковы, что люди, не знающіе его такъ хорошо, какъ ты и я, имѣютъ полное право смотрѣть на него, какъ на шарлатана и chevalier d'industrie. Я еще тебѣ не все разсказалъ. Изо всѣхъ людей, въ кругу которыхъ онъ вертѣлся, только Заикинъ понялъ его, но и тотъ говоритъ, что онъ лучше издалека, чѣмъ вблизи, и что у него нѣтъ особеннаго желанія гдѣ-нибудь встрѣтиться съ нимъ. Мишель при немъ не разъ заговаривалъ, что ему негдѣ жить, и Заикинъ говоритъ, что у него не поворачивался языкъ пригласить его къ себѣ, и что его ужасала одна мысль жить вмѣстѣ съ такимъ человѣкомъ. Признаюсь тебѣ, Боткинъ, его Берлинъ мнѣ кажется претензіею: онъ стремится туда не къ философіи, а отъ самого себя. Любовь къ наукѣ, какъ и всякая любовь, должна осуществиться въ дѣйствительности, и требуетъ отреченія и жертвъ. А что онъ сдѣлалъ? Онъ могъ бы въ эти пять лѣтъ пріобрѣсти деньги уроками, могъ бы выдержать экзаменъ на кандидата и магистра и отправиться, какъ Грановскій, на казенный коштъ. Нѣтъ, онъ обманываетъ себя: кто ничего не сдѣлалъ для науки въ Россіи, тотъ ничего не сдѣлаетъ и въ Берлинѣ, кто въ Питерѣ, не имѣя денегъ, чужія деньги тратилъ на рейнвейнъ, тотъ и въ Берлинѣ не откажетъ себѣ ни въ чемъ. Но онъ слишкомъ много накричалъ о себѣ—и ему трудно воротиться, тяжело отступить. Твердить о наукообразномъ изученіи великой науки наукъ—и перелистать нѣсколько нѣмецкихъ книжекъ—большая разница.

Да, бѣдный мой Боткинъ, я слишкомъ хорошо понимаю всю горестность твоего положенія. Николай Бакунинъ также хорошо понимаетъ ее, и это его просто мучитъ. Онъ знаетъ, что такое женщина, и смотритъ на вещи просто. Ты не наговорился бы съ нимъ. Еще ребенокъ, но обо многомъ ты сталъ бы говорить съ нимъ, какъ со мною. Ты ужился бы съ нимъ не только въ комнатѣ, но и въ клѣткѣ. Ахъ, какъ онъ понимаетъ все, какой у него чудесный инстинктъ истины. Я ему разсказалъ все, даже далъ прочесть письма мои къ Мишелю, которыя онъ мнѣ возвратилъ (т.-е. всю перепалку послѣ возвращенія изъ Прямухина въ 1838 г., когда мы были тамъ вмѣстѣ). Бога ради, чтобъ это письмо не попалось Мишелю. Ему безполезно знать его: оно его оскорбитъ, а пользы не сдѣлаетъ: онъ неисправимъ.

Въ 1 № «Отечественныхъ Записокъ» статья Невѣрова о германской литературѣ очень хороша, но во 2-мъ онъ натрясъ чортъ знаетъ чего. Сужденіе Маргграффа о Бетинѣ—превосходно, я совершенно съ нимъ согласенъ.

Здоровье мое зимою было такъ и сякъ, но теперь одышка мучитъ, и вообще плохъ. Отказался начисто отъ трубки, водки и даже вина, котораго употребляю за столомъ не больше рюмки. И въ пищѣ сталъ гораздо умѣреннѣе. Что-то скажетъ весна! Прощай.

Къ Д. Н. Иванову. 21 февраля, 1840.

Спб. 1840, февраля 21 дня.

Еще задолго до полученія твоего письма ко мнѣ отъ 1-го января я писалъ къ тебѣ, любезный Дмитрій, и въ этомъ письмѣ на колѣняхъ просилъ у тебя прощенія за мое молчаніе. Но ты перемѣнилъ квартиру, не увѣдомивъ меня объ этомъ, какъ это дѣлаютъ всѣ порядочные люди, и потому мое письмо не дошло до тебя. Не можешь себѣ вообразить, какъ это огорчило меня. У меня мало времени, да и кромѣ того, я все это время нахожусь въ такомъ тяжеломъ состояніи духа, что для меня писать письма — истинное мученіе. А теперь я долженъ повторять то, о чемъ уже писалъ къ тебѣ. Ужасно досадно—такъ бы и съѣлъ тебя.

Вотъ тебѣ порученіе. Съ приложеннымъ здѣсь письмомъ Краевскаго къ Ширяеву, явись къ сему послѣднему и получи отъ него 1300 рублей ассигнаціями, изъ которыхъ 700 отдай Боткину, 300—Вологжанинову, 200—Павлу Воиновичу Нащокину, а изъ остальныхъ ста рублей, 50 — Дарьѣ Титовнѣ, а 50 употреби на уплату мелкихъ долговъ, которые я перевелъ на тебя. Отъ Вологжанинова возьми росписку въ полученіи, которую и перешли ко мнѣ. Да у него же возьми старую мою росписку и изорви ее. Скажи ему, что мнѣ очень совѣстно, что я такъ долго не могъ съ нимъ раздѣлаться, но что виною этому не я, а обстоятельства. Я ему очень благодаренъ, и если онъ считаетъ на мнѣ что-нибудь за просрочку, то пусть скажетъ тебѣ, а я вышлю черезъ тебя. О жительствѣ Нащокина узнай черезъ Щепкиныхъ и деньги (200 р.) самъ отнеси. Скажи ему, что

прошу у него извиненія за просрочку и что, какъ скоро узнаю отъ тебя о полученіи имъ книгъ, то буду сейчасъ же писать къ нему. Да скажи ему, что я жду отъ него сочиненій графини Сары Толстой. Нельзя ли тебѣ ихъ переслать? Нащокинъ добрый и прекрасный человѣкъ, онъ приметъ тебя ласково. Деньги отъ Ширяева принимай осторожнѣе—перечти и дай росписку въ полученіи.

Въ прошломъ письмѣ моемъ, которое теперь приходится повторить, благодаря твоей аккуратности, я писалъ во-первыхъ о томъ, чтобы ты какъ-нибудь постарался переслать мнѣ крестикъ, который я, снявъ съ себя въ банѣ, отдалъ Ванѣ, а онъ, по своему ротозѣйству, забылъ мнѣ его отдать. Этотъ крестикъ мнѣ дорогъ, и если онъ пропалъ, мнѣ будетъ очень грустно: я получилъ его отъ Н. Я. Петровой, которая дала мнѣ его съ такимъ искреннимъ желаніемъ мнѣ добра и счастья, какого можно ожидать только отъ людей родныхъ и близкихъ. Бога ради, похлопочи переслать его по почтѣ. Потомъ я писалъ о письмѣ Алеши ко мнѣ, въ которомъ онъ дѣлаетъ разныя изкузаціи, приступая къ своей просьбѣ, которую мнѣ легко было выполнить и безъ этихъ околичностей. Онъ много для меня дѣлалъ—и я этого никогда не забуду; я знаю, что онъ искренно меня любитъ и готовъ мнѣ на всякую услугу, которая въ его силѣ и возможности: попроси его (если онъ самъ не хочетъ) и на меня смотрѣть, какъ на своего родственника и добраго пріятеля, который всегда почтетъ за удовольствіе для себя доказать это дѣломъ. А если онъ будетъ смотрѣть на меня иначе, то я напишу къ Агашѣ, какъ онъ въ Питерѣ щекоталъ пятки спавшей дѣвчонки, дочери хозяина, которая приняла его за домового. Выведу наружу всѣ его шашни и продѣлки. А впрочемъ, поцѣлуй его за меня въ переносицу и погладь по головкѣ. Что Никаноръ, а главное — что̀ его ученіе, подвигается ли впередъ? Вѣдь ужъ и экзаменъ на дворѣ, и важнѣйшее время уже прошло. Надѣюсь, что онъ много сдѣлалъ. Равнымъ образомъ, надѣюсь, что ты имъ доволенъ, и что онъ смотритъ на тебя, какъ на человѣка, которому онъ обязанъ тѣмъ, чему нѣтъ цѣны, за что̀ нельзя заплатить и золотомъ—любовью къ себѣ. Надѣюсь, что онъ столько же любитъ, сколько и уважаетъ тебя, слѣдуетъ твоимъ совѣтамъ и не забываетъ, что ты въ друзья ему не годишься, но что ты его руководитель и покровитель. Признательность есть первый признакъ благородной души и

чистаго сердца, — и потому сохрани меня Боже узнать, что у него душа не благородна и сердце не чисто. Прошу его сходить къ Петровымъ, отнести имъ мой усердный поклонъ и родственное привѣтствіе, и сказать имъ, что петербургскій воздухъ мнѣ не по душѣ, что въ Питерѣ мнѣ тяжело и скучно, и что душа моя тоскуетъ по Москвѣ. Прошу его не забывать моихъ совѣтовъ насчетъ посѣщеній — держаться середины, не чуждаться ласки, но и избѣгать быть въ тягость. Чтобъ онъ непремѣнно увѣдомилъ меня о своихъ занятіяхъ и успѣхахъ. Онъ пишетъ ко мнѣ, что обносился. Что дѣлать — теперь никакъ не могу помочь, а къ Пасхѣ пришлю ему два сюртука, трое панталонъ и другой дряни, также и деньжонокъ.

О себѣ тебѣ ничего не скажу, кромѣ того, что Питеръ мнѣ ненавистенъ, и жить мнѣ въ немъ тяжело и мучительно. Впрочемъ, и кромѣ него, много причинъ для моихъ страданій. Недостаетъ воли, лѣнь, безпорядочный образъ жизни, разныя огорченія, и внутреннія и внѣшнія—все это дѣлаетъ мнѣ жизнь не слишкомъ-то веселою. Люди въ Питерѣ не тѣ, что въ Москвѣ, образованность лаковая, внѣшняя, а внутренняго одно—корысть, мелкодушіе и невѣжество. Впрочемъ, вездѣ не безъ добрыхъ людей, и въ Питерѣ есть хорошіе люди, которыхъ я называю московскими колонистами, хотя иные изъ нихъ и въ глаза не видали Москвы. Живу я теперь съ москвичемъ Павломъ Ѳедоровичемъ Заикинымъ, прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Въ Краевскомъ я нашелъ человѣка въ высшей степени честнаго и благороднаго, и мои съ нимъ отношенія самыя пріятельскія. Въ его семействѣ я скоро сталъ своимъ человѣкомъ. Внѣшнія мои обстоятельства пока еще ни то ни се, и больше худы, чѣмъ хороши, но все во сто разъ лучше, чѣмъ когда жилъ въ Москвѣ. Улучшеніе ихъ зависитъ отъ участи «Отечественныхъ Записокъ», которая обозначится не прежде мая мѣсяца. Если увидишь Ксенофонта Алексѣевича Полевого, скажи ему отъ меня поклонъ и увѣрь его, что я его глубоко уважаю, какъ человѣка умнаго, честнаго и благороднаго, что я дорожу его уваженіемъ, съ удовольствіемъ вспоминаю о времени, которое проводилъ у него въ домѣ, люблю все его семейство, никогда не забуду его милыхъ дѣтей. Также я всегда буду помнить, что былъ обязанъ многимъ его ко мнѣ расположенію. Оставилъ я его вотъ почему: онъ слишкомъ любитъ своего брата, котораго я отъ всей моей души и ненавижу, и презираю, какъ подлеца, негодяя и мерзавца, наперсника

Греча, друга Булгарина, издателя глупаго и подлаго журнала и пр. и пр.: посуди же самъ, каково мнѣ было бывать у Ксенофонта Алексѣевича, какъ мнѣ было смотрѣть на него, когда бы зашелъ разговоръ о его братѣ? Степановъ подлецъ въ полной формѣ. Скажу тебѣ за тайну, которую никому не открывай: онъ долженъ Боткину 2000 р. и начисто отказался заплатить, потому что, понадѣясь на его мнимую честность, мы не взяли съ него векселя. Онъ обманывалъ и меня, и Андросова: ему хотѣлось издавать пакостный журналишко, который бы ничего ему не стоилъ, а давалъ бы работу его типографіи; а меня хотѣлъ сдѣлать, какъ дурачка, своимъ орудіемъ въ этомъ честномъ дѣлѣ. По его милости «Наблюдатель» отставалъ не днями, а мѣсяцами и трехмѣсячіями. Свинья, с . . . с . . .— онъ не стоитъ, чтобы и бумагу сквернить его именемъ.

Очень радъ, что Ѳедосья Степанова поступила такъ, какъ должно было ожидать отъ ея добраго и любящаго материнскаго сердца. О старикѣ твоемъ не хочу говорить, Богъ съ нимъ. Кланяюсь низко твоей хозяйкѣ, цѣлую ея бѣлыя ручки и—съ твоего позволенія — сахарныя уста. Увѣдомь меня, довольна ли Леонора Яковлевна Никаноромъ. Это меня очень безпокоитъ. Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ рѣшеніе задачи—есть ли у меня братъ, или нѣтъ его? Внучкѣ своей я свидѣтельствую мое нижайшее почтеніе и совѣтую ей поменьше и потише кричать и вообще вести себя, какъ слѣдуетъ благовоспитанной дѣвицѣ. Въ противномъ же случаѣ я ей не дѣдушка, а она мнѣ не внучка: такъ-таки и скажи ей. А на всякій случай поцѣлуй ее за меня хорошенько, и попроси и Леонору Яковлевну то же сдѣлать.

Поздравляю тебя съ хорошею квартирою. Это, братъ, важное, даже первое дѣло во внѣшней жизни. Постарайся устроить свои дѣлишки, сверстать расходъ съ приходомъ, если можно, послѣдній повысить передъ первымъ, и раздѣлаться съ долгами. Да что это у тебя за мѣщанская манера справлять именины? Право, ты дѣлаешься настоящимъ филистеромъ. Напрасно ты отказываешься отъ вечеровъ Ксенофонта Алексѣевича. Тебѣ не мѣшаетъ приглядываться къ этому міру, благо есть случай. Главное дѣло въ томъ, чтобы на этихъ вечерахъ вести себя ловчѣе: говорить, а не разсуждать, быть смѣлѣе и сочетать вѣжливость съ простотою, развязностію и смѣлостію. Странно поразило меня извѣстіе о покражѣ твоихъ 50 р. Растолкуй, какъ

это сдѣлалось и что значитъ? Да Бога ради, что Никаноръ насчетъ—помнишь чего? Обрати на это все свое вниманіе. Если можно, нельзя ли, чтобъ кухарка или нянька — что ли... Безъ этого онъ погибъ, и это одно средство для спасенія его. Смотри за нимъ въ оба, и выдерживай характеръ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы, имѣя къ тебѣ полную довѣренность и расположеніе, онъ и побаивался тебя; чтобы ты былъ его совѣстью. Прошу тебя, ради самого Бога, ничего не скрывать отъ меня, касающагося его отношеній къ тебѣ и вообще относящагося до него.

Прощай, мой добрый и милый Дмитрій, крѣпко, крѣпко жму твою руку. Бога ради, не старайся опредѣлять нашихъ отношеній и, не разсуждая, вѣрь, что я тебя люблю, искренно люблю. Было время, когда мы съ тобою не сходились, и ты обвинялъ меня въ незаслуженной холодности. Тогда и я былъ понелѣпѣе, а въ тебѣ было много претензій на то и на другое. Но когда ты отказался отъ всякихъ претензій и сталъ добрымъ и простымъ человѣкомъ, словомъ, сталъ самимъ собою, — мои отношенія съ тобою тотчасъ перемѣнились къ лучшему. Да, будь самимъ собою—и ты будешь умнымъ, честнымъ, благороднымъ и простымъ человѣкомъ, съ теплою душою и благою дѣятельностью. А это много значитъ. Я люблю многихъ, но со всякимъ изъ этихъ многихъ у меня особенныя отношенія. Такъ и съ тобою. Будь увѣренъ, что въ моемъ сердцѣ всегда будетъ уголокъ, въ который ты всегда можешь войти, не стучась и не спрашиваясь, какъ въ свою комнату. Что мнѣ за дѣло, что ты не ученый, не поэтъ, не литераторъ: ты человѣкъ, а это— повѣрь мнѣ — стоитъ того и часто бываетъ еще лучше. Тебѣ нечего стыдиться себя: ты полезенъ и себѣ и обществу, а это, повторяю, много значитъ. Я же въ твоей ко мнѣ любви никогда не сомнѣвался, и умѣю цѣнить ее и дорожить ею.

Что твоя служба? Пиши мнѣ обо всемъ, не бойся наскучить мнѣ подробностями: я лѣнивъ писать, но читать люблю, и ничѣмъ меня нельзя такъ разодолжить, какъ большимъ письмомъ. Кланяйся всѣмъ, кто меня помнитъ. Доброму Павлу Дмитріевичу Савельеву поклонъ. Алешѣ съ семействомъ такожде, да поздравь его отъ меня съ пряжкою. Доброй Дарьѣ Титовнѣ пять поклоновъ; скажи ей, что я никогда ее не забуду. О деньгахъ пусть не безпокоится: это самый священный мой долгъ. Что Ваня, какъ ведетъ себя? Увѣдомь тотчасъ же о полученіи денегъ отъ Ширяева и о всей этой комиссіи.

Письма и посылки адресуй ко мнѣ такъ:

Въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи Отечественныхъ Записокъ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, въ домѣ Лукина, № 47, для передачи В. Г. Бѣлинскому.

Непремѣнно адресуй въ контору редакціи «Отечественныхъ Записокъ»: это избавитъ меня отъ необходимости ходить въ почтамтъ.

Отрывокъ изъ письма къ В. П. Боткину. Февраль, 1840.

Чудакъ Станкевичъ—сердится за Шиллера. Не понимаю, какъ можно сердиться за убѣжденія. Я люблю Шекспира, право, не меньше, чѣмъ онъ Шиллера, но если бы ты не понималъ его, какъ я не понимаю Шиллера, — за что-жъ сердиться? Спорить можно — и горячо, но сердиться... вѣрно это берлинодушіе?.. Что же вы съ Грановскимъ не переслали ко мнѣ его письма? Ахъ вы, шуты! Мои письма, коли хочешь, пошли къ нему. Немножко стыдно мнѣ за то письмо, что пошло къ нему передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы: ужасно г . . . . душно, и дѣтства въ немъ—бездна. Право, у меня даже нѣтъ охоты и спорить съ Станкевичемъ о Шиллерѣ, не только сердиться. Дѣло ясно: кто-нибудь изъ насъ не понимаетъ дѣла; понять же его зависитъ отъ средствъ духовныхъ и времени, слѣдовательно, сердиться смѣшно. Уважаю Шиллера за его духъ, но драмы его, въ художественномъ отношеніи, для меня — хоть бы ихъ и не было. Вру я, рѣжусь, не понимаю: положимъ такъ, но моя ли то вина? Говорю, какъ вижу, а вижу, какъ говорю.

Желалъ бы что-нибудь знать о Гоголѣ, да Константинъ Аксаковъ не отвѣчаетъ на мои письма—видно, сердится на меня—что-жъ дѣлать. Вполнѣ понимаю страданія Гоголя и сочувствую имъ. Понимаю и его Sehnsucht къ Италіи. Родная дѣйствительность ужасна. Будь у меня средства, я надолго бы раскланялся съ нею. Это мой идеалъ счастія теперь. Кажется, что бы лучше, какъ, имѣя деревню и семейство, уйти въ сферу природы и семейнаго блаженства, но и тамъ найдетъ тебя предводитель, исправникъ, земскій судъ, русскій попъ, окончившій курсъ богословія, пьяный лакей, котораго непремѣнно надо бить по рожѣ, чтобъ онъ тебя не билъ по рожѣ. А тамъ еще чортъ

дернетъ подписаться на журналы—будешь видѣть, какъ . . . . . Сенковскій и какъ . . . . . Полевой. Страшная и гадкая дѣйствительность!

Что-жъ ни слова не написалъ мнѣ о стихахъ Лермонтова — «Дары Терека» и «На смерть Одоевскаго»? А какова его «Колыбельная пѣсенка»? Я отъ нея безъ ума. Ключникова «Собирателямъ моихъ элегій»—хорошая вещь; но «Знаете ль ее?»—Богъ знаетъ что, тотчасъ видно, что онъ тутъ въ чужой сферѣ.

Прилагаю письмо Николая Бакунина къ тебѣ. Вотъ, братъ, юноша-то. Дѣвственность, просторъ, любовность, задушевность, скромность покойной сестры, и при этомъ мужественный духъ, сильный и гордый, жаждущій жизни для жизни, кипящій дѣятельностію, а не фантазіями и не хорошими намѣреніями въ будущемъ. Онъ все понимаетъ—инстинктъ дѣйствительности въ немъ дивный. Магнетическія и фантастическія отношенія его поразили прошлаго года, безусловная фанатическая вѣра въ Мишеля тоже. Скажи Мишелю, что его письмо къ тебѣ есть слѣдствіе твоихъ строкъ «мужъ или братъ». Я боюсь, чтобы онъ не понялъ дѣла по-своему и построилъ изъ него своей дѣйствительности. Братъ его любитъ и понимаетъ его хорошія стороны; но въ магнетизмѣ, фанатизмѣ и фантазмѣ почитаетъ святымъ долгомъ дѣлать ему всевозможную оппозицію. Онъ понимаетъ вещи просто, и его глубоко огорчаетъ въ сестрахъ то, что ты, въ письмѣ своемъ, называешь въ нихъ «странными, фантастическими, фанатическими, отвлеченными, дикими и рабскими понятіями объ отношеніяхъ къ братьямъ». Онъ совершенно согласенъ съ тобою и въ томъ, что голова у Мишеля чудесная, что онъ все истинно понимаетъ, но что она у него часто идетъ врозь съ чувствами. На Николая ты можешь положиться; успѣетъ ли онъ что сдѣлать—это вопросъ; но что онъ будетъ дѣлать и что онъ понимаетъ вещи не по книжному, а какъ надо, т.-е. просто,—это не вопросъ, а фактъ.

Прощай, мой милый.

Твой Б.

Къ сестрамъ Бакунинымъ. Февраль, 1840.

Прошу васъ принять моего друга Михаила Александровича Языкова съ достодолжнымъ его человѣческимъ достоинствамъ

вниманіемъ. Вы и мнѣ въ немъ не отказывали, но я недостоинъ разрѣшить ремня у сандаліи его. Безъ шутокъ — это душа благодатная, глубокая, тихая и гармоническая, чуждая всякихъ неистовыхъ порывовъ, какими суждено отличаться всю жизнь свою вашему покорному слугѣ. Онъ (т.-е. Языковъ, а не покорный слуга) очень, очень интересуется вашимъ знакомствомъ и будетъ счастливъ даже малѣйшимъ вниманіемъ съ вашей стороны.

В. Б.

Къ В. П. Боткину. 24 февраля—1 марта, 1840.

Спб. 1840, февраля 24.

Вчера — о день приснопамятный! — вчера получилъ я твое письмо.

День былъ прекрасенъ, и солнце сіяло надъ Невскимъ проспектомъ, — хотѣлъ было тряхнуть гекзаметрами, да не вытанцовывается, и потому снова обращаюсь къ прозѣ. Я, Панаевъ, Языковъ и Краевскій условились въ пятницу итти ѣсть блины къ Палкину (вчетверомъ скушали на восьмнадцать рублей), а мѣстомъ сходки назначили контору редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Тамъ Панаевъ отдалъ мнѣ твое письмо — я началъ читать — то хочется плакать — при всѣхъ стыдно, то смѣяться — глупо; кое-какъ пробѣжалъ, — и безоблачное небо, ясная погода отразились въ душѣ моей. Ѣлъ за пятерыхъ, но не отъ обжорства, а отъ того, что былъ въ какомъ-то помѣшанномъ состояніи и почти не помнилъ, что̀ дѣлалъ, помня только, что отъ чего-то мнѣ хорошо, такъ хорошо. Сегодня поутру перечелъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкою, схватился за перо, но что-то не пишется: вѣроятно, отъ того, что небо чисто, солнце сіяетъ. Такая погода всегда приводитъ меня въ состояніе какого-то созерцательно-безсознательнаго, чуждаго всякой рефлексіи и всякой дѣятельности (активности) блаженства. На душѣ много, а съ души ничто нейдетъ. Ну, да къ чорту краснорѣчіе: мы и безъ него знаемъ и понимаемъ другъ друга. Да, Боткинъ, только теперь я имѣю и знаю, что я имѣю: спасибо Питеру, безъ него я не зналъ бы этого. Разлука великій актъ жизни — она пробный камень всѣхъ душевныхъ связей. Много отнимая, она гораздо больше даетъ, она дѣлаетъ дѣйствительностію, очевидностію возможность, предчувствіе, надежду. О,

Боткинъ, Боткинъ—но нѣтъ, не нужно словъ, хотя они и просятся и готовы, вмѣстѣ съ моими слезами, хлынуть обильнымъ огненнымъ потокомъ. Довольно! Бо̀льшаро отъ дружбы невозможно требовать: она мнѣ все дала, все, чего такъ давно алкала жадная сочувствія душа моя, и чѣмъ такъ давно наслаждалась она, сама того не зная! Да, спасибо Питеру,—онъ на многое открылъ мнѣ глаза. Только въ немъ догадался я, чѣмъ ты для меня жертвовалъ, какія жертвы приносилъ ты мнѣ. Живя въ Москвѣ—признаюсь—я не умѣлъ ихъ цѣнить. О, когда настанетъ то время, когда у васъ будетъ находить себѣ теплый уголокъ мое растерзанное пыткою жизни сердце, когда буду я къ вамъ являться, чтобъ

...день другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь!..

О, какъ люблю я ее, и за нее и за тебя! Вчера прихожу домой—на столѣ моемъ лежатъ знакомые милые почерки (Николай оставилъ мнѣ только-что полученныя отъ нихъ письма)—беру и въ одномъ письмѣ читаю вотъ эти строки: «Хорошо ли тебѣ въ Петербургѣ, часто ли видишься съ Бѣлинскимъ. Скажи ему, что я часто, часто вспоминаю время, которое провела съ нимъ въ Москвѣ—тѣ вечера, въ домѣ Ржевскаго—я долго, всегда буду помнить—я съ нимъ въ первый разъ безъ боязни—отъ души говорила—и онъ былъ такой добрый—поклонись ему. Твоя Александра». Боткинъ, кажется, слово «безъ боязни» должно-бъ было глубоко оскорбить меня, напомнивъ мнѣ мои страдальческія глупости; но оскорбленія не было, а снова ангелъ жизни прошумѣлъ надъ моей головою своими лазоревыми крыльями, словно серебряные колокольчики прозвенѣли въ душѣ моей. О чистое, святое, ангелоподобное существо, да если тебѣ хотя одну минуту было со мною хоть не тяжело, если не пріятно—и тогда я счастливъ, блаженъ, и моя безконечная любовь къ тебѣ вполнѣ вознаграждена. Боткинъ, скажи: можно-ль любить больше? И моя любовь истинна: она даетъ мнѣ счастіе. Да, только счастіе есть мѣрка и повѣрка любви. И такъ-то я всѣхъ ихъ люблю. Я объ нихъ или совсѣмъ не думаю, или, если думаю,—это какой-то экстазъ, въ которомъ все блаженство и все страданіе любви. Моя страстная, дикая натура не умѣетъ иначе любить. И потому съ моей любовью такъ близко граничитъ и моя ненависть. Скажу тебѣ прямо, коротко и ясно: я ненавижу Ми-

шеля, не для него и за него, а за нихъ, за его къ нимъ отношенія, за искаженіе ихъ божественныхъ натуръ. Я уважаю его, удивляюсь ему, но не какъ солнцу, все оживляющему, все согрѣвающему, все очищающему, а какъ великолѣпному сѣверному сіянію. Бываютъ даже минуты, когда и его индивидуальность бываетъ для меня, если не мила, то достолюбезна; но лишь вспомню о нихъ—и я боленъ ненавистію, о которой, не знаю, можно ли кому дать понятіе. Да, это нѣчто выше враждебности: это ненависть. Что мнѣ дѣлать съ этимъ? Я не могу побѣдить въ себѣ этого чувства. Я сознаю ясно, что личныхъ отношеній никакихъ нѣтъ: ни мое самолюбіе, ни мой эгоизмъ нисколько не оскорблены этимъ человѣкомъ, скорѣе даже польщены; но тѣмъ не менѣе чувствую, что не встрѣчалъ еще натуры, болѣе враждебной моей. Я ни при комъ не скажу о немъ дурного слова, даже всегда заступлюсь за него—чувствую, что нечаянная встрѣча съ нимъ всегда будетъ мнѣ пріятна, чувствую, что, видя его въ бѣдѣ, помогъ бы ему со всею охотою, нисколько не вникая въ причину бѣды; но этимъ все и оканчивается; а за этимъ начинается враждебность. Надувши самого себя, онъ славно надулъ и меня въ Питерѣ: я сдуру повѣрилъ, что для этого человѣка есть возможность примиренія съ дѣйствительностію. Онъ такъ радушно во всемъ соглашался со мною насчетъ своихъ отношеній къ нимъ, и ея къ тебѣ, и твоихъ къ ней; а пріѣхавъ въ Москву, написалъ къ ней письмо, дышащее враждебностію къ тебѣ, совѣтовалъ вникнуть въ свое чувство и пр. Что это такое? Любитъ ли онъ тебя хоть сколько-нибудь? Подумалъ ли онъ тутъ о тебѣ хоть минуту? Понимаетъ ли онъ твое чувство, вѣритъ ли ему, цѣнитъ ли его? Нѣтъ, Боткинъ, кто кого любитъ, тотъ того и понимаетъ. У меня всегда была увѣренность, что она тебя любитъ, потому что всегда была вѣра въ твое чувство. Но когда я узналъ это, какъ фактъ,— то твое чувство сдѣлалось для меня ручательствомъ дѣйствительности ея чувства, а ея — твоего! Ты пишешь, что онъ любитъ одно общее. О, пропадай это ненавистное общее, этотъ молохъ, пожирающій жизнь, эта гремушка эгоизма, самоосклабляющагося въ немъ! Лучше самая пошлая жизнь, чѣмъ такое общее, чтобъ чортъ его побралъ! Пусть лучше данъ будетъ моему разумѣнію маленькій уголокъ живой дѣйствительности, чѣмъ это пустое, лишенное всякаго содержанія, всякой дѣйствительности, сухое и эгоистическое. Ты пишешь, что у меня та-

кая же способность отвлеченія, какъ у Мишеля: такъ, да не такъ, я резонеръ и рефлектировщикъ, правда — но зато, какъ скоро представали передъ меня дивныя явленія дѣйствительности, въ искусствѣ и жизни, я посылалъ къ чорту свою рефлексію, и никогда не мѣнялъ человѣка на книгу. Понимаю, Боткинъ, глубоко понимаю твое выраженіе о Sophie Kroneberg: простодушная, умненькая дѣвушка: теперь я и на тебя смотрю, какъ на простодушнаго и умнаго юношу, и желаю, чтобы и ты смотрѣлъ на меня такъ же, — и дай Богъ, чтобы мы оба были достойными такихъ эпитетовъ. Къ чорту героизмъ и ходули. Я увѣренъ, что и великіе люди казались себѣ совсѣмъ не великими, — такъ намъ ли смотрѣть на себя свысока, прикидываться героями и искать для своихъ знакомствъ и дружбы только героевъ. Для меня поэтъ и герой выше человѣка, но объективно, а когда онъ захочетъ со мною сблизиться, я попрошу его сбросить съ себя поэзію и героизмъ и прежде всего быть просто человѣкомъ. Святое и великое титло! Для Мишеля оно ничего. Онъ, какъ говоришь ты, себѣ на умѣ. Это прекрасно сказано. Мнѣ что-то крѣпко кажется, что этотъ человѣкъ, кромѣ себя, еще никого не любилъ. Онъ любитъ, напримѣръ, сестеръ, но для нихъ или для себя — вотъ вопросъ, на который отвѣта должно искать въ его письмѣ къ сестрѣ, во время твоей харьковской поѣздки. Онъ ей ни слова не сказалъ, что если она обманывается въ своемъ чувствѣ, то погубитъ этимъ и себя и тебя, и потому бы вникнула; но онъ сказалъ, что ты отнимаешь ее у братьевъ. Мнѣ кажется, главнѣйшая причина тутъ та, что она его не будетъ уже слушать, какъ оракула, какъ бога. Ты, Боткинъ, радуешься его письму, потому что оно произвело прекрасный для тебя результатъ — уничтожило твои сомнѣнія; но, въ отношеніи къ нему, оно очень не радостно: этотъ человѣкъ смотритъ на тебя все тѣми же глазами, какъ смотрѣлъ во время твоего перваго посѣщенія Прямухина. Ты диллетантъ, въ его внутреннемъ сознаніи, которое обнаруживаетъ себя дѣломъ, часто вопреки слову. Твоя глубокая, гармоническая, музыкальная субстанція закрыта отъ него: у него нѣтъ органа въ душѣ, чтобъ почувствовать ее. Хотя онъ и на меня смотритъ съ высоты своего геройственнаго величія, но захоти я ломать съ нимъ комедь, — я всегда стану въ его понятіи выше тебя. Это тѣмъ легче мнѣ сдѣлать, что онъ побаивается меня, ибо я ему пришелся солоненекъ. Бѣдный мой

Василій, ты силишься надуть самого себя, но меня не надуешь: я за 700 верстъ все вижу такъ ясно, какъ за два шага. Я понимаю всю тяжесть твоихъ къ нимъ отношеній: отказать ему въ уваженіи ты не можешь,—любить его не можешь, играть съ нимъ комедіи не можешь, и, будучи врагомъ тебѣ (по его отношенію къ твоему чувству), онъ все-таки остается и останется ея братомъ. Это своего рода трагическая коллизія. О, я знаю этого человѣка: я берусь написать его біографію со дня его рожденія до сей минуты, и отъ сей минуты до смерти, хотя бы онъ прожилъ еще 100 лѣтъ, — и онъ самъ принужденъ будетъ подписаться подъ нею «съ подлиннымъ вѣрно». И надо ему отдать честь: онъ хорошо чувствуетъ свои отношенія ко мнѣ: немногія и, повидимому, незначащія слова мои объ немъ въ письмѣ къ тебѣ вырвались изъ тайника души моей, подъ вліяніемъ сильной ненависти. Онъ не обманулся. И какъ смѣшно и пошло онъ мститъ мнѣ, въ письмѣ къ брату Николаю — комедія да и только! То нападаетъ на меня, то похваливаетъ — и то и другое дѣлаетъ очень неловко, такъ что письмо на Николая произвело дѣйствіе совершенно противное тому, котораго онъ ожидалъ. Забавнѣе всего выходка его противъ моей статьи о «Горе отъ ума». Видишь, въ чемъ дѣло: Пашенька, дескать, читаетъ ее и мѣстами подсмѣивается надо мною, и что это именно тѣ мѣста, гдѣ я говорю о своей несчастной дѣйствительности. Ты знаешь Павла: я не разъ видѣлъ, какъ онъ, читая Шиллера и Гёте, подсмѣивался надъ ними, а вмѣстѣ и надъ собою; такъ, вѣрно, онъ подсмѣивается и надо мною, а Мишель принялъ это за то, что моя статья смѣшна даже для дѣтей. И если бы Павелъ подсмѣивался надъ нею не шутя: что тутъ за радость для Мишеля? Можетъ ли мальчикъ смѣяться надъ тѣмъ, чего не въ состояніи понять иначе, какъ абстрактно? Вѣдь онъ же подсмѣивался надъ моею статьею о дѣтскихъ книжкахъ въ «Наблюдателѣ», именно надъ моею мыслію, что въ дѣтяхъ не должно развивать рефлексію, но, напротивъ, поддерживать полноту и непосредственность ихъ пониманія природы и жизни? Скажу тебѣ откровенно, что это меня взбѣсило, потому что это низко и пошло. Человѣкъ не можетъ напасть на меня прямо, такъ смѣется надъ покроемъ моего сюртука. Ты сказалъ мнѣ, что моя статья въ 12 № «Отечественныхъ Записокъ» такъ скучна, что у тебя не было силъ и дочесть ее, — и я съ тобою согласился, и это противъ тебя не возбудило во мнѣ и тѣни неудо-

вольствія, потому что сказано и справедливо и прямо. Далѣе нападаетъ на меня за Алешу, который де такъ хорошъ, что онъ, Мишель, восхищается имъ (должно быть хорошъ!). Что-жъ — я не сужу о человѣкѣ по мальчику, но что онъ оскорблялъ и меня и тебя, разыгрывая роль взрослаго и необыкновенно умнаго человѣка, — это правда. Мою несправедливость противъ Алеши онъ опять приписываетъ моей несчастной дѣйствительности. Гдѣ же, о Мишенька! счастливая-то дѣйствительность: ужъ не въ счастливой ли статьѣ, которою началась книжка «Наблюдателя»? Или ужъ не въ похожденіяхъ ли Мишеля? Потомъ онъ радуется, за Николая, что я полюбилъ его, но все это такъ неловко, такъ пошло и глупо. Я знаю, что онъ взбѣшенъ противъ меня моимъ сомнѣніемъ въ дѣйствительности его стремленія къ знанію и его поѣздки въ Берлинъ. Онъ правъ — есть за что сердиться: когда я наклепалъ на себя чувство къ Александрѣ Александровнѣ, — для меня не было жесточайшей обиды со стороны Мишеля и твоей, какъ сомнѣнія въ дѣйствительности моего чувства. Если это и не совсѣмъ несомнѣнно, то очень вѣроятно. И какъ повѣрить? Что онъ сдѣлалъ для науки? — nichts — нуль — перелистывалъ книжки, кричалъ о нихъ, шумѣлъ о философіи и о себѣ, о себѣ и философіи. Кто жъ виноватъ, что теперь въ его призваніе къ философіи (кромѣ, можетъ быть, одного тебя) никто не вѣритъ. А поѣздка въ Берлинъ: да развѣ по воздуху ѣздятъ и воздухомъ питаются? 2000 — да ему мало 20,000, хоть въ Берлинѣ рейнвейнъ и дешевъ. Этотъ человѣкъ не въ силахъ отказать себѣ въ медовомъ пряникѣ. Онъ пропадетъ тамъ. Что онъ будетъ дѣлать? Учить нѣмцевъ русскому языку, котораго самъ не знаетъ? Нѣтъ, я знаю, на что и на кого онъ надѣется — на Станкевича и на Заикина. Открою тебѣ за великую тайну, что къ Заикину пишетъ его братъ, что Мишель былъ у него, говорилъ о стѣсненности своего семейства, о своей необходимости ѣхать въ Берлинъ, а въ заключеніе — попросилъ денегъ. Тотъ добрякъ (благородная и любящая душа!) растаялъ и о семъ съ умиленіемъ пишетъ къ брату; но этотъ въ бѣшенствѣ разорвалъ письмо въ клочки и разругалъ брата. Онъ только то и твердитъ: мнѣ не жаль денегъ, никому не откажу — только не Бакунину. Повѣришь ли, Боткинъ, Мишель умѣлъ такъ глубоко оскорбить эту кроткую, любящую, мелодическую душу, что она больна къ нему ненавистію. Этотъ человѣкъ все позволитъ съ собою дѣлать,

все снесетъ, а кого полюбитъ, самъ предложитъ послѣднюю рубашку, — но Мишель умѣлъ и этого человѣка такъ возстановить противъ себя. Теперь суди же, каковы его отношенія къ Заикину, и какъ основательны надежды на этого человѣка. А между тѣмъ, повторяю, этотъ человѣкъ пригласилъ меня жить къ себѣ и приглашаетъ ѣхать съ собою за границу, на свой счетъ: кажется, онъ не скупъ? Мишель вѣчно кричалъ о волѣ, видя въ себѣ генія воли, а во мнѣ идеалъ слабости воли: но гдѣ же у него воля? Ея нѣтъ въ немъ ни тѣни, ни призрака. Мнѣ пріятно (или по крайней мѣрѣ легко) ничего не дѣлать,— и я ничего не дѣлаю: неужели это воля? Ему было пріятно авторитетствовать, воевать съ родителями и фанфаронить этою войною — онъ это и дѣлалъ: неужели это воля? Я человѣкъ безъ воли — это правда; но когда за двѣ недѣли до выхода «Отечественныхъ Записокъ» Краевскій говоритъ мнѣ — что жъ статьи и статейки, а у меня въ душѣ и апатія, и отчаяніе, и чортъ знаетъ что, — и я говорю — будутъ готовы, а самъ не принимаюсь, а между тѣмъ № журнала не задержалъ, и всѣ обѣщанныя статьи напечатаны, — это похоже на волю. Ты по вечерамъ (украдкою и урывками отъ амбара и друзей) выучился по нѣмецки — и это похоже на волю. Боткинъ, скажи же мнѣ хоть одинъ фактъ, гдѣ бы видна была его воля?

Бога ради, чтобы мои письма оставались для него тайною. Сохрани тебя Богъ объявить ему ихъ — наша переписка въ такомъ случаѣ, если не кончится, то надолго прервется. Зачѣмъ мнѣ безплодно оскорблять этого человѣка? Ужъ не опять ли переписываться съ нимъ — нѣтъ, ужъ на это я не намѣренъ больше тратить ни времени, ни желчи моей, а мнѣ и безъ него тяжело жить на свѣтѣ. Къ тому же и то правда: какое имѣю я право учить его и говорить ему правду? По крайней мѣрѣ, я не позволю дѣлать этого со мною. Да, Боткинъ, не люблю я этой блуждающей кометы: и твои письма еще болѣе взбунтовали противъ него всю мою натуру. Не буду больше объ немъ говорить. Еще разъ: все сказанное объ немъ — тайна для него.

Твое новое извѣстіе о Катковѣ поразило меня. Вѣдь ты же писалъ мнѣ, что онъ уже образумился? Я получилъ отъ него два письма, въ которыхъ видны грусть и страданіе. Эта исторія начинаетъ возмущать меня: въ ней нѣтъ никакой поэзіи — одна грязь, животность и, наконецъ, подлость. Знаешь ли что: не

брякнуть ли мнѣ къ нему, не прямо, а намеками, но понятно? Отвѣчай; безъ твоего совѣта ничего не сдѣлаю. Добрый, благородный Катковъ! О, если бы онъ чаще былъ въ грустномъ состояніи духа!

27 февраля.

Письмо къ Мишелю отвлекло меня отъ письма къ тебѣ. Ты пишешь, что его письмо ко мнѣ вытекло изъ благороднаго источника: можетъ быть, только бо́льшая часть его навела на меня апатическую скуку, а конецъ, написанный милымъ и шутливымъ тономъ, пренепріятно подѣйствовалъ на меня—точь въ точь, какъ ласки или гримасы... не доканчиваю. Странный этотъ человѣкъ! Какъ, при всемъ своемъ умѣ, онъ не можетъ понять самыхъ простыхъ вещей, какъ напр.: что логикой ничего доказать нельзя, что повторять одно и то же скучно, что диссертаціи хороши въ книгахъ и отвратительны въ письмахъ, что сухое резонерство возмущаетъ душу, и пр. и пр. — все въ такомъ же родѣ. Еще: какъ не можетъ онъ понять, что ему совсѣмъ не къ лицу шутливый и милый тонъ, что его фразы изъ Гоголя мутятъ душу, и пр. и пр.—опять все въ такомъ же... [1]).

1 марта.

Видно, этому письму не суждено кончиться порядкомъ. Дѣлъ у меня бездна: надо написать листа полтора рецензій и критическую статью: 3 № «Отечественныхъ Записокъ» долженъ выйти 15-го, теперь 1-ое, а еще ни одной строки не написано, а Языковъ грозится уѣхать завтра. Въ головѣ хаосъ—въ сердцѣ тоже. Обращаюсь къ Мишелю. Сейчасъ получилъ отъ Николая письмо, и не знаю, что съ нимъ дѣлать. Мишель снова увидитъ во мнѣ ожесточеннаго врага и конспиратора,—онѣ—тоже. Но скажи, Бога ради: виноватъ ли я, что сошелся съ Николаемъ, какъ нельзя лучше, отъ души полюбилъ его? Кажется, тутъ нѣтъ ни вины, ни конспираціи противъ Мишеля? Потомъ, виноватъ ли я, что, говоря съ нимъ о его сестрахъ, я не могъ играть комедіи и высказалъ все, какъ вижу, понимаю и чувствую? Виноватъ ли я, что иначе ни видѣть, ни понимать, ни чувствовать не могу? Далѣе: вино-

[1]) Кончается второй листокъ — четвертая страничка письма — какъ будто безъ окончанія; далѣе слѣдуетъ листокъ, помѣченный 3-мъ, какъ будто пропуска нѣтъ.—*Прим. А. П.*

ватъ ли я, что все, высказанное мною Николаю, показалось ему подтвержденіемъ его собственныхъ чувствъ, мыслей и впечатлѣній, произведенныхъ на него и сестрами и Мишелемъ? Виноватъ ли я, что твои письма ко мнѣ возмутили снова мою душу противъ Мишеля и такъ глубоко огорчили благородную юную душу, не испорченную никакими предубѣжденіями? Если бы я съ Николаемъ не сошелся, я ничего и не сказалъ бы ему, потому что я не ищу себѣ прозелитовъ (но бѣгаю отъ людей) и еще менѣе ищу заговорщиковъ противъ Мишеля. Николай меня полюбилъ: все, что́ я ни говорю ему, гармонируетъ съ его чувствомъ, и онъ мнѣ потому и вѣритъ. Но онъ совсѣмъ не мальчикъ и чужими глазами смотрѣть неспособенъ. Лучшее этому доказательство то, что, лишь только Мишель уѣхалъ изъ Питера, какъ все его вліяніе тотчасъ же спало съ Николая, хотя въ то время онъ ко мнѣ и не ходилъ, жилъ бо́льшею частію на заводахъ (сблизился онъ со мною не больше, какъ съ мѣсяцъ назадъ). Напримѣръ, Мишель старается въ немъ произвести любовь и уваженіе къ философіи, а Николай (съ мѣсяцъ назадъ—съ этой-то минуты особенно и полюбилъ я его) вдругъ развоевался противъ философіи, говоря, что жить значитъ кутить. Что съ нимъ будешь дѣлать? Я улыбался, но утолить его командирскаго сердца не хотѣлъ. Абстрактность Мишеля слишкомъ поразила его, чтобъ онъ понялъ всю дурную сторону его вліянія на сестеръ. Да наконецъ—конецъ концовъ!—развѣ я не имѣю права имѣть друзей, а съ ними быть вполнѣ откровеннымъ? Я почелъ за святой долгъ откровенно разсказать ему не только много о Мишелѣ, но и о себѣ, и о тебѣ: онъ свѣжъ, здоровъ, нормаленъ—надо же его предохранить нашимъ опытомъ отъ многаго, отъ чего некому было предохранить насъ. Когда я ему говорилъ—онъ почти со слезами обнималъ меня и благодарилъ. Мишель показывался ему только спереди, въ апотеозѣ, а я, начиная съ себя, повернулъ всѣхъ васъ задками къ нему. Неблагообразно—что дѣлать—сами виноваты! У меня съ Мишелемъ борьба, но теперь это уже не борьба личностей, а борьба идей: онъ правъ — истина возьметъ свое; не правъ — терпи. Да и чему терпѣть? — не ему, а его самолюбію; но по его же теоріи, истина выше не только самолюбія, но и всего человѣка. Вотъ что́, мой Василій: такъ какъ ты тутъ играешь важную роль, то́ я и боюсь, чтобы отъ этого не потерпѣли твои отношенія къ Мишелю, а отъ нихъ не потерпѣло бы твое сча-

стіе. Поэтому, прочти письма (и Николаево и мое) сперва самъ, а потомъ, найдешь возможнымъ — отдай ихъ Мишелю, найдешь нужнымъ не давать ему знать о нихъ — удержи у себя, но во всякомъ случаѣ, тотчасъ же дай знать о своемъ рѣшеніи.

Пиши ко мнѣ, Боткинъ, пиши все и обо всемъ. Можетъ быть, иное будетъ и непонято мною, но вѣрь мнѣ, мой Василій, все, малѣйшая подробность, будетъ принято къ сердцу, перечувствовано имъ, доставитъ мнѣ минуту счастія. Да, больше, больше о себѣ и о ней — тебѣ грѣшно думать, чтобы ты могъ наскучить мнѣ подробностями о своей конечной личности: я, братъ, общимъ занятъ, не во гнѣвъ будь сказано Михаилу Александровичу, но занятъ имъ по своему. Что мнѣ твоя философія — давай мнѣ свою лысину. Впрочемъ, о чемъ бы ты ни писалъ — для меня все это мило, прекрасно, умно, глубоко, одушевлено, согрѣто. Я не знаю музыки, Гебель для меня не существуетъ, но когда я читаю о нихъ въ твоемъ письмѣ, мнѣ кажется, я самъ музыкантъ, что мнѣ вотъ только стоитъ присѣсть, чтобы навалять квинтету. Ахъ, Боткинъ, каждое письмо твое — свѣтлый праздникъ для меня, день счастія и даже полноты, поколику она для меня возможна. А о Пушкинѣ ты врешь, хотя, по своему обыкновенію, и мило врешь. Шекспиръ не зналъ новѣйшей германской рефлексіи, но міросозерцаніе его отъ того не пострадало, не сузилось, равно какъ и обиліе нравственныхъ идей. У Пушкина то и другое безконечно, только труднѣе въ то и другое проникнуть, чѣмъ у нѣмцевъ. Вспомни, что̀ ты самъ такъ глубоко и вѣрно подмѣтилъ въ «Онѣгинѣ»—какое безконечное міросозерцаніе, какой великій нравственный урокъ — и въ чемъ же—въ нашей частной жизни, среди помѣщиковъ! А тамъ еще «Цыганы», «Борисъ Годуновъ», «Русалка» (обрати на нее вниманіе), «Скупой Рыцарь», «Каменный Гость». Въ послѣднее время мнѣ открылся «Бахчисарайскій фонтанъ»: мнѣ кажется, я въ состояніи написать объ этой крошечной пьескѣ цѣлую книгу—великое, міровое созданіе! Присовокупи ко всему этому, что Пушкинъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, въ порѣ возмужалости своего генія, умеръ, когда великій мірообъемлющій Пушкинъ уже кончился, и начинался въ немъ великій мірообъемлющій Шекспиръ. Да, міръ увидѣлъ бы въ немъ новаго Шекспира. Несмотря на недостатокъ рефлексіи, онъ самъ понималъ это. Владиславлевъ выпросилъ у опеки для своего альманаха стихотвореніе Пушкина. Ты знаешь Держа-

вина «Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный»: это одно изъ самыхъ могучихъ проявленій его богатырской силы. Пушкинъ написалъ то же: Я, говоритъ онъ въ свѣтлую минуту самосознанія, я воздвигъ себѣ памятникъ, который выше Наполеонова столба—

Народная тропа къ нему не зарастетъ!

Меня будетъ знать и узкоглазый Калмыкъ, и лѣнивый Финнъ, и Черкесъ; и пока на землѣ останется имя хотя одного поэта,— мое не умретъ. О, какъ дѣйствуютъ на меня подобныя самосознанія въ такихъ простыхъ, цѣлостныхъ людяхъ, какъ Пушкинъ! Нѣтъ, Боткинъ, надо радоваться, что ядовитое дыханіе рефлексіи (ядовитое для поэзіи) не коснулось Пушкина и тѣмъ не отняло у человѣчества великаго художника. Я понимаю цѣну, значеніе и необходимость рефлектированной поэзіи — я самъ безъ ума отъ символическаго «Прометея» Гете; но во первыхъ, я настаиваю на томъ, что когда говорится объ истинной (непосредственной) поэзіи, — о рефлектированной можно и помолчать; а во вторыхъ, — я вижу нравственную идею только въ нерукотворныхъ, явленныхъ образахъ, которые одни есть абсолютная дѣйствительность, а не тѣ, гдѣ хитрила человѣческая мудрость. Воля твоя, а послѣ «Вертера» и «Вильгельма Мейстера»—твое удивленіе къ «Wahlverwandschaften» мнѣ очень подозрительно. Я увѣренъ, что это то же, что «Вильгельмъ Мейстеръ»: вино пополамъ съ водою. Такія произведенія, много давая въ частяхъ, цѣлымъ своимъ только усиливаютъ болѣзненность духа и рефлексію, а не выводятъ изъ нихъ въ полноту созерцанія. А что Егоръ Федорычъ восхищается рефлектированностію поэзіи Шиллера—брешетъ собачій сынъ: въ его лицѣ здѣсь философія самоосклабляется въ поэзіи. Шиллеръ заплатилъ рефлексіею дань духу времени — и это достоинство, а не недостатокъ. Прекрасно! Но вѣдь и Вольтеръ конечною разсудочностію и ядовитымъ кощунствомъ не только заплатилъ дань духу времени, но и вполнѣ его выразилъ: однакожъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ равенъ или выше Гомера, Шекспира, Пушкина. Еще разъ—счастіе наше, что натура Пушкина не поддалась рефлексіи: отъ того онъ и великій поэтъ. Ты не повѣришь, какъ я радъ, видя, что у Лермонтова столько же сродства съ рефлексіею, сколько у меня съ полнотою жизни, съ трудомъ, съ музыкою, а у Сенковскаго съ религіозностію: есть надежда, что будетъ поэтъ! А его дѣт-

ство обѣщаетъ дивное мужество. Каковы его «1 генваря» и «Козачья колыбельная пѣсенка»? Пиши мнѣ о каждомъ стихотвореніи Лермонтова — иначе я не хочу съ тобою знаться. Какъ, мой добрый и лысый Василій, — «На смерть Одоевскаго» тебѣ больше нравится, чѣмъ «Терекъ»? Сіе мнѣніе, о, Боткинъ! — если бы ты его напечаталъ — я бы печатно отрекся даже отъ того, что когда-либо гдѣ встрѣчалъ тебя. Неужели на святой Руси только одному мнѣ суждено было добраться (съ грѣхомъ пополамъ) до тайны поэзіи и носиться съ нею среди васъ, подобно Кассандрѣ съ ея зловѣщею тайною, осуждавшею ее на отчужденіе и одиночество среди ликующаго народа въ свѣтломъ Иліонѣ! Нѣтъ, — Кудрявцеву, вѣрно, «Терекъ» лучше нравится, чѣмъ «На смерть Одоевскаго» — вѣдь не даромъ же я такъ люблю его, что вотъ сейчасъ бы расцѣловалъ бы его до смерти. Спроси его и тотчасъ же увѣдомь или заставь его при себѣ же написать нѣсколько словъ объ этомъ—буду ждать этого съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ будто и Богъ знаетъ чего.

Торопи Кронеберга выправить 5 актъ «Ричарда» и прислать къ намъ переписанный поразборчивѣе: лишь бы цензура пропустила, а ужъ будетъ напечатанъ, и 400 рублей получитъ переводчикъ. Красову и всѣмъ кланяйся. Къ Ключникову, Каткову и Кудрявцеву никакъ не соберусь написать, а ужъ напишу, ей Богу, напишу. А пока не умилосердятся ли они ко мнѣ бѣдному и горемычному прислать по писулькѣ? Эхъ, хорошо бы! Да, Боткинъ, сто разъ сбирался написать, и все забываю: образъ свой, образъ шли скорѣе. Садись, сажай Кирюшу — и шли. Да нельзя ли ужъ и Кудрявцева, Каткова (сего для лучшаго эффекта съ отпечаткомъ на физіономіи грѣшковъ его) и спокойно-тихую физіономію профессора исторіи, страннаго плода Деміурга небеснаго — однимъ словомъ, милаго Грановскаго. Пожалуйста, похлопочи. Какая для меня будетъ отрада смотрѣть на эти знакомые образы людей, братецъ, людей!

Да, кстати: что съ тобою, о лысый, дѣется? Ты безъ меня потерялъ всякое чутье къ поэзіи. Новогреческія пѣсни я замѣтилъ — онѣ превосходны, и переводъ хорошъ. Но, ради Аллаха, съ чего ты взялъ, что переводы Аксакова положительно хороши, а не положительно дурны? Неужели это Гете? — чѣмъ же онъ выше Семена Егоровича Ранча? А Вецелевскаго стихотворенія я

не понимаю: должно быть рефлектированное. Струговщикова переводъ тоже не изъ лучшихъ его переводовъ. И вообще, стихотворная часть въ Одесскомъ Альманахѣ—плоховата. Стихи Лермонтова недостойны его имени, они едва ли и войдутъ въ изданіе его сочиненій (которое выйдетъ къ празднику), и я ихъ ругну. Впрочемъ, они случайно и попали въ печать, чтобы отвязаться отъ альманашниковъ.

Сонъ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы спѣлыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ,
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И, въ рѣдкомъ тростникѣ медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь;
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ, съ улыбкою въ устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнкѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная являясь предо мной
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

М.

Вотъ лучшее стихотвореніе въ «Одесскомъ Альманахѣ», стихотвореніе достойное имени Пушкина, и, кромѣ меня да Панаева (у этого человѣка безконечно глубокое чувство изящнаго, и если бы его религіозное чувство было таково же, о немъ, какъ о Языковѣ, можно бы было сказать: ecce homo!), никѣмъ не замѣченное. Прочти его Кудрявцеву.

Что, другъ, ты ужъ говоришь, что лучше піетизмъ, чѣмъ пантеистическія построенія о безсмертіи? Я самъ то же думаю. Для меня Евангеліе — абсолютная истина, а безсмертіе индивидуальнаго духа есть основной его камень. Временемъ тепло вѣрится:

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

Да, надо читать чаще Евангеліе — только отъ него и можно ожидать полнаго утѣшенія. Но объ этомъ—или все или ничего.

Ахъ, Боткинъ, мой лысый Боткинъ! Сколько блаженныхъ минутъ доставили мнѣ твои, полныя любви, полныя тобою письма! Смѣшны и глупы прекраснодушныя изліянія, но не могу удержаться, чтобы не сказать тебѣ, что твоя дружба—для меня незаслуженный даръ неба—я не стою ни ея, ни тебя. Знаешь ли, какая между нами разница? Въ тебѣ много желчи, злости, есть и другіе, можетъ быть, грѣшки, но гораздо больше всего этого любви и свободы духа. Во мнѣ много любви, но гораздо больше самолюбія, эгоизма, ограниченности и разныхъ пакостей, а о свободѣ духа я умѣю только фантазировать, но никогда не наслаждался ею. Чтобы мнѣ притти въ домъ, я долженъ сказать лакею: «скажи, молъ, барину, что де пришелъ вотъ такой-то, онъ, молъ, пишетъ статьи, которыя хвалилъ вотъ тотъ-то и этотъ-то»; а ты, Боткинъ, ты всюду можешь войти безъ докладу—и ты весь, отъ лысины и до пятокъ, отъ обаятельной женственной улыбки до широкихъ разметовъ твоей гармонической души—лучшая твоя рекомендація. Кто меня не пойметъ—еще можетъ остаться человѣкомъ, даже лучшимъ, чѣмъ я; кто тебя не пойметъ, тотъ или дитя или скотина. Но вотъ посылаю къ тебѣ сына моего единороднаго [1]), М. А. Языкова: этотъ человѣкъ ближе и родственнѣе къ тебѣ, чѣмъ я; онъ весь—гармонія, музыка, любовь, вѣра, чувство, безжелченъ какъ голубь, добръ какъ агнецъ, и развратенъ (. . . . . .), какъ козелъ. Впрочемъ, онъ не подходитъ подъ общую мѣрку—онъ и въ развратѣ святъ и чистъ. А ужъ нечего сказать — настоящій пѣтухъ—. . . . . .Заставь его пѣть: что это за любовный, за полный души голосъ! Я не могу слышать его безъ восхищенія и умиленія. Да смотри—не слишкомъ ужъ сливайся съ нимъ — я приревную и вызову его на дуэль. Ахъ, какъ я ему завидую — онъ ѣдетъ въ Москву — къ тебѣ, къ вамъ. Для него это будетъ новымъ міромъ. Сведи его со всѣми нашими—съ Грановскимъ, съ Кудрявцевымъ, съ Катковымъ, Ключниковымъ и пр. Съ Лангеромъ онъ сойдется — у него душа дьявольски музыкальная. Онъ заочно влюбленъ въ тебя. Я далъ ему прочесть твое письмо—прочелъ — подходитъ ко мнѣ съ просвѣтленнымъ лицомъ (а какое у него лицо—самъ посмотри!), съ слезами на глазахъ, и голосомъ, который можно

[1]) Вотъ тебѣ доказательство, что и отъ скверная дерева родится иногда прекрасный плодъ.—*Прилѣчаніе Бѣлинскаю.*

выразить развѣ музыкою, и то на арфѣ, говоритъ: «какой же это человѣкъ—ты правъ, говоря, что бо̀льшаго и нечего и невозможно требовать!» Я обоимъ совѣтую вамъ быть проще другъ съ другомъ, а то вы будете другъ друга бояться, онъ уже и теперь труситъ предстать предъ твои свѣтлыя очи.

Ахъ, Боткинъ, Боткинъ, спасибо тебѣ, другъ, спасибо! Полетѣлъ бы я до тебѣ, да крылецъ не маю, чахну, сохну, все горую, всякъ часъ умираю. Пожилъ бы съ тобою недѣльку-другую — вотъ и запасъ на полгода жизни. Но больше не захотѣлъ бы съ тобою жить: знаю, что скоро сталъ бы тяготить тебя. Это сказано не въ упрекъ тебѣ. Я знаю себя, эхъ, знаю, чортъ возьми! Можетъ быть, когда-нибудь и я сдѣлаюсь пошире и свободнѣе (только ужъ вѣрно не отъ писемъ Мишеля)—и тогда готовъ всю жизнь прожить въ твоей маленькой комнаткѣ — миръ ей и благословеніе!

Съ чего ты вздумалъ подписываться на «Отечественныя Записки»: тебѣ давно высылаются онѣ отъ Краевскаго—сходи въ лавку Ксенофонта Полевого и возьми. А что тебѣ твоя статья (хорошъ переходъ) не нравится—ты дуракъ, страждущій рефлексіею москводушія. Полно, глубоко, все высказано ясно, опредѣленно — дуракъ ты, лысый! Этакихъ статей еще не бывало. А что тебѣ не хочется приняться за Римъ — опять москводушная рефлексія.

Заикинъ (Павелъ Ѳедоровичъ) тебѣ всякій разъ низко кланяется, да я забываю прописывать. Чудная, богатая натура, человѣкъ глубоко-религіозный и гармоническій. Борзо учится по нѣмецкому и успѣваетъ, разс. . . с. ., какъ ни стараюсь я ему мѣшать и разныя пакости чинить. Отъ Берлина ожидаетъ воскресенія для новой и лучшей жизни. Ну, да обо всемъ этомъ, и обо многомъ другомъ, поразскажетъ тебѣ Языковъ. Рука устала — не могу писать, а день потерянъ, о статьяхъ нѣтъ и помину,—да чортъ съ ними — за то съ тобою вдоволь набесѣдовался. Получилъ ли ты мое письмо въ отвѣтъ на первое твое (гдѣ ты пишешь о Sophie Кронебергъ)? Жди скоро новаго посланія. Къ Кульчицкому буду писать, только не теперь—дѣла пропасть.

Твой неистовый Виссаріонъ.

Къ Д. П. Иванову. 26 февраля, 1840.

Спб. 1840, февраля 26.

Пишу наскоро письмо это, любезный и добрый мой Дмитрій. Его доставитъ тебѣ одинъ изъ лучшихъ моихъ петербургскихъ друзей, Михаилъ Александровичъ Языковъ. Познакомься съ нимъ — онъ чудеснѣйшій человѣкъ. Нынче получилъ я твое письмо съ посылкою (крестика) и съ приложеніемъ письма Кольцова, за что всенижайше тебѣ кланяюсь.

Письмо твое прочелъ съ особеннымъ удовольствіемъ: въ немъ такъ отсвѣчивается твоя добрая, тихая, чистая и благородная душа. Отъ всего сердца жму твою учительственную длань. Извѣстія о Никанорѣ съ одной стороны очень опечалили, какъ такія, какихъ я ожидалъ, а съ другой обрадовали, ибо ты не таишь отъ меня правды, чего я больше всего боялся. Вообще, за Никанора я сердитъ на тебя: ты не хочешь, для его же пользы, употребить данныхъ мною тебѣ надъ нимъ правъ. Съ нимъ надо поступать, какъ съ ребенкомъ: не слушается совѣтовъ, такъ приказывай. Повинуясь тебѣ, онъ будетъ повиноваться мнѣ, а мнѣ онъ не смѣетъ не повиноваться, пока ко мнѣ, а не къ другому кому, будетъ писать о своихъ нуждахъ. Бога самого ради, тотчасъ же увѣдомляй меня обо всемъ, касающемся до него, ничего не скрывая. Умоляю тебя объ этомъ. Да будь съ нимъ попростѣе: приказывай, брани, запрещай.

Обстоятельства твои меня безпокоятъ. Старайся въ пансіонахъ-то распространяться, чтобъ тебя во всѣ приглашали. Все, что ты пишешь о женщинахъ въ отношеніи къ ученію, справедливо. Избѣгай всѣми мѣрами отвлеченностей и опредѣленій, на которыя особенно должно напирать съ мальчиками. Дѣвушка лишь бы знала что и какъ, а почему—это для нихъ не столь важно и недоступно. Пусть онѣ узнаютъ отъ тебя раздѣленіе частей рѣчи, хорошо будутъ дѣлать этимологическій разборъ, да правильно выучатся писать, а тонкости имъ и не нужны. Синтаксисомъ также не мучь ихъ, а больше практикой, упражненіями пріучай ихъ писать гладенько, ровненько, безъ галлицизмовъ. Вообще, съ ними теорія дѣло третьестепенное—какъ можно меньше ея и проще; главное—практика.

Я радъ, что первое мое письмо не затерялось. Жаль только,

что ты не поспѣшилъ меня объ этомъ тотчасъ же увѣдомить. Получилъ ли ты мое второе письмо съ коммиссіею — получить отъ Ширяева 1300 р. и раздать ихъ, кому я долженъ? Объ этомъ, Бога ради, не замедли меня увѣдомить. Адресъ мой: «Въ Спб., въ контору редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго ряда, въ домѣ Лукина, № 47, для передачи В. Г. Бѣлинскому».

Если въ Москвѣ твои дѣла ужъ больно будутъ плохи — нельзя ли будетъ въ Питеръ? Черезъ Краевскаго можно будетъ въ какое-нибудь военно-учебное заведеніе, а лиха бѣда одно мѣсто получить—будетъ и пять мѣстъ и больше. Въ Петербургскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ только математикѣ и военнымъ наукамъ учатъ военные, а словесности и исторіи—все нашъ братъ. Старайся жить поаккуратнѣе, по-нѣмецки—чтобъ не было праздниковъ, ни именинъ, ни прочихъ глупостей.

Прочти мое письмо къ Никанору и недѣли черезъ двѣ дай мнѣ отчетъ въ его поведеніи. Да Бога самого ради, приведи въ исполненіе то, о чемъ мы порѣшили съ тобою передъ моимъ отъѣздомъ, вслѣдствіе его признанія. Я увѣренъ, что онъ изрѣдка продолжаетъ. Притомъ же, ты бы имѣлъ надъ нимъ и больше власти тогда.

Что Петя? Все такой же медвѣдь, дикій, уродливый и непріятный? . . . . . Спаси его—вѣдь ты ему братъ... Кусакову и Савельеву мой нижайшій поклонъ и благодарность. Спасибо имъ—безъ нихъ плохо бы.

Мое почтеніе Леонорѣ Яковлевнѣ. Кланяйся всѣмъ знакомымъ и помнящимъ меня.

Твой В. Бѣлинскій.

Приложенное письмо къ Никанору сперва самъ прочти, а потомъ ему отдай и послѣ наблюдай за неукоснительнымъ выполненіемъ всѣхъ моихъ совѣтовъ и приказаній ему.

Что, братъ, Петя-то поправляется ли нравственно-то? Поклонись ему отъ меня, да поусовѣсти его отъ моего имени.

Къ М. А. Бакунину. 26 февраля, 1840.

Спб. 1840, 26 февраля.

Письмо твое, любезный Мишель, произвело на меня именно такое дѣйствіе, которое ты предсказалъ въ письмѣ Заикину. Оно еще на нѣсколько лѣтъ отдалило меня отъ знанія (если предположить — хоть для шутки, — что знаніе когда-нибудь должно быть моимъ удѣломъ), усиливъ во мнѣ мою ненависть къ знанію, какъ сушильнѣ жизни. Отъ души пожалѣлъ о такъ много потерянномъ времени и потерянномъ трудѣ. Я прочелъ въ твоемъ письмѣ то же самое, что привыкъ читать въ твоихъ письмахъ съ 1836 года, и что и тогда такъ мало убѣждало меня, а теперь еще менѣе способно убѣдить. Вообще, теперешнее время чрезвычайно трудно для убѣжденія—всякій хочетъ жить своимъ умомъ и требуетъ любви, сочувствія и состраданія, а не совѣтовъ. Сколько переписалъ къ тебѣ я писемъ: за истину моей послѣдней и самой отчаянной полемической переписки съ тобою я и теперь стою, какъ за то, что $2 \times 2 = 4$, а не 5, и эти письма были писаны моею кровью — свѣжею и горячею кровью, — а между тѣмъ ты самъ знаешь, до какой степени убѣдили они тебя. Мнѣ и теперь жаль потерянаго времени, потерянной желчи, потерянной крови и потерянной души: изо всѣхъ нихъ только желчь еще не совсѣмъ была потеряна, потому что ты осердился — бѣдный результатъ! Съ тѣхъ поръ я отказался отъ права учить другихъ—особенно на письмахъ,—и очень жалѣю, что нѣсколько неосторожныхъ выраженій въ письмѣ къ Боткину, враждебно сорвавшихся съ пера моего, зацѣпили твое самолюбіе и заставили тебя такъ безплодно потерять нѣсколько часовъ на твое длинное и сухое письмо. Оно на нѣсколько дней повергло бы меня въ жесточайшую апатію и усилило бы дряблость и болѣзненность моего искаженнаго и исказненнаго духа, еслибы я до сихъ поръ не былъ полонъ письмами Боткина, живыми, любовными, елейными и—что всего для меня безцѣннѣе—чуждыми ненавистной мнѣ философіи, говоря поэтическимъ языкомъ, и резонерства, выражаясь смиренною прозою.

Да, Мишель, пора намъ убѣдиться въ томъ, что мы плохо понимаемъ другъ друга, и что пора намъ оставить другъ друга

въ покоѣ. Сліяніе невозможно для насъ, дѣйствовать одинъ на другого мы уже не можемъ ни положительно, ни отрицательно. Я уважаю тебя: говорю тебѣ это искренно, но я не люблю тебя, ибо мнѣ ненавистенъ образъ твоихъ мыслей и еще ненавистнѣе его осуществленіе. Это странное признаніе имѣетъ цѣлію не оскорбленіе тебя: прими его, какъ знакъ моего уваженія къ тебѣ: во всякомъ случаѣ, ты человѣкъ благородный, я не могу играть съ тобою комедіи и хочу, чтобъ ты не обманывался насчетъ твоихъ ко мнѣ отношеній. Я всегда и вездѣ встрѣчу тебя съ удовольствіемъ, и мимолетная встрѣча съ тобою всегда будетъ мнѣ отрадна; мнѣ будетъ о чемъ отъ души поговорить съ тобою: у насъ такъ много общихъ воспоминаній и общихъ предметовъ любви. Увидя тебя въ бѣдѣ, я не отдамъ тебѣ послѣдней рубашки, какъ ты мнѣ, но охотно (не по долгу, а по влеченію сердца), подѣлюсь съ тобою возможнымъ, не спрашивая тебя о причинѣ бѣды и даже зная, что она—именно то, что съ особенною яростію ненавижу я въ тебѣ. Но здѣсь и конецъ. Я знаю въ тебѣ много хорошаго и подозрѣваю теперь, что еще многаго не знаю такого, чего ты не можешь выговорить, и что заставляютъ отъ меня твои дурныя стороны. Поэтому, ты правъ, говоря, что я тебя не знаю, но и я буду совершенно правъ, сказавши тебѣ, что и ты не знаешь меня. Да, ты не знаешь меня, ни моихъ требованій, ни моихъ истинныхъ ранъ, ни моихъ истинныхъ радостей. Ты знаешь во мнѣ человѣка A., B., C., D. и т. д.; но ты не знаешь человѣка Виссаріона,— и Виссаріонъ никогда не приметъ отъ тебя ни совѣта, ни утѣшенія, и никогда не дастъ тебѣ ни того, ни другого. Такъ говоритъ моя несчастная дѣйствительность: надо покориться ей. Представляю тебѣ нѣсколько доказательствъ того, что ты жестоко заблуждаешься, думая, что хоть сколько-нибудь знаешь и понимаешь меня.

Съ чего ты взялъ, что до отъѣзда въ Прямухино я бредилъ...[1])

. . . . . .

служить, но не для статскаго совѣтника, не для денегъ, а для того, чтобы на вопросъ ундера на заставѣ не отвѣтить ему: «homo sum!», а сказать, что я чиновникъ 14 или 12 класса и служу тамъ-то. Не худо при этомъ имѣть и маленькое обезпеченіе, которое не допустило бы меня умереть, какъ собакѣ, во

[1]) Объясненіе пропуска см. въ примѣчаніяхъ.

время болѣзни. Стыдно, Мишель, прибѣгать ко лжи для поддержанія своей истины. Или истина-то не совсѣмъ истинна?.. А что я сказалъ, что время для службы ушло—и то правда, ибо, благодаря идеальности, я уже не способенъ ни къ какому дѣлу, никакимъ объективнымъ обязанностямъ. А ты еще спрашиваешь, выучился ли я по нѣмецки. Выучился!..

Съ чего ты взялъ, что я рожденъ для знанія? Кто для чего рожденъ, тотъ того и достигаетъ. Наука не для меня. Я дилетантъ. У меня есть нѣчто общаго, родного съ нѣмцами и даже съ ихъ рефлектированною поэзіею; но греческій и англійскій языки (еслибъ ихъ можно было какъ-нибудь не учась узнать) дали бы мнѣ кое-что посущественнѣе нѣмецкаго: я бы читалъ Гомера и Шекспира.

Съ чего ты взялъ, что моя дѣйствительность — пошлая, повседневная, грязная и до того несчастная, что надъ нею даже мальчики подсмѣиваются? Правда, моя дѣйствительность — не твоя, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ она была такая, какою ты ее описываешь. Раны моего сердца, истекающаго живою, горячею кровью, свидѣтельствуютъ, что ты лжесвидѣтельствуешь на ближняго. Ты хоть бы спросилъ у Боткина: онъ сказалъ бы тебѣ, до какой степени я примирился съ повседневною дѣйствительностію. Если возставать на претензіи, на ходули, на наклепанную на себя любовь и другія наклепанныя чувства, на благородную привычку жить на чужой счетъ, бросать бисеръ передъ свиньями и толками о философіи возбуждать во всѣхъ ненависть и отвращеніе къ философіи; если нападать на выходъ женщинъ изъ непосредственности женственной въ мужскую рефлексію, нападать на неестественныя, магнетическія и сомнамбулическія связи и отношенія, нападать на возвѣщеніе о благихъ, но никогда не выполняемыхъ намѣреніяхъ (какъ напримѣръ, объ изученіи нѣмецкаго языка), словомъ, если нападать на лѣность и бездѣйствіе, утѣшающія себя звонкими фразами духовныхъ моментовъ, высшей цѣли, высшаго назначенія, на дряблость, болѣзненность, гнилую рефлексію, и пр. и пр., если нападать на все это значитъ нападать на идеальность,—я нападаю на нее и предпочитаю ей самую ограниченную дѣйствительность и полезность въ обществѣ. Чацкіе всегда будутъ смѣшны для меня, и я буду дѣлать ихъ смѣшными для многихъ, не заботясь, что мой пріятель приметъ эти нападки за личность и оскорбится ими. Что такое Чацкій? Человѣкъ, ко-

торый мечтаетъ о высшей любви, а любитъ . . ., который всѣхъ ругаетъ за бездѣйствіе, а самъ ничего не дѣлаетъ, который сердится на дѣйствительность, которая въ его глазахъ скверна тѣмъ, что русскіе XIX вѣка брѣютъ бороды и ходятъ во фракахъ, что они не подражаютъ китайцамъ въ незнаніи иноземщины, который говоритъ о прекрасномъ и высокомъ со скотами и пр. и пр. Какъ же на такихъ шутовъ не нападать? Они первые враги всякой разумности, всякой истины. Но скоты всегда останутся для меня скотами, и у меня съ ними никогда ничего общаго не будетъ. Если они безъ претензій, я стараюсь быть къ нимъ по возможности терпимымъ; если они съ претензіями (какъ напримѣръ, семинаристъ-Хлестаковъ, дуракъ, оселъ и скотъ Благосердовъ или Добронравовъ, о которомъ ты, въ письмѣ къ Заикину, отзываешься чуть чуть какъ не о человѣкѣ), они возмущаютъ меня. Вы оба, ты и Боткинъ, не поняли моей зависти къ скотамъ: я завидую не офицеру, который идетъ на балъ къ барышнямъ, но офицеру, который безъ рефлексіи, въ полнотѣ глупой натуры своей, спѣшитъ на балъ, гдѣ проведетъ вечеръ въ самозабвеніи,—и я завидую, почему у меня нѣтъ способности не на балъ ѣхать, а хоть стихотвореніе Пушкина прочесть безъ рефлексіи, съ самозабвеніемъ. Ты говоришь, что я ищу въ оргіяхъ выхода. Тутъ двѣ неправды: въ оргіяхъ я ищу не выхода, а минутнаго самозабвенія, ищу отрѣшенія не отъ страданія, а отъ отчаянія, отъ сухой, мертвящей апатіи. Потомъ—я не способенъ возвыситься даже и до оргіи—судьба и въ этомъ отказала мнѣ. Развѣ это оргія—. . . . . и преблагоразумно разсуждать о томъ, какъ предательски обманчива чувственность: сулитъ много, а даетъ—ничего? Противъ прекраснодушія я ужъ не воюю. Питеръ и твой братъ Николай заставили меня помириться съ нимъ и полюбить его. Я увидѣлъ ясно, что я ниже прекраснодушія, и не имѣю права нападать на то, до чего возвыситься никогда не былъ въ состояніи. Прекраснодушіе—великое, святое состояніе духа, и въ 1000 разъ выше моей . . . . . дѣйствительности. Я вижу, что, нападая на Шиллера за его прекраснодушіе, я смѣшивалъ съ Шиллеромъ себя, тебя и Аксакова, съ которыми у великаго германскаго духа ничего общаго не было и нѣтъ. Иванъ Петровичъ Ключниковъ прекраснодушенъ былъ,—однако, онъ, такъ же, какъ и мы, не Шиллеръ: прекраснодушіе и призрачность не одно и то же. Однажды твой братъ сказалъ мнѣ, что онъ зарѣзалъ бы свою любовницу,

еслибъ она измѣнила ему. Я ему отвѣтилъ, что еслибъ мнѣ измѣнила страстно и глубоко любимая мною жена,—я и ту бы не только не зарѣзалъ, но не оскорбилъ бы ее ни однимъ грубымъ словомъ, а кротко сказалъ бы ей, чтобы она выбирала между долгомъ и любовью, и что въ первомъ случаѣ, я обѣщаю ей мое уваженіе, дружбу и состраданіе, а во второмъ—мы должны разстаться, чтобы ужъ не встрѣчаться въ сей жизни. Еслибы, продолжалъ я, она избрала послѣднее, я самъ помогъ бы ей соединиться съ тѣмъ, кого она любитъ, и отдалъ бы ей не только ея, но и свое. Онъ выпялилъ глаза и вскричалъ: какъ же такъ? А такъ (отвѣчалъ я), что она не виновата въ чувствѣ, которымъ повелѣвать никто не въ состояніи; она была бы виновата, еслибъ таила отъ меня это чувство и была бы въ преступной связи; но еслибъ сказала мнѣ о чувствѣ—поступила бы comme il faut. Такой образъ мыслей показался Николаю результатомъ отсутствія глубокаго пламеннаго чувства. Я началъ ему толковать, что глубокое чувство спокойно, просвѣтлено, теплится, а не пылаетъ, грѣетъ, а не жжетъ, и пр. Результатомъ этого разговора были его слова: абстрактно я понимаю васъ и согласенъ съ вами, но люблю больше горячее, жгучее чувство,—и надобно было видѣть, какъ мило-юношески признался онъ въ этомъ! Увы! я не имѣлъ духа къ такимъ признаніямъ и безстыдно наклепывалъ на себя глубокія чувства и высокія мысли, которыя абстрактно понималъ, и безстыдно отрицался, какъ отъ сатаны, отъ чувствъ и мыслей, менѣе глубокихъ и высокихъ, но вполнѣ доступныхъ и милыхъ мнѣ въ то время. Не правда ли, что мое прекраснодушіе было самолюбиво, ходульно, полно претензіи, а прекраснодушіе Николая здорово, крѣпко, нормально (ненавистное для тебя слово!). Боже мой, какая глубокая, широкая, могучая натура у твоего брата! И сколько здоровости, нормальности, дѣятельности, сколько, вмѣстѣ съ тѣмъ, задушевности, мягкости, скромности, стыдливости, цѣломудренности! Какая милая, женственная непосредственность! Это мужчина—левъ, гордый, пламенный, могучій, и въ то же время это родной братъ твоей покойной сестры. О, какое глубокое, какое безконечно-глубокое въ немъ чувство изящнаго! Я первый открылъ въ немъ этотъ глубокій, свѣтлый, самородный родникъ абсолютной жизни, я развиваю его и любуюсь, наслаждаюсь моимъ дѣломъ, я, Мишель, человѣкъ, примирившійся съ пошлою, повседневною дѣйствительностью. Теперь онъ у меня

почти каждый день—нейдетъ—шлю за нимъ. Онъ мнѣ необходимѣе всѣхъ въ Питерѣ. Можетъ быть, я буду и жить съ нимъ. Я знаю, что я полезенъ ему, но едва ли онъ мнѣ не полезнѣе еще. Мнѣ, т. е. моей дряблости, растлѣнности и болѣзненности, необходимо присутствіе такой юной, свѣжей, простой, нормальной и могучей натуры. Я безпрестанно читаю ему то Гомера, то Шекспира, то Пушкина—и каждый стихъ отпечатлѣвается у него на лицѣ. Это меня подстрекаетъ—и потому для меня наслажденіе читать ему, и я всегда читаю ему съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Ему понравился парадоксъ Боткина, будто бы недостатокъ образованія и рефлексіи, сохранивъ полноту и природную цѣломудренность генія Пушкина, сжалъ его міросозерцаніе и лишилъ обилія нравственныхъ идей. Я ему сказалъ, что это, дескать, вздоръ и чепуха. Міросозерцаніе Пушкина трепещетъ въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ стихѣ слышно рыданіе мірового страданія, а обиліе нравственныхъ идей у него безконечно, да не всякому все это дается и труднѣе открывается, потому что въ міръ пушкинской поэзіи нельзя входить съ готовыми идейками, какъ въ міръ рефлектированной поэзіи, и что когда Боткинъ будетъ поздоровѣе духомъ, то увидитъ это самъ. Не только Шиллеръ, самъ Гете доступнѣе и толпѣ, и абстрактнымъ головамъ, которые всегда найдутъ въ нихъ много доступнаго себѣ; но Пушкинъ доступенъ только глубокому чувству конкретной дѣйствительности. И потому петербургскіе чиновники и офицеры еще понимаютъ, почему Шиллеръ и Гете велики, но Шекспира называютъ великимъ только изъ приличія, боясь прослыть невѣждами, а въ Пушкинѣ ровно ничего великаго не видятъ. Для меня въ этомъ фактѣ глубокая мысль. Чтобы мою проповѣдь сдѣлать дѣйствительною, я схватилъ «Онѣгина» и прочелъ дуэль Ленскаго, начало 7 и конецъ 8 главы. Никогда я такъ не читалъ: меня посѣтило откровеніе, и слезы почти мѣшали мнѣ читать. Слушатель понималъ чтеца, и оба они понимали Пушкина. Я обратилъ его вниманіе на эту безконечную грусть, какъ основной элементъ поэзіи Пушкина, на этотъ гармоническій вопль мірового страданія, поднятаго на себя русскимъ Атлантомъ; потомъ я обратилъ его вниманіе на эти переливы и быстрые переходы ощущеній, на эти безпрестанные и торжественные выходы изъ грусти въ широкіе разметы души могучей, здоровой и нормальной, а отъ нихъ снова переходы въ неумолкающее гармоническое рыданіе мірового страданія. Но

лишь толкну Николая на мысль, какъ онъ уже бѣжитъ впередъ, угадываетъ, узнаетъ ее во всякомъ стихѣ, развиваетъ его такъ полно и непосредственно, такъ вдохновенно и чуждо всякой рефлексіи, что, право, я ему тутъ сдѣлалъ столько же, сколько и онъ мнѣ. Вотъ, Мишель, прекраснодушіе, передъ которымъ я благоговѣю, вотъ идеальность, которая есть залогъ будущей богатой и роскошной дѣйствительности! Онъ понимаетъ дѣйствительность, которою окруженъ, знаетъ цѣну господамъ офицерамъ, но онъ не смѣшиваетъ съ ними идеи военной службы, любитъ ее всею душою. Онъ понимаетъ, что гнусная дѣйствительность внѣ его, а не въ немъ, и что не она его огадитъ, а онъ ее облагородитъ, въ границахъ круга своей дѣятельности и своего вліянія. Что можетъ быть гнуснѣе нашей литературы и журналистики, герои которой Сенковскіе, Гречи, Полевые, Булгарины, Раичи и подобные имъ герои: такъ неужели, напримѣръ, я долженъ поэтому отказаться отъ литературной дѣятельности и, сложа руки, сидѣть въ идеальной войнѣ съ нею? Нѣтъ, пока рука держитъ перо, пока въ душѣ еще не остыли ни благородное негодованіе, ни горячая любовь къ истинѣ и благу,—не прятаться, а итти навстрѣчу этой гнусной дѣйствительности буду я. У твоего брата удивительно вѣрный инстинктъ и тактъ дѣйствительности: его понятія о ней возвышенны, благородны, пламенны, но и просты и нормальны. Напримѣръ, онъ безконечно глубоко любитъ своихъ сестеръ, для него отрада говорить о нихъ,—и я проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ разговорахъ о нихъ, и мы не видѣли, какъ летѣло время... Но онъ никогда не опредѣляетъ ни мѣры, ни идеи ихъ достоинства, не разсыпается въ похвалахъ, но скажетъ только: онѣ такія добрыя, такія милыя дѣвочки,—и на лицѣ его изобразится умиленіе, а глаза засвѣтятся тихою слезою... Онъ любитъ ихъ не для себя, а для нихъ, и Боткинъ, отнимающій у него сестру, для него такъ же милъ, какъ и сама сестра. Онъ не требуетъ отъ сестеръ больше того, сколько позволяютъ требовать вѣчные и простые законы дѣйствительности,—и еслибъ онъ увидѣлъ отъ нихъ больше, т. е. что-нибудь фантастическое и фанатическое, это глубоко огорчило бы его и заставило бы страдать. Еслибы онъ увидѣлъ, что его сестра, любя его, гораздо больше любитъ своего мужа,—онъ за это еще больше бы полюбилъ ее, и это сдѣлало бы его счастливѣе; если же бы онъ замѣтилъ, что его сестра какъ бы колеблется между мужемъ и братомъ,—это заставило бы его тя-

жело страдать. И потому его глубоко огорчили, въ письмѣ Боткина, слова, что ты писалъ къ Александрѣ Александровнѣ письмо, полное враждебности къ Боткину, и совѣтовалъ ей вникнуть въ свое чувство, ибо-де Боткинъ отниметъ ее отъ братьевъ и пр. Его радуетъ то, что̀ тебя огорчаетъ, а меня, Мишель, радуетъ эта діаметральная противоположность его чувства съ твоимъ. Да, онъ не въ состояніи понять этой идеальности, самолюбивой, эгоистической, холодной, враждующей съ вѣчными законами истинной идеальности, которой дѣйствительность есть осуществленіе. Онъ тебя любитъ—это знаю, но отъ этого онъ вдвойнѣ страдаетъ. Твои противорѣчія приводятъ его въ недоумѣніе. Живя съ нимъ, ты толковалъ ему о дѣйствительности, а разставшись, пишешь къ нему противъ дѣйствительности. Ты возразишь, что возстаешь противъ моей дѣйствительности; но онъ знаетъ, что̀ я называю дѣйствительностью, такъ хорошо знаетъ, что ужъ не повѣритъ тебѣ. Я не выдаю ему себя за дѣйствительнаго человѣка, нѣтъ: я не скрываю, какъ ты, отъ него своихъ дурныхъ сторонъ, я говорю ему не о моей дѣйствительности, но о той, которой я желалъ бы для себя. Да, онъ лучше знаетъ меня, чѣмъ ты, и если любить значитъ понимать,—о, онъ любитъ меня такъ, какъ ты никогда не любилъ меня. Онъ знаетъ, что я не хочу быть статскимъ совѣтникомъ и нажиться службою или взятками. Не разъ случалось, что я останавливалъ его удивленіе ко мнѣ, тотчасъ обнажая ему задняя славы моея, и очень невыгодно для себя сравнивалъ себя съ нимъ: надо видѣть эту мину какого-то изумленія, въ которое его это приводило. Чѣмъ болѣе узнаю я его, тѣмъ болѣе люблю и тѣмъ болѣе увѣряюсь, что порешь дикій и безсмысленный вздоръ, говоря, что простота, нормальность и полнота натуры свойственны только скотамъ и пошлякамъ. Не худо бы и намъ съ тобой, Мишель, походить на этихъ скотовъ и пошляковъ: право, мы были бы лучше. Меня, Мишель, не умаслишь похвалами моей глубокой субстанціи и прочихъ вздоровъ, меня не увѣришь, что я страдаю отъ того, что теперь все человѣчество страдаетъ: что общаго между мною и человѣчествомъ? Я не сынъ вѣка, а с . . . . . с . . .Я понимаю страданія какого-нибудь Страуса, котораго всякое мгновеніе было жизнію въ общемъ (не въ абстрактномъ и мертвомъ, а въ конкретномъ) и было жизнію дѣятельною: это человѣкъ великій, геніальный: моей ли рожѣ тянуться до него—высоко, не достанешь. Я страдаю отъ гнуснаго воспи-

танія, отъ того, что резонерствовалъ въ то время, когда только чувствуютъ, былъ безбожникомъ и кощуномъ, не бывши еще религіознымъ, толковалъ о любви, когда еще . . . . . , сочинялъ, не умѣя писать по линейкамъ, мечталъ и фантазировалъ, когда другіе учили вокабулы; не былъ пріученъ къ труду, какъ къ святой объективной обязанности, къ порядку, какъ единственному условію не безплоднаго труда, а сдѣлавшись самъ себѣ господинъ, не пріучалъ себя ни къ тому, ни къ другому, не развилъ въ себѣ элемента воли. Ко всему этому присоединилась несправедливость судьбы, глубоко оскорбившая во мнѣ самыя священныя права индивидуальнаго человѣка; къ довершенію всего, рефлексія отравляетъ даже и тѣ немногія минуты святого самозабвенія въ живой и полной любви, блаженства и страданія Allgemeinheit, которыя еще посѣщаютъ меня при наслажденіи искусствомъ, при чтеніи Евангелія, и въ полетѣ фантазіи. Въ людяхъ я вижу или друзей, или враждебныя моей субъективности внѣшнія явленія,—и робокъ съ ними, сжимаюсь, боюсь ихъ, даже тѣхъ, которыхъ нечего бояться, даже тѣхъ, которые жмутся и боятся меня. Да, мнѣ ничего не остается, кромѣ участія хоть одного человѣка, который выслушаетъ любовно и елейно мои конечныя и частныя страданія и отвѣтитъ на нихъ ласковымъ словомъ, безъ диссертацій и рецептовъ для выхода. Логикой немного возьмешь, Мишель. Я это давно уже знаю по безплоднымъ усиліямъ растолковать тебѣ, что $2\times2=4$.

И ты приглашаешь меня помириться съ такимъ состояніемъ и смотрѣть съ презрѣніемъ на всѣхъ здоровыхъ и нормальныхъ духомъ? И ты называешь это идеальностью? Нѣтъ, Мишель, человѣкъ не машина—рычагъ его движенія въ немъ, а не внѣ: пусть себѣ всякій идетъ своимъ путемъ—кто спасается—спасайся, кто погибаетъ—не мѣшай ему погибать. Можетъ быть, и я еще проснусь и воскресну для жизни; да, можетъ быть, только уже вѣрно не вслѣдствіе логически написаннаго письма.

Твоя идеальность выключила всю матеріальную сторону жизни: ты ни минутой не хочешь пожертвовать для денегъ. Моя дѣйствительность этого не допускаетъ: она велитъ мнѣ читать пакостныя книжонки досужей бездарности, писать объ нихъ, для пользы и удовольствія почтеннѣйшей расейской публики, отчеты, а при этомъ чтеніи и писаніи не до знанія и не до нѣмецкаго языка. А тамъ еще геморрой—голова болитъ, поясницу ломитъ,

тошнитъ, руки и ноги трясутся. Ты знаешь два языка, основанія которыхъ узналъ въ дѣтствѣ, ты моложе меня, у тебя желѣзное здоровье—передъ тобою широкая дорога, въ душѣ у тебя, какъ говоритъ Боткинъ, много полету—иди и лети къ своей цѣли; но только помни, что—достигнешь, я первый съ жаромъ буду тебѣ аплодировать,—срѣжешься—громко засвищу.

Ты упрекаешь меня въ нападкахъ на нашъ кружокъ, говоря, что прежде онъ былъ лучше, и что теперь его уже нѣтъ. Я радъ этому. Всякое теперь есть осуществившееся прежде. Мы не друзья теперь, говоришь ты съ грустью, а только пріятели: но были ли мы и тогда друзьями? Основа нашей связи была духовная родственность—правда; но не вмѣшивалось ли сюда и обмѣна бездѣлья, лѣни, похвалъ, т.-е. взаимнохваленія, и т. п.? По крайней мѣрѣ, я очень хорошо помню, что съ тобою мы разъѣхались съ того самаго времени, какъ начали стряхивать съ себя твой гнетущій авторитетъ и осмѣлились, въ свою очередь, и говорить тебѣ правду, и учить тебя. Тебѣ не понравилась эта метода взаимнаго обученія—ты всегда хотѣлъ быть правъ, и никогда виноватъ, ты какъ на дерзость смотрѣлъ на то, что прежде дѣлалъ съ нами. Кто-жъ виноватъ, Мишель? Но я—отъ души радъ, что нѣтъ уже этого кружка, въ которомъ много было прекраснаго, но мало прочнаго; въ которомъ нѣсколько человѣкъ взаимно дѣлали счастіе другъ друга и взаимно мучили другъ друга. Наконецъ, дѣти взросли, поумнѣли, жизнь ихъ начала учить уму-разуму. Вотъ и я съ Боткинымъ переругался—и теперь благодарю судьбу за эту жестокую ссору. До нея я на Боткина смотрѣлъ, какъ на абстрактное совершенство, но она показала мнѣ, что и онъ человѣкъ, и въ немъ много дурного. Я на это разсердился, какъ будто владѣлъ монополіей имѣть много дурного. Я ощутилъ къ Боткину жесточайшую ненависть, какой ни къ кому не питалъ, къ какой даже и не подозрѣвалъ себя быть способнымъ, хотя и давно зналъ себя, какъ звѣря. Мы надѣлали другъ другу пакостей—это была дань духу нашего кружка; пакостнѣйшая изъ этихъ пакостей была та, что въ тайны семейной ссоры мы посвятили чужихъ людей. Но что жъ? Все это послужило только къ тому, чтобы доказать намъ, что мы не просто пріятели, а нѣчто побольше, и что связь наша только болѣе скрѣпилась отъ того, отъ чего всѣ связи разрываются. Я уѣхалъ въ Питеръ. Внутреннія страданія мои обратились въ какое-то сухое ожесточеніе: для меня никто не суще-

ствовалъ, ибо я и самъ для себя былъ мертвъ. Наконецъ, Боткинъ снова воскресъ для меня. Полтора мѣсяца писалъ я къ нему, полтора мѣсяца душа моя рвалась къ нему, и всякая сколько-нибудь теплая минута неразрывно связывалась съ тоскливою думою о немъ. Я ощущалъ его въ себѣ, мнѣ казалось, что каждая капля крови моей полна имъ. И что же? посылаю къ нему письмо; а дня черезъ два получаю отъ него: мы сошлись въ потребности говорить другъ съ другомъ, сошлись, не сговариваясь. Въ каждой строкѣ его, въ каждомъ словѣ я видѣлъ, чувствовалъ, что такое для меня этотъ человѣкъ, и что я для него. Получаю отъ него отвѣтъ на письмо мое—начинаю читать—нѣтъ, у меня нѣтъ словъ, чтобы выразить это впечатлѣніе. Я былъ и взволнованъ, и восторженъ, и умиленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—пораженъ и изумленъ: я никогда не могъ предполагать въ человѣкѣ столько любви и такой любви,—и что-жъ? Эта любовь ко мнѣ. Я тотчасъ же сказалъ Языкову, что послѣ этого стоитъ жить и страдать, и что большаго требовать отъ дружбы невозможно. Дѣйствительность побѣдила фантазію. Да, Мишель, скажи—ты вѣдь читалъ это письмо—что же это такое, если не дружба, если не святое и великое таинство дружбы? Чего же еще желать, чего требовать? Тутъ передо мною воскресли всѣ жертвы этого человѣка для меня, все, что онъ для меня дѣлалъ, и что я такъ мало цѣнилъ. Скажи же мнѣ, есть ли мнѣ причина жалѣть о прежнемъ кружкѣ, гдѣ я столько имѣлъ, не зная, что столько имѣю? А теперь я знаю, что не одинокъ я въ мірѣ, что есть у меня съ жизнію живая, кровная связь—есть пламенное, высокое и благородное сердце, гдѣ я всегда безвыходный гость, куда я всегда смѣло могу постучаться, чтобы получить утѣшеніе въ страданіи, сложить тяжелое бремя мукъ жизни, и снова полюбить жизнь. Если въ этомъ частномъ явленіи есть общее—то я благоговѣю передъ этимъ общимъ и поклоняюсь ему. Апостолъ Іоаннъ сказалъ: «Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавижу,—тотъ лжецъ: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ?» Я чувствую, что могу любить невидимаго Бога только въ видимыхъ явленіяхъ. Къ этому, у меня есть убѣжденіе, что я не могу не увидѣть Бога ни въ одномъ явленіи, гдѣ только Онъ является. Вся жизнь моя есть оправданіе этого убѣжденія: я увидѣлъ Станкевича и полюбилъ Бога, увидѣлъ твоихъ сестеръ и полюбилъ Бога, я люблю

Его и въ любви Боткина къ твоей сестрѣ и жалѣю, что ты еще такъ неясно видишь Его въ этомъ явленіи.

Но довольно. Письмо мое, сверхъ ожиданія, вышло гораздо длиннѣе, чѣмъ предполагалъ я, начавъ его. Не сердись, Мишель, за жестокій тонъ: ты самъ вызвалъ меня, забывъ прошедшіе опыты. Кто же виноватъ, что ты такъ мало меня знаешь, хотя и давно со мною знакомъ. Повторяю тебѣ, если бы я и рожденъ былъ для знанія, если бы мнѣ и суждено было выучиться по нѣмецки,—то писемъ, подобныхъ твоему, достаточно, чтобы отвратить меня отъ того и другого. Такъ ужъ я созданъ—такая моя натура: разсужденіе никогда и ничего мнѣ не доказываетъ. Я же отъ тебя давно ужъ это слышалъ. Всѣ твои письма—одно и то же, и это «одно и то же» превратилось у тебя въ общія мѣста. Это производитъ пренепріятное впечатлѣніе. Братъ твой говорилъ мнѣ, что онъ всегда съ жадностію хватался за твои письма, но, прочтя, ничего не понималъ и, вмѣсто радости, ощущалъ какое-то неудовольствіе. Жизнь—врагъ книги. Книга хороша въ книгѣ. Притомъ же, тащить за собою—система самая ложная: иди своей дорогою, оставляя другихъ итти своею. Мнѣ кажется, главнѣйшая ошибка всей твоей жизни, ошибка, которая дѣлаетъ тебя такъ тяжелымъ для другихъ,—есть та, что ты нисколько не призванъ дѣйствовать на другихъ своею индивидуальностію, а между тѣмъ считаешь себя призваннымъ именно на это. Тебѣ не терпится, что другой думаетъ и дѣлаетъ не по твоему. Ты начинаешь читать «Ричарда II» съ тѣмъ, чтобы раскрыть святая святыхъ этого великаго созданія другимъ; но читать ты не умѣешь—поэзія мретъ въ устахъ твоихъ—«Ричарда» не понимаютъ—ты бѣсишься и оскорбляешь человѣка такъ, что онъ никогда этого уже не забываетъ. Повѣрь мнѣ, что такая идеальность хуже всякой дѣйствительности: она профанируетъ, губитъ самое себя въ глазахъ другихъ. Что я передъ тобою въ мысли? —ничто, а если и есть что-нибудь, то благодаря тебѣ же. И что же! Я говорю—меня слушаютъ, понимаютъ, мнѣ вѣрятъ, и я во многихъ успѣлъ возбудить уваженіе къ философіи, которой не понимаю,—и слышавшіе тебя съ какою-то радостію увѣряютъ меня, что лучше тебя это понимаю.

Прощай, Мишель. Еще разъ, не сердись. Желаю тебѣ уѣхать въ Берлинъ, желаю отъ всего сердца, чтобы ты съумѣлъ овладѣть собою и прожить на 2000 р. въ годъ, чтобы ты вполнѣ

достигъ своей цѣли. Но только тогда и повѣрю дѣйствительности твоего стремленія. Что дѣлать? Съ тѣхъ поръ, какъ я увидалъ свою нищету, ничтожество, дряблость, безсиліе,—я ужъ не вѣрю словамъ, а вѣрю только дѣламъ, фактамъ. Только слово, осуществляющееся въ жизни—для меня живое и истинное слово. Сбудется то, къ чему ты стремишься, будущее сдѣлается настоящимъ—можетъ быть, тогда твой примѣръ будетъ для меня полезенъ, а пока...

Въ ожиданіи—жму твою руку.

Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 14 марта, 1840.

Спб. 1840, марта 14.

Мнѣ, видно, ужъ назначено судьбою не переставать дѣлать глупости, любезный мой Василій! Говорю о моемъ прекраснодушномъ и москводушномъ посланіи къ Мишелю, которое ты ужъ вѣрно получилъ отъ Языкова. Стыдно и досадно вспомнить, что я, вмѣсто коротенькой записочки съ нѣкоторою ироническою улыбкою, вздумалъ, въ цѣлой тетрадищѣ, диспутовать съ нимъ о томъ, что $2\times2=4$, и показывать ему гнойныя раны моей души, на которыя онъ, съ высоты своего величія, философски наплюетъ. Еще слава Богу, что промедленіе въ отъѣздѣ Языкова дало мнѣ возможность и время спохватиться въ глупости и сказать тебѣ, чтобы ты ни подъ какимъ видомъ не показывалъ Мишелю моего глупаго письма. Не дурачество ли въ самомъ дѣлѣ?—Я толкую Мишелю, что логикой не заставишь человѣка измѣниться, — а самъ хочу измѣнить его — бранью. Нѣтъ! Кто чѣмъ родился, тотъ тѣмъ и умретъ, и если человѣкъ не по моей натурѣ, прочь отъ него, да и дѣло съ концомъ, вмѣсто того, чтобы тратить попусту бумагу и время. Не отрицаю въ Мишелѣ дѣйствительной стороны, даже чего-то великаго, но со всѣмъ тѣмъ, онъ въ моихъ глазахъ сухой человѣкъ, олицетворенный дьявольскій эгоизмъ,—и пора мнѣ перестать о немъ и говорить и думать! Много я надѣлалъ въ жизнь свою глупостей, о которыхъ и больно, и стыдно вспомнить, но—знаешь ли что?—для меня онѣ и благороднѣе, и чище, и святѣе, и разумнѣе всѣхъ дѣлъ Мишеля, потому что источникъ ихъ—сердечность, которой у него столько же, сколько у меня спеку-

лятивности. Его отношенія къ тебѣ возмутительны и отвратительны. Бѣдный Николай глубоко страждетъ отъ нихъ и говоритъ, что онъ отца ни въ чемъ не винитъ, прощаетъ ему даже всѣ его хитрости и кривды, и что его отецъ вправѣ всѣми силами противоборствовать всякому дѣлу, въ которомъ имѣетъ участіе Мишель и духъ его. Понимаешь ли, Боткинъ! Вѣроятно, ты не имѣлъ глупости отдать Мишелю письма Николая. Планъ дѣйствій перемѣняется и—что меня особенно радуетъ—совсѣмъ не по моему совѣту. Меня не было дома, и Николай безъ меня прочелъ твои письма и ко мнѣ, и къ нему и рѣшилъ, что̀ и какъ надо дѣлать. Планъ этотъ очень простъ: цѣль его—счастіе ваше, а средство—прямота въ дѣйствіяхъ, и характеръ дѣйствій—непосредственность личнаго вліянія. Онъ не будетъ спорить ни съ Мишелемъ, ни съ сестрами, но будетъ просто (безъ поганой философіи) и прямо говорить, что это онъ понимаетъ такъ, а это—этакъ, а почему?—по простому чувству и простому здравому смыслу, но что всякій можетъ думать и дѣлать по своему. Вотъ и все! Если отецъ будетъ ему говорить о поступкахъ и философской поведенціи Мишеля, онъ не будетъ съ нимъ спорить, но прямо скажетъ, какъ онъ на это смотритъ, а гдѣ тяжело будетъ сказать, тамъ краснорѣчиво промолчитъ. Отецъ скажетъ ему, что онъ не можетъ отдать дочери за купца—онъ отвѣтитъ ему, что онъ совершенно правъ, что его права, какъ отца, священны и неоспоримы, и что ему самому было бы пріятнѣе, если бы ты былъ дворянинъ, а не купецъ; но что, со всѣмъ этимъ, онъ отъ всей души желаетъ, чтобы бракъ состоялся, и что онъ тебя любитъ, какъ родного брата, не видавши, за то только, что ты любишь его сестру, и что его сестра любитъ тебя; и что онъ, если поѣдетъ въ Москву, остановится прямо у тебя, какъ у друга и брата. Другими словами: отецъ правъ, дѣлая по своему, но и онъ правъ, дѣлая по своему же. Само собою разумѣется, что онъ будетъ дѣлать уклоненія отъ этого плана по указанію обстоятельствъ. Положись на него: въ немъ глубокое чувство дѣйствительности и чрезвычайно вѣрный тактъ. Если его уволятъ не на двѣ недѣли, а на 28 дней, онъ пріѣдетъ къ тебѣ. Для этого хочетъ отказать себѣ во всемъ, чтобъ сберечь деньжонки, но я ему сказалъ, что это ужъ твое дѣло. Онъ и руками и ногами — весь вспыхнулъ, но я ему все-таки сказалъ, что это вздоръ, и что изъ ложнаго стыда глупо жертвовать, можетъ быть, участью двухъ

человѣкъ, и что не онъ попроситъ у тебя денегъ, а ты предложишь ихъ ему. А хорошо, какъ бы онъ пріѣхалъ къ тебѣ! Не говоря уже о томъ, что ты познакомился бы съ братомъ своимъ, онъ могъ бы, можетъ быть, сказать тебѣ много такого, чего не выговоришь въ письмѣ. Ахъ, Василій, какъ грубо всѣ они не поняли и не оцѣнили этого человѣка, выше всѣхъ ихъ! Когда онъ входилъ къ нимъ—они прерывали разговоръ и вообще смотрѣли на него, какъ еще на несозрѣвшаго или, можетъ быть, недостойнаго и неспособнаго къ полному посвященію въ ихъ магнетическія таинства. О, Мишенька! Горе тебѣ, если хоть на минуту откроются твои глаза — ты не захочешь жить!

Нынче (15 марта) получилъ твое письмо. Эпитетъ милаго, прилагаемый къ Языкову, очень меня обрадовалъ. Я боялся, что исключительная сосредоточенность въ личномъ интересѣ не допуститъ тебя узнать этого человѣка. Но теперь я увѣренъ, что ты уже оцѣнилъ его, а онъ, Боткинъ, дорого стоитъ—это алмазъ самородковъ! Что ты мнѣ поешь о томъ, что не надо отдавать моего письма Мишелю? Вѣрно Языковъ отличился: я просилъ и заклиналъ его 100 разъ, чтобы онъ тотчасъ же сказалъ тебѣ, чтобы ты ни подъ какимъ видомъ не показывалъ моего письма Мишелю. По моей натурѣ, я созданъ дѣлать глупости и, сдѣлавши, тотчасъ сознавать ихъ. Равнымъ образомъ, превеликую сдѣлалъ бы ты глупость, за которую стоило бы вырвать изъ твоей лысины послѣдніе волоса—сіе, какъ пишешь ты къ Панаеву, суетное украшеніе и излишнюю тяжесть—если бы отдалъ Мишелю и Николаево письмо; въ чемъ совершенно согласенъ со мною и самъ краснорѣчивый авторъ онаго. Нѣтъ, съ Мишенькой надо дѣлаться иначе: вѣдь съ эгоизмомъ опаснѣе вести борьбу, чѣмъ съ прекраснодушіемъ.

Тяжело пали на мое сердце двѣ твои строки по поводу «Ричарда II». Отвяжись!—пишешь ты. Ахъ, Боткинъ! Боткинъ! не будемъ говорить другъ другу этого слова, но будемъ входить въ интересы другъ друга и участіемъ облегчать взаимныя страданія. Выходка моя была не противъ тебя и кружка нашего—вы были тутъ только предлогомъ; она была противъ расейской публики. Знаю, Боткинъ, что тебѣ до нея нѣтъ дѣла—для тебя самое слово «литература» огажено и пошло. Но я—мой другой удѣлъ: расейская публика высосала изъ меня всю свѣжую кровь, сосетъ теперь остатки, но я уже не чувствую—притерпѣлся. Не

у всѣхъ такія счастливыя и благодатныя натуры, какъ, напримѣръ, у тебя и Языкова: ваша жизнь внутри васъ, міръ объективный для васъ — предметъ созерцанія и наслажденія; если вы берете въ руки журналъ, хороша статья — прочтете, глупа — посмѣетесь или бросите, не дочитавъ. Но для меня объективный міръ—страшный міръ; я зацѣпилъ его только маленькій уголокъ, но вросся въ него всѣми корнями души моей, и потому внутреннее счастіе для меня невозможно. Еслибы я получилъ воспитаніе, учился и поѣхалъ учиться въ Берлинъ, я былъ бы поклонникомъ Ганса: теперь для меня это ясно. Котерія — сфера моей жизни, а общее для меня только въ искусствѣ. Каково же, Боткинъ, сосредоточить всю жизнь свою, всѣ свои страданія въ двухъ-трехъ вопросахъ и услышать на нихъ «отвяжись»? Зачѣмъ же вопль человѣка долженъ умирать въ пустынѣ, никѣмъ не услышанный? Или и въ самомъ дѣлѣ — вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва? Тяжело, ей Богу, тяжело! Хотѣлъ, скрѣпя сердце и сжавши зубы, промолчать, но прекраснодушіе преодолѣло — и я хочу все высказать тебѣ. Для этого я долженъ познакомить тебя съ домашними тайнами «Отечественныхъ Записокъ». Письмо это пойдетъ къ тебѣ не по почтѣ, и ты никому его не покажешь. Слушай же и пойми, если не для себя, когда это чуждо тебя, то для меня, или хоть притворись, что понялъ и принялъ къ сердцу. Прошлаго года «Отечественныя Записки» имѣли около 1200 подписчиковъ, нынѣшній—1375; за прошлый годъ на нихъ долгу слишкомъ 50,000, за нынѣшній будетъ около 40,000, итакъ, къ декабрю будетъ на нихъ 90,000 долгу, да въ придачу плохая надежда на 2250 подписчиковъ. Между тѣмъ, сдѣлано все, что можно, даже больше, что можно было сдѣлать: почти безъ денегъ основанъ былъ журналъ, Краевскій трудился и трудится до кроваваго поту, аранжировано у него все необыкновенно хорошо, наконецъ, порядочные люди пристали къ нему, дали ему направленіе, характеръ и единство (которыя есть только въ одной похабной «Библіотекѣ для Чтенія»), мысль, жизнь, одушевленіе (которыхъ нѣтъ ни въ одномъ журналѣ); повѣстей и стиховъ такихъ тоже нигдѣ нѣтъ, отдѣленія разнообразны,—чего бы еще? А между тѣмъ, хоть тресни. И добро бы Сенковскій мѣшалъ?— нѣтъ, Гречъ съ Булгаринымъ—хвала и честь расейской публикѣ, ... , это подлое баранье стадо! Живя въ Москвѣ, я даже стыдился много и говорить о Гречѣ, считая его призракомъ; но въ Питерѣ онъ авторитетъ больше Сенковскаго. Лекціи

свои онъ началъ читать, чтобы уронить «Отечественныя Записки»—онъ говоритъ это публично. Вотъ тебѣ и дѣйствительность! Придется давать уроки! Но еслибы и не это, еслибы у меня и были деньги, мнѣ все не легче: я теперь понимаю саркастическую желчность, съ какою Гофманъ нападалъ на идіотовъ и филистеровъ, я связанъ съ расейскою публикою страшными узами, какъ съ постылою женою—хоть и . . . ., а развестись нельзя. Пойми это, Боткинъ! О, я теперь лучше бы сошелся съ Грановскимъ, лучше бы понялъ и оцѣнилъ эту чистую, благородную душу, эту здоровую и нормальную натуру, для которой слово и дѣло — одно и то же. Да, попрежнему брезгаю французами, какъ г. . ., но идея общества обхватила меня крѣпче,— и пока въ душѣ останется хоть искорка, а въ рукахъ держится перо,—я дѣйствую. Мочи нѣтъ, куда ни взглянешь — душа возмущается, чувства оскорбляются. Что мнѣ за дѣло до кружка— во всякой стѣнѣ, хотя бы и не китайской, плохое убѣжище. Вотъ уже нашъ кружокъ и разсыпался, и еще больше разсыплется, а куда прилѣпить голову, гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе, гдѣ человѣчность? Нѣтъ, къ чорту всѣ высшія стремленія и цѣли! Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить. Дѣлай всякій не что хочетъ и что бы должно, а что можно. Чорта-ли дожидаться маршальскаго жезла — хватай ружье, нѣтъ его — берись за лопату, да счищай съ расейской публики г. . . . Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «Отечественныхъ Записокъ». Я литераторъ— говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь. Теперь стараюсь поглупѣть, чтобы расейская публика лучше понимала меня: благодаря одуряющему вліянію финскихъ болотъ и гнусной плоскости, на которой основанъ Питеръ, надѣюсь вполнѣ успѣть въ этомъ. (Я боюсь въ Николая Александровича влюбиться—право, природа хотѣла имъ изъявить свое раскаяніе за произведеніе Мишеля. Ахъ, какъ полюбишь ты его, какого человѣка узнаешь ты въ немъ!)

На счетъ Краевскаго ты ошибаешься. Но не то дурно, что онъ навралъ о . . . . . повѣстяхъ Павлова, а то дурно, что онъ взялся писать о томъ, о чемъ не слѣдовало бы ему писать. Это человѣкъ дѣла, а не мысли. Я его люблю и уважаю, какъ всѣ, кто его знаетъ лично. Ему большую дѣлаетъ честь,

что онъ бросилъ блестящую карьеру, которая открылась ему чрезъ археологическую экспедицію, и безкорыстно предался журналу. Ему 30 лѣтъ, а волосы у него зѣло съ просѣдью, вслѣдствіе тяжкаго и постояннаго труда до кроваваго поту и героической борьбы съ страшною дѣйствительностію. Мнѣ нравится въ немъ и то, что теперь только порядочные люди имѣютъ на него вліяніе, а вся дрянь отстаетъ. Онъ уже начинаетъ посмѣиваться надъ повѣстями Павлова, и, когда Панаевъ сказалъ ему, что ты называешь ихъ . . . . . онъ захохоталъ. На письмо Павлова о вредности моего вліянія на журналъ онъ отвѣчалъ коротко и ясно: за дружескіе совѣты благодарю, а намековъ не понимаю. Это, братъ, человѣкъ съ характеромъ желѣзнымъ, ему стоитъ разъ напасть на дорожку, а тамъ ужъ его желѣзнымъ воротомъ не сдвинешь. Лишь бы «Отечественныя Записки» пошли, а то слѣдующія три повѣсти Павлова, если онъ ихъ . . . . . буду разбирать я, да и по своему. Я Краевскому не даю совѣтовъ, а онъ мнѣ ни слова не говоритъ ни о достоинствѣ моихъ статей и объ истинности моихъ идей, ни о своемъ ко мнѣ уваженіи (онъ не любитъ говорить), но въ «Отечественныхъ Запискахъ» я у себя дома. Этому много причиною родство и единство моихъ убѣжденій и писаній съ катковскими и твоими: у Краевскаго есть чутье. Кромѣ того, когда онъ въ своей тарелкѣ, онъ человѣкъ съ дарованіемъ и энергіею: прочти его катки Цурикову, Булгарину, Гречу. Тебя такія вещи мало интересуютъ, но для меня онѣ важнѣе и дороже всѣхъ нѣмецкихъ книгъ,—и тяжело мнѣ было бы, еслибы ты этого не понялъ.

Кстати: съ чего ты взялъ отказываться отъ экземпляра «Отечественныхъ Записокъ» и «Литературной Газеты» Краевскаго? Человѣкъ тебѣ кланяется, а ты плюешь ему въ рожу, да еще поручаешь эту комиссію Панаеву. Воля твоя, а это та сторона нашего кружка, которая мнѣ такъ не нравится. Ты далъ двѣ статьи и не взялъ за нихъ денегъ: уже изъ одной вѣжливости Краевскій могъ послать тебѣ свои журналы. Но кромѣ этого, онъ уважаетъ тебя за твои статьи, отъ которыхъ въ восторгѣ, уважаетъ тебя за то, что тебя уважаю я и Катковъ. Зачѣмъ же грубостію платить за вниманіе и плевать на протянутую для пожатія руку? Что за несчастіе, что у тебя 2 экземпляра «Отечественныхъ Записокъ»? Одинъ будетъ у тебя, другой наверху, у твоей сестры и брата. Если же не такъ, ну сожги, брось въ н. . . . ., если бо́льшаго не стоитъ.

Безпокоитъ меня отвѣтъ Кульчицкому — приличіе требуетъ его, а странность отношеній этихъ дѣлаетъ труднымъ. Два дня я былъ, какъ сумасшедшій, но на третій я забылъ, какъ будто этого не было. Постоянна и неизмѣнно-пребываема для меня только гнусная дѣйствительность, а прекрасныя мечты минутны и пропадаютъ безъ слѣда. Однако-жъ напишу какъ-нибудь, хоть, право, не знаю, какъ и о чемъ писать: поневолѣ придется написать вздору о томъ, что Харьковъ мнѣ давно не чуждъ по покойному Кронебергу и мистическому уваженію ко всему его семейству.

(Пожалуйста пиши ко мнѣ вотъ по этому адресу слово въ слово: Его Благородію Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому въ С.-П.Б., въ контору редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Лукина, № 47; а то письма распечатываетъ Краевскій и бѣсится за это на меня).

Ты сердишься, что я тебя хвалю. Въ самомъ дѣлѣ, глупо. Но что-жъ дѣлать, если это невольно вырвалось изъ души и было для меня такъ отрадно? Не бойся, чтобы я видѣлъ въ тебѣ одно хорошее: я знаю тебя вдоль и поперекъ, и за бранью дѣло у меня не станетъ. Покуда будетъ съ тебя и этого.

Познакомился ли Языковъ съ Бакуниными? Николай Александровичъ далъ ему письма къ отцу и къ сестрамъ. Это меня дьявольски интересуетъ. Бога ради, увѣдомь. Въ 3 № «Отечественныхъ Записокъ» славная повѣсть Соллогуба: чудесный беллетрическій талантъ. Это поглубже всѣхъ Бальзаковъ и Гюговъ, хотя сущность его таланта и родственна съ ними. Лермонтовъ подъ арестомъ за дуэль съ сыномъ Баранта. Государь сказалъ, что, еслибы Лермонтовъ подрался съ русскимъ, онъ зналъ бы, что̀ съ нимъ сдѣлать, но когда съ французомъ, то три четверти вины слагается. Дрались на сабляхъ, Лермонтовъ слегка раненъ и въ восторгѣ отъ этого случая, какъ маленькаго движенія въ однообразной жизни. Читаетъ Гофмана, переводитъ Зейдлица и не унываетъ. Если, говоритъ, переведутъ въ армію, буду проситься на Кавказъ. Душа его жаждетъ впечатлѣній и жизни.

(Что Паша Бакунинъ отъ тебя отшатнулся — это меня нисколько не удивило: у меня удивительно вѣрное чутье... Николай—другое дѣло: онъ больше братъ своимъ сестрамъ, чѣмъ братьямъ. Чудный малый!)

Скажи Кетчеру, что онъ не шлетъ «Цахеса»? Да пусть переведетъ «Мейстера Фло»,—все напечатается, и за все онъ получитъ

деньги. Онъ много обѣщалъ, а ничего не дѣлаетъ. А что Грановскій съ своей статьей, что Рѣдкинъ—с . . . . дѣти—только обѣщаются. Катковъ очень достолюбезенъ съ своими обѣщаніями. Зарѣжетъ онъ Краевскаго, если къ 1 числу не пришлетъ статьи о Саррѣ Толстой. Я ужъ усталъ—однѣхъ критическихъ статей навалялъ 10 листовъ дьявольской печати, кромѣ рецензій. Скажи Каткову, чтобы онъ попросилъ Галахова повидаться съ Вельтманомъ, который далъ для альманаха Владиславлеву статейку «Лихоманка»; Владиславлевъ ее не беретъ, такъ Краевскій проситъ для «Литературной Газеты». Катковъ прислалъ къ Краевскому стихи Сатина—г . . .—воняетъ! О, какъ слѣпа дружба! Краевскій ихъ бросилъ, а я и не видалъ. Видишь ли, какъ «Отечественныя Записки» начинаютъ чуждаться всего . . . . . ! Прощай, некогда писать, а по почтѣ этого письма не хочется посылать. Гоголь доволенъ моею статьею о «Ревизорѣ»—говоритъ—многое подмѣчено вѣрно. Это меня обрадовало. Все сбираюсь писать къ Кудрявцеву и Каткову, да апатія мѣшаетъ. Краевскій въ восторгѣ отъ рецензій Кудрявцева. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасны. Совѣтуй ему продолжать, оно и скучновато, а вѣдь уроки еще скучнѣе.

Твой В. Б.

Нельзя ли переслать ко мнѣ письмо Станкевича, да похлопочи поскорѣе о своей, Каткова и Кудрявцева физіономіи. Кирюшѣ поклонъ, эхъ, какъ бы ему въ Питеръ!

Къ В. П. Боткину. 19 марта, 1840.

С.-П.Б. 1840, марта 19, утро, 12 часовъ.

Сейчасъ, милый мой Василій, хожу по комнатѣ и думаю о тебѣ — вдругъ отворяется дверь, и входитъ Кирюша. Представь себѣ мою радость! Читаю твое письмо — сердце мое облилось кровью и исполнилось негодованія и ненависти къ подлецу, именемъ котораго не хочу осквернить моего письма. Бѣдный мой другъ, о, еслибы ты зналъ, какъ пало мнѣ на сердце твое горе, какъ понимаю я тебя и сочувствую тебѣ въ эту минуту. Если можно тутъ помочь слезами — возьми мои горячія слезы. Сейчасъ пойду къ Николаю Александровичу—Боткинъ, не все еще погибло — вѣрь сердцу Николая — въ немъ столько же энергіи, сколько и любви. На вѣсахъ ея души, ея сердца, ея любви—

онъ много будетъ значить—можетъ быть, онъ перетянетъ,—не только уравновѣситъ. Еслибы въ эту минуту я увидѣлъ дьявола—чувствую, нѣтъ, это не фраза!—чувствую, что готовъ былъ бы стрѣляться съ нимъ. Онъ убьетъ ее — отказавшись отъ тебя, она умретъ, ибо ничто, кромѣ призраковъ, не вознаградитъ ее за жертву; тогда какъ, отказавшись отъ нихъ, она бы воскресла, ибо увидѣла бы тотчасъ, что за отреченіе отъ призраковъ вступила бы въ міръ блаженной дѣйствительности. О, гнусный, подлый эгоистъ, фразеръ, дьяволъ въ философскихъ перьяхъ! Меня теперь радуетъ, что я написалъ къ нему такое письмецо, отъ котораго его покоробитъ. Дай ему денегъ—обѣщай еще больше, благоговѣй предъ его глубокою натурою и великимъ духомъ—за такую выгодную плату онъ сторгуется. Боткинъ, крѣпись, будь мужчиною въ великій часъ великой борьбы—будь достоинъ побѣды! Не теряй духа, ты не безъ друзей — у меня для тебя есть открытое любящее сердце и слезы, а у Николая Александровича при этомъ — и средства, и вліяніе, чтобы дѣйствовать. На шестой недѣлѣ онъ отправляется домой—и я увѣренъ, что эта поѣздка рѣшитъ твое дѣло въ твою пользу.

Тысячу спасибо тебѣ за Степановскую росписку—еще одной горой меньше на душѣ моей, и ворота въ Москву отворены. Боткинъ, если тебѣ будетъ тяжело невыносимо, и нужна будетъ душа, которая на время отреклась бы отъ всѣхъ своихъ интересовъ и жила бы только тобою и для тебя, — одно слово, и я съ тобою, несмотря ни на какія препятствія. Прощай. Сейчасъ прочелъ Гофманова «Мастера Мартина»—великій поэтъ! Шиллеръ, Гете и Гофманъ: сіи три едино суть—глубокій, внутренній и многосторонній германскій духъ! Теперь, Боткинъ, пиши ко мнѣ чаще—каждый день: это нужно и для тебя—чтобъ Николаю Александровичу все было извѣстно. Прощай, мой бѣдный Василій—до новаго письма.

Твой В. Б.

Къ М. А. Бакунину. 1840.

Любезный Мишель, видъ твоего письма произвелъ во мнѣ такое впечатлѣніе, какъ будто бы у меня по тѣлу поползли мокрицы; долго я боролся между долгомъ прочесть его и желаніемъ разорвать, не прочтя. Мысль о полемикѣ, о прекрасно-

душныхъ и москводушныхъ продѣлкахъ, за которыя мало брать за уши и пороть розгами,—эта мысль была для меня кислѣе уксусу, вонючѣе... [1]) (забылъ по латыни) чортова г. . ., горше и отвратительнѣе самой гнусной микстуры. Но когда я прочелъ твое письмо, то вельми возрадовался. Спасибо тебѣ за него, сто разъ спасибо тебѣ. Ты поступилъ на этотъ разъ по человѣчески, преодолѣвъ чувство досады и враждебности, которыя должно было возбудить въ тебѣ мое письмо. Въ твоемъ письмѣ нѣтъ ненавистной для меня философіи (т. е. резонерства), но зато есть человѣчность, и отъ него вѣетъ духомъ. Знаешь ли ты, что только оно, это письмо, еще въ первый разъ, убѣдило меня, что твое стремленіе въ Берлинъ не пустая мечта празднаго самолюбія, а дѣйствительная потребность. Прежде я не могъ безъ чувства отвращенія слышать отъ тебя о Берлинѣ (въ который ты, правду сказать, сбирался по воздушной почтѣ), но теперь я принимаю это дѣло къ сердцу,—и вѣрь мнѣ, еслибъ я имѣлъ средства, то дѣломъ доказалъ бы мое участіе. Ты подавилъ въ себѣ ложный стыдъ, заглушилъ голосъ одураченнаго самолюбія и обратился къ прямому и единственно истинному и дѣйствительному средству для поѣздки въ Берлинъ—къ отцу. Поздравляю тебя, Мишель; ты одержалъ великую побѣду надъ своимъ лютѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ—надъ самимъ собою, надъ своимъ самолюбіемъ. Искренно и любовно желаю, чтобы это обращеніе было искренно и дѣйствительно, а не минутный порывъ, и чтобы ты вошелъ съ отцомъ въ прямыя и чистыя отъ всякія скверны отношенія, т. е. для него самого, а не для Берлина только. Николай чуть не плакалъ отъ твоего письма: онъ говоритъ, что это еще первое человѣческое письмо, написанное твоею рукою, которое онъ прочелъ. Онъ говоритъ, что отецъ будетъ радъ и охотно дастъ тебѣ не только 1500, но 2000 р.; но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поступитъ здѣсь не по дѣтски, а по старчески, и, чтобы испытать, для него ли самого, или только для Берлина ты обращаешься къ нему, потребуетъ, чтобы ты ѣхалъ въ Прямухино и занялся хозяйствомъ, и продержитъ тебя съ годъ времени. Николай говоритъ еще, что ты поступилъ бы очень дурно и неразумно, если бы, со всѣмъ самоотверженіемъ и со всею искренностію, не подвергся этому испытанію. Я совершенно съ нимъ согласенъ. У всякаго есть свои священ-

[1]) Зачеркнуто слово.—*Прим. А. П.*

ныя права, и безъ взаимныхъ уступокъ нельзя ладить людямъ другъ съ другомъ.

Также чрезвычайно меня обрадовало твое признаніе, что ты, безъ поѣздки въ Берлинъ, обратишься въ ничтожество. Я вспомнилъ твои упреки мнѣ, что я ограничиваю свою жизнь конечными условіями, зависящими отъ слѣпого случая. Итакъ, моя несчастная дѣйствительность одержала надъ тобою великую побѣду. Да, Мишель, владычество разумной дѣйствительности не подвержено никакому сомнѣнію, но и случай, въ свою очередь, царитъ надъ людьми самовластно. Безъ владычества случая, жизнь была бы не свободною, а машинальною, не было бы въ ней борьбы, а при борьбѣ паденіе такъ же необходимо, какъ и побѣда. Теперь ты, вѣрно, лучше поймешь, какъ иной можетъ въ сочувствіи женщины видѣть условіе своего искупленія и примиренія,—и не станешь давать благоразумныхъ совѣтовъ о необходимости Entsagung. Всякому свое, и дѣло дружбы—участіе въ своемъ каждаго, а не совѣты, которые только оскорбляютъ и охлаждаютъ дружескія отношенія. Прекрасно сказалъ ты, что «жизнь всякаго обусловливается совершенно особенными, чисто индивидуальными обстоятельствами, которыя не могутъ и не должны улетучиваться во всеобщемъ и которыя доступны только для непосредственно и таинственно созерцающей любви».

Если ты проживешь годъ въ Прямухинѣ, это время не можетъ попусту пропасть и для приготовленій къ Берлину; можно устроить такъ, что оно не будетъ для тебя потеряно и со стороны хоть какого-нибудь обезпеченія чрезъ «Отечественныя Записки», особенно, если ты возьмешь что-нибудь подѣлать и по части исторіи и что-нибудь переводить съ нѣмецкаго. Я готовъ хлопотать тутъ со всѣмъ усердіемъ и думаю, что мое участіе не будетъ для тебя безполезно. Теперь о твоихъ статьяхъ. Начну съ того, что твоя статья уже напечатана, и что она привела Краевскаго въ восторгъ своею ясностію, послѣдовательностію и простотою; особенно его восхищаетъ твоя катка эмпиризму. Изъ статьи твоей вышло $1^1/_2$ листа съ небольшимъ, т. е. 150 р. съ небольшимъ. Ты спрашиваешь, будутъ ли твои статьи считаться за одну или за двѣ—смѣшной и дѣтскій вопросъ! Тебѣ до этого нѣтъ дѣла: дѣло въ числѣ листовъ, а не въ числѣ статей. Раздроби цѣлую книгу на сто статей, или считай ее за одну статью—число листовъ въ ней будетъ одно, а слѣдовательно,

и одна плата; Краевскій не ограничиваетъ твоей дѣятельности двумя статьями—ихъ можетъ быть и пять и больше, да только съ разными условіями и ограниченіями. Если ты напи . . .
. . . . . .
. . . . . [1]).

Къ К. Г. Вѣлинскому. 9 апрѣля, 1840.

Спб. 1840, апрѣля 9.

Любезный братъ Константинъ, напрасно ты думаешь, что я сердитъ на тебя. Ей Богу, и не думалъ сердиться. Причина моего молчанія—безпрерывныя хлопоты, заботы, труды, безпокойства, развлеченія, лѣнь и пр. Судьба занесла меня въ Питеръ—что дѣлать?—мой удѣлъ носиться туда и сюда по волнамъ жизни и не знать никогда пристани, у которой ты такъ счастливо пріукрылся и пригрѣлся. Всякому свой путь въ жизни, и надо итти, а не жаловаться. Что со мною было и какъ—этого не перескажешь и въ ста письмахъ, да по разности нашихъ дорогъ въ жизни это и не совсѣмъ было бы для тебя понятно. Богъ дастъ, увидимся—потолкуемъ, а пока позволь мнѣ тебя увѣрить, что я искренно къ тебѣ расположенъ, отъ всего сердца желаю тебѣ всякаго счастія и всегда съ радостью съ тобою увижусь, если Богъ приведетъ. Что за дѣло, что я рѣдко пишу—будто любовь въ перепискѣ, а не въ душѣ? Итакъ, обнимаю и цѣлую тебя по братски и прошу передать мой братскій поцѣлуй Александрѣ Капитоновнѣ, и расцѣлуй до слезъ Мишу и Сашу. Если будетъ у тебя еще сынъ или дочь—бери меня въ кумовья, я ужъ пришлю славный гостинецъ. Сестрѣ кланяйся, и съ мужемъ (не знаю, почему послѣдній какъ будто дичится меня), и поцѣлуй ихъ. Кстати: что касается до вашихъ ссоръ, то мнѣ крайне непріятно и тяжело и слышать о нихъ; мнѣ лучше хочется думать, что вы живете мирно, дружески, родственно, словомъ—по человѣчески. Что же до поступка сестры съ дѣвкою Авдотьею,—то въ этомъ поступкѣ я не узнаю и не признаю своей сестры. Если у ней нѣтъ человѣческаго чувства, то хоть бы изъ уваженія къ памяти матери выполнила ея волю. Впрочемъ, я думаю, что ты не такъ передалъ мнѣ это дѣло: мнѣ пріятно думать,

[1]) Конца письма не сохранилось.—*Прим. А. П.*

что моя сестра не способна къ такому черному дѣлу. Свидѣтельствую мое искреннее почтеніе Капитону Андреевичу и усердно благодарю его за вниманіе ко мнѣ, о чемъ я знаю изъ его письма къ Дмитрію Капитоновичу. Равнымъ образомъ, передай мой поклонъ и всему его почтенному семейству. Славный человѣкъ Дмитрій Капитоновичъ! Такая бодрая и здоровая душа—вездѣ найдется и нигдѣ не потеряется.

Увѣдомь меня, что̀ Ѳедосья Степановна съ Вѣрою Петровною. Я ихъ помню и люблю попрежнему и крѣпко желалъ бы съ ними повидаться. Кланяйся Надеждѣ Николаевнѣ Щетининой. Кланяйся всѣмъ, кто помнитъ меня, а кто забылъ, тѣмъ и не напоминай.

Твой братъ В. Бѣлинскій.

Если будешь писать ко мнѣ, то вотъ мой адресъ: Его Благородію Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому. Въ Спб., въ контору редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго ряду, въ домѣ Лукина, № 47.

Къ В. П. Боткину 16 апрѣля, 1840.

Спб. 1840, апрѣля 16 дня.

Давно уже сбираюсь писать къ тебѣ, мой дражайшій и лысѣйшій Василій, но все не могъ собраться. Не повѣришь, что за апатія, что за лѣнь овладѣли мною—истинное замерзаніе души и тѣла. Да, и тѣла, ибо и оно ничего не проситъ, и если исправно ѣстъ, то больше для порядка, чѣмъ для удовольствія. А душа совсѣмъ расклеилась и похожа на разбитую скрипку — однѣ щепки, собери и склей—скрипка опять заиграетъ и, можетъ быть, еще лучше, но пока—однѣ щепки. Большею частію лежу на кровати и думаю объ испанскихъ дѣлахъ. Если день дуренъ, то свинцовое небо давитъ меня,—и я лежу, уже ни о чемъ не думая, какъ живой трупъ. Но, какъ нарочно, погода стоитъ божественная—на небѣ ни облачка, все облито золотомъ лучей солнца, и только мѣстами ледъ на улицахъ, да ледяная кора на Невѣ и Фонтанкѣ давятъ душу. Въ такіе дни у меня въ душѣ пусто, но какъ-то весело: взгляну на окно, пойду шляться по Невскому—и хорошо, а въ душѣ, все-таки, фай—посвистываетъ. Только фантазія и жива, но это къ моему горю, ибо фантазія первый мой врагъ и губитъ меня. Ложусь спать съ твердымъ

рѣшеніемъ поутру приняться за дѣло; проснусь—и до 12 часовъ пролежу, а тамъ гулять до 4, а тамъ обѣдать, пить чай, и снова ложиться съ мыслію о томъ, что завтра надо начать работать.

Николай не ѣдетъ на праздникъ. Онъ переходитъ въ армію и мѣсяца черезъ полтора совсѣмъ переѣдетъ въ Тверь. Слѣдовательно, ты тогда и увидишься съ нимъ. Потерпи немного для своей же пользы. Онъ не много хлопоталъ, но уже много сдѣлалъ: онъ писалъ къ ней—письмо его полно любви и убѣжденія, задушевно и просто: чуть ли то, которое ты получилъ отъ нея и которое такъ тебя обрадовало, чуть ли оно не было результатомъ письма Николая къ ней. Прекрасное письмо—хоть въ немъ Николай и явился въ формѣ природнымъ русскимъ дворяниномъ, т. е., хоть въ немъ нѣтъ ни складу, ни ладу, ни знаковъ препинанія, ни орѳографіи, но оно полно энергіи и любви и не могло не подѣйствовать. Изъ него она узнала, что у ней есть братъ совсѣмъ другого рода, чѣмъ тѣ. Онъ тоже получилъ отъ нея два письма на двухъ оборотахъ одного и того же листика—хорошо, но только я ровно ничего не понялъ. То говоритъ она, что ея участь неразрывно связана съ твоею, то, что не можетъ сносить мысли, что ты потеряешь какую-то свою свободу (въ самомъ дѣлѣ, ужасная потеря!). Признаюсь тебѣ, мой Василій: люблю тебя, понимаю твое чувство, сколько потому, что понимаю тебя, столько и потому, что изучилъ твое чувство, принимаю въ немъ величайшій интересъ; но—знаешь ли что?—извини за откровенность—отъ избытка чувствъ уста глаголятъ: люблю и цѣню ее, но не понимаю ни ея, ни ея чувства. Можетъ быть, причина этого—моего ограниченность; но вѣдь я понимаю же другое, а притомъ, я твердо увѣренъ и глубоко убѣжденъ, что все глубокое и великое—просто, хоть и не все простое глубоко и велико. Она представляется мнѣ въ формѣ спящей красавицы, которую злой волшебникъ (назовемъ его хоть Альбано) околдовалъ непробуднымъ сномъ. Чудо должно прервать сонъ, но чудо совершилось, а сонъ еще продолжается... Или это уже не сонъ, а медленное пробужденіе отъ магнетическаго сна, пробужденіе съ тяжкою зѣвотою и непонятнымъ лепетомъ бреда!.. Можетъ быть, дай Богъ!.. А я все-таки скажу тебѣ, что мнѣ жаль тебя, очень жаль, и что я лучше хочу влачить мое апатическое существованіе и не знать никакого счастья, нежели узнать твое счастіе.

Напрасно ты просишь Николая дѣйствовать—вѣрь, что твои

просьбы тутъ совершенно излишни. Ручаюсь тебѣ за этого малаго смѣлѣе, чѣмъ за себя (ибо за себя я только въ одномъ могу поручиться, что я дрянь). Твое дѣло—его дѣло. Онъ сдѣлаетъ все. Я увѣренъ, что старикъ любитъ и уважаетъ его больше, чѣмъ Мишеля, и, слѣдовательно, онъ можетъ имѣть на него вліяніе. Ахъ, Боткинъ, какъ нетерпѣливо желаю я, чтобы ты съ нимъ увидѣлся, узналъ и полюбилъ его. Онъ такъ существенъ, что за него можно простить природѣ и судьбѣ за произведеніе четырехъ московскихъ Бакунинныхъ.

—

Очень мнѣ непріятно и досадно, что ты не получилъ моего маленькаго письмеца, въ отвѣтъ на твое маленькое письмецо, полученное мною отъ Кирюши. Ты долженъ былъ получить мой отвѣтъ въ пятницу, т. е. на другой день послѣ полученія моего письма отъ управителя Заикина. Но, видно, оно пропало—жаль, очень жаль! Оно было коротко, но полно любви къ тебѣ—я писалъ его къ тебѣ со слезами. Въ эту минуту мнѣ показалось, что я не трусъ, не дрянь, не г. . . ., и только бы увидѣлъ Мишеля, какъ попросилъ бы его или убить меня, или позволить мнѣ убить его. Бываютъ минуты, когда и зайцы дѣлаются львами. Бѣдный Николай былъ убитъ этою твоею запискою и страшно свирѣпствовалъ, хоть и ничего не говорилъ. Этотъ человѣкъ вообще мало говоритъ—москводушія въ немъ—ни тѣни. 1000 поклоновъ тебѣ за то, что ты развязалъ меня съ Андросовымъ и Степановымъ. О, если бы ты зналъ, что ты этимъ для меня сдѣлалъ!—ты былъ бы счастливъ цѣлый день, а это не шутка—имѣть въ жизни цѣлый день чистаго счастія! Богъ дастъ, я возвращу тебѣ эти деньги, а не дастъ—все же лучше—отъ Степанова ты никогда бы не получилъ ихъ. Спасибо—я теперь легче сплю, и меня ужъ не такъ жжетъ, когда я ложусь спать.

———

Спасибо тебѣ за объясненіе по случаю «отвяжись»: оно много сняло съ меня и много дало мнѣ. Говорю не шутя: я радъ моей ошибкѣ. Знаешь ли, Боткинъ, что это такое для меня? Я наконецъ вижу, что, какъ человѣкъ, я—дрянь, о моихъ знаніяхъ и содержаніи того, что и о чемъ я пишу, не стоитъ и говорить; мнѣ остается одно: объективный интересъ моей литературной дѣятельности. Только тутъ я самъ уважаю себя и сознаю не дрянью, потому что вижу въ себѣ безконечную любовь и готовность на всѣ жертвы; только тутъ я и страдаю, и радуюсь не

о себѣ и не за себя, только тутъ моя дѣятельность торжествуетъ надъ лѣнью и апатіею. И потому я больше горжусь, больше счастливъ какою-нибудь удачною выходкою противъ Булгарина, Греча и подобныхъ сквернавцевъ, нежели дѣльною критическою статьею. Каково же мнѣ было думать, что близкіе ко мнѣ не цѣнятъ меня именно въ томъ, въ чемъ я еще имѣю какую-нибудь цѣну, а цѣнятъ въ томъ, въ чемъ я ни гроша не стою? Это условіе sine qua non моихъ искреннихъ и прямыхъ отношеній съ кѣмъ бы то ни было,—и потому я радъ возникшему между нами недоразумѣнію—теперь съ меня свалилась гора, и только теперь я знаю, что ты понимаешь меня. Мнѣ заперты всѣ пути къ человѣческому счастію—это вопросъ рѣшенный для меня—я ужъ объ этомъ не могу разсуждать, спорить и много говорить—иногда только вырвется изъ растерзанной груди горькое слово, да тутъ же и проглочу его—и больше ни слова. Итакъ, только одно и остается мнѣ—сфера моей литературной дѣятельности, какова бы она ни была. Видно и въ самомъ дѣлѣ, я нуженъ судьбѣ, какъ орудіе (хоть такое, какъ помело, лопата или заступъ), а потому долженъ отказаться отъ всякаго счастія, потому что судьба жестока къ своимъ орудіямъ—велитъ имъ быть довольными и счастливыми тѣмъ, что они—орудія, а больше ничѣмъ, и употребляетъ, пока не изломаются, а тамъ бросаетъ. Такъ и я: въ жизни ни . . . , помучусь, поколочусь, какъ собака, а тамъ издохну, т. е. погружусь въ міровую субстанцію, и въ ней заживу на славу. Лестная перспектива впереди! И потому еще разъ спасибо тебѣ, Боткинъ. Теперь мои отношенія съ тобою еще прямѣе, а я больше тебя люблю и больше въ тебя вѣрю.

Теперь приложи весь слухъ и все твое вниманіе къ симъ строкамъ и выполни мою просьбу съ усердіемъ и точностію, хотя бы изъ этого и ничего не вышло. Слушай. Дѣла «Отечественныхъ Записокъ» худы до нельзя. Еще за прошлый годъ онѣ должны много, теперь же издаются опять почти въ долгъ. Начались онѣ, какъ обыкновенно начинаются теперь такія предпріятія на Руси—обществомъ на акціяхъ. Но акціонеры дали едва ли по половинѣ и по четверти того, что̀ хотѣли дать; нѣкоторые ничего не дали. Лютѣйшіе изъ нихъ—Враскій и Владиславлевъ. Первый печатаетъ ихъ въ своей типографіи, беретъ съ Краевскаго 140 р. за листъ, т.-е. ровно вдвое противъ того, что̀

взялъ бы всякій другой типографщикъ. И это во имя любви къ русской литературѣ. Враскій—чиновникъ и родственникъ Одоевскаго, доселѣ и Краевскій считалъ его честнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Вдругъ онъ требуетъ денегъ, Краевскій говоритъ, что ихъ нѣтъ, и посылаетъ ему счета. Враскій отвѣчаетъ, что не выпуститъ № (IV), и въ самомъ дѣлѣ удержалъ послѣдніе листы, которые должны были пойти къ переплетчику. Краевскій далъ ему довѣренность на полученіе изъ почтамта 2000, Враскій потребовалъ всѣхъ (а всѣхъ-то 7,000), и Краевскій принужденъ былъ дать ему довѣренность на всѣ 7,000—послѣднюю надежду свою, потому что безъ нихъ онъ самъ долженъ жить съ семействомъ, чѣмъ хочетъ—хоть воздухомъ, а обо мнѣ нечего и говорить. Сверхъ того, Враскій, какъ вкладчикъ и акціонеръ, вмѣшивается всегда въ дѣла редакціи, изъявлялъ Краевскому свое неудовольствіе за полноту книжекъ, за помѣщеніе нѣкоторыхъ моихъ статей и проч. Все это, разумѣется, терзало Краевскаго, хотя онъ все-таки дѣлалъ по своему. Владиславлевъ (ужасная скотина!) тоже, какъ вкладчикъ (а вложилъ онъ 2000), мучаетъ его своими дикими претензіями. Вотъ каковы дѣла! Какое нужно тутъ терпѣніе, какая сила характера, сколько самоотверженія—суди самъ! Недавно Краевскій выдержалъ порядочную лихорадку и недѣли полторы не выходилъ изъ дому; просѣдь его черныхъ волосъ съ каждымъ днемъ все пышнѣе расцвѣтаетъ. Дары объективнаго міра! Но онъ твердъ и не хочетъ бросать святого дѣла. Я знаю его хорошо: въ немъ нѣтъ ни на волосъ корыстолюбія, и онъ дѣйствуетъ и страдаетъ для того, чтобы въ литературѣ нашей не водворилась мерзость запустѣнія, чтобы не восторжествовали сквернавцы и плюгавцы (Гречъ, Булгаринъ и Полевой), которыхъ дерзость еще ограничивается «Отечественными Записками» и «Литературною Газетою». Боже мой! Что это за міръ! Берутъ взятки открыто. Пріѣхала гнусная пѣвица Гессъ, и Гречъ заранѣе провозгласилъ ее новою Каталани, за 20 билетовъ, и доставилъ ей блестящій сборъ. Гречъ владычествуетъ въ русской публикѣ—онъ могучѣе Сенковскаго: «Библіотека для Чтенія» расхвалитъ книгу, а «Пчела» разругаетъ—книга не идетъ; «Библіотека» разругаетъ, «Пчела» расхвалитъ—книга идетъ. Безъ «Пчелы», «Отечественныя Записки» имѣли бы вѣрныхъ 3,000 подписчиковъ. Вотъ что значитъ Гречъ! Портретъ Панаева и всѣ выходки въ «Литературной Газетѣ» противъ Греча производятъ сильный эффектъ—онъ рветъ волосы

и неистовствуетъ. Но если бы ты зналъ, чего, какой борьбы, какихъ усилій стоятъ намъ эти выходки! Князь Волконскій (сынъ министра)—помощникъ Дундука, пріятель Одоевскаго,—и только благодаря этому обстоятельству цензура еще наполовину пропускаетъ наши выходки, но при этомъ всегда бываетъ цѣлая исторія. Обращаюсь къ Краевскому. Брось онъ журналъ—и у него будетъ прекрасное мѣсто, деньги, чины. Но его, какъ и меня, Богъ наказалъ страстью къ журналистикѣ. Страшное наказаніе! Но Краевскій твердо рѣшился или поставить «Отечественныя Записки» на ноги, или пасть на ихъ развалинахъ. Это желѣзный характеръ! Кромѣ того, мы еще не безъ надеждъ. Несмотря на промахи Каткова (статья о снахъ), на мои (глупая статейка о брошюркахъ Жуковскаго и Глинки, надъ которою смѣялся весь Питеръ, и публично тѣшился Гречъ), на Краевскаго (рецензія о повѣстяхъ Павлова, на которую ропталъ весь Питеръ) и пр. и пр.; несмотря на новое и непереваримое для нашей публики направленіе «Отечественныхъ Записокъ», нынѣшній годъ, вмѣсто того, чтобъ убавиться стамъ тремъ подписчиковъ, ихъ прибавилось сотни три, слѣдовательно, на тотъ годъ смѣло можно ожидать прибавки еще по крайней мѣрѣ 500 противъ нынѣшняго года. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что конкретности и рефлексіи исключаются рѣшительно, кромѣ ученыхъ статей, какова Бакунина, и вообще нынѣшній годъ популярнѣе и живѣе, а между тѣмъ публика уже и привыкаетъ къ новости, и то, что ей казалось дикимъ, становится уже обыкновеннымъ. «Библіотека для Чтенія» падаетъ, Смирдинъ ее продаетъ съ публичнаго торгу, и едва ли не купитъ ее Высоцкій. «Сынъ Отечества» во всеобщемъ презрѣніи и позорѣ; есть надежда, что къ концу года опять запоздаетъ книжками,—и теперь у него подписчиковъ вдвое меньше, чѣмъ у насъ, и на тотъ годъ, вѣроятно, и еще наполовину уменьшится. Все это для насъ хорошо и обѣщаетъ много. Слѣдовательно, теперь вопросъ въ томъ, чтобы дотянуть до октября мѣсяца и отдѣлаться отъ участія подлецовъ, особенно Враскаго, и перенести журналъ въ другую типографію. Если бы Краевскій могъ достать 25,000 денегъ,—то все пошло бы, какъ нельзя лучше. Но для отдѣланія отъ Враскаго достаточно и 15, даже 10 съ грѣхомъ пополамъ. Итакъ, слушай. Прочтя это письмо, скачи къ Огареву. Прежде всего, возьми съ него честное слово не говорить никому о томъ, что услышитъ отъ тебя, во всякомъ случаѣ, чѣмъ бы ни кончились его съ тобою

переговоры—успѣхомъ или отказомъ. Дай ему приблизительное понятіе объ обстоятельствахъ «Отчественныхъ Записокъ» и проси, не можетъ ли онъ дать Краевскому взаймы 15, или хоть 10,000. Если подписка на тотъ годъ будетъ слишкомъ обильна (что̀ можетъ и не быть, однако можетъ и быть), онъ получитъ сполна свои деньги, въ противномъ же случаѣ по частямъ и по срокамъ. Если захочетъ—Краевскій дастъ вексель. Если откажетъ, то хоть 5,000 проси: по крайней мѣрѣ мы съ Краевскимъ будемъ обезпечены этою суммою, безъ чего «Отечественнымъ Запискамъ» нельзя существовать, а если Огаревъ и въ 5,000 откажетъ, то я до новой подписки не получу ни копейки, и хоть заживо въ гробъ ложись. Если почтешь за нужное, открой все это Кетчеру и вмѣстѣ съ нимъ дѣйствуй, только возьми съ него честное слово хранить это въ тайнѣ. Кто-то писалъ ко мнѣ (ужъ не ты ли?), или отъ кого-то слышалъ я, что «Наблюдатель» воскресаетъ и хочетъ блистать ученостію московскихъ профессоровъ, а Огаревъ будто бы даетъ деньги Степанову на печатаніе. Вздорное предпріятіе! Толку не будетъ никакого! Для журнала, хотя бы и ученаго, нуженъ редакторъ, а редактора нигдѣ нельзя найти—въ Москвѣ особенно. Да и всѣ эти господа только горячатся покуда, и скоро охладѣютъ. Единства не будетъ и не можетъ быть. Подписчиковъ больше пятнадцати и ожидать смѣшно. Ей Богу, досадно, если Огаревъ напрасно броситъ деньги. Лучше бы употребить ихъ на «Отечественныя Записки»: тутъ будетъ толкъ. Итакъ, душа моя, похлопочи. Что̀ будетъ, то и будетъ,—а ты сдѣлай свое дѣло и употреби все, что̀ отъ тебя зависитъ, для успѣха въ немъ. Я и самъ нисколько не надѣюсь, но отчего же не попробовать? Авось—великое дѣло! Кстати: скажи Кудрявцеву, чтобы прежде генваря будущаго года онъ и не ждалъ денегъ. Оно не совсѣмъ пріятно, но имѣетъ и свою хорошую сторону—пусть понакопится, а тогда веселѣе будетъ получить побольше. Рецензіи его прекрасны, я ихъ не начитаюсь, а Краевскій не ухвалится ими. Проси его писать, писать и писать. Что-жъ дѣлать—потягнемъ, братія. Что же будетъ съ нашею литературою, если мы бросимъ ее на жертву разбойникамъ? Да скажи Грановскому, что онъ—с . . . . . с . . . Обѣщалъ статью, да и надулъ. Отъ Рѣдькина нечего и ждать: это чужой человѣкъ, да ему, вѣроятно, и не нравятся «Отечественныя Записки». А Грановскому, если и не нравятся,—нужды нѣтъ, онъ все долженъ пи-

сать. Одну статью даровую, за кою получитъ онъ экземпляръ «Отечественныхъ Записокъ», а прочія за деньги, съ условіемъ платы въ началѣ будущаго года. Скажи Кетчеру, чтобы немедленно слалъ къ намъ «Цахеса», да переводилъ бы «Мейстера Фло» и все, что̀ еще не переведено изъ Гофмана. Вотъ еще человѣкъ: обѣщалъ трудиться для «Отечественныхъ Записокъ» и «Литературной Газеты», и надулъ. А мы нуждаемся и въ смѣси, и въ мелкихъ повѣстяхъ, разсказахъ. Его труды не пропали бы—каждая строка будетъ заплачена. Бога ради, подвигни его нелѣпость. Да и самъ ты,—о лысый и вдобавокъ не берущій денегъ—и потому дважды любезный!—что-нибудь сдѣлай. Давай «Римъ»—это будетъ превосходною беллетрическою статьею. Кланяюсь тебѣ въ ноги и умоляю тебя съ плачемъ и рыданіемъ многимъ. Да! Кстати: пришла намъ съ Панаевымъ мысль—перевести «Вильгельма Мейстера», да и хлопнуть въ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ умѣстится въ 2 №, и хорошо бъ было въ лѣтніе—въ іюньскій и іюльскій. Наша публика въ рефлектированной поэзіи больше нуждается, чѣмъ въ художественной: послѣднюю она будетъ понимать, перешедши только черезъ первую. Объ идеяхъ безъ рефлектированной поэзіи тоже хоть не говори. Надо сдѣлать такъ, чтобы и въ отдѣлѣ изящной словесности публика находила бы нѣчто гармонирующее съ направленіемъ и духомъ критики журнала. Понимаешь? Право, славная мысль, и я увѣренъ, что «Вильгельмъ Мейстеръ» произвелъ бы эффектъ. А тамъ бы и «Wahlverwandschaften». Но мы вздумали переводить съ Панаевымъ не сами: намъ принадлежитъ только мысль геніальная, а геніальное исполненіе не вздумаетъ ли принять на себя Катковъ? Поговори-ка съ нимъ. Всю ли ты тогда перевелъ «Креслеріану?» Если не всю, то присядь-ка: это было бы предлогомъ перепечатать изъ «Наблюдателя» твой переводъ. Нѣтъ ли и еще чего у Гофмана музыкально-повѣствовательнаго? Въ Питерѣ много музыкантовъ, и твоя статья объ итальянской и германской музыкѣ произвела на нихъ нѣкоторый эффектъ. Не вздумаетъ ли Бакунинъ перевести записки Гете, переписку Гете съ Шиллеромъ? Это были бы и ученыя и вмѣстѣ журнальныя статьи. Обшарь всего Гофмана—нѣтъ ли чего непереведеннаго—коли что найдешь, отдай Кетчеру перевести. Спроси Каткова, что̀ такое «Петръ Шлемиль» Шамиссо—нельзя ли его перемахнуть? Вообще, нѣмецкихъ повѣстей какъ можно больше. Краевскій въ отчаяніи отъ необ-

ходимости помѣщать скверныя французскія повѣсти, а нѣмецкихъ нѣтъ, да еслибъ и было, некому дать перевести. Потянемъ, братцы! Обо всемъ этомъ—какъ можно скорѣе дай отвѣтъ, какъ можно скорѣе. Особенно объ экспедиціи при Огаревѣ.

Все читалъ «Серапіоновыхъ братьевъ» Гофмана. Чудный и великій геній этотъ Гофманъ! Въ первый еще разъ понялъ я мыслію его фантастическое. Оно—поэтическое олицетвореніе таинственныхъ враждебныхъ силъ, скрывающихся въ нѣдрахъ нашего духа. Съ этой точки зрѣнія, болѣзненность Гофмана у меня исчезла—осталась одна поэзія. Много объяснилъ я себѣ и самого себя чрезъ это чтеніе. Вспомни повѣсть о трехъ друзьяхъ—это злая сатира на меня, и именно въ лицѣ того, которому отецъ мнимо-возлюбленной его явился въ колпакѣ, съ букетомъ, читая его письмо. Вообще, Серапіоновскій кругъ напомнилъ мнѣ нашъ московскій—и много сладкихъ и грустныхъ ощущеній прошло по моей душѣ. Что за чудесная вещь—Синьоръ Формика! Да все хорошо, даже и любовь свеклы къ дочери астронома—прелесть. Это не художественная поэзія, какъ Шекспира, Вальтеръ-Скотта, Купера, Пушкина, Гоголя, но и не совсѣмъ рефлектированная, а что-то среднее между ними, и Гофманъ прекрасно вздумалъ сдѣлать изъ нея новѣйшую «Тысячу и одну ночь», заставивъ друзей читать другъ другу свои повѣсти и разсуждать о нихъ. Хочется перечесть его «Что пѣна въ винѣ, то сны въ головѣ».—Альбано не фантасмагорія, а дѣйствительность: теперь я это знаю. Но объ этомъ послѣ, а ты сперва скажи, какъ тебѣ кажется мое мнѣніе. Вообще, я страстно полюбилъ Гофмана, не разстался бы съ нимъ, а о драмахъ Шиллера такъ и вспомнить тошно.

Смѣшно вспомнить, какіе мы были (и отчасти есть и теперь) дѣти, и какими словами мы злоупотребляли. Болѣе всего досталось отъ насъ художественному. Константинъ Аксаковъ навралъ намъ о божественныхъ переводахъ К. К. Павловой—и вотъ мы развопились: я прокричалъ въ «Наблюдателѣ», Катковъ проревѣлъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», а Константинъ Аксаковъ пропѣлъ а-мольнымъ тономъ тоже въ «Отечественныхъ Запискахъ». Славный стихъ, славные переводы—только перечесть ихъ нѣтъ силы. Молодецъ Кудрявцевъ! Какъ ни распѣ-

валъ я ему на разные голоса эти дивные переводы, онъ ничего въ нихъ не видѣлъ. Теперь я вполнѣ созналъ, что слово художественный—великое слово, и что съ нимъ надо обращаться осторожно и вѣжливо даже въ приложеніи и къ Пушкину съ Гоголемъ и въ ихъ твореніяхъ отличать поэтическое отъ художественнаго и даже беллетрическаго. Напр., «Капитанская Дочка» Пушкина, по моему, есть не больше, какъ беллетрическое произведеніе, въ которомъ много поэзіи, и только мѣстами пробивается художественный элементъ. Прочія повѣсти его—рѣшительная беллетристика. Кстати: вышли повѣсти Лермонтова. Дьявольскій талантъ! Молодо-зелено, но художественный элементъ такъ и пробивается сквозь пѣну молодой поэзіи, сквозь ограниченность субъективно-салоннаго взгляда на жизнь. Недавно былъ я у него въ заточеніи и въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше Вальтеръ Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго такъ же. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ и больше всего любитъ «Онѣгина». Женщинъ ругаетъ: однѣхъ за то, что . . . . .; другихъ за то, что не . . . . . Пока для него женщина и . . . . . —одно и то же. Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однѣхъ женщинъ, и въ жизни только ихъ и видитъ. Взглядъ чисто онѣгинскій. Печоринъ—это онъ самъ, какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему—онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ! Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ. Каждое его слово—онъ самъ, вся его натура, во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ,—меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ ними благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества. Понимаешь ли ты меня, о лысая и московская душа!...

Что это дѣлается съ Катковымъ? Онъ въ восторгѣ отъ «Одесскаго Альманаха», стиховъ Огарева и Сатина—недостаетъ ему приходить въ восторгъ отъ повѣстей Н. Ф. Павлова. Нѣтъ, этотъ малый еще долго не перебѣсится и не перекипитъ. Онъ полонъ дивныхъ и дикихъ силъ, и ему предстоитъ еще много, много надѣлать глупостей. Я его люблю, хотя и не знаю, какъ и до какой степени. Я вижу въ немъ великую надежду науки и русской литературы. Онъ далеко пойдетъ, далеко, куда нашъ братъ и носу не показывалъ и не покажетъ. Славная его статья о книжкѣ Максимовича—прекрасная статья: мысль такъ и свѣтится въ каждомъ словѣ. Вообще, преобладаніе мысли въ опредѣленномъ и яркомъ словѣ есть отличительный характеръ его статей и высокое ихъ достоинство; а отсутствіе сосредоточенной непосредственной теплоты сердечной—недостатокъ, но это недостатокъ не его натуры, а его лѣтъ. Общее поглощаетъ его духъ и, такъ сказать, обезличиваетъ его индивидуальность. Это чудное начало—оно всегда останется съ нимъ, укрѣпляясь наукою, а когда онъ перестанетъ пылить и изъ сквернаго поросенка сдѣлается почтеннымъ боровомъ, какъ ты, да я,—то и недостатокъ, о которомъ я говорилъ и котораго опредѣленно не умѣю назвать, исчезнетъ. Я читаю его статьи съ особеннымъ уваженіемъ—наслаждаюсь ими и учусь мыслить. Да, братъ, этотъ скверный поросенокъ, чтобъ чортъ его побралъ, такъ и смотритъ въ наставники инымъ боровьямъ, отъ нихъ же первый есмь азъ.

Статья Бакунина прекрасна, такъ прекрасна, какъ гадка наблюдательская: выше этой похвалы я ничего не знаю. Этотъ человѣкъ можетъ и долженъ писать—онъ много сдѣлаетъ для успѣховъ мысли въ своемъ отечествѣ. О, зачѣмъ въ немъ такъ мало человѣческаго—мнѣ кажется, я бы его очень любилъ... Къ повѣсти Соллогуба ты черезчуръ строгъ: прекрасная беллетрическая повѣсть—вотъ и все. Много вѣрнаго и истиннаго въ положеніи, прекрасный разсказъ, нѣтъ никакой глубокости, мало чувства, много чувствительности, еще больше блеску. Только Сафьевъ—ложное лицо. А впрочемъ, славная вещь, Богъ съ нею! Лермонтовъ думаетъ такъ же. Хоть и салонный человѣкъ, а его не надуешь—себѣ на умѣ. Да, онъ въ образованіи-то подальше Пушкина, и его не надуетъ не только какой-нибудь идіотъ, оселъ и глупецъ Катенинъ (въ которомъ Пушкинъ видѣлъ великаго критика и по совѣту котораго выбросилъ 8 главу

«Онѣгина»), но и нашъ братъ. Вотъ это-то и хорошо. Онъ славно знаетъ по нѣмецки и Гете почти всего наизустъ дуетъ. Байрона рѣжетъ тоже въ подлинникѣ. Кстати: дуэль его — просто вздоръ, Барантъ (салонный Хлестаковъ) слегка царапнулъ его по рукѣ, и царапина давно уже зажила. Судъ надъ нимъ конченъ и пошелъ на конфирмацію къ царю. Вѣроятно, переведутъ молодца въ армію. Въ такомъ случаѣ хочетъ проситься на Кавказъ, гдѣ приготовляется какая-то важная экспедиція противъ черкесъ. Эта русская разудалая голова такъ и рвется на ножъ. Большой свѣтъ ему надоѣлъ, давитъ его, тѣмъ болѣе, что онъ любитъ его не для него самого, а для женщинъ, для интригъ. . . . себѣ вдругъ по три, по четыре аристократки, и не наивно и пресерьезно говоритъ Краевскому, что онъ ужъ и въ . . . . не ходитъ, потому-де, что ужъ незачѣмъ. Ну, отъ свѣта еще можно бы оторваться, а отъ женщинъ—другое дѣло. Такъ онъ и радъ, что этотъ случай отрываетъ его отъ Питера. Что ты, Боткинъ, не скажешь мнѣ ничего о его «Колыбельной казачьей пѣснѣ»? Вѣдь чудо!

Ну, о себѣ что-нибудь—нельзя же не занять тебя такимъ милымъ предметомъ. Плохо, братъ, плохо, такъ плохо, что незачѣмъ бы и жить. Въ душѣ холодъ, апатія, лѣнь непобѣдимая—все валяюсь по постели, или гуляю, но ничего не дѣлаю. Это письмо писано съ недѣлю, да сбирался приняться за него около мѣсяца. И не люблю и не страдаю. Однако-жъ внутри что-то дѣется само собою. Все смотрю на себя, и чѣмъ больше смотрю, тѣмъ больше совлекаюсь съ своего мишурнаго величія и шутовскихъ ходуль, вижу, что я просто—дрянь, дрянь и дрянь, чуть ли не кандидатъ въ Шевыревы. И чѣмъ хуже вижу себя, тѣмъ лучше понимаю дѣйствительность, вижу вещи простѣе, и, слѣдовательно, и истиннѣе. Не подумай, чтобы опять бросился въ крайность самоуниженія. Нѣтъ, я вижу себя не столько гадкимъ, сколько обыкновеннымъ, каковъ я есть въ самомъ дѣлѣ, но какимъ я себѣ еще не представлялся. Лучшее, что есть во мнѣ — отъ природы наклонное къ добру сердце, которое не можетъ не биться для всего человѣческаго, но которое бьется для всего дѣйствительнаго не ровно, не постоянно, а вспышками. Я привязался къ литературѣ, отдалъ ей всего себя, т.-е. сдѣлалъ ее главнымъ интересомъ своей жизни, мучусь, страдаю, лишаюсь для нея, но учиться, набираться силъ, запасаться содержаніемъ, словомъ,

дѣлать изъ себя сильное и дѣйствительное орудіе для ея служенія—этого она отъ меня не дождется, и я объ этомъ пересталъ уже даже и мечтать. Однимъ словомъ, я вижу, что я—добрый малый, съ добрымъ, горячимъ (т.-е. способнымъ къ вспышкамъ) сердцемъ, съ неглупою головою, съ хорошими способностями, даже не безъ дарованія, но тутъ и все. Въ герои рѣшительно не гожусь, и необыкновеннаго во мнѣ нѣтъ ничего, а необыкновеннымъ я могъ казаться себѣ и даже другимъ потому только, что современная русская дѣйствительность ужъ черезчуръ отличается обыкновенностію. Дюжинная дѣйствительность! А на безлюдьи и Ѳома—дворянинъ! Вслѣдствіе всего сказаннаго я не почитаю себя ни къ чему обязаннымъ, ни къ чему призваннымъ. Сначала бываетъ больно, самолюбіе страждетъ отъ такого убѣжденія; но скоро становится легко, свободно, душа дѣлается доступнѣе благимъ впечатлѣніямъ, на трудѣ лежитъ меньше блеску, но больше задушевности и хоть небольшого, но истиннаго достоинства. Да, не герой, а просто—добрый малый, какъ вы, да я!—какъ прекрасно сказалъ Пушкинъ. Еще много предстоитъ возни съ собою—москводушіе, какъ застарѣлая французская болѣзнь, еще ломомъ и тоскою даетъ знать о своемъ присутствіи въ костяхъ, но—спасибо Петербургу!—это не долго продолжится. Надежды на счастіе—нѣтъ, ужъ и не мечтается о нихъ! Не для меня счастіе. Отъ него отказалась ужъ и услужливая моя фантазія. Еще только ѣдкое, горькое и болѣзненно подступающее къ сердцу чувство, какъ острый пламень, мгновенно пронзающее грудь, да вспышки какого-то ожесточенія и отчаянія даютъ еще знать, что не ото всего еще отрѣшился я; но и то сказать, что̀ бы я былъ за человѣкъ, если бы во мнѣ умерли человѣческія потребности. Я не могу и не умѣю [1]) хвастаться своими подвигами (впрочемъ, по робости моего характера, не очень блестящими) по части чувственныхъ наслажденій, молчу о нихъ, но уже и не постыжусь заговорить о нихъ, когда другіе заговорятъ, не считаю ихъ ни своимъ паденіемъ, ни развратомъ, предаюсь имъ часто и съ спокойною совѣстью, съ твердымъ убѣжденіемъ въ ихъ необходимости, законности и въ моемъ на нихъ неотъемлемомъ правѣ. Что-жъ? Вѣдь мнѣ одно только и осталось! И потому, надоѣстъ—брошу, а пока не надоѣло—давай сюда: откажу себѣ въ книгѣ, въ платьѣ, но въ

[1]) Слово почти вырвано.—*Прим. А. П.*

этомъ никогда, и не почитаю денегъ погибшими, какъ будто бы онѣ шли на пищу. Одно меня ужасно терзаетъ: робость моя и конфузливость не ослабѣваютъ, а возрастаютъ въ чудовищной прогрессіи. Нельзя въ люди показаться: рожа такъ и вспыхиваетъ, голосъ дрожитъ, руки и ноги трясутся, я боюсь упасть. Истинное божіе наказаніе! Это доводитъ меня до смертельнаго отчаянія. Что это за дикая странность? Вспомнилъ я разсказъ матери моей. Она была охотница рыскать по кумушкамъ, чтобы чесать язычокъ; я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою: чтобъ я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била. Можетъ быть—вотъ причина. Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея (зато теперь люблю ее вдвое), сосалъ я рожокъ, и то, если молоко было прокислое и гнилое—свѣжаго не могъ брать. Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно—вѣчная ему память! Я въ семействѣ былъ чужой. Можетъ быть—въ этомъ разгадка дикаго явленія. Я просто боюсь людей; общество ужасаетъ меня. Но если я вижу хорошее женское лицо: я умираю—на глаза падаетъ туманъ, нервы опадаютъ, какъ при видѣ удава или гремучей змѣи, дыханіе прерывается, я въ огнѣ. Я испытываю тутъ все, что испытываетъ человѣкъ, долго волочившійся за женщиною, возбудившею въ немъ страсть, и дѣлающій послѣднюю аттаку на нее. Если бы я очутился (предположимъ это хоть для шутки) въ подобномъ положеніи, мнѣ кажется—у меня хлынула бы кровь изо рту, изъ носу, изъ ушей, и, какъ трупъ, упалъ бы я на ея грудь. Если при мнѣ называютъ по имени не только знакомую мнѣ женщину, но и такую, имя которой я слышу въ первый разъ въ жизни, и которая живетъ за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, мнѣ ужъ кажется, что я ее люблю, и что всѣ, смотрящіе на меня, какъ сквозь щели, видятъ мою тайну, и я краснѣю, дрожу, изнемогаю... Адское состояніе!.. Мнѣ кажется, я влюбленъ страстно во все, что носитъ юбку. Когда я слышу разсказъ о счастіи любви, или вижу передъ собою любовь—

Сердцу грустно, сердцу больно,
Камнемъ на сердцѣ тоска,
И къ глазамъ тогда невольно
Поднимается рука.

Нѣтъ, не къ глазамъ, а къ груди, какъ бы для того, чтобы поддержать ее, чтобъ она не разорвалась, или не изошла кровью. Знаешь ли что, Боткинъ? Если любишь меня, если дорожишь моею къ тебѣ любовію, Бога ради, чтобы въ твоихъ письмахъ ни слова не было объ Entsagung и о подобныхъ вздорахъ... Я боленъ, другъ, страшною болѣзнію—пожалѣй меня. Въ послѣдній разъ я говорю объ этомъ, невольно увлекшись, больше не буду, право, не буду...

Да, я боленъ, недовѣрчивъ и подозрителенъ. Надо щадить меня и обращаться со мною осторожно. Не получая долго отвѣта отъ тебя на то письмецо, которое, какъ оказывается, затерялось, я ужъ и Богъ знаетъ чего не передумалъ. Въ это же время получилъ я письмо отъ Ключникова, наполненное его субъективнымъ вздоромъ, неделикатными выраженіями о моихъ статьяхъ, какъ-то: это темна вода во облацѣхъ, а это ты сказалъ глупость. Слѣдовало бы засмѣяться и отвѣчать ему общими мѣстами, чтобъ ничѣмъ отдѣлаться отъ него. Но моя болѣзненная раздражительность вспыхнула—на меня повѣяло лютѣйшимъ врагомъ моимъ—москводушіемъ, и во мнѣ вспыхнуло москводушіе, и я—вдался въ нѣчто въ родѣ полемической переписки. Ты знаешь этого человѣка, знаешь, какъ онъ не умѣетъ ничего понять просто и поносъ или . . . . . другого человѣка объясняетъ созданіями Гете, Шиллера и религіозными моментами. Получивъ отвѣтъ на мой отвѣтъ, я не зналъ, куда дѣваться отъ самого себя, мною овладѣло почти отчаяніе. Я ему говорю о томъ, что имѣетъ право сказать свое мнѣніе о моей статьѣ, что она ему нравится или не нравится, но что онъ не имѣетъ права говорить, что я пишу глупости и т. п.—а онъ несетъ мнѣ дичь о Гете и Шиллерѣ, которыхъ преглупо понимаетъ, пустился въ старыя сплетни. Онъ жаловался мнѣ на то, что старые пріятели его какъ-то оставили; я очень деликатно намекнулъ ему, что у него ихъ и не было, и что у всѣхъ у васъ есть задушевныя тайны, и что, при такомъ положеніи, всякому весело только съ тѣмъ, съ кѣмъ онъ можетъ ихъ дѣлить, а что съ Иваномъ Петровичемъ, благодаря его удивительной способности видѣть всѣ факты вверхъ ногами и разбалтывать повѣренныя ему тайны, никто дѣлиться ими не захочетъ. Это, вѣрно, его зацѣпило за живое,—и онъ пишетъ, что презираетъ тайны, о которыхъ сами владѣльцы ихъ болтаютъ, и сослался на Каткова,

который ругаетъ публично Щепкину, за которую нѣкогда хотѣлъ отвалять мнѣ бока. Можешь представить, какъ это на меня подѣйствовало! Что это дѣлаетъ Катковъ? Подобное москводушіе отвратительно и возмутительно. Во 1-хъ, Щепкина совсѣмъ не такъ пошла, какъ онъ воображаетъ, точно такъ же, какъ нѣкогда (и еще очень недавно) она была совсѣмъ не такъ велика и свята, какъ онъ воображалъ; во 2-хъ, низко на другихъ вымещать досаду оскорбленнаго собственными дурачествами самолюбія; въ 3-хъ, подло мстить женщинѣ, а тѣмъ болѣе дѣвушкѣ, какова бы она ни была; въ 4-хъ, стыдно забывать хлѣбъ-соль и ласку, чернить домъ, гдѣ былъ принятъ, какъ родной, и притомъ, чѣмъ виноватъ Михаилъ Семеновичъ, который любилъ и уважалъ Каткова и, право, самъ стоитъ того же; въ 5-хъ, какъ Катковъ не подумаетъ о томъ, что если это дойдетъ до брата, то шутки будутъ плохи. Боюсь, чтобы и мое имя тутъ не вмѣшалось, и то, что̀ говорилъ я о ней друзьямъ, тебѣ и Каткову, какъ взрослому человѣку, а не какъ школьнику, не провозгласилось во всеуслышаніе, какъ фактъ для доказательства. Люблю и уважаю Каткова, и ничто на свѣтѣ не перемѣнитъ моего понятія о немъ, но, право, нисколько не удивлюсь, если услышу, что Катковъ меня ругаетъ наповалъ: вѣдь еще поросенокъ! Я ему ни о чемъ этомъ не пишу, и ты ему отъ моего имени ничего не говори, но отъ себя сдѣлай все, чтобы образумить его, сколько можно. Можешь представить, какъ подѣйствовала на меня фраза отвалять бока, напомнивши грустное и тяжелое для меня время. Не знаю, говорилъ ли это Катковъ, но въ религіозномъ экстазѣ чего невозможно! Когда все это шло такимъ образомъ, Краевскій прочелъ мнѣ письмо Каткова къ себѣ, въ которомъ сей неистовый юноша горько жалуется на чью-то руку, исказившую его экстатическую статейку о . . . . . «Одесскомъ альманахѣ», хотя онъ и знаетъ, что эта чья-то рука не чья иная, какъ Краевскаго; далѣе изъявляетъ свое неудовольствіе противъ нѣкоторыхъ стихотвореній Красова, будто бы не стоющихъ помѣщенія (охъ, ужъ эти мнѣ поэты съ своими большими претензіями по случаю маленькихъ вещей—самый мелкій, несносный и раздражительный народъ!), и удивляется, какъ они къ нему попали, хотя и знаетъ, что я ихъ ему доставилъ. Прежде въ письмахъ Краевскому онъ все изъявлялъ дѣтское неудовольствіе на меня, что я не отвѣчаю ему (а это именно и отбивало у меня послѣднюю силу отвѣчать ему), а тутъ уже и имени

моего не упоминаетъ. Вотъ и еще капля яду въ мою и безъ того отравленную кровь! Вдругъ получаю записку отъ Кетчера, очень милую, но которой начало очень дурно на меня подѣйствовало: съ голоса Бакунина издѣвается онъ надъ моею дѣйствительностію, и острить надъ какою-то моею Мильхенъ, изъ чего я и заключилъ, что ты читалъ ему мои письма, и это окончательно дорѣзало меня, положило въ лоскъ, какъ говорится. Боткинъ, я знаю, что ты прочелъ мое письмо Кетчеру изъ чистаго желанія раздѣлить съ другимъ волненіе, произведенное моимъ письмомъ на тебя, короче, я знаю, что причиною неосторожнаго поступка была любовь ко мнѣ; но заклинаю тебя всѣмъ, что тебѣ дорого и свято въ жизни, не показывай моихъ писемъ никому, кромѣ Кудрявцева и Грановскаго, да мѣстами и отрывками—Каткова. Довольно надѣлали мы глупостей и подурачили себя, допуская чужихъ въ свои тайны. Пора положить конецъ этой профанаціи. Я знаю хорошую сторону Кетчера, но знаю и начало и конецъ ея, знаю и его неделикатность и никогда не забуду, какъ терзалъ онъ меня своимъ мужичествомъ на дачѣ у Щепкиныхъ. Что, если я пріѣду въ Москву и буду у кого-нибудь изъ знакомыхъ обѣдать съ Кетчеромъ, и онъ, при женщинахъ, начнетъ плоско шутить о Мильхенъ? А отъ него это станется.

Вотъ тебѣ и весь я въ настоящемъ моемъ положеніи. Одно надо еще прибавить: россійская дѣйствительность ужасно гнететъ меня. Я теперь понимаю раздражительность Гофмана при сужденіи глупцовъ объ искусствѣ, его готовность язвить ихъ сарказмами. Но язвить я не умѣю, а въ иныя минуты хотѣлось бы потонуть въ ихъ крови, послать на нихъ чуму и потѣшиться ихъ муками. Ей Богу, это не фраза — бываютъ такія минуты. Что же касается до Полевого, Греча и Булгарина—бываютъ минуты, хотѣлось бы быть ихъ палачомъ. Съ другой стороны, становлюсь какъ-то терпимѣе къ слабости, ничтожеству и ограниченности людей. Нѣтъ силъ сердиться на человѣка, который ради денегъ ковыляетъ по проселочнымъ дорожкамъ жизни. Часто бѣшусь на себя, сознавая свою неспособность хоть что-нибудь дѣлать для денегъ. Ахъ, деньги!.. Когда читаю въ газетахъ, что такой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ въ преклонныхъ лѣтахъ отъиде къ праотцамъ — мнѣ становится отрадно и весело. Всѣхъ стариковъ перевѣшалъ бы!

Извѣстіе твое объ обращеніи твоего брата очень подѣйствовало на меня, хотя, разумѣется, и объективно. Впрочемъ, оно особенно и не удивило меня: несмотря на пошлость его внѣшности и то, что̀ я зналъ о немъ отъ тебя, мнѣ всегда въ немъ что-то видѣлось, и онъ всегда казался мнѣ хоть и пустымъ, но умнымъ малымъ.

Нева прошла въ пятницу на страстной. Я ужъ катался на лодкѣ. Весна и лѣто, безлунныя фантастическія ночи, море, острова сулятъ мнѣ много сладкихъ минутъ—чего-то жду, и бываютъ минуты, когда я съ какою-то вѣрою твержу про себя:

Все, что отнято зимою,
Возвратитъ тебѣ весна!

Кирюша рѣдко у меня бываетъ—не можетъ разстаться ни на минуту съ Брюлловымъ, который очень полюбилъ его. Да, кстати: о какомъ ты пишешь къ нему «Снѣ», о которомъ будто бы я писалъ къ тебѣ? И знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Или у тебя отсохла бы рука приписать имя автора? Ломаю голову и мучаюсь—Бога ради, увѣдомь.

Поцѣлуй за меня милаго Языкова. Впрочемъ, я сердитъ на него: Николай Александровичъ далъ ему письма въ Тверь, къ своимъ, а онъ и не зашелъ, и знаешь ли, по какой причинѣ? Вотъ тебѣ отрывокъ изъ его письма ко мнѣ—да нѣтъ! Лѣнь выписывать—прилагаю все письмо,—перешли ко мнѣ поскорѣе. Экой шутъ!

Прочти мою статейку о «Репертуарѣ» въ № 4 «Отечественныхъ Записокъ», не для своего удовольствія, но въ мое воспоминаніе творите сіе. Представь себѣ, выписалъ изъ статьи Кронеберга англійскія фразы—у меня есть словарь, копался и перевелъ. Ей Богу, переведи что-нибудь Полевой хоть съ китайскаго—выучусь по китайски въ одинъ вечеръ, чтобъ только уличить этого сквернавца въ невѣжествѣ, ограниченности и подлости мелкой, скаредной душонки.

Будь здоровъ и счастливъ. Кланяйся всѣмъ, въ особенности Кудрявцеву. А затѣмъ, прощай. Твой и прочая.

Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣй на главный пунктъ письма.

Панаевъ тебѣ низко кланяется, Заикинъ тоже. Что же до Николая Бакунина—онъ заочно влюбленъ въ тебя и страдаетъ въ разлукѣ. Я ужъ ему говорю о твоей лысинѣ, но ничего не хочетъ и слышать — кричитъ себѣ — влюбленъ, да и только. О письмѣ къ Кульчицкому страшно и вспомнить—лѣнь страшная, а интересу никакого.

Къ М. А. Языкову. 16 апрѣля, 1840.

Спб. 1840, апрѣля 16 дня.

Милый мой Языковъ, спасибо тебѣ за милое письмо твое — оно меня очень порадовало, исключая только того, что не былъ у Бакуниныхъ. Глупо, сударь, глупо! Познакомившись и сошедшись съ нами, и вы заразились глупою, безсильною рефлексіею. Конечно, если пойдетъ на правду, я тебя еще больше люблю за эту смѣшную рефлексію, но, ей Богу, ты былъ бы лучше безъ нея. Полнота жизни и здоровость въ дѣйствіяхъ—да чортъ возьми, хоть бы для рѣдкости, для курьезу увидѣть ихъ гдѣ-нибудь. Экіе мы молодцы, какъ посмотришь! Только хорошо разсуждаемъ о жизни, стоя у прага ея храма, и боимся заглянуть за его таинственный занавѣсъ. Вѣчно оставаться намъ сторожами и будочниками и никогда не быть офицерами. Такъ дворцовый лакей показываетъ любопытнымъ сокровища Эрмитажа, не наслаждаясь ими самъ. А я было надѣялся на тебя, но и ты такой же, какъ и всѣ мы. Теперь у меня одна надежда — Николай Бакунинъ. Этотъ, кажется, не струситъ, когда надо будетъ встрѣтиться съ жизнію лицомъ къ лицу и посмотрѣть ей прямо въ глаза. Смотри же, на возвратномъ пути непремѣнно заѣзжай къ нимъ. Безъ того не смѣй мнѣ и глазъ показать—сгоню тебя съ бѣлаго свѣта, изъѣмъ, какъ ржа желѣзо.

Читалъ я письмо твое къ Панаеву—милый ты, Мишка... Панаевъ исправляется и улучшается видимо, растетъ не по днямъ, а по часамъ, аки пшеничное тѣсто на опарѣ. Отрѣшается отъ своихъ предразсудковъ и излѣчается отъ своего прекраснодушія. Онъ будетъ человѣкомъ, потому что хочетъ быть имъ — это доказываетъ его благородная рѣшимость слышать иногда очень горькія для самолюбія истины и сознаваться въ ихъ справедливости. Я замѣчаю большой прогрессъ въ его стремленіи къ дѣйствительности. Теперь онъ сидитъ дома и пишетъ большую по-

вѣсть—читалъ мнѣ отрывки—видна зрѣлость, и очень интересно. Какъ воротишься къ намъ, не показывай ему этого письма — пожалуйста, а то какъ-то неловко. (Сейчасъ узналъ я, что Николай Бакунинъ ѣдетъ въ Тверь не черезъ полтора мѣсяца, а черезъ три недѣли—скажи Боткину).

Прочти мое большое посланіе къ Боткину.

Межевичъ . . . . . и, кажется, душою и тѣломъ предался Полевому, Гречу и Булгарину. Съ Богомъ! Давно бы такъ!

Тебѣ весело—я радъ за тебя. Когда-то мнѣ придется порадоваться за себя? Прощай. Торопись къ намъ, если не для себя, то для насъ.

Твой В. Б.

Заикинъ тебѣ кланяется и нетерпѣливо ждетъ тебя. По-прежнему, онъ трясетъ головою и часто хандритъ.

Къ Н. Х. Кетчеру. 16 апрѣля, 1840.

Спб. 1840, апрѣля 16.

Спасибо тебѣ, другъ Кетчеръ, за письмо твое. Странны только показались мнѣ твои нападки на мою дѣйствительность, которой ты, какъ я вижу, совсѣмъ не знаешь; тѣмъ болѣе странны, что онѣ пропѣты тобою съ чужого голоса, по камертону М. А. Бакунина. Это не къ лицу тебѣ, Кетчеръ, и мнѣ пріятнѣе видѣть въ тебѣ — тебя, который хорошъ такъ, какъ есть. Я никогда не былъ и не буду защитникомъ пошлой дѣйствительности: моя жизнь и всѣ мои дѣйствія доказываютъ это; но также и никогда не перестану смѣяться и ругаться надъ ходульною идеальностію, которой противорѣчатъ дѣла и поступки. Многимъ это непріятно, но что дѣлать? Это ужъ не моя, а ихъ вина. Но это въ сторону, поговоримъ о дѣлѣ. Радъ, что ты принялся за Шекспира. Понемногу можно будетъ печатать въ «Пантеонѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но что же ты, о, нелѣпый! — не шлешь «Цахеса»? Краевскій безпрестанно спрашиваетъ, скоро ли, а я ему отвѣчаю: что будешь дѣлать съ нелѣпымъ! Обѣщался ты переводить и смѣсь и повѣсти—да и надулъ. Бога ради, примись. Работы вдоволь, и она не пропадетъ у тебя, слѣдовательно, о потерѣ времени нечего думать. Проси у Боткина и у Каткова нѣмецкихъ повѣстей

большихъ и малыхъ, а французскихъ самъ ищи, да и переводи, благословясь.

Брата твоего не видалъ, и письмо твое получилъ въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ». Мой усердный поклонъ Николаю Платонову, который улыбается (вѣроятно, молча и медленно), Николаю Михайловичу — да исправитъ Господь пути его! Александру Ивановичу—да омрачитъ Всевышній его память, чтобъ онъ не говорилъ больше латинскихъ пословицъ, которыхъ я терпѣть не могу, какъ и всего на чуждыхъ мнѣ языкахъ (ну, Кетчеръ, вотъ развостришься).

Прощай, о нелѣпый, желаю тебѣ не отмахать своихъ рукъ и ногъ и спасть съ голоса, котораго только въ Петербургѣ не слышно, за шумомъ мостовыхъ. Обнимаю тебя и прошу не забывать твоего злополучнаго

В. Бѣлинскаю.

Краевскій тебѣ кланяется и проситъ тебя объ участіи въ журналѣ. Пожалуйста, «Цахеса» присылай скорѣе, да принимайся за «Блоху».

Къ Н. И. Кудрявцеву. 24 апрѣля, 1840.

Спб. 1840, апрѣля 24.

Стыдно было мнѣ, любезнѣйшій другъ Петръ Николаевичъ, читать ваши извиненія передо мною въ молчаніи. Вотъ уже второе письмо отъ васъ ко мнѣ, а отъ меня къ вамъ — ни одного. Но оставимъ это. Мы любимъ другъ друга и знаемъ это безъ всякихъ доказательствъ. Что письма—письма вздоръ—помнить и думать о миломъ человѣкѣ легче, чѣмъ писать къ нему—ей Богу! А я стражду такою лѣностію, что иногда мнѣ лѣнь дойти до стола обѣденнаго, хоть ѣсть и хочется. Зато, если бы вы знали, съ какою дѣятельностію и жизнію читаю и перечитываю я ваши милыя письма, гдѣ вы такъ и стоите передо мною въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ, въ вашемъ студенческомъ сюртукѣ, съ трубкою въ рукахъ и съ невозмущаемымъ спокойствіемъ въ лицѣ. О, мой чернокудрявый и молчаливо-созерцающій поэтъ, еслибы ваше обѣщаніе пріѣхать въ Питеръ сбылось, и я бы обнялъ васъ въ своей комнатѣ и торжественно усадилъ на свои мягкія кресла, какъ бы нарочно для

васъ купленныя! Какая бы это была для меня радость! Что вы не пишете, долго ли пробудете въ Питерѣ? Если бы подольше— да нѣтъ!—во всякомъ случаѣ — вы должны пріѣхать прямо ко мнѣ на квартиру и жить со мною — и тогда да благословенъ вашъ путь, а въ противномъ случаѣ—чортъ съ вами. Впрочемъ, что за вздоры — вѣдь вамъ надо же будетъ имѣть квартиру, такъ почему же вамъ не жить со мною? Хозяйствомъ я не завожусь, а какъ уѣдетъ Заикинъ, и я съѣду на свою квартиру, то буду брать кушанье у кухмейстера по порціямъ, слѣдовательно, вамъ все равно. Вотъ запируемъ-то вмѣстѣ съ вами и съ Катковымъ—на острова, на море, въ Кронштадтъ—загуляемъ. Какъ жаль, что вы не столкнулись съ моимъ милымъ Языковымъ—чудесный человѣкъ! Въ Питерѣ познакомитесь съ нимъ. Панаевъ вамъ низко бьетъ челомъ. Перечелъ вашу повѣсть, окрещенную въ «Недоумѣніе» — прекрасная повѣсть. Перечелъ «Катеньку Пылаеву» и «Флейту» — все хорошо и прекрасно, какъ и было. Привезите «Антонину»—у меня ея нѣтъ, а я хочу непремѣнно имѣть все ваше. Батюшка, что вы это творите съ вашимъ Сулье? Господь съ вами! «Влюбленный Левъ» прекрасная беллетрическая повѣсть, а «Призракъ Любви» чортъ знаетъ что такое — насилу я дочелъ, и не радъ, что прочелъ. Право, вы заставите меня перечесть эту сказку. Ну, да объ этомъ мы съ вами потолкуемъ и поспоримъ въ Питерѣ. Васъ посылаютъ за границу — доброе дѣло! Вижу, что университетъ московскій начинаетъ умнѣть, если выбираетъ такихъ людей. А вы отбросьте-ка пустую совѣстливость и недовѣрчивость къ себѣ. Посмотрите на себя не безусловно, а сравнительно съ окружающею васъ россійскою дѣйствительностію, и вы, при всей своей дѣвственной скромности, увидите, что, посылая васъ за границу, вамъ отдаютъ только должное и дѣлаютъ пользу университету столько же, какъ и вамъ. Вы рождены для кабинетной жизни— ваша тихая, дѣвственная натура только и годится, что для каѳедры; вы не для треволненій жизни, не для уроковъ, и не для службы. О, мой милый будущій профессоръ, еслибъ Богъ привелъ меня послушать васъ и поучиться у васъ! Подвизайтесь, друзья мои, идите впередъ, всѣ къ одной возвышенной цѣли! А я, старый инвалидъ, которому судьба не даетъ сдѣлаться даже и филистеромъ, я буду смотрѣть на васъ, благословлять васъ, гордиться и радоваться, смотря на вашъ гордый полетъ, мои юные, благородные орлы! Судьба сдѣлала меня мокрою ку-

рицею—я принадлежу къ несчастному поколѣнію, на которомъ отяжелѣло проклятіе времени, дурного времени! Жалки всѣ переходныя поколѣнія—они отдуваются не за себя, а за общество. Вы и Катковъ, слава Богу, принадлежите къ другому, лучшему поколѣнію, и отъ васъ многаго должно ожидать. Да, меня радуетъ новое поколѣніе — въ немъ полнота жизни и отсутствіе гнилой рефлексіи. Вотъ я въ Питерѣ сошелся съ Николаемъ Бакунинымъ—то-то юноша-то!

Бога ради, увѣдомьте мене обстоятельно—пріѣдете ли, когда, надолго ли, какъ и проч. Если вамъ лѣнь или некогда, скажите Боткину — онъ напишетъ ко мнѣ. Жду вашего пріѣзда, какъ праздника. Шутка ли — вы и Катковъ — да это Москва цѣлая. Еслибы судьба какъ-нибудь еще занесла лысаго Боткина, — но нѣтъ, съ тѣмъ мнѣ долго не видаться.

Пишу къ вамъ, а вы такъ созерцательно смотрите на меня со стѣнки, подлѣ васъ Лажечниковъ, а подлѣ него Гегель, а надъ вами М. С. Щепкинъ и Кольцовъ, противъ Пушкинъ и двѣ Ревекки. Вы какъ будто хотите мнѣ что сказать. Прощайте, милый мой Петръ Николаевичъ.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 24 апрѣля, 1840.

Спб. 1840, апрѣля 24.

Какое-то дѣйствіе произвело на тебя мое посланіе, о, лысый мой другъ! Но какъ хочешь, а только насчетъ главнаго пункта (Огарева) употреби всѣ старанія — не забывай, что для меня тутъ рѣшеніе страшнаго вопроса—быть или не быть. Твоя записка ко мнѣ (доставленная мнѣ Кирюшею) словно обухомъ по головѣ ошеломила меня. Пусть г. Герценъ меня не жалуетъ — я плюю на него; пусть г. Бакунинъ защищаетъ меня передъ нимъ такъ, что Каткову хочется плюнуть ему въ философскую физіономію—это меня даже радуетъ, потому что оправдываетъ мое чувство къ этому человѣку, котораго я прежде всѣхъ васъ разгадалъ; нѣтъ, не это все, а то, что ты и съ Огаревымъ хочешь разъѣхаться. Но—Бога ради—несмотря на все, ты таки употреби все—пусть это будетъ жертвою мнѣ отъ тебя, если для тебя тутъ не будетъ личнаго интереса (чего я не думаю). Еще просьба: если что тебя непріятно поразитъ въ моихъ

письмахъ—не обращай никакого вниманія, плюй на это, помни, что я боленъ, тяжко боленъ, только самъ будь со мною по-осторожнѣе — по той же причинѣ. Впрочемъ, я и физически очень плохъ—одышка доводитъ меня до отчаянія—не даетъ ничего дѣлать. Ну, да это въ сторону. Представь себѣ, какое горе: вечеромъ въ пятницу пріѣхалъ Языковъ, въ субботу пробылъ у меня съ полчаса и объявилъ, что въ ночь ѣдетъ въ Ригу, куда его откомандировали. Вечеромъ сошлись у Панаева (я, Николай Бакунинъ, Заикинъ и Кирюша), а въ воскресенье вечеромъ я его проводилъ. Не успѣлъ порядкомъ и поговорить, а воротится не прежде мѣсяца. Досада, да и только! Вы весело провели время, и я даже не завидую, у меня притупился инстинктъ зависти, ибо притупился инстинктъ желать лучшаго—я трупъ. А славная твоя дуэль съ Грановскимъ—о, лысый, ты ли это такъ раскутился! О, пришептывающій профессоръ, откуда такая прыть? Цѣлую васъ обоихъ—молодцы, даромъ что старики. Языковъ въ восторгѣ отъ тебя, отъ Грановскаго и отъ Каткова; очень ему понравился еще Клыковъ. Кандидатъ въ Шевыревы ему зѣло не понравился. А кстати: ты познакомился съ Гоголемъ—вотъ такъ поздравляю и даже завидую. Чертовски досадно, что онъ ѣдетъ не черезъ Питеръ, и что я его не увижу,—хоть бы изъ окна въ улицу посмотрѣть на него. Николай Бакунинъ ѣдетъ въ Тверь недѣли черезъ двѣ — я много, много теряю въ немъ. Кстати: онъ ужасно похожъ лицомъ на Александру Александровну—чудесное, прекрасное лицо у этого юноши. О, какъ ты полюбишь его! Заикинъ уѣзжаетъ за-границу одиннадцатаго мая — и въ этомъ человѣкѣ я много теряю — въ немъ много прекраснаго, а лучше всего благородная человѣческая натура, и я такъ привыкъ къ нему. О, если бы Богъ сжалился надо мною, и я обнялъ бы въ Петербургѣ Кудрявцева и Каткова! Право, это кажется должно бы оживить меня. Прощай, мой милый—всѣхъ благъ тебѣ, а отъ тебя состраданія и памяти къ твоему отверженному жизнію

В. Бѣлинскому.

Къ В. П. Боткину. 16 мая, 1840.

Спб. 1840. Мая 16.

Сто разъ спасибо тебѣ, милый мой Василій, за письмо твое отъ 27 апрѣля: это одно изъ тѣхъ писемъ, изъ числа полученныхъ мною изъ Москвы, которыя наполняли меня чистою радостію и тихимъ грустнымъ утѣшеніемъ, безъ всякой рефлексіи и неопредѣленныхъ, но тѣмъ болѣе мучительныхъ ощущеній. Ты поймешь и безъ объясненія, что̀ хочу я этимъ сказать. Простыя, но вылившіяся прямо изъ души слова утѣшенія пали на мое сердце, какъ теплый весенній дождь на засохшую землю. Дай Богъ, чтобы хотя одна моя строка могла произвести на тебя такое благодатное дѣйствіе: тогда бы ты понялъ цѣну твоихъ немногихъ, но дорогихъ строкъ.

Въ субботу (11 мая) проводилъ я до Кронштадта П. Ѳ. Заикина. Вотъ страдальческая-то душа! Воистину, достойный братъ нашего жалкаго поколѣнія, которое такъ дивно-вѣрно охарактеризовано Лермонтовымъ:

> И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
> Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
> И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
> Когда огонь кипитъ въ крови!

Ко всему этому, еще страшный ипохондръ, словомъ, человѣкъ, который, при всей глубокости своей натуры, при религіозно-субъективномъ духѣ, есть истинная мука и для себя, и для другихъ. Жаль мнѣ его! Авось лучи новой, лучшей жизни освѣтятъ и согрѣютъ его душу. Даже страшно подумать, какіе мы всѣ дряни, какое жалкое, несчастное, проклятое и отверженное поколѣніе. Изо всѣхъ насъ только на Катковѣ останавливаешься съ радостію и гордостію. Да вотъ скоро ты еще увидишься съ здоровымъ юношею, съ Николаемъ Бакунинымъ, съ которымъ я тоже въ субботу простился. Увѣдомь меня объ этомъ поскорѣе. Хвалить его больше не буду: усталъ, а притомъ ты самъ лучше увидишь. Жаль только, что безграмотенъ, ну, да отъ г. офицера и русскаго дворянина какъ же и требовать грамотности! (Непремѣнно покажи ему это письмо, равно какъ и всѣ, кромѣ тѣхъ, которыхъ самъ не почтешь за нужное почему-либо показывать).

Конечно, дѣла твои въ Прямухинѣ плохи, но еще не совсѣмъ. Угрозы—признакъ колеблющейся или слабой воли. Пусть ѣдутъ въ Казицино. Ты bourgeois-gentilhomme, а они кто?—gentilshommes bourgeois, т. е. обнищавшіе дворянишки, у которыхъ осталась только дворянская спѣсь да нѣсколько паръ портокъ. Кровь кипитъ отъ негодованія—такъ и хлопнулъ бы по дворянскимъ физіономіямъ плебейскимъ кулакомъ. Я понимаю силу предразсудковъ, да они имѣютъ значеніе у людей съ силою воли и съ характеромъ, а это чортъ знаетъ что—дрянь. Ну да чортъ съ ними! Они мнѣ гадки до того, что и думать о нихъ нѣтъ мочи. Скажу лучше, что теперь есть надежда, что дѣла твои могутъ пойти успѣшнѣе, ибо новый адвокатъ имѣетъ дѣйствительную силу: любовь, совѣсть, человѣчность и уваженіе со стороны отца, словомъ, все, чего нѣтъ у прежняго. Я увѣренъ, что этотъ прежній и своимъ усердіемъ такъ же вредилъ тебѣ, какъ и враждою. Такой ужъ человѣкъ, Богъ съ нимъ! Кстати: Бога ради, не хвали мнѣ его и не защищай—онъ для меня рѣшенная загадка. Абстрактный герой, рожденный на свою и на чужую гибель, человѣкъ съ чудесной головою, но рѣшительно безъ сердца и притомъ съ кровью протухлой соленой трески. Да, природа поправила страшную ошибку за произведеніе этого чудища, произведя глуздыря. Боже мой, какая безконечная разница, какая діаметральная противоположность! Глуздырь вкусилъ отъ древа познанія добра и зла, т. е. добрался до сущности и поступковъ въ такомъ засохшемъ и вмѣстѣ грязномъ вертоградѣ, и притомъ чрезъ такое гнилое яблоко, что только поплевать да бросить—и что жъ? У него лицо просвѣтлилось, онъ словно преобразился. А тотъ, недѣлю мучилъ хорошенькую дѣвочку, ничего не могъ сдѣлать, да еще написалъ, по сему случаю, увидя въ немъ прекрасное à propos, къ сестрѣ о гадости брачныхъ отношеній, и чрезъ то испугалъ бѣдную дѣвушку, опоганилъ, осквернилъ ея воображеніе тѣмъ, что̀ ей должно узнать на дѣлѣ, а не въ мысли, что̀ для нея должно выйти изъ полноты святѣйшаго чувства... о, Боже мой, Боже мой, какая грубая, не эстетическая, грязная, подлая натура! И этотъ человѣкъ нѣкогда преслѣдовалъ меня, какъ чувственнаго, грязнаго человѣка, оскорбился моимъ выраженіемъ: спать съ женою, тогда какъ мое чувство, уже по самой своей ложности, было дѣтски идеально, и имя каждой изъ его сестеръ я произносилъ съ благоговѣніемъ, какъ имя Бога!.. Я понимаю твое

чувство къ нему—оно высоко и свято, ты купилъ его страданіями, которыя онъ же причинилъ тебѣ; но—берегись его: онъ самый опасный твоій врагъ: за тѣнь оскорбленія малѣйшей изъ его эгоистическихъ мелкихъ претензій онъ не задумается навѣки погубить тебя и ее, если это будетъ въ его возможности. Онъ ужъ не разъ доказывалъ тебѣ это. Языковъ говорилъ мнѣ, что онъ питаетъ сильную враждебность къ Каткову; расцѣлуй за меня Каткова, я вдвое больше люблю его за это! Это новое доказательство, что онъ—человѣкъ.

Не могу выразить тебѣ всей радости, какую возбудили во мнѣ строки твои по случаю «Сенъ-Ронанскихъ Водъ» Вальтеръ-Скотта. Что—не правъ ли я? Ты не хотѣлъ мнѣ и отвѣчать на мою филиппику противъ твоего парадокса о Пушкинѣ. О, вы все тѣ же, о, московскія души! Кто не согласенъ съ вами да съ нѣмецкими книжками, съ тѣмъ нечего и толковать—тотъ ничего не понимаетъ. Ты, Боткинъ, тебѣ всѣхъ стыднѣе: ты судилъ объ искусствѣ, не зная его, ибо, къ стыду и сраму твоему, «Сенъ-Ронанскія Воды» Вальтеръ-Скотта для тебя—новость. Ты видѣлъ искусство въ нѣмецкихъ рефлектировщикахъ, и только Шекспиръ еще производилъ въ тебѣ разумную рефлексію и не давалъ тебѣ твердо стать въ ложномъ убѣжденіи. Ты жалѣешь, что я не могу прочесть «Wahlverwandschaften»: а я такъ очень радъ этому, ибо, и не читавши, знаю, что это за нѣщечко такое: не только не художественное, но даже не поэтическое, а превосходное беллетрическое произведеніе съ поэтическими мѣстами и художественными замашками. И если когда я буду въ состояніи прочесть его, прочту, но не для себя, а для тебя, точно такъ же, какъ пойду для пріятеля смотрѣть игру Каратыгина. Я убѣдился теперь, что Каратыгинъ дивный актеръ, а видѣть его все-таки не могу. Что Вальтеръ-Скоттъ въ обрисовкѣ характеровъ и еще въ чемъ-то Богъ знаетъ какъ выше Гете—несогласенъ: какъ между романистами, между ними ничего нѣтъ общаго—одинъ великій художникъ, другой—беллетристъ. Можно сказать, что Гете Богъ знаетъ какъ выше Виктора Гюго, потому что, несмотря на все ихъ неравенство, какъ романисты, они принадлежатъ къ одному роду. Что не отъ Бога, то отъ рукъ человѣка: паровая машина есть торжество человѣческаго ума, но какъ же ее сравнивать или подводить подъ одинъ разрядъ съ растущимъ деревомъ? Не думай, чтобы я отрицалъ необходимость и достоинство рефлектированной поэзіи: напротивъ,

я теперь почитаю ее для нашей дикой публики необходимѣе произведеній истиннаго творчества. Она скорѣе ввела бы въ сознаніе нашего общества идею искусства, ибо рефлексія для толпы доступнѣе, чѣмъ истинное искусство,—и самъ Булгаринъ драмы Шиллера ставитъ выше Шекспировскихъ. Не согласенъ съ тобою въ нападкѣ на дядю въ «Сенъ-Ронанскихъ Водахъ»: по моему мнѣнію, классическія комедіи тутъ нисколько не виноваты. И у Шекспира есть вѣстники и наперсники, какъ у Корнеля и Расина съ братіею, однако-жъ его вѣстники и наперсники не напоминаютъ ихъ. Я давно читалъ «Сенъ-Ронанскія Воды» и не говорю утвердительно о Тиррелѣ, но тогда онъ показался мнѣ . . . . . немножко. Клару и теперь какъ передъ собою вижу. На дняхъ я перечелъ «Пертскую Красавицу» и «Ниджели». Героиня перваго—глубокая, сосредоточенная дѣвушка, которая глубоко хранитъ тайну своего сердца и только при извѣстіи о мнимой смерти своего любезнаго обнаруживаетъ ее, выбѣгая на улицу съ открытою грудью, съ распущенными волосами Героиня втораго—дѣвушка, которую любовь, изъ вѣтренной, капризной дѣвочки, дѣлаетъ сосредоточенною, глубокою, словомъ, женщиною-героинею; она вдругъ выростаетъ и приноситъ великія жертвы, на какія только способна любящая женщина. И все это такъ глубоко, граціозно, истинно, непосредственно! Дивный геній! А ты еще не знаешь Купера, который, если не равенъ Вальтеръ-Скотту, то ужъ непремѣнно выше его, какъ художникъ. Досадный человѣкъ, такъ бы и прибилъ тебя. Совѣстно и говорить съ тобою объ искусствѣ. Я было ужъ и махнулъ рукою и замолчалъ, да послѣднее письмо твое расшевелило. И это ты, съ которымъ съ однимъ изо всѣхъ мнѣ такъ отрадно было говорить о Шекспирѣ, и—помнишь—кажется, мы понимали другъ друга. По крайней мѣрѣ я причисляю эти разговоры къ блаженнѣйшимъ минутамъ моей жизни. А все нѣмцы сбили тебя съ толку. Хорошіе люди—говорятъ объ искусствѣ превосходно, но понимаютъ его плохо. Я бы желалъ прочесть въ критикѣ Реттшера все общее—бездна глубокихъ философскихъ идей; но что собственно относится къ роману (Wahlverwandschaften) я не интересуюсь и знать. Послѣ нѣмцевъ, не вѣрь двумъ человѣкамъ—Мишелю Бакунину и Каткову. Первому потому, что ему природа отказала въ эстетическомъ чувствѣ, онъ понимаетъ искусство, но головою, безъ участія сердца, а это немногимъ больше, какъ если бы понимать его ногами. Что касается до второго, у него

голова, если не свѣтлѣе, то и не темнѣе, чѣмъ у перваго; а сердце—неисчерпаемый источникъ небеснаго огня. Пока онъ еще глупъ, но лѣтъ черезъ пятокъ будетъ такъ уменъ, какъ умны мы съ тобою никогда не были, и—что̀ всего хуже для насъ—съ того дня, какъ онъ начнетъ умнѣть, мы начнемъ глупѣть, и съ послѣдними волосами растеряемъ послѣдній умъ (начинаю замѣчать, что у меня порядочно лѣзутъ, проклятые). Но теперь, онъ не больше, какъ глуздырь, или, что̀ все равно, поросенокъ, и намъ, почтеннымъ боровьямъ, говоря съ нимъ, иной разъ надо быть себѣ на умѣ. Онъ больше насъ знаетъ, больше развитъ, здоровѣе душою, но ему не достаетъ развитія въ жизни, въ которую онъ сдѣлалъ первый шагъ, не съ идеальной исторіи, въ которой и я такъ граціозно подвизался, но съ той минуты, какъ началъ страдать и какъ сказалъ, что блаженно общее, а мелкая тварь страждетъ, чортъ знаетъ, за что. Боткинъ, если любишь меня, заведемъ ругательскую переписку по сему предмету: скучно, душа моя, хочешь заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, а свѣтская чернь не понимаетъ. Если не согласишься со мною до послѣдней запятой—на колѣняхъ прошу тебя—сцѣпимся—право, мнѣ веселѣе будетъ жить, вѣдь безъ войны скучно, да и силы слабѣютъ.

Прочти въ 5 № «Отечественныхъ Записокъ» мою рецензію на «Пантеонъ» о «Бурѣ» Шекспира: въ ней есть ругачка на тебя и всѣхъ васъ, нѣмецкихъ спиритуалистовъ—идеалистовъ. Статья Каткова — прелесть: глубоко, послѣдовательно, энергически и вмѣстѣ спокойно, все такъ мужественно, ни одной дѣтской черты. Необъятныя силы въ этомъ поросенкѣ! Если онъ такъ только еще визжитъ, то какъ же захрюкаетъ-то?

Нѣтъ ли какихъ слуховъ о Кольцовѣ? Въ 5 № «Отечественныхъ Записокъ» стихи Лермонтова (онъ ужъ долженъ быть на Кавказѣ) — прелесть, но у насъ есть въ запасѣ еще лучше; пѣсня Кольцова—объяденіе. Стихи Красова мнѣ рѣшительно не нравятся, особенно «Къ Дездемонѣ»—чортъ знаетъ, что такое. Огарева «Старый Домъ» очень понравился, и Сатина—водевильные куплеты на манеръ Requiem. Прочти повѣсть Панаева «Бѣлая Горячка»—славная вещь; обрати все свое вниманіе на лицо Рябинина—это живой, во весь ростъ, портретъ Кукольника. Что мое предложеніе на счетъ перевода для «Отечественныхъ Записокъ» «Вильгельма Мейстера» — хоть плюньте въ отвѣтъ мнѣ. Что «Ричардъ II»? Кронебергъ хотѣлъ было его въ 6 №, да

увидѣлъ пропуски. Что же это? Не стыдно ли Кронебергу? «Цахеса» нельзя и подавать въ цензуру: еще съ годъ назадъ онъ былъ прихлопнутъ цѣлымъ комитетомъ. Премудрый синедріонъ рѣшилъ, что не прежде 10 лѣтъ можно его разрѣшить, ибо де много насмѣшекъ надъ звѣздами и чиновниками. Уговори и умоли нелѣпаго перемахнуть «Блоху». Нечего печатать по части переводныхъ повѣстей, а оригинальныхъ нѣтъ во всей расейской quasi-литературѣ. Нѣтъ ли еще чего нѣмецкаго? Выручите. Мой дружескій поклонъ Грановскому и недружеская благодарность за статью въ «Отечественныя Записки», которую онъ мнѣ обѣщалъ. Гони Каткова вонъ—нечего ему дѣлать въ Москвѣ, я это лучше понимаю, ибо самъ уѣхалъ изъ Москвы, если не въ такихъ обстоятельствахъ, то въ такомъ же состояніи духа. Скучно тебѣ будетъ, бѣдный мой Василій! Да что дѣлать — жизнь издѣвается надъ нами, а наше дѣло терпѣть и повиноваться. Прощай. Пиши ко мнѣ. Не унывай духомъ и хладнокровнѣй играй въ азартную игру на счастіе жизни — авось выиграешь. 1000 разъ твой

В. Бѣлинскій.

Бога ради, возврати мнѣ письмо Языкова. Да поторопись съ своей статьей.

Къ В. П. Боткину. 13 іюня, 1840.

Спб. 1840, іюня 13 дня.

Письмо твое отъ 21 мая, любезный Боткинъ, и обрадовало и глубоко тронуло меня. Я хотѣлъ было разразиться на него отвѣтомъ листовъ въ пятнадцать, даже уже началъ было, но статья о Лермонтовѣ отвлекла меня. Не могу дѣлать вдругъ двухъ дѣлъ, потому что или ничего не дѣлаю (и это главное дѣло въ моей жизни), или ужъ весь отдаюсь дѣлу, которое меня занимаетъ. Другъ, понимаю твое состояніе, и не виню тебя за то, что ты тяготишься людьми и требуешь уединенія и природы. Понимаю и твою радость объ отъѣздѣ Грановскаго. Отъ пошлыхъ людей легко отдѣлываться; но отъ порядочныхъ трудно, и когда страждущій духъ ищетъ спасенія въ самомъ себѣ, а случай освобождаетъ тебя именно отъ тѣхъ, которые болѣе другихъ имѣютъ права на твою любовь, уваженіе и вниманіе,— то такъ легко вздыхаешь, какъ будто бы гора съ плечъ свали-

лась. Страданіе твое болѣзненно, въ немъ много слабости и безсилія, но не вини въ этомъ ни себя, ни свою натуру. Мы, въ этомъ отношеніи, всѣ — какъ двѣ капли воды: по жизни ужасные дряни, хотя по натурамъ и очень не пошлые люди. Видишь ли: на насъ обрушилось безалаберное состояніе общества, въ насъ отразился одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ общества, силою отторгнутаго отъ своей непосредственности и принужденнаго тернистымъ путемъ итти къ пріобрѣтенію разумной непосредственности, къ очеловѣченію. Положеніе истинно трагическое! Въ немъ заключается причина того, что наши души походятъ на дома, построенные изъ кокоръ—вездѣ щели. Мы не можемъ шагу сдѣлать безъ рефлексіи, беремся за кушанье съ нерѣшимостью, боясь, что оно вредно. Что дѣлать? Гибель частнаго въ пользу общаго — міровой законъ. Въ утѣшеніе наше (хоть это и плохое утѣшеніе) мы можемъ сказать, что хоть Гамлетъ (какъ характеръ) и ужасная дрянь, однако-жъ онъ возбуждаетъ во всѣхъ еще больше участія къ себѣ, чѣмъ могущій Отелло и другіе герои шекспировскихъ драмъ. Онъ слабъ и самому себѣ кажется гадокъ, однако только пошляки могутъ называть его пошлякомъ и не видѣть проблесковъ великаго въ его ничтожности. Воспитаніе лишило насъ религіи, обстоятельства жизни (причина которыхъ въ состояніи общества) не дали намъ положительнаго образованія и лишили всякой возможности сродниться съ наукою; съ дѣйствительностію мы въ ссорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее, какъ и она по праву ненавидитъ и презираетъ насъ. Гдѣ-жъ убѣжище намъ? на необитаемомъ островѣ, которымъ и былъ нашъ кружокъ. Но послѣднія наши ссоры показали намъ, что для призраковъ нѣтъ спасенія и на необитаемомъ островѣ. Я разстался съ тобою холодно (дѣло прошлое!), безъ ненависти и презрѣнія, но и безъ любви и уваженія, ибо потерялъ всякую вѣру въ самого себя. Въ Петербургѣ, съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ,—и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ москводушію, но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ дѣйствуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ. Вотъ, напр., ты: что бы могъ ты дѣлать и что дѣ-

лаешь? Маленькій примѣръ: ты хотѣлъ написать о концертахъ въ Москвѣ, но состояніе духа не позволило тебѣ. Боткинъ, не прими моихъ словъ за дѣтскій упрекъ или за москводушное обвиненіе. Нѣтъ, не тебя, а цѣлое поколѣніе обвиняю я въ твоемъ лицѣ. Отчего же европеецъ въ страданіи бросается въ общественную дѣятельность и находитъ въ ней выходъ изъ самаго отчаянія? О горе, горе намъ—

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Должно быть, по этой причинѣ, я не знаю по нѣмецки, хотя и толкую объ искусствѣ, Гете и Шиллерѣ. Жалкое поколѣніе! А кстати: я не согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ о натянутости и изысканности (мѣстами) Печорина, онѣ разумно-необходимы. Герой нашего времени долженъ быть таковъ. Его характеръ— или рѣшительное бездѣйствіе, или пустая дѣятельность. Въ самой его силѣ и величіи должны проглядывать ходули, натянутость и изысканность. Лермонтовъ великій поэтъ: онъ объективировалъ современное общество и его представителей. Это навело меня на мысль о разницѣ между Пушкинымъ и Гоголемъ, какъ національными поэтами. Гоголь великъ, какъ Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ; можетъ быть, послѣдующія его созданія докажутъ, что и выше ихъ; но только Пушкинъ есть такой нашъ поэтъ, въ раны котораго мы можемъ влагать персты, чтобы чувствовать боль своихъ и врачевать ихъ. Лермонтовъ обѣщаетъ то же.

Да, наше поколѣніе — израильтяне, блуждающіе по степи, и которымъ никогда не суждено узрѣть обѣтованной земли. И всѣ наши вожди—Моисеи, а не Навины. Скоро ли явится сей вождь?..

Кажется, мы, Боткинъ, начинаемъ, наконецъ, понимать другъ друга. По крайней мѣрѣ, есть у меня на душѣ многое, чего я никому не скажу и никому не имѣю охоты сказать, кромѣ тебя. Не говоря уже о моихъ внутреннихъ скорбяхъ и терзаніяхъ, которыя, кромѣ тебя, никому не понятны, у меня и объ искусствѣ какъ-то мало охоты говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ тебя. Особенно о Шекспирѣ. Тутъ у насъ съ тобою есть какіе-то взгляды, какіе-то тоны голоса, только намъ съ тобою понятные и много говорящіе. Вотъ, напр. Кудрявцевъ: я не встрѣчалъ человѣка съ болѣе художественнымъ тактомъ, но ему не-

достаетъ чести быть почтеннымъ боровомъ, какъ ты да я, ему недостаетъ боровьинаго элемента: то же можно сказать и о Катковѣ. Говоря объ искусствѣ, мы съ тобою говоримъ вмѣстѣ и о жизни, и хорошо понимаемъ другъ друга. Я вижу, что мы теперь въ равныхъ съ тобою отношеніяхъ. Ты сбирался въ Питеръ, о, лысый! Боже мой, да отъ одной мысли объ этомъ свиданіи выступаютъ у меня слезы на глазахъ. Недѣля, проведенная съ тобою, была бы вознагражденіемъ за восемь мѣсяцевъ тяжелаго страданія. Сколько бы надо было сказать другъ другу, какъ бы каждое слово было полно души и значенія, каждый разговоръ живъ, споръ интересенъ! Ахъ, Боткинъ, зачѣмъ ты написалъ мнѣ объ этомъ несбывшемся намѣреніи, лучше бы мнѣ было не знать о немъ!

Начало письма твоего обмануло меня: я затрепеталъ, думая поздравить тебя совсѣмъ не съ переселеніемъ въ бесѣдку, а съ чѣмъ-нибудь лучшимъ... Твой переговоръ съ отцомъ объ обезпеченіи и фраза: «женатому на произвольность любви родительской полагаться нельзя» — опять заставили меня ожидать увѣдомленія, что твоя исторія подвинулась. Что ты объ этомъ мало пишешь? Слушай, Боткинъ: сохрани тебя Богъ, если у тебя есть задняя мысль, что мое участіе въ твоей исторіи не такъ горячо и сильно, чтобы ты могъ увѣдомлять меня обо всякой мелочи, не боясь, что я холодно приму это! Большей обиды ты не можешь мнѣ сдѣлать. Богу извѣстно, чего стоитъ мнѣ твоя исторія, сколькихъ апатическихъ минутъ, сколькихъ сомнѣній и въ любви, и въ женщинѣ, и во всемъ святомъ жизни! Право, и на мою долю досталась нѣкоторая часть твоихъ страданій. Слышишь ли—жду съ нетерпѣніемъ всякой новости. Отъ Николая Бакунина получилъ я письмо, пребезтолковое, изъ котораго я могъ понять, что онъ безъ ума отъ свиданія съ семействомъ, и что Мишель обнялъ его, какъ поросенка, и увѣрилъ его, что онъ правъ и чистъ, какъ солнце, и что ты самъ это призналъ. Если увидишься съ Николаемъ Бакунинымъ, будь вѣренъ своему правилу итти прямою дорогою и говори ему все, что чувствуешь и какъ понимаешь. Получилъ письмо и отъ Мишеля, онъ не знаетъ моего настоящаго къ нему расположенія, относится ко мнѣ дружелюбно и, сколько для него возможно, искренно; но я знаю, что знаю—меня не надуетъ такъ легко, какъ надуваетъ себя и другихъ. Увидимся—потолкуемъ, и я не думаю, чтобы мои толки были ему слишкомъ пріятны. Спекулятивной натуры не ви-

далъ, слава Богу; она справлялась въ конторѣ о моей квартирѣ, но не была—и хорошо сдѣлала: я бы принялъ ее слишкомъ теоретически и даже эмпирически.

Живу я ни хорошо, ни слишкомъ худо. Къ Питеру притерпѣлся. Спасибо ему. Я уже не узнаю себя и вижу ясно, что̀ надо въ себѣ бить: это его дѣло. Въ письмѣ нельзя высказать этого. Больше всего меня радуетъ, что я узналъ, наконецъ, что чужія мысли, какъ бы ни противорѣчили нашимъ, должно выслушивать съ уваженіемъ и любопытствомъ, если только говорящій ихъ понимаетъ самъ себя. Недавно я поймалъ себя въ двухъ или трехъ случаяхъ, принявши за явную нелѣпость чужое мнѣніе (потому только, что оно противорѣчило моему) и потомъ увидѣвъ, что оно имѣло основаніе и заставляло меня отступиться отъ кровнаго убѣжденія, принявъ въ него новую сторону, новый элементъ. Всякая индивидуальность есть столько же и ложь, сколько и истина—человѣкъ ли то̀, народъ ли, и только ознакомляясь съ другими индивидуальностями, они выходятъ изъ своей индивидуальной ограниченности. Но объ этомъ послѣ. Съ французами я помирился совершенно: не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всемірно-историческое значеніе велико̀. Они не понимаютъ абсолютнаго и конкретнаго, но живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ сферѣ. Любовь моя къ родному, къ русскому стала грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло.

Состояніе моего духа похоже на апатію. Ясный день—я счастливъ, но счастливъ животно, безъ мысли, безъ трепета любви, безъ страданія. Природа радуетъ мой организмъ, но не духъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . И не виню себя: судьба дала на мою долю только бѣдныя, но вѣрныя блага. Что дѣлать! Всякому своя дорога.

При мысли о высшихъ благахъ грудь стѣсняется; сердце замираетъ, и мною овладѣваетъ что-то похожее на бѣшеное отчаяніе. Духовныя потребности все сильнѣе и сильнѣе, но онѣ, какъ огонь подъ снѣгомъ. Я притерпѣлся. Поздравь меня! Читаю Вальтеръ-Скотта и Купера,—искусство много даетъ мнѣ—легче становится нести жизнь. Какіе художники! Бога ради, прочти «Краснаго морского разбойника» Купера—глубоко и

необъятно, какъ море, просто, какъ жизнь петербургскаго чиновника, грандіозно, какъ—пріищи самъ приличное сравненіе. Велики, но когда читаешь Шекспира, объ нихъ и думать не хочется—малы и обыкновенны. Недавно опять прочелъ вслухъ «Ричарда II» У!... Нѣтъ, братъ, что ни говори, а насчетъ Шиллера кто-нибудь изъ насъ грубо не понимаетъ одного. Все, что ты о немъ пишешь—правда, да только трагедій-то его читать нѣтъ мочи. Но объ этомъ послѣ (я не дамъ тебѣ покою), а теперь некогда.

Ну, братъ, твоя мнительность о своихъ правахъ на наслѣдство отъ отца — воля твоя — доходитъ до смѣшного. Должны быть всему границы. Если у сына съ отцомъ есть духовная связь — онъ его законный наслѣдникъ; если нѣтъ ея — опять то же. Въ послѣднемъ случаѣ, это штрафъ за то, что, не спросясь тебя, произвелъ тебя на свѣтъ. Вмѣсто того, чтобы его бить батоги и весьма живота лишить, ты берешь съ него деньги и имѣніе. Сверхъ того, ты имѣешь и другія права — ты служилъ ему. Стыдно, братъ. Перестань дурачиться.

Доставитель этого письма, г. Анненковъ, мой добрый пріятель, хоть я видѣлся съ нимъ счетомъ не больше десяти разъ. Въ какомъ бы ты ни былъ состояніи духа, ты долженъ принять его радушно—для меня. Если же ты будешь хоть сколько-нибудь въ состояніи выйти изъ себя хоть на минуту, ты увидишь, что это безцѣнный человѣкъ, и полюбишь его искренно. Отъ него ты услышишь многое обо мнѣ интересное, о чемъ не хочу писать. О томъ же, о чемъ онъ скажетъ тебѣ никому не говорить, дѣйствительно не говори. Катковъ узнаетъ самъ. Анненковъ тебѣ сообщитъ и о моихъ новыхъ знакомствахъ, особенно о Комаровѣ. Я вошелъ въ ихъ кружокъ и каждую субботу бываю на ихъ сходкахъ. Моя натура требуетъ такихъ дней. Разъ въ недѣлю мнѣ надо быть въ многолюдствѣ, молодомъ и шумномъ.

Каково? статья о «Героѣ нашего времени» не поспѣла и будетъ напечатана въ 2 №. Досадно, а все московская лѣнь.

Ахъ, кстати: вотъ тебѣ стихи:

Какъ не къ толстой-то . . . . . .
Подбираются клопики:
Придираются къ намъ
Черногузые . . . . .

И у нихъ есть фискалъ
Негодующій;
И къ тому жъ грамотей,
На россійскихъ пѣвцовъ
Имъ перстомъ указующій:
Муравьевъ фарисей
Мои . . . . . .

Это написалъ Якубовичъ! Вотъ ужъ подлинно—удалось . . . . . .

Просвѣщенія маякъ
Издаетъ большой дуракъ,
По прозванію Корсакъ.
Помогаетъ дурачокъ,
По прозванью Бурачокъ.

Это эпиграмма Соболевскаго, а какъ въ «Маякѣ» участвуетъ еще какой-то г. Зеленый, то нашъ Языковъ и прибавилъ отъ себя еще два стишка:

Тутъ вмѣшался . . . . вареный,
По прозванію Зеленый.

Кольцовъ прислалъ мнѣ чудесную пѣсню—вотъ она:

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой,
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой.

То ли дѣло вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

То ли дѣло вдвоемъ
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать.

По утру, на зарѣ,
Обнимать, провожать,
Вечеркомъ у воротъ
Его вновь поджидать!

Прочти ее Кудрявцеву. Что-жъ онъ не пишетъ ко мнѣ—вѣдь онъ уже отдѣлался отъ экзамена. Скоро ли онъ въ Питеръ—я жду его къ себѣ на квартиру. О Катковѣ тоже ни духу, ни слуху, словно пропалъ.

Прощай, мой безцѣнный Василій! Дай Богъ, чтобы ты скоро могъ порадовать меня доброю вѣсточкою, и, если это не помѣшаетъ добрымъ вѣстямъ,—вдругъ отворяется дверь—и лысый входитъ... Какіе дни! На нѣсколько-то дней у насъ стало бы жизни—въ мѣсяцы мы бы надоѣли другъ другу, но не по недостатку любви, а потому, что у людей недѣйствительныхъ все въ минутахъ и дняхъ. Но я опять заговариваюсь, а Анненковъ ждетъ. Прими его, какъ человѣка, и какъ человѣка, отъ меня пришедшаго къ тебѣ. Кирюша ко мнѣ ходитъ — онъ тебѣ кланяется и съ тоскою ждетъ московскихъ. Панаевъ и Языковъ тебѣ кланяются. Прощай. Пиши пожалуйста.

Твой В. Б.

Къ К. С. Аксакову. 14 іюня, 1840.

Спб. 1840, іюня 14.

Переписка наша, любезный Константинъ, производится довольно недѣятельно; но, какъ ея живости мѣшаютъ обстоятельства, равно извиняющія обоихъ насъ, то объ этомъ нечего и говорить,— и вотъ тебѣ отвѣтъ на твое письмо, въ которомъ, по обыкновенію всѣхъ безалаберныхъ людей, не выставлено года и числа, но которое я получилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Ты пишешь, что письмо мое удивило тебя искренностью тона, доказывающаго прямоту нашихъ отношеній, которыхъ (замѣчаешь ты) не должно смѣшивать съ дружбой. Скажу тебѣ на это, что меня очень удивило твое удивленіе, равно какъ и опасеніе, чтобы я обыкновенныхъ пріятельскихъ отношеній, скрѣпленныхъ взаимнымъ уваженіемъ и долговременнымъ знакомствомъ, не смѣшалъ съ дружбою. Въ самомъ дѣлѣ, то и другое довольно странно съ твоей стороны. Я всегда былъ съ тобою прямъ и искрененъ, даже гораздо больше иногда, нежели сколько позволяли сущность нашихъ отношеній и деликатность. Какъ бы ни любилъ я тебя, но я любилъ тебя для тебя, а не для себя, какъ пишешь. Сколько ни мало я заслуживаю уваженія и любви, но я слишкомъ привыкъ видѣть людей, добивавшихся моего знакомства и пріязни, и если эти люди сами по себѣ не были для меня интересны, мое самолюбіе молчало, а громко говорила моя нетерпимость. Во мнѣ много пороковъ, особенно мелкаго самолюбія, но сердце мое, право, лучше всего меня и никому не сдѣлало бы стыда.

Во всѣхъ отношеніяхъ съ людьми я искалъ любви и дружбы, и если передъ многими возвышался, то—какъ тебѣ извѣстно—передъ многими и умалялся, возвышая ихъ на свой счетъ. Нѣтъ, если къ чему я всего менѣе способенъ, по натурѣ моей, такъ это къ поддержкѣ какихъ бы то ни было отношеній изъ расчетовъ самолюбія и всякихъ другихъ расчетовъ; тогда какъ, если бы я былъ способенъ къ этому, то могъ бы выиграть слишкомъ много. Что же касается до тебя, ты больше нежели кто-нибудь другой не имѣлъ права на подобное подозрѣніе, потому что самыя мои несправедливости (если онѣ были) и неделикатность (которая точно была) происходили изъ моего черезчуръ прямого и откровеннаго характера. Любезный Константинъ, перейти изъ безотчетной вѣры въ людей въ безотчетное сомнѣніе значитъ сдѣлать большой шагъ къ сознанію, но въ смыслѣ момента—не больше. Дѣйствительнаго же пріобрѣтенія тутъ нѣтъ, это промѣнъ 0 на 0, а изъ $0+0=0$. Ты пишешь мнѣ о новыхъ своихъ друзьяхъ (о которыхъ я не могу сказать ни худого, ни добраго, исключая Дмитрія Щепкина, ибо не знаю ихъ), пишешь, какъ тебѣ съ ними пріятно, но изо всего тона письма твоего я вижу, что ты ихъ нисколько не любишь, и во всѣхъ твоихъ отношеніяхъ проглядываетъ горькая и мучащая тебя мысль: не очаровывайся, и разочарованія не будетъ. Равнымъ образомъ, еще не значитъ вырваться изъ пустого кружка (къ которому я за честь почитаю и теперь принадлежать) и совершенно забыть его, когда безпрестанно обращаешься къ нему, чтобы поносить его передъ человѣкомъ, который—какъ тебѣ извѣстно—принадлежитъ къ нему безраздѣльно и почитаетъ лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ, что́ дала ему жизнь. Въ переводѣ на здравый смыслъ, все это значитъ—молодо-зелено. Но я понимаю это, хоть и стою далеко выше этого, и не виню тебя. Твоя врожденная деликатность не допуститъ, послѣ этого объясненія, говорить худо мнѣ о лучшихъ моихъ друзьяхъ, и ты можешь забыть объ этомъ, какъ забываю я, дописывая послѣднее слово этой страницы. Но я не думаю оскорбить тебя или выйти изъ границъ нашихъ отношеній, сказавши тебѣ, что тонъ твоего письма, какъ выраженіе состоянія твоего духа, наводитъ на меня мрачную тоску. Не могу себѣ вообразить болѣе ужаснаго состоянія. Ты пишешь, что живешь хорошо, доволенъ собою, понимаешь Гегеля, видишь свое мѣсто въ наукѣ; и въ то же время говоришь, что тебѣ не выйти изъ твоей односторонности, и что дѣйстви-

тельность закрыта и недоступна для тебя. Если ты правъ, ты долженъ бояться науки, ибо дѣйствительность знанія есть дѣйствительность жизни, но безъ послѣдней она порождаетъ (въ наукѣ) Тредьяковскихъ и Шевыревыхъ. Говорю тебѣ это смѣло, не имѣя желанія оскорбить тебя, но желая показать тебѣ собственное твое противорѣчіе съ самимъ собою. Сказать правду, оно столько же радуетъ меня, сколько и трогаетъ: я вижу въ немъ начало благодѣтельнаго перелома, первый шагъ выхода изъ непосредственности. Тебѣ еще страшно взглянуть на свое положеніе прямыми глазами и назвать вещь ея настоящимъ именемъ; но ты уже много пріятныхъ мечтаній принесъ въ жертву истинѣ. Я надѣюсь, что скоро кончатся и твои другія предубѣжденія, и ты убѣдишься, что если въ тебѣ что-нибудь было оскорбляемо мною, или кѣмъ другимъ, такъ это твое самолюбіе, а не твое человѣческое достоинство. Странно обвинять тебѣ меня въ томъ, что я не хотѣлъ и не могъ дѣлить съ тобою мечтаній и называть ихъ дѣйствительностью, а я знаю, что это и называешь ты гоненіями. Я способенъ принимать мечты за дѣйствительность, но я всегда жестоко наказывалъ себя за подобныя заблужденія, и всегда имѣлъ силу плевать на свои пошленькія чувствованьица. Теперь, слава Богу, кажется, я потерялъ навсегда способность къ дѣтскимъ увлеченіямъ. Я рѣшилъ, что самая мертвая, самая животная апатія лучше, выше, благороднѣе мечтаній и пошлыхъ чувствъ. Зато теперь я или въ апатіи, или, если чувствую, то не имѣю причины стыдиться своего чувства. У меня теперь много ложныхъ мыслей и рефлексій, но нѣтъ ужъ пошлыхъ чувствъ. Вотъ, любезный Константинъ, истинная причина того, что̀ ты называешь оскорбленіями и гоненіями съ моей стороны—это разность нашихъ направленій. Я такъ думаю, хотя и могу ошибаться. Во всякомъ случаѣ, тебѣ не за что сердиться на меня: это отвѣтъ на твое письмо.

Теперь о Гоголѣ. Онъ великій художникъ, о томъ слова нѣтъ. Я и теперь не скажу, чтобы онъ былъ ниже Вальтеръ-Скотта и Купера, и не почитаю невозможнымъ, чтобы послѣдующія его созданія не доказали, что онъ выше ихъ. Сверхъ того, онъ и ближе ихъ къ намъ, слѣдовательно, понятнѣе для насъ. Но онъ не русскій поэтъ въ томъ смыслѣ, какъ Пушкинъ, который выразилъ и исчерпалъ собою всю глубину русской жизни, и въ раны котораго мы можемъ влагать персты, чтобы чувствовать боль своихъ и врачевать ее. Пушкинская поэзія—наше искупленіе,

а въ созданіяхъ Гоголя я вижу только «Тараса Бульбу», котораго можно равнять съ «Бахчисарайскимъ Фонтаномъ», «Цыганами», «Борисомъ Годуновымъ», «Моцартомъ и Сальери», «Скупымъ Рыцаремъ», «Русалкой», «Египетскими Ночами», «Каменнымъ Гостемъ». Въ формѣ всѣ художественныя произведенія равны, но содержаніе даетъ различную цѣнность: «Ричардъ II», «Отелло», «Гамлетъ», «Король Лиръ», «Макбетъ», «Ромео и Юлія» всегда будутъ выше «Венеціанскаго Купца», а «Тарасъ Бульба» выше всего остальнаго, что напечатано изъ сочиненій Гоголя.

Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе Сергѣю Тимоѳеевичу и всему твоему семейству. Будь здоровъ и счастливъ, да поскорѣе пріѣзжай въ Питеръ. Панаевъ тебѣ кланяется, Языковъ также. Прощай.

Твой В. Б.

Къ Д. П. Иванову. 17 іюня, 1840.

Спб. 1840, іюня 17 дня.

Дѣйствительно, мой милый Дмитрій, я сердился и горько жаловался на твое молчаніе, забывъ о твоихъ экзаменахъ; но теперь вижу, что былъ не правъ. Пожалуйста, не хлопочи больше, и даже не упоминай и имени Вологжанинова: эта скотина не стоитъ того, чтобы думать о немъ. Тридцати рублей я, разумѣется, не отдамъ ему, письма его буду рвать, не читая и не отвѣчая ему. Я все думалъ, что это не его деньги, и почиталъ себя премного обязаннымъ ему, разсыпался въ благодарности, при просрочкѣ кланялся ему, унижался передъ нимъ, какъ передъ человѣкомъ, который, желая услужить мнѣ, навлекъ на себя бездну непріятностей. Теперь вижу ясно, что онъ подлый и гнусный ростовщикъ. Не даромъ съ перваго взгляду мнѣ не понравилась его холопская рожа и холопскія манеры. Ну, да чортъ съ нимъ—онъ не стоитъ, чтобы тратить для него время, бумагу и чернила.

Извѣстіе твое о Дарьѣ Титовнѣ поразило меня ужасомъ: я никакъ не воображалъ, чтобы она была въ такой ужасной нуждѣ. Вольно же было тебѣ не увѣдомить меня! Ты пишешь, что я не хорошо поступилъ, назначивъ лѣто срокомъ уплаты: но кто же можетъ знать будущее, и развѣ я виноватъ, что самъ бьюсь, какъ рыба объ ледъ? Теперь я ничего не могу сдѣлать, но

недѣли черезъ двѣ надѣюсь прислать ей рублей пятьдесятъ. Не можешь ли ты пока призанять для нея? Скажи ей, что я очень огорчился, узнавъ о ея бѣдственномъ положеніи, котораго самъ я причиною; но что теперь ничего не могу сдѣлать, кромѣ какъ прислать недѣли черезъ двѣ 50 р., да черезъ мѣсяцъ другіе 50 р.; но чтобы въ полученіи всего долга къ Новому Году она нисколько не сомнѣвалась. Ея долгъ для меня священъ, ибо я помню, что она для меня дѣлала, и чѣмъ я ей обязанъ, да и кромѣ того, я буду имѣть въ декабрѣ средства, такъ что мнѣ ничего не будетъ стоить уплата какихъ-нибудь 200 рублей. Для Никанора тоже пришлю недѣли черезъ двѣ рублей 50. Видишь ли въ чемъ дѣло, любезный Дмитрій: теперь лѣто, самое ужасное время для книгопродавцевъ, литераторовъ, журналистовъ. Это время для нихъ настоящая засуха. Я радъ и тому, что могу еще брать изъ конторы по 25 да по 50 рублей, чтобы кое-какъ пробиваться ими. Но начало зимы должно меня очень и очень поправить—съ нею кончится мое нищенство, хотя еще богатство и не начнется.

Письмо Никанора меня порадовало: оно грустно и искренно. Есть надежда, что онъ очнется. Тогда кончится и мое къ нему равнодушіе. Смотри за нимъ, чтобы онъ изо всѣхъ силъ готовился къ экзамену, но чтобы не отчаивался, если не выдержитъ. Не говори ему этого, но вотъ какое мое рѣшеніе: если не выдержитъ, еще годъ куда ни шелъ. Въ декабрѣ возьму его къ себѣ въ Питеръ и продержу до половины іюня, а тамъ опять пошлю къ тебѣ. Въ это время онъ позаймется подъ моимъ личнымъ надзоромъ, посмотритъ Петербургъ и на свѣтъ Божій, а то вѣдь онъ медвѣдь настоящій. Смотри же, не сказывай ему этого, а то онъ обрадуется, да и ничего не будетъ дѣлать. Молодому воображенію льститъ перемѣна мѣста и обстоятельствъ, и отъ нихъ-то, а не отъ своей силы и воли, ждутъ молодые люди спасенія. Когда онъ не выдержитъ экзамена, ты прочтешь ему это мѣсто письма, чтобы онъ не приходилъ въ отчаяніе. Съ нимъ надо осторожно поступать. Бога самого ради, пристань къ нему и не отстань до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается опрятенъ. Ужасная неопрятность, до которой онъ дошелъ, есть свидѣтельство ужаснаго упадка его духа. Бѣлье бѣльемъ, а попеченіе о своей внѣшности своимъ чередомъ. Есть вода и гребень—можно поправить зло, если не истребить его въ корнѣ. Пусть купается на дню два, три раза, входитъ въ рѣку въ ру-

башкѣ, потомъ выжимаетъ ее и просушиваетъ слегка: отъ этого двѣ пользы—и бѣлье чище, и испарина слабѣе. Смотри за его нравственностію: съ кротостію выговаривай ему за всякую грубость, невѣжливость, особенно передъ Леонорою Яковлевною. Ахъ, Дмитрій, ты такъ много для меня дѣлаешь, что мнѣ совѣстно. Ни отъ кого не видѣлъ я столько самой безкорыстной преданности, какъ отъ тебя. Дай Богъ, чтобы я могъ когда-нибудь расплатиться съ тобою. Дорого яичко къ свѣтлому дню, говоритъ пословица: дорога услуга вò-время, а ты всегда услуживалъ мнѣ слишкомъ вò-время. Потерпи еще немного. Мой горизонтъ начинаетъ прочищаться, и съ началомъ зимы мои обстоятельства будутъ такъ хороши, какъ еще никогда не бывали.

Желаю тебѣ получить въ институтѣ инспекторское мѣсто. Надо пробовать свои силы и браться за все. Ты правду говоришь, что Алексѣй—худой примѣръ, и что на его конѣ не далеко ускачешь. Экая досада: вдругъ получилъ я писемъ съ десятокъ (отъ твоихъ стариковъ и Василія Петровича, отъ сестры, отъ тебя и Никанора и изъ-за границы), и не знаю, обронилъ что ли, только письма Алеши не нахожу, а я не успѣлъ и прочесть его.

О какомъ это ты пишешь Николаѣ Зотовичѣ Зотовѣ? Неужели это тотъ, что былъ у меня отъ Алеши? Я счелъ его за господскаго человѣка, и мнѣ не о чемъ было толковать съ нимъ. Вольно же было Алешѣ прислать его ко мнѣ безъ письма и безъ рекомендаціи! Сдѣлать я для него ничего не могу. В. П. Боткинъ въ дѣла такого рода рѣшительно не входитъ. Я бы для тебя готовъ кому угодно все сдѣлать; но больше возможности никто ничего не дѣлаетъ, а если нѣтъ возможности, то и толковать нечего.

Прощай, мой добрый Дмитрій. Низко кланяюсь твоей хозяйкѣ и цѣлую ея бѣленькую ручку, а внучку, забывши всякое приличіе, прямо въ уста сахарныя. Кланяйся всѣмъ знакомымъ.

Твой навсегда В. Б. . . .

Вотъ мой адресъ слово въ слово:

Въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго ряду, въ домѣ Лукина, № 47. В. Г. Бѣлинскому.

Не перемѣняй ни слова въ этомъ адресѣ—и будетъ такъ. И выпиши этотъ адресъ Алешѣ, коему отъ меня поклонъ и лобызаніе.

Къ В. П. Боткину. 12 августа, 1840.

Спб. 1840, августа 12 дня.

Любезный мой Боткинъ, ты просишь меня писать къ тебѣ, на ярмарку, говоря, что я люблю писать, а ты любишь читать мои письма. Вотъ я и исполняю твое желаніе, но письмо мое доставитъ тебѣ не радость и утѣшеніе, а горесть и страданіе. Ни слова больше объ утѣшеніи и радости—это слова обманчивыя и безсмысленныя, понятія отрицательныя, а не положительныя! Я все думалъ, что горе и страданіе даны человѣку для того, чтобы онъ лучше зналъ радость и блаженство; но теперь, какъ опытъ заставилъ меня глубже заглянуть въ жизнь, я вижу, что радость и блаженство даны человѣку для того, чтобы онъ сильнѣе страдалъ, жесточае мучился,—и жалокъ тотъ, кто ищетъ въ жизни не минутъ счастія, а прочнаго счастія, кто видитъ въ жизни не рядъ бивуаковъ, а постоянный домъ, съ филистерскимъ халатомъ! Еще есть въ немъ смыслъ, если онъ чувствуетъ въ себѣ благородную рѣшимость и божественную способность сдѣлаться филистеромъ во всемъ значеніи этого слова, т. е. скотиною вполнѣ,—тогда счастіе можетъ быть постояннымъ гостемъ и на его кровати, гдѣ потѣетъ и пыхтитъ онъ съ своею сожительницею, и за столомъ, гдѣ упитывается онъ бѣдными, но вѣрными благами жизни, которыя уже стали для него и богатыми и вѣрными. Но если онъ неспособенъ сойтись съ прозою жизни и довольствоваться прѣсною водою съ нѣсколькими каплями вина,—нѣтъ ему счастія на землѣ, хотя онъ и болѣе, чѣмъ кто другой, и желаетъ счастія, и стремится къ нему, и достоинъ его!...

Знаешь ли, Боткинъ,—ну, да что за эффектныя предисловія—къ чорту ихъ, и прямѣе къ дѣлу. Боткинъ,—Станкевичъ умеръ!

Боже мой! Кто ждалъ этого? Не былъ ли, напротивъ, каждый изъ насъ убѣжденъ въ невозможности такой развязки столь богатой, столь чудной жизни? Да, каждому изъ насъ казалось невозможнымъ, чтобы смерть осмѣлилась подойти безвременно къ такой божественной личности и обратить ее въ ничтожество. Въ ничтожество, Боткинъ! Послѣ нея ничего не осталось, кромѣ костей и мяса, въ которыхъ теперь кишатъ черви. Онъ живетъ, скажешь ты, въ памяти друзей, въ сердцахъ,

въ которыхъ онъ раздувалъ и поддерживалъ искры божественной любви. Такъ, но долго ли проживутъ эти друзья, долго ли пробьются эти сердца? Увы! ни вѣра, ни знаніе, ни жизнь, ни талантъ, ни геній не безсмертны! Безсмертна одна смерть: ея колоссальный, побѣдоносный образъ гордо возвышается на престолѣ изъ костей человѣческихъ и смѣется надъ надеждами, любовію, стремленіями!...

О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!—

сказалъ старикъ Державинъ:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился!
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—онъ тамъ!—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ!
Мы только плачемъ и взываемъ:
О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Видишь ли, какая разница между прошлымъ и настоящимъ вѣкомъ? Тогда еще употребляли слова тамъ и туда, обозначая ими какую-то terram incognitam, которой существованію сами не вѣрили; теперь и не вѣрятъ никакому тамъ и туда, какъ безсмыслицѣ, отвергаемой разумомъ, и не употребляютъ даже въ шутку этихъ пустыхъ словъ. Тогда еще плакали и взывали; а теперь, гордо и молча, твердымъ шагомъ, идутъ въ ненасытимое жерло смерти и съ улыбкою отрываютъ отъ сердца лучшія его стремленія и чистѣйшія привязанности. Трагическое положеніе!—воскликнешь ты съ улыбкою торжества. Дитя, полно тебѣ играть въ понятія, какъ въ куклы! Твое трагическое—безсмыслица, злая насмѣшка надъ бѣднымъ человѣчествомъ. Трагическое заключается въ коллизіи страсти съ долгомъ, для осуществленія нравственнаго закона. Для этого избирается герой, благороднѣйшій сосудъ духа, какъ самый жирный баранъ для закланія. Прекрасно, но дальше еще смѣшнѣе. Герой, напр., любитъ замужнюю женщину: естественное влеченіе сердца стремитъ его къ ней, къ обладанію ею, а долгъ велитъ отъ нея оторваться. Если онъ послѣдуетъ естественному влеченію сердца, его блаженство будетъ неполно, ибо будетъ отравлено бѣдствіемъ мужа, раскаяніемъ любовницы, укорами совѣсти и, наконецъ, возможностію трагической катастрофы; оторвется онъ отъ нея—его удѣлъ—страданіе, болѣзненное чувство по вѣчномъ покоѣ, т. е.

по вѣчномъ ничтожествѣ въ лонѣ матеріи. Стоитъ ли жить въ томъ и другомъ случаѣ! Я, Боткинъ, я не герой, но люблю героевъ, и въ иныя минуты мнѣ кажется, что я пожертвовалъ бы тысячью жизней въ ознаменованіе моей безконечной любви и безконечнаго умиленія [1]) къ благородной жертвѣ долга, всегда предпочту ея безмолвное страданіе беззаконному, хотя и божественному, блаженству; но законъ-то, осуждающій на страданіе повинующагося ему, такъ же, какъ и неповинующагося, законъ-то этотъ, о, Боткинъ! я и ненавижу, и презираю. Общее—это палачъ человѣческой индивидуальности. Оно опутало ее страшными узами: проклиная его, служишь ему невольно.

Смерть Станкевича не произвела на меня никакого особеннаго впечатлѣнія. Я принялъ извѣстіе о ней довольно равнодушно. Думаю, что причина этого отчасти и долговременная разлука: Станкевичъ оставилъ меня совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ я сталъ теперь и былъ безъ него. Онъ поѣхалъ въ Европу, я въ Азію—на Кавказъ. Духовную жизнь мою я считаю съ возвращенья съ Кавказа,—и все это развитіе до сей минуты (лучшее, по крайней мѣрѣ примѣчательнѣйшее, время моей жизни) совершалось безъ него. Разлука ужасная вещь: съ нею, какъ и со смертію, часто все оканчивается; какъ и смерть, она смѣется надъ слабостію нашей натуры. Но это не главное. Главная причина — состояніе моего духа, апатическое, сухое, безотрадное, причины котораго и во внѣшнихъ обстоятельствахъ, и внутри. Внѣшнія мои обстоятельства худы до нельзя, до послѣдней крайности. А внутри—не умѣю и сказать. Мысль о тщетѣ жизни убила во мнѣ даже самое страданіе. Я не понимаю, къ чему все это и зачѣмъ: вѣдь всѣ умремъ и сгніемъ—для чего-жъ любить, вѣрить, надѣяться, страдать, стремиться, страшиться? Умираютъ люди, умираютъ народы,—умретъ и планета наша,—Шекспиръ и Гегель будутъ ничто. Извѣстіе о смерти Станкевича только утвердило меня въ этомъ состояніи. Смерть Станкевича показалась мнѣ тѣмъ болѣе естественна и необходима, чѣмъ святѣе, выше, геніальнѣе его личность.

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.

---

[1]) Кажется такъ.—*Прим. А. П.*

Все вздоръ—калейдоскопическая игра китайскихъ тѣней. О чемъ же жалѣть!...

Станкевичъ умеръ въ Нови, между Миланомъ и Генуею, въ ночь съ 24 на 25 іюня; тѣло его временно положено въ Генуѣ. Меня увѣдомляетъ Ефремовъ, который (счастливецъ!) былъ свидѣтелемъ смерти его, вмѣстѣ съ В. А. Дьяковою, которая (о семъ никому ни слова, ибо это ея тайна) теперь въ Берлинѣ. Ефремовъ не сообщаетъ никакихъ подробностей, но обѣщаетъ сдѣлать это впередъ.

Напрасно ты завидуешь намъ—тебѣ, кажется, лучше насъ, судя по твоему послѣднему письму къ Каткову. Катковъ хандритъ—для него исчезла всякая достовѣрность въ жизни и знаніи. Онъ читалъ мнѣ отрывки изъ Фрауенштэдта—молодецъ Фрауенштэдтъ! Послѣ его брошюрки пропадетъ охота не только резонерствовать или мыслить, но и что-нибудь утверждать. Очень радъ, что тебѣ понравилась 2-я статья моя о Лермонтовѣ. Кроткій тонъ ея—результатъ моего состоянія духа: я не могу ничего ни утверждать, ни отрицать, и по неволѣ стараюсь держаться середины. Впрочемъ, будущія мои статьи должны быть лучше прежнихъ: 2-я статья о Лермонтовѣ есть начало ихъ. Отъ теорій объ искусствѣ я снова хочу обратиться къ жизни и говорить о жизни. Въ «Наблюдателѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» я доселѣ колобродилъ, но это колобродство полезно: благодаря ему, въ моихъ статьяхъ будетъ какое-нибудь содержаніе, не такъ, какъ въ телескопскихъ. Но объ этомъ послѣ, или когда-нибудь. Да скажи, ради самого Бога, или ты не получилъ письма съ Анненковымъ, что ни слова не упоминаешь ни о первомъ, ни о (что всего интереснѣе для меня) второмъ? Ты спрашиваешь, какъ я увидѣлся съ Бакунинымъ? О семъ, какъ и о многомъ прочемъ, что̀ все составитъ отвѣтъ на твои послѣднія два письма, я пишу нынче же, а пошлю завтра или послѣ завтра въ Москву, съ Межевичемъ, который по пріѣздѣ отдастъ его твоему брату. Это письмо будетъ ждать тебя въ Москвѣ—оно очень интересно. Прощай, Боткинъ. Скучно на этомъ свѣтѣ, а другого нѣтъ!

Твой В. Бѣлинскій.

Прочелъ три акта «Антонія и Клеопатры»—Творецъ небесный, неужели и Шекспиръ сгнилъ — и только? Бога ради, Боткинъ, скажи мнѣ, есть ли у Шекспира хоть что-нибудь, не говорю

дрянное, а не великое, не божественное? Вальтеръ-Скотта читаю запоемъ: фу ты, какой пышный! Прочелъ пять трагедій Софокла—новый міръ искусства открылся передо мною. Вижу, что одно сознаніе законовъ искусства безъ знанія произведеній его—суета суетъ. Катковъ много заставилъ меня двинуться, самъ того не зная. Я собираюсь писать исторію русской литературы съ піитикою, для книгопродавца Полякова, за 4000 р. асс. (это пока еще тайна). Статью Ретшера, переведенную тобою, знаю по отрывкамъ—интересная статья, а переводъ нѣсколько наскоро сдѣланъ. Боткинъ, прочти романъ Купера «Послѣдній изъ Могиканъ»: въ слѣдующихъ №№ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщаемъ двѣ части новаго романа Купера, служащаго продолженіемъ «Могиканъ». Переводъ Каткова, Панаева и Языкова. Глубокое, дивное созданіе! Катковъ говоритъ, что многія мѣста этого романа украсили бы драму Шекспира.

Къ В. П. Боткину. 12—16 августа, 1840.

Спб. 1840, августа 12-го дня.

Въ письмѣ твоемъ отъ 24 іюля, любезнѣйшій Василій, спрашиваешь ты меня о моемъ свиданіи съ Бакунинымъ. Тутъ цѣлая исторія, или, лучше сказать, цѣлая драма. Постараюсь изложить ее тебѣ, какъ можно обстоятельнѣе. Не скрою отъ тебя, что я ждалъ Бакунина съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Николай Бакунинъ писалъ ко мнѣ, что Мишель хочетъ со мною обстоятельно и на счетъ всего переговорить и объясниться, а я чувствовалъ, что это объясненіе съ моей стороны будетъ бранью и ругательствомъ, и потому, зная о своей храбрости, я нѣсколько безпокоился предстоящимъ свиданіемъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, является ко мнѣ Катковъ, въ какомъ-то необыкновенно и странно-одушевленномъ состояніи, и съ разными штуками и мистификаціями объявилъ наконецъ мнѣ, что Бакунинъ пріѣхалъ, что вчера, съ задняго крыльца, часовъ въ 11 ночи, явился онъ къ Панаеву, что Панаевъ не могъ скрыть своей къ нему холодности, отъ чего Бакунинъ конфузился, смотрѣлъ на него изъ-подлобья подозрительными глазами, а Катковъ не выходилъ изъ своей комнаты. Кстати: въ разговорѣ съ Панаевымъ, Бакунинъ между прочимъ возвѣстилъ ему, съ умиленною гримасою, что отецъ его—святой старикъ, что онъ самъ теперь остановился въ го-

стиницѣ, платитъ за большую комнату 4 р. въ сутки, но что онъ перемѣнитъ квартиру, ибо ему должно беречь деньги и пр. Бесѣда Панаева съ Бакунинымъ была самая тяжелая, ибо Бакунинъ не понравился Панаеву съ перваго взгляда, а какъ я постоянно увѣдомлялъ его объ участіи, которое принималъ онъ въ твоей исторіи, то Бакунинъ былъ ему просто омерзителенъ. Катковъ пришелъ ко мнѣ поутру—я всталъ поздно, и вотъ мы ждемъ, ждемъ Бакунина, а его все нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ ужъ скоро и 12 часовъ. Мы уже рѣшились было итти къ Панаеву въ чаяніи тамъ обрѣсти нашего абстрактнаго героя. Но вдругъ гляжу въ окно—на дворѣ длинная, уродливая фигура, въ филистерскомъ прегнусномъ картузѣ, спрашиваетъ меня. Дикимъ голосомъ закричалъ я ему въ окно: Бакунинъ, сюда! Кровь прилила у меня къ сердцу. Наконецъ, онъ вошелъ, я поспѣшилъ выйти въ переднюю, чтобы подать ему руку и не допустить его броситься ко мнѣ на шею; однакожъ онъ прикоснулся своими жесткими губами къ моимъ и, черезъ спаленку, прошелъ въ мой кабинетъ, гдѣ и встрѣтился съ Катковымъ лицомъ къ лицу. Катковъ началъ благодарить его за его участіе въ его исторіи. Бакунинъ, какъ внезапно опаленный огнемъ небеснымъ, попятился назадъ и задомъ вошелъ въ спальню и сѣлъ на диванъ, говоря съ измѣнившимся лицомъ и голосомъ и съ притворнымъ равнодушіемъ: «фактецовъ, фактецовъ, я желалъ бы фактецовъ, милостивый государь!»—Какіе тутъ факты! вы продавали меня по мелочи—вы подлецъ, сударь!—Бакунинъ вскочилъ. «Самъ ты подлецъ!»—Скопецъ!—это подѣйствовало на него сильнѣе подлеца: онъ вздрогнулъ, какъ отъ электрическаго удара. Катковъ толкнулъ его съ явнымъ намѣреніемъ затѣять драку. Бакунинъ бросился къ палкѣ, завязалась борьба. Я не помню, что со мною было—кричу только: господа, господа, что вы, перестаньте,—а самъ стою на порогѣ, и ни съ мѣста. Бакунинъ отворачиваетъ лицо и дѣйствуетъ руками, не глядя на Каткова; улучивъ минуту, онъ поражаетъ Каткова поперекъ спины подареннымъ ему тобою бамбукомъ, но съ этимъ порывомъ силы и храбрости его оставили та и другая—и Катковъ далъ ему двѣ оплеухи. Положеніе Бакунина было позорно: Катковъ лѣзъ къ нему прямо со своимъ лицомъ, а Бакунинъ изогнулся въ дугу, чтобы спрятать свою рожу. Во время борьбы онъ вскричалъ: «если такъ, мы будемъ стрѣляться съ вами!» Достигши своей цѣли, т. е. давши двѣ оплеухи Бакунину, Катковъ наконецъ согласился на мои пред-

ставленія и вышелъ въ кабинетъ. Я затворилъ двери. На полу кабинета валялась шапка Бакунина, спаленка моя обсыпана известкою, которая слетѣла съ потолка отъ возни. Вообрази себѣ мое положеніе. Я былъ весь на сторонѣ Каткова: но было жаль Бакунина, хотя мое сожалѣніе было для него оскорбительнѣе всякой обиды; къ тому же онъ былъ моимъ гостемъ и у меня въ домѣ подвергся позорнымъ побоямъ. Равнымъ образомъ, мое положеніе было затруднительно и въ отношеніи къ Каткову: мнѣ было на него досадно, что онъ моюс квартиру избралъ театромъ такого рода объясненія, а между тѣмъ я въ то же время чувствовалъ, что есть такія положенія въ жизни, когда только одни филистеры думаютъ о приличіяхъ и отношеніяхъ. Однакожъ я вышелъ въ комнату, гдѣ былъ Катковъ: я не имѣлъ силы быть съ глазу на глазъ съ опозореннымъ Бакунинымъ. Мнѣ было жаль его, но мое сожалѣніе оскорбило бы его, еслибъ я ему его высказалъ. Вдругъ Катковъ снова бросился къ нему. Я думалъ, что это начало новой баталіи, схватилъ его за руку и сталъ уговаривать. «Одно только слово!» сказалъ онъ, подошелъ къ Бакунину, который сидѣлъ, и, нагнувшись къ его физіономіи, грозя пальцемъ (какъ будто намѣреваясь отдуть имъ по носу), сказалъ ровнымъ сосредоточеннымъ голосомъ: «послушайте, милостивый государь, если въ васъ есть хоть капля теплой крови, не забудьте же, что̀ вы сказали». Засимъ, внявши моимъ просьбамъ, онъ ушелъ. Ну, братъ Василій, не забыть мнѣ этого дня. Я съигралъ тутъ роль мокрой курицы. Мнѣ бы слѣдовало или молча, съ ученымъ видомъ знатока, смотрѣть на занимательный спектакль, или броситься между витязями, чтобы разнять ихъ; но я стоялъ твердо на порогѣ комнаты, словно прикованный къ нему; и только руки мои свободно простирались къ бойцамъ, не доставая, впрочемъ, до нихъ. Да, Боткинъ, въ первый разъ увидѣлъ я жизнь лицомъ къ лицу, въ первый разъ еще узналъ, что такое мужчина, достойный любви женщины.

---

16 августа.

Я остался одинъ съ Бакунинымъ; онъ сидѣлъ, а я ходилъ по двумъ комнатамъ. Оба мы тяжело дышали, я просто задыхался. Его лицо было блѣдно, однако два непріятно-багровыя пятна украшали его ланиты, а его и безъ того отвратительныя уста просто превратились въ параллелограмъ. Я давно уже подозрѣвалъ его безобразіе, но тутъ вполнѣ убѣдился, что онъ рѣши-

тельно безобразенъ. Трудно представить, чтобы какая-нибудь женщина могла полюбить его, и, право, не понимаю, какъ могутъ его цѣловать его сестры. Однако онъ мнѣ былъ и жалокъ. Чтобы заговорить съ нимъ, я сталъ увѣрять его, что я не виноватъ въ этой сценѣ, ибо и не предвидѣлъ ея. Онъ сталъ увѣрять, что и не думалъ подозрѣвать меня. Затѣмъ я выпилъ нѣсколько стакановъ воды и началъ отдыхать. Онъ едва могъ пропустить глотокъ.—Не задерживаю ли я тебя?—спросилъ онъ.—О, нѣтъ!—отвѣчалъ я. Но видя, что разговоръ не клеится, что намъ тяжело быть вмѣстѣ, я сказалъ ему, что надо итти—и мы пошли. Передъ выходомъ, я сказалъ ему, что рѣшительно отказываюсь отъ всякаго участія въ ихъ исторіи, кромѣ примирительнаго. Пріѣзжаю къ Панаеву—тамъ Языковъ. Ну—разспросы—я имъ повѣдалъ. Начали толковать о предстоящей дуэли,—и Катковъ предлагаетъ мнѣ быть его секундантомъ. О, боги! Я—секундантъ!... Богъ васъ да благословитъ, а я не виноватъ! Я отказался. Катковъ обратился къ Панаеву—тотъ кивнулъ головою въ знакъ согласія. Я началъ толковать Каткову, что, вмѣсто того, чтобы хладнокровно распоряжаться съ секундантами противника его, я скоропостижно . . . . . Такъ какъ мы еще наканунѣ условились ѣхать къ Краевскому на дачу, то и поѣхали—Панаевъ съ Катковымъ, а я съ Языковымъ. Сей юноша началъ мнѣ говорить, что хотя онъ участіемъ въ дуэли и повергнетъ своихъ родныхъ въ крайнее огорченіе, однако не допуститъ Панаева, какъ мужа и отца, рисковать попасть въ солдаты—и что, по всѣмъ правамъ, божескимъ и человѣческимъ, мнѣ должно быть секундантомъ Каткова. Что-жъ ты думаешь, Боткинъ? Я расхрабрился. Иду на войну, да и только! Ну, что твой Аѳанасій Ивановичъ, когда онъ пугалъ Пульхерію Ивановну. Во первыхъ, этотъ случай, лучше всѣхъ теорій, вразумилъ меня, что иногда дуэли бываютъ необходимы; а во вторыхъ—жизни хоть разъ въ жизни захотѣлось отвѣдать. Много тутъ участвовало и участіе къ Каткову, и желаніе отвести горькую участь отъ Панаева и Языкова, и, наконецъ, отвращеніе къ моей безцвѣтной, апатической жизни. Короче: пріѣхавъ на дачу, я далъ Каткову рѣшительное слово. По возвращеніи съ оной, вечеромъ, я отправился къ Бакунину. Онъ встрѣтилъ меня просьбою отдать Каткову записку и увѣреніями, что хотя онъ и чуждъ предразсудковъ, однако есть въ жизни случаи, и прочая. Я поспѣшилъ съ нимъ согласиться (что казалось заставило его опѣшиться) и прочелъ

записку. О . . . . . и скопеческимъ слогомъ разсказано въ ней было на двухъ почти страничкахъ то, что можно было сказать въ двухъ словахъ, а именно: что такъ какъ по русскимъ законамъ оставшійся отъ дуэли въ живыхъ долженъ быть солдатомъ, то и лучше имъ стрѣляться въ Берлинѣ. Но теперь, въ письмѣ Ефремова, которымъ онъ увѣдомляетъ меня о смерти Станкевича, находится ко мнѣ просьба, чтобы я уговорилъ Каткова отложить дѣло на неопредѣленный срокъ, ибо въ Берлинѣ В. А. Дьякова, для которой Мишель единственная подпора и пр. Кажется, молодецъ хочетъ отдѣлаться, а нашъ горячится тѣмъ пуще—говоритъ—надо подлеца стереть съ лица земли. Впрочемъ, я подозрѣваю, что онъ прикнучиваетъ себя, ибо дуэль хороша тотчасъ же, когда оскорбленіе живо и сильно еще.

Пока прощай. Скоро получишь ты отъ меня отвѣтъ на свои письма, а съ нимъ вмѣстѣ письма къ Кульчицкому, къ Кронебергу и Красову, которыя и разошлешь, и раздашь по принадлежности.

Въ ономъ же письмѣ будутъ разныя подробности объ исторіи Бакунина съ Панаевымъ.

Фу, какая дрянь И. Ключниковъ! Не знаю, когда Богъ приведетъ мнѣ съ нимъ раздѣлаться—надоѣлъ до смерти. Стишонки его тоже мнѣ начинаютъ противѣть, а объ его «Бабочкѣ» не могу вспомнить безъ омерзѣнія — такая дрянь. О, діалектика жизни! ты выше всѣхъ наукъ въ мірѣ!

Боткинъ, смертельно хочется видѣться съ тобой, просто—томительное стремленіе; и не вѣрится возможности — пріѣзжай ради всѣхъ святыхъ и возрадуй твоего

В. Бѣлинскаю.

Панаевъ и Языковъ тебѣ кланяются.

Къ И. Х. Кетчеру. 16 августа, 1840.

Спб. 1840, августа 16 дня.

Достолюбезнѣйшій Кетчеръ, спасибо тебѣ, тысячу разъ спасибо за «Мейстера Фло». Явись къ Ширяеву и получи «Отечественныя Записки». А «Цахеса» къ тебѣ не посылаю — нечего ему дѣлать ни у тебя, ни у Боткина; а пусть онъ полежитъ у насъ—посидитъ у моря, да пождетъ погоды — авось въ печать

попадетъ, а Краевскій хочетъ употребить для этого всевозможныя мѣры. Желалъ бы я прочесть «Ричарда II», а особливо «Эгмонта», потому что его-то я совсѣмъ не читалъ—нельзя ли прислать, а я бы похлопоталъ, нельзя ли тиснуть—вѣдь цензура наша глупа, запрещаетъ иной разъ утверждать, что 2×2=4, и позволяетъ утверждать, что цари и мѣщане дѣлаются изъ одного матеріала,—какъ въ «Котѣ Муррѣ». Кстати: скажи спасибо Межевичу за корректуру—черное напечатано бѣлымъ, а бѣлое чернымъ—гдѣ говорится о днѣ, читатель долженъ подразумѣвать ночь,—и наоборотъ,—ужасъ да и только! Бѣдный Гофманъ! Безсомыкинъ исказилъ его «Серапіоновъ», такъ что теперь ихъ нельзя вновь перевести, а Межевичъ доѣхалъ корректурою хорошій переводъ, такъ что его нельзя читать! Экая апатическая, чуждая всякаго интереса натура! Онъ и Гофманомъ-то не хотѣлъ заняться, какъ слѣдуетъ. Излѣнился, сталъ баріномъ. «Полицейскую Газету» и «Литературную Газету» у него издаетъ наборщикъ Анемподистъ, который въ образованности, умѣ и талантахъ не уступитъ не только Межевичу, но и самому коту Мурру, но который все-таки—наборщикъ, отчего я въ «Литературной Газетѣ» не могъ безъ ужаса прочесть ни одной статьи своей. Въ одной, напр., вмѣсто Щепкина напечатано Шекспиръ—какъ тебѣ это покажется? Непремѣнно приложи къ «Мурру» опечатки—хоть ихъ наберется цѣлая книжка, которая и составитъ пятую часть. Пожалуйста, хорошенько поругай Межевича, да въ кофейной,—при Калмыкѣ и Артемовѣ. Кстати: читалъ ли ты въ «Репертуарѣ» Петра Ивановича Злослова, куплетъ г. Артемовскаго?—Кланяйся отъ меня П. И. Артемову—прекраснѣйшій человѣкъ.

Боже мой! Станкевичъ умеръ! Ты его видѣлъ, помнишь, Кетчеръ! Артемовъ живъ, а Станкевичъ умеръ!

Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терзитъ!

Прощай, Кетчеръ. Будь здоровъ—и трудись. Краевскій хочетъ прислать къ тебѣ романъ Диккенса (на англійскомъ) для перевода въ «Отечественныя Записки»—перемахни-ка съ Богомъ.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ А. И. Ефремову. 23 августа, 1840.

Спб. 1840, августа 23.

Странную роль назначено тебѣ, любезный Ефремовъ, играть въ отношеніи ко мнѣ: вотъ уже въ другой разъ увѣдомляешь ты меня объ ужасной утратѣ, о смерти, которой ты былъ свидѣтелемъ. Станкевича нѣтъ, и я уже не увижу его никогда, и никто никогда не увидитъ его,—странная, дикая, неестественная идея! Мнѣ все не вѣрится, все кажется, что смерть не посмѣла бы разрушить такой божественной личности. Разлука много отняла у меня: ты знаешь, какъ мы всѣ были глупы, когда оставилъ онъ насъ. Онъ не былъ свидѣтелемъ самаго важнаго періода моего развитія, онъ давно уже существовалъ для меня въ прошедшемъ, какъ воспоминаніе, какъ живое представленіе лучшаго, прекраснѣйшаго, что̀ зналъ я въ жизни. О, если бы ты зналъ, Ефремовъ, какъ я завидую тебѣ: ты жилъ съ нимъ цѣлый годъ, ты присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ, ты навсегда сохранишь живую память его просіявшаго по смерти лица. Я ничего не знаю, что̀ бы могло сравниться съ твоимъ счастіемъ. Конечно, тебѣ чувствительнѣе всѣхъ насъ его потеря—твоя рана и теперь еще сочится теплою кровью, но—Боже мой!—что жизнь и всѣ ея радости, все блаженство, въ сравненіи съ счастіемъ—вѣчно носить въ душѣ такую рану! Да, Ефремовъ, я завидую твоей святой скорби, твоему святому страданію, завидую—потому что самъ чуждъ ихъ. Странное дѣло! Какъ глубоко страдалъ я, и какъ религіозно было мое страданіе, когда умерла она, которая была совершенно чужое мнѣ, хотя и прекрасное явленіе! Для меня было величайшимъ счастіемъ знать ее, видѣть и слышать,—и я такъ хорошо зналъ ее, такъ много видѣлъ и слышалъ ее; но большаго для меня и не могло быть; тогда какъ онъ называлъ меня своимъ другомъ, ему обязанъ я всѣмъ, что̀ есть во мнѣ человѣческаго,—и его смерть произвела на меня такое не глубокое впечатлѣніе! Можетъ быть, тутъ много значитъ, что я хоть мигъ, но видѣлъ ее незадолго до смерти. Но я думаю, что главная причина—мое теперешнее состояніе, которое можно характеризовать такъ: вѣры нѣтъ, знанія и не бывало, а сомнѣнія превратились въ убѣжденія. Мысль о томъ, что все живетъ одно мгновеніе, что послѣ самого На-

полеона осталось только нѣсколько костей, да слава, въ которой ему теперь ни чорта нѣтъ толку, и которая, хотя и не скоро, но все же погибнетъ вмѣстѣ съ нашею планетою, — эта мысль превратила для меня жизнь въ мертвую пустыню, въ безотрадное царство страданія и смерти. Смерть, смерть! вотъ истинный Богъ міра! Ея владычество для всѣхъ равно несомнѣнно — ей слава вѣчная, ей поклоненіе! Что такое общее (для познанія котораго Станкевичъ жилъ и умеръ вдали отъ насъ)? Молохъ, пожирающій собственныя созданія, Сатурнъ, пожирающій собственныхъ чадъ. Зачѣмъ родился, зачѣмъ жилъ Станкевичъ? Что осталось отъ его жизни, что дала ему она? Нѣтъ, ему надо было умереть, потому что, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И мы, знавшіе его, всѣ умремъ,—и тогда даже и памяти на землѣ не останется объ немъ. Вотъ въ такихъ-то мысляхъ застало меня письмо твое. Право, мнѣ кажется, что надо мною уже безсильна всякая утрата, всякое бѣдствіе, кромѣ нужды и физическаго страданія, но и къ нимъ можно привыкнуть.

Бога ради, Ефремовъ, увѣдомь меня, какъ можно подробнѣе обо всемъ, до малѣйшей подробности,—и какъ онъ жилъ, и какъ умиралъ. Не полѣнись, душа моя, помни, что то, что̀ ты знаешь о немъ, есть общее наше достояніе. О, какъ жажду я видѣться съ тобою! Будетъ ли это когда-нибудь, или и ты скоро же умрешь? Собери всѣ мои письма къ Станкевичу для доставленія ко мнѣ, если воротишься, или найдешь случай. Для меня священна собственная моя строка, которую читали его глаза. Пожалуйста.

А вотъ тебѣ и выговоръ. Въ твоемъ письмѣ есть что-то, какъ будто тебѣ неловко говорить со мною, да и начинается оно словомъ «почтеннѣйшій» (такъ что я думалъ, что это письмо шуточное, веселое). Стыдно тебѣ! Неужели ты думаешь, что я способенъ помнить старыя глупости и сердиться за нихъ? Повѣрь, что онѣ мнѣ даже и не смѣшны. Жизнь наша такъ коротка, такъ ничтожна, что и на великое въ ней надо смотрѣть въ уменьшительное стекло, а не дѣлать изъ мелочей великаго. Слушай, Ефремовъ, если ты не считаешь меня тѣмъ, чѣмъ считалъ нѣкогда въ отношеніи къ себѣ,—то Богъ съ тобой—ребенокъ ты послѣ этого. Но нѣтъ, этого не можетъ быть, особенно теперь, когда чувство общей великой утраты, общаго сиротства должно еще болѣе сблизить и сроднить насъ другъ съ другомъ.

Катковъ хандритъ. Онъ кланяется тебѣ и сбирается скоро

ѣхать. Кстати: я ничего не могу тебѣ сказать на счетъ его отношеній къ Мишелю. Я показалъ ему твое письмо—онъ ничего не сказалъ. Вѣдь это дѣло не шуточное, и требованіе отсрочки въ немъ очень справедливо и основательно можетъ быть принято за желаніе оставить дѣло нерѣшеннымъ. Если Мишель хочетъ его покончить (что̀ всего лучше, особенно для него, когда онъ явно виноватъ, что̀ долженъ сознавать, если онъ человѣкъ), то ему лучше и прямѣе всего написать къ Каткову нѣчто въ родѣ той записки, какую онъ вытребовалъ себѣ отъ Владиміра Константиновича Ржевскаго. Я не могу отвѣчать за Каткова, но если ты обратишься ко мнѣ съ вопросомъ по этому дѣлу, то, сколько я могу судить по чувству Каткова къ Мишелю и по взгляду его на сущность дѣла,—это дѣло едва ли можетъ кончиться иначе, какъ такъ, какъ было условлено между ними, или, какъ я говорю, т.-е. запискою, отъ которой постраждетъ самолюбіе Мишеля, но оправдается его человѣческое достоинство (которое теперь въ сильномъ подозрѣніи у всѣхъ благородно мыслящихъ людей).

Кланяйся отъ меня В. А. Дьяковой. Мнѣ бы очень хотѣлось написать къ ней, да останавливаетъ мысль—что же я напишу къ ней, когда у меня и въ головѣ и въ сердцѣ—только фай посвистываетъ. Поблагодари ее за память обо мнѣ и попроси подольше не умирать, если можно. Она принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ, которымъ смерть больше всѣхъ грозитъ; она то же, что онъ,—пусть же спѣшитъ сюда, къ намъ, чтобы всѣ, знавшіе и любившіе ее, еще разъ увидѣли ее. Что ея Саша? Боже мой! сколько перемѣнъ въ такое малое время! Ефремовъ, помнишь ли осень 1836 года — еще нѣтъ и полныхъ четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ... Право, мнѣ кажется, что я начинаю умнѣть,—и не мудрено: жизнь есть такая школа, которая лучше всѣхъ университетовъ и философіи даетъ знать, что она—«даръ напрасный и случайный»... Есть изъ чего и биться... О пребываніи въ Берлинѣ Варвары Александровны никому изъ чужихъ не скажу. Скоро ли она въ Россію—и черезъ Петербургъ ли—о, Боже мой, какая грустная радость для меня!

Для журнала, прежде всего—новостей, ученыхъ, художественныхъ и литературныхъ. Нѣтъ ли хорошихъ сказокъ—пожалуйста.

Долго не отвѣчалъ тебѣ на письмо—не на что было послать. Прощай, обнимаю тебя.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ К. С. Аксакову. 23 августа, 1840.

Спб. 1840, августа 23.

Я совершенно согласенъ съ тобою, любезный Константинъ, что всѣ заочныя объясненія ужасно глупы, особенно письменныя,—итакъ, къ чорту ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, пора намъ перестать быть дѣтьми и понимать взаимныя наши отношенія просто, не натягивая ихъ ни на какія мѣрки.

Что тебѣ сказать мнѣ о самомъ себѣ? и много хотѣлось бы, а не говорится ничего.

Увидимся—потолкуемъ. Худо, братъ, худо: мнѣ все кажется, что жизнь слишкомъ ничтожна для того, чтобы стоило труда жить; а между тѣмъ, и живешь, и страдаешь, и любишь, и стремишься, и желаешь. Станкевичъ умеръ,—и что послѣ него осталось? трупъ съ червями. Однимъ словомъ, такъ или иначе, только результатъ все одинъ и тотъ же:

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка!

Да и какая намъ жизнь-то еще? Въ чемъ она, гдѣ она? Мы люди внѣ общества, потому что Россія не есть общество! У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатія, томленіе въ безплодныхъ порывахъ—вотъ наша жизнь. Что за жизнь для человѣка внѣ общества! Мы вѣдь не монахи среднихъ вѣковъ. Гадкое государство Китай, но еще гаже государство, въ которомъ есть богатые элементы для жизни, но которое спеленано въ тискахъ желѣзныхъ и представляетъ собою образъ младенца въ англійской болѣзни. Гадко, гнусно, ужасно! Нѣтъ больше силъ, нѣтъ терпѣнья.

Спасибо тебѣ за вниманіе къ моему брату, пожалуйста, не оставляй его.

Я слышалъ, что Сергѣй Тимоѳеевичъ скоро будетъ въ Питерѣ—очень пріятно будетъ мнѣ увидѣться съ нимъ. Прощай.

Твой В. Б.

Да скажи, увидимся ли мы съ тобою, и когда именно.

Къ А. Я. Кульчицкому. 3 сентября, 1840.

Милостивый Государь,
Александръ Яковлевичъ! [1]).

Благодарю Васъ за милое письмо Ваше ко мнѣ отъ 28 генваря истекающаго года,—и спѣшу Вамъ отвѣчать на него, пока еще 1840-й годъ совсѣмъ не истекъ, чтобы Вы не имѣли права упрекать меня, что я отвѣчалъ Вамъ не въ томъ же году, а ровно черезъ годъ. Бога ради, не приписывайте этого безпутнаго замедленія моимъ будто бы чрезвычайнымъ занятіямъ: честью увѣряю Васъ, что ко мнѣ не скачутъ со всѣхъ сторонъ, крича: «Виссаріонъ Григорьевичъ, пожалуйте департаментомъ управлять!» Мнѣ бываетъ и больно, и совѣстно, когда порядочные люди оправдываютъ мое невѣжество множествомъ занятій, будто бы поглощающихъ все мое время. Право, ларчикъ открывается проще: дѣлаю я очень немного, или — лучше сказать — почти ничего не дѣлаю, и время у меня проходитъ въ однѣхъ мечтахъ и фантазіяхъ о томъ, что̀ и какъ я буду дѣлать. Не шутя: это мое главное занятіе. Причины этого также не слѣдуетъ искать ни на небѣ, ни въ облакахъ, а просто въ моей лѣности, и еще въ томъ, что у меня въ головѣ и въ сердцѣ частенько—только фай посвистываетъ. Конечно, иногда бываетъ и дѣйствительно тяжело на душѣ, и отъ внѣшнихъ и отъ внутреннихъ причинъ; но все-таки безпорядочность въ жизни — главная причина моего небреженія о приличіи и вѣжливости въ сношеніяхъ съ людьми, даже искренно мною любимыми и уважаемыми. И между тѣмъ, не повѣрите, какъ всегда безпокоятъ и даже терзаютъ меня подобныя съ моей стороны упущенія. Отвѣтъ на письмо всегда лежитъ на мнѣ, какъ тяжкій страшный долгъ. Я увѣренъ, что послѣ этого искренняго признанія Вы охотно простите мнѣ за мое долгое и невѣжливое молчаніе.

Я давно полюбилъ Васъ искренно, по разсказамъ Василія Петровича и Вашимъ къ нему письмамъ (которыя, NB, читая, всегда хохоталъ до слезъ). Повѣрьте, что я очень дорожу Вашимъ знакомствомъ,—и позвольте упрекнуть Васъ въ излишней церемонности, съ которою Вы приступили къ знакомству со мною, какъ будто къ дѣлу великой важности. А все мысль о

[1]) Отчество написано рукою Боткина.—*Прим. А. П.*

моихъ занятіяхъ, которыя не оставляютъ мнѣ свободной минуты даже для обѣда! Сдѣлайте милость, адресуйтесь ко мнѣ какъ можно чаще, и не какъ только что не къ чужому, но какъ къ своему человѣку. Въ Вашихъ письмахъ столько юмору, столько неподдѣльнаго, милаго и добродушнаго остроумія, что день полученія отъ Васъ письма для всякаго былъ бы счастливымъ днемъ. По крайней мѣрѣ, я бы желалъ имѣть въ году 360 такихъ счастливыхъ дней.

Напрасно думаете Вы, что, кромѣ Боткина, въ Харьковѣ все чуждо мнѣ: нѣтъ, Харьковъ давно уже представляется мнѣ въ мистическомъ свѣтѣ. Кромѣ уже Васъ, котораго я считаю однимъ изъ самыхъ короткихъ моихъ знакомыхъ, меня давно интересовало семейство Кронеберговъ. Вамъ должно быть извѣстно, что я лично знакомъ съ Андреемъ Ивановичемъ, равно какъ и то, что покойный его родитель, незадолго до смерти своей, почтилъ меня перепискою со мною. Память этого незабвеннаго для всѣхъ человѣка священна мнѣ; храню съ умиленіемъ, какъ святыню, его письма ко мнѣ, и горжусь его вниманіемъ ко мнѣ, хотя оно и было снисхожденіемъ къ молодому человѣку за доброе направленіе его натуры (къ тому же слишкомъ расхваленной усердным пріятелемъ), а не заслуженная дань его достоинствамъ. Мнѣ не нужно увѣрять Васъ, что заочное знакомство съ отцомъ и личное съ сыномъ представили мнѣ все семейство въ какомъ-то идеальномъ таинственномъ свѣтѣ и возбудили во мнѣ живѣйшее желаніе (Боткинъ сказалъ бы Sehnsucht) узнать его, — тѣмъ болѣе, что оный часто упоминаемый Боткинъ наговорилъ мнѣ о немъ такъ много поэтически прекраснаго. Право, мнѣ кажется, если бы Иванъ Яковлевичъ не умеръ, а я не переѣхалъ изъ Москвы въ Питеръ (что̀ стоитъ смерти во многихъ отношеніяхъ),—я рѣшился бы сдѣлать Боткину компанію въ его зимнемъ путешествіи въ Харьковъ и вмѣстѣ съ нимъ и съ Вами прожилъ бы тамъ цѣлый мѣсяцъ.

Сейчасъ перечелъ Ваше второе письмо (отъ 4 іюня),—и покраснѣлъ до ушей. Какимъ Хлестаковымъ долженъ я казаться всѣмъ порядочнымъ людямъ: мнѣ кадятъ, а я, какъ Юпитеръ Олимпійскій (тотъ, на которомъ Неронъ ѣздилъ верхомъ, держась за уши), обоняю сладостную воню. Но это можетъ только казаться такъ, а въ самомъ-то дѣлѣ—лѣнь, лѣнь, лѣнь, и больше ничего! Вполнѣ понимаю Ваше благородное негодованіе на успѣхъ Григорьева. Живая Ваша статейка, какъ Вамъ уже и извѣстно,

была тотчасъ же напечатана. Увѣдомьте, какой эффектъ произвела она въ Харьковѣ. Низко бью Вамъ челомъ, отъ себя и отъ Краевскаго, и впредь не оставлять насъ посылками. Пожалуйста все, что Вамъ въ голову ни придетъ, шлите да и только, да и другихъ умныхъ и талантливыхъ людей подбивайте (особенно Андрея Ивановича Кронеберга). Что Вы ничего не дѣлаете? Что бы Вамъ приняться за юмористическія статьи—рисовать провинціальные нравы? Заранѣе смѣюсь отъ одной мысли объ этомъ, судя по вашимъ письмамъ. Принимайтесь-ка съ Богомъ! Знаете—русскіе типы—помѣщикъ, помѣщица, семинаристъ, совѣтникъ палаты, профессоръ, студентъ, и пр. и пр.

Отчества Вашего не знаю — вина Боткина; но за то онъ своею рукою и впишетъ его, гдѣ надо.

Бога ради, будьте добры,—и больше, больше и больше писемъ ко мнѣ: даю Вамъ честное слово, что день полученія отъ Васъ письма будетъ для меня истиннымъ праздникомъ. А если бы Вы знали, какъ мало у меня въ жизни праздниковъ, и какъ скверны мои будни!...

Безъ всякихъ нижайшихъ почтеній и искренныхъ преданностей остаюсь просто вашъ

В. Бѣлинскій.

Спб. 1840, 3 сентября [1]).

Къ В. П. Боткину. 5 сентября, 1840.

Спб. 1840, сентября 5 дня.

Съ чего ты, о, Боткинъ, взялъ, что мое письмо къ тебѣ (въ Нижній) написано въ сердцахъ на тебя? Что ты, Господь съ тобою! Мое сердце противъ тебя приписываешь ты тому, что ты не отвѣчалъ на новыя мои письма: Боткинъ, однажды навсегда—и чтобъ больше объ этомъ не было и слова—всѣ претензіи за неписаніе, неотвѣчаніе и пр. глупы и пошлы. Я пишу къ тебѣ потому, что мнѣ хочется писать къ тебѣ, а не потому, что этимъ обязываю тебя къ отвѣту. Если твое молчаніе повергаетъ меня въ безпокойство о твоемъ здоровьи, жизни, несчастіи—другое дѣло: тутъ я могу сердиться на тебя за мол-

[1]) На письмѣ помѣтка Кульчицкаго: «Отвѣтъ сентября 28 дня 1840». *Прим. А. П.*

чаніе; но когда я знаю, что съ тобою ничего особеннаго не случилось—не пиши ко мнѣ хоть годъ, а я все-таки (если будетъ охота) буду жарить въ тебя письмами, а не будетъ охоты, и самъ замолчу хоть на годъ же. Можетъ быть, тонъ моего письма и дѣйствительно отзывается воинственностію,—такъ причина этому та, что я въ немъ взъярился на Allgemeinheit, а тебѣ досталось потому, что ты ея партизанъ. Но личнаго противъ тебя неудовольствія я и не думалъ имѣть. «Если можешь, извини меня; не можешь—прибей или обругай, только не сердись и не думай ничего дурного» пишешь ты ко мнѣ,—и за эти строки стоило бы и прибить, и обругать тебя, ибо ты ими просто оскорбляешь меня. Конечно, я могу сердиться на тебя, но въ такомъ случаѣ всегда скажу причину, которая должна быть достаточно важною, ибо я не могу сердиться изъ ничего ни на кого, а тѣмъ болѣе на тебя. Мнѣ такъ хорошо извѣстны твои дурныя стороны, что я не припишу тебѣ ничего лишняго, даже въ порывѣ любви къ тебѣ; и я такъ хорошо знаю твои прекрасныя стороны, что, даже и сердясь на тебя, не могу думать о тебѣ ничего дурного. Да и что же дурного сталъ бы я о тебѣ думать? Развѣ ужъ не пьешь ли ты? Если такъ—худо; ты доселѣ былъ человѣкъ непьющій (хотѣлось сострить, да не вытанцовывается).

«Душа, измученная неестественными, темными, какими-то подземными страданіями, потеряла эластичность свою, высохла, одеревенѣла и съ ядовитою усмѣшкою указываетъ на дымъ фантазій и мечтаній, въ которомъ перегорѣвъ, или, лучше сказавъ, покоптившись, улетаетъ моя молодость»—пишешь ты. Увы, это общее всѣхъ насъ состояніе! Это награда наша со стороны Общаго за наше самоотверженіе, жаръ души, любовь ко всему высокому, прекрасному, истинному! Да, Боткинъ, я самъ отъ моей молодости вижу только дымъ фантазій, который ѣстъ мнѣ глаза и затрудняетъ дыханіе; но я въ томъ разнюсь отъ тебя, что дымъ и называю дымомъ, не стою за нашъ вѣкъ, за который ты ратуешь съ такимъ дон-кихотскимъ задоромъ! Другъ, это все слова и фразы, это тотъ дымъ, которымъ испарилась наша молодость. Ты переживаешь себя, заживо умираешь, а все по старой привычкѣ кричишь о разумности жизни. Если какой-нибудь гегеліанецъ (кажется, Фрауенштэдтъ), подкапываясь подъ основанія гегелизма, доходитъ до результата, что мысль (которую мы приняли за критеріумъ бытія), насъ надуваетъ, надѣвая на наши

глаза очки, сквозь которые мы видимъ все, какъ ей угодно, а не какъ должно,—и восклицаетъ съ отчаяніемъ: «спасите меня, погибаю!»—такъ намъ ли, о, Боткинъ, не вопить, или, по крайней мѣрѣ, намъ ли защищать дѣйствительность, если она, столь безконечно могущественнѣйшая насъ, такъ плохо защищаетъ сама себя? Что до личнаго безсмертія,—какія бы ни были причины, удаляющія тебя отъ этого вопроса и дѣлающія тебя равнодушнымъ къ нему,—погоди, придетъ время, не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины, и что въ его рѣшеніи—наше искупленіе. Я плюю на философію, которая потому только съ презрѣніемъ прошла мимо этого вопроса, что не въ силахъ была рѣшить его. Гегель не благоволилъ ко всему фантастическому, какъ прямо противоположному опредѣленно-дѣйствительному: Катковъ говоритъ, что это—ограниченность. Я съ нимъ согласенъ. Не отъ того ли и музыка не далась Егору Федорычу, что есть нѣчто невыговоримое, слѣдовательно, по философіи гегелевской, призрачное, ничто? Катковъ недавно поразилъ меня заступленіемъ своимъ за заживо умершаго Шеллинга, говоря, что у него есть нѣчто, чего онъ не можетъ выговорить, ибо возможность выговоренія основывается опять-таки на методѣ Гегеля, и что это нѣчто—личность человѣческая. Ты говоришь, что вѣришь въ свое безсмертіе, но что же оно такое? Если оно и то, и другое, и все, что угодно—и стаканъ съ квасомъ, и яблоко, и лошадь, то я поздравлю тебя съ твоею вѣрою, но не хочу ея себѣ. У меня у самого есть поползновеніе вѣрить то тому, то другому, но нѣтъ силы вѣрить, а хочется знать достовѣрно. Ты говоришь, что при извѣстіи о смерти Станкевича, тебя вдругъ схватилъ вопросъ:—что же стало съ нимъ? А развѣ это пустой вопросъ? Развѣ безъ его рѣшенія возможно примиреніе? Если такъ, то ты не любилъ Станкевича и еще ни разу не терялъ любимаго человѣка. Нѣтъ, я такъ не отстану отъ этого Молоха, котораго философія назвала Общимъ, и буду спрашивать у него: куда дѣлъ ты его, и что̀ съ нимъ стало? Ты говоришь—страшна потеря любимаго человѣка! А почему страшна она? потому, что она—потеря, потому что уже нѣтъ и не будетъ больше потерянаго. А должно ли въ жизни быть что-нибудь страшное? Если смерть человѣка не страшна тебѣ,—значитъ ты не любилъ его; если ты любилъ его—она страшна тебѣ, а что̀ страхъ—откуда онъ—изъ разумности или случайности? Ты говоришь: ради Бога, станемъ гнать отъ себя раз-

судочныя рефлексіи о тамъ, о будущей жизни, какъ понапрасну лишающія настоящее его силы и жизни. Прекрасно: но гдѣ достовѣрность того, что эти рефлексіи разсудочныя, а не разумныя? Потомъ: я хочу прямо смотрѣть въ глаза всякому страху, и ничего не гнать отъ себя, но ко всему подходить. Наконецъ: что̀ дастъ тебѣ настоящее, которому (по старой привычкѣ) приписываешь ты и силу, и жизнь? Что дастъ оно тебѣ? — дымъ фантазій? Сражайся за него, Боткинъ, ратуй, елико возможно, и не замѣчай, какъ злобно издѣвается оно надъ тобою!

Строки твои о Лангерѣ (нижегородскомъ) прочелъ я съ особеннымъ интересомъ. Ты говоришь, что тебѣ необходимо женское общество — и мнѣ оно необходимо, — но вотъ уже больше году, какъ я не видалъ ни одной женщины, хотя и много видѣлъ самокъ. Что-то промелькнуло было мимо меня, да и скрылось такъ скоро, что я не успѣлъ и удостовѣриться, дѣйствительно ли это женственное существо. Оно оставило, впрочемъ, во мнѣ какое-то странное впечатлѣніе: я о немъ или совсѣмъ забываю, какъ будто его не было и нѣтъ на свѣтѣ, а если вспоминаю, мнѣ становится такъ хорошо, а мысль о встрѣчѣ съ нимъ приводитъ меня въ такой страхъ, что если придется встрѣтиться, то я разыграю роль городничаго, когда онъ является къ ревизору; не знаю, струситъ ли ревизоръ-то? Да все равно—все это глупости, въ итогѣ которыхъ — ноль. Ахъ, Боткинъ, ты не можешь себѣ и вообразить, какъ я измѣнился. Нѣкогда ты упрекалъ меня въ недостаткѣ Entsagung: его и теперь нѣтъ, но вмѣсто его явилось презрѣніе, какое-то недовѣріе къ тѣмъ благамъ, которыхъ такъ мучительно еще недавно жаждала душа моя. Придутъ сами — ничто, попробуемъ, вѣдь надо же чѣмъ-нибудь занимать себя, живучи на бѣломъ свѣтѣ; не придутъ — чортъ съ ними—не о чемъ жалѣть, вѣдь все глупо и ничтожно, и всякій нуль равенъ нулю.

Пріѣхалъ Анненковъ. Жалѣетъ, что не засталъ тебя въ Москвѣ. Ты очень ему понравился. Скажи мнѣ — какое на тебя сдѣлалъ онъ впечатлѣніе? Я очень люблю этого милаго человѣка. Увѣдомь, получилъ ли ты мое письмо, посланное съ Межевичемъ? Что̀ Кудрявцевъ—доставилъ ли мои письма по адресамъ? Умоляю его написать ко мнѣ хоть нѣсколько строкъ. Перешли мои письма къ Кронебергу и Кульчицкому. Кронебергъ-то, братъ, человѣкъ. Мнѣ досадно на себя, что съ нимъ не такъ-то во время оно поладилъ. А все наша прекрасно-

душная отвлеченность. Конечно, онъ страненъ, и у него много дикихъ убѣжденій; но подумай-ка о томъ, что̀ былъ каждый изъ насъ до встрѣчи съ Станкевичемъ, или съ людьми, возрожденными его духомъ. Намъ посчастливилось—вотъ и все, а это еще не большая заслуга съ нашей стороны—хвастать нечѣмъ. Сколько глубочайшихъ натуръ остаются на Руси неразвитыми и глохнутъ оттого, что не встрѣтились во время съ человѣкомъ или съ людьми! Изъ статьи Кронеберга видно, что онъ понимаетъ Шекспира, а это — много. У него есть талантъ писать — его статья жива, остроумна, словомъ—прекрасна. Его переводъ «Ричарда II» обнаруживаетъ въ немъ глубоко-поэтическую натуру. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ и вездѣ не много, а на Руси почти совсѣмъ нѣтъ.

Пріятно было прочесть мнѣ въ письмѣ твоемъ, что извѣстная дама узнаетъ статьи мои, жадно читаетъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ выписки, пріятно; но, увы!—энтузіазма уже нѣтъ во мнѣ, голова моя не ходила кругомъ три дня, и я не безумствовалъ, какъ тогда отъ твоего же письма, гдѣ ты говорилъ, что нѣкая достойная дѣвица, «дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей», любитъ читать мои статьи и заочно интересуется авторомъ. Это было въ мартѣ нынѣшняго года, а теперь еще только сентябрь—какъ немного времени, и какъ много я измѣнился. А все Питеръ — спасибо ему; безъ него я и теперь былъ бы восторженнымъ дуракомъ и не зналъ бы, что все — дымъ.

Тебя, я вижу, мнѣ не дождаться въ Питеръ. Право, чуть ли я не катну къ тебѣ по первому зимнему пути? То-то радость-то для насъ обоихъ, мой милый Василій! Сколько разсказовъ, сколько жалобъ на жизнь—вмѣстѣ побранимъ ее—и будетъ легче.

Бѣдный Кольцовъ, какъ глубоко страдаетъ онъ. Его письмо потрясло мою душу. Все благородное страждетъ — одни скоты блаженствуютъ, но тѣ и другіе равно умрутъ: таковъ вѣчный законъ Разума. Ай да разумъ! Какъ пріѣдетъ въ Москву Кольцовъ, скажи, чтобы тотчасъ же увѣдомилъ меня; а если поѣдетъ въ Питеръ, чтобы прямо ко мнѣ, и искалъ бы меня на Васильевскомъ острову, на Маломъ проспектѣ, около 4 и 5 линіи; въ домѣ Алексѣева, изъ воротъ направо, во 2 этажѣ. У меня теперь большая квартира, и намъ съ нимъ будетъ просторно. Что Грановскій? Уговори его хоть строку написать ко мнѣ, право; онъ меня совсѣмъ не любитъ. Кудрявцеву 100 поклоновъ. Прощай.

Твой В. Б.

Къ В. П. Боткину. 4 октября, 1840.

Спб. 1840, октября 4.

Любезный мой Боткинъ, третьяго дня получилъ я и еще письмо отъ тебя, а между тѣмъ твое прежнее (отъ 3 сентября) давно уже валяется у меня на столѣ и, умильно смотря на меня, тщетно ждетъ вожделѣннаго отвѣта. Странное дѣло! А оно было именно однимъ изъ тѣхъ писемъ, которыя наиболѣе радовали и утѣшали меня. Думаю приняться за отвѣтъ — не подымается рука, да и только—словно я въ параличѣ. Видно, это отъ того, что я упустилъ минуту взволнованнаго чувства. Что ты говоришь о нашихъ отношеніяхъ—для меня это очевидная истина, и съ тѣхъ поръ, какъ наша взаимная дружба, моя вѣра въ тебя, обратились въ достовѣрность, — я потерялъ всякую охоту и желаніе говорить о нихъ. Не менѣе говоришь ты великую правду объ основаніяхъ дружбы, которыя должны состоять въ стремленіи къ одному и тому же превыспреннему небу, но отнюдь не по одной и той же дорогѣ или тропинкѣ. Мишель такъ думалъ, и кромѣ глубокой натуры и генія, требовалъ еще отъ удостоиваемыхъ его дружбы одинаковаго взгляда даже на погоду, и одинаковаго вкуса даже въ гречневой кашѣ, условіе sine qua non! Но посмотри, какъ оправдала дѣйствительность его абстрактныя, лишенныя жизненнаго соку и теплоты воззрѣнія: когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга за границу, его проводилъ не я, не Катковъ, даже не Языковъ и Панаевъ, но Герценъ, произведенный имъ за 1000 р. ассигн. въ спекулятивныя натуры. Но и этимъ комедія не кончилась: оная натура говоритъ, что его можно уважать за умъ, но не любить, и что по письмамъ его московскихъ друзей видно, что они даже плохо и уважаютъ-то его. Но объ этомъ послѣ.

Врешь ты, старый чортъ, что твоя натура непроизводящая. Правда, ты не можешь постоянно работать, но тутъ другая причина, которая, боюсь, скоро и мою, дѣйствительно, отмѣнно плодородную (какъ свинья, которая приноситъ въ годъ ста по три поросятъ), натуру обезплодитъ. Но объ этомъ поговоримъ, когда увидимся. Ты можешь, и очень можешь дѣлать, но именно потому ничего и не дѣлаешь, что знаешь, что общество за это въ знакъ своего вниманія хорошо, если только не наплюетъ въ

рожу, а то еще пожалуй и хуже что сдѣлаетъ. Но чортъ съ нимъ — наша участь — схимничество. Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностію! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!—какъ восклицалъ великій Пушкинъ! Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это мысль и дума вѣка! Боже мой, страшно подумать, что̀ со мною было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающій. Да, Боткинъ, ты ничего путнаго не сдѣлаешь, хотя и доказалъ, что ты много, много прекраснаго могъ бы сдѣлать; но ни ты, ни твоя натура въ томъ не виноваты. Это общая наша участь,—и на этотъ счетъ я спою тебѣ славную пѣсенку:

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ, безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда;
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Ну, а пока будемъ что-нибудь дѣлать, хоть для забавы, разсѣянія отъ скуки или отъ безполезныхъ думъ объ испанскихъ дѣлахъ. Знаешь ли что, Боткинъ, мнѣ сдается, что ты непремѣнно изъ «Histoire des Croisades contre les Albigeois» сдѣлаешь чудесную статью, именно такую, въ какихъ «Отечественныя Записки» нуждаются, и 2 часть сожмешь въ 3 или 4 печатныхъ листа. А?.. Пожалуйста! Статья твоя (переводъ Ретшера), кажется, напечатана будетъ въ № 1 «Отечественныхъ Записокъ» 1841 г. [1]).

Слова нѣмца о Бакунинѣ (изъ Hallische Jahrbücher) поразили меня какимъ-то фантастическимъ ужасомъ и — повѣришь ли?—

[1]) Ты правъ, упрекая «Отечественныя Записки» въ отсутствіи живыхъ историческихъ статей и иностранной критики, — да гдѣ же ихъ взять? Вѣдь «Отечественныя Записки» издаются трудомъ трехъ только человѣкъ—Краевскаго, Каткова и меня—не разорваться же намъ, а другіе всѣ, могущіе дѣлать, отговариваются тѣмъ, что у нихъ не производящія натуры.—*Примѣчаніе Бѣлинскаго.*

возбудили во мнѣ жалость и состраданіе къ Бакунину. Да чѣмъ же онъ виноватъ, если такъ? Вѣдь онъ напрягаетъ же свою волю для стремленія къ истинѣ? О, Боже, Боже! О, жизнь, жизнь — галиматья, ... ! Плюнь, Боткинъ, хорошенько на нее! Я получилъ отъ него письмо, полное искренности, въ которомъ онъ говоритъ, что желалъ бы передѣлать свое прошедшее, что я былъ правъ, называя его сухимъ діалектикомъ во время нашихъ полемическихъ переписокъ и пр. Это еще болѣе усилило чувство моего болѣзненнаго къ нему состраданія, въ которомъ, впрочемъ, много и отвращенія, и презрѣнія. Экая несчастная, жалкая личность! Я перешлю къ тебѣ это письмо, какъ скоро отвѣчу на него. Къ Каткову онъ тоже пишетъ, приписываетъ свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, проситъ извиненія, но говоритъ, что извѣстное объясненіе неизбѣжно, да я не вѣрю,— . . . . . на мѣстѣ объясненія, и всего вѣрнѣе—увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусъ.

Теперь о Катковѣ. Онъ хандритъ и мучитъ себя и все близкое къ себѣ. Ссора его съ Краевскимъ была результатомъ этой хандры; но онъ скоро опомнился и загладилъ это. Теперь его отношенія съ Краевскимъ прекрасны. Но вотъ другое горе. Ты помнишь, какъ онъ сердился на меня въ Москвѣ, что я не пишу къ нему—теперь твоя очередь. Недавно узналъ я отъ него, что онъ убѣжденъ, что ты его любишь не больше, чѣмъ любитъ его Михаилъ Бакунинъ. Причиною этого твои поклоны ему въ письмахъ ко мнѣ. Я имѣлъ неосторожность прочесть ему твое письмо (отъ 3 сентября), разумѣется, выпустивъ то, что ты говоришь о немъ по поводу его ссоры съ Краевскимъ. Замѣтивъ, что я не все прочелъ, онъ измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и сталъ допрашивать. Послѣ этого дня два пролежалъ онъ, уткнувшись носомъ въ подушку. Дикая натура—молодъ—много самолюбія, но я понимаю это. Насъ съ нимъ раздѣляетъ разница въ лѣтахъ, онъ это чувствуетъ и ложно объясняетъ. Бога ради, скорѣе напиши къ нему, если письмо твое его не застанетъ (12 онъ думаетъ отправиться), я тотчасъ же перешлю къ нему. Но въ письмѣ ни слова о томъ, что ты знаешь о его на тебя претензіяхъ, ни слова обо мнѣ — иначе ты убьешь его. Пиши, какъ будто тебѣ самому вздумалось написать къ нему. Теперь онъ оканчиваетъ статью о Саррѣ Толстой—чудесная статья!

Если что узнаешь о Гоголѣ—тотчасъ же увѣдомь. Къ Николаю Бакунину буду на дняхъ писать и расшевелю его такъ, что

вспыхнетъ. Съ лысиною тебя отъ души поздравляю—знакъ мудрости.

Что ты пишешь о «Патфайндерѣ»—все это я точно такъ же перечувствовалъ, передумалъ и такъ же точно сбирался написать къ тебѣ, но ты предупредилъ меня. Величайшій художникъ! Я горжусь тѣмъ, что давно его зналъ и давно ожидалъ отъ него чудесъ, но это чудо — признаюсь—далеко превзошло всѣ усилія моей бѣдной фантазіи. «Сенъ-Ронанскія Воды» торжественно признаю лучшимъ романомъ Вальтеръ-Скотта, — но куда до «Патфайндера»! Не вырѣзывай его изъ «Отечественныхъ Записокъ»— тебѣ пришлется особенный экземпляръ—его отпечатано для продажи 300 экземпляровъ, которые выпустятся въ генварѣ.

Что касается вопроса о личномъ безсмертіи, — конечно, мнѣ было бы пріятно найти въ тебѣ товарища въ болѣзни; но если ты здоровъ, или боленъ чѣмъ-нибудь другимъ, изъ этого я не думаю выводить слѣдствія о твоей ограниченности, и мнѣ очень жаль, что ты такъ некстати употребилъ это слово, которое пахнуло на меня дурною сторонкою нашей старины, которою управлялъ Мишель Бакунинъ Ты, вѣрно, очень помнишь, что во мнѣ находилъ онъ всѣ роды ограниченности, а въ немъ одно величіе и безконечность. Я всегда былъ таковъ со всѣми, кого любилъ. Но довольно объ этомъ вздорѣ. Идею нельзя навязать другому, и никто не призоветъ ее къ себѣ, но она сама является къ человѣку, нежданная и незванная, и вгрызается въ него, живетъ въ немъ. Такъ и я теперь все вижу и на все смотрю подъ ея вліяніемъ, въ ея очки. Можетъ, и съ тобою это еще будетъ, а можетъ, и не будетъ. То и другое хорошо. Если ты этимъ не переболѣешь, зато ты уже многимъ переболѣлъ, что̀ еще и не касалось, а можетъ, и не коснется меня, но тѣмъ-то драгоцѣннѣе, ближе и родственнѣе мнѣ твои страданія: они дополняютъ мнѣ самого меня, расширяютъ мое собственное созерцаніе жизни. Смотри же и ты на мои болѣзни этими же глазами — и у насъ не будетъ пустыхъ споровъ изъ ничего, а будетъ живое пониманіе, живая симпатія и живая любовь другъ къ другу. Увидимся, потолкуемъ и поспоримъ, а на письмѣ, я вижу, ничего не растолкуешь другому, чего отъ него требуешь или что̀ ему говоришь. Не могу пока умолчать объ одномъ, что меня теперь всего поглотила идея достоинства человѣческой личности и ея горькой участи — ужасное противорѣчіе! Мишель Бакунинъ пишетъ, что Станкевичъ вѣрилъ личному безсмертію, Штраусъ и Вердеръ вѣ-

рятъ. Но мнѣ отъ этого не легче: все такъ же хочется вѣрить, и все такъ же не вѣрится.

Я думалъ, что Анненковъ больше заинтересуетъ тебя. Тутъ, вижу я, столкнулись Москва съ Питеромъ. Чиновничества въ Анненковѣ нѣтъ ни капли, но есть много чего-то петербургскаго, чего пропасть не только въ Панаевѣ, но и въ Языковѣ, котораго ты знаешь только съ лицевой, лучшей стороны. Знаешь ли, я помирился съ нашимъ москводушіемъ, смотря на этихъ людей. Не говорю уже о Панаевѣ, который не разъ возбуждалъ къ себѣ мою ненависть и презрѣніе—повѣришь ли?—Языковъ глубоко оскорблялъ мое человѣческое чувство своимъ петербуржествомъ. Очень я радъ тому, что пишешь о Кронебергѣ. Но еще болѣе обрадовалъ ты меня своимъ теперешнимъ взглядомъ на Entsagung. Именно, оно есть свободное, вслѣдствіе нравственнаго понятія, отреченіе отъ блага жизни и принятіе на себя страданія; а не невольное. Вотъ я и правъ былъ, что это слово и бѣсило, и оскорбляло меня. У меня отнимали то, чего я не имѣлъ еще и случая выказать. Можетъ быть, во мнѣ этого и нѣтъ, а можетъ быть, и есть — кто знаетъ? Я самъ не могу знать. Ты пишешь, что опять сошелся съ самимъ собою, что призракъ счастія разбитъ—признаюсь въ грѣхѣ—плохо вѣрю—вразуми и наставь. Я вообще съ тобою въ одномъ страшно и дико разошелся: читаю и не вѣрю глазамъ своимъ, когда ты говоришь о жизни и счастіи съ уваженіемъ и не шутя, съ какою-то вѣрою. Я не сойдусь, не помирюсь съ пошлою дѣйствительностью, но счастія жду отъ однѣхъ фантазій и только въ нихъ бываю счастливъ. Дѣйствительность—это палачъ.

Я прочелъ всѣ трагедіи Софокла въ гнусномъ переводѣ Мартынова,—и «Антигона» поразила меня больше всѣхъ.

Недавно со мною (съ мѣсяцъ назадъ) случилась новая исторія, которая до основанія потрясла всю мою натуру, возвратила мнѣ слезы и безконечное, томительное, страстное порываніе и кончилась ничѣмъ, какъ и прежде. Долго ли это продолжится! Видно, такова уже моя натура, какъ говоритъ Патфайндеръ. Всякому своя доля, но, право, скверпѣе моей ничего нельзя вообразить. Натура страстная, любящая — танталова жажда, вѣчно остающаяся безъ удовлетворенія! Зачѣмъ я не скопецъ отъ природы, какъ Мишель Бакунинъ!..

Скажи Кудрявцеву, что-де честные люди такъ не дѣлаютъ—какъ же ни строчки-то не написать, а я жду, не дождусь. Бога

ради, призови къ себѣ моего брата, да вразуми его, что-де стыдно и гадко не давать мнѣ знать, живъ онъ или умеръ, когда я о немъ безпокоюсь. Да тутъ же исполни и обѣщаніе свое, о чемъ я просилъ тебя. Адресъ его: въ Грачевскомъ переулкѣ, въ домѣ купца Кондратія Григорьевича Смирнова, на квартирѣ у Дмитрія Петровича Иванова.

Кольцова расцѣлуй и скажи ему, что жду, не дождусь его пріѣзда, словно свѣтлаго праздника. Катковъ умираетъ отъ желанія хоть два дня провести съ нимъ вмѣстѣ. Скажи, чтобъ пріѣзжалъ прямо ко мнѣ, нигдѣ не останавливаясь ни на минуту, если не хочетъ меня разобидѣть. Мой адресъ: на Васильевскомъ островѣ, на Маломъ проспектѣ, между 5 и 6 линіями, въ домѣ Алексѣева, изъ воротъ направо, во 2 этажѣ направо. Да и самъ ты адресуй-ка письма-то прямо ко мнѣ, по этому адресу.

Поклонись Грановскому, который мнѣ никогда не кланяется, ибо, какъ кажется, забылъ о моемъ существованіи; а Красову скажи, что жду отъ него писульки, и что его «Пѣсня Лауры» и «Флейта»—прелесть, чудо, объяденіе—хороши, мочи нѣтъ—облобызай его за это.

Твой В. Б.

Къ Д. Н. Иванову. 4 октября, 1840.

Спб. 1840, октября 4 дня.

Любезный Дмитрій, не понимаю твоего молчанія—или ты сердитъ на меня? — такъ скажи же, за что — на колѣняхъ готовъ просить у тебя прощенія. Послалъ я съ Кудрявцевымъ всѣмъ вамъ по письму и 50 руб. денегъ Никанору, а отвѣта нѣтъ, и не знаю, получили ли, и не знаю, живы ли вы всѣ и благополучны? Что это значитъ? Ужъ не случилось ли чего худого съ Никаномъ? Если онъ не выдержалъ экзамена—такъ плевать, для меня это не большая бѣда — я уже писалъ ему объ этомъ. По первому зимнему пути сбираюсь въ Москву, и, если увижу, что все это время онъ такъ добросовѣстно и прилежно занимался, какъ будто ему завтра надо было держать экзаменъ, то возьму его съ собою въ Питеръ, а въ іюнѣ мѣсяцѣ привезу самъ или отправлю одного его въ Москву, чтобы держать экзаменъ. Не могу думать, чтобы Кудрявцевъ не доставилъ письма, но если бы это сверхъ чаянія почему бы то ни было случилось,—то

можешь узнать о квартирѣ Кудрявцева черезъ Боткина, котораго я еще просилъ дать Никанору 25 руб. и котораго просилъ и о вашемъ пріятелѣ. Пусть Никаноръ непремѣнно сходитъ къ Боткину.

Если онъ не пишетъ ко мнѣ оттого, что не выдержалъ экзамена, скажи ему, что это вздоръ, пустяки, что я отъ чистаго сердца даю ему еще годъ на приготовленіе и не хочу объ этомъ и вспоминать—пусть и онъ забудетъ.

Бога ради, дай отвѣтъ. Кланяюсь всѣмъ твоимъ и моимъ.

Твой В. Б.

Къ В. П. Боткину. 25 октября, 1840.

Спб. 1840, октября 25.

Сію минуту получилъ письмо твое, мой милый Боткинъ, и сію же минуту спѣшу тебѣ отвѣчать на него. Что тебѣ сказать о немъ? Оно поразило меня ужасомъ, какъ подземный голосъ судьбы, потрясло все существо мое. Итакъ, еще коллизія въ моей жизни—долго ли это будетъ, и къ чему вся эта трагикомедія? Право, мнѣ страшное начинаетъ казаться смѣшнымъ, а смѣшное страшнымъ.

Очень бы счастливымъ почелъ я себя, еслибы могъ выразить все, что возбудило во мнѣ письмо твое, всю безграничность моего участія къ тебѣ, всю безконечность моей любви къ тебѣ; но слова меня уже перестаютъ слушаться, и чѣмъ сильнѣе я чувствую, тѣмъ бездушнѣе мои фразы. Другъ, не вини себя ни въ чемъ—ты правъ, и если виноватъ, то не въ поблажкѣ своему самолюбію; а развѣ въ томъ, что ужъ слишкомъ топталъ его подъ ногами, далеко простиралъ свое самоотрицаніе. Вѣрь мнѣ въ этомъ: это не голосъ снисходительнаго друга—это свободный и безпристрастный голосъ строгаго судьи. Я все видѣлъ своими глазами и все знаю. Но, другъ, не вини и ее, и повѣрь мнѣ, что твоя Немезида—сущій вздоръ, глупость. Судьба даетъ мнѣ русые волосы, а послѣ рубитъ мнѣ голову за то, что я ношу русые волосы. Твоя Немезида и твой судъ нравственнаго закона очень похожи на Нерона, который произвелъ свою сестру въ богини и, когда она умерла, то плакавшихъ о ней казнилъ за то, что они оскорбляютъ богиню, плача о ней, а не плакавшихъ казнилъ за то, что они равнодушны къ смерти сестры цезаря. Оно

и логически и вѣрно разсчитано: ни одна жертва не могла ускользнуть. Да, можетъ быть, бѣдная дѣвушка и дорого заплатитъ со временемъ за свое фантазерское направленіе, въ которомъ она, впрочемъ, нисколько не виновата, ибо въ немъ виновата ея натура и обстоятельства, не отъ нея зависѣвшія, но ее державшія въ зависимости. Тутъ, Боткинъ, есть щель, которой не заклеитъ даже и философія Гегеля, которую я, впрочемъ, очень уважаю. Страшно сказать, чтобы она тебя не любила; но кажется, что въ ея чувствѣ не было дѣйствительности, что его идеальность впадала въ какое-то ледяное равнодушіе, нисколько не понятное въ женщинѣ. Не потаю отъ тебя и того, что почти согласенъ съ тобою въ томъ, что вырвалось у тебя, можетъ быть, невольно, вслѣдствіе досады—что, можетъ быть, и меня, еслибы я держалъ себя умнѣе. Не самолюбіе заставляетъ меня говорить это, а какое-то тайное убѣжденіе, которое незамѣтно овладѣло мною съ нынѣшняго лѣта,—и ты только выговорилъ то, что безсознательно шевелилось во мнѣ. Скажу тебѣ и то, что сколько глубоко уважалъ и цѣнилъ я твое чувство, столько почему-то невольно сомнѣвался въ ея, такъ что оно и на твое иногда, особливо во время нашихъ ссоръ, бросало тѣнь сомнѣнія. Но эта дѣвушка и доселѣ такъ свята для меня, мое уваженіе къ ней и ея сестрамъ всегда было полно такой изступленной, фанатической вѣры, въ немъ было столько мистическаго и фантастическаго, что всѣ мои сомнѣнія оставались при одномъ непосредственномъ чувствѣ, за которое я бранилъ себя и которое душилъ въ себѣ. Увы! эта дѣвушка однако-жъ такъ достойна любви и обожанія — это воплощенная поэзія и грація, это эфиръ жизни, принявшій образъ женщины. Я понимаю тебя, Боткинъ: любя тебя, желалъ бы, чтобы ты совсѣмъ отрѣшился отъ этого чувства, но не могу винить тебя въ томъ, что ты не можешь сдѣлать этого... Жизнь въ своихъ основныхъ законахъ поступаетъ по нероновски. Самъ того не замѣчая, ты любишь въ этой дѣвушкѣ именно то, за что осуждаешь ее. Я тоже. Но я и ты—большая разница: мнѣ горько за себя, а тебѣ—за самого себя. Притомъ же, мой милый Василій, твоя натура слишкомъ внутренняя, субъективна и музыкальна: съ этой стороны ты родня ей, и это-то и увлекло тебя. Что до меня, я не могу любить женщины съ опредѣленными чертами лица, въ которыхъ нѣтъ ничего ускользающаго отъ взора, неопредѣленнаго и неуловимаго, еще менѣе могу любить

женщину положительную, земную, или чувственную; но мнѣ нужно, чтобы небо просвѣчивало сквозь землю,—и, смѣйся надо мною, брани меня, я самъ знаю, какъ я глупъ и смѣшонъ,—но извѣстный тебѣ греческій храмъ часто мучитъ мою душу пламенною тоскою... Къ чему все это говорю я тебѣ? Видишь ли, я хочу сказать тебѣ что-то дѣльное, да не умѣю; душа-то у меня хорошая, да пріемы медвѣжьи. Вотъ, что хочу я сказать тебѣ: твое состояніе теперь очень тяжело, и я боюсь за тебя; въ тебѣ сидитъ твой опаснѣйшій врагъ, который можетъ тебя погубить, если ты не возьмешь противъ него рѣшительныхъ мѣръ. Это излишняя музыкальность и фантазмъ твоей натуры, которая, несмотря на свою мужественную крѣпость, будучи потрясена какою-нибудь мыслію, расплывается и не можетъ владѣть собою, исключительно поддавшись господствующему впечатлѣнію. Холодненькой водицы нужно тебѣ, Василій Петровичъ. Ты слишкомъ много даешь важности жизни и не понимаешь, что, обращаясь съ нею, надо держать камень за пазухою. Послушай, Боткинъ, я чувствую, что мнѣ не высказать того, что̀ хотѣлъ бы я высказать, и потому мнѣ поневолѣ приходится брести окольною дорогою и намеками замѣнить сущность дѣла. Итакъ, слушай: я прошу и умоляю тебя, оставь на время все нѣмецкое и особенно то, что наиболѣе тебѣ нравится, читай Купера, Вальтеръ-Скотта и Шекспира. Яснѣе: принуди себя всею силою воли оторваться на время отъ идеальнаго міра и войти, сколько возможно, въ интересы міра положительнаго и практическаго. Ты ничего не утратишь, но много пріобрѣтешь: возвратившись снова въ свой идеальный міръ, ты увидишь, что внесъ въ него новый элементъ, отчего онъ и сталъ дѣйствительнѣе, а, слѣдовательно, и прекраснѣе. Я не умѣю тебѣ этого хорошо растолковать, но я хорошо это знаю по себѣ: нѣтъ въ мірѣ мѣста гнуснѣе Питера, нѣтъ поганѣе питерской дѣйствительности, но я отъ нея не потерялъ, а пріобрѣлъ—я глубже чувствую, больше понимаю, во мнѣ стало больше внутренняго и духовнаго. Если бы не журналъ, я бы съ ума сошелъ. Если бы гнусная дѣйствительность не высасывала изъ меня капля по каплѣ крови, — я бы помѣшался. Оторваться отъ общества и затвориться въ себѣ—плохое убѣжище. О, Бога ради, что-нибудь противъ этого. Поѣзжай въ Италію—мнѣ горько будетъ остаться одному круглымъ сиротою, но поѣзжай, Богъ съ тобою; наконецъ—пустись въ пьянство—только выходи изъ себя. Что же до безполезныхъ мыслей, по-

чему то или другое сдѣлалось такъ, а не иначе — берегись ихъ пуще яду. Что-нибудь одно изъ двухъ—или навсегда и совсѣмъ отрѣшись отъ прошедшаго, или переведи его въ живое внѣшнее дѣйствіе и сдѣлай его настоящимъ. Равнымъ образомъ, увѣрься, что она не виновата, а ты еще меньше. Нельзя быть больше человѣкомъ, какъ былъ ты во всей этой исторіи: это мое искреннее, честное слово. Еще отъ Каткова слышалъ я, что рефлексія одолѣла твое чувство; теперь ты пишешь мнѣ, что призракъ любви отлетѣлъ отъ тебя, нѣтъ въ сердцѣ даже сладостнаго воспоминанія. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что я какъ будто ожидалъ такой развязки—она меня ужаснула, но не удивила, она кажется мнѣ естественною и необходимою. Мнѣ сдается, что ты усталъ отъ ложныхъ, но сильныхъ тревогъ, оглохъ, замеръ отъ нихъ; но когда отдохнешь и опомнишься,—прошедшее воскреснетъ во всемъ очарованіи своемъ и, какъ мечта, будетъ золотить твою жизнь. А въ жизни только и есть хорошаго, что мечта: если ты этого еще не знаешь, такъ скоро узнаешь. Богъ знаетъ,—конечно, пока для тебя это плохое утѣшеніе,—можетъ быть, скоро увидишь ты необходимость этого разрыва и свое спасеніе въ немъ и возблагодаришь за него судьбу. Можетъ быть, въ этомъ союзѣ для тебя было совсѣмъ не то, что ты думалъ и видѣлъ, и что было существеннаго и дѣйствительнаго для тебя въ этой исторіи, такъ это твои слова въ письмѣ ко мнѣ: «благословляю прошедшее, оно было воспитаніемъ моимъ — вратами, черезъ которыя вступилъ я въ разумную, а не въ фантастическую дѣйствительность». Другъ Василій, у меня была исторія—она давно уже прошла, но и теперь еще иногда замираетъ душа отъ воспоминанія о ней,— и для меня былъ тотъ же результатъ исторіи, т. е. воспитаніе и врата. Не знаю, послужитъ ли тебѣ это утѣшеніемъ (чувствую, что я плохой утѣшитель и совѣтодатель),—но, Боткинъ, Бога ради, смотри на вещи проще и не давай имъ столь важнаго значенія, чтобы уничтожаться передъ ними. Исторія Станкевича была поважнѣе твоей, ибо была просто ужасна до того, что одна мысль о ней леденила кровь въ жилахъ у насъ; но, посмотри, какъ разумный и вселюбящій духъ жизни мило распорядился: не только Станкевича и ея страданій, но даже и самихъ ихъ нѣтъ и слѣдовъ... Все вздоръ, и мы ни въ чемъ не виноваты. Натуры, подобныя твоей, еще могутъ себя мучить сознаніемъ своей вины, но если ты хоть на минуту сочтешь себя виноватымъ въ этой

исторіи,—ты будешь просто сумасшедшій и дрянь, хуже Ключникова. Глубоко вѣрно твое чувство, которое говорило тебѣ, что и въ этомъ соединеніи ждало тебя одно несчастіе. Эта дѣвушка не для земли: она прекрасна, какъ мечта, и создана для мечты; въ ея жилахъ льется эфиръ, а не кровь, въ ней много свѣту, но нѣтъ цвѣта, по крайней мѣрѣ, опредѣленнаго, нѣтъ огня, который бы одолѣвалъ водяное начало, и нѣтъ воды, которая умѣряла бы огонь. Отчего она такова? Скажи мнѣ, отчего Гофманъ былъ фантастъ, а Пушкинъ былъ дѣйствителенъ, ты Пушкина ставишь выше, но въ своемъ міросозерцаніи даешь мѣсто и Гофману, любишь его, дивишься ему. Дай же мѣсто и ей въ мірѣ Божіемъ: можетъ быть, ея назначеніе быть вратами и воспитаніемъ. Но что будетъ съ нею? А Богъ знаетъ, что; скорѣе же всего—совсѣмъ не то, чего ты ожидаешь; а если и то—тебѣ вѣдь не помочь ей. Я въ такихъ случаяхъ всегда ожидаю самаго худшаго, какъ необходимаго, и это облегчаетъ меня. Тебѣ стыдно и больно было признаться мнѣ, что чувство твое убито, умерло: о, Боткинъ, ты все еще живешь въ мірѣ героизма, и тебѣ трудно увѣриться, что всѣ люди—не больше, какъ люди. Для меня такъ человѣческая природа есть оправданіе всего. Событіе—вздоръ, чортъ съ нимъ, плевать на него; важна личность человѣка, надо дорожить ею выше всего. Вспомни стихотвореніе Пушкина:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала и пр.

Послѣ этого, какъ же кому-нибудь и въ чемъ-нибудь обвинять себя: вѣдь всѣ люди—люди, а ихъ ли вина, что они—люди? Неужели намъ и теперь быть дѣтьми, которыя такъ жарко вѣрили вѣчности человѣческихъ чувствъ и, утирая кулакомъ кровавыя слезы, повторяли, что жизнь—блаженство, и что намъ чудо какъ хорошо жить! Вчера любилъ, нынче нѣтъ—моя ли вина? Худо и стыдно становиться на ходули, а за все остальное пусть отвѣчаетъ человѣческая натура. Боюсь, чтобы мое маранье не разсердило тебя: въ такомъ случаѣ, жаль—я писалъ нескладно, но отъ сердца.

Катковъ уѣхалъ 19 октября, въ субботу. Я, Панаевъ, Языковъ и Кольцовъ провожали его въ Кронштадтѣ. Глубокая натура, могучій духъ, блестящая, богатая надежда въ будущемъ, но теперь Катковъ такой ребенокъ, что съ нимъ тяжелы близкія отношенія. Кольцовъ говоритъ, что онъ вдругъ и весь навали-

вается, и отъ того тяжело. Зато, и взъѣстся на человѣка—другая крайность: забываетъ деликатность и вѣжливость. Дитя еще, дитя! Твое письмо къ нему подошло кстати и утѣшило его. «Ромео и Юлія» скоро процензируются, и Кольцовъ привезетъ въ Москву. Кольцовъ живетъ у меня—мои отношенія къ нему легки, я ожилъ немножко отъ его присутствія. Экая богатая и благородная натура! Когда-нибудь опишу, а всего лучше, Кольцовъ разскажетъ тебѣ подробности отъѣзда Каткова—бѣдный, жаль его. «Что угодно» еще не читалъ, но скоро прочту. Меня, впрочемъ, обрадовалъ твой вопросъ: я увидѣлъ изъ него, что тебя занимаютъ еще и предметы внѣ твоего внутренняго міра. Это въ жизни хорошо. Искусство есть еще нѣчто, особенно въ иныя минуты—оно изъ вѣрныхъ и богатыхъ благъ. За нимъ слѣдуютъ бѣдныя, но вѣрныя блага. Кстати: я позналъ высокое значеніе устрицъ и чувствую въ себѣ благородную готовность обожраться ихъ до смерти—высокое наслажденіе, непосредственно слѣдующее за искусствомъ. Да, не шутя: прежде всего искусство для меня, а послѣ него—поѣсть хорошенько—благо бѣдное, но лучше и вѣрнѣе всѣхъ надеждъ на жизнь и женщину, ибо послѣднія издали не тѣ, что вблизи. Надо помириться съ этою мыслію—да здравствуютъ устрицы!

(Мнѣ кажется, что Катковъ ужъ слишкомъ нападаетъ на Кетчера, а между тѣмъ его доказательства довольно сильны—напиши, какъ ты думаешь объ этомъ).

Напиши, какъ тебѣ показалась статья Каткова о Саррѣ Толстой, и что о ней говорятъ въ Москвѣ. По мнѣ—чудесная статья, но есть, особенно въ началѣ, какая-то тяжеловатость. Прочти «Тарантасъ» Соллогуба—премиленькая вещица. За Дзункинадзына Корсаковъ и Бурачокъ подали и напечатали на «Отечественныя Записки» доносъ, но, кажется, дѣло обошлось ничѣмъ. Напиши мнѣ имя и отчество Кульчицкаго, да попроси его побольше писать ко мнѣ. Скоро тебѣ придется ѣхать въ Харьковъ—эхъ, возьми меня—тсъ!—молчаніе! молчаніе!.. «Ночной сторожъ» Огарева—прелесть! Въ душѣ этого человѣка есть поэзія.

Прощай, мой милый Василій! жаль мнѣ тебя, больно жаль. По собственному опыту знаю, какъ мучительно разставаться съ прекрасною мечтою, какая ужасная пустота остается въ душѣ. Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ хочется поговорить съ тобою. Я увѣренъ, что много новаго сказали бы мы другъ другу. Прощай.

Твой В. Б.

Кланяйся Красову и скажи ему, что я сердитъ на него—не отвѣчаетъ мнѣ и стиховъ не шлетъ, да—сохрани его Аллахъ дать хоть полстиха въ гнуснаго «Москвитянина».

Къ В. П. Боткину. 31 октября, 1840.

Спб. 1840, октября 31.

Вотъ я и опять пишу къ тебѣ, дражайшій мой Боткинъ! Къ этому меня особенно побуждаетъ письмо твое къ Краевскому, которое привело его въ ужасный восторгъ, а потому и вдвойнѣ порадовало меня. Какъ, Боткинъ, ты начинаешь смотрѣть на журналъ съ субъективнымъ вниманіемъ, хочешь самъ работать и другихъ побуждаешь! Вотъ что называется «свирѣпствовать», говоря любимымъ словцомъ Панаева: узнавъ о семъ, дѣйствительно весьма достопримѣчательномъ происшествіи, я чуть было и скоропостижно не . . . . ., говоря другимъ любимымъ словцомъ того же знаменитаго автора. Не повѣришь, Боткинъ,—я съ ума схожу отъ радости—ты вдвое началъ существовать для меня теперь. Не думай, чтобы это выходило изъ моей журналоманіи—увѣряю тебя, что она давно уже прошла, уступивъ мѣсто разумному сознанію и глубокому убѣжденію, что для нашего общества журналъ—все, и что нигдѣ въ мірѣ не имѣетъ онъ такого важнаго и великаго значенія, какъ у насъ. Не больше пяти сочиненій разошлось у насъ, во сто лѣтъ, въ числѣ 5000 экземпляровъ,—и между тѣмъ есть журналъ съ 5000 подписчиковъ! Это что-нибудь значитъ! Журналъ поглотилъ теперь у насъ всю литературу—публика не хочетъ книгъ—хочетъ журналовъ,—и въ журналахъ печатаются цѣликомъ драмы и романы, а книжки журналовъ—каждая въ пудъ вѣсомъ. Теперь у насъ великую пользу можетъ приносить, для настоящаго и еще больше для будущаго, кафедра, но журналъ бо́льшую, ибо для нашего общества, прежде науки, нужна человѣчность, гуманическое образованіе. Расцѣлуй милаго Красова за его благое намѣреніе сдѣлать статью изъ «Исторіи крестьянскихъ походовъ противъ Альбигойцевъ». Да ужъ кстати, и за прекрасное, безконечно-поэтическое его «Прощаніе съ молодостію», которое привезъ намъ Кольцовъ—объяденіе. А что онъ куплетъ «Не видѣли-ль вы бѣса» хочетъ уничтожить въ началѣ пьесы—я въ этомъ не согласенъ съ нимъ, и думаю, что пьеса должна и начинаться этимъ

куплетомъ, какъ и кончаться имъ. Да скажи ему, что вѣчное ему проклятіе, если въ гнусномъ «Москвитянинѣ», издаваемомъ Погодинымъ, будетъ напечатано хоть полстиха его. Да что онъ мнѣ ни полстроки?

Такъ 10 книжка «Отечественныхъ Записокъ» произвела на тебя хорошее впечатлѣніе?—я радъ этому до сумасшествія. Въ самомъ дѣлѣ, славный №! Двѣ ученыхъ статьи, статья Каткова, мирныя бесѣды о любезной моему сердцу китайской литературѣ, разнообразная смѣсь, пьеса Соллогуба—прелесть, стихотворенія—прелесть—право, если я еще хочу жить, такъ это для «Отечественныхъ Записокъ». Работайте, друзья! На кого-жъ намъ и надѣяться, если не на васъ, и кому-жъ и намъ и вамъ жаловаться на гнусную дѣйствительность, если люди, подобные вамъ, будутъ сидѣть, сложа руки, или лежать на кровати и думать объ испанскихъ дѣлахъ! Богъ судья Грановскому — обѣщалъ, а ни строки «Отечественнымъ Запискамъ», и ни полслова мнѣ,—а я, право, такъ люблю его, такъ часто думаю о немъ, особенно въ послѣднее время, когда я въ нѣкоторыхъ пунктахъ нашихъ московскихъ съ нимъ споровъ такъ измѣнился, что, при свиданіи, ему нужно будетъ не подстрекать, а останавливать меня.

Жаль мнѣ, что Кронебергъ бросилъ «Ричарда II» и принялся за «Гамлета». О «Гамлетѣ» публика уже имѣетъ понятіе по переводу Вронченки и даже самого Полевого—но «Ричардъ» никому неизвѣстенъ. Сверхъ того, въ «Отечественныхъ Запискахъ» нельзя будетъ напечатать ни всего «Гамлета», ни отрывка изъ него—публика завопитъ—старое! «Двѣнадцатую Ночь» еще не прочелъ. Объ условіи къ Кронебергу: 25 экземпляровъ ничего не стоитъ оттиснуть особо, а насчетъ шрифта—эта статья относится къ экономическимъ разсчетамъ редакціи и типографіи: въ 10 № библіографическая хроника напечатана крупнымъ шрифтомъ—безобразіе, а дѣлать было нечего—не хватило въ типографіи корпусу. Да сверхъ того и безобразно видѣть въ журналѣ стихи крупнымъ шрифтомъ, не говоря уже о томъ, что Краевскій и такъ стонетъ о непомѣрной толщинѣ «Отечественныхъ Записокъ», замедляющей ихъ выходъ и превосходящей ихъ матеріальныя средства. Теперь вотъ важный вопросъ: почему ты не увѣдомилъ меня, этимъ ли только ограничиваются условія Кронеберга? А деньги? Какъ же ты пишешь такъ необстоятельно? Видишь ли въ чемъ дѣло: я люблю Кронеберга и желаю ему добра, но я люблю «Отечественныя Записки» и желаю имъ добра, особенно зная ихъ невеселое поло-

женіе насчетъ финансовъ. Если Кронебергъ хочетъ денегъ,— тогда и толковать нечего—онѣ ему будутъ; а если онъ ихъ не требуетъ, то не при обстоятельствахъ «Отечественныхъ Записокъ» предлагать ихъ. О семъ помысли и увѣдомь поскорѣе. Да, не стыдно ли вамъ — какую вы шутку сыграли съ Краевскимъ: повѣсть Кудрявцева у тебя, и Галаховъ пишетъ—она-де потому не послана, что въ этотъ № не попала бы; а между тѣмъ, если бы она пришла вмѣстѣ съ письмомъ Галахова, то именно какъ разъ въ разъ попала бы въ 11 №. Панаевъ пишетъ для него—напишетъ листикъ и шлетъ въ типографію, и при всемъ томъ его повѣсть будетъ напечатана послѣ переводной, что довольно гадко. Экіе вы шуты! Вѣдь вы—москвичи, такъ куда же вамъ соваться въ соображенія о порядкѣ и устройствѣ правильной редакціи? Вѣдь «Отечественныя Записки» издаются совсѣмъ не такъ, какъ «Наблюдатель», у Краевскаго все разочтено по часамъ и минутамъ—самая правильная машина, оттого и журналъ, несмотря на огромность книжекъ и лѣность (охъ, грѣшенъ!) сотрудниковъ, выходитъ во время.

Краевскій не знаетъ, что̀ и дѣлать съ оригинальными повѣстями—негдѣ брать, да и только! Ужъ я хочу приняться учиться писать повѣсти—право. Только что все недосугъ.

Чортъ знаетъ, какъ интересно прочесть повѣсть Кудрявцева,— которому, пожалуйста, не кланяйся отъ меня, ибо онъ совсѣмъ забылъ, что я живу на бѣломъ свѣтѣ. Однако, все-таки прочту оную въ печати—такое мое отвращеніе отъ рукописнаго. Если гдѣ встрѣтишься съ Галаховымъ, передай ему отъ меня низкій и пренизкій поклонъ, или черезъ Кудрявцева, хотя мнѣ и не хотѣлось бы имѣть какое-нибудь дѣло съ симъ послѣднимъ, за его злодѣйственную со мною поведенцію. Кетчеръ съ Кольцовымъ пишетъ ко мнѣ, что онъ меня любитъ—спасибо, скажи ему, что и я его очень люблю; и что онъ за многое хочетъ со мною ругаться: скажи ему: безъ вины-де виноватъ, но что если «браниться» есть глаголъ взаимный, то я не согласенъ, ибо убѣжденъ, что въ предметѣ брани, равно какъ и во многихъ пунктахъ, никогда мы съ Кетчеромъ не сойдемся, и потому, не хочетъ ли онъ изложить все это на бумагѣ и прислать ко мнѣ, ибо я люблю иногда прочесть что-нибудь забавное. Да, ради Аллаха, увѣдомь меня, правда ли, что Кетчеръ обвиняетъ «Отечественныя Записки» въ помѣщеніи «Патфаіндера», не видя въ немъ ничего путнаго,—вѣдь если это правда, то это богатѣйшій фактъ

для феноменологіи духа: въ такомъ случаѣ, тоже прошу Кетчера изложить свое мнѣніе на бумагѣ, а я берусь передать его въ редакцію «Маяка» для помѣщенія его въ оном изданіи. Что его работа надъ Шекспиромъ? Ахъ, какая была бы выгода для «Отечественныхъ Записокъ», если бы такой человѣкъ, какъ Кетчеръ, жилъ въ Питерѣ. Бога ради, Боткинъ, если тебѣ попадется нѣмецкая повѣсть, которая, при внутреннемъ достоинствѣ, была бы интересна и для нашей публики,—дай ее перевести Кетчеру. Разумѣется, за это ему будетъ заплачено. Кстати о Шекспирѣ: сказывалъ мнѣ Кони, которому, впрочемъ, накладно вѣрить, что есть въ Питерѣ молодой человѣкъ Бородинъ, который изъ любви къ Шекспиру выучился по-англійски, а выучившись, сталъ вновь учиться по Шекспиру и потомъ перевелъ стихами—всего Шекспира!!! Разумѣется, онъ теперь самъ не знаетъ, что ему дѣлать съ своимъ переводомъ. Отъ Шекспира перехожу къ Межевичу: скажи Кетчеру, что способности сего кроткаго юноши быстро развились: Гречъ говоритъ, что никто такъ хорошо не понималъ его и не дѣйствовалъ въ его духѣ, какъ Межевичъ; а Булгаринъ говоритъ: не умру, но живъ буду въ Межевичѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ подозрѣвается въ такихъ поступкахъ, которымъ позавидовали бы и Гречъ съ Булгаринымъ.

Напиши мнѣ, какъ зовутъ Кульчицкаго—хочу опять писать къ нему, чтобы вызвать его на большое письмо.

Смѣшно мнѣ, что я написалъ къ тебѣ такое литературное письмо. Впрочемъ, мнѣ хочется и о другомъ поговорить съ тобою, да жду отвѣта на мое письмо, которое ты получилъ въ прошлый понедѣльникъ—жду съ нетерпѣніемъ и страхомъ.

Кланяйся Мочалову и крѣпко, крѣпко пожми ему руку; тоже и Рабусу.

Седьмого ноября я буду уже на новой квартирѣ: на Васильевскомъ Островѣ, во второй линіи, противъ Академіи Художествъ, въ домѣ Бёма, кв. № 7. Тутъ же живетъ и Кирюша.

Его копія съ Мадонны Бронзини измучила меня наслажденіемъ. Чуть было не забылъ: разсказъ Кольцова о пріемѣ, сдѣланномъ московскою публикою Мочалову, измучилъ меня завистью къ вамъ, свидѣтелямъ его,—и въ Москвѣ не нашлось человѣка, который бы написалъ объ этомъ въ журналѣ!..

Къ В. П. Боткину. 10—11 декабря, 1840.

Спб. 1840, декабря 10.

Вчера получилъ я два письма отъ Красова, съ твоими, о Боткинъ, приписками, въ которыхъ ты говоришь, что, ради нашего скораго свиданія, не можешь ты ни о чемъ писать, готовясь обо всемъ переговорить лично. Скажи, ради Аллаха, развѣ ты къ Рождеству хочешь пріѣхать въ Питеръ? У меня всѣ жилки задрожали отъ этой мысли. А если ты разумѣешь Пасху,—то, Боткинъ, ради всѣхъ святыхъ, не напоминай мнѣ объ этомъ скоромъ свиданіи, до котораго мы успѣемъ съ тобою сто разъ умереть. Вѣдь это передъ окончаніемъ зимы въ Питерѣ—да это цѣлая вѣчность! А зима въ Питерѣ (à propos) начинается съ сентября, а оканчивается въ концѣ мая.

Два письма твои давно уже лежатъ безъ отвѣту. Шутка ли—одно отъ 31 октября, другое—отъ 9 ноября! Но я, коли лѣнюсь, такъ ужъ лѣнюсь, а какъ примусь за дѣло, такъ съ жаромъ бурша и аккуратностію филистера. И вотъ теперь отвѣчаю тебѣ на каждый пунктъ твоихъ писемъ.

Во первыхъ, поздравляю тебя съ воскресеніемъ твоимъ и возвращеніемъ къ жизни и человѣческому достоинству. Послѣднія письма твои все уяснили мнѣ и въ тебѣ, и во мнѣ самомъ, были для меня великимъ актомъ сознанія, рѣшили бездну мучительныхъ вопросовъ о жизни. Ты сталъ бодръ, свѣжъ, въ тебѣ пробудилась потребность дѣятельности (безъ которой я не понимаю, почему мужчина — мужчина, а не мокрая курица въ юбкѣ), ты сталъ человѣкомъ и мужчиною. Да, такъ, Боткинъ, выходятъ только изъ царства фантазіи и призраковъ, а не живой, хотя бы и печальной дѣйствительности. Это значитъ не терять, а выигрывать. Вотъ твои собственныя слова: «Я чувствую себя словно вышедшимъ изъ мрачной, душной атмосферы, такъ легко, такъ мнѣ хорошо — умственныя способности спокойны и ясны—чувствую въ себѣ охоту къ дѣятельности; эта несчастная любовь дѣлала меня получеловѣкомъ». Да, ты правъ, 1000 разъ правъ, — твоя любовь была несчастная и дѣлала тебя получеловѣкомъ. Но теперь ты сталъ больше, чѣмъ человѣкъ — въ тебѣ теперь не одинъ человѣкъ, а нѣсколько, и каждаго изъ нихъ я горячо обнимаю и

крѣпко прижимаю къ сердцу — такіе они всѣ прекрасные люди. Отъ писемъ твоихъ вѣетъ свѣжестью, здоровьемъ, чѣмъ-то успокоительнымъ и отраднымъ, а между тѣмъ, повидимому, они больше прозаичны, просты и положительны, чѣмъ прежнія твои письма.

Теперь объ ней. Боткинъ, я высказываю тебѣ мое убѣжденіе—не упрекай меня, если оно окажется ложнымъ. Я глубоко убѣжденъ, что ея чувство къ тебѣ — фантазія, фантазія и 1000 разъ фантазія. Но пойми значеніе этого слова и не шути фантазіями, не презирай ихъ: я по себѣ знаю, какъ тяжело, какъ мучительно можно страдать о нихъ, и вѣрю, что отъ нихъ такъ же возможно (если еще не возможнѣе) умирать, какъ и отъ дѣйствительныхъ чувствъ. Это — дѣвушка, глубокая по натурѣ, святое, чистое, полное граціи созданіе—но ея натура искажена до послѣдней возможности, безъ всякой надежды на исправленіе—она падшій ангелъ, красота котораго губительна, очаровательный взглядъ смертоносенъ. Она давно отвыкла отъ жизни сердцемъ, и сердце у нея—покорный слуга воображенія. Воображеніе живетъ въ головѣ, слѣдовательно, голова у нея повелѣваетъ сердцемъ, — а это хуже, чѣмъ когда у мужчины сердце повелѣваетъ головою. Поэтому, у ней нѣтъ истинныхъ чувствъ и истинныхъ потребностей; ей нуженъ не мужчина, а идеалъ мужчины, и она можетъ глубоко полюбить мужчину, котораго никогда не видала, котораго знаетъ по слухамъ, и несмотря на то, въ ея фантастическомъ чувствѣ будетъ столько сердечной мистики, столько лиризма, что передъ нимъ преклонитъ колѣна всякій, у кого только есть человѣческая душа. Она никогда не увидитъ и не оцѣнитъ въ мужчинѣ человѣка — глубокое гуманическое начало, доступность всему высокому и прекрасному, здоровая натура, благородный характеръ—обо всемъ этомъ ей не снилось и во снѣ: ей нужно блеску, ей нуженъ герой, хоть Донъ-Кихотъ, только герой,—и идеалъ ея героя—братъ ея, Михаилъ Александровичъ. Можетъ быть, я жестко выражаюсь, но это такъ. Я убѣжденъ, что она не разъ спрашивала себя—что въ тебѣ, и за что любить тебя, что эта мысль преслѣдовала ее, производила борьбу между ея головою и сердцемъ; она оцѣнила тебя не сама, а основываясь на разныхъ авторитетахъ, на дружбѣ къ тебѣ даже великаго Мишеля. Теперь, какъ ты отказываешься отъ нея, ея чувство свѣжѣе и сильнѣе; скажи ты ей, что чувство твое снова и съ новою

силою вспыхнуло—она почувствуетъ невольное къ тебѣ охлажденіе; женись на ней—она почувствуетъ къ тебѣ отвращеніе. Она страданіе предпочитаетъ счастію, видя въ первомъ поэзію, во второмъ прозу,—а это значитъ чувствовать и понимать задомъ напередъ или вверхъ ногами и ходить на ходуляхъ. Пойми ее отецъ и мать съ малолѣтства, умѣй дать ей настоящее направленіе—это была бы, можетъ быть, жемчужина своего пола; но въ ея натурѣ есть наклонность къ мечтательности; отецъ и мать указывали ей на гнусную дѣйствительность, которой не могла не отвращаться благородная душа ея, и она бросилась въ пустой, болѣзненный идеализмъ, а Мишель все прекрасно повершилъ и покончилъ. Если ея положеніе тебя не трогало бы,—я не зналъ бы, что̀ и подумать о тебѣ; но, Боткинъ, страдай и плачь, если будутъ слезы, но не вини себя, ибо ты ни въ чемъ не виноватъ, и не приходи въ отчаяніе ни отъ чего, что̀ бы ни случилось. Нами управляетъ жизнь, мы невольныя ея орудія—пусть же она сама и расквитывается съ самой собою. Слова Александры Александровны, которыя ты выписываешь изъ ея письма, суть полнѣйшее выраженіе ея состоянія въ отношеніи къ тебѣ и подтвержденіе всего сказаннаго мною: они прекрасны, но для книги, а не для жизни, въ нихъ видно страданіе сердца, но переданное сердцу головою. Берегись возвращаться къ старому, и спѣши разорвать всѣ нити, связывающія тебя съ нимъ.

Твоя исторія довершила давно уже начавшійся во мнѣ переворотъ. Я, наконецъ, сбросилъ съ себя всѣ идиллическія и буколическія пошлости, я уже не жалуюсь всѣмъ и каждому, что меня ни одна женщина не любила и не будетъ любить (ибо-де меня женщина не можетъ любить); и хотя юбка и доселѣ приводитъ меня въ смятеніе, какъ семинариста преподобное reverendissime, но я уже потерялъ всякую охоту толковать (и даже мечтать) о любви и женщинѣ. Значитъ, вопросъ вытанцовался. Я понимаю теперь любовь очень просто. Ея основа—разность половъ, а причина выбора—гармонія натуръ и капризъ субъективности. Черезъ это я нисколько не исключаю ни мистики сердечной, ни лиризма чувства, ни сладкаго и таинственнаго волненія надеждъ, сомнѣній, предчувствій и т. п. Женщина—не самка, а мужчина не самецъ только: при этомъ, каждый изъ нихъ человѣкъ, существо духовное, а оттого и совокупленіе ихъ—тайна, но тайна свѣтлая, какъ лучъ солнечный, здоровая и нерасплывающаяся въ пустотѣ мистическихъ призраковъ и

аксаковскаго идеализма. Я не вѣрю предопредѣленію въ любви, не вѣрю, что для мужчины только одна женщина въ мірѣ, и наоборотъ, и что если слѣпой случай не свелъ ихъ—не любить имъ никого. Нѣтъ, для каждаго мужчины по 1000 женщинъ на земномъ шарѣ, и наоборотъ. Иногда любовь можетъ начинаться вдругъ, иногда она возбуждается случаемъ. И потому, я понимаю, какъ иногда, женившись, не любя, влюбляются другъ въ друга, узнавши одинъ другого, и какъ, женившись по любви, бываютъ несчастны. Тутъ великое дѣло — сближеніе и образъ сближенія. Некогда много толковать объ этомъ, да въ письмѣ и не выскажешь вполовину того, что̀ хочешь, но только я понимаю это дѣло очень просто и вмѣстѣ съ тѣмъ очень человѣчески. Я уже не поклоняюсь женщинѣ, какъ рабъ деспоту, какъ дикарь божеству своему. Если я возьму отъ нея любовь ея, то не какъ милость божества недостойной его твари, а какъ слѣдующее мнѣ по праву, и за что̀ я могу заплатить еще съ лихвою, дать гораздо больше. Мужчина, когда женится, теряетъ много—свою свободу, энергію своей борьбы съ дѣйствительностію, которой тогда принужденъ бываетъ уступать иногда, приростаетъ, какъ улитка, къ одному мѣсту, обязывается работать до кроваваго поту и дѣлать то, къ чему не лежитъ душа его. Женщина, выходя замужъ, ничего не теряетъ, но все выигрываетъ: изъ семейства, гдѣ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе чужою, не дочерью и сестрою, а нахлѣбницею, тягостнымъ бременемъ, переходитъ она въ свой домъ, госпожою, свободно и законно предается влеченію сердца и требованіямъ натуры, выполненіе которыхъ возможно для нея только въ супружествѣ и безъ выполненія которыхъ ея жизнь—апатическій сонъ, медленная смерть. Если женщина желаетъ страстно любви, но не желаетъ замужества, — ея любовь не стоитъ желѣзнаго гроша; какъ существо, стыдливое по натурѣ, она можетъ страшиться того, чего страстно желаетъ, душа ея трепещетъ и замираетъ при мысли о торжественномъ и великомъ актѣ жизни, но тѣмъ не менѣе, если она живое существо, а не деревяшка, она страстно желаетъ предмета своего мистическаго ужаса. Мужчина можетъ обойтись и безъ брака, ибо бракъ и женщина для него не одно и то же. Далѣе: женщина слабѣйшій организмъ, низшее существо, чѣмъ мужчина. Лучшая изъ женщинъ хуже лучшаго изъ мужчинъ. Въ женщинѣ какъ-то нѣтъ середины— или глубока или совсѣмъ мелка и ничтожна. Въ самыхъ луч-

шихъ изъ нихъ много чего-то ничтожнаго. Ты не знаешь Варвары Бакунинои: это чудное созданіе, брилліантъ своего пола. Ее любилъ одинъ военный, хорошъ собою, съ независимымъ состояніемъ, съ характеромъ и душою; молча любилъ онъ ее, молча и отошелъ отъ нея, получивъ отказъ (уѣхалъ на Кавказъ); а она вышла за Дьякова—вотъ женщина! Если часто попадаются въ свѣтѣ глубокія женственныя натуры въ обладаніи у скотовъ,—этому виною не одно невѣжество нашего общества и тиранизмъ отцовской власти. Для меня идеалъ женщины — Любовь Бакунина, покойница — лучшей я не встрѣчалъ. Красота, грація, женственность, гуманизмъ, доступность изящному и всему человѣческому въ жизни и въ искуствѣ, стыдливость, готовность скорѣе умереть, чѣмъ перенести безчестіе, способность къ простой, дѣтской, но безконечной преданности къ избранному—вотъ стихіи, изъ которыхъ она была составлена, и лучше этого ничего нельзя вообразить. Дай Богъ всякому найти такую подругу въ жизни. Мишель ставилъ ей въ вину, что она увлекалась графомъ Соллогубомъ, а я такъ и въ этомъ вижу ея прекрасную женскую натуру: откинь Соллогубъ свои свѣтско-ярыжныя замашки, онъ былъ бы не глубокій человѣкъ, но человѣкъ comme il faut, мужчина, который стоитъ любви женщины, который оцѣнилъ бы ея любовь и сдѣлался бы чрезъ нее лучше; но его замашки и не дали въ ней развиться возникающему чувству. Для меня это фактъ, что женщина дѣйствительная ищетъ не героя, а мужчины. Я бы желалъ найти женщину и не столь чудесную, какъ Любовь Бакунина (ибо можно быть далеко ниже ея и все-таки быть прекраснымъ явленіемъ женственнаго міра), и желалъ бы, во первыхъ, увидѣть въ ней, послѣ красоты и граціи, двѣ стороны: здравый разсудокъ и инстинктъ приличія въ жизни домашней, въ отношеніяхъ житейскихъ, и религіозное чувство во внутренней ея жизни и ея торжественныхъ минутахъ; потомъ, я желалъ бы замѣтить, что есть надежда; тогда рѣшено—я люблю. Но второе условіе теперь для меня важно не менѣе перваго, ибо, хоть богиня будь, а даромъ не истрачу не только фунта ѳиміаму, но и на копейку ладану: мнѣ стыдно и наединѣ съ собою вспомнить о моемъ позорномъ униженіи во времена оны, въ которомъ я, впрочемъ, за неимѣніемъ лучшаго, утѣшаюсь этими стихами Пушкина:

Къ чему, несчастный, я стремился!
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ!

Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился!

Да, я, наконецъ, сознался, что быть мужчиною чего-нибудь да стоитъ. Каковъ бы я ни былъ, но я борюсь съ дѣйствительностію, вношу въ нее мой идеалъ жизни, самая свѣжая, самая горячая кровь моя пожертвована мною (послѣ Венеры, Меркурія и Комуса) общему, для себя я ничего не дѣлалъ и не сдѣлалъ. Нѣтъ, чортъ возьми, моя гордость въ этомъ случаѣ идетъ такъ далеко, что я убѣжденъ, что рѣдкой женщинѣ не сдѣлаетъ чести — полюбить меня и быть любимой мною. Знай нашихъ, чортъ возьми! Я потребовалъ бы отъ женщины вотъ чего: чтобы при красотѣ (разумѣется, относительной), граціи и женственности, она могла понимать въ искусствѣ столько, сколько дано женщинѣ понимать своимъ непосредственнымъ чувствомъ, а главное—чтобы она все понимала по женски, и чтобы она полюбила меня не за героизмъ, не за блескъ, котораго не лишена моя дикая и нелѣпая натура, но за человѣчность, доброту сердца, инстинктъ къ истинѣ и справедливости, и чтобы за нихъ простила слабость воли, недостатокъ характера и другіе грѣхи. Можетъ быть, Кольцовъ разсказывалъ тебѣ о маленькой исторіи со мною: простая дѣвушка, не красавица, а только-что недурная, не граціозная, но не безъ граціи—будь въ ней побольше идеальныхъ элементовъ, побольше стремленія къ очарованіямъ внутренней жизни, побольше пониманія поэзіи, — и я жилъ бы теперь весело и видѣлъ бы хорошіе сны... Но я сознаю себя слишкомъ выше ея стоящимъ, — и потому себѣ на умѣ и думаю: пусть страдаетъ. (Впрочемъ, послѣдняя фраза сказана изъ удальства только: замѣченная мною ея склонность ко мнѣ, льстя моему самолюбію, тревожитъ иногда мое человѣческое чувство,—и мнѣ было бы грустно увѣриться, что у ней въ самомъ дѣлѣ есть что-нибудь ко мнѣ, а не показалось только, какъ очень можетъ быть). Признаюсь въ грѣхѣ: когда бываю вмѣстѣ съ нею, и теперь забываюсь, не видавши долго, съ особеннымъ удовольствіемъ вижусь; но когда не вижу ея, то забываю о ея существованіи—недостаетъ въ ней чего-то, а то чего добраго—пожалуй и спятилъ бы съ ума. Но—ей Богу, не лгу—меня теперь больше мучитъ одиночество, чѣмъ мечта о любви и женщинѣ. Борьба съ дѣйствительностію снова охватываетъ меня и поглощаетъ все существо мое.

Чтобы дополнить тебѣ мой теперешній взглядъ на любовь и

женщину, скажу тебѣ, что абсолютное осуществленіе того и другого вижу въ «Патфайндерѣ». Мабель — вотъ истинная женщина, чуждая всякой мелочности, нормальная и простая въ глубокости своей. Колоссальное величіе Патфайндера и его глубокая любовь къ ней не заслонили отъ нея добраго, простого и возвышеннаго Джаспера; понявъ перваго, оцѣнивъ его чувство и отдавъ ему полную дань женскаго состраданія, она отдалась Джасперу безъ всякаго сценизма и эффектовъ. Въ ней нѣтъ мечтательности, магнетизма и мистицизма,—она почти ничего не говоритъ во всемъ романѣ,—но, Боже мой, что же это за созданіе! Оно такъ божественно, что не смѣю вѣрить, чтобы могло существовать и въ дѣйствительности, а не быть только мечтою художника. Что передъ нею всѣ нѣмки и всѣ обожательницы Жанъ-Поля, Гофмана и Шиллера!

Декабря 11.

Вотъ тебѣ, Боткинъ, цѣлая диссертація о любви и женщинѣ. Желаю, чтобы ты прочелъ ее съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ я писалъ ее. Повѣришь ли: вчера былъ прекрасный вечеръ для меня—я забылъ все и видѣлъ только тебя, читающаго эти строки и помавающаго лысою главою, во знаменіе того, какъ твой неистовый другъ перепрыгиваетъ изъ одной крайности въ другую. Но диссертація еще не кончилась, она должна быть длинна, потому что она послѣдняя объ этомъ предметѣ,— и крайность еще только начинается. Смѣйся надо мною, лукаво улыбайся и качай во всю ивановскую лысымъ вмѣстилищемъ своего разума, но, вотъ те Христосъ, а я чуть ли ужъ не презираю женщину. Скудельный сосудъ, исполненный лукавства— орудія слабаго, мелкаго тщеславія, кокетства. Онѣ не оцѣняютъ любви и презираютъ тѣхъ, кто искренно, беззавѣтно ихъ любитъ, преклоняется предъ ними, какъ предъ божествами. Онѣ любятъ, чтобы ихъ обманывали, льстя имъ и въ то же время тиранствуя надъ ними. «Чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей», сказалъ Пушкинъ. Вотъ причина, почему съ лучшими изъ нихъ такъ часто удается наглецамъ и фатамъ. Часто, чтобы обратить на себя любовь женщины, надо сдѣлать видъ, что любишь другую: оскорбленное мелкое самолюбіе, вѣрнѣе твоей любви, предастъ ее въ твою волю и полное распоряженіе. Чтобы удержать ее въ любви къ себѣ, показывай видъ, что ты ежеминутно готовъ полюбить

другую и другихъ. Странная вещь! или я начинаю ужъ офилистериваться, но мнѣ теперь какъ-то трудно вообразить возможность любить всю жизнь одну женщину, и съ этой стороны бракъ пугаетъ меня. Скудельные сосуды, онѣ такъ скоро портятся, розы весеннія, онѣ такъ скоро отцвѣтаютъ; роскошная упругость груди (вещь, за которую тысячу жизней готовъ я отдать хоть сейчасъ же, одно, что̀ лучше и жизни, и всего въ жизни, всего и на землѣ и на небѣ) дѣлается кускомъ вяленаго мяса; атласная, мрамористая кожа дѣлается потною и шершавою. Мнѣ кажется, что греки лучше насъ понимали жизнь и женщину: они любили femme, а не une femme и не la femme; въ каждой женщинѣ они видѣли не саму красоту, а только одно изъ ея явленій, одну изъ смертныхъ дщерей безсмертной матери. Право, если чѣмъ можно упиться въ жизни, такъ это греческія отношенія въ любви. «Римскія элегіи» Гете—самый лучшій катихизисъ любви, и за нихъ я люблю Гете больше, чѣмъ за все остальное, написанное имъ. Мнѣ кажется, что въ мірѣ мудръ только одинъ художникъ, а всѣ прочіе—сумасшедшіе, изъ нихъ же первый—ты. Пусть мелькаютъ образы за образами, какъ волны за волнами въ потокѣ,—и въ осень дней пусть обступаютъ усталую отъ наслажденій жизни голову сладостно-грустныя воспоминанія о лучшемъ времени, подобно оссіановскимъ тѣнямъ. Боткинъ, разругай меня за это—я, право, не разсержусь на тебя,—и чѣмъ хуже разругаешь, тѣмъ благодарнѣе буду я тебѣ.

Однако-жъ, чортъ возьми, я ужасно измѣняюсь; но это не страшитъ меня, ибо съ пошлою дѣйствительностію я все болѣе и болѣе расхожусь, въ душѣ чувствую больше жару и энергіи, больше готовности умереть и пострадать за свои убѣжденія. Въ прошедшемъ меня мучатъ двѣ мысли: первая, что мнѣ представлялись случаи къ наслажденію, и я упускалъ ихъ, вслѣдствіе пошлой идеальности и робости своего характера; вторая: мое гнусное примиреніе съ гнусною дѣйствительностью. Боже мой, сколько отвратительныхъ мерзостей сказалъ я печатно, со всею искренностію, со всѣмъ фанатизмомъ дикаго убѣжденія! Болѣе всего печалитъ меня теперь выходка противъ Мицкевича, въ гадкой статьѣ о Менцелѣ: какъ! отнимать у великаго поэта священное право оплакивать паденіе того, что̀ дороже ему всего въ мірѣ и въ вѣчности—его родины, его отечества, и проклинать палачей его, и какихъ же палачей?—казаковъ и калмы-

ковъ, которые изобрѣтали адскія мученія, чтобы выпытывать у жертвъ своихъ деньги (били гусиными перьями по . . . . , раскладывали на маломъ огнѣ благородныхъ дѣвушекъ въ глазахъ отцовъ ихъ—это факты европейской войны нашей съ Польшею, факты, о которыхъ я слышалъ отъ очевидцевъ). И этого-то благороднаго и великаго поэта назвалъ я печатно крикуномъ, поэтомъ риѳмованныхъ памфлетовъ! Послѣ этого всего тяжелѣе мнѣ вспомнить о «Горѣ отъ ума», которое я осудилъ съ художественной точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это—благороднѣйшее гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ еще первый) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ-развратниковъ, противъ нашего о . . . . . свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства и пр. и пр. и пр. О другихъ грѣхахъ: конечно, нашъ китайско-византійскій монархизмъ до Петра Великаго имѣлъ свое значеніе, свою поэзію, словомъ, свою историческую законность; но изъ этого бѣднаго и частнаго историческаго момента сдѣлать абсолютное право и примѣнять его къ нашему времени—фай—неужели *я* говорилъ это?.. Конечно, идея, которую я силился развить въ статьѣ по случаю книги Глинки о Бородинскомъ сраженіи, вѣрна въ своихъ основаніяхъ, но должно было бы развить и идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго, и безъ котораго исторія человѣчества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото,—а если этого нельзя было писать, то долгъ чести требовалъ, чтобы ужъ и ничего не писать. Тяжело и больно вспомнить! А дичь, которую изрыгалъ я въ неистовствѣ, съ пѣною у рта, противъ французовъ—этого энергическаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священнѣйшія права человѣчества, этой передовой колонны человѣчества au drapeau tricolore? — Проснулся я — и страшно вспомнить мнѣ о моемъ снѣ... А это насильственное примиреніе съ гнусною расейскою дѣйствительностію, этимъ китайскимъ царствомъ матеріальной животной жизни, чинолюбія, крестолюбія, деньголюбія, взяточничества, безрелигіозности, разврата, отсутствія всякихъ духовныхъ интересовъ, торжества безстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности,—гдѣ все человѣческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетеніе, страданіе, гдѣ цензура превратилась въ военный уставъ о бѣглыхъ рекрутахъ, гдѣ свобода мы-

слей истреблена до того, что фраза въ повѣсти Панаева — «измайловскій офицеръ, пропахнувшій Жуковымъ», даже такая невинная фраза кажется либеральною (отъ нея взволновался весь Питеръ, измайловскій полкъ жаловался формально Великому Князю за оскорбленіе, и распространился слухъ, что Панаевъ посаженъ въ крѣпость), гдѣ Пушкинъ жилъ въ нищенствѣ [1]) и погибъ жертвою подлости, а Гречи и Булгарины заправляютъ всею литературою, помощію доносовъ, и живутъ припѣваючи... Нѣтъ, да отсохнетъ языкъ, который заикнется оправдывать все это,—и если мой отсохнетъ—жаловаться не буду. Что есть, то разумно; да и палачъ вѣдь есть же, и существованіе его разумно и дѣйствительно, но онъ тѣмъ не менѣе гнусенъ и отвратителенъ. Нѣтъ, отнынѣ—для меня либералъ и человѣкъ—одно и то же; абсолютистъ и кнутобой—одно и то же. Идея либерализма въ высшей степени разумная и христіанская, ибо его задача—возвращеніе правъ личнаго человѣка, возстановленіе человѣческаго достоинства, и самъ Спаситель сходилъ на землю и страдалъ на крестѣ за личнаго человѣка. Конечно, французы не понимаютъ абсолютнаго ни въ искусствѣ, ни въ религіи, ни въ знаніи,—да не это ихъ назначеніе; Германія—нація абсолютная, но государство позорное и г . . . . Конечно, во Франціи много крикуновъ и фразеровъ, но въ Германіи много гофратовъ, филистеровъ, колбасниковъ и другихъ гадовъ. Если французы уважаютъ нѣмцевъ за науку и учатся у нихъ, зато и нѣмцы догадались, наконецъ, что такое французы,—и у нихъ явилась эта благородная дружина энтузіастовъ свободы, извѣстная подъ именемъ «юной Германіи», во главѣ которой стоитъ такая чудная, такая прекрасная личность, какъ Гейне, на котораго мы нѣкогда взирали съ презрѣніемъ, увлекаемые своими дѣтскими, односторонними убѣжденіями. Чортъ знаетъ, какъ подумаешь, какими зигзагами совершалось мое развитіе, цѣною какихъ ужасныхъ заблужденій купилъ я истину, и какую горькую истину—что все на свѣтѣ гнусно, а особенно вокругъ насъ... Ты помнишь мои первыя письма изъ Питера—ты писалъ ко мнѣ, что они производили на тебя тяжелое впечатлѣніе, ибо въ нихъ слышался скрежетъ зубовъ и вопли нестерпимаго страданія: отъ чего же я такъ ужасно страдалъ?—отъ дѣйствительности, которую называлъ разумною и за которую ратовалъ... Странное противорѣчіе! Къ пріѣзду Каткова я былъ уже приготовленъ,—

[1]) Кажется такъ должно читать.—*Прим. А. П.*

и при первой стычкѣ съ нимъ отдался ему въ плѣнъ безъ противорѣчія. Смѣшно было: хотѣлъ спорить, и вдругъ вижу, что ужъ нѣтъ ни силъ, ни жару, а черезъ $^1/_4$ часа, вмѣстѣ съ нимъ, началъ ратовать противъ всѣхъ, сбитыхъ съ толку мною же...

Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя портретовъ Джемсонъ—они ужасно интересуютъ меня. «Двѣнадцатую ночь» прочелъ—чудо, прелесть, только самый тяжелый геній можетъ создавать такія легкія вещи. И Ретшера разборъ «Лира» меня много интересуетъ, хотя, признаюсь, и не такъ, какъ Джемсонъ. Герценъ кричитъ противъ статьи Ретшера о «Wahlverwandschaften», и—знаешь ли что?—мнѣ хочется съ нимъ согласиться: Ретшера уваженіе къ субстанціальнымъ элементамъ жизни мнѣ не нравится (можетъ быть, потому, что я теперь въ другой крайности); въ статьѣ о 4 драмахъ Шекспира меня даже оскорбилъ его взглядъ на эту Люцію, которая, не любя Флоуердена, гоняется за нимъ въ качествѣ вѣрной жены. Для меня баядерка и гетера лучше вѣрной жены безъ любви, такъ же, какъ взглядъ сенсимонистовъ на бракъ лучше и человѣчнѣе взгляда Гегелевскаго (т. е. который я принималъ за Гегелевскій). Что мнѣ за дѣло, что абстрактнымъ бракомъ держится государство? Вѣдь оно держится и палачомъ съ кнутомъ въ рукахъ; однако-жъ палачъ все гадокъ. Я даже готовъ согласиться съ Герценомъ, что Ретшеръ не понялъ романа Гете—что онъ не апологія, а скорѣе протестъ противъ этого собачьяго склещиванія съ разрѣшенія церкви. Вѣдь Бауманъ подкусилъ же Ретшера на этой статьѣ, доказавши, что коллизія произошла именно потому, что бракъ былъ недѣйствителенъ въ смыслѣ разумности. Подбивай-ка Кронеберга перевести «Лира», который опозоренъ на Руси переводомъ Якимова и передѣлкою Каратыгина. Кронебергъ пишетъ ко мнѣ, что не имѣетъ силъ приняться за «Ричарда II», и прислалъ мнѣ 1 актъ «Гамлета», котораго нельзя помѣстить, какъ отрывокъ уже изъ извѣстной глупой нашей публикѣ пьесы. Ты весь погрузился въ греческій міръ—это хорошо—чудный міръ! Я самъ одинъ вечеръ блаженствовалъ, погрузясь въ него. Есть книга, глупая тамъ, гдѣ выказывается личность автора, но драгоцѣнная по фактамъ—«Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ», Шевырева. Въ ней (стр. 17—19) переведенъ гимнъ Гезіода къ музамъ—Боже мой, что это такое! Не могу удержаться, чтобы не выписать мѣста: «Онѣ неумолчнымъ гласомъ

прославляютъ, во первыхъ, священный родъ боговъ, и сначала поютъ тѣхъ, которыхъ произвели Земля и Уранъ широкій, и тѣхъ, кои произошли отъ нихъ,—боги—дарители благъ; во вторыхъ, Зевеса, отца боговъ и людей, славя отъ начала до конца пѣсни, какъ онъ могучѣе всѣхъ боговъ, и какъ великъ своею властію. Потомъ уже поютъ родъ человѣковъ и исполиновъ силы, и увеселяютъ на Олимпѣ умъ Дія, олимпійскія дщери Дія Эгіоха, которыхъ въ Піэріи родила отцу Кроніду Мнемозина, владычица нивъ Элевѳира: отраду въ бѣдахъ, облегченіе въ печаляхъ. Девять кратъ соединялся съ нею благосовѣтный Зевесъ, вдали отъ безсмертныхъ восходя на святое ложе. Когда же годъ, теченіемъ часовъ, дней и мѣсяцевъ, исполнился, Мнемозина родила девять дщерей, согласныхъ мыслію, у которыхъ пѣснь всегда на умѣ, а въ груди беззаботное сердце (какъ у В. И. Красова)... Кого почтутъ дочери великаго Дія, на кого изъ царей богорожденныхъ взглянутъ привѣтно,—тому языкъ обольютъ сладкою росою, у того изъ устъ слова текутъ медомъ».—Прочти самъ вполнѣ въ книгѣ—божественно хорошо. Экой народецъ! Вотъ міросозерцаніе-то! Земная поэзія, по ихъ понятію, могла воспѣвать только прошедшее и будущее, а небесная (Музы)—и настоящее, потому что у боговъ и самая жизнь—блаженство. А вотъ, не хочешь ли полюбоваться, какъ Платонъ понималъ красоту: «Красота одна получила здѣсь этотъ жребій—быть пресвѣтлою и достойною любви. Не вполнѣ посвященный, развратный, стремится къ самой красотѣ, не взирая на то, что̀ носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а, подобно четвероногому, ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ... Напротивъ того, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога, онъ обожаетъ, и, если бы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому...» Мнѣ кажется, что Платонъ въ греческой философіи то же, что Гомеръ въ поэзіи — колоссальная личность! Счастливчикъ плутъ Кудрявцевъ, что знаетъ эллинскую грамотку.

Бога ради, Боткинъ, пиши скорѣе о «Прометеѣ»,—это у насъ и ново, и полезно, а я просто съ ума сойду отъ твоей статьи—даю тебѣ впередъ честное слово. (Да кстати: отдавай свои статьи переписчику и, просмотрѣвъ уже, отсылай—вѣдь это тебя не раз-

зоритъ, а между тѣмъ избавитъ отъ египетской работы самому переписывать и неудовольствія видѣть въ печати статью свою съ чудовищными опечатками и искаженіями. Съ твоей руки нѣтъ возможности набирать). Не можешь представить, какъ я радъ, что ты согласился съ моими понятіями о журналѣ на Руси: мнѣ кажется, что я вновь пріобрѣлъ тебя. Насчетъ историческихъ статей взяты мѣры,—и Герценъ уже переводитъ изъ книги Тьерри о Меровингахъ и будетъ обработывать другія вещи въ этомъ родѣ. Его живая, дѣятельная и практическая натура въ высшей степени способна на это. Кстати: этотъ человѣкъ мнѣ все больше и больше нравится. Право, онъ лучше ихъ всѣхъ; какая воспріимчивая, движимая, полная интересовъ и благородная натура! Объ искусствѣ я съ нимъ [1]) говорю слегка, потому что оно и доступно ему только слегка, но о жизни не наговорюсь съ нимъ. Онъ видимо измѣняется къ лучшему въ своихъ понятіяхъ. Мнѣ съ нимъ легко и свободно. Что онъ ругалъ меня въ Москвѣ за мои абсолютныя статьи,—это новое право съ его стороны на мое уваженіе и расположеніе къ нему. Въ XII № «Отечественныхъ Записокъ» прочтешь ты отрывокъ изъ его «Записокъ» — какъ все живо, интересно, хотя и легко! Что ты не ѣздишь къ Огареву—воля твоя, можетъ быть, ты и правъ, съ своей точки зрѣнія; но я теперь по теоріи поддерживаю отношенія съ людьми [2]) . . . . . .

. . [3]) въ немъ нѣтъ ни почвы, ни воздуха для благодатныхъ сѣмянъ духа; онъ лучше всего доказываетъ, что человѣкъ можетъ развиваться только на общественной почвѣ, а не самъ по себѣ. Всѣ эти люди не истекали кровью при видѣ гнусной дѣйствительности, или созерцая свое ничтожество. Я понимаю, почему Анненковъ такъ мало полюбился тебѣ: онъ нисколько не хуже Панаева и Языкова, даже характернѣе, личнѣе ихъ, но и на немъ питерская печать, къ которой я уже приглядѣлся, а ты еще нѣтъ. Да, Боткинъ, только въ П. (сочти эту букву хоть за . . .—ты не дашь промаха) созналъ я, что я человѣкъ и чего-

---

[1]) Неясно; должно быть такъ.—*Прим. А. П.*

[2]) Конца нѣтъ. Можетъ быть, что сюда принадлежитъ слѣдующій далѣе отрывокъ письма безъ начала. Этотъ слѣдующій отрывокъ писанъ тѣмъ же почеркомъ, на такой же бумагѣ—только настоящее письмо писано въ почтовый листъ 4^0, а слѣдующее сложено въ 8^0. Предметы, упоминаемые въ отрывкѣ, повторяются въ письмахъ декабря 1840.—*Прим. А. П.*

[3]) Первыя двѣ буквы на этомъ листкѣ: ми или ши.—*Прим. А. П.*

нибудь да стóю, только въ Питерѣ узналъ я цѣну нашему человѣческому, святому кружку. Мнѣ милы теперь и самыя ссоры наши: онѣ выходили изъ того, что мы возмущались гадкими сторонами одинъ другого. Нѣтъ, я еще не встрѣчалъ людей, передъ которыми мы могли бы скромно сознаться въ своей незначительности. Многихъ людей я отъ души люблю въ Питерѣ, многіе люди и меня любятъ тамъ больше, чѣмъ я того стою; но, мой Боткинъ, я одинъ, одинъ, одинъ! Никого возлѣ меня! Я начинаю замѣчать, что общество Герцена доставляетъ мнѣ больше наслажденія, чѣмъ ихъ: съ тѣми я или говорю о вздорѣ, или тщетно стараюсь завести общій интересный разговоръ, или проповѣдую, не встрѣчая противорѣчія, и умолкаю, не докончивши; а эта живая натура вызываетъ наружу всѣ мои убѣжденія, я съ нимъ спорю и, даже когда онъ явно вретъ, вижу все-таки самостоятельный образъ мыслей. Несмотря на свое еще дѣтство, мнѣ Кирюша ближе, чѣмъ они—я вижу въ немъ сѣмя благодати Божіей; я съ Никольскимъ провелъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, ибо и отъ этого юноши, который не бывалъ въ нашемъ кружкѣ, вѣетъ Москвою. Когда пріѣхалъ Кольцовъ, я всѣхъ тѣхъ забылъ, какъ будто ихъ и не было на свѣтѣ. Я точно очутился въ обществѣ нѣсколькихъ чудеснѣйшихъ людей. Кудрявцевъ промелькнулъ тѣнью, ибо видѣлся со мною урывками (но я не забуду этихъ урывковъ), съ Катковымъ мнѣ было какъ-то не совсѣмъ свободно, ибо я страдалъ, а онъ еще хуже, такъ что былъ для всѣхъ тяжелъ; но и съ нимъ у меня были чудныя минуты. И вотъ опять никого со мною, опять я одинъ,—и пуста та комната, гдѣ еще такъ недавно мой милый Алексѣй Васильевичъ съ утра до ночи упоевался чаемъ и меня поилъ!

Увы! Нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ:
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ.

Зачѣмъ я, какъ Станкевичъ, не сплю въ гробѣ, а сиротѣю дальній?... Боткинъ, впечатлѣніе, которое произвела на меня потеря Станкевича, заставляетъ меня, какъ страшилища, бояться разлуки... Спѣши свиданіемъ, а то, можетъ быть, и увидимся, да не узнаемъ другъ друга...

Да, если таковы у насъ лучшіе люди, объ остальныхъ нечего и говорить. Что-жъ дѣлать при видѣ этой ужасной дѣйствительности? Не любоваться же на нее, сложа руки, а дѣйствовать елико возможно, чтобы другіе потомъ лучше могли жить, если

намъ никакъ нельзя было жить. Какъ же дѣйствовать? Только два средства: каѳедра и журналъ — все остальное вздоръ. О, если бы у «Отечественныхъ Записокъ» нынѣшній годъ зашло тысячи за три; тогда было бы изъ чего забыть даже и Маросейку, и женщину, и свою краткую безотрадную жизнь, и поратовать, и костьми лечь, если нужно будетъ. О, если бы, при этомъ, можно было печатать хоть то, что̀ печаталось назадъ тому десять лѣтъ въ Москвѣ! Тогда бы я умеръ на дести бумаги и, еслибы чернила всѣ вышли, отворилъ бы жилу и писалъ бы кровью... Кстати о писаніи. Я бросаю абстрактныя общности, хочу говорить о жизни по факту, о которомъ идетъ дѣло. Но это такъ трудно: мысль не находитъ слова,—и мнѣ часто представляется, что я жалкій писака, дюжинная посредственность. Особенно лѣтомъ преслѣдовала меня эта мысль. Эхъ, если бы мнѣ занять у Каткова его слогъ: я бы лучше его воспользовался имъ. Кстати: скажи откровенно, какъ тебѣ понравилась его статья о Саррѣ Толстой? Она никому не нравится—я самъ вижу, что много мыслей, но которыя проходятъ сквозь голову читающаго, какъ сквозь рѣшето, не оставаясь въ ней. Начну читать—превосходно; закрою книгу—ничего не помню, что прочелъ. Какъ ты?

Стыдно тебѣ скромничать, что ты кажется можешь переводить, передѣлывать, составлять небольшія (?) статьи, писать небольшія (?) критики. Не кажется, а есть. Если ты не можешь, то гдѣ же взять людей, которые могутъ? Я такъ дорого цѣню твои статьи, и особенно вотъ за что: за отсутствіе амфазу, кротость тона, простоту и еще за то, что ты въ нихъ высказываешь именно то, что̀ хотѣлъ высказать, тогда какъ я или ничего не выскажу (хоть иногда и удается), или ударюсь въ общности и наговорю о постороннихъ предметахъ. Напр., съ какимъ живымъ наслажденіемъ я прочелъ твою статейку о выставкѣ: все такъ просто, не натянуто, и все сказано, что̀ слѣдовало сказать—трудъ читателя не потерянъ. Ты просто глупъ въ своей скромности.

Аксаковъ сказывалъ, что Гоголь пишетъ къ нему, что онъ убѣдился, что у него чахотка, что онъ ничего не можетъ дѣлать. Но это, можетъ быть, и пройдетъ, какъ вздоръ. Важно вотъ что: его начинаетъ занимать Россія, ея участь, онъ груститъ о ней; ибо въ послѣдній разъ онъ увидѣлъ, что въ ней

есть люди! А—я торжествую: субстанція общества взяла свое—космополитъ поэтъ кончился и уступаетъ свое мѣсто русскому поэту.

Я рѣшилъ для себя важный вопросъ. Есть поэзія художественная (высшая—Гомеръ, Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, Байронъ, Шиллеръ, Гете, Пушкинъ, Гоголь); есть поэзія религіозная (Шиллеръ, Жанъ Поль Рихтеръ, Гофманъ, самъ Гете); есть поэзія философская («Фаустъ», «Прометей», отчасти «Манфредъ» и пр.). Между ними нельзя положить опредѣленныхъ границъ, потому что онѣ не пребываютъ одна къ другой въ неподвижномъ равнодушіи, но, какъ элементъ, входятъ одна въ другую, взаимно модифицируя другъ друга. Слава Богу, наконецъ всѣмъ нашлось мѣсто. Вотъ отчего въ «Фаустѣ» есть дивныя вещи (т. е. даже во 2-й части), какъ напр. «Матери» (въ выноскѣ къ переводу Каткова статьи Ретшера въ «Наблюдателѣ»)—не могу безъ священнаго трепета читать этого мѣста. Даже есть поэзія общественная, житейская—французская,—и такой человѣкъ, какъ Гюго, несмотря на всѣ его дикости, есть большой талантъ и заслуживаетъ великаго уваженія, даже и прочіе очень и очень примѣчательны, кромѣ Ламартина, сей . . . , рыбы, сей водяной элегіи.

Кирюша начинаетъ подыматься на ноги—пустился въ знать: рисуетъ портретъ съ Всеволожскаго, познакомился съ его женою (черезъ Языкова) и рисуетъ портреты съ ея родни; представлялся Одоевскому, Жуковскому, который хочетъ писать къ его барынѣ.

Податель сего огромнаго письма есть товарищъ Кирюши, Алексѣй Тимоѳеевичъ Никольскій—юноша не безъизвѣстный тебѣ. Прими и приголубь, пригласи къ себѣ ходить, особенно на музыкальные вечера. Онъ малый чудесный—въ немъ много сѣмянъ,

. . . . . .

Мадонна Бронзини—дивное, геніальное созданіе. Посмѣйся надо мною: иногда умираю отъ жажды слышать музыку—иногда слышу около себя запахъ такихъ NN изъ «Роберта», на которые не обращалъ никакого вниманія. О «Фрейшюцѣ» нечего и говорить—иной разъ хоть умереть, а услышать, но именно тутъ-то

и не попадешь, какъ хочется. Хочу зарядить ходить въ оперу. Одно воспоминаніе о «Лейерманѣ» исторгаетъ слезы. Услышу ли когда? О, меломанъ!

Письмо къ Кольцову прочти, но никому не говори о его содержаніи. Если же Кольцовъ уже уѣхалъ,—то сдѣлай конвертъ и отошли въ Воронежъ.

Твой В. Б.

Твой образчикъ русскаго гумору доставилъ мнѣ большое удовольствіе.

Къ В. П. Боткину. Между 11 и 14 декабря, 1840.

Любезнѣйшій Василій Петровичъ, вотъ тебѣ и еще писулька, да съ просьбою, исполненіемъ которой ты окажешь мнѣ чертовское разпереодолженіе. Ты знаешь мою старуху Дарью Титовну, знаешь, какъ много я ей обязанъ; но едва ли знаешь, что я заставилъ ее проливать кровавыя слезы и терпѣть ужасную нужду, ибо до сихъ поръ не могу съ ней расплатиться. Къ 1-му февраля я это непремѣнно сдѣлаю; но до тѣхъ поръ она еще натерпится чортъ знаетъ какого горя. Ради всѣхъ святыхъ, дай ей 25 р. ассиги., да фунтъ чаю, если можно: это будетъ ей и подмогою передъ праздникомъ и Богъ знаетъ какою радостью— она любитъ чай не меньше тебя и Алексѣя Васильевича. Сдѣлай милость, друже! Мнѣ очень совѣстно — но... и прочее. Она придетъ къ тебѣ въ слѣдующую субботу или воскресенье (21 или 22 декабря). Пожалуйста—доставь мнѣ одну изъ самыхъ счастливѣйшихъ минутъ.

В. Б.

Къ В. П. Боткину. 26 декабря, 1840.

Спб. 1840, декабря 26.

Боткинъ, да что-жъ ты ничего не пишешь ко мнѣ—мнѣ становится досадно и больно. Я писалъ къ тебѣ мое послѣднее большое письмо окостенѣлою отъ пера рукою—сто разъ бросалъ, и сто разъ принимался вновь, и съ бо̀льшимъ жаромъ, воображая, какъ обрадуешься ты толстому письму и съ какой ве-

селой улыбкой будешь его перечитывать. Получа твое письмо, я всегда бываю полонъ дня два,—а полнота для меня рѣдкій гость. Ахъ, Боткинъ, Боткинъ! какъ жить-то становится мнѣ все гаже и гаже!

И съ міра, и съ время
Покровы сняты,
Загадочной жизни
Прожиты мечты!

Осталось чортъ знаетъ что, и приходится вопить:

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно насъ не манитъ
Волшебница даль!

Жизнь страшно надула меня—безсовѣстно и предательски: назади фантазіи, въ настоящемъ медленная смерть, впереди—гніеніе и смрадъ. Гадко! Зачѣмъ не умеръ я хоть за полгода передъ этимъ, когда еще могъ мечтать—и о чемъ же?—о дѣйствительности!

Что ты тамъ говоришь о переводѣ Каткова «Ромео и Юліи»—неужели шибко невѣренъ? Да, чортъ возьми, возможное ли дѣло—вѣрно переводить Шекспира?—Однако напиши мнѣ объ этомъ. А въ «Бурѣ»—воля ваша—лирическія мѣста переведены Сатинымъ прекрасно—вы ужъ черезчуръ строги. Къ переводчикамъ Шекспира не мѣшаетъ быть и поснисходительнѣе—благо переводятъ. Какъ мнѣ грустно, что Кудрявцевъ отказался отъ рецензіи—«Отечественныя Записки» много теряютъ. Какъ хороша его рецензія въ послѣднемъ № на «Лирическій Пантеонъ» Ф., только онъ ужъ черезчуръ скупъ на похвалы—о, строгій критикъ! А г. Ф. много обѣщаетъ.

Не забудь прислать мнѣ адреса своего въ Харьковъ—можетъ быть, вздумается написать къ тебѣ—стишками или прозою—какъ выкинется. Да пришли кстати и адресъ Кульчицкаго (имя и отчество его мнѣ уже извѣстны,—но адресъ—гдѣ живетъ).

Кирюша сорвалъ печать съ тайны бытія—я этому до смерти радъ и преусердно развращаю его насчетъ того, какъ надо пользоваться жизнію и надувать ее, чтобы она послѣ не надула насъ. А Мадонна Бронзини—чудо!

Ну, что у васъ дѣется въ Москвѣ? А какова статья Искандера? Вѣдь живой человѣкъ-то! Въ 1 № выкинули преинтерес-

ную статью о Пугачевѣ—не знаемъ, что и дѣлать съ цензурою—самая кнутобойная и калмыцкая!

Каковы послѣднія-то стихотворенія Кольцова—а? Экой чортъ—коли размахнется, такъ посторонись—ушибетъ. А «Ночь»? Да это просто—и словъ нѣту!

Милому Василію Ивановичу Красову братское лобызаніе; а все-таки статьи онъ не кончитъ, а на рецензіи только ярится. Ужъ эти мнѣ поэты! Если онъ кончилъ своего «Ворона», пришли—не для печати, а прочесть мнѣ—жажду.

Спасибо тебѣ, Василій, за брата: Кольцовъ пишетъ, что ты защитилъ его отъ холода—спасибо тебѣ, другъ. Пожалуйста пиши—у меня только и отрады въ жизни, что твои письма.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 30 декабря, 1840—22 января, 1841.

Спб. 1840, декабря 30.

Спасибо тебѣ, друже, за письмо—я даже испугался, увидѣвъ такое толстое посланіе, которое совсѣмъ не въ духѣ твоей лѣности. . . . . !

Все, что написалъ ты о Гете и Шиллерѣ—прекрасно, и много пояснило мнѣ насчетъ этихъ двухъ чудаковъ. Признаться ли тебѣ въ грѣхѣ, а у меня Кетчеровская натура, и я боюсь скоро сдѣлаться Кетчеромъ: о Шиллерѣ не могу и думать, не задыхаясь, а къ Гете начинаю чувствовать родъ ненависти, и, ей Богу, у меня рука не подымется противъ Менцеля, хотя сей мужъ и по прежнему остается въ глазахъ моихъ идіотомъ. Боже мой—какіе прыжки, какіе зигзаги въ развитіи! Страшно подумать.

Да, я сознался, наконецъ, свое родство съ Шиллеромъ, я—кость отъ костей его, плоть отъ плоти его,—и если что должно и можетъ интересовать меня въ жизни и въ исторіи, такъ это—онъ, который созданъ, чтобъ быть моимъ богомъ, моимъ кумиромъ,—ибо онъ есть высшій и благороднѣйшій мой идеалъ человѣка. Но довольно объ этомъ. Отъ Шиллера перехожу къ Полевому, ибо кровь кипитъ, и еслибы не 700 верстъ, я бы такъ и стукнулъ тебя по лысинѣ.

Нѣтъ, никогда не раскаюсь я въ моихъ нападкахъ на Полевого, никогда не признаю ихъ ни несправедливыми, ни даже пре-

увеличенными. Если бы я могъ раздавить моею ногою Полевого, какъ гадину—я не сдѣлалъ бы этого только потому, что не захотѣлъ бы запачкать подошвы моего сапога. Это мерзавецъ, подлецъ первой степени: онъ другъ Булгарина, protégé Греча, (слышишь ли, не покровитель, а protégé Греча!), пріятель Кукольника; безсовѣстный плутъ, завистникъ, низкопоклонникъ, дюжинный писака, покровитель посредственности, врагъ всего живого, талантливаго. Знаю, что когда-то онъ имѣлъ значеніе, уважаю его за прежнее, но теперь—что онъ дѣлаетъ теперь?—пишетъ навыворотъ по-телеграфски, проповѣдуетъ ту расейскую дѣйствительность, которую такъ энергически нѣкогда преслѣдовалъ, которой нанесъ первые сильные удары. Я могу простить ему отсутствіе эстетическаго чувства (которое не всѣмъ же дается), могу простить искаженіе «Гамлета», «вѣдь-съ Ромео-то и Юлія изъ слабыхъ произведеній Шекспира», грубое непониманіе Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Марлинскаго (идола петербургскихъ чиновниковъ и образованныхъ лакеевъ), глупое благоговѣніе къ реторической музѣ Державина и пр. и пр.; но для меня уже смѣшно, жалко и позорно видѣть его фарисейско-патріотическія, предательскія драмы народныя (Иголкина и т. п.), его пошлыя комедіи и прочую сценическую дрянь, цѣну, которую онъ даетъ вниманію и вызову ерыжной публики Александр-ы-нскаго театра, составленной изъ офицеровъ и чиновниковъ; но положимъ, что и это можно извинить отсталостію, старостію, слабостію преклонныхъ лѣтъ и пр.; но его дружба съ подлецами, доносчиками, фискалами, площадными писаками, отъ которыхъ гибнетъ наша литература, страждутъ истинные таланты, и лишено силы все благородное и честное—нѣтъ, братъ, если я встрѣчусь съ Полевымъ на томъ свѣтѣ—и тамъ отворочусь отъ него, если только не наплюю ему въ рожу. Личныхъ враговъ прощу, съ Булгаринымъ скорѣе обнимусь, чѣмъ подамъ ему руку отъ души. Ты знаешь, имѣетъ ли для меня какое-нибудь значеніе званіе человѣка,—и только скотъ попрекнетъ тебя купечествомъ, Кудрявцева и Красова—семинарствомъ, Кирюшу—лакействомъ, но это потому, что ни въ тебѣ, ни въ нихъ нѣтъ ни тѣни того, что составляетъ гнусную и подлую сущность русскаго купца, семинариста и лакейскаго сына; но почему же не клеймить человѣка его происхожденіемъ, когда въ немъ выразилась вся родовая гадость его происхожденія? Нѣтъ, я съ восторгомъ, съ дикимъ наслажденіемъ читаю стихи:

Вотъ въ порожней бочкѣ винной
Цѣловальникъ Полевой,
Безпорточный и безчинный.
Сталось что съ его башкой?
Смѣсь съ корыстью въ ней столкнулись
И отъ натиска сего
Вверхъ ногами повернулись
Умъ и сердце у него.

Самохвалъ, завистникъ жалкій,
Надувало ремесломъ,
Битый рюриковской палкой
И санскритскимъ батожьемъ;
Подлъ, какъ рабъ, надутъ, какъ баринъ,
Онъ, чтобъ кончить разомъ рѣчь,
Благороденъ, какъ Булгаринъ,
Безкорыстенъ такъ, какъ Гречъ.

Да, онъ подлецъ по природѣ, и только ждалъ случая, чтобы снять съ себя маску: переѣздъ въ Петербургъ былъ для него этимъ случаемъ. Не говори мнѣ больше о немъ—не кипяти и безъ того кипящей крови моей. Говорятъ, онъ недавно былъ боленъ водяною въ головѣ (отъ подлыхъ драмъ)—пусть заведутся черви въ его мозгу, и издохнетъ онъ въ мукахъ—я радъ буду. Богъ свидѣтель—у меня нѣтъ личныхъ враговъ, ибо я (скажу безъ хвастовства) по натурѣ моей выше личныхъ оскорбленій; но враги общественнаго добра—о, пусть вывалятся изъ нихъ кишки, и пусть повѣсятся они на собственныхъ кишкахъ—я готовъ оказать имъ послѣднюю услугу—расправить петли и надѣть на шеи. Полевой могъ бы съ честію и пользою (для себя, семейства и общества) оканчивать свое поприще: сколько есть полезныхъ предпріятій литературныхъ, которыя только ждутъ у насъ умной головы и искусной руки. А онъ пишетъ гнусныя драмы и программы надувательныхъ журналовъ въ формѣ писемъ изъ провинціи! Читалъ ли ты его (въ «Сѣверной Пчелѣ») письмо изъ провинціи, гдѣ такъ нагло, безстыдно, халуйски надуваетъ онъ глупую расейскую публику — это баранье стадо, перемѣшанное съ частію козловъ, телятъ и свиней?

Что до Краевскаго, однажды навсегда: это не Полевой, не геній и не талантъ особенный; это человѣкъ, который изъ всѣхъ русскихъ литераторовъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, одинъ способенъ крѣпко работать и поставить въ срокъ огромную книжку; способенъ очень талантливо отвалять Греча, Булгарина или Полевого; имѣетъ кое-какіе живые интересы и кое-какія познанія (заговори съ нимъ о русской исторіи—и ты заслушаешься его); онъ въ поэзіи не далеко и не глубоко хватаетъ, но зато не мѣшаетъ другимъ (въ своемъ журналѣ) дѣйствовать за него даже вопреки многимъ его понятіямъ и убѣжденіямъ; наконецъ—это честный и благородный человѣкъ, которому можно подать руку, не боясь запачкать ее, и который имѣетъ справедливую

причину почитать для себя униженіемъ и позоромъ быть даже въ шапочномъ знакомствѣ

Съ знаменитыми,
Кнутомъ битыми,

Булгаринымъ, Гречемъ, Кукольникомъ и Полевымъ. О, Боткинъ, если бы ты зналъ хоть приблизительно, что такое Гречъ: вѣдь это апотеозъ расейской дѣйствительности, это литературный Ванька-Каинъ, это человѣкъ, способный зарѣзать отца родного и потомъ плакать публично надъ его гробомъ, способный вывести на площадь родную дочь и торговать ею (еслибъ литературные рессурсы кончились, и другихъ не было), это грязь, подлость, предательство, фискальство, принявшія человѣческій образъ,—и этому-то существу предался Полевой и, какъ Громобой съ бѣсомъ, продалъ ему душу... И ты заступаешься за этого человѣка, ты (о, верхъ наивности!) думаешь, что я скоро раскаюсь въ своихъ нападкахъ на него! Нѣтъ, я одного страстно желаю, въ отношеніи къ нему: чтобъ онъ валялся у меня въ ногахъ, а я каблукомъ сапога размозжилъ бы его изсохшую, фарисейскую, желтую физіономію. Будь у меня 10,000 рублей денегъ—я имѣлъ бы полную возможность выполнить эту процессію.

1841, января 15.

Тебѣ, Боткинъ, не привыкать стать къ разнымъ мѣсяцамъ и годамъ въ одномъ и томъ же письмѣ моемъ. Сейчасъ получилъ я письмо отъ Кольцова—онъ пишетъ, какъ вы встрѣчали Новый Годъ—ахъ, вы счастливцы—у васъ все-таки есть минуты полнаго самозабвенія, а я... Я встрѣтилъ Новый Годъ у Одоевскаго—пилъ, и за то два дня меня била лихорадка. Кольцовъ пишетъ еще, что вы были у Полевого—а! вотъ откуда грянулъ на меня твой громъ—ужъ подлинно не изъ тучи, а изъ навозной кучи. Ксенофонтъ меня не жалуетъ—это понятно, и хотя у меня слишкомъ мало общаго съ нимъ, но я его уважаю, какъ честнаго человѣка, а что касается до его возлюбленнаго братца,—тысячи ему дьяволовъ—плюю на него. Онъ отзывается обо мнѣ умѣренно, даже съ нѣкоторыми похвалами—экая бестія! Ну, да чортъ съ нимъ. А кстати: и съ мошенниками-то мошенничаетъ: обѣщалъ въ гнусный «Русскій Вѣстникъ» статей — уѣхалъ въ Москву, да и былъ таковъ, а тѣ волками воютъ. Видно, впередъ взялъ деньги.

Теперь о второмъ пунктѣ твоего письма — о Катковѣ. Признаюсь—огорошилъ ты меня! Я странная натура — никогда не смѣю высказать о человѣкѣ, что̀ думаю, и часто натягиваюсь на любовь и дружбу къ нему, чтобы примирить свое чувство къ нему съ понятіемъ о немъ. Твое сужденіе о Катковѣ ужасно вѣрно. Я то же чувствовалъ, да не смѣлъ сказать себѣ самому. Изъ этого человѣка (я увѣренъ въ этомъ) еще выйдетъ человѣкъ, но пока онъ слишкомъ кровянъ и животенъ, чтобъ быть человѣкомъ. Пріѣхавши въ Питеръ, онъ началъ, съ высоты величія, подсмѣиваться надъ моими жалобами о ничтожности человѣческой личности, столь похожей въ общемъ на мыльный пузырь, и говорить, что въ наше время объ этомъ тужатъ только дрянныя и гнилыя натуришки; а черезъ нѣсколько недѣль запѣлъ мою же пѣсню, только еще заунывнѣе и отчаяннѣе. Потомъ толковалъ мнѣ, съ видомъ покровительства, о необходимости провести по своей непосредственности рѣзцомъ художническимъ, чтобы придать себѣ виртуозности. У меня странная привычка принимать въ другихъ самохвальство за доказательство достоинства,—я и повѣрилъ, что онъ—статуя, виртуознѣе самого Аполлона Бельведерскаго, да и давай плевать на себя и смиряться передъ нимъ. Вообще, онъ велъ себя со всѣми нами, какъ геніальный юноша съ людьми добрыми, но недалекими, и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько грубостей и дерзостей, которыя могъ снести только я, которыхъ нельзя забыть, и о которыхъ разскажу тебѣ при свиданіи. Панаеву съ Языковымъ тоже досталось порядочно за то, что они не знали, какъ лучше выразить ему свое уваженіе и любовь. Не скажу, чтобы у меня съ нимъ не было и прекрасныхъ минутъ, ибо это натура сильная, и голова, крѣпко работающая. Онъ много разбудилъ во мнѣ, и изъ этого многаго бо̀льшая часть воскресла и самодѣятельно переработалась во мнѣ уже послѣ его отъѣзда. Ясно, что немного прошло у него черезъ сердце, но живетъ только въ головѣ, и потому отъ него пристаетъ и понимается съ трудомъ. Когда онъ, съ торжествомъ, созвалъ насъ у Краевскаго и прочелъ половину статьи о С. Толстой, я былъ оглушенъ, но нисколько не наполненъ, но сказалъ Комарову и прочимъ, что такой статьи не бывало на свѣтѣ. Статья вышла. Питеръ ее принялъ съ остервенѣніемъ, что еще болѣе придало ей цѣны въ моихъ глазахъ. Панаевъ и Комаровъ прямо сказали мнѣ, что имъ статья не нравится, а послѣдній, что онъ въ ней, за исключеніемъ двухъ-трехъ, дѣйствительно,

прекрасныхъ мѣстъ, ничего не понимаетъ. Я чуть не побранился съ нимъ за это, хотя онъ и говорилъ мнѣ, что въ моихъ статьяхъ все понимаетъ. Уже спустя довольное время, я самъ поусомнился, замѣтивъ, что ничего не помню изъ дивной статьи. Перечитываю, читаю—прекрасно, положу книгу — не помню ничего. Твое письмо довершило. Ты здѣсь не то, что я, ты человѣкъ посторонній. Не забудь, что мы съ Катковымъ соперники по ремеслу, а я, по моей натурѣ, способенъ всегда видѣть въ соперникѣ, Богъ знаетъ, что, а въ себѣ меньше, чѣмъ ничего. Когда онъ изъявилъ желаніе писать о Саррѣ Толстой, я не смѣлъ и думать взяться за это дѣло. Теперь каюсь, ибо вижу, что это чудное явленіе погибло для публики. Хочу написать для «Современника», да книги нѣтъ. Нащокинъ, говорятъ, передалъ для меня экземпляръ Константину Аксакову, а тотъ, Богъ знаетъ, что сдѣлалъ съ нимъ. Не можешь ли ты похлопотать объ этомъ дѣлѣ?

Въ немъ бездна самолюбія и эгоизму,—и мы много развили въ немъ то и другое. Сперва держали его въ черномъ тѣлѣ, а съ исторіи со Щепкиной начали носить его въ хлопочкахъ—вотъ онъ и зазнался. Когда я не хотѣлъ ему дать въ руки твоего письма, но прочелъ, что̀ можно было прочесть, онъ не скрылъ отъ меня своей досады и, забывъ всякую деликатность, которая въ дѣлахъ такого рода должна строго соблюдаться даже между самыми искренними друзьями, спрашивалъ меня нѣсколько разъ, почему я не показываю твоего письма, а потомъ нѣсколько дней пролежалъ, уткнувшись носомъ въ подушку. Вспоминая теперь, какъ онъ жаловался мнѣ на твою къ нему холодность и нелюбовь, и о впечатлѣніи, которое тогда производили на меня эти жалобы и ихъ манера, вижу ясно, что въ немъ оскорблялась не любовь, а самолюбіе. Вспоминая объ извѣстной тебѣ моей исторіи съ нимъ, ясно сознаю, что я тогда же видѣлъ то, чего никто не видѣлъ, и ты особенно, и что съ другимъ кѣмъ у меня была бы невозможна подобная исторія, что онъ слишкомъ безчеловѣчно наслаждался плодами своей побѣды надо мною, что его ненависть послѣ того, какъ все объяснилось въ его пользу, выходила изъ самаго черстваго эгоизма, и что не онъ, а я жестоко оскорбленъ былъ. Да, Боткинъ, признаюсь въ слабости, а и теперь иногда тяжело вспомянуть объ этой исторіи. Вообще, этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а пристalъ къ нему. И онъ не могъ войти: онъ для этого слишкомъ молодъ, онъ еще только теперь страдаетъ тѣми болѣзнями, которыя мы

или давно уже перестрадали, или къ которымъ притерпѣлись, такъ что и не чувствуемъ ихъ, какъ лошадь хомута и упряжи. Это важное обстоятельство—одновременность развитія!

Да, много, много пятенъ въ этой, впрочемъ, прекрасной натурѣ. Время образуетъ ее. Есть натуры, трудно и туго развивающіяся—къ такимъ принадлежитъ и натура нашего юноши. А между тѣмъ, это натура, полная силы, энергіи, могучести, натура широкая, если еще пока не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни піэтистомъ, ни резонеромъ, ни сантиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое, при его кровяномъ, животномъ организмѣ, чортъ знаетъ, до чего можетъ довести его. Удивительно вѣрно твое выраженіе «бравады субъективности»: это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставитъ его въ такое положеніе, что отъ случая будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря куда онъ поворотитъ, пока еще время поворачивать себя въ ту или другую сторону.

Я очень радъ, что его мнѣніе о Кетчерѣ ложно; я ему и такъ не вѣрилъ, но сила убѣжденія, съ которою онъ говорилъ о немъ, невольно смущала меня. Я всегда такъ думалъ о Кетчерѣ, какъ ты пишешь о немъ, и теперь вполнѣ убѣдился въ пристрастіи юноши. Но я съ тобою немного разойдусь во взглядѣ на послѣднюю исторію юноши и на участіе, которое принималъ въ ней Нелѣпый. О первомъ не хочу писать, потому что письму конца не будетъ,—при свиданіи и поговоримъ, и поспоримъ, и подеремся, пожалуй. Что же до участія Кетчера—то мнѣ очень не по сердцу эта роль цензора, этотъ стоицизмъ, который, если разложить химически, то и увидишь, что онъ состоитъ изъ неспособности къ самымъ живымъ и лучшимъ обаяніямъ жизни, грубое непониманіе того, что человѣческое по преимуществу. Сверхъ того, Кетчеръ циникъ духовный, и я по себѣ знаю, какъ глубоко можетъ оскорбить онъ человѣка и не въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ. Ты пишешь, что Огаревъ благороднѣйшій человѣкъ, какихъ случалось тебѣ только встрѣчать—я согласенъ съ этимъ, но согласись и ты съ тѣмъ, что Огаревъ—насѣдка, неспособная удовлетворить потребностямъ ни самой глубокой и духовной, ни страстной женщины, что онъ женился, самъ не зная, какъ, по своимъ абстрактнымъ понятіямъ о любви и бракѣ. За что же женщина должна умереть, всю жизнь принимая ласки мужчины и всю жизнь не зная, что такое ласки мужчины, ко-

торыхъ такъ жаждетъ ея душа и сердце? Если нашъ юноша, по твоему мнѣнію, неблагородно поступилъ съ Огаревымъ,—то благородно-ли поступилъ Огаревъ съ нею? За что же ты нѣкогда ругалъ С—го и принималъ участіе въ казначеѣ? Тамъ было больше вины, ибо характеръ С—го нисколько не уменьшаетъ его правъ мужа. Я понимаю теперь, какъ Жоржъ Зандъ могъ посвятить дѣятельность цѣлой жизни на войну съ бракомъ. Вообще, всѣ общественныя основанія нашего времени требуютъ строжайшаго пересмотра и коренной перестройки, что и будетъ рано или поздно. Пора освободиться личности человѣческой, и безъ того несчастной, отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности—мнѣнія черни и преданія варварскихъ вѣковъ. Ахъ, Боткинъ, чувствую, что при свиданіи мы подеремся: письма мои не могутъ дать тебѣ и слабаго намека на то, какъ ужасно перемѣнился я.

16 января.

Ты поздравляешь меня, что я «вышелъ на широкое поле дѣйствительности, на животрепещущую почву исторической жизни», и что «и груди и душѣ моей будетъ легче». Отчасти это справедливо: искусство задушило было меня, но при этомъ направленіи я могъ жить въ себѣ и думалъ, что для человѣка только и возможна, что жизнь въ себѣ, а вышедъ изъ себя (гдѣ было тѣсненько, но зато и тепло), я вышелъ только въ новый міръ страданія, ибо для меня дѣйствительная и историческая жизнь не существуютъ только въ прошедшемъ—я хочу ихъ видѣть въ настоящемъ, а этого-то и нѣтъ и не можетъ быть, и я живой мертвецъ, или человѣкъ, умирающій каждую минуту своей жизни. Я теперь совершенно созналъ себя, понялъ свою натуру: то и другое можетъ быть вполнѣ выражено словомъ That, которое есть моя стихія. А сознать это значитъ сознать себя заживо зарытымъ въ гробу, да еще съ связанными назади руками. Я не рожденъ для науки, ни даже для того тихаго кабинетнаго занятія любимыми предметами, которое такъ сродно твоей натурѣ. Да, я уже сказалъ себѣ: умирай—для тебя ничего нѣтъ въ жизни, жизнь во всемъ отказала тебѣ. Что до женщины—это тоже грустная исторія. Знаю, какъ жалокъ, какимъ ребенкомъ былъ я, съ моими мечтами о сочувствіи и счастіи любви, съ моимъ дѣтскимъ обожествленіемъ женщины, этого весьма земного существа; но что же получилъ я взамѣнъ утраченныхъ

теперь, глупыхъ, но поэтическихъ мечтаній? Новую пустоту въ душѣ, какъ будто она и безъ того была не довольно пуста. Женщина потеряла для меня весь интересъ, способность любить утрачена, узы брака представляются не другимъ чѣмъ, какъ узами, а одиночество терзаетъ, высасываетъ кровь капля по каплѣ. Увы!

Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой!

Осталось для меня въ женщинѣ только одно — роскошныя формы, трепетъ и млѣніе страсти, словомъ, осталась для меня только греческая женщина, а минна среднихъ вѣковъ скрылась навсегда. Не чувствуя въ себѣ самомъ способности не только къ вѣчной страсти, но и къ продолжительной связи съ какою бы то ни было женщиною, я не вѣрю уже той любви, которая еще такъ недавно была первымъ догматомъ моего катехизиса. Авторитеты Пушкина и подобныхъ ему натуръ еще болѣе утвердили это невѣріе. Можетъ быть, я еще и могу увлечься женщиною и любить ее, но не могу видѣть въ ней ничего больше женщины—существа, по своей духовной организаціи слабаго, бѣднаго, жалкаго. Красота еще владѣетъ (въ мечтѣ) моею душою, но что такое красота? — Годъ, одинъ годъ жизни женщины, отъ той минуты, какъ перестала быть дѣвушкою и почувствовала, что она мать!... Поневолѣ:

Безъ сожалѣнья, безъ участья,
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты;
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти жалкой только жить;
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое!
Но дни бѣгутъ, и стынетъ кровь!
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
И своенравія мечты!

Твоя исторія, Боткинъ, окончательно добила во мнѣ всякую вѣру въ чувство, можетъ быть, потому, что я слишкомъ вѣрилъ

дѣйствительности вашего чувства. И не грустно ли думать, что старикъ-то теперь торжествуетъ? И не правъ ли онъ всегда былъ, почитая долгомъ отца выдать дочь за мужчину и не почитая для этого нужнымъ ничего, кромѣ того, что обоимъ нужно для произведенія дѣтей? Вотъ гдѣ жизнь смѣется сама надъ собою, и фантазія является злымъ демономъ, коварнымъ обольстителемъ, жестокимъ предателемъ человѣка! Скажи мнѣ (хотя я этимъ вопросомъ и растравлю раны твоего сердца—но вѣдь и мнѣ не легче дѣлать его, какъ и тебѣ отвѣчать на него): что такое эта дѣвушка, столь прекрасная, граціозная, столь обольстительная для сердца, полнаго любви, для духа, полнаго сокровищъ духа? Что-жъ она, если не мечта? Прекраснъ блескъ семицвѣтной радуги, прекрасно зрѣлище сѣвернаго сіянія, но вѣдь онѣ не существуютъ въ дѣйствительности, вѣдь онѣ только обманчивыя отраженія солнца въ атмосферѣ! Вѣдь дѣйствительность должна же быть мѣрою цѣны явленій духовнаго міра, какъ золото—вещей матеріальныхъ? Иначе — что же жизнь, если не мечта? Ну, для чего же существуетъ эта дѣвушка, и не вправѣ ли иная шлюха взглянуть на нее съ чувствомъ своего превосходства потому только, что она народила полдюжину ребятъ и тѣмъ дѣйствительно ознаменовала и легитимировала свое существованіе въ дѣйствительности? Бѣдный мой Боткинъ, изъ послѣдняго твоего письма (записки) ко мнѣ я вижу, что ты глубоко страдаешь,—ты еще любишь ее и не можешь оторваться отъ этого плода на берегу Мертваго моря! Да, какъ бы ни было, и чѣмъ бы ни кончилось твое чувство, но ты дорого заплатилъ за него—ты уже излюбилъ всю любовь свою, и другой для тебя не будетъ; какъ мужчина, ты принесъ ей, какъ Молоху, въ жертву всю жизнь, весь эѳиръ жизни, всѣ мечты о счастіи, и можешь сказать ей:

Не увлекись молвою шумной:
Убило свѣтлыя мечты
Не то, что я любилъ безумно,
Но что не такъ любила ты!

А она?—

Пускай она поплачетъ:
Ей это ничего не значитъ.

Она смѣнитъ одну мечту другою и, можетъ быть, что даже и полюбитъ кого-нибудь не въ шутку. Пока же займетъ себя новою фантазіею. Чего добраго?—(отъ женщины и это можетъ

статься) можетъ быть, вспомнитъ и меня, слыша иногда повторяемое мое имя, какъ слышала его не разъ прежде, чѣмъ увидѣла меня, и будетъ обо мнѣ думать и мечтать—до тѣхъ поръ, пока и я не начну того же дѣлать: тогда предложитъ мнѣ свою дружбу и найдетъ для своихъ фантазій новаго героя; а если я не пойму ее, то предастся безнадежной страсти. Это говоритъ не мое оскорбленное въ прошедшемъ самолюбіе, этого можетъ не быть, но это возможно по «холоднымъ наблюденіямъ ума и горестнымъ замѣтамъ сердца», какъ сказалъ Пушкинъ. И между тѣмъ, фантазія такъ тѣсно слита со всѣмъ существомъ ея, что мечта можетъ давать ей роскошную жизнь, и можетъ убивать и убить ее. Кто бы ни былъ—я или другой и третій, но только не тотъ, кто бы могъ сдѣлать ее счастливою, съ кѣмъ бы могла она осуществить въ дѣйствительности все богатство своей дивной натуры. Да, старикъ правъ, какъ и всѣ люди безъ внутренней жизни: для дочерей нужна не любовь, не сочувствіе, а попъ и вѣнецъ. И я съ этимъ соглашаюсь. Ты скажешь, лучше не жить совсѣмъ, или жить въ мечтѣ, чѣмъ въ грязной дѣйствительности. Оно по чувству-то такъ, да по опыту-то иначе. Мужъ В. Дьяковой—полѣно, а между тѣмъ, онъ сдѣлалъ ее матерью, и она въ сынѣ своемъ нашла искупленіе всей жизни своей, для него хочетъ жить, и имъ мила ей жизнь. А будь-ка, вмѣсто Дьякова, человѣкъ простой, но умный и благородный, какъ напр., нашъ казначей, женись онъ на ней не по любви, а просто, какъ на хорошенькой, умненькой, доброй и образованной дѣвушкѣ, и видя въ ней всю жизнь милую и добрую жену, не подозрѣвая въ ней феникса своего пола, — она была бы пресчастливѣйшая женщина и страстно-любящая жена и мать. Кстати, о страстности: страстность непремѣнно должна составлять основу существа женщины, и духовность должна только очеловѣчивать страстность—иначе женщина — радуга, заря, сильфида и плодъ съ береговъ Мертваго моря. И мнѣ кажется, здѣсь-то Мишенька и напроказилъ. Черствая и холодная его натура чужда страсти и полна ума—вотъ этотъ-то умъ и принялъ онъ за духовность и исказилъ прекрасное женственное существо, возбудивъ въ немъ отвращеніе, какъ къ грубой животной чувственности, ко всему живому, трепетному, страстному, безъ чего женщина есть совершенный призракъ, а не живое существо.

Кольцовъ пишетъ ко мнѣ, что ты опять прихилився. Ахъ, Боткинъ, если бы ты зналъ, какъ тревожитъ меня твое состоя-

ніе, и какъ мало я вѣрю твоему выздоровленію. Будемъ смотрѣть на вещи просто и прямо, не обманывая себя, и сознаемся, что проснуться отъ дѣтства для мужества, отъ счастьица для блаженства, отъ мечты для дѣйствительности—выигрышъ, но что проснуться отъ пріятнаго сна для горькой дѣйствительности, отъ полноты счастія, хотя бы и дѣтскаго, для пустоты и безвѣрія въ жизнь—обмѣнъ грустный, которому нечего радоваться! Пиши мнѣ больше всего о своемъ состояніи. Повѣришь ли: за тебя чувствую къ ней какую-то враждебность и ненавижу женщину.

Сейчасъ прочелъ въ письмѣ твоемъ о Гете и Шиллерѣ—умнѣе и истиннѣе этого ничего не читалъ—просто не могу начитаться. Какъ хочешь, а вклею въ статью, подъ видомъ выписки изъ нѣкоего частнаго письма.

О «Запискахъ одного молодого человѣка» не хочу съ тобою спорить, ибо не вижу никакой возможности ни согласиться съ тобою, ни тебя согласить со мною. Ты просто несправедливъ къ нему, какъ къ лицу, и не любишь его, какъ личность. А для меня это—человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ у насъ, къ несчастію, мало. Мнѣ кажется, что ты все еще держишься прежняго взгляда на людей и видишь въ нихъ боговъ или свиней, тогда какъ обѣ эти крайности соединены безконечно-длинною цѣпью звеньевъ.

Насчетъ Гейне тоже остаюсь при своемъ мнѣніи. То, что ты называешь въ немъ отсутствіемъ всяческихъ убѣжденій, въ немъ есть только отсутствіе системы мнѣній, которой онъ, какъ поэтъ, создать не можетъ, и, не будучи въ состояніи примирить противорѣчій, не можетъ и не хочетъ, по нѣмецкому обычаю, натягиваться на систему. Кто оставилъ родину и живетъ въ чужой землѣ, по мысли, того нельзя подозрѣвать въ отсутствіи убѣжденій. Гейне понимаетъ ничтожность французовъ въ мышленіи и въ искусствѣ, но онъ весь отдался идеѣ достоинства личности, и неудивительно, что видитъ во Франціи цвѣтъ человѣчества. Онъ ругаетъ и позоритъ Германію, но любитъ ее истиннѣе и сильнѣе всевозможныхъ гофратовъ и мыслителей, и ужъ, конечно, побольше защитниковъ и поборниковъ дѣйствительности, какъ она есть, хотя бы въ видѣ колбасы. Гейне—это нѣмецкій французъ—именно то, что для Германіи теперь всего нужнѣе.

— —

Размышляя о моихъ прошлыхъ грѣхахъ, въ числѣ которыхъ ты такъ ложно полагаешь нападки на плюгаваго сквернавца Полевого, я вспомнилъ о моей ни на чемъ неоснованной ненависти къ С—му (протоканальѣ). Изъ чего мы всѣ вдругъ взбѣленились на него—развѣ и прежде мы знали его не такимъ, какимъ увидѣли его послѣ? Въ немъ много эгоизму, бездна самолюбія, маловато чести, нисколько благородства, онъ мелоченъ, сплетникъ, не можетъ быть ничьимъ другомъ, а тѣмъ менѣе кого-нибудь изъ насъ, но въ немъ много доброты природной, онъ уменъ, даже не безъ чувства, не безъ способности увлекаться (хоть на минуту) мыслію, а главное—онъ удивительно граціозенъ и достолюбезенъ во всѣхъ своихъ мерзостяхъ—это . . . . съ проблесками человѣчности. Не его вина, если мы хотѣли видѣть въ немъ для себя то, чѣмъ онъ ни для кого быть не можетъ. Я бы теперь съ удовольствіемъ опять сошелся съ нимъ. Я бы ужъ держалъ съ нимъ ухо востро и не позволялъ бы ему забываться со мною—и мы были бы довольны другъ другомъ. Знаешь ли, что я иногда съ умиленіемъ вспоминаю о его субботахъ, куда, вмѣстѣ съ порядочными людьми, наползали Воскресенскіе и прочіе? Знаешь ли ты, что отъ одного такого вечера въ Питерѣ я бы цѣлую недѣлю былъ счастливъ? Ужъ не говорю о вечерахъ Станкевича и твоихъ, и не требую ихъ въ Питерѣ. О, Боже мой, какъ хорошо я постигъ Питеръ!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Пожалуйста пришли мнѣ нѣсколько сводокъ перевода Каткова съ оригиналомъ: я буду писать о «Ромео и Юліи»—такъ, знаешь, безусловныя похвалы пріятелю будутъ похожи на безпристрастіе Булгарина къ Гречу.

Твоя статья получена, но прочту ее въ печати, ибо не люблю читать твою руку (кромѣ писемъ), да и Краевскій не далъ бы, ибо она уже въ типографіи. Насчетъ «Отечественныхъ Записокъ» Кронебергу и Бакунинымъ будетъ сдѣлано. О стихахъ Пушкина въ альманахѣ нельзя и говорить обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, а другого у меня нѣтъ. Я понялъ ихъ на-

сквозь. Такого глубокаго и граціозно-деликатнаго чувства нельзя выразить, какъ перечтя эти же самые стихи. Но каковы его «Три Ключа» въ 1 № «Отечественныхъ Записокъ?»—Они убили меня, и я твержу безпрестанно «Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ». Каково стихотвореніе въ 1 № «Отечественныхъ Записокъ? Кстати объ «Отечественныхъ Запискахъ»: 2 № будетъ несравненно лучше перваго. Въ отдѣлѣ наукъ двѣ статьи—Джемсонъ и изъ исторіи Меровинговъ Тьерри—что глава изъ историческаго романа Вальтера Скотта! Изъ стиховъ «Ночь» и другіе Кольцова, «Сосѣди» и «Пѣсня» Красова, новое стихотвореніе Лермонтова, присланное съ Кавказа — «пускай она поплачетъ, ей это ничего не значитъ», послѣдніе стихи этой пьесы насквозь проникнуты леденящимъ душу невѣріемъ въ жизнь и во всевозможныя отношенія, связи и чувства человѣческія. Еще стихотвореніе Пушкина; «Ночь» Кольцова, еще что-то его же; два стихотворенія Красова—«Сосѣди» и «Пѣсня». Повѣсти опять подгадили: будетъ Гребенки—она, можетъ быть, была бы и порядочна, да цензура наполовину исшельмовала и совершенно произвольно. Бѣда съ повѣстями, да и только! «Саламандра» Одоевскаго— . . . . мнимо фантастическая. Библіографія будетъ по обыкновенію недурна. Критика (стихотворенія Лермонтова) — вышла у меня статейка живая, одушевленная, если не хитрая. Смѣсь будетъ отличная.

Января 22.

Письмо мое остановилось за статьею — нынче только кончилъ и отнесъ Краевскому послѣдніе листы—слишкомъ двадцать листовъ довольно убористаго письма! Теперь совершенно убѣдился я, что нѣтъ никакой возможности писать хорошо для журнала. Мнѣ сдается, что моя статья недурна, но это—сыромятина, не выдѣланная, и повторенія, и ненужнаго, лишняго много, и нѣтъ послѣдовательности, соотвѣтствія между частями, выдержанности въ тонѣ, многое сказано наудачу, необдумано, многое выражено слабо, темно и пр. Дай мнѣ написать въ годъ три статьи, дай каждую обработать, передѣлать—ручаюсь, что будетъ стоить прочтенія, будетъ стоить даже перевода на иностранный языкъ, въ доказательство, что и на Руси кое-что разумѣютъ и умѣютъ человѣчески говорить; хорошо какому-нибудь Ретшеру издать въ годъ брошюрку, много двѣ. А тутъ напишешь 5 полулистовъ, да и шлешь въ типографію, а прочіе дуешь, какъ

Богъ велитъ, а тутъ еще Краевскій стоитъ съ палкою да погоняетъ. Впрочемъ, и то сказать, безъ этой палки я не написалъ бы никогда ни строки: вотъ разгадка, почему твоя натура кажется непроизводящею, и ты почитаешь себя неспособнымъ къ журнальной работѣ. Останься журнальная работа единственнымъ средствомъ къ твоему существованію, ты писалъ бы не меньше меня и не надивился бы своей способности писать. Такъ созданы люди. Пушкинъ былъ великій поэтъ, но и вполовину не написалъ бы столько, еслибы родился милліонеромъ и не зналъ, что такое не имѣть иногда въ карманѣ гроша.

Я было недавно пришелъ въ отчаяніе отъ своей неспособности писать: вижу—есть мысль, глубоко понимаю, что̀ хочу сказать, а сказать не могу—слова не повинуются, нужны образы, ихъ не нахожу и поневолѣ резонерствую. Теперь мнѣ это смѣшно, и я почитаю себя счастливымъ, что, напоровъ листа 3 печатныхъ, вижу, что въ нихъ есть страницы три порядочныхъ. До образовъ ли тутъ, какъ валяешь къ сроку? Завтра долженъ кончить побіеніе книжонокъ и театральныхъ пьесъ—дня два погуляю, а тамъ—огромную статью въ науки 3 № «О раздѣленіи поэзіи на роды и виды» и критику — огромную — о Петрѣ Великомъ, статья, которая лежитъ у меня на сердцѣ, давитъ его и просится вонъ. Между тѣмъ (въ это же время), надо пробѣжать тридцать томовъ Голикова, да еще сочиненія два-три о царствованіи Алексія Михайловича, — а тамъ десятка полтора рецензій на книжонки, на театральныя пьесы — вотъ тебѣ и образы, и послѣдовательность и пр. Нѣтъ, вижу, что надо отложить въ сторону претензіи и самолюбіе и быть предовольнымъ, если умный человѣкъ, прочтя мою статью, хоть и не найдетъ въ ней большихъ хитростей, но не почтетъ потерянымъ времени, которое она у него отниметъ, и скажетъ, что прочелъ съ удовольствіемъ.

Чѣмъ больше читаю отрывки изъ «Фауста» (Струговщикова, Веневитинова и др.), тѣмъ болѣе увѣряюсь, что это—величайшее созданіе мірового генія. О 2-ой части не говорю: явно, что она вышла изъ подгнившей рефлексіи, полна аллегоріями, но и въ ней должны быть дивныя частности. Понялъ я, наконецъ, что такое рефлектированная поэзія—великое дѣло! Мы не греки: греческій міръ существуетъ для насъ, какъ прошедшій (хотя и вели-

чайшій) моментъ развитія человѣчества, но онъ не можетъ дать намъ полнаго удовлетворенія. Младенчество—прекрасное время, время полноты, но кому 30 лѣтъ, наскучитъ быть съ одними дѣтьми, какъ бы ни любилъ ихъ.

Странное дѣло, нѣсколько дней назадъ вдругъ вижу во снѣ Александру Александровну; она промелькнула, какъ видѣніе, но такъ ясно, на меня повѣяло всѣмъ прошедшимъ, всею обаятельностію этого чуднаго фантастическаго существа, взоръ ея былъ печаленъ, окрестъ ея все было полно благоуханія и граціи. Я опять съ ней помирился. И какъ теперь помню, разсуждаю самъ съ собою во снѣ: вотъ я писалъ къ Боткину, что пожалуй отъ нечего дѣлать зафантазируетъ и обо мнѣ: нѣтъ, чортъ возьми, какъ бы самому опять не задурить. И я живо почувствовалъ эту опасность. Ахъ, Боткинъ, мой Боткинъ, понимаю тебя и твое состояніе... Разсуждать легко, а на твоемъ мѣстѣ—да что и говорить...

Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что пребываніе въ Питерѣ Каткова дало сильный толчокъ движенію моего сознанія. Личность его проскользнула по мнѣ, не оставивъ слѣда; но его взгляды на многое — право, мнѣ кажется, что они мнѣ больше дали, чѣмъ ему самому.

Подбивай Кульчицкаго писать для «Отечественныхъ Записокъ». Онъ могъ бы—мнѣ кажется—славные очерки нравовъ, разсказы легкіе писать—это были бы жемчужины въ Смѣси. Отчего бы не попробовать ему и повѣсти—вѣдь Гребенка пишетъ же, и иногда очень недурныя («Вѣрное лѣкарство», «Куликъ», по-моему, славныя вещи), а между тѣмъ Гребенка преограниченное существо; тогда какъ нашъ Кульчицкій — человѣкъ. Съ его гуморомъ, умомъ, чувствомъ и хохлацкою наивностію — онъ могъ бы выработать себѣ, что называется родомъ.—Грановскій, бѣдный, очень боленъ—боюсь я за него—онъ и такъ хилъ, а смерть Станкевича совсѣмъ доканала его. Невѣровъ пріѣхалъ въ Питеръ, но, узнавъ о болѣзни Грановскаго, поскакалъ въ Москву,—то-то добрая душа! Красовъ прислалъ мнѣ два письма—двѣ похоронныя пѣсни всѣхъ надеждъ жизни, прощаніе съ способностью любить! Увы! Все это тяжело падаетъ мнѣ на сердце. Прощай. Письмо это надоѣло

мнѣ. Пора кончить. Завтра (23) шлю его въ Москву—не знаю, когда-то ты его получишь.

Твой В. Бѣлинскій.

Поцѣлуй милаго казначея: вишь, плутъ, ускакалъ въ Харьковъ, а что бы въ Питерѣ побывать.

Къ А. И. Струговщикову. Вѣроятно, 1841.

Можетъ быть, и тутъ, что нужно мнѣ, но отвѣтъ Фауста пропущенъ на страницѣ, которую я нарочно загнулъ. Какъ бы то ни было, только сущность дѣла въ томъ, что Мефистофель предлагаетъ Фаусту одни наслажденія и радости, думая, что человѣку ничего другого желать нельзя, но Фаустъ отвѣчаетъ ему, что онъ хочетъ и страданія, и горя, и радости, и наслажденій, всего, что сродно человѣческой натурѣ, чѣмъ живетъ все человѣчество. Если припомните, гдѣ это,—очень буду радъ; а нѣтъ,—дѣлать нечего. Во всякомъ случаѣ вашъ всею душою

В. Бѣлинскій.

Раза три перечелъ вашу тетрадь и еще хотѣлъ бы сто разъ перечесть. Хоръ духовъ и речитативъ Мефистофеля (мои дружки) чудо, какъ хороши. Помоги вамъ Богъ поскорѣе перевести всего «Фауста»—это будетъ переводъ, а не то, чѣмъ плюнулъ на публику Губеръ.

Къ В. П. Боткину. 1 марта, 1841.

Спб. 1841, марта 1.

Сейчасъ получилъ письмо твое, любезнѣйшій Василій Петровичъ, и сейчасъ же заставилъ себя отвѣчать на него. У меня есть гнусная привычка — писать много, подробно, отчетливо и пр. и пр.—этимъ я лишаю тебя удовольствія часто получать мои письма, а себя—часто бесѣдовать съ тобою, ибо писать много—надо время и большіе сборы. Отрывокъ изъ «Hallische Jahrbücher» меня очень порадовалъ и даже какъ будто воскресилъ и укрѣпилъ на минуту — спасибо тебѣ за него, сто разъ спасибо. Я давно уже подозрѣвалъ, что философія Гегеля—только моментъ, хотя и великій, но что абсолютность ея результатовъ ни къ . . . . . не годится, что лучше умереть, чѣмъ помириться

съ ними. Это я сбирался писать къ тебѣ до полученія твоего этого письма. Глупцы врутъ, говоря, что Гегель превратилъ жизнь въ мертвыя схемы; но это правда, что онъ изъ явленій жизни сдѣлалъ тѣни, сцѣпившіяся костяными руками и пляшущія на воздухѣ, надъ кладбищемъ. Субъектъ у него не самъ себѣ цѣль, но средство для мгновеннаго выраженія общаго, а это общее является у него въ отношеніи къ субъекту Молохомъ, ибо, пощеголявъ въ немъ (въ субъектѣ) бросаетъ его, какъ старые штаны. Я имѣю особенно важныя причины злиться на Гегеля, ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему (въ ощущеніи), мирясь съ расейскою дѣйствительностію, хваля Загоскина и подобныя гнусности и ненавидя Шиллера. Въ отношеніи къ послѣднему я былъ еще послѣдовательнѣе самого Гегеля, хотя и глупѣе Менцеля. Всѣ толки Гегеля о нравственности—вздоръ сущій, ибо въ объективномъ царствѣ мысли нѣтъ нравственности, какъ и въ объективной религіи (какъ напр., въ индійскомъ пантеизмѣ, гдѣ Брама и Шива—равно боги, т. е. гдѣ добро и зло имѣютъ равную автономію). Ты — я знаю — будешь надо мною смѣяться, о, лысый!— но смѣйся, какъ хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т. е. Гегелевской Allgemeinheit). Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣствицы развитія,— а споткнешься — падай — чортъ съ тобою — таковскій и былъ с . . . с . . .. Благодарю покорно, Егоръ Ѳедорычъ—кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣствицы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. и пр.: иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови,—костей отъ костей моихъ и плоти отъ плоти моея. Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ конечно не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи. Впрочемъ, если писать объ этомъ все, и конца не будетъ. Выписка изъ Эхтермейера

порадовала меня, какъ энергическая стукушка по философскому колпаку Гегеля, какъ фактъ, доказывающій, что и нѣмцамъ предстоитъ возможность сдѣлаться людьми, человѣками и перестать быть нѣмцами. Но собственно для меня тутъ не все утѣшительно. Я изъ числа людей, которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола,—и это, кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру. Впрочемъ, я отъ этого страдаю, но не стыжусь этого. Человѣкъ самъ по себѣ ничего не знаетъ—все дѣло отъ очковъ, которые надѣваетъ на него независящее отъ его воли расположеніе его духа, капризъ его натуры. Годъ назадъ, я думалъ діаметрально-противоположно тому, какъ думаю теперь,—и право я не знаю, счастіе или несчастіе для меня то, что для меня думать и чувствовать, понимать и страдать—одно и то же. Вотъ гдѣ должно бояться фанатизма. Знаешь ли, что я теперешній болѣзненно ненавижу себя прошедшаго, и если бы имѣлъ силу и власть,—то горе бы тѣмъ, которые теперь—то, чѣмъ я былъ назадъ тому годъ. Будешь видѣть на всемъ хвостъ дьявола, когда видишь себя живого въ саванѣ и въ гробѣ, съ связанными назади руками. Что мнѣ въ томъ, что я увѣренъ, что разумность восторжествуетъ, что въ будущемъ будетъ хорошо, если судьба велѣла мнѣ быть свидѣтелемъ торжества случайности, неразумія, животной силы? Что мнѣ въ томъ, что моимъ или твоимъ дѣтямъ будетъ хорошо, если мнѣ скверно, и если не моя вина въ томъ, что мнѣ скверно? Не прикажешь ли уйти въ себя? Нѣтъ, лучше умереть, лучше быть живымъ трупомъ! Выздоровленіе! Да въ чемъ же оно? Слова! слова! слова! Ты пишешь ко мнѣ, что излюбилъ свою любовь и утратилъ способность любви; Красовъ пишетъ о томъ же; я въ себѣ чувствую то же; филистеры, люди пошлой непосредственной дѣйствительности, смѣются надъ нами, торжествуютъ свою побѣду... О, горе, горе, горе! Но объ этомъ послѣ. Боюсь, что ты меня не утѣшишь, а я тебя огорчу.

Хорошо прусское правительство, въ которомъ мы мнили видѣть идеалъ разумнаго правительства! Да что и говорить—подлецы, тираны человѣчества! Членъ тройственнаго союза палачей свободы и разума. Вотъ тебѣ и Гегель! Въ этомъ отношеніи Менцель умнѣе Гегеля, а о Гейне нечего и говорить! (Кстати: Анненковъ пишетъ, что 8 томовъ Гейне въ Гамбургѣ стоятъ 7 червонцевъ). Разумнѣйшее правительство въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, а послѣ нихъ въ Англіи и Франціи.

Что касается до исторіи Каткова, то, кажется, вижу теперь причину, почему мы не можемъ согласиться: я даже и отъ самого него мало знаю о ней, слѣдовательно, не имѣю фактовъ для сужденія. Что до Полевого,—согласенъ съ тобою; но откуда же были у него во время оно энергія характера, сила воли? Въ прошедшемъ я высоко цѣню этого человѣка. Онъ сдѣлалъ великое дѣло, онъ—лицо историческое. Теперь о моей статьѣ. Ты не понялъ, что я разумѣю подъ «слогомъ Каткова». Это опредѣленность, состоящая въ образности. Я могъ бы подкрѣпить это выпискою, но лѣнь. Что до Кудрявцева, то милліонъ разъ согласенъ съ тобою насчетъ его слога; но тѣмъ не менѣе, спокойствіе не для меня. Мнѣ нужно то, въ чемъ видно состояніе духа человѣка, когда онъ захлебывается волнами трепетнаго восторга и заливаетъ ими читателя, не давая ему опомниться. Понимаешь? А этого-то и нѣтъ,—и вотъ почему у меня много риторики (что ты весьма справедливо замѣтилъ, и что я давно уже и самъ созналъ). Когда ты наткнешься въ моей статьѣ на риторическія мѣста, то возьми карандашъ и подпиши: здѣсь бы долженъ быть пафосъ, но, по бѣдности въ ономъ автора, о, читатель! будь доволенъ и риторическою водою. Но отсутствіе единства и полноты въ моихъ статьяхъ единственно отъ того, что второй листъ ихъ пишется, когда перваго уже правится корректура. Разсуди самъ, Боткинъ: какого чорта на это станетъ? Иногда и письмо, чтобъ оно было поскладнѣе, надо просмотрѣть, перечеркать и переписать. Въ 3 № «Отечественныхъ Записокъ» ты найдешь мою статью—истинное чудовище! пожалуйста, не брани,—самъ знаю, что дрянь. Чувствую, что я голова не логическая, не систематическая, а взялся за дѣло, требующее строжайшей послѣдовательности, метода и крѣпкой мыслительности. Катковъ оставилъ мнѣ свои тетрадки—я изъ нихъ цѣликомъ бралъ мѣста и вставлялъ въ свою статью. О лирической поэзіи почти все его слово въ слово. Вышло что-то неуклюжее и пестрое. Впрочемъ,—что же! Если я не дамъ теоріи поэзіи, то убью старыя, убью наповалъ наши риторики, піитики и эстетики,—а это развѣ шутка? И потому охотно отдаю на поруганіе честное имя свое. Но вотъ что досадно до того, что я одну ночь дурно спалъ: свинья, халуй—семинаристъ Никитенко (иначе Осленко) вымаралъ два лучшія мѣста: одно о трагедіи; выписываю тебѣ его. Послѣ того какъ я вру о «Ромео и Юліи» и вранье свое заключаю словами: О, горе, горе, горе!—послѣ этого вотъ бы что читалъ ты въ

статьѣ, если бы не оный часто проклинаемый мною Подленко: «Насъ возмущаетъ преступленіе Макбета и демонская натура его жены, но если бы спросить перваго, какъ онъ совершилъ свой злодѣйскій поступокъ, онъ вѣрно отвѣтилъ бы: «и самъ не знаю»; а если бы спросить вторую, зачѣмъ она такъ нечеловѣчески-ужасно создана, она вѣрно бы отвѣчала, что знаетъ объ этомъ столько же, сколько и вопрошающіе, и что если слѣдовала своей натурѣ, такъ это потому, что не имѣла другой... Вотъ вопросы, которые рѣшаются только за гробомъ, вотъ царство рока, вотъ сфера трагедіи!... Ричардъ II возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками, унизительными для короля. Но вотъ Болингброкъ похищаетъ у него корону—и недостойный король, пока царствовалъ, является великимъ королемъ, когда лишился царства. Онъ уходитъ въ сознаніе величія своего сана, святости своего помазанія, законности своихъ правъ,—и мудрыя рѣчи, полныя высокихъ мыслей, бурнымъ потокомъ льются изъ его устъ, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу, царственное достоинство. Вы уже не просто уважаете его—вы благоговѣете передъ нимъ; вы уже не просто жалѣете о немъ—вы сострадаете ему. Ничтожный въ счастіи, великій въ несчастіи—онъ герой въ вашихъ глазахъ. Но для того, чтобы вызвать наружу всѣ силы своего духа, чтобы стать героемъ, ему нужно было испить до дна чашу бѣдствія и погибнуть... Какое противорѣчіе, и какой богатый предметъ для трагедіи, а слѣдовательно, и какой неисчерпаемый источникъ высокаго наслажденія для васъ!..»

Второе мѣсто о «Горѣ отъ ума»: я было сказалъ, что расейская дѣйствительность гнусна, и что комедія Грибоѣдова была оплеухою по ея рожѣ.

А вотъ тебѣ отвѣтъ на письмо изъ Харькова, отъ 22 января (я человѣкъ аккуратный). Видишь ли ты что: я читаю въ твоемъ сердцѣ за 700 и за 1500 верстъ: я зналъ, съ какими фантазіишками ты поѣхалъ въ Харьковъ, и съ какимъ носомъ воротился оттуда—слѣдовательно, въ твоемъ письмѣ по сей части ничего новаго для меня нѣтъ. Чортъ знаетъ, должно быть, или мы испорчены, или поэзія вретъ о жизни, клеплетъ на дѣйствительность... но, тсъ! молчаніе!... Знаешь ли: вѣдь я-то еще смѣшнѣе тебя въ разсужденіи сего города, стоящаго при рѣкѣ Харьковѣ и Лопати (кои впадаютъ въ рѣку Уды, а сія въ Донецъ—см. Краткое Землеописаніе Россійской Имперіи, стр. 109),

вѣдь я даже и не видѣлъ его, а между тѣмъ могу сказать, подъ какимъ градусомъ сѣверной широты стоитъ онъ, и что въ немъ особенно примѣчательнаго... но, тсъ! молчаніе! молчаніе!... Впрочемъ, хороши мы оба, и при свиданіи потѣшимся другъ надъ другомъ. А между тѣмъ все сіе и оное весьма понятно: страшно скучно жить одному. Чтобъ дѣлать что-нибудь и не терзаться, я долженъ по цѣлымъ днямъ сидѣть дома; а то, возвращаясь къ себѣ вечеромъ и смотря на темныя окна моей квартиры, я чувствую внутри себя плачъ и скрежетъ зубомъ... Ужасная мерзость жизнь человѣческая!

Теперь о Миссъ Джемсонъ: вотъ женщина-то! Только теперь понялъ, что такое геніальная женщина. О Юліи безподобно, дивно, но Офелія все заслонила и убила собою—лучшаго по части критики я не читалъ ни во снѣ, ни на яву съ тѣхъ поръ, какъ родился. Твой Ретшеръ—г . . . передъ этимъ очеркомъ Офеліи, сдѣланнымъ женскою рукою—педантъ, нѣмецъ, филистеръ, гофратъ. Джемсонъ бросила для меня свѣтъ и на характеръ Гамлета, и на идею всей этой драмы — величайшаго (т. е. субъективнѣйшаго) созданія Шекспира. Да, книга этой англичанки—жестокая оплеуха критическимъ колпакамъ нѣмцевъ, не исключая и самого Гете, который болѣе всѣхъ—живой критикъ. Повторяю: какъ ни прекрасенъ очеркъ характера Юліи, но послѣ Офеліи не могу и помнить его и думать о немъ. О, Боже великій — Офелія!... Эпиграфъ изъ Пушкина кстати и многознаменателенъ. Но, любезный Боткинъ, переводомъ я не совсѣмъ доволенъ: онъ отзывается какою-то тяжеловатостію, какъ будто дѣланъ съ нѣмецкаго; короче: это превосходнѣйшій переводъ критики ретшеровой, но не Джемсонъ (женщины и англичанки) переводъ. Нѣмцы губятъ тебя, похоже на то, какъ они губятъ Каткова — я долгомъ поставляю предупредить тебя объ опасности. Мое мнѣніе раздѣляютъ всѣ. Панаевъ высказалъ его еще прежде, чѣмъ я прочелъ статью. И знаешь ли что: не такъ досадно было бы видѣть еще бо̀льшіе и важнѣйшіе недостатки въ переводѣ отъ слабаго знанія обоихъ языковъ, неумѣнія или неспособности переводить, чѣмъ тотъ, о которомъ я говорю. Ты онѣметчилъ и оретшерилъ свой слогъ. Всего больше сбиваетъ тебя съ толку Ретшеръ. Ну, чортъ возьми! выскажу же наконецъ, что̀ давно кипитъ въ душѣ моей. Въ этомъ человѣкѣ много духа—не спорю; но въ немъ тоже много и филистерства.. Онъ толкуетъ все одно и то же. Его уваженіе къ субстанціальнымъ элементамъ обще-

ства (родству и браку) для меня омерзительно. Ну, скажи, Бога ради, есть ли тутъ смыслу хоть на грошъ: вотъ ты, напр., имѣлъ отъ своей гризетки ребенка, о которомъ забылъ и не вспоминалъ—неужели же ты чудовище, въ родѣ дочерей Лира? А бракъ, какъ видимъ мы его ежедневно? Имъ держится государство, но въ лицѣ толпы презрѣнной, черни подлой, Какъ же онъ, с . . . с . . , хочетъ, чтобъ я, не смѣясь и не плюя въ его филистерскую рожу, слушалъ, какъ онъ разсыпается въ гимнахъ родству и браку? Все, что̀ есть, дѣйствительно, и все, что̀ дѣйствительно, есть разумно, да не все то есть, что́ есть. Мой . . . и моя . . . . . суть, но я о нихъ не говорилъ не только человѣчеству, даже расейской публикѣ, хотя съ ней только о подобныхъ предметахъ и можно говорить. Твои и мои родители были обвѣнчаны въ церкви Божіей, но мы съ тобою тѣмъ не менѣе — незаконныя дѣти, тогда какъ всякій сынъ любви есть законное дитя. Однимъ словомъ, — къ дьяволу всѣ субстанціальныя силы, всѣ преданія, всѣ чувства и ощущенія, да здравствуетъ одинъ разумъ и отрицаніе! Французы — молодцы: у нихъ бракъ — контрактъ въ конторѣ нотаріуса; квакеры—молодцы: у нихъ священнослуженіе — проповѣдь въ комнатѣ; Сѣверо-Американскіе Штаты — идеалъ государства. Да здравствуетъ разумъ и отрицаніе! Къ дьяволу преданіе, формы и обряды! Проклятіе и гибель думающимъ иначе! Но объ этомъ послѣ — чувствую, что безъ драки не обойдется.

О, Офелія, о, блѣдная красота сѣвера, голубка, погибшая въ вихрѣ грозы!... Мочи нѣтъ—слезы рвутся изъ глазъ. Стыдно—у меня теперь въ комнатѣ сидитъ чиновникъ, мой родственникъ—человѣкъ преданія и субстанціальныхъ стихій общества.

Ты пишешь, что ты плохой судья моихъ статей. Эта фраза облила мое сердце теплымъ елеемъ любви и счастія. Да, чортъ возьми! строгихъ судей мы найдемъ себѣ, найдемъ и такихъ, которые полюбятъ насъ за статьи, но которые любятъ статьи наши за насъ, а насъ за статьи наши—такихъ немного найдемъ. Пусть любовь къ истинѣ борется въ насъ съ любовію къ личности одинъ другого, и да не побѣждаютъ совершенно ни та, ни другая сторона, и да будетъ благословенъ святой и человѣчный союзъ нашъ! Ты у меня одинъ—вѣрь, что и я у тебя одинъ: это сознаніе много даетъ мнѣ—оно не все, но нѣчто, а безъ него было бы ровное ничто. Вотъ и третья недѣля поста прошла—скоро праздникъ весны и праздникъ свиданія. Разставшись дѣтьми, встрѣтимся,

если не мужами, то юношами, которые уже не шутя задумались надъ жизнью. Послушай: если ты умный человѣкъ, а не чортъ знаетъ что, ты, вѣрно, сядешь въ дилижансъ на второй день праздника, въ понедѣльникъ, а въ четвергъ я обниму тебя. Правда? Вѣдь праздникъ самое скучное время — и что тебѣ въ немъ?

Переводъ Гетевской пьесы Кронеберга былъ бы прекрасенъ, если бы не былъ испорченъ словомъ любя́щимъ, вмѣсто люби́щимъ. Какъ ты не замѣтилъ ему этого?

Вчера видѣлъ всю ночь Станкевича—будто онъ не умеръ, а только съ ума сошелъ. Странное дѣло: вотъ уже во второй разъ вижу этотъ нелѣпый сонъ.

Поклонись за меня Красову въ ноги—я изгадилъ его пьесу «Сосѣди». Читаю и натыкаюсь на стихъ: «Усъ крутой слѣдя безбожно».—Что за галиматья, Краевскій? — Да у васъ такъ. Смотрю—точно. Я часто и въ чтеніи перевираю стихи, напримѣръ, вмѣсто: «И что прощать святое право страданьемъ куплено тобой» я часто читаю: «И что страдать святое право прощаньемъ куплено тобой». Въ письмѣ же я безпрестанно дѣлаю такія описки. Прости и помилуй, любезнѣйшій Василій Ивановичъ! Чувствую, что виноватъ, какъ свинья. Въ слѣдующей книжкѣ будетъ сдѣлана поправка въ опечаткахъ. Кстати: скажи ему: писать и лѣнь и некогда. Въ Питеръ ѣхать не совѣтую—пропадетъ. На Одоевскаго надежда плохая, а на Жуковскаго и говорить нечего. Въ Москвѣ его знаютъ, а въ Питерѣ онъ не найдетъ и уроковъ.

А каковы новые стихи Лермонтова? Онъ рѣшительно идетъ въ гору и высоко взойдетъ, если пуля дикаго Черкеса не остановитъ его пути. Милому Кудрявцеву сто поклоновъ и сто проклятій: грѣхъ и стыдно ему забывать пріятеля, который каждый день вспоминаетъ о немъ съ любовію и умиленіемъ. Кетчеру жму крѣпко руку. Сто разъ сбирался поклониться Клыкову—и все забывалъ, увлекаясь огромнымъ и разностороннимъ содержаніемъ моихъ нелѣпыхъ писемъ—за то 50 разъ ему поклонись и 50 разъ присядь. Что Лангеръ и его мальчики?

Не подумай, однако-жъ, чтобъ я твой переводъ находилъ дурнымъ—говорю это не изъ приличія и деликатности, а изъ опасенія, что ты не такъ поймешь меня. Твой переводъ отзывается тяжеловатостію, потому что ему приданъ чуждый и несвойственный ему колоритъ, что̀ тѣмъ досаднѣе, что я знаю, какъ бы ты могъ перевести, и что ты одинъ только и могъ перевести, какъ слѣдуетъ. Что твоя статья о Прометеѣ? — она ужасно интересуетъ меня. Не скажу, чтобы не хотѣлось прочесть Ретшера о Лирѣ, но одна мысль о моральномъ духѣ, который у этого нѣмца является какъ-то вмѣсто нравственнаго, охлаждаетъ излишній жаръ хотѣнія. А что я не совсѣмъ неправъ — доказательство Баумъ, поддѣвшій его на критикѣ о «Wahlverwandschaften»— именно на бракѣ, т.-е. на мнимой святости и дѣйствительности неразумнаго и случайнаго брака. Когда люди будутъ человѣчны и христіанны, когда общество дойдетъ до идеальнаго развитія— браковъ не будетъ. Долой съ насъ страшныя узы! Жизни, свободы!

А какой славный малый Сатинъ! Теплое сердце, благородная душа!

Съ Кольчугинымъ я провелъ—повѣришь ли—нѣсколько счастливыхъ и прекрасныхъ минутъ. Я знаю, что онъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ истина и поэзія сами по себѣ, а жизнь сама по себѣ; знаю, что въ немъ нѣтъ субъективности, елейности, безумія любви и шипучей пѣны фантазіи,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, какая здоровая натура, какой крѣпкій практическій умъ! Я его спросилъ, знаетъ ли онъ стихотворенія Лермонтова: я не читаю нынѣшнихъ поэтовъ — отвѣчалъ онъ. Я прочелъ ему «Думу»— боюсь взглянуть—думаю—вотъ скажетъ: «да что же тутъ?», а онъ сказалъ: да, это великій поэтъ. Читаю «Три Пальмы»—при описаніи каравана у него слезы на глазахъ. Да, живя въ Питерѣ, научишься понимать и цѣнить такихъ людей.

Ключниковъ (И. П.) моритъ меня со смѣху своими письмами. Что за дивное искусство не попадать, куда мѣтится! Хвалитъ мою статью о Лермонтовѣ и судитъ о ней, какъ будто совсѣмъ не о ней: говоритъ, что Лермонтовъ въ пьесѣ «И скучно и грустно» высказалъ сомнѣнія, которыя его, Ключникова, мучили въ 1836 и пр. Мочи нѣтъ, какъ смѣшно! Въ этомъ человѣкѣ

нѣтъ и тѣни способности непосредственнаго пониманія предметовъ. Онъ все дѣлаетъ чрезъ рефлексію (и притомъ о . . . .). Я надъ нимъ тѣшусь. Не покажетъ ли онъ тебѣ моего письма: право, забавно.

Что Грановскій? Кстати: увѣдомь меня, что онъ—сердится на меня за что, или просто не любитъ? Я о немъ и разспрашиваю, и пишу, и поклоны посылаю; а отъ него себѣ не вижу ни отвѣта, ни привѣта. Скажи всю правду—я въ обморокъ не упаду и скоропостижно не . . . . , хотя говорю искренно—люблю и уважаю этого человѣка и дорожу его о себѣ мнѣніемъ.

Прочелъ «Эгмонта»: дивное, благородное созданіе! Есть что-то шиллеровское въ его основѣ.

Сейчасъ прочелъ въ 1 № «Пантеона» очень хорошо набросанную біографію Шиллера—мочи нѣтъ—слезы восторга и умиленія такъ и рвутся изъ глазъ — сердце хочетъ выскочить изъ груди. Что, если бы ты изъ книги Гофмейстера составилъ бы хорошую, подробную біографію Шиллера! Великое было бы дѣло, и ты бы превосходно могъ совершить его. А какая была бы польза для общества!

Въ смѣси 3 № «Отечественныхъ Записокъ» напечатаны (почти цѣликомъ) письма Анненкова изъ-за границы—прелесть. Я еще больше полюбилъ этого человѣка.

Ну, да прощай—полно болтать—усталъ. Эхъ, кабы поскорѣй поболтать языкомъ, а не перомъ.

В. Б.

Къ В. П. Боткину, 13 марта, 1841.

Спб. 1841, марта 13.

Дражайшій мой Василій, двѣ писульки твои показали мнѣ, что тебѣ приходится жутко. Это самое и требовало бы отъ меня немедленнаго отвѣта, но что станешь дѣлать съ самимъ собою—легче справиться съ капризною кокеткою, чѣмъ съ своею непосредственностію, которая нагло смѣется надъ чувствомъ, мыслію и

волею. Притомъ же моя проклятая болтливость на письмѣ: совѣстно и приняться за письмо въ 10 строчекъ. Ты требуешь— не то, чтобы утѣшенія, а чтобы я объяснилъ тебѣ собственное твое положеніе и указалъ на дорогу выйти изъ него,—да, требуешь, хоть, можетъ быть, и безсознательно. Выскажу тебѣ прямо, какъ понимаю тебя, ее и все дѣло. По моему мнѣнію, вы оба не любите другъ друга; но въ васъ лежитъ (или лежала) сильная возможность полюбить другъ друга. Тебя сгубило то же, что и ее—фантазмъ. Въ этомъ отношеніи вся разница между вами—ты мужчина, а она дѣвушка. Ты имѣлъ о любви самыя экстатическія и мистическія понятія. Это лежало въ самой твоей натурѣ, по преимуществу религіозно-созерцательной; Марбахъ и Бетина (отъ которыхъ ты съ ума сходилъ) развили это направленіе до чудовищности. И ты не совсѣмъ былъ неправъ: такая любовь возможна и дѣйствительна (можетъ быть даже, она—самый пышный, самый роскошный цвѣтъ жизни нашей), но возможна и дѣйствительна, какъ моментъ, какъ вспышка, какъ утро, какъ весна жизни: подобно столѣтнему алоесу, она распускается огромнымъ, пышнымъ, ароматическимъ цвѣтомъ — лучшимъ цвѣтомъ природы, но который зато цвѣтетъ только разъ въ годъ, и притомъ только четыре часа. Въ этомъ отношеніи ты правъ былъ, думая, что любишь, ибо любилъ дѣйствительно, и притомъ такою любовью, къ которой способны только благороднѣйшія натуры (чисто внутреннія, субъективныя, созерцательныя). Но ты былъ неправъ, думая, что такой любви мало вѣчности, не только жизни человѣческой. Ты забылъ, что «мы не греки и не римляне», и что намъ «другія сказки надобны», какъ сказалъ Карамзинъ. У грека жизнь не раздѣлялась на поэзію и прозу, и полнота его жизни не была конкреціею поэзіи и прозы—полнота, которой пришествія должно ожидать новѣйшее человѣчество, и которая будетъ его тысячелѣтнимъ царствомъ. Понимаешь ли ты теперь, что твоя любовь нисколько не рифмовала съ бракомъ и вообще съ дѣйствительностію жизни, состоящею изъ поэзіи и прозы, изъ которыхъ каждая имѣетъ на насъ равно законныя требованія? Вотъ на чемъ срѣзался Станкевичъ, и вотъ на чемъ суждено было срѣзаться и тебѣ. Отсюда выходили твои экзажерованныя понятія о брачныхъ отношеніяхъ, гдѣ каждый поцѣлуй долженъ былъ выходить изъ полноты жизни, а не изъ рефлексіи, и пр. Признаюсь, это мнѣ всегда казалось страшною дичью, и я поэтому казался тебѣ и Мишелю страшною дичью. Но я

былъ правъ. Я понималъ, что въ жизни не разъ придется спросить жену, принимала ли она слабительное, и хорошо ли ее слабило, и не лучше ли ей, вмѣсто слабительнаго, поставить клистиръ. Эта противоположность поэзіи и прозы жизни ужасала меня, но я не могъ закрыть на нее глаза, не могъ не видѣть, что она есть. Тебя это часто оскорбляло, и я внутренно презиралъ себя, видя, что ты, по крайней мѣрѣ, не уважаешь меня. Что дѣлать — тогда ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ быть собою, ибо каждый хотѣлъ быть абсолютнымъ (т. е. безцвѣтнымъ и абстрактнымъ) совершенствомъ. Теперь мы умны: но дорого достался намъ этотъ умъ. Теперь я знаю, за что и почему ты дорогъ и необходимъ мнѣ, и знаю, за что и почему я дорогъ и необходимъ тебѣ; ты это тоже знаешь. Ты хочешь видѣть во мнѣ меня, я въ тебѣ — тебя. Но это въ сторону. Итакъ, я очень хорошо понималъ, что состояніе влюбленнаго, состояніе жениха—поэзія, чистая, безпримѣсная поэзія; а состояніе женатаго — ложка поэтическаго меду и бочка прозаическаго дегтю. Какъ ты ни будь остороженъ, а все же жена увидитъ тебя въ подштанникахъ, а ты ее въ юбкѣ. Это случается и съ любовниками, но тамъ это—поэзія, ибо запрещенный плодъ. И потому, я понимаю, что скорѣе къ любовницѣ нельзя пробираться ночью съ мыслію: «дай-ка потѣшу грѣшную плоть», чѣмъ къ женѣ. Всегдашняя возможность и законность наслажденія — ужасная проза, которая вредитъ духу на счетъ плоти. Вотъ почему художники враги брака. Какъ понизились ихъ отношенія къ любовницамъ, или поохладѣла любовь—и конецъ старой связи, и начало новой. Въ бракѣ не то. Вспомни, что жена кормитъ грудью дѣтей, что роды (особенно, если она слишкомъ нѣжнаго сложенія) уменьшаютъ ея красоту, что много-много черезъ пять лѣтъ—слава Аллаху, если еще часто будетъ заходить въ голову сія конкретная мысль: «дай-ка схожу». Много могъ бы я наговорить объ этомъ, но ты самъ голова умная, хоть и лысая, и дополнишь все, чего я не досказалъ. Да, я это давно понималъ; но тѣмъ не менѣе, ты былъ правъ, оскорбляясь моими понятіями объ этомъ предметѣ: идеальность жила въ твоемъ духѣ, кипѣла въ твоей крови, — была лучшимъ сокровищемъ, драгоцѣннѣйшимъ перломъ твоей жизни—горе тому, кто не цѣнилъ его, или смотрѣлъ на него не твоими глазами. Это не то, что Мишель Бакунинъ, который рѣшилъ, что я пошлякъ, по моему выраженію «спать съ женою»: то идеальность скопца и о . . .

. . . . Да, любовь и бракъ—это вздоръ. Я теперь понимаю основную мысль «Ромео и Юліи», т.-е. необходимость трагической коллизіи и катастрофы. Ихъ любовь была не для земли, не для брака, и не для годовъ, а для неба, для любви, для полнаго и дивнаго мгновенія. Я понимаю возможность, что они опротивѣли бы со временемъ другъ другу. Не знаю, что̀ собственно разумѣлъ Гегель подъ «разумнымъ бракомъ», но если я такъ понимаю его идею, то онъ—мужикъ умный. Любовь для брака дѣло не только не лишнее, но даже необходимое; но она имѣетъ тутъ другой характеръ, тихій, спокойный: удалось — хорошо; не удалось—такъ и быть, не умираютъ, не дѣлаются несчастны, но могутъ поискать себѣ и другихъ паръ [1]). Разсудокъ тутъ играетъ роль не меньшую чувства, если еще не бо̀льшую: могутъ входить въ соображеніе и лѣта оной дѣвицы, и здоровье ея, свои средства денежныя, ея приданое и прочее, что̀ не входитъ въ разсчеты любви. Жена—не любовница, но другъ и спутникъ нашей жизни, и мы заранѣе должны пріучаться къ мысли любить ее и тогда, какъ она будетъ пожилою женщиною, и тогда, какъ она будетъ старушкою.

Итакъ, ты утратилъ не способность любви, а только способность той любви, которая бываетъ разъ въ жизни и больше не бываетъ. Ты теперь не любишь не потому, что не любилъ, а фантазировалъ, а потому, что любовь твоя совершила полный циклъ свой, потому, что ты уже излюбилъ всю любовь свою. Готовься къ новой любви, ищи новой любви; не можешь—думай о былой, но уже не думай воротить ее.

Что до нея,—право, не могу утвердительно рѣшить вопроса о ея чувствѣ къ тебѣ, ибо не читалъ ея къ тебѣ писемъ и вообще многаго не знаю о вашихъ отношеніяхъ. Подозрѣваю, что любовь ея истинна въ основаніи (какъ потребность), но ложна въ проявленіи, благодаря направленію, данному нашимъ доморощеннымъ философомъ.

Теперь вопросъ — что-жъ тебѣ дѣлать? Душа моя, такіе вопросы не рѣшаются чужою головою. Однако, скажу, какъ я понимаю это дѣло.

Нѣкогда ты писалъ мнѣ, что во мнѣ нѣтъ Entsagung, и я чуть было не пришелъ въ отчаяніе, что у меня нѣтъ этой прекрасной

[1]) Въ подлинникѣ послѣ слова «паръ» стоятъ слова: «страстный, хоть и духовно страстный», а за ними зачеркнуто слово: «впрочемъ». Вѣроятно, и эти слова должны быть зачеркнуты.—*Прим. А. П.*

вещи — даже думалъ, гдѣ бы прикупить оной, или (къ чему я болѣе привыкъ) призанять. У меня и теперь нѣтъ ни Entsagung, ни Resignation, — и я не хочу ни того, ни другого, не видя въ нихъ нужды. То и другое есть отрицаніе себя для общаго, а я ненавижу общее, какъ надувателя и палача бѣдной человѣческой личности. Но я думаю, что человѣку надо быть себѣ на умѣ насчетъ жизни и больше всего опасаться придавать ей много важности. Ты тонешь въ рѣкѣ: удалось выплыть—хорошо, можно позаняться тѣмъ или другимъ, хоть пообѣдать лишній разъ; тонешь — утѣшай себя мыслію, что все равно, что равно глупо остаться жить, какъ и умереть. Чтобы наслаждаться жизнію, надо имѣть въ запасѣ нѣсколько холодности и презрѣнія къ ней, и спѣшить на ея призывы и обольщенія, какъ ѣхать съ визитомъ къ человѣку, который очень нуженъ и важенъ для тебя со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ, но съ которымъ у тебя нѣтъ ничего общаго, котораго ты не любишь и не уважаешь за личный характеръ: и вотъ ты ѣдешь къ нему и думаешь: застану дома—хорошо, мои дѣлишки поправятся; не застану—еще лучше, избавлюсь отъ непріятности дружески бесѣдовать съ непріятнымъ для меня человѣкомъ. Одинаковая причина иногда рождаетъ различныя слѣдствія: ежели, съ одной стороны, минуты нашего бѣднаго существованія такъ кратки и подвержены надувательству, что намъ надо быть осторожными въ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ, то съ другой стороны, жизнь наша такъ коротка и дрянна, что если мы будемъ гадать — четъ или нечетъ, то она пронесется мимо носу, а мы останемся съ четомъ или нечетомъ. Что до меня,—узнай я, что дѣвушка (сколько-нибудь не совсѣмъ пошлая) такъ любитъ меня, что не можетъ жить безъ меня, и будь при этомъ у меня обезпеченіе, или у ней приданое — чорта ли тутъ думать — вѣдь все равно, что одному зѣвать, что вдвоемъ. Но если бы я самъ далъ ей на себя какія-нибудь права, — то и толковать нечего, особенно, если навлекъ на нее вниманіе общества, говоръ толпы. И потому, мой милый Боткинъ, смотри, какъ обстоятельства установятся, и вѣрь, что то и другое все равно: не женясь, ты ничего не выигрываешь (ибо зѣвота не есть выигрышъ) и ничего не проигрываешь (ибо не сковываешь себя); женясь, ты опять столько же рискуешь проиграть, сколько и выиграть. Черезъ нѣсколько лѣтъ не будетъ ни насъ, ни костей нашихъ, — и кому будетъ не лѣнь и подумать о томъ, надъ чѣмъ ты теперь такъ много и крѣпко

думаешь? Она — повѣрь мнѣ — будетъ не та: проза жизни, особенно материнскія обязанности и чувства, сведутъ ее съ облаковъ на землю, изъ пери сдѣлаютъ женщиною. Ты будешь славнымъ и почтеннымъ филистеромъ. Ничего не требуя другъ отъ друга, ничего не обѣщая одинъ другому, вы полюбите другъ друга просто и совсѣмъ другимъ образомъ, а привычка докончитъ дѣло. Впрочемъ, все это я пишу на тотъ случай, что если ты увидишь себя въ казусѣ—что надо жениться. Если же выйдетъ худо для нея такъ, что не въ твоей волѣ будетъ сдѣлать хорошо,—то не предавайся отчаянію и знай, что не твоя вина, потому что не твоя воля. Мы всѣ глупы, думая, что мы можемъ быть правы или виноваты: мы только получаемъ награды и наказанія, а дѣлаетъ за насъ судьба. Но главное—не смотри на вещи слишкомъ высоко, не придавай ничему слишкомъ важнаго значенія. Не должно дѣлать себѣ изъ жизни какой-то тяжелой работы, хотя и не всегда должно жить, какъ живется.

Напрасно, мнѣ кажется, рѣшился ты избѣгать свиданія и объясненія: надо-бъ, напротивъ, искать того и другого, чтобъ высказать все, что̀ есть и какъ есть. Бояться нечего: никто не виноватъ въ томъ, что̀ есть и какъ есть, если это что̀ и какъ сдѣлалось не по его волѣ. А между тѣмъ, ты поступилъ бы прямо и честно, не далъ бы повода ей къ ложнымъ заключеніямъ и мучительнымъ догадкамъ. Право, мнѣ кажется, надо хоть написать къ ней. Понимаю, что ты не любишь ея братьевъ: я самъ не люблю ихъ, исключая Николая, котораго очень люблю, и Ильи, котораго по крайней мѣрѣ не не люблю. Кромѣ исключенныхъ, всѣ они какіе-то скопцы и о . . . . отъ природы, но, все-таки, ты напрасно гнушаешься дѣлать ихъ своими орудіями, когда нужно. Нѣтъ нужды—по шеѣ; нужны—иди къ нимъ или посылай за ними.

Ну, вотъ я все сказалъ, что̀ хотѣлъ сказать! Если еще что не досказано—пиши: я отвѣчу тотчасъ же. Чортъ возьми, твое положеніе—мнѣ страшно и въ фантазіи увидѣть себя въ немъ, а между тѣмъ я немного и завидую тебѣ: мнѣ кажется, что все это лучше, чѣмъ мое протяжное и меланхолическое зѣваніе. Вообще, я теперь больше, чѣмъ прежде, подверженъ мехлюдіи: такъ завидую всякому развлеченію.

Петровы отъ тебя въ неистовомъ восторгѣ, изъ чего я вижу, что они хорошіе люди. Вотъ тебѣ и комплиментъ, за который ты долженъ прислать мнѣ что-нибудь, хотя картинку (особенно

аретинскаго содержанія, къ которымъ у меня развилась такая страсть, что хочу собирать коллекцію: надо же, душа моя, заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, если свѣтская чернь насъ не понимаетъ).

Ты меня заставилъ разсвирѣпѣть фразою въ письмѣ изъ Харькова, что мы «скоро увидимся». Но случилось мнѣ вскорѣ итти по дворцовой площади, и — о, боги! — строютъ балаганы— значитъ, близко масленица, и Боткинъ правъ. Дня два назадъ, опять иду, и—о, Зевсъ многосовѣтный!—опять строютъ балаганы, стало быть Пасха на дворѣ, а ты вѣдь на 2-й или непремѣнно на 3-й день праздника садишься въ почтовую карету (билетъ возьми сейчасъ же, если еще не взялъ). Мысль о балаганахъ и паяцахъ слилась во мнѣ конкретно съ тобою (это острота, за которую слѣдуетъ мнѣ съ тебя получить еще скандалезную картинку). Пріѣхавъ въ Питеръ (если не въ четвергъ, то въ пятницу на праздникѣ), тотчасъ съ чемоданомъ изъ почтовой конторы ко мнѣ: я буду ждать. Кланяйся всѣмъ нашимъ—Красову, Кетчеру, Лангеру, Грановскому (с . . . с . . , подлецу), казначею, Сатину, Огареву, ну, и еще кто помнитъ меня.

Новаго, слава Богу, нѣтъ ничего, а старое все хорошо до мочи нѣтъ. Лермонтовъ еще въ Питерѣ. Если будетъ напечатана его «Родина»—то, аллахъ-керимъ,—что за вещь — пушкинская, т.-е. одна изъ лучшихъ пушкинскихъ. Панаевъ и Языковъ тебѣ кланяются. Языковъ все бѣгаетъ отъ самого себя, но какъ у него ноги кривы и плохи, и не можетъ убѣжать. Прощай.

Твой В. Б.

Къ А. А. Краевскому. Мартъ, 1841.

Увѣдомлять мнѣ васъ о моемъ рѣшеніи нечего—оно принято, и я на дняхъ же принимаюсь кое за какія работы, хотя и не знаю, будетъ ли отъ этого какой толкъ. Дѣлать (т.-е. писать статьи) я рѣшительно не могу потому, что для этого нужно сколько-нибудь спокойствія (внѣшняго), чтобы внутри не скребли кошки. Съ библіографіею возиться—пожалуй. Только въ такомъ случаѣ (т.-е. если денегъ (1727 р.) вы рѣшительно достать скоро будете не въ состояніи), намъ будетъ нужно перерядиться платою, ибо, какъ я меньше буду работать, то мнѣ меньше надо будетъ и получать отъ васъ. И потому, прошу васъ объ одномъ:

какъ скоро ваши надежды на заемъ рушатся, тотчасъ же увѣдомьте. Что до вашихъ 162 р., то, конечно, безъ нихъ мнѣ нельзя будетъ переѣхать на новую квартиру. Отъ старой я боленъ — давлюсь кашлемъ, исхожу мокротою, ибо и съ чаемъ и со щами ѣмъ аллебастровую пыль. Какое дѣйствіе произвела на меня очевидность не получить нужной мнѣ суммы, о которой я вамъ писалъ,— не говорю: это спокойствіе отчаянія. Я васъ не виню, но все-таки думаю, что еслибъ вы со мною съ первымъ раздѣлались еще въ январѣ—это было бы съ вашей стороны великодушно, а для меня хорошо. Въ числѣ кредиторовъ, которые, можетъ быть, и дѣйствительно были важнѣе меня, вѣроятно, были люди, для которыхъ вексель на три тысячи имѣлъ бы какое-нибудь значеніе, тогда какъ для меня это бумага, годная только для извѣстнаго употребленія, почему у насъ съ вами о ней не можетъ быть и рѣчи. Впрочемъ, это только мои догадки, которыя, по моему незнанію дѣлъ этого рода, можетъ быть, и нелѣпы. Какъ бы то ни было, но я теперь въ такомъ положеніи, о которомъ лучше думать съ самимъ собою, а другимъ нечего и говорить.

Посылаю вамъ рецензію на «Душеньку». Все остальное нынче пришлю.

В. Б.

Къ А. А. Краевскому. 1841.

Вы не совсѣмъ понимаете меня, Краевскій. Я отказываюсь отъ критики потому, что мнѣ, по причинѣ безденежья, некогда ею заниматься; слѣдовательно, само собою разумѣется, что я не могу писать обѣщанныхъ статей: ибо что же бы другое, какъ не ихъ, и сталъ бы я писать это лѣто, еслибъ могъ писать? Что до 3-ей статьи о Петрѣ Великомъ, то, хоть мнѣ, по состоянію моего духа, и совсѣмъ не до нея, но, разумѣется, что я ее буду писать, и потому мѣсяцъ май, во всякомъ случаѣ, будетъ у насъ на прежнихъ основаніяхъ. Книги я буду разбирать всѣ и всякія, какія пришлете, какъ было прежде; театръ тоже останется по-прежнему. А критики я не могу писать потому, что хочу (въ надеждѣ денегъ) составить исторію Робинзона Крузое, передѣлать въ книгу статью мою о дѣтскихъ книгахъ и т. п. Бога ради, поймите проще и правдивѣе мое рѣшеніе: ваше несостояніе заплатить мнѣ извѣстную сумму слѣдующихъ мнѣ по

1-е апрѣля денегъ и цензурный гнетъ дѣлаютъ для меня критики ярмомъ невыносимымъ, а необходимость заняться другимъ для денегъ лишаетъ меня и времени и заниматься ими. Вотъ и все. Неудовольствія у меня противъ васъ нѣтъ, и я увижусь съ вами, какъ и всегда. Но говорить съ вами объ этомъ предметѣ не почитаю за нужное, 1-е, потому, что разговоры о деньгахъ для меня—пытка, 2-е, что больше и яснѣе того, что написалъ вамъ, ничего и никакъ не могу. Если вы въ скорѣйшемъ времени достанете мнѣ 1570 рублей,—я снова и еще съ бо̀льшимъ противъ прежняго усердіемъ запрягусь работать для «Отечественныхъ Записокъ», и кромѣ того, что̀ обязанъ буду дѣлать по условію, буду давать и ученыя статьи (которыхъ нѣсколько вертится у меня въ головѣ), по-прежнему не требуя и даже не желая за нихъ особенной платы. Если нѣтъ—я по изложеннымъ причинамъ не могу писать критикъ, ни новыхъ, ни обѣщанныхъ. Дѣло мое просто и чисто: если бы я сердился на васъ и хотѣлъ съ вами разойтись, — повѣрьте, я не погнался бы за библіографіею и театральною хроникою, а безумія и гордости умереть съ голоду у меня всегда станетъ. Понимаете ли вы теперь, о чемъ я говорю? Повторяю: дѣло—просто. Знаю, что я васъ мучу, поставляя въ необходимость доставать деньги съ трудомъ и хлопотами, и повѣрьте, мнѣ совсѣмъ не сладко знать это; но я освирѣпѣлъ отъ нужды, какъ звѣрь: если бы какой покойникъ долженъ мнѣ былъ хоть 10 рублей, мнѣ хотѣлось бы вырыть его ногтями изъ могилы и, за деньги, оглодать его кости. Бога ради, похлопочите—я сочту это не за долгъ вашъ, а за услугу, и буду умѣть быть за нее благодарнымъ. До самой подписки вы не услышите отъ меня ни полслова даже о рублѣ серебромъ. Но теперь, мнѣ не до самопожертвованія.

Посылаю послѣднія рецензіи и книги.

В. Б.

Къ И. А. Бакунину. 6—8 апрѣля, 1841.

Спб. 1841, апрѣля 6 дня.

Любезнѣйшій мой Николай Александровичъ, вѣроятно, это письмо удивитъ васъ, какъ выходецъ съ того свѣта. Вѣроятно, вы давно уже думаете, что я и забылъ васъ и разлюбилъ, потому что не отвѣчаю на ваше письмо, посланное вами назадъ

тому ровно годъ. Вы очень несправедливы ко мнѣ, если можете такъ думать, но все-таки я самъ виноватъ въ этой несправедливости. Что дѣлать, — лѣнь, апатія, омертвѣніе души и тѣла, хлопоты, безпокойства, нужды, нездоровье и тому подобныя пріятности жизни, которыя судьба такъ щедро отпустила на мою долю—вотъ причина моего молчанія. Сто, тысячу разъ сбирался писать не къ одному вамъ, но ко многимъ, письма которыхъ лежатъ у меня по полугоду и году—и все не могу, а между тѣмъ они меня мучатъ, не даютъ покою. Повѣрьте, милый мой глуздырь, я полюбилъ васъ не отъ нечего дѣлать, не отъ недостатка въ знакомыхъ и пріятеляхъ, и не на часъ: гдѣ бы вы ни были, сколько бы времени ни не видались, но всегда и вездѣ я встрѣчусь съ вами, какъ съ милымъ сердцу моему человѣкомъ, и братски обнимусь. Все, что я говорилъ вамъ о васъ же самихъ,—все это я и теперь говорю. Повѣрьте мнѣ, если моя натура и эксцентрическая, и я тотчасъ разольюсь всякою мыслію и всякимъ чувствомъ, которыя западутъ въ меня, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы я былъ опрометчивъ въ моихъ привязанностяхъ и могъ обманываться въ людяхъ и перемѣнять о нихъ мнѣніе. Нѣтъ, полюбивъ человѣка разъ, я уже не могу отъ него оторваться. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить вашъ братъ Мишель. Я, наконецъ, оторвался отъ него навсегда и больше не прилѣплюсь къ нему, но чего мнѣ это стоило: почти трехлѣтней лихорадочной борьбы съ самимъ собою. Нисколько не обижая его, скажу, что онъ самъ виноватъ, если мы теперь только знакомы, и то по воспоминанію о прошедшемъ, и если встрѣтимся на дорогѣ жизни, то только по старой привычкѣ будемъ говорить другъ другу ты. Кстати: я получилъ отъ него письмо изъ Берлина (отъ 4 сентября прошлаго года), письмо, полное искренности и добросовѣстности. Онъ обвиняетъ себя въ прошедшемъ, говоритъ, что дорого далъ бы, чтобъ передѣлать его, что я былъ правъ, называя его сухимъ діалектикомъ, ибо онъ въ самомъ дѣлѣ резонерствовалъ тамъ, гдѣ надо было чувствовать, и пр. Но знаете ли что̀, любезнѣйшій Николай Александровичъ, — это-то письмо, именно потому, что оно искренно и добросовѣстно, и показало мнѣ, что мы разошлись навсегда, и что прошедшаго уже не воротить. Оставляя въ сторонѣ многое изъ того, что̀ онъ дѣлалъ со мною и съ другими, и о чемъ мнѣ еще не такъ давно (вы это помните) было тяжело и возмутительно вспомнить, а теперь скучно

и непріятно думать, оставляя все это въ сторонѣ, я увидѣлъ изъ самаго этого письма, что въ нашихъ натурахъ лежитъ страшное противорѣчіе, что исходные пункты нашей жизни враждебны. Я ему не отвѣчалъ и не буду отвѣчать. Да и для чего? Развѣ не написалъ я ему кипы писемъ (вы читали ихъ), писанныхъ кровью моею — и что-жъ?—и ни на одно изъ нихъ не получилъ прямого и честнаго отвѣта, отвѣта на вопросъ. Подъ прямымъ и честнымъ отвѣтомъ на вопросъ я разумѣю: если виноватъ—виноватъ (и я былъ готовъ прощать и любить), а если правъ—то вотъ-де почему. Во всякаго рода сношеніяхъ, близкихъ и далекихъ, я почитаю первѣйшимъ условіемъ не умствованіе и разсужденіе, даже не умъ, не чувство, не геній, а прямоту и честность. Я тому только могу быть и другомъ, и пріятелемъ, и хорошимъ знакомымъ, о комъ могу хорошо думать, не какъ объ умѣ, талантѣ и даже геніи, а какъ о характерѣ, за кого могу вступиться и назвать порицателя клеветникомъ. Послѣ этого вы легко согласитесь со мною, что я могъ бы сойтись снова съ Мишелемъ не иначе, какъ потребовавъ отъ него строгаго отчета во многомъ, въ чемъ (я увѣренъ) онъ не захочетъ дать мнѣ отчета. А то стоитъ ли портить желчь (и безъ того испорченную), кипятить кровь (и безъ того перекипѣвшую—и притомъ напрасно), тратить время и дорого платить за почту? Притомъ же, для меня много въ поступкахъ его (не съ однимъ мною, а еще съ однимъ и еще со многими) такъ все ясно, что, право, у меня не станетъ ни интересу, ни силы, ни энергіи, ни охоты затѣвать новую пустую исторію, — тѣмъ болѣе, что я хорошо чувствую и ясно сознаю, что могу жить, не желая съ нимъ ни сойтись, ни встрѣтиться, хотя я встрѣчусь, если случится, безъ ненависти, если и безъ любви. Поэтому думаю, что и онъ также, въ отношеніи ко мнѣ. Извините меня за эти строки, которыя, можетъ быть, оскорбятъ васъ. Я безъ того въ этомъ отношеніи много виноватъ передъ вами, потому что говорилъ слишкомъ опредѣленно и рѣзко, тогда какъ надо было дать вамъ самому понять дѣло такъ, какъ бы вы его поняли. Но это происходило оттого, что я многое бралъ слишкомъ къ сердцу. Что дѣлать? у меня такая несчастная натура: истерзанный, убитый, исколесованный собственными горестями, я еще могу терзаться и мучиться чужими. Примите эти строки даже не за желаніе завести съ вами переписку объ этомъ предметѣ (видитъ Богъ — я далекъ отъ

подобнаго желанія); нѣтъ, мнѣ просто хотѣлось дать вамъ знать, въ какихъ я нахожусь отношеніяхъ къ Мишелю, и тѣмъ избавить васъ отъ промаха писать ко мнѣ о томъ, о чемъ у насъ не можетъ быть переписки, и на счетъ чего мы должны оставаться каждый при своемъ мнѣніи. И вы не бойтесь встрѣтить въ моихъ письмахъ хотя одно слово объ этомъ предметѣ.

Увы! какъ много утекло воды съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ вами! Вы не узнали бы меня, встрѣтившись со мною. Лицо мое все то же: апатическое всего чаще, бѣшеное и страстное иногда, и одушевленное тихою грустію очень рѣдко; все такъ же рѣзки его черты, и такъ же некрасиво оно; но я, мой образъ мыслей — нѣтъ, иной и въ сорокъ лѣтъ не можетъ измѣниться до такой степени! Какъ бы горячо прижалъ я къ сердцу благороднаго П. Ѳ. Заикина, какъ поняли бы мы теперь другъ друга! Я мучилъ его моими дикими убѣжденіями, занятыми по слухамъ у гегелизма, въ которомъ, и не перевранномъ, такъ много кастратскаго, т.-е. созерцательнаго или философскаго, противоположнаго и враждебнаго живой дѣйствительности. Я имѣлъ передъ нимъ много шансовъ въ развитіи, подавляя его діалектикою и своимъ авторитетомъ, оскорбилъ въ немъ святѣйшія человѣческія вѣрованія. Да, теперь уже не Гегель, не философскіе колпаки—мои герои; самъ Гете великъ, какъ художникъ, но отвратителенъ, какъ личность; теперь снова возникли передо мною во всемъ блескѣ лучезарнаго величія колоссальные образы Фихте и Шиллера, этихъ пророковъ человѣчности (гуманности), этихъ провозвѣстниковъ царства Божія на землѣ, этихъ жрецовъ вѣчной любви и вѣчной правды, не въ одномъ книжномъ сознаніи и браминской созерцательности, а въ живомъ и разумномъ That. Художественная точка зрѣнія довела было меня до послѣдней крайности нелѣпости, и я не шутя было убѣдился, что французская литература вздоръ, а о самихъ французахъ сталъ думать точь въ точь, какъ думаютъ о нихъ наши богомольныя старухи. Но это только одна сторона моего измѣненія, и сторона хорошая; есть другая сторона— грустная. Я уже не та экстатическая, прекрасная душа, которая, обливаясь кровавыми слезами, избичеванная внутренними и внѣшними бѣдами, оскорбленная въ самыхъ законныхъ и святыхъ стремленіяхъ и желаніяхъ, клялась и увѣряла всѣхъ и каждаго, а вмѣстѣ и себя, что жизнь — блаженство, и что лучше жизни нѣтъ ничего на свѣтѣ. Опытъ сорвалъ покровъ съ жизни—и я

увидѣлъ румяна на очаровательныхъ щекахъ этого призрака, увидѣлъ, что объ руку съ нимъ идетъ смерть и тлѣніе — противорѣчіе. Она хороша для тѣхъ, для кого хороша, и только на то время, когда хороша. Для меня она никогда не была добра, и я безкорыстно курилъ ей ѳиміамъ, какъ Донъ-Кихотъ своей Дульцинеѣ. Теперь полно быть дюпомъ. Было время, когда я не могъ безъ бѣшенства слышать выраженія сомнѣнія о прочности и вѣчности любви на землѣ; мнѣ было досадно встрѣчать у Пушкина веселыя похвалы непостоянству или горькія жалобы на слабость человѣческаго сердца; а теперь эти стихи Лермонтова—для меня то же, что для набожнаго мусульманина стихи изъ алкорана:

Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
И своенравія любви?

Томясь попрежнему танталовскою жаждою любви, я въ то же время никакъ не могу понять для себя возможности любить больше года женщину, какъ бы ни была она прекрасна и какъ бы ни любила меня. Да, мы всѣ герои въ извѣстныя лѣта жизни, когда бываемъ глуздырями, но, сдѣлавшись людьми, сознаемъ свое ничтожество. Было время, когда женщина была для меня божествомъ, и мнѣ какъ-то странно было думать, что она можетъ снизойти до любви къ мужчинѣ, хотя бы онъ былъ геніи; а теперь—это уже не божество, а просто—женщина, ни больше, ни меньше, существо, на которое я не могу не смотрѣть съ нѣкотораго рода сознаніемъ своего превосходства, которое основывается не на моей личности, а только на моемъ званіи мужчины. Хороши и мы, но онѣ еще лучше. Лучшія изъ нихъ безъ сомнѣнія тѣ, которыя способны осчастливить мужчину, слиться съ нимъ и уничтожиться въ немъ, безъ рефлексіи, безъ раздѣла, со всею полнотою безумія, которое одно есть истинная жизнь. Но много ли такихъ? Онѣ рѣдки, какъ геніи между мужчинами, и онѣ-то всего чаще бываютъ непризнаны, и ихъ-то всего менѣе способны мы понимать и цѣнить. Мотыльки, мы вьемся все около зажженныхъ свѣчъ, обольщаемые коварнымъ блескомъ огня. А другія, т.-е. бо́льшая часть самыхъ лучшихъ-то? Эге! скажу я, какъ хохолъ. Онѣ тоже хорошо понимаютъ насъ: одной нужна перетянутая талія и черненькіе усики, другой — умъ, талантъ, геній, героизмъ, и почти ни

одной — простое любящее сердце, здравый, но не блестящій умъ, благородство — словомъ, мужчина, которому довѣрчиво и безпечно могла бы она [1]) отдаться, на котораго спокойно и увѣренно могла бы опереться. Поэтому, часто онѣ не любятъ тѣхъ, которые ихъ любятъ, и отдаются тѣмъ, которые ихъ обманываютъ. Пушкинъ глубоко правъ:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.

Къ рѣдкой изъ нихъ (даже любящей, или любившей, или думающей, что она любитъ или любила), нельзя примѣнить этихъ стиховъ Лермонтова:

Пускай она поплачетъ:
Ей ничего не значитъ.

Сколько въ жизни встрѣчается прекраснѣйшихъ женственныхъ личностей въ обладаніи у скотовъ, — и спросите каждую изъ нихъ—рѣдкая не сознается въ томъ, что ее любилъ достойный человѣкъ, котораго она отвергла. Да, какъ попристальнѣе и поглубже всмотришься въ жизнь, то поймешь и монашество, и схиму, и желаніе смерти. Я часто желаю смерти, и мысль о ней ужъ болѣе умиряетъ и грустно утѣшаетъ меня, чѣмъ пугаетъ и мучитъ. Все ложь и обманъ, все—кромѣ наслажденія,— и кто уменъ, будучи молодъ и крѣпокъ, тотъ возьметъ полную дань съ жизни, и въ лѣта разочарованія у него будетъ богатый запасъ воспоминаній. Есть наслажденіе мчаться верхомъ на лошади, скакать на лихой тройкѣ въ саняхъ, есть наслажденіе сорить деньги, хорошо пообѣдать, временемъ выпить порядочно: но выше всего—женщина. Въ послѣднемъ случаѣ вся тайна— смотрѣть на вещи, какъ можно проще и легче. Идетъ гризетка, или хорошенькая горничная (рекомендую вамъ, милый офицеръ, этотъ родъ существъ въ особенности) — приставайте; ваша — не упускайте и наслаждайтесь до утраты силъ; обругала и плюнула въ глаза—оботритесь носовымъ платкомъ и запойте, что хотите— «Лѣсного царя» или пѣсню Беранже. Барышни и не бранятся, и не плюются (т.-е. благовоспитанныя барышни), но вѣжливо приставляютъ носы—ничего, утѣшьтесь хорошимъ обѣдомъ и бутылкою шампанскаго или рейнвейна; ваша—бросайтесь стремглавъ въ море

[1]) Послѣ слова «она» зачеркнуто: «дав».—*Прим. А. П.*

наслажденія, тоните и захлебывайтесь въ немъ. Надоѣло—ищите другихъ; слезы, упреки, обмороки—принимайтесь за мораль, отнѣкивайтесь, дѣлайте, что хотите, только не пугайтесь, не приходите въ отчаяніе. Я говорю по опыту: малаго я не хотѣлъ, и лишился всего, и нечѣмъ помянуть юность. Назади и впереди—пустыня, въ душѣ—холодъ, въ сердцѣ — перегорѣлые уголья, которые и въ самоваръ не годятся.

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Да, ни одного образа, который бы я могъ назвать своимъ и милымъ, я одинъ въ мірѣ, мое сердце ни для кого не бьется, потому что для него не билось ни одно сердце.

Всѣмъ постылый, чужой,
Никого не любя,
Въ мірѣ странствую я,
Какъ вампиръ гробовой.

Я очерствѣлъ, огрубѣлъ, чувствую на себѣ ледяную кору; я знаю, что живому человѣку тяжело пробыть со мною вмѣстѣ нѣсколько часовъ сряду. Внутри все оскорблено и ожесточено; въ воспоминаніи—одни промахи, глупости, униженіе, поруганное самолюбіе, безплодные порывы, безумныя желанія. Я никого, впрочемъ, не виню въ этомъ, кромѣ себя самого и еще судьбы. Такова участь всѣхъ людей съ напряженною фантазіею, которые не довольствуются землею и рвутся въ облака. Мой примѣръ долженъ быть для васъ поучителенъ. Спѣшите жить, пока живется. Любите искусство, читайте книги, но для жизни (т.-е. для женщины) бросайте и то и другое къ чорту.

Недавно былъ у меня Боткинъ. Непредвидѣнное обстоятельство (судебно-коммерческое дѣло) потребовало его личнаго присутствія въ Питерѣ въ то время, какъ его мать и сестра были опасно больны. Пріѣхалъ онъ ко мнѣ въ понедѣльникъ на шестой недѣлѣ поста и сказалъ, что, если письма изъ Москвы будутъ хороши, то проживетъ до половины апрѣля. Дѣло его кончилось, письма все становились благопріятнѣе; но вдругъ мать умерла, и въ середу на страстной недѣлѣ онъ поскакалъ въ Москву,—и я какъ будто и не видѣлся съ нимъ. Теперь его положеніе перемѣнилось—на его рукахъ огромное семейство, состоящее изъ дѣтей малъ-мала меньше—надо образовать. Оста-

валась у него одна отрадная мечта — уѣхать за границу, и теперь онъ прикованъ. Такъ уничтожаются всѣ мечты жизни, самыя отрадныя. Я такъ и не мечтаю о путешествіи, хоть оно одно стоитъ мечтаній: моя участь ничего не надѣяться, ничѣмъ не насладиться.

Кланяйтесь отъ меня вашимъ сестрамъ. Память о нихъ для меня всегда свята: съ воспоминаніемъ о нихъ связано мое болѣзненное, страдательное развитіе. Все худое (въ которомъ я одинъ виноватъ) какъ-то убродилось, хотя иногда змѣйка воспоминанія и больно еще жалитъ истерзанное сердце; все хорошее (а и его было много) благодатною росою освѣжаетъ мертвую душу. Это бываетъ рѣдко, но зато минуты эти для меня отрадны, ибо я могу тогда страдать. Да, несмотря на все, память о нихъ переживетъ во мнѣ все и умретъ послѣдняя. И та жива въ моей душѣ, которой уже нѣтъ, и та, которая далеко теперь отъ васъ. Поручаю вамъ испросить мнѣ прощеніе (съ приличнымъ колѣнопреклоненіемъ) у Татьяны Александровны, передъ которою я былъ пошло виноватъ, за мои о ней дикія понятія въ извѣстное вамъ время. Правда, мое враждебное къ ней чувство возникло не въ сердцѣ, но зашло въ него изъ фантастическаго горшка Гофманова, но я тѣмъ не менѣе виноватъ: я долженъ бы знать, что какой бы ни былъ горшокъ, хотя бы фантастическій и золотой, но изъ горшка добраго ничего нельзя взять, потому что всѣ горшки наполняются дрянью. Я знаю, что Татьяна Александровна неспособна питать неудовольствія на человѣка, грубо не понявшаго ее; но мнѣ больно думать, что она и теперь можетъ считать меня въ числѣ людей, которые, безъ зазрѣнія совѣсти, могутъ упорствовать въ нелѣпой ошибкѣ на счетъ ея благороднаго, истинно-женственнаго и любящаго сердца. Я знаю, что теперь такихъ людей ужъ больше нѣтъ, а тѣ, которые были, горько раскаиваются въ своемъ опрометчивомъ и неосновательномъ убѣжденіи. Что дѣлать?—люди всегда люди, и имъ всего труднѣе понимать вещи просто. На счетъ этого предмета ожидаю отъ васъ скораго и подробнаго отчета. Хотя и не сомнѣваюсь въ прощеніи, но все-таки не могу не освободиться отъ какого-то безпокойства, потому что чувствую себя недостойнымъ прощенія. Каково здоровье Александры Александровны? Умѣряйте ея любовь къ дрянной тверской природѣ—о прямухинской не смѣю и говорить, ибо вполнѣ убѣжденъ, что италіанская передъ нею—ничто. Впрочемъ, осмѣливаюсь думать,

что, какъ ни благодатна прямухинская природа, но съ нею надо обращаться осторожнѣе, чѣмъ съ италіанскою, хоть она и лучше послѣдней, т.-е. не мѣшаетъ среди лѣта одѣваться потеплѣе для вечернихъ прогулокъ. Впрочемъ, это больше любезность съ моей стороны, чѣмъ совѣтъ.

Мое почтеніе Александру Михайловичу и Варварѣ Александровнѣ.

Мой адресъ: На Васильевскомъ островѣ; во 2 линіи, противъ Академіи Художествъ, въ домѣ Бема, квартира № 7.

Бога ради, пишите ко мнѣ, а я, ей Богу, буду аккуратно отвѣчать. Прошу, милый офицеръ и молодой глуздырь, писать поразборчивѣе и (если можете) съ знаками препинанія, и съ должнымъ вниманіемъ къ роковымъ буквамъ *ъ* и *е*. Вашъ всею душою и всѣмъ сердцемъ—Orlando furioso, иначе

В. Бѣлинскій.

Апрѣля 8.

Языковъ и Панаевъ вамъ кланяются. Они, особенно послѣдній, часто и съ любовью вспоминаютъ о васъ.

Жалко, что остается такъ много бѣлой бумаги. Видите, какія огромныя письма пишу, и судите, чего мнѣ стоитъ написать письмо. Привычка вторая натура—вся жизнь моя въ письмахъ. Недавно заглянулъ въ кипу моихъ писемъ, возвращенныхъ мнѣ Мишелемъ, и былъ пораженъ: Боже мой, сколько жизни изжито, и все по пустякамъ! И какую глупую роль игралъ я, какъ много было во мнѣ любви и какъ мало благородной гордости! О, молодой глуздырь—не попархивай: смотрите на насъ старичковъ и поучайтесь.

Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣться съ вами въ Питерѣ, поспорить, побраниться, какъ живо я вижу теперь передъ собою вашу отвратительную физіономію, въ которой, впрочемъ, мнѣ кое-что и нравится, особенно улыбка. Какъ ваша служба? Хороша ли наша дѣйствительная жизнь?—Ну, смотрите же: обо всемъ, обо всемъ, и какъ можно больше, а то разсержусь на васъ. Если не будете писать ко мнѣ, я подумаю, что вы разлюбили меня, а мнѣ больно это думать, потому что я васъ люблю (и чортъ знаетъ, за что—ну, что въ васъ?—и важности никакой—такъ—офицерикъ, дрянь, сѣрная спичка, сосулька), какъ немногихъ любилъ. Ну, да отвяжитесь отъ меня—что пристали? Прощайте. Э, да! и забылъ было: прошу поподробнѣе

извѣстить меня о вашихъ подвигахъ на поприщѣ службы подъ знаменемъ Амура, какъ выражались любезники прошлаго вѣка: это для меня всего интереснѣе:

Я молодъ юностью чужой.

Къ В. П. Боткину. 9 апрѣля, 1841.

Спб. 1841, апрѣля 9.

Вотъ и письмо отъ тебя, любезный Боткинъ—ты въ Москвѣ, я въ Питерѣ, и словно мы съ тобою во снѣ увидѣлись. Увы! Жизнь бѣжитъ отъ меня—въ сердцѣ пусто, въ душѣ холодно, а извнѣ словно кора ледяная лежитъ и не пропускаетъ сквозь себя ни свѣту, ни теплоты солнечной. Ну—да чортъ возьми все это—надоѣло и говорить все одно и то же. Твой пріѣздъ былъ для меня такимъ толчкомъ, что и теперь не могу опомниться. Мнѣ легко стало смотрѣть на Питеръ—даже улицы начинаютъ нравиться. Странная натура: я до такой степени во власти моихъ религіозныхъ убѣжденій и заблужденій, что смотрю на вещи сквозь цвѣтъ ихъ стекла и, подъ ихъ вліяніемъ, зимній морозъ готовъ принять за лѣтній жаръ, и наоборотъ. Ну, да объ этомъ послѣ. Никакъ не думалъ я, чтобы письмо мое могло тебѣ понравиться; написавъ его, я былъ ужасно имъ доволенъ, а какъ ты пріѣхалъ въ Питеръ, оно мнѣ казалось такъ глупо, что мнѣ было стыдно и вспомнить о немъ. Написалъ письмо и даже послалъ (8 апрѣля) къ Николаю Бакунину въ Тверь. Также къ Каткову въ Берлинъ, но еще не послалъ. Ну, братъ, какую же ты коммиссію навязалъ мнѣ—я такъ и растерялся итти въ аптеку—да я боюсь людей—и то, что вспомнилъ о Кирюшѣ—и вотъ посылаю. Завтра отправлю Кошихина.

Съ чего ты взялъ, что не простился со мною? Я очень хорошо помню, что мы цѣловались съ тобою счетомъ два, если не три раза. Ты былъ въ себѣ, и какъ во снѣ видѣлъ все внѣ тебя. Лѣтомъ постараюсь побывать въ Москвѣ—употреблю всѣ силы. Знаешь ли, кто теперь гоститъ у меня? Князь Козловскій. Онъ все тотъ же—не измѣнился нисколько. Только я теперь люблю его еще больше, потому что теперь понимаю его лучше. Благородный и простой человѣкъ! О тебѣ онъ говоритъ съ религіознымъ чувствомъ.

Очень тронули меня твои простыя, прямо изъ сердца вылившіяся строки о пріѣздѣ домой, объ отцѣ, дѣтяхъ, но говорить объ этомъ ничего не могу. Укрѣпи тебя Христосъ на терпѣніе и на святой подвигъ. Тяжело и грустно, но и тутъ есть своя хорошая сторона: служа опорою дряхлому и слабому старику-отцу и малымъ дѣтямъ, ты будешь имѣть право иной разъ съ уваженіемъ взглянуть и на себя. Не все же жить въ себѣ — не мѣшаетъ и выйти вовнѣ—лишь бы стоило выходить, а тебѣ теперь и есть куда и есть зачѣмъ выходить изъ себя.

Прощай, другъ. Жму твою руку и обнимаю тебя. Всѣ наши тобою интересуются—разумѣется, всѣхъ больше Гефестъ хромоногій. Хорошъ Шевыревъ: Лермонтовъ подражаетъ Бенедиктову и пр. Святители! Изъ моей несчастной статьи вырѣзанъ весь смыслъ, ибо выкинуто ровно половина. Прощай.

Твой В. Б.

Кланяйся всѣмъ, кто помнитъ меня.

Къ Д. П. Иванову. 11 апрѣля, 1841.

Спб. 1841, апрѣля 11.

Ты давно уже не пишешь ко мнѣ, а я къ тебѣ давно уже не пишу, любезный мой Дмитрій, и причина нашего обоюднаго молчанія, къ сожалѣнію, очень понятна мнѣ: ты не хочешь меня огорчать повтореніемъ одного и того же, а я не имѣлъ до сей минуты никакихъ средствъ перемѣнить это одно и то же. Но, слава Богу, теперь могу нѣсколько поправить мои московскія дѣла. Нынче или завтра ты получишь отъ Краевскаго записку на полученіе семисотъ рублей ассигнаціями. Изъ нихъ отдай двѣсти рублей асс. Ивану Петровичу Ключникову и въ полученіи возьми отъ него росписку и пришли ее ко мнѣ; да спроси его, сколько я останусь ему еще долженъ. Далѣе: отдай весь долгъ Дарьѣ Титовнѣ: чай, который она получила отъ Боткина, пойдетъ за проценты, да сверхъ того, купи ей (тоже въ подарокъ за невольное терпѣніе) фунтъ 8-мирублеваго чаю и головку сахарку. Всѣ остальныя деньги пойдутъ на Никанора, по твоему усмотрѣнію. Ты даже и не говори ему, сколько прислалъ я для него денегъ, и вообще каждую копейку долженъ получать онъ изъ твоихъ рукъ, а всего лучше, если ты самъ все будешь покупать для него. Скажи ему, что я прислалъ не больше восьми-

десяти рублей, и что надо изворачиваться, какъ можно искуснѣе. Впрочемъ, оно и такъ придется поступать поискуснѣе и поэкономнѣе, ибо и 250 руб. не чортъ знаетъ, какая сумма. Главное дѣло, устрой ему бѣлье: купи дюжины двѣ носковъ, чтобъ онъ имѣлъ возможность перемѣнять ихъ рѣшительно каждый день. Рубахъ (только не шеи холстинковыхъ и ситцевыхъ—гадки, не прочны, и холстинныя прочнѣе и лучше) и подштанниковъ столько, чтобъ онъ могъ перемѣнять непремѣнно два раза въ недѣлю. Также и носовыхъ платковъ столько, чтобъ онъ не имѣлъ нужды носить въ рукѣ или въ карманѣ грязнаго, запачканнаго и вонючаго платка. Опрятность прежде всего — это самое священное дѣло. Потомъ: сапоги, калоши. Послѣднія тоже нужны для опрятности, да и сапоги съ ними носятся дольше. Подъ калоши не забудь велѣть подложить зеленаго сукна. Наконецъ: манишки, галстухъ, перчатки и прочія мелочи. Что до платья, то какъ можно меньше: лучше починить и передѣлать старое, ибо, если онъ поступитъ въ университетъ, тогда надо же будетъ шить новое платье. Сверхъ того, я кое-чего пришлю изъ платья (штановъ и жилетовъ). Чтобъ только до экзаменовъ было въ чемъ протаскаться, да на экзамены въ чемъ явиться. Сапоги и бѣлье— дѣло другое: они не форменные и пойдутъ навсегда. Если нужно, купи ему тюфякъ, подушку, одѣяло, а если есть диванъ, то и не нужно. А всего лучше — диванъ купи, коли есть гдѣ поставить, такой, чтобы подымался, и въ него можно было класть подушку, лишніе сапоги и прочую дрянь, а онъ самъ замѣнялъ бы и диванъ и кровать. Изъ книгъ купи Кронеберговъ словарь—въ Москвѣ онъ печатается новымъ изданіемъ. Церковную исторію Иннокентія и Филарета я пришлю, а какія еще книги нужны, пришли реестръ: присланный отданъ Полякову, а тотъ и пропалъ съ нимъ. Гоняй Никанора рѣшительно каждую недѣлю въ баню. Купи ему гребешокъ, щетку и гребень. Лѣтомъ пусть купается каждый день—это будетъ стоить 10 коп. за разъ. Поддерживай его духъ и, для Бога и для меня, старайся съ нимъ ладить. Похлопочи объ орѳографіи — онъ и понятія о ней не имѣетъ — это видно изъ его писемъ. Пиши попрежнему всю правду о немъ—иначе ты поступишь со мною, какъ съ врагомъ. Надѣюсь лѣтомъ (во время экзаменовъ) побывать у васъ, и все устрою: или онъ будетъ у тебя жить, какъ должно, или я разведу его съ тобою. Потерпи немного — терпѣлъ много. Надо употребить послѣднія усилія для спасенія безумца: тебя наградитъ

за это Богъ и твоя совѣсть. Во мнѣ не сомнѣвайся: моя довѣренность къ тебѣ безгранична, и я во всемъ вѣрю тебѣ и во всемъ полагаюсь на тебя безусловно.

Ржевскій здѣсь. Хорошо наградилъ его сіятельный-то: всѣ эти господа и глупы и подлы до нельзя—чортъ съ ними. Ржевскій говорилъ мнѣ о тебѣ много хорошаго: онъ хвалитъ тебя и какъ учителя, и какъ человѣка. Это меня порадовало. Насмѣшилъ онъ меня разсказомъ, какъ поддѣлъ тебя и заставилъ проболтаться, что ты женился.

Мои дѣла все плохи. Тебѣ извѣстно, какое нынѣ время, какъ всѣ бѣдны деньгами, и какъ (поэтому) плохи подписки на журналы. Впрочемъ, увидимся, переговоримъ обо всемъ поподробнѣе. А между тѣмъ, ты все-таки пиши ко мнѣ обо всемъ, и какъ можно подробнѣе. Что ты, какъ ты, твое семейство, твои надежды? Что Леонора Яковлевна? Что твои пташки? Твоя служба? И пр. и пр.

Если (по той причинѣ, что новаго платья не нужно будетъ шить) останутся деньги — возьми ихъ себѣ на храненіе и употребляй на свои нужды, а послѣ отдашь, или по мелочи на него же въ разное время употребишь.

Ну, больше писать нечего. Всѣмъ, кто помнитъ меня, кланяйся. Скажи Дарьѣ Титовнѣ, что много виноватъ передъ нею и чувствую вину свою. Глупую росписку возьми у нея и пришли ко мнѣ. Да намекни ей, что вотъ, молъ, и росписка вышла изъ сроку, а я все-таки отдалъ долгъ, слѣдовательно, росписка была не нужна.

Кстати: только что я написалъ половину письма, какъ Краевскій прислалъ ко мнѣ слѣдующую тебѣ записку къ Кони. Сходи съ ней въ контору «Отечественныхъ Записокъ», что у Кони, и отдай ему самому, получи деньги и дай въ полученіи росписку.

Письмо мое къ Никанору прочти сперва самъ, а послѣ отдай ему. Все, что было, скажи мнѣ безъ утайки: если онъ, съ минуты полученія, начнетъ новую жизнь, я старымъ и не попрекну его и какъ-будто не буду и знать; но знать-то мнѣ все-таки нужно все. Главное—какой эффектъ произведетъ на него мое письмо—замѣчай и увѣдомь.

Леонорѣ Яковлевнѣ поклонъ чуть не до ногъ. Малютокъ твоихъ цѣлую. Если къ моему пріѣзду изготовишь новаго — я

крещу; а то заочно. Алешу цѣлую. Теперь у меня гоститъ князь Козловскій. Онъ пріѣхалъ въ Питеръ искать должности.

Ну, прощай — жду съ нетерпѣніемъ отвѣта твоего на это письмо, разсчитываю по пальцамъ, когда ты долженъ будешь получить мое письмо. Не заставь же меня мучиться ожиданіемъ. Каково идутъ дѣла нашего студента — не мѣшало бы ему написать мнѣ письмецо.

В. Б.

Къ Н. Х. Кетчеру. Весна, 1841.

Здравствуй, любезный Кетчеръ. Благодарю тебя, душа моя, за моего полоумнаго брата. Дуралей не то худо сдѣлалъ, что схватилъ. . . . . (съ одной стороны это даже похвально), а то, что скрывалъ его, и, если бы ты насильно не спасъ его, онъ погибъ бы. Бога ради, не давай ему денегъ, не слушай о его нуждахъ, а болѣе всего не вѣрь ему въ томъ, что онъ будетъ говорить тебѣ худого объ Д. П. Ивановѣ. Сѣлъ мнѣ братъ на шею, у меня большая охота любить его, да онъ владѣетъ какимъ-то особеннымъ искусствомъ отвращать меня отъ себя. Не оставь его, Кетчерушка, своими благими совѣтами. Ты такъ добръ, что во всякомъ готовъ принять участіе—вотъ почему я, не женируясь, обращаюсь къ тебѣ.

Благодаря тебѣ, я прочелъ 5 драмъ Шекспира (1-ую часть «Генриха IV» по-французски). Переводъ твой хорошъ; только въ «Генрихѣ V», Бога ради, измѣни сцену разговора Генриха съ Катериною: она говоритъ у тебя, какъ нѣмецъ пивоваръ, безъ всякой граціи. Заставь ее ошибаться въ фразахъ, а не ломать слова; возьми въ образецъ языкъ Іюньской Росы въ «Патфайндерѣ». Потомъ, замѣни непристойное слово «Катя» благороднымъ словомъ «Кетти». Да замѣни вездѣ нелѣпое слово «королевственный» словомъ «царственный». Вотъ тебѣ мое искреннее мнѣніе о твоемъ переводѣ и дружескій совѣтъ, изъ котораго дѣлай, что заблагоразсудишь, хоть . . . . . .

Нелѣпый, обнимаю тебя — мнѣ весело сказать тебѣ это. Я снова вышелъ на большую дорогу (только не для грабежа), и съ нея уже не собьетъ меня и самъ «Москвитянинъ». Теперь я понялъ и тебя. Мнѣ смѣшно вспомнить о той «королевственности», съ какою я нѣкогда смотрѣлъ, съ высоты моего шутов-

ского величія, на твои самыя человѣческія убѣжденія. Ну, да къ чорту это — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Одно еще я долженъ сказать: ты побѣдилъ меня! Довольно этого—остальное ты самъ поймешь, и мнѣ не нужно увѣрять тебя въ моей любви, дружбѣ и уваженіи.

Мужайся, о, нелѣпый, и трудись. Твои скромные и благородные труды дадутъ свой плодъ. Только вотъ что: увидимъ ли мы твоего Шекспира въ печати?

Прощай, другъ Кетчеръ. Вѣрно ты въ Москвѣ увидишь Кони—онъ едва держится на ногахъ отъ тяжести лавровъ, которыми увѣнчали его «Пантеонъ», «Литературная Газета» (удивительно изящное изданіе) и особенно «Пчела» статьею Булгарина. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Князь Козловскій бьетъ тебѣ челомъ.

Къ В. П. Боткину. 27—28 іюня, 1841.

Спб. 1841, іюня 27.

Давно уже, любезнѣйшій мой Василій [1]), не писалъ я къ тебѣ и не получалъ отъ тебя писемъ. За 700 верстъ мы понимаемъ другъ друга, какъ за два шага, и потому не претендуемъ на молчаніе. Помню, какъ-то разъ ты писалъ ко мнѣ, что наша дружба даетъ намъ то, чего никогда бы не могло намъ дать общество: мысль глубоко несправедливая, ложь вопіющая! Увы, другъ мой, безъ общества нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ, а есть только порыванія ко всему этому, порыванія неровныя, безсильныя, безъ достиженія, болѣзненныя, недѣйствительныя. Вся наша жизнь, наши отношенія служатъ лучшимъ доказательствомъ этой горькой истины. Общество живетъ извѣстною суммой извѣстныхъ принципій, которыя суть почва, воздухъ, пища, богатства каждаго изъ его членовъ, которыя суть одни конкретное знаніе и конкретная жизнь каждаго изъ его членовъ. Человѣчество есть абстрактная почва для развитія души индивидуума, а мы всѣ выросли изъ этой абстрактной почвы, мы, несчастные Анахарсисы новой Скифіи. Оттого, мы зѣваемъ, толчемся, суетимся, всѣмъ интересуемся, ни къ чему не прилѣпляясь, все пожираемъ, ничѣмъ не насыщаясь. Сальное, но,

[1]) Это имя зачеркнуто,—конечно, не Бѣлинскимъ.—*Прим. А. П.*

къ несчастію, вѣрное сравненіе: духовная пища, которую мы пожираемъ безъ разбора, не обращается въ нашу плоть и кровь, но въ чистое, безпримѣсное экскрементумъ. Мы любимъ другъ друга, любимъ горячо и глубоко — я въ этомъ убѣжденъ всею силою моей души; но какъ же проявлялась и проявляется наша дружба? Мы приходили другъ отъ друга въ восторгъ и экстазъ— мы ненавидѣли другъ друга, мы удивлялись другъ другу, мы презирали другъ друга — мы предавали другъ друга, мы съ ненавистію и бѣшеною злобою смотрѣли на всякаго, кто не отдавалъ должной справедливости кому-нибудь изъ нашихъ—и мы поносили и злословили другъ друга за глаза передъ другими, мы ссорились и мирились, мирились и ссорились; во время долгой разлуки мы рыдали и молились при одной мысли о свиданіи, истаевали и исходили любовію другъ къ другу, а сходились и видѣлись холодно, тяжело чувствовали взаимное присутствіе и разставались безъ сожалѣнія. Какъ хочешь, а это такъ. Пора намъ перестать обманывать самихъ себя, пора смотрѣть на дѣйствительность прямо, въ оба глаза, не щурясь и не кривя душою. Я чувствую, что я правъ, ибо въ этой картинѣ нашей дружбы я не затемнилъ и ея истинной, прекрасной стороны. Теперь посмотри на нашу любовь: что это такое? Для всѣхъ это радость, блаженство, пышный цвѣтъ жизни: для насъ это трудъ, работа, тяжелая скорбь. Вездѣ богатство и роскошь фантазіи, но во всемъ скудость и нищета дѣйствительности. Ученые профессоры наши—педанты, гниль общества; полуграмотный купецъ Полевой даетъ толчокъ обществу, дѣлаетъ эпоху въ его литературѣ и жизни, а потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего позорно гніетъ и смердитъ. Не знаю, имѣю ли я право упомянуть тутъ и о себѣ, но вѣдь и обо мнѣ говорятъ же, меня знаютъ многіе, кого я не знаю, я, какъ ты мнѣ самъ говорилъ въ послѣднее свиданіе, фактъ русской жизни. Но посмотри, что же это за уродливый, за чудовищный фактъ! Я понимаю Гете и Шиллера лучше тѣхъ, которые знаютъ ихъ наизустъ, а не знаю по нѣмецки, я пишу (и иногда недурно) о человѣчествѣ, а не знаю даже и того, что знаетъ Кайдановъ. Такъ повинить ли мнѣ себя? О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Мнѣ кажется, дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на десять лѣтъ, а потомъ, пожалуй, хоть повѣсь,—и я, можетъ быть, въ три года возвратилъ бы мою потерянную молодость—узналъ бы не только нѣмецкій, но и греческій съ латинскимъ, пріобрѣлъ бы основа-

тельныя свѣдѣнія, полюбилъ бы трудъ, нашелъ бы силу воли. Да, въ иныя минуты я глубоко чувствую, что это свѣтлое сознаніе своего призванія, а не голосъ мелкаго самолюбія, которое силится оправдать свою лѣность, апатію, слабость воли, безсиліе и ничтожность натуры. Обращусь къ тебѣ. Ты часто говорилъ, что не можешь, ибо не призванъ, писать. Но почему же ты пишешь, и притомъ такъ, какъ немногіе пишутъ? Нѣтъ, въ тебѣ есть все для этого, все, кромѣ силы и упорства, которыхъ нѣтъ потому, что нѣтъ того, для кого должно писать: ты не ощущаешь себя въ обществѣ, ибо его нѣтъ. Ты скажешь, отчего я пишу, хотя также не ощущаю себя въ обществѣ? Видишь ли: у меня много самолюбія, которое искало себѣ выхода; я темно понималъ, что для царской службы не гожусь, въ ученые также, и что мнѣ одинъ путь. Будь я обезпеченъ, какъ ты, и притомъ прикованъ къ какому-нибудь внѣшнему дѣлу, какъ ты: подобно тебѣ, я изрѣдка дѣлалъ бы набѣги на журналы; но бѣдность развила во мнѣ энергію бумагомаранія и заставила втянуться и погрязнуть по уши въ вонючей тинѣ расейской словесности. Дай мнѣ 5000 годового и безтрудового дохода—и въ русской жизни стало бы однимъ фактомъ меньше. Итакъ, видишь ли, — ларчикъ просто открывался. Все это я веду отъ одного и къ одному—мы сироты, дурно воспитанные, мы люди безъ отечества, и оттого мы, хоть и хорошіе люди, а все-таки ни Богу свѣча, ни чорту кочерга, и оттого рѣдко пишемъ другъ къ другу. Да и о чемъ писать? О выборахъ? Но у насъ есть только дворянскіе выборы, а это предметъ болѣе неблагопристойный, чѣмъ интересный. О министерствѣ? но ни ему до насъ, ни намъ до него нѣтъ дѣла, притомъ же, въ немъ сидитъ Уваровъ съ православіемъ, самодержавіемъ и народностію (. . . . .); о движеніи промышленности, администраціи, общественности, о литературѣ, наукѣ?—но у насъ ихъ нѣтъ. О себѣ самихъ? но мы выучили уже наизустъ свои страданія и страшно надоѣли ими другъ другу. Итакъ—остается одно: будемъ желать поскорѣе умереть. Это всего лучше. Однако, прощай пока. Глаза слипаются—спать хочется.

Іюня 28.

Опять здравствуй, Боткинъ [1]). Ну, какъ перемѣнился твой братъ—узнать нельзя. Гдѣ это апатическое, билліардное выра-

[1]) Слово «Боткинъ» зачеркнуто послѣ.—*Прим. А. П.*

женіе лица, гдѣ тусклые сонливые глаза? Знаешь ли, меня восхитило его лицо,—въ немъ столько благородства, человѣчности, особенно въ глазахъ, которые онъ точно укралъ у тебя. Голосъ и манеры его отличаются какою-то нѣжностію и вкрадчивостію, какъ у тебя въ твои хорошія минуты. Да, это перерожденіе, чудо духа, которое я видѣлъ своими глазами.

По совѣту твоему, купилъ Плутарха Дестуниса и прочелъ. Книга эта свела меня съ ума. Боже мой, сколько еще кроется во мнѣ жизни, которая должна пропасть даромъ! Изъ всѣхъ героевъ древности трое привлекли всю мою любовь, обожаніе, энтузіазмъ—Тимолеонъ и Гракхи. Біографія Катона (Утическаго, а не скотины Старшаго) пахнула на меня мрачнымъ величіемъ трагедіи: какая благороднѣйшая личность. Периклъ и Алкивіадъ взяли съ меня полную и обильную дань удивленія и восторговъ. А что же Цезарь?—спросишь ты. Увы, другъ мой, я теперь забился въ одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего. Ты знаешь, что мнѣ не суждено попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга, нѣтъ, я какъ-то всегда очутюсь на самомъ краю. Такъ и теперь: я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паѳосѣ правды и чести, и мимо ихъ мало замѣчаю какое бы то ни было величіе. Теперь ты поймешь, почему Тимолеонъ, Гракхи и Катонъ Утическій (а не рыжая скотина Старшій) заслонили собою въ моихъ глазахъ и Цезаря и Македонскаго. Во мнѣ развилась какая-то дикая, бѣшеная, фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которыя возможны только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести. Принимаясь за Плутарха, я думалъ, что греки заслонятъ отъ меня римлянъ — вышло не такъ. Я бѣсновался отъ Перикла и Алкивіада, но Тимолеонъ и Фокіонъ (эти греко-римляне) закрыли для меня своею суровою колоссальностію прекрасные и граціозные образы представителей аѳинянъ. Но въ римскихъ біографіяхъ душа моя плавала въ океанѣ. Я понялъ черезъ Плутарха многое, чего не понималъ. На почвѣ Греціи и Рима выросло новѣйшее человѣчество. Безъ нихъ средніе вѣка ничего не сдѣлали бы. Я понялъ и французскую революцію, и ея римскую помпу, надъ которою прежде смѣялся. Понялъ и кровавую любовь Марата къ свободѣ, его кровавую ненависть ко всему, что хотѣло отдѣляться отъ братства съ человѣчествомъ хоть коляскою съ гербомъ. Обаятеленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, бла-

городнаго, доблестнаго, потому что основа его жизни—гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства. Да, греческій и латинскій языки должны быть краеугольнымъ камнемъ всякаго образованія, фундаментомъ школъ.

Странное дѣло [1]): жизнь моя сама апатія, зѣвота, лѣнь, стоячее болото, но на днѣ этого болота пылаетъ огненное море. Я все боялся, что съ лѣтами буду умирать—выходитъ наоборотъ. Я во всемъ разочаровался, ничему не вѣрю, ничего и никого не люблю, и однако-жъ интересы прозаической жизни все менѣе и менѣе занимаютъ меня, и я все болѣе и болѣе—гражданинъ вселенной. Безумная жажда любви все болѣе и болѣе пожираетъ мою внутренность, тоска тяжелѣе и упорнѣе. Это мое, и только это мое. Но меня сильно занимаетъ и не мое. Личность человѣческая сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечомъ истребилъ бы остальную. Какое имѣетъ право подобный мнѣ человѣкъ стать выше человѣчества, отдѣлиться отъ него желѣзною короною и пурпуровою мантіею, ... Какое право имѣетъ онъ внушать мнѣ унизительный трепетъ? Почему я долженъ снимать передъ нимъ шапку? . . . . . Посмотри на лучшихъ изъ нихъ— . . . . . .—жизнь и счастіе человѣка для нихъ ни по чемъ. Гегель мечталъ о конституціонной монархіи, какъ идеалѣ государства—какое узенькое понятіе! . . . . . Люди должны быть братья, и не должны оскорблять другъ друга ни даже тѣнью какого-нибудь внѣшняго и формальнаго превосходства. Каковы же эти два народа древности, которые родились съ такимъ понятіемъ! Каковы же французы, которые безъ нѣмецкой философіи поняли то, чего нѣмецкая философія еще и теперь не понимаетъ!

[1]) Затѣмъ опять зачеркнуто, кажется: «Боткинъ».—*Прим. А. П.*

Чортъ знаетъ, надо мнѣ познакомиться съ сенсимонистами. Я на женщину смотрю ихъ глазами. Женщина есть жертва, раба новѣйшаго общества. Честь женщины общественное мнѣніе относитъ къ ея . . . . , а совсѣмъ не къ душѣ, какъ будто бы не душа, а тѣло можетъ грязниться. Помилуйте, господа, да тѣло можно обмыть, а душу ничѣмъ не очистишь. Замужняя женщина любитъ тебя отъ мужа, но не . . . . тебѣ—она честна въ глазахъ общества; она . . . . тебѣ—и честь ея запятнана: какія киргизъ-кайсацкія понятія! Ты имѣешь право имѣть отъ жены сто любовницъ—тебя будутъ осуждать, но чести не лишатъ, а женщина не имѣетъ этого права, да почему же это, ... подлые и бездушные резонеры, мистики, пэтисты поганые, г . . . . человѣчества? Женщина тогда . . . , когда предаетъ тѣло свое безъ любви, и замужняя женщина, не любящая мужа, есть . . . . ; напротивъ, женщина, которая въ жизнь свою . . . . . 500-мъ человѣкамъ не изъ выгодъ, а хотя бы по сладострастію, есть честная женщина, и ужъ конечно честнѣе многихъ женщинъ, которыя, кромѣ глупыхъ мужей своихъ, никому не . . . . Странная идея, которая могла родиться только въ головахъ каннбаловъ—сдѣлать . . . . престоломъ чести: если у дѣвушки . . . . . цѣла—честна, если нѣтъ—безчестна. И это калмыцкое понятіе хотятъ освящать христіанствомъ. Боже, отпусти имъ—не вѣдятъ бо, что творятъ! А бракъ—что это такое? Это установленіе антропофаговъ, людоѣдовъ, патагоновъ и готтентотовъ, оправданное религіею и гегелевскою философіею. Я долженъ всю жизнь любить одну женщину, тогда какъ я не могу любить ее больше году. Впрочемъ, религія позволяетъ мнѣ и не любить ее—она требуетъ только, чтобъ исполнялъ въ отношеніи къ ней мои супружескія обязанности, т. е. одѣвалъ, кормилъ, поилъ и . . . ее. Чистое, духовное, идеальное воззрѣніе на таинство сочетанія душъ! Я скованъ и не могу принадлежать той, которую люблю, вся жизнь моя погибла, а жизнь и безъ того такъ коротка, такъ глупа, такъ полна горемъ и муками. Но что я—я могу измѣнять моей женѣ, но женщина — что она?— раба моя, вещь моя, ... моя; ея душа, ея лицо, ея красота—все это только дополненія къ . . . . Наша святая православная церковь лучше другихъ поняла таинство брака: она и не скрываетъ, что тутъ все дѣло въ . . . . Святѣйшій правительствующій синодъ не разведетъ тебя съ женою за несходство нравовъ, за отсутствіе любви, за любовь къ другой, но если ты докажешь, что

. . . . . или если жена докажетъ, что . . . . . .—васъ разводятъ. Далѣе, я знакомлюсь, ухожу, дѣлаю все, что хочу и какъ хочу; жена должна все дѣлать съ моего согласія: почему это? Превосходство мужчины? но оно тогда законное право, когда признается сознаніемъ и любовію жены, выходитъ изъ ея свободной довѣренности ко мнѣ, иначе мое право надъ нею—кулачное право. Нѣтъ, братъ, женщина въ Европѣ столько же раба, сколько въ Турціи и Персіи. И Европа еще смѣетъ думать, что она далеко ушла, и мы еще можемъ фантазировать, что человѣчество стоитъ на высокой степени совершенства! Если кто еще ушелъ подальше, такъ это Франція. Тамъ явилась вдохновенная пророчица, энергическій адвокатъ правъ женщинъ — Жоржъ Зандъ; тамъ бракъ есть договоръ, скрѣпляемый судебнымъ мѣстомъ, а не церковью; тамъ съ любовницами живутъ, какъ съ женами, и общество уважаетъ любовницъ наравнѣ съ женами. Великій народъ! (Кстати: какую гадость написалъ Лермонтовъ о французахъ и Наполеонѣ—то ли дѣло Пушкина «Наполеонъ»). И не стыдно ли было твоему любезному Ретшеру написать такую гадость о Шекспирѣ и (если это точно шекспировская драма) объективное изображеніе принять за субъективный взглядъ? Это значитъ изъ великаго Шекспира дѣлать маленькаго Ретшера. Пигмеи всѣ эти гегелята!

Кстати о Шекспирѣ: его «Генрихъ VI» мерзость мерзостью. Только гнусное національное чувство отвратительной гадины, называемой англичаниномъ, могло исказить такъ позорно и безчестно высокій идеалъ Анны д'Аркъ. Онъ сдѣлалъ ее колдуньею и . . . . . —фуй, какая свинья англичанинъ! Но довольно объ этомъ: я ненавижу англичанъ больше, чѣмъ китайцевъ и каннбаловъ, и не могу иначе говорить о нихъ, какъ языкомъ похабщины и проклятій. Но объ части «Генриха IV», «Генрихъ V»—что это за дивныя, колоссальныя созданія; даже въ «Генрихѣ VI» все, что не касается до Жанны д'Аркъ, велико и грандіозно. Да будетъ проклята всякая народность, исключающая изъ себя человѣчность! Она заставила написать глупѣйшую мерзость такого мірового генія. Спасибо Кетчерушкѣ—умникъ, погладь его по головкѣ. Еслибъ въ Россіи можно было дѣлать что-нибудь умное и благородное, Кетчеръ много бы подѣлалъ—это человѣкъ.

Въ «Отечественныхъ Записках» напечатана моя вторая статья о Петрѣ Великомъ; въ рукописи это точно о Петрѣ Великомъ, и, не хвалясь, скажу, статейка умная, живая; но въ печати—это рѣчь о проницаемости природы и склонности человѣка къ чувствамъ забвенной меланхоліи. Ее исказилъ весь цензурный синедріонъ соборнѣ. Ея напечатана только треть, и смыслъ весь выключенъ, какъ опасная и вредная для Россіи вещь. Вотъ до чего мы дожили: намъ нельзя хвалить Петра Великаго. Да здравствуетъ Погодинъ и Шевыревъ—вотъ люди-то! Да здравствуетъ «Москвитянинъ»—вотъ журналъ-то! Ну, да къ чорту ихъ всѣхъ и съ Россіею!

Прочти, въ мое воспоминаніе, Беранже, особенно пьесу: «Hâtons-nous». Я боготворю Беранже—это французскій Шиллеръ, это апостолъ разума, въ смыслѣ французовъ, это бичъ преданія. Это пророкъ свободы гражданской и свободы мысли. Его . . . . . стихотворенія на религіозные предметы—прелесть; его политическія стихотворенія—это дифирамбы. Въ Питерѣ появилось послѣднее изданіе его пѣсенъ — вотъ тебѣ послѣдняя изъ нихъ:

Adieu, chansons!
Pour rajeunir les fleurs de mon trophée,
Naguère encor, tendre, docte ou railleur,
J'allais chanter, quand m'apparut la fée
Qui me berça chez le bon vieux tailleur.
«L'hiver, dit-elle, a soufflé sur sa tête:
«Cherche un abri pour tes soirs longs et froids.
«Vingt ans de lutte ont épuisé ta voix,
«Qui n'a chanté qu'au bruit de la tempête».
Adieu, chansons! mon front chauve est ridé.
L'oiseau se tait; l'aquillon a grondé.

Скучно списывать, а чудо, что такое! Какая грусть, какое благородное сознаніе своего достоинства.

Vos orateurs parlent à qui sait lire;
Toi conspirant tout haut contre les rois,
Tu marias, pour ameuter les voix,
Des airs de vieille aux accents de la lyre..

Ну, пора кончить. Вотъ просьба къ тебѣ: мой возлюбленный братецъ беретъ у всѣхъ деньги и проѣдаетъ ихъ на пряники и черносливъ; Бога ради, когда онъ будетъ у тебя просить, и если

ты найдешь возможнымъ дать ему что-нибудь, то скажи, чтобы онъ прислалъ къ тебѣ для полученія Иванова, которому ты-де и отдашь. А всего лучше, гоняй его отъ себя, да скажи г. Кетчеру, чтобы онъ въ этомъ отношеніи поучилъ его уму-разуму. Гадко писать о подобныхъ вещахъ.

Отъ Кетчера получилъ огромное письмо, которое, впрочемъ, не уяснило дѣло и еще болѣе утвердило меня въ моихъ убѣжденіяхъ. Герценъ послѣ завтра уѣзжаетъ изъ Питера. Благородная личность—мало такихъ людей на землѣ. А жена его—что это за женственное, благороднѣйшее созданіе, полное любви, кротости, нѣжности и тихой граціи! И онъ стоитъ ея—это не то, что мы: мы искали въ женщинѣ актрисы, мы хотѣли ей удивляться, а не любить ее.

Мой адресъ: Въ Семеновскомъ полку, на среднемъ проспектѣ, между первою линіею и Госпитальною улицею, въ домѣ Г-жи Бутаровой, № 22. У меня большая квартира и садъ, весьма помогающій мнѣ ничего не дѣлать.

Ну, что, какъ дѣла твои? Я писалъ къ Николаю Бакунину и получилъ отвѣтъ. Вѣра его въ Мишеля очень шатка—онъ сбитъ, а не убѣжденъ. Письни о семъ.

Въ Москву я непремѣнно буду зимою къ 25 Декабря—это рѣшено.

Познакомился съ Липпертомъ,—вызывается учить меня по нѣмецки—страшно—лѣнь.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ П. И. Кудрявцеву. 28 іюня, 1841.

Спб. 1841 года, іюня 28.

Любезнѣйшій мой Петръ Николаевичъ! Не могу утерпѣть, чтобы не черкнуть вамъ нѣсколько строкъ. Вотъ уже мѣсяца съ два, прочтя вашу «Звѣзду», я горю къ вамъ непреодолимою любовью. Два раза видѣлъ во снѣ, что вы пріѣхали въ Питеръ. Съ чего-то вообразилось мнѣ, что вы непремѣнно должны пріі-

ѣхать. Я плавалъ въ созерцаніи вашей благоуханной, граціозной и милой личности, жаждалъ видѣть васъ и говорить съ вами. Мнѣ смертельно хочется сказать вамъ, какъ много, много люблю я васъ. Прочтя вашу повѣсть въ рукописи, я сказалъ Краевскому: прекрасно, только не для нашей публики. Прихожу къ нему въ другой разъ—сидитъ и правитъ корректуру; съ чего вы взяли, что не для нашей публики—чудо, что такое — это просто прелесть; у Лермонтова сила, у Кудрявцева — грація. На языкѣ Краевскаго это много значитъ: Лермонтовъ у него мѣрка всего великаго. У меня такъ и забилось сердце — похвала вашей повѣсти—музыка для моихъ ушей; холодный отзывъ—оскорбленіе, и потому я избѣгаю случая говорить или спорить о нихъ. Какой вамъ чортъ сказалъ, что Краевскому ваша «Звѣзда» не нравится? Съ чего вы вздумали писать новую повѣсть, какъ будто въ вознагражденіе за старую? Если новая будетъ только не хуже «Звѣзды»—такъ она будетъ роскошный благоуханный цвѣтокъ искусства; а если лучше—я съ ума сойду отъ нея. Ну, «Звѣзда»! Какая оригинальность, какой совершенно новый міръ, какой фантастическій флеръ наброшенъ на дѣйствіе, какіе характеры, что за дивное созданіе эта бѣдная, болѣзненная дѣвушка. Ваше фантастическое я ставлю выше Гофманскаго — она взято изъ дѣйствительнаго міра. Вы открываете новую сторону русской жизни. Я бы не кончилъ, если бы вздумалъ все высказать о «Звѣздѣ». Меппертъ переводитъ ее на нѣмецкій, также и «Флейту», а, можетъ быть, и «Катеньку Пылаеву» и «Антонину». Не выставить ли въ переводѣ вашего настоящаго имени? — Что вы на это скажете?

Не сердитесь ли вы на меня, что я напечаталъ вашу прекрасную статью въ гнусной Коневской газетишкѣ? Мнѣ было жаль думать, что она не будетъ напечатана, и Морошнинъ не съѣстъ вашей оплеухи. Вотъ какъ надо писать рецензіи—вашъ слогъ приводитъ меня въ отчаяніе — я завидую вамъ и жалѣю, что вы ничего не издаете, чтобы я могъ васъ разругать. Какую дрянь написалъ Лермонтовъ о Наполеонѣ и французахъ—жаль думать, что это Лермонтовъ, а не Хомяковъ. Но сколько роскоши въ «Спорѣ Казбека съ Эльбрусомъ», хотя въ цѣломъ мнѣ и не нравится эта пьеса, и хотя въ ней есть стиха четыре плохихъ.

Скажу вамъ на ушко (это тайна): хочется мнѣ смертельно, до бѣшенства, съѣздить на полгода за-границу—и полѣчиться, и

посмотрѣть на Божій міръ и человѣческую жизнь. Краевскаго какъ-нибудь уломаю — авось отпуститъ; деньжонокъ надѣюсь тысячи двѣ приготовить. Да этого маловато — пришло мнѣ въ голову издать альманахъ,—такъ, знаете—насчетъ того, то-есть, оно не то, чтобы, а такъ—отецъ и благодѣтель, въ разсужденіи... повѣстцы (не въ счетъ той, что вы пишете для «Отечественныхъ Записокъ»). Буду кланяться и Лермонтову, о Кольцовѣ и говорить нечего; о Красовѣ также, Ключниковѣ тоже. Во всякомъ случаѣ, это тайна, о которой знаете вы да Боткинъ, а болѣе никто. Альманахъ я бы продалъ, если самому некогда будетъ напечатать. Прочтите мое письмо къ Боткину—оно очень оригинально—особенно слогъ хорошъ и отличается самою граціозною энергіею. Поклонитесь отъ меня Галахову.

Милый мой Петръ Николаевичъ, порадуйте меня письмецомъ: оно доставитъ мнѣ счастливую минуту, а счастливая минута для меня рѣдка, какъ хорошая погода для Петербурга. Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ, какъ много я люблю васъ (т.-е. вотъ уже мѣсяца два или больше сряду), но такія вещи не высказываются. Боже мой, чего бы не далъ я за блаженство увидѣть васъ у себя въ комнатѣ, въ моемъ халатѣ, съ трубкою въ рукахъ, съ спокойною и милою усмѣшкою на устахъ! Тысячу разъ жму вашу руку и обнимаю васъ. Вамъ кланяется вашъ старый знакомый князь Козловскій.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ кн. В. О. Одоевскому. 29 іюня, 1841.

Спб. 29-го іюня, 1841.

Извините, князь, что я безпокою васъ дѣломъ, которое мало до васъ касается, а между тѣмъ обязываетъ васъ не совсѣмъ пріятнымъ посредничествомъ и отнимаетъ время, котораго и безъ того у васъ немного. Будьте добры, возьмите на себя трудъ написать г-ну Гурцеву о деньгахъ. Хорошо или дурно, но, какъ умѣлъ, я выполнилъ его вторую коммиссію, которая была для меня несравненно скучнѣе и труднѣе первой. Мнѣ теперь крайняя нужда въ деньгахъ, а у Краевскаго, моего единственнаго рессурса, какъ вамъ самимъ извѣстно, теперь нѣтъ ни копѣйки. Въ ожиданіи отвѣта, который вы можете мнѣ сдѣлать всего лучше и обстоятельнѣе черезъ Краевскаго, если скоро съ нимъ

увидитесь, еще разъ прошу васъ извинить меня за мою докучливость и остаюсь вашимъ покорнымъ слугою

Виссаріонъ Бѣлинскій.

P. S. Впрочемъ, мой адресъ: въ Семеновскомъ полку, на Среднемъ проспектѣ, между первою линіею и Госпитальною улицею, въ домѣ Бутаровой, № 22.

Къ А. А. Краевскому. Лѣто 1841.

Нѣтъ ничего тяжелѣе, Краевскій, какъ назначать цѣну своему труду, когда онъ уже конченъ. Въ первый разъ я получилъ отъ г. Гурцева 300 руб. асс., но вторую мою работу я безъ преувеличенія считаю втрое тяжелѣе первой, почему и думаю, что 500 руб. асс. не были бы вознагражденіемъ, превышающимъ трудъ. Впрочемъ, если г. Гурцевъ уѣхалъ, то, разумѣется, кн. Одоевскій тутъ ничѣмъ не виноватъ, и я нисколько не почитаю его обязаннымъ принимать въ чужомъ пиру похмелье — мнѣ бы давно слѣдовало увѣдомить его о дѣлѣ. И потому, потрудитесь только добиться удовлетворительнаго отвѣта — да или нѣтъ, чтобы такъ или сякъ, но только считать это дѣло рѣшеннымъ и конченнымъ.

В. Бѣлинскій.

Сегодня я обѣдаю у Михайловскаго-Данилевскаго—вотъ что значитъ писать такія прекрасныя статьи, какъ о «Сто русскихъ литераторовъ»: какъ разъ во дворецъ будешь ѣздить и съ посланниками впятеромъ въ вистъ играть.

Посылаю стихи Сатина — непремѣнно помѣстите, иначе онъ можетъ оскорбиться.

Къ Н. Х. Кетчеру. 3 августа, 1841.

Спб. 1841, августа 3.

Уродина Кетчеръ, чудовище нелѣпости! Собери всѣ ругательства, которыми такъ богатъ русскій языкъ, всѣ проклятія, какими когда-либо попы поражали еретиковъ вольнодумцевъ,—все это будетъ ничто въ сравненіи съ потоками брани, которую недавно изрыгалъ я на тебя! Кто такъ глупо принимался за такое

умное и великое дѣло, какъ изданіе Шекспира? Краевскій раздѣляетъ мое негодованіе и клеймитъ тебя ругательнымъ прозвищемъ «Москвича». Во первыхъ, надо было, общими силами, сочинить крикливую программу, потомъ прокричать уши нашей глупой публикѣ, надоѣсть ей и пр. и пр. Мы бы, съ своей стороны, приложили и руку и стараніе; тогда ты смѣло могъ бы напечатать 1200 экземпляровъ и пустить выпускъ по три гривенника или уже много-много по два двугривенныхъ, — изданіе разошлось бы, Шекспиръ разлился бы по великому болоту Святой Руси, лягушки, волею или неволею, но раскваклись бы, да и ты былъ бы, хотя и не въ большомъ, но въ вѣрномъ вознагражденіи. Надо было прокричать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Москвитянинѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Литературной Газетѣ», въ «Полицейской Газетѣ», въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Инвалидѣ», словомъ, вездѣ, и кричать начать за полгода. А то что это: у Юнгмейстера до сихъ поръ не было—а спрашиваютъ. Прислалъ ты мнѣ 50 экземпляровъ, а билѣтовъ не прислалъ, тогда какъ мои знакомые и пріятели могли бы раздать до полусотни. Глупо, пошло—московски! Ну, да будетъ браниться—ты вѣдь неизлѣчимъ, только гробъ горбатаго исправитъ—да процвѣтаетъ твоя нелѣпость! Только знаешь ли что? Мнѣ кажется, что ей лучше процвѣтать въ Питерѣ, чѣмъ киснуть въ Москвѣ, «хлѣбосольной» и «благотворительной». Вотъ въ чемъ дѣло: съ будущаго года Краевскій (пока тайна сія велика есть) издаетъ «Сынъ Отечества» и дѣлаетъ изъ него газету (политико-литературную), три раза въ недѣлю, по два листа заразъ, въ 4-ю долю листа. Если это сбудется, т.-е. если (это главное) Смирдинъ изворотится, и (это второе) Цензурный Комитетъ позволитъ—о чемъ ты узнаешь достовѣрно мѣсяца черезъ два, а вѣроятно и ближе, — ты бы сдѣлалъ умное дѣло (еще первое въ твоей жизни), если бы переѣхалъ въ Питеръ. Краевскій уполномочилъ меня соблазнять тебя. Вотъ его условія. Ты у него главный и самый надежный переводчикъ съ трехъ языковъ въ два журнала («Отечественныя Записки» и «Сынъ Отечества») по 40—50 руб. съ листа (вѣроятно, смотря по языку и статьѣ), ты его «смѣситель» въ обоихъ журналахъ, т.-е. наборщикъ всякихъ новостей изъ иностранныхъ журналовъ и газетъ. Онъ говоритъ, что самая плохая твоя заработка въ годъ—2500 руб. асс., а самая большая можетъ зайти за 4000. Кромѣ того, ты можешь имѣть и посторонніе доходы

(разумѣется, не взятки, а за труды для книгопродавцевъ и участіе въ другихъ предпріятіяхъ). Если тебѣ нужна будетъ небольшая сумма впередъ на подъемъ (отъ 200 до 300 руб.), увѣдомь—тотчасъ же вышлется. Шекспира можешь продолжать и въ Питерѣ, и еще съ бо́льшимъ успѣхомъ, ибо книги съ питерскимъ штемпелемъ и въ провинціи, и въ самой Москвѣ вдвое уважаются противъ московскихъ: Москва и въ собственныхъ глазахъ опоганилась, почему и рѣшилась издавать «Москвитянина» и быть «хлѣбосольною» и «благотворительною». Смирдинъ явно переходитъ на нашу сторону (о чемъ тоже, кромѣ своихъ, никому до времени говорить не нужно). Это — русскій человѣкъ: необразованъ, какъ свинья, но его антрепренерство есть любовь и страсть. Падая, онъ все мечтаетъ объ огромныхъ и дешевыхъ изданіяхъ и, между прочимъ, думаетъ издать всего Вальтеръ-Скотта и Купера — понимаешь? Если удастся поправить ходъ Шекспира, можно будетъ на него навязать, а ты будешь только работать и получать хорошую плату. Конечно, все это только мечты, но ихъ осуществленіе отнюдь не невозможно, и тебѣ обо всемъ этомъ не худо подумать нешутя, да переговорить съ Боткинымъ. Что-нибудь одно—или быть свиньею и ничего не дѣлать, т.-е. приняться за «хлѣбосольство» и «благотворительность», или переѣхать въ Питеръ, пожертвовавъ привычкою и связями, ибо дѣлать и существовать работою можно только въ Питерѣ. Ты рожденъ для дѣла, и хоть въ иныхъ отношеніяхъ порядочный москвичъ, но ужъ, конечно, не въ твоей натурѣ быть «хлѣбосольнымъ» и «благотворительнымъ». Подумай-ка, душа моя! Дѣло, дѣло и дѣло—или смерть!

Вотъ тебѣ нѣсколько новостей: Лермонтовъ убитъ наповалъ—на дуэли. Оно и хорошо: былъ человѣкъ безпокойный, и писалъ, хоть хорошо, но безнравственно,—что ясно доказано Шевыревымъ и Бурачкомъ. Взамѣнъ этой потери, Булгаринъ все молодѣетъ и здоровѣетъ, а Межевичъ подаетъ надежду превзойти его и въ талантѣ и въ добрѣ. Ѳаддей Венедиктовичъ ругаетъ Пушкина печатно, доказываетъ, что Пушкинъ былъ подлецъ, а цензура, вѣрная волѣ Уварова, мараетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» все, что пишется въ нихъ противъ Булгарина и Греча. Литература наша процвѣтаетъ, ибо явно начинаетъ уклоняться отъ гибельнаго вліянія лукаваго Запада — дѣлается до того православною, что пахнетъ мощами и отзывается пономарскимъ звономъ, до того самодержавною, что состоитъ изъ однихъ доносовъ, до

того народною, что не выражается иначе, какъ по матерну. Уваровъ торжествуетъ и, говорятъ, пишетъ проектъ, чтобы всю литературу и всѣ кабаки отдать на откупъ Погодину. Носятся слухи, что Погодинъ (вмѣстѣ съ Бурачкомъ, Ѳ. Н. Глинкою, Шевыревымъ и Загоскинымъ) будетъ произведенъ въ святители россійскихъ странъ: чтобы предохранить гнусное и заживо воиючее тѣло свое отъ гніенія, Погодинъ снимаетъ всѣ кабаки и торгуетъ водкою. Однимъ словомъ, будущность блеститъ всѣми семью цвѣтами радуги. А между тѣмъ Европа гніетъ: Франція готовится къ борьбѣ за свободу со всѣмъ міромъ, укрѣпляетъ Парижъ и уничтожаетъ Абдель-Кадера (поборника православія, самодержавія и народности). Пруссаки требуютъ конституцію и рѣшаютъ религіозный вопросъ о личности человѣка; Лордъ Россель борется съ Пилемъ въ вопросѣ о хлѣбѣ и пр. Жалко видѣть это глупое броженіе мірскихъ суетъ, и отрадно читать статьи Погодина, Бурачка и Шевырева. Богъ явно за насъ—вѣдь, Онъ любитъ смиренныхъ и противится гордымъ. Національность малороссійская процвѣтаетъ и укрѣпляется. Справедливы ли слухи, что будто Погодинъ, по скаредной своей скупости, боясь многочадія, не то . . . . , не то . . . . . Шевырева? Увѣдомь меня объ этомъ обстоятельствѣ: оно очень важно для успѣховъ нашей литературы, въ которой я принимаю такое участіе. Чего ни выдумаетъ праздный народъ о великомъ человѣкѣ! Правда ли, наконецъ, что Погодинъ будто бы водилъ къ Уварову мальчиковъ, отличающихся остротою ума и тупостію . . . . . ,—о чемъ глухо было писано въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», и что̀ поставлено Погодину за заслугу русскому просвѣщенію въ духѣ самодержавія, православія и народности, и за что Погодинъ представленъ къ наградѣ годовымъ жалованьемъ? Этотъ слухъ кажется мнѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что князь Дундукъ устарѣлъ, заросъ грибами, и Уваровъ употребляетъ его только по откупамъ и подрядамъ, т.-е. пользуется уже только его головою, а не . . . . . Правда ли, что «Москвитянинъ» вводится въ литургію и долженъ будетъ замѣнить апостола? И что для чтенія онаго будетъ употребленъ, по природному громозвучію, Загоскинъ? Правда ли, что Ѳ. Н. Глинка перекладываетъ «Москвитянина» и «Маяка» на акаѳисты въ стихахъ, а Авдотья Павловна кладетъ ихъ на музыку? Читаешь ли ты «Пчелу»? Превосходная политическая газета? Изъ нея тотчасъ (мѣсяца черезъ два) узнаешь, что у благород-

наго лорда Пиля геморроидальныя шишки увеличились; что при посѣщеніи такого-то города такимъ-то принцемъ была иллюминація, и всѣ жители громкими кликами изъявляли свою вѣрноподданническую преданность; что королева Викторія на послѣднемъ балѣ была въ страшно-накрахмаленной исподницѣ и что, по случаю новой беременности, у ней остановились мѣсячныя, и т. д. Вообще, душа моя, Тряпичкинъ — много жизни—не изжить; возблагодаримъ же Создателя и подадимъ другъ на друга доносы. Аллилуйя!

Прочтя «Ластовку» и «Снипъ», я понялъ все достоинство борщу, сала и галушекъ. Жаль, что умеръ Шишковъ—многаго мы лишились. Безъ него академія россійская осиротѣла и съ горя спилась съ кругу, а Борька Ѳедоровъ еще больше поглупѣлъ. Отъ главы Андрея Муравьева исходитъ сіяніе. Ну, больше не упомню, а много новостей. Впрочемъ, доставитель сего юмористическаго посланія разскажетъ тебѣ ихъ.

Статья Герцена—прелесть, объядѣніе. Давно уже я не читалъ ничего, что бы такъ восхитило меня. Это человѣкъ, а не рыба: люди живутъ, а рыбы созерцаютъ и читаютъ книжки, чтобы жить совершенно напротивъ тому, какъ писано въ книжкахъ. У меня страшная охота сдѣлаться рыболовомъ и варить уху. Пишу диссертацію, въ которой доказываю, что лягушки выше рыбъ, а національность выше образованія, просвѣщенія, истины и свободы. Да здравствуютъ щи, борщъ, буженина и вареники! Ахъ, забылъ было, носятся слухи, что Булгаринъ . . . . . Жена Межевича въ мызѣ Карлово совершенно излѣчилась отъ сифилиса, которымъ заразилъ ее Межевичъ (т.-е. мужъ); теперь онъ самъ поѣхалъ туда для излѣченія себя отъ той же болѣзни, а «Полицейскую Газету» издаетъ наборщикъ Анемподистъ.

Ну, довольно болтать. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Цензура не пропустила въ моей статьѣ о Пушкинѣ (3 томъ) заглавіе пушкинской статьи «О мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ». Боясь доносовъ Погодина и Шевырева, цензоръ не хочетъ пропускать ни слова противъ «Москвитянина». Аллилуйя! Душа моя, отслужи за меня молебенъ Иверской—хочу покаяться и пуститься въ доносы.

Къ П. Х. Кетчеру. 25 августа, 1841.

Спб. 1841, августа 25.

Брата твоего, о, Кетчеръ, я не видалъ, почему-то онъ не разсудилъ со мною увидѣться. Отвѣчаю на твое письмо коротко. О Москвѣ и Петербургѣ спорить некогда, да и чортъ съ ней, съ Москвою. А вотъ твой переѣздъ — это другое дѣло. Ты пишешь, что семейство лишаетъ тебя возможности переѣхать въ Питеръ—вздоръ: ты изъ Питера можешь быть точно такъ же полезенъ своему семейству, какъ и въ Москвѣ. Ты не хочешь мѣнять вѣрнаго на невѣрное и еще меньше: дѣло! Но во первыхъ, совсѣмъ не на невѣрное, (ибо если «Сынъ Отечества» не перейдетъ въ руки Краевскаго, тебя и не зовутъ), а во вторыхъ, меньшее или большее зависитъ отъ тебя. Краевскій говоритъ, что въ «Отечественныхъ Запискахъ» ежемѣсячно можешь (если хочешь) переводить не меньше девяти листовъ, слѣдовательно, на 360 руб. асс. въ мѣсяцъ и на 4,320 руб. асс. въ годъ. Итакъ, если въ «Сынѣ Отечества» будетъ работы столько же («Сынъ Отечества» будетъ выходить 24 листа въ мѣсяцъ, слѣдовательно, 9 будутъ всегда твои), то ты будешь получать въ годъ 8640 руб. Дѣло въ томъ: можешь ли ты столько работать (переводить 18 листовъ въ мѣсяцъ): если не можешь, нечего и толковать, а можешь — дуракъ, если не переѣдешь. Если же (въ чемъ я увѣренъ) тебя станетъ и еще на другіе труды, ты отъ постороннихъ работъ можешь легко достать 3000 въ годъ. Итакъ, думай и рѣшайся. Тебя зовутъ не на невѣрное, а на вѣрное. Я ручаюсь головой и волосами. Я получилъ письмо отъ Огарева изъ-за границы — онъ здоровъ и пишетъ, что въ Дрезденѣ у ногъ Георгія Побѣдоносца видѣлъ дракона, а у ногъ Мадонны—Бакунина въ усахъ. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ Д. П. Иванову. 25 августа, 1841.

Спб. 1841, августа 25.

Любезный Дмитрій, не знаю, какъ и благодарить тебя за твое ко мнѣ расположеніе, которое высказывается со всею добротою и горячностію твоего благороднаго и милаго характера.

Письмо твое нисколько не огорчило меня, а скорѣе доставило мнѣ удовольствіе. Ты побѣдилъ меня насчетъ моего «рыцаря чести», который оказался прямымъ рыцаремъ подлости. О Каченовскомъ тоже спорить нечего: это была явная прижимка съ его стороны. О московскомъ университетѣ больше нечего и толковать—чортъ съ нимъ. Я рѣшаюсь вотъ на что: Никаноръ останется у тебя до праздниковъ; въ декабрѣ (въ послѣднихъ числахъ) я буду въ Москвѣ и возьму его въ Питеръ. Жить ему за моими глазами — нельзя: онъ очерствѣлъ, и его исправить можно только личнымъ надзоромъ. Живя у тебя, онъ долженъ работать и готовиться къ петербургскому университету. Время это должно быть для него временемъ испытанія, и въ отношеніи къ нему ты больше, чѣмъ когда-либо долженъ быть его надсмотрщикомъ и донощикомъ. Отъ этого зависитъ его участь: если онъ выдержитъ испытаніе въ эти четыре мѣсяца, я беру его, опредѣляю въ петербургскій университетъ; если нѣтъ — въ полкъ. Онъ можетъ думать о тебѣ, что ему угодно, но долженъ оказывать тебѣ всевозможное уваженіе и безпрекословно тебѣ повиноваться. А ты не смотри на его мысли, ни на его чувства, и будь къ нему неумолимо строгъ. Ты правъ, говоря, что онъ нѣкогда будетъ питать къ тебѣ любовь и уваженіе. Твое благородное, любящее сердце превосходно рѣшило этотъ вопросъ. Но пока его спасеніе зависитъ отъ того, чтобы ты былъ его донощикомъ. Теперь мои дѣла еще плохи (иначе я тотчасъ же бы перевезъ его въ Питеръ), но зимою они должны поправиться. Если бы Никаноръ не пошелъ на экзаменъ или какъ-нибудь сфальшивилъ, обнаруживъ упрямство и самодурство, я бы отступился отъ него; но онъ не выдержалъ экзамена—что дѣлать; притомъ же, Шевырка такъ золъ на меня, что даже не умѣлъ и скрыть этого — ясно, что Никанору не годится быть въ московскомъ университетѣ. Лѣта его еще не Богъ знаетъ какія—еще годъ не бѣда, а между тѣмъ онъ основательнѣе приготовится—я дамъ ему средства. Меня очень обрадовало, что онъ получилъ хорошіе баллы изъ латинскаго и закона Божія. Итакъ, потерпи его немного, подержи его до января, а главное, присмотри за нимъ. Я твой вѣчный должникъ. Если бы ты въ порывѣ великодушія отдалъ мнѣ все свое годовое жалованье, а самъ остался бы не причемъ,—я бы это менѣе цѣнилъ: ибо это могло-бъ быть минутнымъ порывомъ, за которымъ могло бы послѣдовать и раскаяніе. Но осудить себя на ежедневныя огор-

ченія и мелкія досадныя неудовольствія, два года держать у себя дикаго самодура, тратиться для него, тѣсниться для него, и видѣть, что онъ тебя не понимаетъ, не цѣнитъ, платитъ за любовь неблагодарностью — это жертва, за которую мудрено отблагодарить.

Росписку Дарьи Титовны сожги, она ни на что не нужна. Кланяйся Дарьѣ Титовнѣ и увѣдомь меня, какъ она поживаетъ. Кланяйся всѣмъ, кто меня помнитъ. Попроси Павла Дмитріевича еще позаняться съ Никаномъ, если можно; я считаю себя его должникомъ и по мѣрѣ силъ буду благодарить его. Нельзя ли хоть два раза въ недѣлю, да поаккуратнѣе. Надо изъ математики исподволь подготовиться. Держалъ ли экзаменъ Никаноръ изъ исторіи? Исторію пока онъ можетъ совсѣмъ бросить — въ Питерѣ успѣетъ изъ нея приготовиться, а у меня много и средствъ для этого.

У тебя гостила Вѣра Петровна — я не зналъ этого, а то бы послалъ и писульку и гостинецъ. Леонорѣ Яковлевнѣ—поклонъ и родственное лобызаніе и въ уста и въ ручку.

Скажи пожалуйста—я вѣдь у тебя крестилъ или нѣтъ? Кажется, нѣтъ! Пожалуйста, сдѣлай меня отцомъ какого-нибудь твоего червяка—только заочно, ибо я церемоній не люблю. Если червяка нѣтъ наготовѣ, то приготовь — тебѣ это небольшого труда стоитъ. Имѣющихся налицо ягнятъ твоихъ цѣлую и къ празднику привезу имъ гостинцевъ. Знаешь ли что,—въ Москву я пріѣду числа 20 декабря, изъ нея выѣду 6 января—нельзя ли тебѣ будетъ съѣздить въ Питеръ хоть на недѣльку, если нельзя на двѣ, погостить у меня? Тебѣ будетъ стоить только проѣздъ взадъ и впередъ, а жить ты будешь у меня на всемъ на готовомъ. Для Никанора у меня уже заготовлена отдѣльная комната. Квартира у меня теперь—прелесть.

Кланяйся Алешѣ и Петру — студенту, и поцѣлуй за меня ихъ обоихъ. Стыдно студенту-то такъ забыть меня — хотя бы 10 строкъ.

Къ В. П. Боткину. 8 сентября, 1841.

Спб. 1841, сентября 8.

Давно уже не писалъ я къ тебѣ и не получалъ отъ тебя писемъ, мой любезный Василій. Причины этому ясны: то не въ духѣ, то некогда, вотъ ужъ завтра, вотъ на той недѣлѣ, сегодня

лѣнь, а вчера нездоровье и т. д. Слѣдовательно, всѣ извиненія— общія мѣста, которыхъ нечего и повторять. Но вотъ это новость, и ужъ совсѣмъ не общее мѣсто: ты съ чего-то забралъ въ свою лысую голову, что я къ тебѣ охолодѣлъ. Боткинъ—перекрестись — что ты, Христосъ съ тобою! Ты боленъ, другъ! и тебѣ видятся дурные сны. Не вѣрь этимъ ложнымъ призракамъ встревоженнаго воображенія — гони ихъ отъ себя, иначе они овладѣютъ тобою. Умѣя читать въ твоихъ письмахъ и между строками, я какъ-то непосредственно догадался о чемъ-то похожемъ изъ твоего письма отъ 18 іюля, гдѣ, благодаря меня за письмо, ты говоришь: непріятно было только, что ты вспоминаешь о нашихъ старыхъ дрязгахъ, которыя принадлежатъ къ темному времени нашей жизни. Ты не такъ понялъ мое вспоминаніе старыхъ дрязгъ—ты принялъ его, какъ будто за указъ тебѣ въ прошедшемъ. Боткинъ, въ немъ, въ этомъ прошедшемъ много дряни—не спорю; но забыть ее нѣтъ возможности, ибо съ нею соединено тѣсно и все лучшее, что̀ было въ нашей жизни и что̀ навсегда свято для насъ. Нѣтъ нужды говорить, что ни одинъ изъ насъ не можетъ похвалиться, ни упрекнуть себя бо̀льшею долею дряни; количество равно съ обѣихъ сторонъ, и намъ нельзя завидовать другъ другу или стыдиться одинъ другого. Но я не о томъ писалъ и не то хотѣлъ сказать: ты не такъ понялъ меня. Постараюсь однажды навсегда уяснить это обстоятельство, чтобъ оно больше не смущало тебя. Ты знаешь мою натуру: она вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи. Я съ трудомъ и болью разстаюсь съ старою идеею, отрицаю ее до нельзя, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. Итакъ, я теперь въ новой крайности,—это идея соціализма, которая стала для меня идеею идей, бытіемъ бытія, вопросомъ вопросовъ, альфою и омегою вѣры и знанія. Все изъ нея, для нея и къ ней. Она вопросъ и рѣшеніе вопроса. Она (для меня) поглотила и исторію, и религію, и философію. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на пути къ жизни. Видишь ли: мы дружились, ссорились, мирились, опять ссорились и снова мирились, враждовали между собою, неистово любили одинъ другого, жили, влюблялись, — по теоріи, по книгѣ, непосредственно и сознательно. Вотъ, по моему мнѣнію, ложная сторона нашей жизни и нашихъ отношеній. Но должны ли мы винить себя въ этомъ? И мы винили себя, клялись, проклинали,

а лучше не было, нѣтъ и не будетъ. Любимая (и разумная) мечта наша постоянно была—возвести до дѣйствительности всю нашу жизнь, а слѣдовательно, и наши взаимныя отношенія; и что же! мечта была мечтой и останется ею; мы были призраками и умремъ призраками, но не мы виноваты въ этомъ, и намъ не въ чемъ винить себя. Дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва всякой дѣйствительности—общество. Общее безъ особнаго и индивидуальнаго дѣйствительно только въ чистомъ мышленіи, а въ живой, видимой дѣйствительности, оно—онанистическая, мертвая мечта. Человѣкъ — великое слово, великое дѣло, но тогда, когда онъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій. А русскіе ли мы?.. Нѣтъ, общество смотритъ на насъ, какъ на болѣзненные наросты на своемъ тѣлѣ; а мы на общество смотримъ, какъ на кучу смраднаго помету. Общество право, мы еще правѣе. Общество живетъ извѣстною суммою извѣстныхъ убѣжденій, въ которыхъ всѣ его члены сливаются воедино, какъ лучи солнца въ фокусѣ зажигательнаго стекла, понимаютъ другъ друга, не говоря ни слова. Вотъ почему во Франціи, Англіи, Германіи люди, никогда не видѣвшіе другъ друга, чуждые другъ другу, могутъ сознавать свое родство, обниматься и плакать — одни на площади въ минуту возстанія противъ деспотизма за права человѣчества, другіе хотя въ вопросѣ о хлѣбѣ, третьи при открытіи памятника Шиллеру. Безъ цѣли нѣтъ дѣятельности, безъ интересовъ нѣтъ цѣли, а безъ дѣятельности нѣтъ жизни. Источникъ интересовъ, цѣлей и дѣятельности—субстанція общественной жизни. Ясно ли, логически ли, вѣрно ли? Мы люди безъ отечества — нѣтъ, хуже, чѣмъ безъ отечества: мы люди, которыхъ отечество—призракъ,—и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремленія, наша дѣятельность—призракъ. Боткинъ, ты любилъ—и твоя любовь кончилась ничѣмъ. Это исторія и моей любви. Станкевичъ былъ выше, по натурѣ, обоихъ насъ, — и та же исторія. Нѣтъ, не любить намъ, и не быть намъ супругами и отцами семействъ. Есть люди, которыхъ жизнь не можетъ проявиться ни въ какую форму, потому что лишена всякаго содержанія: мы же — люди, для необъятнаго содержанія жизни которыхъ ни у общества, ни у времени нѣтъ готовыхъ формъ. Я встрѣчалъ и внѣ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые дѣйствительнѣе насъ; но нигдѣ не встрѣчалъ людей, съ такою ненасытимою жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способно-

стію самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы. Вотъ отчего все къ намъ льнетъ, все подлѣ насъ измѣняется. Форма безъ содержанія—пошлость, часто довольно благовидная; содержаніе безъ формы — уродливость, часто поражающая трагическимъ величіемъ, какъ миѳологія древне-германскаго міра. Но эта уродливость — какъ бы ни была она величественна — она содержаніе безъ формы, слѣдовательно, не дѣйствительность, а призрачность. Обращаюсь къ нашимъ дружескимъ отношеніямъ. Помнишь: я, бывало, нагонялъ на тебя тоску и скуку толками о своей любви— а вѣдь эта любовь была не шутка и не притворство (ибо и теперь еще сердце судорожно сжимается при одномъ воспоминаніи о ней), въ ней было много прекраснаго и человѣческаго: но винить ли мнѣ себя или тебя, что тебѣ бывало иногда тошновато слушать одно и то же? Я не скажу, чтобы я твои толки слушалъ съ скукою, но, признаюсь, иногда слушалъ ихъ безъ участія; а между тѣмъ я уважалъ твое чувство. Отчего же это? Видишь ли, въ чемъ дѣло, душа моя: непосредственно поняли мы, что въ жизни для насъ нѣтъ жизни, а такъ какъ, по своимъ натурамъ, безъ жизни мы не могли жить, то и ударили со всѣхъ ногъ въ книгу и по книгѣ стали жить и любить, изъ жизни и любви сдѣлали для себя занятіе, работу, трудъ и заботу. Между тѣмъ, наши натуры всегда были выше нашего сознанія, и потому намъ слушать другъ отъ друга одно и то же становилось и скучно, и пошло, и мы другъ другу смертельно надоѣдали. Скука переходила въ досаду, досада во враждебность, враждебность въ раздоръ. Раздоръ былъ всегда дождемъ для сухой почвы нашихъ отношеній и рождалъ новую и сильнѣйшую любовь. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ ссоры мы становились какъ-то и новѣе и свѣжѣе, какъ будто запасались новымъ содержаніемъ, дѣлались умнѣе, и раздоръ, вмѣсто того, чтобы развести насъ, сводилъ еще тѣснѣе. Но запасъ скоро истощался, и мы съѣзжали опять на старое, на свои личные интересы и, какъ манны небесной, алкали объективныхъ интересовъ; но ихъ не было, и мы продолжали быть призраками, а наша жизнь—прекраснымъ содержаніемъ безъ всякаго опредѣленія. Вотъ, что я хотѣлъ тебѣ сказать, и чего ты не понялъ. Я упомянулъ о старомъ не вслѣдствіе досады и не въ видѣ жалобы, а какъ о старомъ предметѣ новаго сознанія. Не тѣнь неудовольствія хотѣлъ я бросить на наши прежнія отношенія, но пролить на нихъ примирительный свѣтъ сознанія; не обвинять хотѣлъ я тебя или себя,

но оправдать. Ища исхода, мы съ жадностію бросились въ обаятельную сферу германской созерцательности и думали, мимо окружающей насъ дѣйствительности, создать себѣ очаровательный, полный тепла и свѣта, міръ внутренней жизни. Мы не понимали, что эта внутренняя, созерцательная субъективность составляетъ объективный интересъ германской національности, есть для нѣмцевъ то же, что соціальность для французовъ. Дѣйствительность разбудила насъ и открыла намъ глаза, но для чего... Лучше бы закрыла она намъ ихъ навсегда, чтобы тревожныя стремленія жаднаго жизни сердца утолить сномъ ничтожества...

Но третій ключъ—холодный ключъ забвенья—
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ...

Мы, Боткинъ, любимъ другъ друга; но наша любовь—огонь, который долженъ питаться самъ собою, безъ внѣшней поддержки. О, если бы ему масла внѣшнихъ общественныхъ интересовъ! Да, я часто охлаждаюсь къ тебѣ, часто и подолгу забываю о твоемъ существованіи, но это потому, что я о своемъ собственномъ помню только по апатіи, по голоду и холоду, по досадѣ и скрежету зубовъ. Согласись, что какъ бы много ни любили мы другого, но себя все больше любимъ: такъ можно ли требовать отъ того, кто не любитъ себя, чтобъ онъ любилъ другого?.. Но первая свѣтлая минута любви и грусти—и ты первый тутъ, со мною—я вижу твою обаятельную улыбку, слышу твой елейный голосъ, твои вкрадчивыя, мягкія, женственныя манеры,—и ты передаешь мнѣ содержаніе «Піонеровъ», объясняешь греческіе миѳы или разсказываешь процессъ Банкаля, а я слушаю, не наслушаюсь, сердце рвется къ тебѣ, а на глазахъ трепещутъ слезы изступленія... Блеснетъ ли въ умѣ новая мысль, потрясутся ли струны сердца новымъ ощущеніемъ—тебѣ бы передалъ его,—и еслибы ты зналъ, сколько мыслей и чувствъ остаются никому не переданныя, потому только, что тебя нѣтъ со мною, чтобы я тотчасъ же бы могъ передать тебѣ ихъ, во всей ихъ свѣжести... Я не одинъ, это правда; у меня есть кружокъ, состоящій изъ благороднѣйшихъ людей, которыхъ отъ души люблю и уважаю, и которые, можетъ быть, еще болѣе любятъ и уважаютъ меня; но я одинъ, потому что тебя нѣтъ со мною... Даже, мучась пустотою жизни, лежа или ходя въ апатіи, лишь увижу въ окно почтальона—сердце забьется порывисто—я бѣгу—и если бы ты зналъ, какое глубокое огорченіе, когда или не

ко мнѣ, или не отъ тебя!... Сегодня Кирюша, оставшись наединѣ, съ какимъ-то страннымъ видомъ, подалъ мнѣ твой портретъ—я просіялъ, ожилъ и—но довольно: Кирюша началъ шутить надъ твоими неосновательными подозрѣніями; а ты, о, москводушный, а ты могъ думать, что, можетъ быть, твой портретъ и не нуженъ мнѣ!... Но я не сержусь на тебя: напротивъ—признаюсь въ грѣхѣ (о, люди—порожденія крокодиловы!), мнѣ пріятно, что ты... но стыдно докончить фразу—боюсь впасть въ нѣжности... Сколько писемъ было у меня написано къ тебѣ—въ головѣ, и если бы ихъ можно было послать къ тебѣ, не беря въ руки пера, отъ котораго болятъ мои руки, если бы я умѣлъ писать коротко—не одно горячее письмо получилъ бы ты отъ меня въ Нижнемъ. Портретъ твой удался—ты на немъ, какъ живой—вся душа твоя—твои глаза и грустно-любовно сжатыя губы—страхъ хотѣлось поцѣловать, но я дикъ (или сталъ дикъ) на слишкомъ живыя изліянія чувствъ и почему-то посовѣстился въ присутствіи Кирюши.

Соціальность, соціальность—или смерть! Вотъ девизъ мой. Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что *я* понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними по Христѣ, но кто—мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозрѣваетъ его возможности? Прочь же отъ меня блаженство, если оно достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братіями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извощика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ мышкой чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу, подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло, и какъ будто не желая слышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ. И это жизнь: сидѣть на улицѣ въ лохмотьяхъ, съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ

нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакѣ—и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла! Не знаю, что со мною дѣлается, но иногда съ сокрушительною тоскою смотрю я по нѣскольку минутъ на дѣвку, ... и ея безсмысленная улыбка, печать разврата во всей непосредственности рветъ мнѣ душу, особенно, если она хороша собою. Рядомъ со мною живетъ довольно достаточный чиновникъ, который такъ оевропеился, что когда его жена ѣдетъ въ баню, онъ нанимаетъ ей карету; недавно узналъ я, что разбилъ ей зубы и губы, таскалъ ее за волосы по полу и билъ липками за то, что она не приготовила къ кофею хорошихъ сливокъ; а она родила ему человѣкъ шесть дѣтей, и мнѣ всегда тяжело было встрѣчаться съ нею, видѣть ея блѣдное, изнеможенное лицо, съ печатью страданія отъ тиранніи. Выслушавъ эту исторію, я заскрежеталъ зубами—и сжечь злодѣя на маломъ огнѣ казалось мнѣ слишкомъ легкою казнію, и я проклялъ свое безсиліе, что не могъ пойти и убить его, какъ собаку. И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности! А сколько такихъ мужей, такихъ семействъ! Сколько прекрасныхъ женственныхъ созданій, рукою дражайшихъ родителей бросаемыхъ на растлѣніе скотамъ, вслѣдствіе разсчета или безсознательности! И послѣ этого имѣетъ ли право человѣкъ забываться въ искусствѣ, въ знаніи! Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ, въ качествѣ вѣрованія, волю человѣка! Отрицаніе — мой Богъ. Въ исторіи мои герои — разрушители стараго—Лютеръ, Вольтеръ, энциклопедисты, террористы, Байронъ («Каинъ») и т. п. Разсудокъ для меня теперь выше разумности (разумѣется—непосредственной), и потому мнѣ отраднѣе кощунства Вольтера, чѣмъ признаніе авторитета религіи, общества, кого бы то ни было! Знаю, что средніе вѣка—великая эпоха, понимаю святость, поэзію, грандіозность религіозности среднихъ вѣковъ; но мнѣ пріятнѣе XVIII вѣкъ—эпоха паденія религіи: въ средніе вѣка жгли на кострахъ еретиковъ, вольнодумцевъ, колдуновъ; въ XVIII—рубили на гильотинѣ головы аристократамъ, попамъ и другимъ врагамъ Бога, разума и человѣчности. И настанетъ время—я горячо вѣрю этому, настанетъ время, когда никого не будутъ жечь, никому не будутъ рубить головы, когда преступникъ, какъ милости и спасенія, будетъ молить себѣ казни, и не будетъ ему казни, но жизнь останется ему въ казнь, какъ теперь смерть; когда не будетъ безсмыслен-

ныхъ формъ и обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви; когда не будетъ мужей и женъ, а будутъ любовники и любовницы, и когда любовница придетъ къ любовнику и скажетъ: «я люблю другого», любовникъ отвѣтитъ: «я не могу быть счастливъ безъ тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай къ тому, кого ты любишь», и не приметъ ея жертвы, если по великодушію она захочетъ остаться съ нимъ, но, подобно Богу, скажетъ ей: хочу милости, а не жертвы... Женщина не будетъ рабою общества и мужчины, но, подобно мужчинѣ, свободно будетъ предаваться своей склонности, не теряя добраго имени, этого чудовища—условнаго понятія. Не будетъ богатыхъ, не будетъ бѣдныхъ, ни царей и подданныхъ, но будутъ братья, будутъ люди, и, по глаголу апостола Павла, Христосъ дастъ свою власть Отцу, а Отецъ-Разумъ снова воцарится, но уже въ новомъ небѣ и надъ новою землею. Не думай, чтобы я мыслилъ разсудочно: нѣтъ, я не отвергаю прошедшаго, не отвергаю исторіи—вижу въ нихъ необходимое и разумное развитіе идеи; хочу золотого вѣка, но не прежняго, безсознательнаго, животнаго золотого вѣка, но приготовленнаго обществомъ, законами, бракомъ, словомъ, всѣмъ, что̀ было въ свое время необходимо, но что̀ теперь глупо и пошло. Боткинъ, вѣдь ты вѣришь, что я, какъ бы ты ни поступилъ со мною дурно, не дамъ тебѣ оплеухи, какъ Катковъ Бакунину (съ которымъ потомъ опять сошелся), и я вѣрю, что и ты ни въ какомъ случаѣ не поступишь со мною такъ: что же гарантируетъ насъ—неужели полиція и законы?—Нѣтъ, въ нашихъ отношеніяхъ не нужны они — насъ гарантируетъ разумное сознаніе, воспитаніе въ соціальности. Ты скажешь—натура? Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, *я* знаю, что съ моей натурою, назадъ тому лѣтъ 50, почитая себя оскорбленнымъ тобою, я былъ бы способенъ зарѣзать тебя соннаго, именно потому, что любилъ бы тебя болѣе другихъ. Но въ наше время и Отелло не удушилъ бы Дездемоны даже и тогда, когда-бъ она сама созналась въ измѣнѣ. Но почему же мы очеловѣчились до такой степени, когда вокругъ насъ цѣлые милліоны пресмыкаются въ животности?—Опять натура?—Такъ? Слѣдовательно, для низшихъ натуръ невозможно очеловѣченіе?—Вздоръ—хула на духа! Свѣтскій пустой человѣкъ жертвуетъ жизнію за честь, изъ труса становится храбрецомъ на дуэли, не платя ремесленнику кровавымъ потомъ заработанныхъ денегъ, дѣлается ни-

щимъ и платитъ карточный долгъ: что побуждаетъ его къ этому?— Общественное мнѣніе? Что же сдѣлаетъ изъ него общественное мнѣніе, если оно будетъ разумно вполнѣ? — Къ тому же, воспитаніе всегда дѣлаетъ насъ или выше или ниже нашей натуры, да, сверхъ того, съ нравственнымъ улучшеніемъ должно возникнуть и физическое улучшеніе человѣка. И это сдѣлается чрезъ соціальность. И потому, нѣтъ ничего выше и благороднѣе, какъ способствовать ея развитію и ходу. Но смѣшно и думать, что это можетъ сдѣлаться само собою, временемъ, безъ насильственныхъ переворотовъ, безъ крови. Люди такъ глупы, что ихъ насильно надо вести къ счастію. Да и что кровь тысячей въ сравненіи съ униженіемъ и страданіемъ милліоновъ. Къ тому же: fiat justitia — pereat mundus! Я читаю Тьера—какъ—узнаешь отъ Ханенки. Новый міръ открылся предо мною. Я все думалъ, что понимаю революцію—вздоръ—только начинаю понимать. Лучшаго люди ничего не сдѣлаютъ. Великая нація французы. Гибнетъ Польша, ее жгутъ, колесуютъ—Европѣ нѣтъ и нужды, все молчитъ, только толпы черни французской окружаютъ на улицахъ гнусное исчадіе ада Людовика-Филиппа съ воплями: la Pologne, la Pologne! Чудный народъ! — что-жъ ему Гекуба? Боткинъ, по твоему совѣту прочелъ я всего Плутарха: порадуй, потѣшь меня — посвяти дня три на Беранже — великій, міровой поэтъ—французскій Шиллеръ, который стоитъ нѣмецкаго, христіанѣйшій поэтъ, любимѣйшій изъ учениковъ Христа! Разумъ и сознаніе—вотъ въ чемъ достоинство и блаженство человѣка; для меня видѣть человѣка въ позорномъ счастіи непосредственности — все равно, что дьяволу видѣть молящуюся невинность: безъ рефлексіи, безъ раскаянія, разрушаю я, гдѣ и какъ только могу, непосредственность — и мнѣ мало нужды, если этотъ человѣкъ долженъ погибнуть въ чуждой ему сферѣ рефлексіи, пусть погибнетъ... Я ругалъ тебя за Кульчицкаго, что ты оставилъ его въ теплой вѣрѣ въ мужичка съ бородкою, который, ...
. . . . . .свою силу считаетъ правомъ, а свои громы и молніи — разумными доказательствами. Мнѣ было отрадно, въ глазахъ Кульчицкаго, плевать ему въ его гнусную бороду.

Кстати о Кульчицкомъ. Тяжело ли мнѣ или легко было видѣть его у себя—я бы почелъ подлостію не пригласить его къ себѣ потому только, что тебѣ это было пріятно, а по его раз-

счетамъ важно, и мнѣ странно, что изъ этого обстоятельства ты сдѣлалъ вопросъ. Фу, къ чорту, Боткинъ, да послѣ этого мнѣ страшно будетъ, въ крайней нуждѣ, попросить у тебя цѣлковаго, а я перебралъ тысячи. Да что-жъ это за дружба, которая не хочетъ сдѣлать никакого пожертвованія? Не только Кульчицкаго, но если бы тебѣ нужно было навязать на меня и кого-нибудь изъ такихъ, кого бы ты и самъ не могъ видѣть съ особеннымъ удовольствіемъ—и тогда бы—конечно, не радъ—но что же дѣлать; а о Кульчицкомъ не должно бы быть и вопроса. Если я не пригласилъ его къ себѣ съ перваго же раза, такъ потому, что у меня уже жили двое—кн. Козловскій и Ханенко; но если бы онъ остановился не у хозяйки Кирюши,—я бы непремѣнно пригласилъ его, и притомъ такъ, что онъ не могъ бы отказаться. Прекрасный человѣкъ—я полюбилъ его отъ души. Конечно, не обошлось безъ грубостей, но вольно же ему обрѣтаться въ ненавистной непосредственности. Онъ не глубокъ и недалекъ; но дай Богъ побольше такихъ людей. Онъ человѣченъ — этого довольно, чтобы любить его. Онъ любитъ, обожаетъ тебя — и моя рука всегда готова пожать отъ души его руку. Какъ онъ мило передражниваетъ тебя—до того, что перенялъ твои манеры.

Что за дивная повѣсть Кудрявцева—какое мастерство, какая художественность—и все-таки эта повѣсть не понравилась мнѣ. Начинаю бояться за себя—у меня рождается какая-то враждебность противъ объективныхъ созданій искусства. Въ другое время поговорю объ этомъ побольше. Теперь некогда. Поклонись милому Петру Николаевичу—вотъ еще человѣкъ, къ которому любовь моя похожа на страсть. Въ декабрѣ увижу обоихъ васъ. Когда придется увидѣть милаго Кольцова?—его положеніе плохо. Пріѣздъ Ключникова обрадовалъ меня такъ, какъ я и не ожидалъ.

Рекомендую тебѣ подателя сего посланія—Ивана Ивановича Ханенко. Прекрасный, благородный, чудесный человѣкъ, рожденный для идеи, но гибнущій въ естественной непотребности. Это тѣмъ досаднѣе, что знаетъ, злодѣй, славно по-нѣмецки. Прими его, какъ брата моего сердца, и, пуще всего, натолкни его на нѣмецкія книги, которыя могутъ познакомить его съ духомъ Гегеля. Онъ человѣкъ достаточный и можетъ купить. Возьми его въ руки и буди, буди, пока не проснется. Вслѣдъ за этимъ письмомъ получишь другое по почтѣ. Прощай—пиши, Бога ради. Ржевскій

былъ въ Прямухинѣ — говоритъ, что Александра Александровна процвѣтаетъ — полна и здорова, а у Татьяны Александровны чуть ли не чахотка. Это меня огорчило. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ Н. А. Бакунину. 9 декабря, 1841.

Спб. 1841, декабря 9.

Насилу-то Богъ привелъ меня отвѣтить скоро на письмо ваше, о, милый мой офицеръ и молодой глуздырь! Не можете представить, сколько радости доставило мнѣ ваше милое письмо! Я по крайней мѣрѣ три дня былъ чѣмъ-то занятъ и не чувствовалъ внутри себя бездонной пустоты, въ которой только фай— посвистываетъ. А три дня удовольствія — для меня это такое рѣдкое счастіе, отъ котораго я давно уже отвыкъ. Развертываю ваше письмо, прочитываю 8 строкъ безобразныхъ вашихъ каракуль, и вдругъ вы, къ величайшему моему изумленію и радости, прерываете свою бесѣду и рекомендуете мнѣ послушать того, при комъ вы весьма не безосновательно сочли за нужное замолчать. Каракули ваши прерываются прекрасною рукою, на которую можно любоваться даже и просто, не читая. Что же до содержанія—я (говорю безъ всякихъ фразъ) не умѣю выразить того тихаго, кроткаго, теплаго и задушевнаго чувства, которое возбудило оно во мнѣ, и котораго я такъ давно уже не испытывалъ. Правда, строки Татьяны Александровны не заставили меня выйти изъ моихъ тяжелыхъ убѣжденій; но онѣ повѣяли на меня прохладою и нѣгою участія и самымъ фактомъ доказали, что точно бываютъ въ этой жизни и пріятныя минуты. Заключительныя строки Татьяны Александровны особенно отрадно подѣйствовали на меня, хотя онѣ и заключаютъ въ себѣ упрекъ, который возбудилъ во мнѣ сознаніе—не скажу, вины: ибо глупость и ограниченность не есть вина—а моего прежняго образа мыслей... Но не буду говорить объ этомъ. .

Сей недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю,

и вмѣсто всякаго оправданія, котораго, впрочемъ, никто и не требуетъ, повторяю эти чудные стихи Пушкина:

Такъ легкомысленной душой,
О, боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.

Продолжаю мою повѣсть. Вдругъ, о, ужасъ! Снова каракули... однако я не сталъ ихъ читать, а машинально перевернулъ листокъ—и хорошо сдѣлалъ: каракули снова смѣнились прекрасною рукою... Когда я столько разъ перечелъ обѣ прекрасныя руки, что выучилъ ихъ наизустъ, тогда (по пословицѣ: не все коту масляница—будетъ и великій постъ), поморщившись весьма неграціозно, словно кошка, лизнувшая уксусу, принялся за каракульки. Впрочемъ, и ваши іероглифы мнѣ показались досадными потому только, что отняли (заняли—хотѣлъ я сказать) много мѣста въ маленькомъ письмѣ, и когда мнѣ больше нечего было читать, я и ихъ прочелъ не безъ удовольствія. Только одно не понравилось мнѣ въ нихъ: то, что̀ говорите вы мнѣ о братьяхъ. Любезнѣйшій Николай Александровичъ, не должно хватить никому другому ни своихъ сестеръ, ни своихъ братьевъ, и вообще никого своихъ; увѣряю васъ, это дурная привычка. Оставляйте всякому свободно понимать предметъ и дѣлать о немъ свои заключенія не по вашимъ возгласамъ и рекомендаціямъ, а по собственному непосредственному впечатлѣнію и собственнымъ наблюденіямъ. Повѣрьте мнѣ, что тогда вы скорѣе будете у своей цѣли; тогда какъ, дѣйствуя такъ, какъ вы теперь дѣйствуете, всегда останетесь при результатѣ, совершенно противоположномъ тому, котораго добивались. Вамъ извѣстно хорошо, какъ понимаю я вашихъ сестеръ, слѣдовательно, объ этомъ нечего и говорить. Что же до вашихъ братьевъ, я не имѣю никакихъ причинъ ни любить, ни не любить ихъ. Они совершенно чужды мнѣ, какъ и я имъ. Если бы они нуждались во мнѣ, я готовъ все, что̀ могу, сдѣлать для нихъ, но не для нихъ самихъ, а потому, что они ваши и сестеръ вашихъ братья. Точно такъ же, я увѣренъ, вы сдѣлали бы все, что можете, для моего брата, за то, что онъ мой братъ; но самъ по себѣ онъ для васъ—ровно ничего. Вы скажете, что ваши братья «чудные ребята», положимъ и такъ, но вѣдь и мой братъ (для меня) чудный малый. Хотя я и терпѣть не могу родственности, но понимаю возможность, по излишней нѣжности къ себѣ, увидѣть въ немъ то, чего другіе въ немъ не увидятъ; но меня утѣшаетъ, въ этой печальной возможности, то, что я теперь потерялъ охоту дѣлать чуд-

ное для меня чуднымъ и для другихъ. Если я не застану вашихъ братьевъ въ Торжкѣ, это не сдѣлаетъ мнѣ удовольствія; а если застану, это не сдѣлаетъ мнѣ неудовольствія. Если что-нибудь меня сблизитъ съ ними—очень радъ; если не сблизитъ—не радъ, да и не печаленъ. Вы напрасно говорите, что «то, что тогда говорили мнѣ о нихъ, сущая неправда»: мнѣ никто и ничего не говорилъ о нихъ, а говорилъ о нихъ вамъ я, по собственнымъ моимъ наблюденіямъ, а не по чужимъ наговорамъ. Я и теперь не отрицаюсь отъ того, что говорилъ тогда. Вашъ меньшой братъ, будучи мальчикомъ, корчилъ взрослаго, и потому весьма походилъ на Ивана Александровича Хлестакова. И знаете ли что?— тутъ нѣтъ еще ничего особенно дурного: это недостатокъ ребенка, а дѣти скоро измѣняются и такъ же способны исправляться, какъ и портиться. Я увѣренъ, что теперь онъ не тотъ, и, по человѣческому чувству, я этимъ доволенъ, а за васъ— радъ, ибо онъ вашъ братъ. Не осердитесь на меня за эти строки: я не умѣю хитрить и не гожусь въ политики, особенно съ тѣми людьми, которыхъ люблю, какъ васъ. Скрыть или замаскировать свое мнѣніе отъ чужого человѣка—иногда бываетъ благоразумно и похвально; но хитрить съ человѣкомъ, котораго любишь, по моему мнѣнію—просто подлость. И потому, любезнѣйшій Николай Александровичъ, когда мы увидимся, или совсѣмъ не говорите со мною объ иныхъ предметахъ, или будьте готовы услышать мнѣніе прямое, иногда даже рѣзко и жестко выраженное, до кого бы оно ни касалось—до молодого ли философа, котораго жизнь и дѣйствія находятся въ діаметральной противоположности съ его глубокими, обнаруживающими богатую и даровитую натуру, убѣжденіями и понятіями, или до стараго политика, который всю жизнь свою игралъ святѣйшими человѣческими чувствами и никогда не задумывался принести въ жертву своимъ мелочнымъ разсчетамъ счастіе тѣхъ, которыхъ обманомъ увѣрилъ въ своей мнимой святости... Иногда мнѣ бываетъ досадно на себя за эту тяжелость и негибкость моей натуры; но что мнѣ дѣлать съ собою: я рожденъ, чтобы называть вещи ихъ настоящими именами; я въ мірѣ боецъ... И за то меня искренно любятъ человѣкъ десять, и ненавидятъ сотни людей; говорю безъ преувеличенія, иногда доходятъ до меня проклятія такихъ людей, которыхъ я никогда не видалъ въ глаза и которымъ не сдѣлалъ никакой непріятности. Но вы, мой милый Николай Александровичъ, не изъ этихъ людей; вы, я знаю,

любите меня и охотно снесете рѣзкости и неровности моего характера, и потому — вашу руку, любезнѣйшій мой Николай Александровичъ! Мы съ вами скоро увидимся.

Да, мы скоро увидимся—и эта мысль такъ сладостно потрясаетъ мое сердце, и я съ такою любовію лелѣю ее въ душѣ моей. Я ѣду къ роднымъ, ѣду къ своимъ, забыться дня на два отъ мученій жизни, отдохнуть усталою душою, снова увидѣть такъ давно милые душѣ образы, которые иногда видятся мнѣ сквозь житейскій туманъ, словно ангельскіе лики въ облакахъ. О, мой милый Николай Александровичъ! зачѣмъ глупыя условія общества и моя робость не позволятъ мнѣ взять ихъ руки и, крѣпко сжавъ ихъ въ своей, сказать имъ, какъ глубоко, какъ нѣжно, какъ братски люблю я ихъ, и съ какимъ бы блажен ствомъ благословилъ я ихъ на радость и на счастіе! Видите ли, я все тотъ же, что и былъ, все та же прекрасная душа, безумная и любящая. Сердце мое не охладѣло, нѣтъ, оно умираетъ не отъ холода, а отъ избытка огня, которому нѣтъ пищи, не отъ недостатка жизни внутренней, а отъ ея избытка, не находящаго для себя пищи во внѣ. Обаятеленъ міръ внутренній, но безъ осуществленія во внѣ онъ есть міръ пустоты, миражей, мечтаній. Я же не принадлежу къ числу чисто внутреннихъ натуръ, я столь же мало внутренній человѣкъ, какъ и внѣшній, я стою на рубежѣ этихъ двухъ великихъ міровъ. Недостатокъ внѣшней дѣятельности для меня не можетъ вознаграждаться внутреннимъ міромъ, и по этой причинѣ внутренній міръ — для меня источникъ однихъ мученій, холода, апатіи, мрачная и душная тюрьма. Сердце мое еще не отказалось отъ вѣры въ жизнь, ни отъ мечтаній; но сознаніе мое покоряетъ сердце и заставляетъ его вторить себѣ судорожными трепетаніями; для моего же сознанія жизнь равна смерти, смерть—жизни, счастіе—несчастію, и несчастіе—счастію, потому что все это — призраки, создаваемые субъективною настроенностію нашего духа въ ту или другую минуту, а сами мы — исчезающія волны рѣки, тѣни проходящія. Я не вѣрю моимъ убѣжденіямъ и неспособенъ измѣнить имъ: я смѣшнѣе Донъ-Кихота: тотъ, по крайней мѣрѣ, отъ души вѣрилъ, что онъ рыцарь, что онъ сражается съ великанами, а не мельницами, и что его безобразная и толстая Дульцинея—красавица; а я знаю, что я не рыцарь, а сумасшедшій— и все-таки рыцарствую; что я сражаюсь съ мельницами—и все-таки сражаюсь; что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и гнусна,

а все-таки люблю ее, на зло здравому смыслу и очевидности. Но вы не поймете этого, о, глуздырь торжковскій! Вы еще слишкомъ дитя для истинъ, до которыхъ человѣкъ доходитъ только путемъ дѣйствительности, путемъ страданій. Вы живете въ мірѣ мечтательномъ—и вы счастливы. Но я не завидую вашему счастію, но жалѣю васъ въ немъ. Міръ мечтаній—міръ призраковъ и миражей, и кто упорно остается въ немъ на всю жизнь, тотъ или дѣлается ограниченнымъ человѣкомъ, или погибаетъ страшно. Для меня нѣтъ ужаснѣе мысли, какъ остаться у жизни въ дуракахъ, быть ея дюпомъ: пусть бьетъ она меня, но я буду знать, кто и что она, и на удары буду отвѣчать проклятіями: это лучше, чѣмъ позволить ей спеленать себя и убаюкивать, какъ ребенка. Гете сравнилъ мужа съ кораблемъ, презирающимъ ярость волнъ и бури—прекрасное сравненіе! Такъ вонъ же изъ мирной и тихой пристани, гдѣ только плѣсень зеленая, тина мягкая, да квакающія лягушки, дальше отъ нихъ, туда, гдѣ только волны да небо, предательскія волны, предательское небо! Конечно, разсудокъ говоритъ, что гдѣ бы ни утонуть,—все равно, но я лучше хотѣлъ бы утонуть въ морѣ, чѣмъ въ лужѣ. Море—это дѣйствительность; лужа—это мечты о дѣйствительности...

Вы, о, мой птенецъ неоперенный, хотя и съ перомъ въ трехъуголкѣ!—ушли отъ жизни въ свой маленькій родственный кружокъ: боюсь за васъ. Въ этомъ кружкѣ хорошо быть гостемъ и отдыхать отъ борьбы съ жизнію, но не жить въ немъ. Всякій кружокъ ведетъ къ исключительности и какой-то странной оригинальности: рождаются свои манеры, свои привычки, свои слова, любезныя для кружка, странныя, непонятныя и непріятныя для другихъ. Но это бы еще ничего: хуже всего то, что люди кружка дѣлаются чужды для всего, что внѣ ихъ кружка, а все это—имъ. Я сужу по собственному опыту. Нашъ кружокъ былъ обширнѣе вашего, характеры и личности разнообразнѣе, ибо тутъ сошлись люди не родные, не односемейные, а со всѣхъ 4-хъ сторонъ свѣта; но, Боже мой! Грустно вспомнить объ этой ограниченной исключительности, съ какою мы смотрѣли на весь міръ. Помните ли, любезнѣйшій Николай Александровичъ, какъ холодно я сошелся съ вами, какъ долго я дичился васъ? А отчего?—вы были не нашъ, вы были въ мундирѣ, не знали нашихъ любимыхъ словъ, не умѣли безпрестанно, хотя бы съ зѣвотою, поговорить объ одномъ высокомъ и прекрасномъ. Я

и теперь еще не вполнѣ вылѣчился отъ этой болѣзни «кружка», но уже—слава Аллаху!—далеко, далеко не таковъ, какимъ вы меня знали, такъ что вамъ, при свиданіи, надо будетъ знакомиться со мною вновь. У всякаго человѣка долженъ быть свой уголокъ, куда бы онъ могъ укрываться отъ ненастья жизни; и вашъ уголокъ особенно прекрасенъ; но уголокъ и долженъ быть уголкомъ, а не міромъ, жизнь же должна быть въ мірѣ. Я этимъ не то хочу сказать, чтобы вы жили открыто въ глупомъ торжковскомъ мірѣ—это не міръ, а пакостное болото; я хочу сказать, чтобы вы своего кружка не брали мѣркою міра, но какъ можно больше изъ міра вносили бы въ свой уголокъ; міръ же есть жизнь въ общемъ значеніи. Но я чувствую, что заврался, а между тѣмъ рука устала, и писать не хочется.

Выѣхать изъ Петербурга я надѣюсь числа 19 или 20 текущаго мѣсяца. А между тѣмъ, не напишете ли вы мнѣ и еще такого же прекраснаго письма — а?.. Я этимъ нисколько не думаю обременять васъ: чѣмъ менѣе приложите вы письменнаго труда, тѣмъ я буду довольнѣе... Какъ вы думаете? Прощайте, мой милѣйшій офицеръ и мечтатель, мой чудный и хорошій Бакунинъ! Не повѣрите, съ какимъ нетерпѣніемъ жду я свиданія съ вами! Живете вы въ глуши, одинъ: сдѣлалъ бы 100 верстъ крюку, чтобы денекъ-другой побесѣдовать съ вами въ дымной и вонючей избѣ крестьянина.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ И. И. Ханенкѣ. 8 февраля, 1842.

Спб. 1842, февраля 8.

Долго ругалъ я тебя, о, Ханенко, за твое упорное и глупое молчанье. Разъ хотѣлъ даже разругать письменно, но, къ счастью, полѣнился. Наконецъ, въ то время, какъ я уже думалъ, что мы съ тобою не увидимъ и не услышимъ болѣе другъ друга (вѣдь я забылъ къ тому же твой адресъ), вдругъ—слава Аллаху и пророку его Ѳ. Н. Глинкѣ!—получаю письмо, развертываю и зрю — стихи!.. Прочтя нѣсколько словъ, я догадался, что это письмо отъ Ханенки, писанное прозою, но неровными строками съ одной стороны (вѣроятно, отъ душевнаго волненія и сердечнаго трепета вслѣдствіе чтенія стиховъ Глинки), отчего эта проза и вышла похожею на стихи. Что я дѣлаю?—спрашиваешь

ты меня. Да все то же,—отвѣчаю я. Ѣздилъ на праздники въ Москву и, какъ жилъ тамъ безъ заботы и работы, то въ двѣ недѣли поправился въ здоровьѣ, даже помолодѣлъ; а теперь хилъ и золъ и измученъ, словно водовозная лошадь. Такъ ты въ Питеръ не надѣешься скоро быть? Дрянь ты, братецъ, дрянь! Человѣкъ съ деньгами, но безъ воли—это такъ же гадко, какъ съ волею безъ денегъ. Да ты врешь, ты пріѣдешь. Я жду тебя и слышать не хочу, что не пріѣдешь. Сохрани тебя Богъ: какъ разъ окритикую въ моей литературѣ.

Ты проводишь время въ деревнѣ не слишкомъ скучно, о, счастливый, хоть и нелѣпый человѣкъ! Но это счастіе худо кончится: оскорбленная твоя натура нѣкогда возстанетъ, но это возстаніе не возродитъ, а уничтожитъ тебя: ибо уже поздно будетъ. Въ деревнѣ, въ кругу домашнихъ и свиней и въ кругу помѣщиковъ и ихъ собакъ и дворовыхъ людей, нельзя и «въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ». Читать Байрона, ничего не читая о Байронѣ, безполезно: можно смѣшать его съ Ѳ. Глинкой или при немъ читать Ѳ. Глинку. Шекспира Кетчерова ты можешь вытребовать прямо чрезъ Иванова, а что до «Suppplement zu Schillers Werke», не знаю, ни какъ, ни изъ какой лавки. Увѣдомь.

По твоему письму все выполнено. Свидѣтельство я вчера переслалъ къ полковнику. Онъ здоровъ и набивается на свиданье со мною по поводу кучи твоихъ бумагъ, какъ будто мнѣ до нихъ или до него какое-нибудь дѣло! Вотъ ужъ подлинно, какъ банный листъ... Дѣло мое съ Верленковымъ кончилось надувательствомъ съ его стороны, а на службу тоже не попалъ: видно, судьба не хочетъ.

Теперь у меня къ тебѣ есть просьба. Кн. Козловскій черезъ меня получилъ отъ братьевъ небольшую сумму въ уплату долга; 200 руб. велѣлъ онъ мнѣ оставить у себя (вѣроятно, имѣя въ виду свой долгъ тебѣ), а остальные употребить по его порученію. Просьба моя къ тебѣ гадкая и подлая. Вотъ въ чемъ дѣло: обстоятельства мои, какъ будто, начинаютъ поправляться, но послѣднее давленіе нужды нестерпимѣе обыкновенныхъ, а потому ужасно сильно поползновеніе выскочить изъ болота на плечахъ ближнихъ. Короче: если можешь, позволь мнѣ украсть у тебя (до времени, впрочемъ, неопредѣленнаго) эти 200 руб.: они для меня были бы большою подмогою. По этому пункту жду отъ тебя рѣшенія. Ей Богу, краснѣю отъ своей наглости и безстыд-

ства—да что же дѣлать! Вѣдь дѣло идетъ о деньгахъ—это есть солнце жизни, безъ котораго жизнь темна и мрачна и холодна... Кстати, о Козловскомъ. Онъ получаетъ 480 руб. асс. жалованья, каждый день имѣетъ говядину во щахъ. Жить тамъ дороже, чѣмъ въ Питерѣ. Князь посылаетъ тебѣ сто поклоновъ. Жаль мнѣ его.

Б. наконецъ догадался, что былъ у насъ шутомъ. Со мной онъ еще такъ и сякъ, но противъ Панаева въ явной враждѣ. Вотъ ограниченный-то человѣкъ!

Панаевъ, Языковъ, К. и В. тебѣ кланяются. Они тебя любятъ, а только смѣются надъ твоею способностью гнить въ деревнѣ и читать Ѳ. Глинку.

«Демонъ» Лермонтова запрещенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ былъ напечатанъ цѣликомъ.

Пиши ко мнѣ: я буду отвѣчать по мѣрѣ возможности и побѣждать свою лѣнь. Прощай.

Твой Бѣлинскій.

P. S. А что же обѣщанные тобою историческіе матеріалы для «Отечественныхъ Записокъ»? Присылай скорѣе къ Иванову.

Къ М. В. Орловой. 4 марта, 1842.

Спб. 1842, марта 4 дня.

Вы, конечно, думаете, что я забылъ о данномъ вамъ обѣщаніи насчетъ присылки «Демона»: въ такомъ случаѣ, мнѣ очень пріятно разувѣрить васъ въ моей забывчивости, когда вы, вѣроятно, въ свою очередь забыли о ней и думать. Нечаянное, неожиданное, и при томъ столь пріятное, разрѣшеніе долго занимавшаго меня вопроса о таинственномъ бумажникѣ сдѣлало меня вашимъ должникомъ,—и, долго ломая голову, я, наконецъ, обрадовался мысли—переписать вамъ «Демона» собственною рукою. Мнѣ стало немножко совѣстно, когда, раскрывши довольно красиво обдѣланную тетрадку, я вдругъ увидѣлъ свои каракули, дико-странныя и безобразныя, подобно мнѣ самому; но если я узнаю (разумѣется, отъ васъ самихъ), что вы въ этихъ каракуляхъ увидѣли именно то, что должно въ нихъ увидѣть—желаніе небольшимъ и пріятнымъ для меня трудомъ выразить вамъ мою благодарность за ваше, незаслуженное мною, вниманіе ко

мнѣ,—то нисколько не раскаюсь въ томъ, что не нанялъ для переписки поэмы хорошаго писца. Это и было причиною замедленія въ исполненіи моего обѣщанія: я лѣнился приняться за работу, одна мысль о которой доставляла мнѣ столько наслажденія, и минуты которой потомъ были для меня такими прекрасными минутами, что я, конечно, не слишкомъ торопился прекратить ихъ.

Вотъ, что считалъ я нужнымъ объяснить вамъ, и вотъ, что рѣшило меня взять на себя смѣлость написать къ вамъ эти строки: я былъ бы очень счастливъ, если бы вы дали мнѣ знать, что вы не считаете моей смѣлости совсѣмъ непростительною.

Но, взявши на себя одну смѣлость, я не могу удержаться и отъ другой — именно отъ желанія доставить моему лучшему другу удовольствіе вашего знакомства, котораго онъ сильно желаетъ, зная васъ черезъ меня и А. Д. Галахова. Пусть будетъ это ему отъ меня въ награду за его готовность принять на себя хлопоты полученія съ почты тетради и доставленія ея къ вамъ. Можетъ быть, я слишкомъ далеко простираю мою смѣлость, но прошу васъ позволить Василію Петровичу Боткину явиться къ вамъ, — хоть для того, чтобы передать мнѣ, увѣрить меня, что моя дерзость не превосходитъ вашей снисходительности,—если вы не захотите передать мнѣ этого непосредственно отъ самихъ себя, и тѣмъ подарить счастливымъ днемъ человѣка, слишкомъ бѣднаго счастливыми днями.

Вашъ покорный слуга

В. Бѣлинскій.

P. S. Если бы (чего я, впрочемъ, не надѣюсь) вамъ нужно было что-нибудь поручить мнѣ, по части книгъ или чего другого,— то я почелъ бы для себя за счастіе выполнить ваше порученіе. Въ такомъ случаѣ, лучше всего адресоваться ко мнѣ черезъ контору «Отечественныхъ Записокъ», по адресу, который можно видѣть на оберткѣ каждаго нумера ихъ.

Къ В. П. Боткину. 14 марта 1842.

Спб. 1842, марта 14 дня.

Боткинъ — чудовище! Старый развратникъ, козелъ-грѣхоносецъ! Съ ужасомъ прочелъ я нечестивое письмо твое, съ ужа-

сомъ выслушалъ разсказы Кульчика о вашемъ общемъ непотребствѣ, піанствѣ, плотоугодіи, чревонеистовствѣ и прочихъ седьми смертныхъ грѣхахъ!.. Покайтеся: время близко—ѣду къ вамъ и—буду пьянствовать съ вами.

О, Боткинъ! понимаю, друже, тебя. Гнусный желудокъ не позволяетъ мнѣ пить много, зато . . . . . .

Трагическое распутство! Звучите бокалы и стаканы, раздавайтесь нестройные клики пьяной радости, буйнаго веселія—вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва!.. Эй, ты, милая—. . . . . , да ну, безъ нѣжностей, ... —вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва!

Въ письмѣ твоемъ мнѣ крѣпко понравились эти строки, которыя повторяю, какъ будто мои собственныя: «Я соглашусь лучше имѣть пріютомъ своимъ . . . . . и конкубиною . . . . . , которая будетъ . . . . . изъ денегъ, нежели страдать по хладной красавицѣ; лучше замереть въ развратѣ, чѣмъ въ пряничной любви». Мысль, достойная человѣка! Нѣтъ подлѣе и унизительнѣе роли несчастнаго влюбленнаго. Да, теперь я это слишкомъ глубоко чувствую и понимаю. Готовъ всю жизнь упиваться до безумія красотою и граціею въ образѣ женщины; но—увѣренъ въ этомъ—буду умѣть быть пьянымъ благоразумно, не теряя себя, и только—кажется мнѣ—предположеніе или достовѣрное убѣжденіе, что сія «дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей» неравнодушна къ моей некрасивой и дикой особѣ, можетъ возбудить во мнѣ какое-нибудь чувство, sine qua non... любовь по преимуществу жизнь и ремесло женщины: ей сроднѣе тутъ сдѣлать шагъ впередъ, не такъ стыдно ошибиться; но мужчинѣ — брррръ! — будь онъ хоть семи пяденей во лбу, но я почувствовалъ бы къ нему слишкомъ обидное для его самолюбія сожалѣніе.

Давно сбирался писать къ тебѣ; но отвращеніе къ перу дѣлается во мнѣ какой-то болѣзнію. Да и о чемъ писать? А поговорить хотѣлось бы о многомъ. Да—мнѣ еще надо разругать тебя, на чемъ свѣтъ стоитъ.

Съ чего ты взялъ, лысый чортъ, смѣшивать мизерную особу И. П. Ключникова съ благородною особою Петра Бульдогова? И какъ ты въ величавомъ образѣ сего часто упоминаемаго Петра Бульдогова могъ не узнать друга своего, Виссаріона Бѣлинскаго, вѣчно неистоваго, всегда съ пѣною у рта и съ поднятымъ вверхъ

кулакомъ (для выраженія сильныхъ ощущеній, волнующихъ сего достойнаго человѣка)?.. О, Боткинъ! Боткинъ! ты обидѣлъ меня, ей Богу, обидѣлъ! Если бы ты оплевалъ лучшую горячую статью мою — я бы наплевалъ и на тебя, и на нее, и на себя, какъ на вздоръ и пустяки; но типъ, сей первый и робкій опытъ юнаго таланта на совершенно новомъ для него поприщѣ... опытъ, столь удачный, столь блестящій—о, Боткинъ! Боткинъ! гдѣ-жъ дружба, гдѣ любовь! Мрачное мщеніе, выходи изъ утробы моей, выставляй змѣиныя жала свои, о, Едельмона, Едельмона! и пр. Нѣтъ, Боткинъ, не шутя, я способенъ ко многимъ родамъ сочиненій, когда вдохновляетъ меня злоба. Идея «Педанта» мгновенно блеснула у меня въ головѣ еще въ Москвѣ, въ домѣ М. С. Щепкина, когда Кетчеръ прочелъ тамъ вслухъ статью Шевырки. Еще не зная, какъ и что отвѣчу я,—я, по впечатлѣнію, произведенному на меня доносомъ Шевырки, тотчасъ же понялъ, что напишу что-то хорошее... Въ Питерѣ эта штука прошла незамѣченной; «Москвитянина» у насъ никто не читаетъ. Шевырка извѣстенъ, какъ миѳъ. Впрочемъ, Панаевъ вчера сказалъ, что ужъ странно не узнать меня-то въ этой статьѣ, гдѣ я весь (будто бы вылился), и странно приписать ее И. П. Ключникову, котораго тутъ и видомъ не видать, слыхомъ не слыхать... А статейка была не дурна, да цензурный комитетъ выкинулъ все объ Италіи и стихи Полевого—злую пародію на стихи Шевырки.

Кстати объ И. П. Ключниковѣ: онъ не то, что піэтистъ, а ужъ просто . . . . . , или, лучше сказать, ... -рыба. Онъ дѣлается какимъ-то imbécile: говоритъ объ однихъ моментахъ, всѣмъ надоѣдаетъ, всѣ на него смотрятъ, какъ на помѣшаннаго. Недавно онъ выдумалъ новую штуку: Гоголь художникъ, но «Ревизоръ», «Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ» и пр. –не художественныя произведенія, ибо-де не было высокаго искусства изображать чучелъ, въ родѣ Держимордъ. Повѣришь ли, Боткинъ, этотъ человѣкъ иногда бываетъ отвратительно-жалокъ, и, вмѣсто спора, хотѣлось бы замазать ему ротъ пекинскою желтою глиною. . . . . [1]).

---

[1]) Конца нѣтъ.—*Прим. А. П.*

Отрывокъ изъ письма къ В. П. Боткину. Мартъ, 1842.

Статьею о Майковѣ я самъ доволенъ, хоть она и никому здѣсь особенно не нравится, а доволенъ ею я потому, что въ ней сказано (и притомъ очень просто) все, что надо, и въ томъ именно тонѣ, въ какомъ надо было сказать. Статья о «Мирошевѣ» не подгуляла бы, еслибъ цензура не вырѣзала изъ нея смысла и не оставила одной галиматьи. Послѣ статьи о Петрѣ Великомъ ни одна еще статья моя не была такъ позорно ошельмована, какъ статья о «Мирошевѣ». Нравятся мнѣ очень два стихотворенія Огарева—«Характеръ» и «Была пора», только зачѣмъ онъ, дерзкій человѣкъ, позволяетъ себѣ личности на такихъ достойныхъ особъ, какъ напр., твой благородный другъ, Виссаріонъ Бѣлинскій: все, въ чемъ говорится «о раскаяніи, какъ мученіи слабыхъ душъ», я принимаю на свой счетъ. «Кабакъ» вообще не дуренъ, но концомъ подгулялъ. Мнѣ очень жаль, что я не увидѣлся, разъѣхавшись, съ этимъ милымъ Огаревымъ. Жму ему руку и даю братское лобызаніе.

Увѣдомь меня, ради Аллаха,—проводивши меня, засталъ ли ты у себя Гоголя и Щепкина?

Что Гоголь? Печатаетъ ли «Мертвыя Души?»

1-я половина повѣсти Ганъ «Напрасный Даръ» мочи нѣтъ, какъ хороша, убійственно хороша.

«Дядѣ Кроносу»—очень удачно переданная вещь. Что это за свинья Гете-то, какъ личность! Безъ воли, безъ силы прекрасная душа, истинный Клавиго—хуже насъ, грѣшныхъ. Ну, да чортъ съ нимъ!

Лѣтомъ я опять въ Москвѣ, во что бы то ни стало, и притомъ не меньше, какъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ. Зимняя поѣздка меня переродила—я поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Вообрази себѣ, что теперь я сплю по-твоему: въ какое бы время ночи ни легъ—сію же минуту, какъ убитый. О моемъ духовномъ здравіи и состояніи писать къ тебѣ нечего: объ этомъ ты вѣдай по себѣ. Мучительный зензухтъ ощущаю къ жизни беззаботной, пустой, праздной, бражнической. Дома быть не могу ни минуты—страшно, мучительно, холодно, словно въ гробу. Ну, авось либо не напишу ли къ тебѣ еще на дняхъ нѣсколькихъ строкъ, а теперь лѣнь, да что-то и не пишется. А потому прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

P. S. Увѣдомь сейчасъ же, если Шевырка спятитъ съ ума или сомлѣетъ. Посылаю къ тебѣ записку Панаева къ Краевскому съ надписью «Очень нужное»: изъ нея ты увидишь ясно, что̀ считаетъ въ жизни «Очень нужнымъ» сія благородная натура. Кудрявцеву умиленно кланяюсь, а также и Грановскому, Кетчеру и всѣмъ нашимъ, въ число которыхъ включаю и М. С. Щепкина. Кланяюсь Кольчугину—спасибо ему за письмо его, умное и интересное. Читалъ я его Панаеву. Статьи Сабурова прочту: коли Кольчугинъ хвалитъ, видно, хороши.

Профессорамъ низкій поклонъ.

Ну, прощай.

Комнаты моей ты не узналъ бы—великолѣпіе неописанное! Огромная карта Европы (на французскомъ языкѣ) закрываетъ печь; противъ — карта Россіи, огромная, эстампъ и картины Вернэ—солдатъ, зарывающій въ могилу товарища. Ну, и прочее.

Я все надѣялся, что ты пришлешь мнѣ съ Кульчикомъ замѣтки объ исторіи Лоренца и выписку изъ Гегеля; но піанство есть порокъ... Теперь я самъ долженъ, съ моею ученостію, наговоря много, ничего не сказать о Лоренцѣ. Чортъ тебя возьми!

До отъѣзда въ Москву я забралъ у Краевскаго 1000 руб.: по пріѣздѣ онъ мнѣ тотчасъ отдалъ, по разсчету, слишкомъ двѣ остальныя, а недавно и еще 500 (когда я и не просилъ). Изъ этого можешь видѣть, честный ли человѣкъ Краевскій. Онъ грубъ—русскій человѣкъ—мошну развязываетъ съ кряхтѣніемъ (когда мало денегъ)—вотъ и все; но въ честности его нельзя сомнѣваться. Увы! страшно подумать—3.500 руб.! Гдѣ-жъ они?—спросишь ты:

. . . Все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ.
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...

Ей Богу, не шутя, Боткинъ, готовь мнѣ денегъ въ маѣ мѣсяцѣ; да не по мелочи, а какую ни на есть (какъ позволятъ тебѣ средства) сумму: ибо оную тебѣ въ декабрѣ отдамъ. Безъ твоей же суммы придется пѣшкомъ итти въ Москву, а ужъ хоть пѣшкомъ, да приду же.

Къ В. П. Боткину. 17 марта, 1842.

Спб. 1842, марта 17.

Вотъ мнѣ и опять пришла охота писать къ тебѣ, Боткинъ. Но о чемъ писать? — право, не знаю: и хочется, и не о чемъ! Ну, пока не придумаю лучшаго, выругаю тебя хорошенько за то, во первыхъ, что ты ничего не прислалъ мнѣ съ Кульчикомъ о Лоренцѣ и тѣмъ ввергъ меня въ бѣдственное положеніе писать о томъ, чего не знаю; а во вторыхъ, за то, что ты не взялъ у нелѣпаго Кетчера мою статью о Петрѣ Великомъ и не переслалъ ее мнѣ съ Кульчикомъ. За все сіе желаю, чтобы твоя лысина распространилась еще больше.

Стихотвореніе Лермонтова «Договоръ» — чудо, какъ хорошо, и ты правъ, говоря, что это глубочайшее стихотвореніе, до пониманія котораго не всякій дойдетъ; но не такова ли же и большая часть стихотвореній Лермонтова? Лермонтовъ далеко уступитъ Пушкину въ художественности и виртуозности, въ стихѣ музыкальномъ и упруго-гибкомъ; во всемъ этомъ онъ уступитъ даже Майкову (въ его антологическихъ стихотвореніяхъ), но содержаніе, добытое со дна глубочайшей и могущественнѣйшей натуры, исполинскій взмахъ, демонскій полетъ — съ небомъ гордая вражда—все это заставляетъ думать, что мы лишились въ Лермонтовѣ поэта, который, по содержанію, шагнулъ бы дальше Пушкина. Надо удивляться дѣтскимъ произведеніямъ Лермонтова—его драмѣ, «Боярину Оршѣ», и т. п. (не говорю уже о «Демонѣ»): это не «Русланъ и Людмила», тутъ нѣтъ ни легкокрылаго похмелья, ни сладкаго бездѣлья, ни лѣни золотой, ни вина и шалостей амура: нѣтъ, это—сатанинская улыбка на жизнь, искривляющая младенческія еще уста, это — «съ небомъ гордая вражда», это—презрѣніе рока и предчувствіе его неизбѣжности. Все это дѣтски, но страшно—сильно и взмашисто. Львиная натура! Страшный и могучій духъ! Знаешь ли, съ чего мнѣ вздумалось разглагольствовать о Лермонтовѣ? Я только вчера кончилъ переписывать его «Демона», съ двухъ списковъ, съ большими разницами,—и еще болѣе вникъ въ это дѣтское, незрѣлое и колоссальное созданіе. Трудно найти въ немъ и четыре стиха сряду, которыхъ нельзя было бы окритиковать за неточность въ словахъ и выраженіяхъ, за натянутость въ образахъ;

съ этой стороны «Демонъ» долженъ уступить даже «Эддѣ» Баратынскаго; но—Боже мой!—что же передъ нимъ всѣ антологическія произведенія Майкова или и самого Анакреона, да еще въ подлинникѣ? Да, Боткинъ, глупъ я былъ съ моею художественностію, изъ-за которой не понималъ, что такое содержаніе. Но объ этомъ никогда довольно не наговоришься. Обращаюсь къ «Договору»: эта пьеса напечатана не вполнѣ; вотъ ея конецъ:

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южный,
Но ихъ разрознитъ гдѣ-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный
И ласки вѣчныя свои...

Сравненіе, какъ будто, натянутое; но въ немъ есть что-то лермонтовское...

Со мною сдѣлалась новая болѣзнь—не шутя. Ноетъ грудь, но такъ сладко, такъ сладострастно,.. Словно волны пламени то нахлынутъ на сердце, то отхлынутъ внутрь груди; но эти волны такъ влажны, такъ освѣжительны... Ощущеніе это давно мнѣ знакомо; но никогда оно не бывало у меня такъ глубоко, такъ чувственно, такъ похоже на болѣзнь. Особенно оно овладѣло мною, пока я писалъ «Демона». Странный я человѣкъ: иное по мнѣ скользнетъ, а иное такъ зацѣпитъ, что я имъ только и живу: «Демонъ» сдѣлался фактомъ моей жизни, я твержу его другимъ, твержу себѣ, въ немъ для меня — міры истинъ, чувствъ, красотъ. Я его столько разъ читалъ — и слушатели были такъ довольны...

А знаешь ли что? Да что и говорить — знаешь... Отого-то я такъ и люблю говорить съ тобою, что не успѣешь сказать перваго слова, какъ ты уже выговариваешь второе...

Знаешь ли, когда пора человѣку жениться?—Когда онъ дѣлается неспособнымъ влюбляться, перестаетъ видѣть въ женщинѣ

«ее», а видитъ въ ней просто (имя-рекъ). Когда я былъ въ Торжкѣ, я не могъ скрыть отъ себя, что присутствіе Александры Александровны даетъ мнѣ гораздо больше, чѣмъ присутствіе Татьяны Александровны; а когда я говорилъ съ нею, я пьянѣлъ безъ вина, изъ глазъ сыпались искры; но нѣтъ ея, — и все кончено. Да, не надуешь: полюби-ка сама сперва, да дай это знать — такъ, пожалуй, сойду съ ума и сдѣлаюсь такимъ дуракомъ, какого другого и не найти; но безъ того — слуга покорный... Наше вамъ-съ, какъ говоритъ Григорьевъ. А изъ сего, о, Боткинъ, слѣдуетъ ясно, что пора... ай! ай! святители! ничего, ничего! молчаніе!.. Ухъ!.. Дай духъ перевести... И прочее: самъ ты человѣкъ не глупый—поймешь. Оно бы, можетъ быть, мы и выкинули такую штуку, да нужны деньги, а ихъ у насъ нѣтъ... Поѣдемъ же въ . . . . . —или къ Марьѣ Ивановнѣ. Кстати: у ней былъ балъ, описаніе котораго, сдѣланное, какъ слѣдуетъ, уморило бы тебя со смѣху.

Кульчикъ—славный малый: съ нимъ какъ-то болтается; онъ очень тепелъ и задушевенъ. Многое смѣшно понимаетъ; но это провинціализмъ; многаго глубоко и никогда не постигнетъ, но это отъ бѣдности натуры въ демонскихъ элементахъ. Онъ слишкомъ кротокъ и младенецъ душою; ему бы барышни хорошенькія, предметъ для «святой и возвышенной» страсти — онъ и доволенъ. Во всякомъ случаѣ, его нельзя не любить. Мы съ нимъ тебя позлословили и поругали — и подѣломъ; но объ этомъ послѣ, когда-нибудь.

Передай мой сердечный привѣтъ Александру Ивановичу, его усамъ и похвальному обычаю молча осушать всякую посуду съ виномъ, отъ рюмки до лохани. Чортъ возьми, нѣтъ мнѣ ни въ чемъ удачи: только поѣхалъ я въ Москву—и на похороны въ Новгородѣ, въ Москвѣ опять на похороны; Грановскій явился только передъ моимъ отъѣздомъ, Клыкова совсѣмъ не было, братъ твой, какъ нарочно, уѣхалъ къ китайцамъ разсуждать о «Троесловіи» Кон-фу-дзы. Пріѣхалъ Кульчикъ — похоронъ нѣтъ, а честная братья вся тутъ налицо — кутятъ, пьютъ. Конечно, я не питухъ и плохой любитель шумныхъ оргій, я нѣмецъ душою, люблю «бесѣдовать кротко и мирно»; но иногда хорошо же и побѣситься.

Долгое житье съ тобою въ Питерѣ было для меня весьма не безполезно: моя пріимчивая натура не упустила случая кое-чѣмъ

«одолжиться». Особенно хорошо я понялъ, что̀ ты разумѣешь подъ «нравственными отношеніями, какъ основою брачной жизни». Дастъ же Господь человѣку талантъ къ чему-нибудь одному. Увѣренъ, что прочту и пойму и Гегеля о бракѣ, не зная ни слова по-нѣмецки. Просто, Боткинъ, я схожу съ ума — ну, заныла грудь, и слезы дрожатъ на потемнѣвшихъ глазахъ — больно и сладко... Когда пріѣду лѣтомъ въ Москву, смотри—не дай погибнуть своему пріятелю во цвѣтѣ лѣтъ и красоты. Скоро ты получишь посылку, которую передашь черезъ Галахова; если же хочешь самъ, то увѣдомь заранѣе—я о семъ черкну слова два въ «дерзкомъ посланіи». Да знаешь ли, — если ты добрый пріятель и любишь меня: поговори—такъ—о чемъ-нибудь съ Галаховымъ: не скажетъ ли онъ чего-нибудь въ родѣ того, что сказалъ за чаемъ у насъ — помнишь? — А если скажетъ — такъ пиши мнѣ поскорѣе. Коротко и ясно, Боткинъ: я схожу съ ума, и, свались мнѣ съ неба тысячъ около десятка деньжонокъ, для перваго обзаведенія, — поминай, какъ звали, зови попово, пеки блины и твори поминки. Страшно сказать, что дѣлается внутри меня. Хотѣлось бы поболтать съ тобой объ этомъ. Отдамъ «Демона» своего въ хорошій переплетъ и препровожу съ «посланіемъ»—будь, что будетъ, а надо завязать узелъ—и пусть судьба развязываетъ его, какъ хочетъ — хуже не будетъ. Ну, теперь опять долго не усну: волны расходились въ груди—и я весь расплылся.

Кланяйся всѣмъ. Напиши мнѣ что-нибудь поскорѣй. Милому Кольчушку—пренизкій поклонъ за прекрасное письмо и безцѣнный подарокъ. (Если онъ мнѣ не подарилъ книгу, то я, навѣрное, забуду взять ее съ собою въ Москву). Сегодня получишь письмо отъ Кольцова—плохи его дѣла, и онъ уже не разъ стоялъ у двери гроба, и только его сильная натура могла переносить то, что онъ вытерпѣлъ.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ Д. П. Иванову. 17 марта, 1842.

Спб. 1842, марта 17 дня.

Любезный Дмитрій, письмо твое пришло ко мнѣ слишкомъ поздно, чтобъ я могъ по немъ что-нибудь сдѣлать. Дуракъ человѣкъ, несмотря на четко и ясно написанный тобою адресъ, не могъ найти конторы «Отечественныхъ Записокъ». Когда онъ ко мнѣ явился, нашедши, наконецъ, меня, дѣти были уже отданы, и все сдѣлано. Александръ Никаноровичъ былъ у меня; потомъ я у него былъ два раза и въ оба не засталъ его дома, и больше не видалъ. Мальчиковъ онъ ко мнѣ присылалъ, въ одно воскресенье по утру; я обласкалъ ихъ, какъ умѣлъ. Меньшой мнѣ понравился, а физіономія старшаго вполнѣ оправдываетъ твою рекомендацію. Я бы хотѣлъ брать ихъ по праздникамъ къ себѣ; но Александръ Никаноровичъ, кажется, на счетъ этого не распорядился.

Если удастся достать портретъ Лермонтова—пришлю. Вообще, постараюсь на этотъ счетъ.

Бога ради, возьми у г. Антонова консисторское свидѣтельство Никанора: вѣдь, этакъ оно и пропадетъ, сохрани Господи! Ну, какъ и что у тебя? Всѣ ли здоровы? Что новорожденное? Что твоя дикая ворона, Зинаида? Что твой разудалый молодецъ, Леонидъ? Славный мальчикъ! Лѣтомъ я опять въ Москвѣ—и непремѣнно, и на мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ: привезу имъ всѣмъ гостинца. Леонорѣ Яковлевнѣ мой сердечный привѣтъ. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

P.S. Алешѣ мой искренній поклонъ: погладь его по головкѣ и поцѣлуй въ кончикъ носа. Чудакъ онъ большой, но и предобрый малый.

Вотъ мой адресъ:

Въ Семеновскомъ полку, на Среднемъ проспектѣ, между Госпитальною улицею и первою ротою, въ домѣ г-жи Буторовой, № 22.

Потрудись зайти въ книжную лавку Улитина и сказать ему, отъ меня, что онъ скоро получитъ отъ меня въ уплату долга два экземпляра «Отечественныхъ Записокъ»; но что больше прислать ему пока не могу.

Къ В. П. Боткину. 31 марта, 1842.

Спб. 1842, марта 31.

Вотъ и отъ тебя, любезный Боткинъ, уже другое письмо, да еще какое толстое, жирное и сочное — и теперь все смакую, граціозно и гармонически прищелкивая языкомъ, какъ ты во время своихъ потребительныхъ священнодѣйствій. Вотъ тебѣ сперва отвѣтъ на первое посланіе. Спасибо тебѣ за вѣсти объ эффектѣ «Педанта»: отъ нихъ мнѣ нѣкоторое время стало жить легче. Чувствую теперь вполнѣ и живо, что я рожденъ для печатныхъ битвъ, и что мое призваніе, жизнь, счастіе, воздухъ, пища — полемика. Успѣхъ статейки Бульдогова мнѣ, сущу во гробѣ, животъ даровалъ; но за этимъ кратковременнымъ оживленіемъ снова послѣдуетъ смерть. Но довольно объ этомъ. Я не совсѣмъ впопадъ понялъ твой кутежъ, ибо хотѣлъ состояніе твоего духа объяснить моимъ собственнымъ. Вижу теперь ясно, что ты раздѣлываешься съ мистикою и романтикою, которыми ты больше и дольше, чѣмъ кто-нибудь, былъ боленъ, ибо онѣ—въ натурѣ твоей. Если бы ты былъ человѣкъ ограниченный и односторонній, тебѣ было бы легко въ сферѣ мистики и романтики, и ты пребывалъ бы въ нихъ просто, безъ натяжекъ и напряженности, которыя были въ тебѣ именно признакомъ другого противодѣйствующаго элемента, котораго ты боялся, ибо не зналъ его, и противъ котораго усиливался всѣми мѣрами. Настоящимъ твоимъ кутежомъ ты мстишь мистикѣ и романтикѣ за то, что эти госпожи дѣлали тебя дюпомъ и заставляли становиться на ходули, и наслаждаешься желанною свободою. Сущность и поэтическая сторона того, что ты называешь своимъ развратомъ, есть наслажденіе свободою, праздникъ и торжество сверженія татарскаго ига мистическихъ и романтическихъ убѣжденій. И потому—кути себѣ на здоровье и на радость—благословляю тебя и завидую тебѣ. Мнѣ во всемъ другой путь въ жизни, чѣмъ тебѣ и всякому другому. Не проходитъ почти вечера у меня безъ приключенія—то на Невскомъ, то на улицѣ, то на канавѣ, то чортъ знаетъ, гдѣ; я уже не разбираю лица, а . . . . . , не думая ни о чемъ прошломъ. Я объ этомъ никому не говорю, и не люблю, чтобъ меня объ этомъ распрашивали. Это развратъ отчаянія. Его источникъ: вѣдь нигдѣ на

нашъ вопль нѣту отзыва. Это развратъ, какъ развратъ, ибо въ немъ нѣтъ поэзіи, а, слѣдовательно, и ничего человѣческаго.

«Я начинаю сознавать, что того, что проситъ и хочѣ(е)тъ душа, что предчувствуетъ высшая сторона моей натуры — жизнь мнѣ не дастъ,—не дастъ, это я просто и совершенно хладнокровно сознаю»—эти слова въ письмѣ твоемъ привели меня въ глубокое раздумье. Правъ ли ты? Здоровы ли предчувствія высшей стороны твоей натуры? Не остатки ли они мистики и романтики? Неужели же жизнь и въ самомъ дѣлѣ—ловушка? Неужели она до того противорѣчитъ себѣ, что даетъ требованія, которыхъ выполнить не можетъ? Не довели ли мы своего байроническаго отчаянія до послѣдней крайности, съ которой долженъ начаться переломъ къ лучшему? Все это вопросы, которые я могу тебѣ предложить, но не разрѣшить. По крайней мѣрѣ, мнѣ становится какъ-то легче—можетъ быть, отъ того, что въ Питерѣ теперь часто свѣтитъ весеннее солнце, и небо часто безоблачно. Право, я въ странномъ положеніи: несчастливъ въ настоящемъ, но съ надеждою на будущее,—съ надеждою, съ которою увидѣлся послѣ долгой разлуки.

«Волны духовнаго міра»—вещь хорошая, безъ нихъ человѣкъ—животное. Но все-таки (согласенъ съ тобою) нельзя вспомнить безъ горькаго смѣха, какъ мы изъ грусти дѣлали какое-то занятіе и вели протоколы нашимъ ощущеніямъ и ощущеньицамъ. Впрочемъ, намъ не потому опротивѣло надоѣдать ими другимъ, чтобы мы перестали жить ими и полагать въ нихъ высшую жизнь, а потому, что поняли ихъ, и они для насъ—не загадка больше. Боже мой! сколько, бывало, толковъ о любви! А почему?—Эта вещь была загадкою; теперь она для насъ разгадана,—и я скорѣе буду спорить до слезъ объ онерахъ и леве, чѣмъ о любви. На нѣкоторые прошедшіе моменты своей жизни такъ же гадко бываетъ иногда возвращаться, какъ на мѣсто, гдѣ мы . . . . . , или—какъ ты граціозно выражаешься, ... , а иногда и « . . . . . ».

А на счетъ «профинтился, голубчикъ»?—ты врешь—все пошло на дѣло—не шутя. Чортъ знаетъ, когда я запасусь всѣмъ нужнымъ и отъ долговъ избавлюсь!

По пріѣздѣ въ Питеръ, я сотворилъ у себя вечерю, т. е. обѣдъ. Марѳа Максимовна славно накормила насъ—даже Комаровъ былъ доволенъ. Былъ, братецъ, и лафитъ, и рейнвейнъ, и

бургонское, и хересъ, и двѣ шампанскія, и я первую раскупорилъ за здоровье нѣкоего Боткина.—

И всѣ пили — тебя славили.

Но вотъ горе: море открылось до Ревеля еще въ концѣ января, и потому при афишахъ безпрестанныя извѣщенія объ устрицахъ. Дней пять тому назадъ—иду—4 руб. десятокъ—съѣлъ три. А третьяго дня къ Сомову отправилась ватага,—и я съѣлъ пятьдесятъ шесть устрицъ, по 450 коп., ровно на 25 руб., и если бы не пожалѣлъ денегъ, то сотню не почелъ бы Богъ знаетъ какимъ обжорствомъ. Апельсины и лимоны давно уже свѣжіе продаются и очень дешевы.

Вотъ тебѣ новость: я—демонъ; В. И. Кречетовъ—Тамара, а Кульчикъ—ангелъ. Такимъ образомъ поэма Лермонтова олицетворена нами вполнѣ.

Пожалуйста, пиши подробнѣе о своихъ подвигахъ на счетъ « . . . . . » и прочаго: меня это чрезвычайно интересуетъ.

О Кольцовѣ нечего и толковать. Я писалъ къ нему, чтобы онъ все бросалъ и, спасая душу, ѣхалъ въ Питеръ. Я бы не сталъ его приглашать къ себѣ изъ вѣжливости или такъ—такими вещами я теперь не шучу. Богаты не будемъ, сыты будемъ. За счастіе почту дѣлиться съ нимъ всѣмъ. И увѣренъ, что въ Питерѣ Краевскій пристроитъ его. Пиши къ нему и заклинай ѣхать, ѣхать и ѣхать. Не худо было бы ему лѣто провести у тебя безъ дѣла, для поправленія тѣлеснаго и душевнаго выздоровленія, тѣмъ болѣе, что и я мѣсяца два проживу въ Москвѣ; вмѣстѣ съ нимъ и отправились бы въ Питеръ.

О Лоренцѣ не хлопочи: преступленіе совершено, и въ 4 № «Отечественныхъ Записокъ» ты прочтешь довольно гнусную статью своего пріятеля — ученаго послѣдняго десятилѣтія.

Неуваженіе къ Державину возмутило мою душу чувствомъ болѣзненнаго отвращенія къ Гоголю: ты правъ—въ этомъ кружкѣ онъ какъ разъ сдѣлается органомъ «Москвитянина». «Римъ»—много хорошаго; но есть фразы, а взглядъ на Парижъ возмутительно гнусенъ.

«Мертвыя Души» отправлены въ Москву (цензурнымъ комитетомъ) 7 марта, за № 109, на имя Погодина съ передачею Гоголю. Но Гоголь не получалъ: подозрѣваетъ Плетневъ, Прокоповичъ и я, что Погодинъ получилъ, но таитъ до времени, съ

цѣлію выманить у него пока еще статейку для журнала. Нельзя ли развѣдать въ почтамтѣ—получилъ ли Погодинъ, и поскорѣе увѣдомить меня?

Бога ради, адресуй свои письма прямо ко мнѣ на квартиру: Въ Семеновскомъ полку, на Среднемъ проспектѣ, между Гошпитальною улицею и Первою ротою, въ домѣ г-жи Буторовой, № 22. А то я днемъ и двумя позже получаю твои письма. Послѣднее было адресовано только на имя Краевскаго, который теперь сердится и на тебя, и на меня, что мы заставляемъ его распечатывать чужія письма. Я увѣрилъ его, что ничего, а между тѣмъ досадно, если онъ прочелъ первыя строки.

Кстати, о первыхъ строкахъ—онѣ рѣшительно глупы, и ты стоишь, чтобъ тебѣ начхать на лысину. Я не боюсь, что субъектъ тебѣ понравится, а скорѣе боюсь, что не понравится—что̀ было бы мнѣ непріятно. Влюбись—я радъ. Я не могу видѣть въ одной женщинѣ условіе жизни. Моя—хорошо; не моя—у Сомова славныя устрицы. Субъектъ шевелитъ мнѣ душу, и будь у него тысячъ 10 на первую обзаведенцію—я лѣтомъ же бы женился—право. Но, выходи она за другого—если онъ порядочный человѣкъ,—первый благословлю ее на радость и на счастье. Субъектъ меня сильно затронулъ и расшевелилъ—именно тѣмъ, что я подозрѣваю въ немъ неравнодушіе къ моей особѣ. Безъ этого условія меня не надуетъ ни одна женщина. Я вполнѣ согласенъ съ тобою, что лучше сгнить въ развратѣ, чѣмъ вздыхать о жестокой дѣвѣ. На этой недѣлѣ отправляю къ тебѣ завѣтную тетрадку въ сафьянномъ щегольскомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ. Доставь самъ и познакомься—этимъ много утѣшишь меня.

Читая рецензію на книгу Зедергольма, я кипѣлъ негодованіемъ и повторялъ про себя: какая это свинья писала Краевскому? Но, дочтя до конца, спросилъ: какой это умѣющій человѣкъ писалъ? Ловко, хитро, тонко и ядовито, разумѣется, только для понимающихъ. Краевскій сказалъ, что это ты: не узналъ—въ отмщеніе, что ты не только не призналъ во мнѣ Петра Бульдогова, но еще—о, позоръ!—думалъ видѣть въ немъ Ивана Петровича!

На второе письмо твое послѣдуетъ обстоятельный отвѣтъ, а теперь и лѣнь, и некогда. Прощай.

Твой Петръ Бульдоговъ.

Милому Грановскому привѣтъ. Долго ли ему статейку писнуть—именно пока хоть для того только, чтобы имя его было въ журналѣ.

Непремѣнно пришлю тебѣ списокъ моего «Педанта», дабы ты видѣлъ, что онъ, дѣйствительно, недурно написанъ, если его читать безъ цензурныхъ поправокъ. Ивану Петровичу онъ весьма не нравится. Недавно сей философъ наговорилъ мнѣ такого вздору, что третьяго дня приходилъ извиняться. Богъ его знаетъ: иногда говоритъ, какъ будто человѣкъ, и даже остритъ недурно; а то понесетъ вдругъ—затыкай уши. Впрочемъ,—болтунъ, баба, повторяетъ мои зады, т. е. мои статьи о «Бородинскомъ Сраженіи» и «Менцелѣ»; недавно, въ спорѣ, взбѣсилъ меня ссылкою на нихъ. Богъ съ нимъ,—тяжелъ и скученъ, хотя и не лишенъ многаго хорошаго—вотъ мое послѣднее слово о немъ. Панаевъ прослезился отъ умиленія, услышавъ о твоемъ кутежѣ: говоритъ, что прежде только любилъ тебя, а теперь-де уважаетъ. Съ нимъ была исторія въ маскарадѣ—онъ врюхался въ маску, завелъ съ ней переписку, и въ разгарѣ исторіи, когда онъ получилъ письмо и боялся, чтобъ Авдотья Яковлевна не увидѣла, Иванъ Петровичъ сообщилъ ему вкратцѣ содержаніе гегелевой «Феноменологіи Духа» и доказалъ, какъ и въ чемъ и почему я ошибаюсь. Панаевъ былъ въ отчаяніи.

Пожалуйста, друже, напиши что-нибудь—порадуй хоть нѣсколькими строками.

Въ Торжокъ ничего не писалъ. Недавно получилъ письмо отъ Александры Александровны. Татьяна Александровна, кажется, опасна и теперь, вѣроятно, уже въ Москвѣ.

Къ В. П. Боткину. 4 апрѣля, 1842.

СПБ. 1842, апрѣля 4.

Сегодня послалъ я къ тебѣ посылку—ящикъ съ тремя пакетами (ящикъ осторожнѣе вскрой): два изъ нихъ ты доставишь въ домъ М. С. Щепкина. Посылаемое на имя Ѳеклы Михайловны есть картинка въ переплетѣ за стекломъ, которое боюсь, чтобъ не разбилось. Извинись за меня передъ Ѳеклой Михайловной въ плоховатости посылки: пока лучшаго у меня нѣтъ, а когда-нибудь подарю гравюру получше, а не такую средственную литографію. Что же до главнѣйшей посылки, ее (какъ, впрочемъ, и всѣ) не распечатывай. Не знаю, какъ тебѣ доставить. Думаю,

вотъ какъ: пошли съ человѣкомъ, при запискѣ отъ себя, гдѣ попроси росписки въ полученіи для вѣрности; а какъ росписку, вѣроятно, дадутъ, распечатавши уже посылку и письмо въ оной, въ которомъ письмѣ я прошу о позволеніи тебѣ явиться для знакомства, то и пр. Признаюсь, что мнѣ бы не хотѣлось, чтобы А. Д. Галаховъ о семъ что-либо зналъ, и хорошо бы мимо его; а впрочемъ, какъ знаешь, такъ и дѣлай—только поскорѣе. Да и увѣдомь.

Краевскій получилъ письмо отъ Каткова. Забулдыжный нашъ юноша отрезвляется и начинаетъ говорить человѣческимъ языкомъ. Я, говоритъ, поѣхалъ съ пьяными надеждами. Проситъ у Краевскаго помощи до августа, въ половинѣ котораго хочетъ вернуться въ Питеръ и заработать помощь. Я этому радъ. Мнѣ силъ не станетъ пачкаться въ журнальной грязи. Хочется отдохнуть и поменьше имѣть работы.

Что ты ничего не говоришь о «Напрасномъ дарѣ»? Вся повѣсть—чортъ знаетъ, что такое—я ужъ и забылъ въ чемъ дѣло; но есть вдохновенныя лирическія выходки. Превосходная музыка на дрянное либретто.

И. П. Ключниковъ гніетъ страшно — за полверсты воняетъ отъ него кастратствомъ. Кромѣ «моментовъ», ни о чемъ говорить не можетъ. Всѣмъ надоѣлъ. Впрочемъ, недавно сказалъ онъ хорошую вещь о Погодинѣ, котораго называетъ Петромихали («Портретъ», повѣсть Гоголя), — какъ должно писать на него типъ, подражая слогу его путевыхъ записокъ: «12 апрѣля. Среда. Былъ въ . . . . . ».

Письмо твое о Пушкинѣ и Лермонтовѣ усладило меня. Мало чего читывалъ я умнѣе. Высказано плохо, но я понялъ, что̀ хотѣлъ ты сказать. Совершенно согласенъ съ тобою. Особенно поразили меня страхъ и боязнь Пушкина къ демону: «печальны были наши встрѣчи»: именно отсюда и здѣсь его разница съ Лермонтовымъ. О Татьянѣ тоже согласенъ: съ тѣхъ поръ, какъ она хочетъ вѣкъ быть вѣрною своему генералу, ... ,—ея прекрасный образъ затемняется. Глубоко вѣрно твое замѣчаніе: «поэтическія созданія, являющіяся на такихъ всемірно-историческихъ рубежахъ враждующихъ міро-

созерцаній — становятся сами въ трагическое положеніе». Это очень идетъ къ Онѣгину.

О Лермонтовѣ согласенъ съ тобою до послѣдней іоты; о Пушкинѣ еще надо потолковать. Мнѣ кажется, ты приписываешь натурѣ Пушкина многое, что должно приписывать его развитію. Онъ не былъ исключительно субъективенъ, какъ Гете: доказательство—его рѣшительная наклонность и способность къ драмѣ, которая такъ не давалась Гете, и къ которой не былъ расположенъ Байронъ (ибо лирическая драма—другое дѣло: «Фаустъ» и «Манфредъ»). Отторгло Пушкина отъ исторической почвы его развитіе. Наши геніи всему учились понемножку. Страшно подумать о Гоголѣ: вѣдь во всемъ, что̀ ни писалъ—одна натура, какъ въ животномъ. Невѣжество абсолютное! Что онъ наблевалъ о Парижѣ-то!

Но о Пушкинѣ послѣ, когда-нибудь. Лѣнь писать. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 8 апрѣля, 1842.

СПБ. 1842, апрѣля 8 дня.

Любезный Боткинъ! Нашего пріятеля Краевскаго постигло страшное несчастіе—у него умерла жена. 1 апрѣля благополучно разрѣшилась она отъ бремени (мучилась всего 6 часовъ), на другой день былъ сильный припадокъ—чуть не умерла; вчера была внѣ опасности, весела, а сегодня въ 9 ч. вечера скончалась; молоко ударило въ голову—обнаружились признаки помѣшательства, и умерла въ безпамятствѣ. Бѣдный горько рыдаетъ! Жаль и ее: была женщина добрая, кроткая, любезная и любящая, преданная.

Цѣль этого письма вотъ какая: Краевскій боится, что внезапный слухъ о смерти его жены можетъ опасно подѣйствовать на его мать. И потому, сейчасъ же (ради самой человѣчности) отыщи Галахова и поручи ему приготовить половчѣе Варвару Николаевну,—если самъ не возьмешься этого сдѣлать. Кажется, этого довольно, чтобъ ты все сдѣлалъ.

Боже мой! Зачѣмъ данъ человѣку разумъ? Чтобы быть несчастнѣе всего неразумнаго и, потому, счастливаго!

Нѣтъ ли слуховъ о Т. А. Бакуниной? Вотъ и еще жертва—да какая!..

Твой В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 13 апрѣля, 1842.

СПБ. 1842, апрѣля 13.

Ты уже знаешь, любезный Боткинъ, о несчастіи, постигшемъ Краевскаго. Боже мой! Неужели мнѣ суждена роль какого-то могильщика! Я окруженъ гробами — запахъ тлѣнія и ладона преслѣдуетъ меня и день и ночь! Я понимаю теперь и египетское обожествленіе идеи смерти, и стоицизмъ древнихъ, и асцетизмъ первыхъ вѣковъ христіанства. Жизнь не стоитъ труда жить— желанія, страсти, скорбь и радость — лучше бы, еслибъ ихъ не было. Великъ Брама — ему слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ! Онъ порождаетъ, онъ и пожираетъ, все изъ него и все въ него— бездна, изъ которой все и въ которую все! Леденѣетъ отъ ужаса бѣдный человѣкъ при видѣ его! Слава ему, слава: онъ и бьетъ-то насъ, не думая о насъ, а такъ—надо-жъ ему что-нибудь дѣлать. Наши мольбы, нашу благодарность и наши вопли — онъ слушаетъ ихъ съ цигаркою во рту, и только поплевываетъ на насъ, въ знакъ своего вниманія къ намъ. Лучшее, что есть въ жизни— это пиръ во время чумы и терроръ, ибо въ нихъ есть упоеніе, и самое отчаяніе, самая скорбь похожи на оргію, гдѣ гробъ и обезглавленный трупъ—не болѣе, какъ орнаменты торжественной залы.

Погибающая собака возбуждаетъ въ насъ жалость — мухи гибнутъ тысячами на нашихъ глазахъ — и мы не жалѣемъ ихъ, ибо привыкли думать, что случайно рождаются и случайно исчезаютъ. А развѣ рожденіе и гибель человѣка не случайность! Развѣ жизнь наша не на волоскѣ ежечасно и не зависитъ отъ пустяковъ? Зачѣмъ же о потерѣ милаго человѣка мы скорбимъ такъ, какъ будто міръ долженъ былъ перевернуться на оси своей, чтобъ лишить насъ его? Развѣ Богъ не всемогущъ и не безжалостенъ, какъ эта мертвая и безсознательно-разумная природа, которая матерински хранитъ роды и виды, по своимъ политико-экономическимъ разсчетамъ, а съ индивидуумами поступаетъ хуже, чѣмъ злая мачиха? Люди въ глазахъ природы то же, что скотъ въ глазахъ сельскаго хозяина: хладнокровно рѣшаетъ она: этого на племя пустить, а этого зарѣзать. Изъ ста младенцевъ едва-ли одинъ достигаетъ юности, а изъ 10 мужей едва-ли одинъ умретъ старикомъ. Долговременный миръ усиливаетъ народона-

селеніе,— и благое Провидѣніе посылаетъ моровую язву. Что все это? политико-экономическій балансъ природы, или Провидѣнія—называй, какъ хочешь.

И однако-жъ, мысль, что ужъ нѣтъ, былъ человѣкъ—и нѣтъ его, и уже не будетъ, что бездна раздѣляетъ трупъ отъ живыхъ — ужасная, сокрушительная мысль. Время — цѣлитель, сдѣлаетъ свое; волны жизни на болотѣ ежедневности изгладятъ изъ памяти милый образъ—человѣкъ снова полюбитъ: это утѣшеніе, но утѣшеніе ужасное. Что же такое личность послѣ этого, если не сосудъ съ драгоцѣнною жидкостью: ароматъ вылился — и сосудъ бросаютъ за окно!

Я странный человѣкъ, Боткинъ; смерть Станкевича поразила меня сухо, мертво, но если бы ты зналъ, какъ это сухое страданіе тяжело! Я какъ будто потерялъ въ немъ не друга, не близкаго къ себѣ человѣка; но скорѣе необыкновеннаго человѣка. Можетъ быть, это дѣло долговременной разлуки, а можетъ, и потому, что Станкевича я не могъ считать своимъ другомъ, ибо неравенство не допустило возможности этого ни съ его, ни съ моей стороны: онъ слишкомъ сознавалъ свое превосходство, а я слишкомъ самолюбивъ, чтобъ исчезнуть въ человѣкѣ, при которомъ я хоть сколько-нибудь несвободенъ. Какъ бы то ни было—его смерть поразила меня особеннымъ образомъ и—повѣришь ли?—точно такъ же поразила меня смерть Пушкина и Лермонтова. Я считаю ихъ моими потерями, и внутри меня не умолкаетъ дисгармоническій, сухо-мучительный звукъ, по которому я не могу не знать, что это мои потери, послѣ которыхъ жизнь много утратила для меня. Мягче подѣйствовала на меня смерть Любови Бакуниной, но подѣйствовала. Еще прежде того, смерть матери, съ которою я тогда не былъ слишкомъ разорванъ развитіемъ, познакомила меня съ этимъ чувствомъ, безотраднымъ и болѣзненнымъ, въ которомъ не вѣришь своей потерѣ, хотя и не сомнѣваешься въ ней. И вотъ недавно, проѣзжая въ Москву, въ Новгородѣ же былъ встрѣченъ маленькимъ гробомъ: гроба я не видалъ, но видѣлъ скорбь отца. Въ Москвѣ попалъ прямо на похороны Щепкиной. Недавно узналъ о безнадежномъ состояніи Т. А. Бакуниной. И вотъ третьяго дня (11 апрѣля) былъ на похоронахъ А. Я. Краевской. Удивительное счастіе на гробы и на могилы!

7 апрѣля докторъ и акушеръ объявили ее внѣ опасности; на другой день располагался онъ слушать Листа и говорилъ со

мною въ этотъ вечеръ, какъ человѣкъ, избѣжавшій ужасной опасности. Это было часу въ 12 ночи,—а въ это время у нея снова начинался бредъ, и начались предсмертныя страданія. Ничего не зная, онъ легъ спать, а поутру она уже не узнавала ни его и никого. Посылаю къ нему записку о разныхъ дѣлахъ по журналу, и получаю въ отвѣтъ: дѣлайте, какъ знаете, голова ходитъ кругомъ—жена умираетъ. Ѣду къ нему въ страшномъ предчувствіи и въ какой-то увѣренности въ необходимости моего присутствія; ходитъ онъ блѣдный, желтый, черный, зеленый; въ полуотворенную дверь вижу Лизавету Яковлевну, рыдающую въ залѣ. Вдругъ бѣжитъ она къ нему: засыпаетъ! Обрадованный, бѣжитъ онъ туда. Я одинъ; ужасъ, ужасъ, трагическій ужасъ полился по моимъ жиламъ, дыханіе занялось, волосы встали; прислушиваюсь въ полуотворенную дверь — молчаніе, страшное молчаніе—вотъ бѣжитъ Лизавета Яковлевна—рыдаетъ, а за нею идетъ онъ, рыдая...

Съ Лизаветой Яковлевной — припадокъ, истерика, родъ бѣшенства и сумасшествія—я съ ней нянчился часа три и два раза на рукахъ доносилъ до дивана—иначе она грянулась бы о полъ. Онъ все спрашивалъ и просилъ, чтобы растолковали ему, какъ это сдѣлалось и возможно ли это. Она умерла въ безпамятствѣ—ни одного слова отъ нея, ни улыбки прощальной, ни взгляда! Когда Лизавета Яковлевна очувствовалась, она стала тиха и молчалива, ни слезъ, ни жестовъ. И теперь нельзя безъ сожалѣнія видѣть ее: тиха, молчалива, блѣдна и худа. Только передъ выносомъ она упала на полъ, рыдая безъ слезъ; но потомъ, и въ церкви, и на могилѣ, тверда, блѣдна и молчалива, какъ теперь. Въ тотъ же вечеръ онъ сказалъ мнѣ, что надо попросить Кирюшу снять портретъ. Пришедши отъ него домой часу въ 4-мъ, я написалъ письмо къ тебѣ и записку къ Кирюшѣ. Добрый Кирюша, который давно уже бросилъ портреты, чтобъ отличиться на экзаменѣ, часовъ въ 9 явился къ нему, и, когда я пришелъ, увидѣлъ его у стола, подлѣ тѣла, съ палитрой и кистью—портретъ удался. На другой день (на 3-й послѣ смерти) она начала гнить; Краевскій переѣхалъ къ Брянскимъ, и это извѣстіе о запахѣ его еще болѣе растерзало. Хочу видѣть! Но мы боялись, что этотъ видъ его слишкомъ поразитъ, и Лизавета Яковлевна, пришедши вечеромъ въ пятницу, сказала ему, что велѣла заколотить гробъ. Услышавъ шумъ, вхожу, и онъ бросился ко мнѣ съ рыданіемъ и какъ бы съ жалобою, что уже

не увидитъ ее. Тутъ я понялъ, что ему надо увидѣть, ибо гніющій трупъ всего лучше могъ положить черту между нимъ и милымъ образомъ,—и я сказалъ ему, что пойдемъ и увидимъ. На лбу ея было синее пятно, изъ носу и изо рта била пѣною слабая кровь — вонь сильная; но онъ этого не чувствовалъ и горячо обнималъ ея голову и цѣловалъ лобъ. На другой день, увидѣвъ меня, онъ тотчасъ съ рыданіемъ началъ мнѣ жаловаться, что ужъ и узнать нельзя. Когда опустили въ могилу, сложивъ руки, онъ какъ будто готовъ былъ рвануться туда, но, махнувъ рукою, скоро пошелъ прочь. Вообще, его горесть не отчаянная, я даже не умѣю тебѣ характеризовать ее; но она объяснила мнѣ, почему Гоголь считаетъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» лучшимъ своимъ произведеніемъ. И оно, точно, лучшее его произведеніе! Объ этомъ мы поговоримъ съ тобою когда-нибудь.

Дѣти были давно удалены, и потому даже старшій не просится къ ней; но онъ явно смущенъ и какъ будто силится что-то вспомнить, и—странное дѣло—больше десяти разъ было, что, взглянувъ на меня, онъ произносилъ тревожно: мама! мама!

Жаль Краевскаго, но жаль и ее. Ей было всего 25 лѣтъ, она только начинала жить, и ей такъ хотѣлось жить, она такъ боялась умереть! Вообще, она была прекрасная женщина, и я ее очень любилъ. Въ ней было много милаго, простодушнаго, дѣтскаго, и много было такту: я никогда не слышалъ отъ нея пустого слова, не видѣлъ движенія, которое было бы не кстати. Она, вообще, была съ нами добра и ласкова, но и только: мужъ и дѣти поглощали все существо ея. Она не была довольно глубока, чтобы многому дать мѣсто въ сердцѣ своемъ; но и не была такъ мелка, чтобъ растратиться по мелочи и любить все понемножку. Онъ и дѣти его потеряли въ ней истинное сокровище. Это была жена, какую дай Богъ всякому порядочному человѣку. Онъ былъ такъ счастливъ ею, что никогда и не проговаривался о своемъ счастіи, хотя и не думалъ скрывать его. Теперь онъ то и дѣло, что говоритъ о ней, вспоминаетъ то и другое. И когда я съ чувствомъ началъ хвалить ее, онъ былъ такъ грустно-счастливъ, — я утѣшилъ его. Всякое участіе ему такъ дорого. Онъ увѣренъ, что ты будешь жалѣть о ней (о себѣ онъ не говоритъ), и просилъ меня не забыть послать тебѣ цвѣтокъ съ ея гроба. Напиши къ нему: твоя симпатичная натура продиктуетъ тебѣ хорошія строки, отъ которыхъ онъ будетъ сладко плакать—что̀ осталось для него единою радостію.

Теперь выслушай меня внимательнѣе—хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ. Панаевъ—ребенокъ и вѣтрогонъ; сверхъ того, онъ мало симпатиченъ и большой эгоистъ, какъ оказывается. Краевскій нанимаетъ квартиру въ одномъ домѣ и однѣхъ сѣняхъ съ нимъ. Безъ Лизаветы Яковлевны дѣти пропали, а жить ей у Краевскаго неловко: надо, чтобъ она жила у сестры и была какъ можно чаще у него. Авдотья Яковлевна потеряла всякую охоту ѣхать въ Москву; больше—ей смертельно не хочется этого, ибо она желаетъ надзирать надъ дѣтьми, быть съ сестрою и съ Краевскимъ. Это благородная черта съ ея стороны. Но Панаевъ объ этомъ мыслитъ иначе: чтобы «проходить съ тобою по хересамъ», онъ готовъ забыть все. И слышать не хотѣлъ Краевскаго, сердился на жену. Но я началъ работать, и вслѣдствіе этого Языковъ объявилъ ему, что онъ не ѣдетъ. Это было сегодня поутру. Сейчасъ былъ у меня Языковъ, и я узналъ, что Панаевъ, весьма твердо и мужественно перенесшій утрату Краевскаго, весьма малодушно узналъ о разстройствѣ своего дѣтскаго плана—съ нимъ сдѣлалось нѣчто въ родѣ судорогъ. Не шутя! Нечего мнѣ толковать тебѣ—ты самъ все поймешь и, вѣрно, поспѣшишь написать къ нему, что ты раздумалъ жить на дачѣ. «Это все ты подбила всѣхъ?» вскричалъ онъ на жену, и бѣдная, испугавшись, объявила ему, что ѣдетъ. Не знаю, достанетъ ли у него духу везти ее противъ воли; но много дѣлаетъ ему чести уже и это. Богъ съ нимъ. А еще восхищается Леру и бредитъ «égalité, fraternité et liberté». Всѣ мы киргизъ-кайсаки на дѣлѣ, и европейцы на словахъ. Можетъ быть, я слишкомъ уже нападаю на него; но онъ возбудилъ во мнѣ противъ себя негодованіе. Отъ такихъ недостатковъ должно исправлять людей гильотиною. Кто не можетъ сдѣлать пустого пожертвованія для человѣка, постигнутаго судьбою, тотъ существо безнравственное, недостойное жить. Знаю, что въ Панаевѣ тутъ дѣйствуетъ болѣе свистунское начало, чѣмъ черствость души; но тѣмъ больше досадно на него. Ему хочется во что бы то ни стало поразить Павлова и Шевырева своими штанами, которыхъ нашилъ для этого цѣлую дюжину. И для штановъ дѣти Краевскаго должны быть безъ присмотра. Славные штаны—ихъ шилъ самъ Оливье!

Если это и сбудется, выйдетъ вздоръ. По крайней мѣрѣ, для тебя не будетъ никакого удовольствія. Во 1-хъ, потому, что подготовленныя удовольствія никогда не вытанцовываются, удовольствіе любитъ являться экспромтомъ, не заданное и не званое.

Во 2-хъ, общество Авдотьи Яковлевны не доставитъ тебѣ ни малѣйшаго удовольствія, потому что она будетъ скучать и рваться въ Питеръ. Въ 3-хъ, Панаевъ будетъ проводить цѣлые дни у Аксаковыхъ, у Загоскина, у Павлова (гдѣ будетъ поражать московскихъ литераторовъ своими штанами, разсказывать имъ старые анекдоты о Булгаринѣ и вообще удовлетворять своей бабьей страсти къ сплетнямъ литературнымъ), а жену оставлять съ тобой и Языковымъ, что не совсѣмъ ловко. Безъ жены же онъ не хочетъ и слышать ѣхать. Пиши къ Панаеву, чтобъ онъ ѣхалъ въ Москву одинъ, безъ жены, съ Языковымъ (который на это согласенъ), передъ твоимъ отъѣздомъ въ Нижній, чтобы ѣхать туда съ тобою. Я убѣдилъ Краевскаго, что и ему необходимо это же сдѣлать—онъ согласенъ. Я теперь пріѣду въ Москву на недѣлю (недѣли на три съ дорогою взадъ и впередъ). Эхъ, какъ бы, поживши у тебя недѣлю-другую, съ тобою бы въ Питеръ, гдѣ бы ты прожилъ мѣсяцъ (или хоть 2 недѣли) безъ дѣла, безъ заботы, а тамъ, забравши съ собою Панаева, Языкова и Краевскаго, махнулъ бы въ Москву, а поживъ въ ней недѣлю, въ Нижній!

Передумай обо всемъ этомъ и дай мнѣ отвѣтъ. А между тѣмъ, увѣдомь скорѣе, что слышно о Татьянѣ Александровнѣ? Получилъ ли ты мою посылку? Доставилъ ли ее? Пиши же, скорѣе, подробнѣе и откровеннѣе. Что Щепкины? И прочее.

Краевскій получилъ письмо отъ Рѣдкина, которое—я тогда же это видѣлъ—очень ему понравилось, и онъ вчера просилъ меня, чтобъ я тебѣ поручилъ сказать Рѣдкину, что нечего и спрашивать, писать ли, а писать, что онъ желаетъ этого и проситъ его объ этомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, извинись за него передъ Рѣдкинымъ, что онъ ему не отвѣчаетъ. Пишетъ же онъ статью, какъ хочетъ—въ отдѣленіе наукъ или критики: Краевскій увѣренъ, что Рѣдкинъ во всякомъ случаѣ напишетъ прекрасно, и проситъ только объ одномъ: поскорѣе.

Такъ-то, друже, Боткинъ! Судьба окурила меня ладономъ: повѣришь ли, и теперь чудится запахъ тлѣнія и ладона. У гробовъ учусь я философіи, учусь презирать жизнь, учусь не вѣрить счастію и не бояться несчастія. Не знаю, какъ бы я приложилъ къ дѣлу это ученіе, но теперь я желаю одного счастія—умереть въ кругу друзей, съ увѣренностію, что имъ будетъ свята моя память, и милы мои останки, что они съ честью предадутъ ихъ землѣ и проводятъ меня до послѣдняго жилища. И я боюсь

одного только несчастія—умереть одному, вдали отъ дружняго присутствія. И кто бы первый изъ насъ не смежилъ другому глаза—ты ли мнѣ или я тебѣ — все равно, лишь бы не чужая рука смежила ихъ, и не апатическій взоръ холодно упалъ на холодный трупъ!

Краевскій только и можетъ говорить, что о ней да о личномъ безсмертіи. Катковъ писалъ къ нему, что онъ не знаетъ ничего болѣе глубокаго, какъ лекціи Шеллинга объ откровеніи: Краевскій нетерпѣливо хочетъ получить понятіе о содержаніи этихъ лекцій; я говорю, что при гробахъ скорѣй всего захочешь философствовать...

Краевскій боится, чтобъ мать его не пріѣхала въ Питеръ—она больна и можетъ этимъ уходить себя, а между тѣмъ, большого-то утѣшенія отъ ея пріѣзда, кажется, онъ не предвидитъ. Не забудь сказать Галахову, чтобъ онъ отговаривалъ ее отъ этой поѣздки. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ М. С. Щепкину. 14 апрѣля, 1842.

СПБ. 1842, апрѣля 14.

Какъ поживаете, любезнѣйшій Михаилъ Семеновичъ? Не спрашиваю васъ, утѣшились ли вы, ибо знаю, что въ такихъ потеряхъ не утѣшаются, по крайней мѣрѣ, желаю услышать, что ваша скорбь лишилась своей ѣдкости, а чувство страшной пустоты смѣнилось тихою и влажною грустью. А я вотъ и опять на похоронахъ—такое ужъ мнѣ счастіе! Вы вѣрно слышали уже, что Анна Яковлевна Краевская умерла. Этотъ горестный случай познакомилъ меня съ Я. Г. Брянскимъ. Славный человѣкъ! Молчитъ, какъ будто ему и не жаль; зато, въ церкви, когда ужъ надо было выносить гробъ въ могилу, прислонившись головою къ гробу, рыдалъ онъ, какъ ребенокъ. Анны Матвѣевны тутъ не было: погода была очень дурна. А какъ онъ играетъ на билльярдѣ — ну, уже не вамъ чета. А какія штуки дѣлаетъ—я просто разинулъ ротъ.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о приключеніяхъ въ Питерѣ

рукописи Гоголя. Пріѣхавъ въ Питеръ, я только и слышалъ вездѣ, что о подкинутыхъ въ гвардейскіе полки, на имя фельдфебелей, безымянныхъ возмутительныхъ письмахъ. Правительство было встревожено; цензурный терроръ усилился. Къ этому, надѣлала шуму повѣсть Кукольника: «Иванъ Ивановичъ Ивановъ, или всѣ за одно», напечатанная въ сборникѣ «Сказка за сказкою». Предводитель дворянства хотѣлъ жаловаться; министръ флота, князь Меншиковъ, въ Государственомъ Совѣтѣ сказалъ членамъ: А знаете ли вы, дворяне, какъ васъ бьютъ холопы палками и пр. Дошло до государя, и, по его приказанію, графъ Бенкендорфъ вымылъ Нестору голову. Вслѣдствіе этого, Уваровъ приказалъ цензорамъ не только не пропускать повѣстей, гдѣ выставляется съ смѣшной стороны сословіе, но гдѣ даже есть слишкомъ смѣшное хоть одно лицо. По этому случаю Никитенко сказалъ Краевскому, что еслибъ «Актеонъ» Панаева, вмѣсто 1 №, попалъ во второй, — онъ не сталъ бы и читать его, а зачеркнулъ бы съ первой же строки. Къ этому еще, Башуцкій написалъ пошлую глупость «Водовозъ», въ которой увидѣли нивѣсть что: опять дошло до царя, и Башуцкій былъ у Бенкендорфа. Къ довершенію всего, Уваровъ обратилъ вниманіе на мою статью въ 1 № и сказалъ цензорамъ, что, хотя въ ней и нѣтъ ничего противнаго цензурѣ, и хотя онъ самъ пропустилъ бы ее, но что тонъ ея не хорошъ (т. е.: эй, вы, канальи,—пропустите впередъ такую, такъ я васъ вздую). Шевырка на повѣсть Кукольника напечаталъ доносъ въ «Москвитянинѣ», а Булгаринъ на Башуцкаго въ «Пчелѣ». Ну, сами посудите: какъ было тутъ поступить? Вы, живя въ своемъ Китаѣ-городѣ и любуясь, въ полнотѣ московскаго патріотизма, архитектурными красотами Василія Блаженнаго, ничего не знаете, что дѣется въ Питерѣ. И вотъ Одоевскій передалъ рукопись графу Вельегорскому, который хотѣлъ отвезти ее къ Уварову; но тутъ готовился балъ у великой княгини, и его сіятельству некогда было думать о такихъ пустякахъ, какъ рукопись Гоголя. Потомъ онъ вздумалъ, къ счастію, дать ее (приватно) прочесть Никитенко. Тотъ, начавши ее читать, какъ цензоръ, промахнулъ, какъ читатель, и долженъ былъ прочесть снова. Прочтя, сказалъ, что кое-что надо Вельегорскому показать Уварову. Къ счастію, рукопись не попала къ сему министру погашенія и помраченія просвѣщенія въ Россіи. Въ Питерѣ погода на это мѣняется 100 разъ,—и Никитенко не рѣшился пропустить только кой-какихъ фразъ, да эпизода о капитанѣ Ко-

пейкинѣ. Но и тутъ горе: рукопись отослана 7 марта, за № 109, на имя Погодина; а Гоголь ее не получалъ. Я думаю, что Погодинъ ее укралъ, чтобъ промѣнять на толкучемъ рынкѣ на старые штаны и юбки; или чтобъ, притаивъ ее до времени, выманить у (простодушно-обманывающагося на счетъ сего мошенника) Гоголя еще что-нибудь для своего хохлопскаго журнала.

Какъ вамъ показался типъ г. Бульдогова? Право, не дурно. Жаль, что цензура искалѣчила эту статейку и особенно вымарала все, относящееся до Италіи. Эхъ, еслибъ судьба да позволила напечатать «Циника-литератора»! Подай, Боже!

Что, не явились ли въ Москвѣ мощи Ѳ. Н. Глинки, или онъ попрежнему гніетъ заживо, а Петромихали (Погодинъ) съ Шевыркою пропитываютъ свой пакостный журналъ запахомъ его смердящаго тѣла?

Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитріевнѣ и всему вашему семейству. У Лизаветы Семеновны прошу извиненія, что мало собралъ ей картинокъ, а у Ѳеклы Михайловны, что прислалъ ей довольно посредственную литографію. Со временемъ исправимся. Вѣдь онѣ, вѣрно, получили.

Не жду отъ васъ ни отвѣта, ни вопроса; отъ Мити также; но заставьте хоть юношей что-нибудь писнуть ко мнѣ. Славные вѣдь они ребята, хоть и носятъ прескверныя имена: одно напоминаетъ мнѣ Карамзина, а другое—обглоданную вшами свѣтлость. Николай Михайловичъ, — пишите-ка что-нибудь такое, чтобъ пахнуло для меня любезною мнѣ и осиротѣлою Запорожскою Сѣчью.

Кстати: попросите Лизавету Семеновну, чтобъ она дала Ундиночкѣ, отъ моего имени, одну картинку.

Благословляю васъ всѣхъ, равно какъ и всѣхъ честныхъ, благородныхъ и умныхъ людей на свѣтѣ, и проклинаю Погодина съ Шевыркою, всѣхъ моралистовъ, піэтистовъ, мистиковъ, ханжей, лицемѣровъ, обскурантовъ и т. п. и поручаю Нелѣпому (да сохранитъ Аллахъ его красоту и горло) возложить руки на благословляемыхъ мною и прокричать передъ проклинаемыми: для послѣднихъ это будетъ хуже всякой казни.

Вашъ отнынѣ и до вѣка

В. Бѣлинскій.

P. S. Сейчасъ пришелъ ко мнѣ человѣкъ, отъ котораго я узналъ, что рукопись Гоголь не получилъ во-время по недо-

смотру Плетнева, а слѣдовательно, Погодинъ не воровалъ ея, да все равно: не теперь, такъ когда-нибудь украдетъ.

Къ В. П. Боткину. Апрѣль 1842.

. . . . . [1]).

у знатныхъ и умниковъ, и приводили эгоизмъ въ систему.

Но одинъ изъ нихъ возвышался надо всѣми величіемъ души своей и явился достойнымъ провозвѣстникомъ истинъ безсмертныхъ. Наставникъ человѣчества,—онъ преслѣдовалъ тиранію съ такою искренностію, онъ возглашалъ съ такимъ энтузіазмомъ о божествѣ. Его могучее краснорѣчіе чертами огненными живописало красоты добродѣтели. Онъ распространялъ ученіе, поддерживавшее и окрѣплявшее человѣка. И эта-то чистота доктрины его, истекавшей изъ глубокой ненависти къ пороку, это презрѣніе его къ интриганамъ-софистамъ, злоупотреблявшимъ именемъ философіи, навлекали на него ненависть и преслѣдованіе его соперниковъ, его ложныхъ друзей. О, если бы онъ былъ свидѣтелемъ этой революціи, онъ—предтеча ея, съ какою бы любовью, съ какимъ увлеченіемъ вступился бы онъ за дѣло правосудія и равенства».

Тутъ нечего объяснять: дѣло ясно, что Робеспьеръ былъ не ограниченный человѣкъ, не интриганъ, не злодѣй, не риторъ, и что тысячелѣтнее царство Божіе утвердится на землѣ не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами—обоюду-острымъ мечомъ слова и дѣла Робеспьеровъ и Сенъ-Жюстовъ.

Усталъ—едва пишу; а все хочется—кажется, исписалъ бы десть. Ну, да Богъ дастъ—увидимся, переговоримъ обо всемъ. Пожалуйста—насчетъ посылокъ—увѣдомь скорѣе. Во мнѣ теперь живутъ и владѣютъ мною два дьявола, двѣ мечты: одна о пирѣ во время чумы и террорѣ, другая—на счетъ поэзіи филистерства—знаешь: жена, полдюжины ребятъ, да щей горшокъ, да самъ большой... Тсъ!.. ничего, ничего, молчаніе!.. Бѣдное

[1]) Отрывокъ,—конецъ письма,—на полулистѣ и четвертушкѣ писчей бумаги.—*Прим. А. П.*

животное человѣкъ: умираетъ, а все ногой дрягаетъ... Да, ну же, Боткинъ, пиши ко мнѣ скорѣе и больше. Что-жъ ты за свинья такая—вѣдь я не даромъ же навалялъ къ тебѣ хоть бы вотъ эту тетрадь—съ тобой хотѣлось, и не о себѣ поговорить. Прощай.

Твой В. Б.

Апрѣля 20.

Я ужъ отчаялся было отослать къ тебѣ это письмо, думая, что Иванъ уже уѣхалъ; но—слава Аллаху!—сейчасъ онъ явился за нимъ, а завтра ѣдетъ. Сейчасъ я получилъ твое письмо, ожиданіе котораго меня измучило. «Мертвыя Души» Гоголь, наконецъ, получилъ. Я къ нему послалъ письмо, которое думалъ доставить черезъ тебя, но, полагая, что эта тетрадь не будетъ отослана, послалъ сегодня по почтѣ. Прилагаю черновое: изъ него ты увидишь, что я повернулъ круто—оно и лучше: къ чорту ложныя отношенія—знай нашихъ—и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь—не знай совсѣмъ. Постарайся, черезъ Щепкина, узнать объ эффектѣ письма. Къ Бакунину напишу. Катковъ явно принадлежитъ къ берлинской философской школѣ: лекціи Шеллинга объ откровеніи кажутся ему глубже всего, что только есть на свѣтѣ. Бѣдный Гегель! Милому Николаю Петровичу тысячу поклоновъ—его вниманіе ко мнѣ тронуло меня больше, чѣмъ обыкновенное изъявленіе вѣжливости. Знаешь ли что, о, Боткинъ! открывается перспектива ѣхать за границу мѣсяца на 4, а можетъ быть, и на полгода, будущею весною. Катковъ, такъ или сякъ, но все замѣнитъ меня на лѣтніе-то мѣсяцы; а Вержбицкій печатаетъ мою книгу (Исторія русской литературы и хрестоматія) въ числѣ 3000 экземпляровъ. Стало быть, все зависитъ отъ меня, отъ моей лѣни и трудолюбія. Книга не можетъ не имѣть блестящаго успѣха, и къ веснѣ, по разсчетамъ, у меня должно быть около 10,000 руб. асс. Впрочемъ, объ этомъ—никому ни слова. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстія о доставленіи извѣстной посылки. Краевскому передамъ сегодня твои строки. Въ 5 № «Отечественныхъ Записокъ» ты прочтешь глупо-подлую драму Его Сіятельства графа Соллогуба. Въ ней только одно лицо хорошо—ярыги-помѣщика, который—утверждаетъ его сіятельство—потому скотина, что сынъ разбогатѣвшаго взятками подъячаго, а не столбового дворянина. Нѣтъ ли слуховъ о юношѣ—Кони? Пропалъ, безсовѣстно бросивъ свою дрянную газетишку, которая, до его пріѣзда, кажется, и не будетъ уже издаваться.

Да, братъ, все покойники, либо кандидаты въ покойники: Татьяна Александровна, Саничка Станкевичъ (Кульчицкій говоритъ, что у него чахотка). Кульчицкаго смерть Кронебергъ сильно придавила. Меня интересуетъ и то, и другое, но внутри ношу смерть и пустоту. Въ общемъ для меня есть еще надежды, и страсти, и жизнь; для себя—ничего. Скучно, холодно, пусто; на какое-либо личное счастіе—никакой надежды. Горе! горе! Жизнь разоблачена.

Эхъ, еслибъ тебѣ да въ Питеръ! Нельзя ли принадуть на счетъ денегъ «дражайшаго?»

Я вновь сошелся, и притомъ очень хорошо, съ извѣстнымъ тебѣ Бартеневымъ. Чудесный человѣкъ!

Кульчикъ написалъ къ тебѣ глупость о покровительствѣ и теперь съ ума сходитъ отъ раскаянья, говоря: онъ теперь огорченъ извѣстіемъ о смерти Андрея Ивановича, а я съ моими претензіями, и пр. Я его увѣряю, что это вздоръ; но онъ сильно, бѣдный, безпокоится: утѣшь его.

Краевскій пока живетъ у Панаева, а съ 1 мая переходитъ на квартиру въ одномъ домѣ съ нимъ: своей прежней онъ не можетъ и видѣть и бросилъ 600 руб., не доживъ сроку.

Всѣмъ нашимъ—поклонъ, да это ужъ само собою разумѣется.

Извѣстія о доставленіи посылки жду, какъ чортъ знаетъ чего. Не глупецъ ли! Такъ мало надѣяться, или—лучше сказать—такъ холодно, спокойно и увѣренно не надѣяться, и такъ еще суетиться и ребячиться! Такъ-то играетъ нами жизнь.

Заглянулъ въ строки о французской революціи: вижу—много дичи и фразъ, но то и другое вылилось отъ души.

Интересно, какъ напишетъ Фроловъ біографію Станкевича, которой, по моему мнѣнію, невозможно написать. Письма его соберу, разберу и пришлю. Еще разъ прощай. Бога ради, скорѣй увѣдомь, получилъ ли ты это письмо: иначе меня замучаетъ безпокойство.

Къ Н. В. Гоголю. 20 апрѣля, 1842.

СПБ. 20 апрѣля, 1842.

Милостивый Государь,
Николай Васильевичъ!

Я очень виноватъ передъ вами, не увѣдомляя васъ давно о ходѣ даннаго мнѣ порученія. Главною причиною этого было желаніе написать вамъ что-нибудь положительное и вѣрное, хотя бы даже и непріятное. Во всякое другое время ваша рукопись прошла бы безъ всякихъ препятствій, особенно тогда, какъ вы были въ Питерѣ. Если бы даже и предположить, что ее не пропустили бы, то все же можно навѣрное сказать, что только въ китайской Москвѣ могли поступить съ вами, какъ поступилъ г. Снѣгиревъ, и что въ Петербургѣ этого не сдѣлалъ бы даже Петрушка Корсаковъ, хотя онъ и моралистъ, и піэтистъ. Но теперь дѣло кончено, и говорить объ этомъ безполезно.

Очень жалѣю, что «Москвитянинъ» взялъ у васъ все, и что для «Отечественныхъ Записокъ» нѣтъ у васъ ничего. Я увѣренъ, что это дѣло судьбы, а не вашей доброй воли или вашего исключительнаго расположенія въ пользу «Москвитянина» и къ невыгодѣ «Отечественныхъ Записокъ». Судьба же давно играетъ странную роль въ отношеніи ко всему, что̀ есть порядочнаго въ русской литературѣ: она лишаетъ ума Батюшкова, жизни Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова — и оставляетъ въ добромъ здоровьѣ Булгарина, Греча и другихъ подобныхъ имъ негодяевъ въ Петербургѣ и Москвѣ; она украшаетъ «Москвитянинъ» вашими сочиненіями и лишаетъ ихъ «Отечественныя Записки». Я не такъ самолюбивъ, чтобы «Отечественныя Записки» считать чѣмъ-то соотвѣтствующимъ такимъ великимъ явленіямъ въ русской литературѣ, какъ Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ; но я далекъ и отъ ложной скромности бояться сказать, что «Отечественныя Записки» теперь единственный журналъ на Руси, въ которомъ находитъ себѣ мѣсто и убѣжище честное, благородное и—смѣю думать—умное мнѣніе, и что «Отечественныя Записки» ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть смѣшиваемы съ холопами знаменитаго села Порѣчья. Но потому-то, видно, имъ то же счастье; не измѣнить же для «Отечественныхъ Записокъ» судьбѣ своей роли въ отношеніи къ русской литературѣ!

Съ нетерпѣніемъ жду выхода вашихъ «Мертвыхъ Душъ». Я

не имѣю о нихъ никакого понятія, мнѣ не удалось слышать ни одного отрывка, чему я, впрочемъ, и очень радъ: знакомые отрывки ослабляютъ впечатлѣніе цѣлаго. Недавно въ «Отечественныхъ Запискахъ» была обѣщана статья о «Ревизорѣ». Думаю, по случаю выхода «Мертвыхъ Душъ», написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ. Съ особенною любовію хочется мнѣ поговорить о милыхъ мнѣ «Арабескахъ», тѣмъ болѣе, что я виноватъ передъ ними: во время оно я съ жестокою запальчивостью изрыгнулъ хулу на ваши въ «Арабескахъ» статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгаю хулу на духа. Онѣ были тогда для меня слишкомъ просты, а потому и неприступно высоки; притомъ же на мутномъ днѣ самолюбія безсознательно шевелилось желаніе блеснуть и безпристрастіемъ. Вообще, мнѣ страхъ какъ хочется написать о вашихъ сочиненіяхъ. Я опрометчивъ и способенъ вдаваться въ дикія нелѣпости; но—слава Богу,—я, вмѣстѣ съ этимъ, одаренъ движимостью впередъ и способностью собственные промахи и глупости называть настоящимъ ихъ именемъ и съ такою же откровенностью, какъ и чужіе грѣхи. И потому, подумалось, во мнѣ много новаго съ тѣхъ поръ, какъ, въ 1840 году, въ послѣдній разъ вралъ я о вашихъ повѣстяхъ въ «Ревизорѣ». Теперь я понялъ, почему вы Хлестакова считаете героемъ вашей комедіи и понялъ, что онъ точно герой ея; понялъ, почему «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ» считаете вы лучшею повѣстью своею въ «Миргородѣ», также понялъ, почему одни васъ превозносятъ до небесъ, а другіе видятъ въ васъ нѣчто въ родѣ Поль-де-Кока, и почему есть люди, и притомъ не совсѣмъ глупые, которые знаютъ наизустъ ваши сочиненія, но не могутъ безъ ужаса слышать, что вы выше Марлинскаго, и что вашъ талантъ—великій талантъ. Объясненіе всего этого даетъ мнѣ возможность сказать дѣло о дѣлѣ, не бросаясь въ отвлеченныя и окольныя разсужденія; а умѣренный тонъ (признакъ, что предметъ понятъ ближе къ истинѣ) даетъ многимъ возможность сознательно полюбить ваши сочиненія. Конечно, критика не сдѣлаетъ дурака умнымъ и толпу мыслящею; но она, у однихъ, можетъ просвѣтлить сознаніемъ безотчетное чувство, и у другихъ—возбудить мыслію спящій инстинктъ. Но величайшею наградою за трудъ для меня можетъ быть только ваше вниманіе и ваше доброе, привѣтливое слово. Я не заношусь слишкомъ высоко, но — признаюсь — и не думаю о себѣ слишкомъ мало; я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и—

что̀ еще лестнѣе — имѣлъ счастіе пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ: и все-таки больше всего этого меня радуютъ доселѣ и всегда будутъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастію, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ, и я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человѣкъ, какъ Пушкинъ, и что такое одобреніе со стороны такого человѣка, какъ Пушкинъ. Послѣ этого вы поймете, почему для меня такъ дорогъ вашъ человѣческій, привѣтливый отзывъ...

Дай вамъ Богъ здоровья, душевныхъ силъ и душевной ясности. Горячо желаю вамъ этого, какъ писателю и какъ человѣку, ибо одно съ другимъ тѣсно связано. Вы у насъ теперь одинъ—и мое нравственное существованіе, моя любовь къ творчеству тѣсно связаны съ вашею судьбою; не будь васъ—и прощай для меня настоящее и будущее въ художественной жизни нашего отечества: я буду жить въ одномъ прошедшемъ и, равнодушный къ мелкимъ явленіямъ современности, съ грустной отрадой буду бесѣдовать съ великими тѣнями, перечитывая ихъ неумирающія творенія, гдѣ каждая буква давно мнѣ знакома.

Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ искренно мое мнѣніе о вашемъ «Римѣ», но, не получивъ предварительно позволенія на откровенность, не смѣю этого сдѣлать.

Не знаю, понравится ли вамъ тонъ моего письма, — даже боюсь, чтобы онъ не показался вамъ болѣе откровеннымъ, нежели сколько допускаютъ то наши съ вами свѣтскія отношенія; но не могу перемѣнить ни слова въ письмѣ моемъ, ибо въ случаѣ, противномъ моему ожиданію, легко утѣшусь, сложивъ всю вину на судьбу, издавна уже не благопріятствующую русской литературѣ.

Съ искреннимъ желаніемъ вамъ всякаго счастья, остаюсь готовый къ услугамъ вашимъ

Виссаріонъ Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. Лѣто 1842.

. . . . . [1]).

Я такъ и ожидалъ, что ты опять заболѣлъ. Кажется, тебѣ можно сказать —

---

[1]) Отрывокъ безъ года; отдѣльный листокъ, составлявшій конецъ письма.—*Прим. А. П.*

А ты, мой батюшка, неизлѣчимъ, хоть брось! Спасибо за конфетку—сладка, хоть и нѣмецкаго печенья. Для филистерской кухни этого даже много. А что ни говори—нашъ вѣкъ кастратскій и подлый въ высшей степени. Это подлое кастратство именно видно въ конфеткѣ, на манеръ нѣмецкой колбасы сготовленной. Эти люди противорѣчатъ себѣ, подвергаясь крещенію и браку (церковному). Не такъ дѣйствовали первые христіане и террористы французской революціи: тѣ—все или ничего, безъ условій, безъ изъятій, безъ ограниченій, хотя могли бояться не какого-нибудь изгнанія, но первые мукъ и смерти, а вторые смерти и уничтоженія. Да и великъ ли переходъ къ берлинскому обществу духоборцевъ отъ американскихъ сектъ, въ смыслѣ отрѣшенія отъ формъ церкви? Впрочемъ, и за то хвалю колбасниковъ—съ нихъ и этого много; но, и хваля ихъ, не могу не плевать на нихъ.

Можетъ быть, побываю скоро у васъ (только не въ воскресенье), если ты не думаешь побывать въ Питерѣ.

В. Б.

Впрочемъ, за болѣзнь твою не отчаиваюсь, ибо увѣренъ, что она не мѣшаетъ твоему блаженному созерцанію красотъ павловской погоды, мѣстоположенія, вокзала, простокваши и прочаго вздору. Панаева блаженство, вѣрую и уповаю, все растетъ и растетъ; а Языковъ блаженъ для компаніи вамъ, братцы. Живя въ Павловскѣ, вы трое образуете собою общество . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . , ибо любишь духъ (букетъ) всякихъ винъ, даже дрянныхъ и дешевыхъ, и всѣхъ кушаньевъ, да и въ другихъ отношеніяхъ присущъ духу времени.

Хотя Липертарія и Соллогубія тоже изъ блаженствующихъ, но незаконно и грѣховно блаженствующихъ: первый изъ нихъ—
. . . . . .
. . . . . ;
второй—но ужъ второй-то, и не знаю, кто такой, а потому и кончаю. Желаю вамъ всѣмъ (кромѣ Панаева, которому подобное желаніе не нужно) здоровья, а счастія вы и сами не оберетесь.

В. Б.

Сейчасъ упился я «Оршею». Есть мѣста, убійственно хорошія, а тонъ цѣлаго — страшное, дикое наслажденіе. Мочи нѣтъ, я пьянъ и неистовъ. Такіе стихи охмеляютъ лучше всѣхъ винъ.

Къ В. П. Боткину. Конецъ лѣта 1842.

. . . . . [1]).

Славные стихи въ 7 № «Отечественныхъ Записокъ» «Петръ Великій»; конечно, они далеко не такъ превосходны, какъ гнусно-кастратское «Нетерпѣніе» Струговщикова; но они все-таки прекрасны—читаю и перечитываю ихъ съ наслажденіемъ — есть въ нихъ что-то энергическое, восторженное и гражданское, есть много смѣлаго, какъ, напр., 16-й куплетъ. А что за гнусность перевелъ еще г. Струговщиковъ изъ Гете, подъ названіемъ «Преданіе»? А вѣдь, несмотря на нѣсколько простодушное униженіе Наполеона передъ Петромъ и возвышеніе нашей борьбы съ первымъ, стихи-то «Петръ Великій», право, хороши. Спросите Краевскаго, гдѣ онъ ихъ взялъ? Уже это не г.-ли Л. Т., что написалъ «Завѣщаніе» и «Разбойничью пѣсню»?

Помнишь ли ты, Боткинъ, моего родственника «Капитоныча»?—Умеръ, бѣдняга. Жаль, въ своемъ родѣ и въ своей сферѣ былъ славный малый.

Къ Д. П. Иванову. 6 или 7 ноября, 1842.

Спб. 1842 (7 или 6) [2]) *ноября.*

Скажи, Бога самого ради, любезный Дмитрій, видѣлъ ты Никанора или нѣтъ? Августа 26 дня выѣхалъ онъ изъ Питера на Кавказъ, куда опредѣленъ въ Грузинскій Гренадерскій полкъ, стоящій въ Тифлисѣ; дорогою долженъ былъ увидѣться съ тобою; но вотъ ни слуху, ни духу о немъ до сихъ поръ, словно въ воду канулъ. Еслибъ онъ видѣлся съ тобою, то и самъ написалъ бы, да и ты не преминулъ бы меня увѣдомить; стало быть, онъ въ Москвѣ не останавливался. Ты съ какимъ-то ужасомъ узналъ о моемъ опредѣленіи опредѣлить его въ военную службу: ужасъ

---

[1]) Отрывокъ безъ года.—*Прим. А. П.*

[2]) Отмѣченное въ скобкахъ число написано особо карандашомъ. — *Прим. А. П.*

этотъ, душа моя, ребяческій, и навѣянъ на тебя разными пустыми предубѣжденіями. Что я за богачъ такой, что долженъ содержать малаго въ 20 лѣтъ, который ѣстъ за десятерыхъ, носитъ платье за пятерыхъ, ничего ровно не дѣлаетъ и ни къ чему ровно не способенъ? Нѣтъ, слуга покорный, я и самъ живу — какъ рыба объ ледъ колочусь. Всякій хлопочи о себѣ; жить на чужой счетъ и глупо, и безчестно. А куда же бы онъ годился, кромѣ военной службы? въ университетъ?—но только такіе глупцы, какими мы были съ тобою, могли вѣрить возможности его поступленія въ университетъ. Какъ я поразглядѣлъ его вблизи-то, такъ увидѣлъ, что онъ и во 2 классъ уѣзднаго училища во вѣки вѣковъ не выдержалъ бы экзамена. Онъ ничего не знаетъ, а что и знаетъ, то такъ поверхностно и безтолково, что лучше бы совсѣмъ ничего не знать. Въ гражданскую службу? Т.-е. на вѣчные 300 рублей жалованья—вѣдь онъ и писать-то не умѣетъ. Мнѣ случалось диктовать ему — страничку пишетъ битый часъ. Въ учителя? — глупо и думать. Это истинный Калибанъ: ни малѣйшаго понятія о самыхъ простыхъ отношеніяхъ житейскихъ къ людямъ, одичалость, грубость, нелѣпость. Боже мой, что я вытерпѣлъ съ нимъ въ это время, сколько крови и желчи перепортилъ у себя! Тутъ только понялъ я, во всей обширности, что ты отъ него вынесъ — страшно подумать! Ты пишешь, что для военной службы онъ неспособенъ, ибо разсѣянъ и пр. Но потому-то и надо ему служить въ военной службѣ. Если пройдетъ черезъ ея горнило — будетъ спасенъ, будетъ человѣкомъ; не пройдетъ, не вынесетъ — кто же виноватъ? Лучше умереть человѣкомъ, чѣмъ жить скотомъ. Кто недостоинъ жизни—тотъ умирай. На Кавказъ, впрочемъ, онъ поѣхалъ по своему собственному желанію: мнѣ хотѣлось, чтобы онъ служилъ въ Москвѣ или около Москвы. Но все это ничего; я радъ, что отдѣлался отъ него, что не вижу его больше. Онъ связалъ меня по рукамъ и по ногамъ. Онъ, съ января по время отъѣзда на Кавказъ, стоилъ мнѣ вѣрной тысячи, — а для меня это очень и очень не шутка. Итакъ, все это хорошо; но меня гнетутъ двѣ мысли: видѣлся ли онъ съ тобой и почему не писалъ съ дороги; потомъ, я долженъ былъ выслать ему въ Тифлисъ на обмундировку рублей 150 денегъ, и не выслалъ, — негдѣ взять, — а я готовъ былъ бы занять за жидовскіе проценты, да негдѣ. Это меня мучитъ. Я заплатилъ за его проѣздъ до Ставрополя 80 руб., да съ нимъ отпустилъ слишкомъ 100 руб. А тутъ еще переѣздъ на

квартиру и разныя дряни житейскія—самъ бѣдствую, задолжалъ страшно, и денегъ нѣтъ.

Писалъ онъ, Никаноръ, къ брату Константину въ Чембаръ о высылкѣ ему копіи съ формулярнаго списка отца и свидѣтельства о бѣдности — отвѣта не было. Напиши ты самъ и къ Константину и къ Петру Петровичу — ради всего святóго на свѣтѣ, и скорѣе. Я писать не могу — у меня родилось непобѣдимое отвращеніе къ письмамъ. Вотъ и къ тебѣ сбирался мѣсяца два—насилу могъ принудить себя.

Вотъ и еще горе: Дмитрій Капитоновичъ Исаевъ умеръ, говорятъ. Онъ взялся выхлопотать мнѣ дворянскую грамоту изъ пензенскаго депутатскаго собранія, взялъ у меня бумаги еще въ 1839 году и отослалъ ихъ въ Пензу при моей просьбѣ. И что же? вдругъ узнаю, что согласіе о воспріемничествѣ меня отъ купели Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича будто бы не было получено, а оно точно было отослано. Такое мое счастіе. Надо бы куда-нибудь причислиться на службу, для чина, а я живу съ дряннымъ университетскимъ свидѣтельствомъ. Попроси Петра Петровича — не можетъ ли онъ сдѣлать тутъ что-нибудь. За расходы я заплачу, что̀ нужно будетъ. Ради Бога, похлопочи. Если бы я зналъ, что Петръ Петровичъ еще въ Москвѣ, я бы теперь и къ нему прислалъ бы письмо. Впрочемъ, ты напиши мнѣ его адресъ—я буду писать къ нему.

Съ Никаномъ я послалъ для Ѳедосьи Степановны какую-то книгу духовнаго содержанія, въ 4 частяхъ, дешево мнѣ попавшуюся на толкучемъ рынкѣ (кажется, рублей за 5). Если ты Никанора не видалъ, то, разумѣется, и книги не получилъ. Если еще попадется дешево что-нибудь изъ этого хлама, куплю и пришлю. Вотъ уже мѣсяца 3 стоитъ у меня ящикъ для тебя съ разною дрянью—портретами сочинителей, ландшафтами и т. п., да все не соберусь послать. Однако-жъ теперь ты скоро получишь. Подѣлись съ Алешею. Масляную картину ему, да изъ гравюръ штукъ пятокъ. Леонорѣ Яковлевнѣ мое почтеніе — дѣтей твоихъ цѣлую. Что новорожденное дитя? Пиши поскорѣе обо всемъ—жду твоего письма, какъ праздника. Петру студенту за приписку поклонъ и спасибо. Поклонись Дарьѣ Титовнѣ. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Можетъ быть, о праздникѣ опять буду въ Москвѣ.

Адресуй ко мнѣ прямо на квартиру: въ домъ Лопатина, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, квартира № 55.

Къ В. П. Боткину. 7 ноября, 1842.

Спб. 1842, ноября 7.

Вотъ неожиданное посланіе для тебя, Боткинъ! Но не думай, чтобы какое-нибудь особенное обстоятельство заставило меня писать къ тебѣ: нѣтъ,—просто, прихоть. День разлуки съ тобою—фантастическій день въ моей жизни. Ты поѣхалъ въ полицейскія подземелья и ущелія, а я побрелъ въ контору дилижансовъ, побрелъ тихо, не торопясь, думая, что и дилижансъ застану, и тебя опережу, какъ бы ты ни скоро ѣхалъ. Подошедши къ Синему мосту, пошелъ я къ Адмиралтейской площади, смотря налѣво: нѣтъ—видно, просмотрѣлъ, воротился къ мосту, опять нѣтъ, и такимъ образомъ прошелъ раза три взадъ и впередъ. Спрашиваю извощиковъ—ни одинъ не знаетъ, и за деньги не берется везти. Наконецъ нашелся и между ними Мардохай—растолковалъ—бѣгу—на дворѣ дилижанса нѣтъ—у меня и нервы опали—вхожу въ контору—уѣхалъ-де сейчасъ. Тебя нѣтъ, человѣка нѣтъ—я такъ потерялся, что и не подумалъ спросить, былъ ли ты. Выхожу, медлю у моста—нѣтъ тебя. Вдругъ мысль: ты не досталъ позволенія на выѣздъ и потому и не поѣхалъ въ контору, а воротился домой; Дмитрій же второпяхъ забылъ ключъ—дверь, стало быть, замкнута. Ѣду домой—Дмитрій, дѣйствительно, стоитъ у двери. Отъ него узнаю, что ты попался ему на дорогѣ, а толку отъ полиціи не добился, а чемоданъ твой уѣхалъ съ дилижансомъ. Если бы я узналъ, что ты получилъ записку отъ части, то и былъ бы увѣренъ, что ты бросился на извощикѣ догонять дилижансъ, но какъ, по словамъ Дмитрія, ты не получилъ записки, то я и ожидалъ въ тоскѣ, что ты вотъ сейчасъ явишься, убитый досадою. Но вотъ тебя нѣтъ и часъ, и другой—видно, такъ или сякъ, но уѣхалъ,—тогда мнѣ стало досадно, что я такъ глупо не простился съ тобою—для чего стоило мнѣ только подождать тебя лишнихъ 5 минутъ. Оно, конечно, бѣды большой нѣтъ; но какъ-то неловко и досадно: точно какъ проигрался, или глупость какую отпустилъ въ обществѣ, однимъ словомъ—не хорошо. Я чувствовалъ себя

какъ будто въ положеніи майора Ковалева, потерявшаго носъ: роль носа на этотъ разъ играла твоя особа. Чтобы не пропала для потомства сія назидательная фантастическая исторія, я рѣшился поскорѣй написать ее тебѣ, а ты помѣсти ее, для пользы отечества, хоть въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ описываются разные пассажи, назидательные даже. Но этимъ не все кончилось. Крѣпко наѣвшись у Краевскаго, я, по обыкновенію, пошелъ пройтись по Невскому; встрѣтилъ тамъ какую-то черномазую рожицу съ азіатскимъ типомъ—и разсвирѣпѣлъ неистово. Послѣ краткаго, но энергическаго объясненія, я очутился съ нею у себя дома. Гляжу: рожа, точно, цыганская, но рожа, а не лицо — ничего, я и не такихъ не пугался; отъ головы воняетъ составомъ изъ коровьяго масла съ квасомъ — ничего, чортъ возьми. Конецъ — ты и самъ представишь себѣ. Дѣвица оказалась не цыганкою, но природною россіянкою—отъ нея и пахло русскимъ духомъ, слѣдовательно, эта исторія національная и патріотическая, и потому напечатай ее въ «Москвитянинѣ» подъ названіемъ: «Одна изъ россіянокъ XIX вѣка».

Милому Николаю Петровичу дружескій привѣтъ и заочное лобызаніе. Я думаю, злодѣй, на счетъ клубнички — чортъ возьми, у меня инда слюнки текутъ... Почтеннѣйшему Ивану Петровичу (Боткину, а не Ключникову) передай отъ меня низкій поклонъ. Лангеру съ семействомъ — тоже, а милыхъ Лангерятокъ, если вздумаешь когда попотчивать какимъ лакомствомъ, увѣрь, что это отъ меня—пріятно и выгодно быть великодушнымъ на чужой счетъ. Мы съ Милановскимъ, во всѣхъ смыслахъ, крѣпко держимся этой истины.

Прилагаемое письмо безъ конверта передай Михаилу Семеновичу.

Къ И. А. Бакунину. 7 ноября, 1842.

Спб. 1842, ноября 7.

Здравствуйте, милый Николай Александровичъ! Хорошіе мы съ вами пріятели — пишемъ ровно по письму въ годъ. Я себя извиняю тѣмъ и другимъ — работа журнальная, огорченія, постоянное угнетеніе духа и пр. и пр. Ну, а вы, вамъ то что бы дѣлать, если не писать къ пріятелямъ? Я знаю, что Варвара Александровна давно уже пріѣхала, а вы мнѣ объ этомъ ни слова, Богъ съ вами. Я давно сбирался писать къ вамъ и — что

дѣлать — по обыкновенію моему никакъ не могъ собраться. Но недавно два случая сдѣлали это необходимою потребностію души моей, живо напомнивъ мнѣ моихъ прямухинскихъ друзей (вѣдь они позволятъ мнѣ такъ называть ихъ?). О первомъ случаѣ я, если увидимся, разскажу вамъ, и только одному вамъ, лично. А другой случай вотъ какой: до меня дошли хорошіе слухи о Мишелѣ, и я—написалъ къ нему письмо!!.. Не удивляйтесь—отъ меня все можетъ статься. Вы, сколько я могъ замѣтить, всегда желали и надѣялись, что мы вновь сойдемся съ Мишелемъ: ваше желаніе исполнилось, ваша надежда оправдалась—по крайней мѣрѣ, съ моей стороны. Дѣло очень просто: съ нѣкотораго времени во мнѣ произошелъ сильный переворотъ; я давно уже отрѣшился отъ романтизма, мистицизма и всѣхъ «измовъ»; но это было только отрицаніе, и ничто новое не замѣняло разрушеннаго стараго, а я не могу жить безъ вѣрованій, жаркихъ и фантастическихъ, какъ рыба не можетъ жить безъ воды, дерево расти безъ дождя. Вотъ причина, почему вы видѣли меня прошлаго года такимъ неопредѣленнымъ, и почему мы съ вами и часу не переговорили дѣльно. Теперь я опять иной. И странно: мы, я и Мишель, искали Бога по разнымъ путямъ—и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанизма, знакомъ съ R.[1]) и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки: это—вѣчно движущееся начало, лежащее во глубинѣ его духа. Притомъ же, дорога, на которую онъ вышелъ теперь, должна привести его ко всяческому возрожденію, ибо только романтизмъ позволяетъ человѣку прекрасно чувствовать, возвышенно разсуждать и дурно поступать. Для меня теперь человѣкъ—ничто; убѣжденіе человѣка—все. Убѣжденіе одно можетъ теперь и раздѣлять, и соединять меня съ людьми.

Мнѣ стало легче жить, любезнѣйшій Николай Александровичъ. Если я страдаю, мое страданіе стало возвышеннѣе и благороднѣе, ибо причины его уже внѣ меня, а не во мнѣ. Въ душѣ моей есть то, безъ чего я не могу жить, есть вѣра, дающая мнѣ отвѣты на всѣ вопросы. Но это уже не вѣра, и не знаніе, а религіозное знаніе и сознательная религія. Но объ этомъ послѣ, если увидимся.

[1]) Вѣроятно, Арнольдомъ Руге.—*Прим. А. П.*

Лѣтомъ я не могъ ѣхать въ Москву—и денегъ не было, да и Боткинъ все лѣто прожилъ въ Питерѣ. (Кстати: и Боткинъ написалъ къ Мишелю). Надѣюсь опять въ январѣ или послѣднихъ числахъ декабря остановиться въ Торжкѣ на нѣсколько дней. Что ваши всѣ, что (особенно) Татьяна Александровна? Ибо я слышалъ, что она нездорова. Что Варвара Александровна—я такъ давно не видалъ ея? Что милый ея Саша, мой прежній «Ахъ»? Нѣтъ, что бы со мною ни было, въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни былъ, а ихъ никогда не забуду, онѣ срослись съ душой моей, онѣ—живая часть моего нравственнаго существованія. Нѣтъ, прошедшее, если въ немъ было истинное и жизненное, прошедшее не забывается и не изглаживается. Я и теперь лучшими минутами моими обязанъ воспоминанію о немъ. Мнѣ такъ хочется, такъ сильно хочется опять увидѣть себя въ кругу вашего семейства, что я иногда принужденъ бываю чѣмъ-нибудь разсѣиваться отъ тоски этого порывистаго желанія. Скажите Александрѣ Александровнѣ, чтобы она приготовила къ январю будущаго года должные ею мнѣ три милліона рублей — мнѣ деньги нужны, а не то, я подамъ на нее просьбу. Александру Михайловичу и Варварѣ Александровнѣ прошу васъ передать мое искреннее почтеніе.

Читали вы «Ораса» Жоржъ Зандъ? Если вы читали его въ «Отечественныхъ Запискахъ», по-русски только, жаль. Эта женщина рѣшительно Іоанна д'Аркъ нашего времени, звѣзда спасенія и пророчица великаго будущаго. Не въ первый разъ чрезъ женщину спасается человѣчество. Въ послѣдней книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» будетъ напечатанъ ея романъ «André»—я читалъ его по-французски, и если вы не читали его, васъ ожидаетъ не наслажденіе, а блаженство.

Пишите ко мнѣ, милый Николай Александровичъ. Я теперь съ тоскою буду ожидать вашего отвѣта. Адресуйте ваше письмо прямо на мою квартиру: въ домѣ Лопатина, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, квартира № 55.

Читали ли вы «Боярина Оршу» Лермонтова? Какое страшно могучее произведеніе! Привезу его къ вамъ вполнѣ, безъ выпусковъ. «Демона» я тоже досталъ полнаго—лучше, чѣмъ тотъ, что списалъ у меня Ѳедоръ Константиновичъ; я уже отдалъ его переписывать, привезу въ Торжокъ и оставлю его тамъ.

Къ В. П. Боткину. 23 ноября, 1842.

Спб. 1842, ноября 23 дня.

На дняхъ Краевскій получилъ изъ Воронежа чьи-то стихи «На смерть А. В. Кольцова»... Что это и какъ это, Богъ знаетъ.

Чувствую, что послѣ этихъ строкъ тебѣ не захочется читать далѣе, но что дѣлать — мнѣ хочется говорить съ тобою, вышла свободная минута, а у меня теперь такъ мало свободныхъ минутъ. Мое впечатлѣніе отъ стиховъ неполно — должно быть, нужно подтвержденіе, или должно быть что-нибудь другое — не знаю.

Вотъ вторая новость. Н. Бакунинъ выходитъ въ отставку и женится. Я писалъ къ нему и получилъ отвѣтъ, писанный тремя руками. Меня зовутъ—такъ и подмываетъ — дурь и блажь одолѣла такая, что мочи нѣтъ. Кажется, мнѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, если не во всѣхъ, на вѣкъ остаться прекрасною душою. Лучшая сторона моя — это чувство, сильное до изступленія и дикости, но безтолковое, чуждое всякой дѣйствительности. Это я глубоко сознаю въ себѣ. Ты поймешь, что̀ я хочу сказать—вѣдь ты одинъ хорошо меня знаешь

Да, ѣхать, ѣхать—это заглушаетъ во мнѣ все другое—я расплываюсь— мечтаю, ничто въ голову нейдетъ. А какъ ѣхать?— работы бездна, времени мало, лѣнь и отвращеніе къ занятію непобѣдимы, денегъ нѣтъ, долговъ пропасть. Счастливы мертвые—

> Имъ не приснится
> Ни грусть, ни радость прежнихъ дней.

Они уже внѣ всякой возможности дѣлать глупости.

Обѣщалъ я Краевскому написать, для послѣдней книжки, о Баратынскомъ съ поллистика, да, забывшись, хватилъ слишкомъ листикъ, а статья все-таки вышла сжата и отрывочна до безтолковщины.

Ждалъ я отъ тебя письма, и не дождался. Пожалуйста, напиши объясненіе, какимъ образомъ я потерялъ свой носъ, т.-е. тебя. Письмо твое къ Краевскому читалъ. И объ этомъ напиши, что узнаешь, т.-е. о замоскворѣцкомъ Гегелѣ. Culte къ тебѣ послать не могу: капиташка и Панаевъ обомлѣли отъ ужаса и удивленія, услышавъ отъ меня, что ты хотѣлъ увезти Culte, а я хочу послать къ тебѣ. Послѣ этого, согласись, мнѣ нечего дѣ-

лать. Бумажникъ не могъ отослать по неимѣнію гроша денегъ, но онъ пошлется Краевскимъ вслѣдъ за этимъ письмомъ. Бакунинъ женится на Ушаковой. Они всѣ въ Прямухинѣ. Скучно жить на свѣтѣ, душа моя Тряпичкинъ: стремишься къ высокому, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ. Сейчасъ былъ въ Александріи: давали премиленькій водевильчикъ: «Вся бѣда, что плохо объяснились» (вотъ бы Щепкину-то, тутъ для него славная роль— Боплана): такъ и хочется разсказать тебѣ, но безъ тебя многаго мнѣ некому разсказать и сказать. Ты поторопился уѣхать въ пятницу утромъ, вмѣсто субботы вечеромъ, чтобъ не мѣшать мнѣ работать,—и ошибся въ разсчетѣ: я вообразилъ, что ты не уѣхалъ, и ничего не дѣлалъ ни въ пятницу, ни въ субботу, а потомъ съ недѣлю посвятилъ на грусть по разлукѣ съ тобою: у меня сердце нѣжное и къ дружбѣ склонное... Но Краевскій не таковъ, подлецъ: говоритъ, дружба— вздоръ и лѣнь, а надо работать, и я сказалъ себѣ, какъ Кинъ въ глупой трагедіи Дюма: ступай, бѣдная, водовозная лошадь! Гоголь прислалъ во-время Сцену послѣ представленія комедіи — удивительная вещь— умнѣе я ничего не читывалъ по-русски. Полевой разругалъ «Мертвыя Души» на-чемъ свѣтъ стоитъ, и изъ статьи вышелъ доносъ почище Сенковскаго. Знаешь ли что — повѣрь, это не преувеличеніе въ минуту досады — русская литература еще не представляла такого плюгаваго подлеца — самъ Булгаринъ менѣе подлецъ, въ сравненіи съ нимъ. Прочти эту статью въ 6 и 7 № «Русскаго Вѣстника».

Чувствую и вѣрую и знаю вновь, что жизнь земная прекрасна, но вмѣстѣ съ этимъ убѣждаюсь, что не для меня. Мужикъ въ юбкѣ лучше бабы въ штанахъ, а хуже меня нѣтъ никого. Смерти боюсь, а живущъ — кругомъ гробы, а все живу — для чего — чортъ знаетъ.

Обтиранье водою меня не удовлетворяетъ: на дняхъ покупаю корыто и обливаюсь изъ ведра.

Прощай, Боткинъ, хотѣлъ бы еще поврать, да что-то не врется.

Твой В. Б.

Лошади проржали въ «Литературной Газетѣ», что М. С. Щепкинъ будетъ въ Питерѣ: правда ли?

Получилъ ли Михаилъ Семеновичъ комедію и сцены—«Игроки» и «Тяжба»? Пусть онъ поскорѣе увѣдомитъ — что беретъ — «Игроки» или «Тяжбу». 7 декабря бенефисъ Сосницкаго.

Кланяйся всѣмъ.

Говорятъ, твоя статья крѣпко нравится художникамъ. «Вотъ какъ надо писать»—говорятъ они.

Къ И. А. Бакунину. 28 ноября, 1842.

Спб. 1842, ноября 28.

Да что вы это, да какъ вы это, драгоцѣннѣйшій Николай Александровичъ? На что это похоже? Гдѣ же уваженіе къ старшимъ, гдѣ почтеніе къ лѣтамъ и заслугамъ?.. За кого-жъ считаете вы насъ, хоть бы, напр., и меня? Смотри, какую штуку выкинулъ, глуздырь негодный. Бога вы не боитесь, тараканъ усатый! Зарѣзали, осрамили, опозорили вы насъ! Женится, онъ женится! А мы-то что же, чѣмъ же мы-то хуже васъ? Вотъ поди ты, служи отечеству, проливай за него рѣки чернильныя! Какой-нибудь эдакой глуздырь женится, а ты посвистывай въ страшной холодной пустотѣ своей ненавистной квартиры, въ пріятномъ сообществѣ съ своимъ лакеемъ. Велишь поставить самоваръ, и чаю положишь въ чайникъ, да и велишь выпить его человѣку, а самъ одѣваться, да и бѣжать куда-нибудь отъ самого себя. Ахъ вы, негодный глуздырь! Надулъ, зарѣзалъ! Такъ вы женихъ? Да какъ же это? Это однако-жъ страшно—я за васъ дрожу. Мнѣ кажется, что въ вашемъ положеніи у меня шумѣло бы въ ушахъ, все вертѣлось бы въ глазахъ, кровь прорвала бы жилы и хлынула бурнымъ потокомъ. Я думаю, вы вынете карманъ изъ платка — и въ карманѣ жена, и въ платкѣ жена. Я бы на вашемъ мѣстѣ умеръ съ голоду — не сталъ бы ничего ѣсть, боясь въ каждомъ кускѣ видѣть жену. Да, вчужѣ страшно за васъ. Воображаю, какъ бы я былъ хорошъ въ вашемъ положеніи! У меня предрянные нервы, и вообще, «душѣ не впору тѣло».

Ну, полно врать! Руку вашу, любезнѣйшій Николай Александровичъ. Вы готовитесь выпить лучшій бокалъ жизни, отъ души желаю вамъ на днѣ его найти не улетучивающуюся пѣну божественнаго напитка, а счастіе, простое, тихое, въ себѣ самомъ замкнутое, ни для кого не бросающееся въ глаза счастіе! Все великое на землѣ божественно, а все божественное — просто. Боже сохрани, не понять этого и ожидать отъ любви чудесъ— сама любовь есть чудо. Но все это вы, я увѣренъ, и безъ меня хорошо понимаете въ себѣ и для себя. Одно почитаю долгомъ

сказать вамъ: страшитесь, какъ вѣрной гибели, все найти въ одномъ. Я на счетъ этого «одного» только фантазировалъ, и теперь отчасти радъ, что все кончилось фантазіями, ибо я глупо фантазировалъ, заключая все въ одномъ. Мишель это понималъ лучше меня; впрочемъ, теперь онъ не въ одномъ этомъ побѣдилъ меня, самъ того не зная. Ему помогла діалектика дѣйствительности, помогла и моя натура. Вы пишете (своими каракулями, которыя отъ счастія сдѣлались еще гнуснѣе и неразборчивѣе), вы пишете, что не вѣрите моей пламенной любви къ Мишелю, ибо не понимаете любви за понятія. Вы не правы. Во 1-хъ, я никого не люблю и не любилъ пламенно, въ глупые года моей фантазерской и полудикой юности я знавалъ любовь, и, можетъ быть, не разъ, но не пламенную, а развѣ горестную и трудную. Во 2-хъ, любить человѣка за понятія и можно и не можно. Надо условиться въ значеніи слова «понятіе». Если по вашему понятію, яблоки вкуснѣе грушъ, а городъ Торжокъ богаче города Ельца,—я за это не могу ни любить, ни ненавидѣть васъ. Вы поймете меня. Есть понятія религіозныя, отсутствіе ихъ въ человѣкѣ можетъ сдѣлать человѣка и презрѣннымъ, и ненавистнымъ. Есть понятія, для которыхъ—и жизнь и счастіе жизни—возможныя жертвы! Есть понятія, которыя смущаютъ покой ночной, отравляютъ пищу, которыя по волѣ и кипятятъ, и прохлаждаютъ кровь. Читали ли вы когда Ветхій Завѣтъ, думали-ль вы о значеніи юдаизма? Знаете ли вы, что̀ такое ревность по Господѣ, снѣдающая человѣка? Что̀ человѣкъ безъ Бога?—трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ немъ онъ и умираетъ и воскресаетъ, и страдаетъ и блаженствуетъ. А что такое Богъ, если не понятіе человѣка о Богѣ? Я понимаю, что для того, чтобы полюбить женщину, не нужно дѣлать экзамена ея понятіямъ; но я, по моей фанатически нетерпимой и субъективной натурѣ, я могу или еще болѣе полюбить плѣнившій меня женственный образъ, за его понятія, или совсѣмъ разлюбить его за нихъ. Увы! я нѣкогда самъ думалъ (или, вѣрнѣе сказать, принуждалъ себя думать), что любятъ не за понятія, и поэтому подозрѣвалъ Мишеля въ сухости и мертвенности натуры; но, повторяю, онъ одержалъ надо мною побѣду, которой можетъ порадоваться. Но объ этомъ мы еще потолкуемъ. Прибавлю только, что я нисколько не раскаиваюсь и не жалѣю о моихъ размолвкахъ съ Мишелемъ: все это было необходимо и быть иначе не могло. Гадки и пошлы ссоры личныя,

но борьба за «понятія» — дѣло святое, и горе тому, кто не боролся!

Я не знаю вашей невѣсты, но увѣренъ, что она—сестра вашимъ сестрамъ. Передайте ей мой простой, задушевный привѣтъ, какой, думаю, имѣетъ священное право сдѣлать человѣкъ человѣку, безъ всякихъ другихъ правъ. Я этого не выговорилъ бы въ глаза, но epistola non rubescit, письмо не краснѣетъ, по самому близкому переводу. Я робокъ съ женщинами: никого такъ не люблю, какъ ихъ, и никого такъ не боюсь, какъ ихъ. Сила женственности самая страшная изъ всѣхъ силъ.

Если не пріѣду въ Прямухино, то уже, конечно, не по личности, не по равнодушію, не по боязни безпокойствъ и мукъ дороги. Признаюсь, крѣпко подмываетъ. Получивъ ваше письмо, дня два или три ничего дѣлать не могъ, а дѣла была бездна. Меня посѣтило вдругъ, словно вдохновеніе, такое живое воспоминаніе о счастливыхъ минутахъ, проведенныхъ мною прошлаго года въ Торжкѣ, что мнѣ опротивѣло все, что я ни видѣлъ вокругъ себя, и еслибъ я могъ ѣхать въ ту же минуту,—никакой паровозъ не удовлетворилъ бы полету души моей. Я же передъ этимъ былъ нѣсколько потрясенъ. Въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» присланы изъ Воронежа стихи «На смерть А. В. Кольцова». Что дѣлать?

Смертный, силѣ, власть текущей,
Покорайся и терпи;
Мертвый — въ гробѣ мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!

Боже мой! какая бы для меня была радость пріѣхать въ Прямухино! Увидѣть всѣхъ васъ, и счастливыхъ притомъ,—увидѣть Варвару Александровну, которую я такъ давно не видѣлъ! А сколько у меня предметовъ для разговоровъ, живыхъ разговоровъ, которыми красна разумная бесѣда, и мила человѣческая жизнь. Вамъ, судырь ты мой, я знаю, будетъ не до разговоровъ,—и васъ бы за это надо было иногда побѣсить... Да, впрочемъ, не бойтесь, гдѣ дѣло идетъ о женщинахъ, я ни для кого не опасный человѣкъ, кромѣ развѣ самого себя. Одна мысль—я въ Прямухинѣ—Господи, хоть бы во снѣ увидѣть! Этотъ домъ, комнаты, все, все—просто, страшно ѣхать: поѣдешь на три дня, а проживешь, пожалуй, три недѣли, а вѣдь «Отечественныя Записки» не любятъ ждать своихъ водовозныхъ лошадей.

Благодарю всею душою Варвару Александровну за добрую ея готовность порадовать меня двумя-тремя строками. Я считаю ихъ за нею. Татьянѣ Александровнѣ и Александрѣ Александровнѣ кланяюсь въ поясъ и, право, не умѣю и высказать моей благодарности, особенно Татьянѣ Александровнѣ. Набожно, какъ мусульманинъ стихи изъ Алькорана, читаю я ихъ строки, только не на зарѣ, ибо встаю никогда не раньше 9 съ половиною, и не позже 12 часовъ утра. Ихъ радушное приглашеніе, ихъ увѣреніе, что меня въ Прямухинѣ всѣ любятъ, трогаетъ меня—стыдно признаться—до слезъ.

Память обо мнѣ баронессы Н. А. Бейеръ фонъ-Вейсенфельдъ такъ дорога, и я за нее такъ благодаренъ, что даже прощаю Наталіи Андреевнѣ ея баронство и ея фонъ—непростительнѣйшія въ глазахъ моихъ преступленія. Радъ, отъ всей души буду радъ увидѣться съ нею, а пока прошу ее, когда она будетъ писать къ Александрѣ Андреевнѣ, поклониться ей отъ меня.

Когда вы женитесь, Николай Александровичъ, вы совсѣмъ разучитесь писать. Ваши каракули, послѣ ровныхъ, прекрасныхъ строкъ вашихъ сестеръ, похожи ужъ и не знаю, на что. А кстати—когда же ваша свадьба? Не понимаю, какъ о вашей женитьбѣ знаетъ Соллогубъ? Онъ при мнѣ говорилъ объ этомъ, какъ о новости.

Свидѣтельствую мое почтеніе и поздравляю съ семейнымъ праздникомъ Александра Михайловича и Варвару Александровну и всѣхъ вашихъ.

Я терпѣть не могу шампанскаго, а съ какимъ бы удовольствіемъ выпилъ бокалъ за ваше счастіе. Если мнѣ не удастся пріѣхать къ вамъ,—то у себя дома, затворивъ двери, выпью за здоровье и счастіе всѣхъ, всѣхъ васъ. Знаете ли что, будьте добры—отвѣчайте на это письмо: въ случаѣ, если мнѣ нельзя будетъ вырваться на желанную дорогу,—ваше письмо будетъ, хотя и грустнымъ, но все же вознагражденіемъ. Вѣдь и погрустить сильно не всегда удается; одна апатія — всегдашняя гостья. Къ Мишелю я адресовалъ въ Дрезденъ, poste-restante,—такъ ли?

Весь вашъ В. Бѣлинскій.

Къ П. И. Панаеву. 5 декабря, 1842.

Декабря 5, 1842.

Ну, Панаевъ, вижу, что у васъ есть чутье кое на что—сейчасъ я прочелъ «Мельхіора», и мнѣ все слышатся ваши слова: эта женщина постигла таинство любви. Да, любовь есть таинство,—благо тому, кто постигъ его; и, не найдя его осуществленія для себя, онъ все-таки владѣетъ таинствомъ. Для меня, Панаевъ, свѣтлою минутою жизни будетъ та минута, когда я вполнѣ удостовѣрюсь, что вы, наконецъ, уже владѣете въ своемъ духѣ этимъ таинствомъ, а не предчувствуете его только. Мы, Панаевъ, счастливцы—очи наши узрѣли спасеніе наше, и мы отпущены съ миромъ владыкою: мы дождались пророковъ нашихъ—и узнали ихъ, мы дождались знаменій—и поняли и уразумѣли ихъ. Вамъ странны покажутся эти строки, ни съ того, ни съ сего присланныя къ вамъ, но я въ экстазѣ, въ сумасшествіи, а Жоржъ-Зандъ называетъ сумасшествіемъ именно тѣ минуты благоразумія, когда человѣкъ никого не поразитъ и не оскорбитъ странностью—это она говоритъ о Мельхіорѣ. Какъ часто мы бываемъ благоразумными Мельхіорами, и благо намъ въ рѣдкія минуты нашего безумія. О многомъ хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ, но языкъ костенѣетъ. Я люблю васъ, Панаевъ, люблю горячо—я знаю это по минутамъ неукротимой ненависти къ вамъ. Кто далъ мнѣ право на это—не знаю; не знаю даже, дано ли это право. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, думая, что все придетъ само собою, даромъ, безъ борьбы, и потому не боретесь, истребляя плевелы изъ души своей, вырывая ихъ съ кровью. Это еще не заслуга, Панаевъ, встать въ одно прекрасное утро человѣкомъ истиннымъ и увидѣть, что безъ натяжекъ и фразерства можно быть такимъ. Даровое не прочно, да и невозможно, оно обманчиво. Надо положить на себя эпитимью и постъ, и вериги, надо говорить себѣ: этого мнѣ хочется, но это не хорошо, такъ не быть же этому. Пусть васъ тянетъ къ этому, а вы все-таки не идите къ нему; пусть будете вы въ апатіи и тоскѣ—все лучше, чѣмъ въ удовлетвореніи своей суетности и пустоты.

Но я чувствую, что я не шутя безумствую. Можетъ быть, приду къ вамъ обѣдать, а не говорить: говорить надо, когда за-

говорится само собою, а не назначать часы для этого. Спѣшу къ вамъ послать это маранье, пока охолодѣвшее чувство не заставитъ его изорвать...

Къ В. П. Боткину. 9—10 декабря, 1842.

СПБ. 1842, декабря 9.

Обо многомъ надо мнѣ писать тебѣ, Боткинъ. Во 1-хъ, спасибо за твое письмо. Я опять въ такомъ положеніи, когда письмо отъ пріятеля—праздникъ на день и на два. Да и письмо твое интересно. Смерть Кольцова тебя поразила. Что дѣлать? На меня такія вещи иначе дѣйствуютъ: я похожъ на солдата въ разгарѣ битвы—палъ другъ и братъ—ничего—съ Богомъ—дѣло обыкновенное. Оттого-то, вѣрно, потеря сильнѣе дѣйствуетъ на меня тогда, какъ я привыкну къ ней, нежели въ первую минуту. Объ отцѣ Кольцова думать нечего: такой случай могъ бы вооружить перо энергическимъ, громоноснымъ негодованіемъ гдѣ-нибудь, а не у насъ. Да и чѣмъ виноватъ этотъ отецъ, что онъ—мужикъ? И что онъ сдѣлалъ особеннаго? Воля твоя, а не могу питать враждебности противъ волка, медвѣдя или бѣшеной собаки, хотя бы кто изъ нихъ растерзалъ чудо генія или чудо красоты, такъ же, какъ не могу питать враждебности къ паровозу, раздавившему на пути своемъ человѣка. Поэтому-то Христосъ, видно, и молился за палачей своихъ, говоря: не вѣдятъ бо, что творятъ Я не могу молиться ни за волковъ, ни за медвѣдей, ни за бѣшеныхъ собакъ, ни за русскихъ купцовъ и мужиковъ, ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но и не могу питать къ тому или другому изъ нихъ личной ненависти. И что напишешь объ отцѣ Кольцова и какъ напишешь? Во 1-хъ, и написать нельзя, во 2-хъ, и напиши—онъ вѣдь не прочтетъ, а если и прочтетъ—не поймётъ, а если и поймётъ—не убѣдится. Издать сочиненія Кольцова—другое дѣло; но какъ издать, на что издать, и пр. и пр. Совокупность всѣхъ такихъ вопросовъ парализуетъ мой духъ и производитъ во мнѣ апатію. Эта апатія, я начинаю догадываться, есть особенный родъ отчаянія: когда пожаръ застигнетъ на постели человѣка, и онъ увидитъ, что выхода нѣтъ,—онъ садится, складываетъ руки и чуждъ въ эту минуту страха, отчаянія, опасенія, надежды и всего.

Краевскій получилъ еще стихи на смерть Кольцова, но увѣдомленія никакого—когда, какъ и пр. Все еще какъ-то ждется чуда—не воскреснетъ ли, не ошибка ли? Страдалецъ былъ этотъ человѣкъ—я теперь только понялъ его. Мнѣ смѣшно, горько смѣшно вспомнить, какъ перезывалъ я его въ Питеръ, какъ спорилъ противъ его возраженій. Кольцовъ зналъ дѣйствительность. Торговля въ его глазахъ была синонимъ мошенничества и подлости. Онъ говорилъ, что хорошо быть такимъ купцомъ, какъ ты, но не такимъ, какъ tuus pater. Одна мысль о начатіи новаго поприща униженія, пролазничества, плутней приводила его въ ужасъ—она-то и усахарила его. У Иванова (иногороднаго) дѣла идутъ отлично, но потому, что онъ—Ивановъ, честный и добрый малый, но Ивановъ, а не Кольцовъ. Я понимаю, почему на святой Руси для денегъ рѣдкій, кто не продастъ жены, дѣтей, совѣсти, чести, будущаго спасенія души, счастія и покоя ближняго и пр. Чичиковъ, дѣйствительно, Ахиллъ русской «Иліады». Никто изъ насъ, въ бѣдѣ, не постыдится пойти въ сидѣльцы въ лавку; но каждый предпочтетъ служить чиновникомъ за 300 руб. годового окладу. Къ чорту всѣ фразы—смотри въ оба, видь, что̀ есть и какъ есть, и—околѣвай, какъ собака, молча: кричать хорошо, когда стонъ и вопль облегчатъ боль—иначе это и глупость, и слабость. Я не думаю, чтобы я когда-нибудь рѣшился жениться на деньгахъ; но, кто это сдѣлаетъ, того не осужу и не презрю. Не отъ всякаго можно требовать, чтобы онъ умиралъ медленною смертью униженія, позора, голода, безнадежности: Діогенъ, увидя мальчика, пьющаго воду изъ рѣки рукою, бросилъ свой стаканъ, какъ ненужную вещь; намъ нельзя этого дѣлать: нашъ законъ—или хрустальный граненый стаканъ, или смерть, или подлость... Что ни говори, а оно такъ.

Спасибо тебѣ за вѣсти о славянофилахъ и за стихи на Дмитріева—не могу сказать, какъ то и другое порадовало меня. Если не ошибаюсь въ себѣ и въ своемъ чувствѣ,—ненависть этихъ господъ радуетъ меня—я смакую ее, какъ боги амброзію, какъ Боткинъ (мой другъ) всякую сладкую дрянь, я былъ бы радъ ихъ мщенію, и чѣмъ бы оно было дѣйствительнѣе, тѣмъ для меня отраднѣе. Я буду постоянно бѣсить ихъ, выводить изъ терпѣнія, дразнить. Бой мелочной, но все же бой, война съ лягушками, но все же не миръ съ баранами.

Какъ показался тебѣ 12 № «Отечественныхъ Записокъ»? «Мельхіоръ» — божественное произведеніе. Жоржъ Зандъ постигла

таинство любви получше всѣхъ нѣмцевъ, и въ штанахъ, и въ юбкахъ. Ея любовь—не чувственная, хотя и изящная любовь италіанца, не восторженная, безконечная въ чувствѣ и пустая въ содержаніи, романтическая любовь нѣмца, не безсознательно-непосредственная, хотя и глубокая любовь англичанина; ея любовь—дѣйствительность и полнота всякой любви. «Мельхіоръ» потрясъ меня, какъ откровеніе, какъ блескъ молніи, озарившей безконечное пространство,—и я пролилъ слезы божественнаго восторга, священнаго безумія. Бога ради, прочти въ 12 № «Библіотеки для Чтенія» драму «Густавъ Адольфъ»—эта вещь возбудила во мнѣ экстазъ, и ты поймешь, что̀ мнѣ понравилось. Я начинаю вырабатываться—ложная поэзія меня уже не надуетъ, чувствую, что созерцаніе мое возвысилось до общаго, до идеи. Отъ чего не хлынутъ у меня слезы изступленія—о томъ я не могу сказать болѣе, какъ недурно. Что̀ восторгаетъ мой духъ, того я не могу хвалить, но тѣмъ я живу утроенною жизнію, и наслаждаюсь блаженнымъ ясновидѣніемъ. Кстати: ты срѣзался на «Consuelo»—это великое, божественное произведеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть страницу, отъ строки: «Tout-à-coup il sembla a Consuelo que le violon d'Albert parlait et qu'il disait par la bouche de satan» и пр.

Какъ понравилась тебѣ моя статья о Баратынскомъ? Она скомкана, свалена, а, кажется, чуть ли не изъ лучшихъ моихъ мараній.

Я сейчасъ изъ театра. «Женитьба» пала и ошикана. Играна была гнусно и подло, Сосницкій не зналъ даже роли. Превосходно играли Сосницкая (невѣсту), и очень, очень былъ недуренъ Мартыновъ (Подколесинъ); остальное все—верхъ гнусности. Теперь враги Гоголя пируютъ. Въ театрѣ Струговщиковъ познакомилъ меня съ Брюлловымъ, который сказалъ мнѣ, что давно меня знаетъ, давно желалъ познакомиться, сказалъ это съ простотою и радушьемъ; а я, какъ дуракъ, молчалъ, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ свиныхъ рылъ. Горбуновъ, подъ руководствомъ самого Моллера, копируетъ его «Дѣвушку съ кольцомъ» и надѣется сбыть копію рублей за 500.

«Игроки» Гоголя запрещены театральною цензурою, т. е. дуракомъ-мальчишкою Гедеоновымъ, слѣдовательно, запрещены произвольно, безъ всякаго основанія. Что до прочихъ пьесъ Гоголя—онѣ всѣ принадлежатъ М. С. Щепкину. Гоголь объ этомъ пишетъ къ Прокоповичу,—и вотъ собственныя слова его, которыя выписываю съ дипломатическою точностію: «Всѣ драмати-

ческія сцены, составляющія четвертую часть, принадлежатъ всѣ Щепкину. Это нужно разгласить и распространить, чтобы меня не безпокоили и не тревожили другіе актеры какими-нибудь письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтобы сдѣлано было все, что онъ проситъ. Половина драматическихъ отрывковъ должна остаться ему для будущаго бенефиса въ будущемъ году, потому что я для театра ничего не произведу никогда». Пожалуйста, передай это Михаилу Семеновичу.

Насчетъ хлопотъ Погодина насчетъ оживленія . . . . его «Москвитянина», можно сказать одно: хватился монахъ, какъ ужъ смерть въ головахъ.

Ко мнѣ ходитъ одна горничная—не хороша, да и не дурна, но опрятна—отъ нея не воняетъ, не глупа, славно затягивается Жуковымъ. Разъ, какъ у меня былъ Масловъ, она разливала намъ чай. Свелъ меня съ ней нечаянно случай,—я было закипѣлъ, бросился; но, послѣ второго свиданія, боюсь и трепещу третьяго. До нея, я проклиналъ потаскушекъ Невскаго Проспекта, а послѣ нея—благословляю ихъ. Нѣтъ, ужъ коли связь, такъ что-нибудь получше, а изъ дряни нечего терпѣть и малѣйшаго призрака посягательства на свободу.

Въ театрѣ я сижу у бенуара—глядь въ ложѣ—Женя Фалькопъ и m-lle Anna. Во мнѣ и духъ замеръ. Фалькопъ понимаетъ по-русски. «Женитьба» ихъ занимала, какъ насъ занимаютъ письма Де-Мина о Китаѣ, и онѣ выражали свое удивленіе съ французскою живостію. Эхъ, чортъ возьми... молчаніе, молчаніе!.. Вообрази себѣ, Фалькопъ на содержаніи у Яковлева,—Краевскій показалъ мнѣ его тутъ же—рожа хуже . . . . Но, Богъ съ нею, съ этою Фалькопъ—вотъ Анна, какъ я вблизи-то поразсмотрѣлъ—эхъ, но молчаніе, молчаніе...

Жить становится все тяжелѣе и тяжелѣе—не скажу, чтобы я боялся умереть съ тоски, а не шутя боюсь или сойти съ ума, или шататься, ничего не дѣлая, подобно тѣни, по знакомымъ. Стѣны моей квартиры мнѣ ненавистны; возвращаясь въ нихъ, иду съ отчаяніемъ и отвращеніемъ въ душѣ, словно узникъ въ тюрьму, изъ которой ему позволено было выйти погулять. Это ты отъ меня уже слышалъ, но сколько бы я ни повторялъ тебѣ этого, никогда не буду въ силахъ выразить всей дѣйствительности этого страшнаго могильнаго ощущенія. Былъ грѣшокъ—любилъ я въ старину преувеличить иное ради поэзіи содержанія

и выраженія; но теперь—Богъ съ нею, со всякою поэзіею—немножко спокойствія, немножко веселости я предпочелъ бы чести сильно страдать. Теперь настала пора, когда не до поэзіи, когда страшно увѣряться въ прозаической дѣйствительности собственнаго страданія, а увѣряешься противъ воли. Ты знаешь, что я не люблю ни съ кѣмъ жить вмѣстѣ и, какъ медвѣдь, люблю одиночество своей берлоги: повѣришь ли, дошло до того, что стало необходимостію раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свою квартиру. Но съ кѣмъ? Кромѣ тебя, я могъ бы жить съ Кольцовымъ, да гдѣ его взять! Радехонекъ былъ бы я теперь пріѣзду моего добраго и сумасшедшаго Поля и почелъ бы себя счастливымъ, поселивъ его въ моей залѣ. Съ тоскою вспоминаю время, которое ты у меня жилъ. Бывало, возвращаемся вдвоемъ, поболтаемъ прежде, чѣмъ заснемъ. Ворочусь одинъ—ничего—вотъ звонокъ зазвенитъ. Мнѣ было пріятно, когда ты даже будилъ меня. А ужъ не могу и выразить тебѣ не удовольствія, а просто счастія, когда, возвращаясь одинъ, я видѣлъ со двора привѣтный свѣтъ въ моихъ окнахъ и заставалъ тебя священнодѣйствующимъ за таинствомъ чаепитія или какого-нибудь смакованія. Теперь мнѣ мало сосѣдства,—я желалъ бы жить съ тобою, какъ мы жили въ послѣдній твой пріѣздъ. Чортъ меня возьми, я фразерствовать не люблю, по крайней мѣрѣ теперь, и почту за подлость увѣрять тебя въ томъ, чего или нѣтъ совсѣмъ, или меньше, нежели сколько объявляется. И потому—прими это, какъ хочешь—а я скажу тебѣ, что со дня на день болѣе и болѣе чувствую, что сближаюсь съ тобою, что ты одинъ—мое все на землѣ, и что безъ тебя я былъ бы дрянь дрянью. Можетъ быть (да и вѣрно такъ, а не иначе), это отъ того, что приходитъ плохо, и другихъ источниковъ счастія нѣтъ; но что за нужда, отчего бы ни было, а оно такъ. Бога ради, пиши чаще и больше — твое письмо праздникъ для меня. Ты счастливѣе меня — съ тобою Герценъ, которому крѣпко, крѣпко жму руку; а я одинъ, ей Богу, одинъ.

Поѣздка моя въ Москву едва ли сбудется; по крайней мѣрѣ, отложится до февраля, если не свершится чуда, котораго, впрочемъ, не откуда ожидать. А между тѣмъ, я чувствую, что эта поѣздка воскресила бы и оживила бы меня, и физически и нравственно, по крайней мѣрѣ, до весны. Вообрази себѣ: каждое утро выливаю на себя ведро воды, самой холодной—пытка такая, что страшно спать ложиться при мысли объ утрѣ. Но, ка-

жется, это здорово — по крайней мѣ, поутру свѣжъ, простуды не боюсь, а при испражненіи кровь такъ и льется.

Г. М. далъ мнѣ хорошій урокъ—онъ гаже и плюгавѣе, чѣмъ о немъ думаетъ К—Левіаѳанъ. Если увидимся, не говори со мной о немъ—мое самолюбіе жестоко страждетъ при мысли, что я способенъ такъ глупо ошибаться въ людяхъ.

Декабря 10.

Хотѣлось бы еще поболтать съ тобою, да не о чемъ, а потому—кланяйся Герцену, Шепелявому, Левіаѳану, М. С. Щепкину, Кудрявцеву, Кольчугину и всѣмъ, кто помнитъ меня, и прощай.

В. Б.

Къ В. П. Боткину. 6 февраля, 1843.

Спб. 1843, февраля 6.

Я много, много виноватъ передъ тобою, милый мой Боткинъ. Причина этому—страшное, сухое отчаяніе, парализовавшее во мнѣ всякую дѣятельность, кромѣ журнальной, всякое чувство, кромѣ чувства невыносимой пытки. Причинъ этой причины много; но главная—невозможность ѣхать въ Прямухино. Мысль объ этой невозможности, равно какъ и о самомъ Прямухинѣ, я всячески отгонялъ, словно преступникъ о своемъ преступленіи, и она, въ самомъ дѣлѣ, не преслѣдовала меня безпрестанно, но, когда я забывался, вдругъ прожигала меня насквозь, какъ струя молніи, какъ мученіе совѣсти. Подобнымъ же образомъ, хотя, къ стыду моему, и не такъ сильно, терзало и терзаетъ еще меня внезапное воспоминаніе о смерти Кольцова. Вѣсть о ней я принялъ сухо и холодно, но потомъ она обошлась мнѣ таки очень не дешево. Работа журнальная мнѣ опостылѣла до болѣзненности, и я со страхомъ и ужасомъ начинаю сознавать, что меня не надолго хватитъ. Писать ничего и ни о чемъ со дня на день становится невозможнѣе и невозможнѣе. Объ искусствѣ ври, что хочешь, а о дѣлѣ, т. е., о нравахъ и нравственности—хоть и не трать труда и времени. Изъ статьи моей въ № 1 «Отечественныхъ Записокъ» вырѣзанъ цѣлый листъ печатный—все лучшее, а я этою статьею очень дорожилъ, ибо она проста, и по идеѣ и по изложенію. Изъ статьи о Державинѣ (№ 2) не вычеркнуто ни одного слова, а я совсѣмъ не дорожилъ ею. Теперь

долженъ приниматься за 2-ю статью о Державинѣ, подъ вліяніемъ вдохновительной и поощрительной мысли, что ее всю изрѣжутъ и исковеркаютъ. Все это и другія причины огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткою. А между тѣмъ, я долженъ врать, ради хлѣба насущнаго. Запущу работу, потеряю время,—глядь ужъ и 15 число на дворѣ—Краевскій рычитъ, у меня въ головѣ ни пол-мысли, не знаю, какъ начну, что скажу, беру перо—и пошла писать. Это привычка и необходимость—два великіе рычага дѣятельности человѣческой. Будь я женатъ, и если бы я изъ другой комнаты слышалъ вопли ея мукъ рожденія, а статья была бы нужна — она будетъ готова—какъ, я самъ не знаю, но будетъ готова. И вотъ я въ дней 10 пишу горы—книжка, благодаря мнѣ, отпечатывается наскоро, Краевскій ругается, типографія негодуетъ; отработался, и два-три дня у меня болитъ рука—видъ бумаги и пера наводитъ на меня тоску и апатію; дую себѣ въ преферансъ (подлый и филистерскій вистъ я уже презираю—это прогрессъ), ставлю ремизы страшные, ибо и игру знаю плохо, и горячусь, какъ сумасшедшій—на мѣлокъ я долженъ рублей около 300, а переплатилъ мѣсяца въ два (какъ началъ играть въ преферансъ) рублей 150—благородная, братецъ, игра преферансъ! Я готовъ играть утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть. Страсть моя къ преферансу ужасаетъ всѣхъ; но страсти нѣтъ: ты поймешь, что̀ есть. Дома быть не могу; каждый вечеръ возвращаюсь домой то въ 3, то въ 4 часа ночи и сплю до 10, 11 и 12, иногда съ хвостикомъ. Тоска есть, желаній нѣтъ, и только мечта о Прямухинѣ изрѣдка умиляетъ душу, на мгновеніе растопляя толстую кору льда, которая ее покрываетъ. Надеждъ на жизнь никакихъ, ибо фантазія уже не тѣшитъ, а дѣйствительность глубоко понята. Какъ тутъ — будь безпристрастенъ—прочесть что-нибудь для себя? А, Боже мой, сколько бы надо прочесть-то! Но полно тѣшить себя завтраками—я ничего не прочту. Я—Прометей въ каррикатурѣ: «Отечественныя Записки»—моя скала, Краевскій—мой коршунъ. Мозгъ мой сохнетъ, способности тупѣютъ, и только—

Печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй.

Мнѣ стыдно вспомнить, что нѣкогда я думалъ видѣть на головѣ моей терновый вѣнокъ страданія, тогда какъ на ней былъ

просто шутовской колпакъ съ бубенчиками. Какое страданіе, если стишонки Красова и—Ѳ—были фактомъ жизни и занимали меня, какъ вопросы о жизни и смерти? Теперь иное: я не читаю стиховъ (и только перечитываю Лермонтова, все болѣе и болѣе погружаясь въ бездонный океанъ его поэзіи), и когда случится пробѣжать стихи Фета или Огарева, я говорю: «оно хорошо, но какъ же не стыдно тратить времени и чернилъ на такіе вздоры?»

Къ довершенію всѣхъ этихъ пріятностей, у меня лежитъ на столѣ прекрасное стихотвореніе г. Оже, котораго послѣдняя рюма есть 830 рублей ассигн.; да другихъ долговъ и должишекъ, не терпящихъ отсрочки, есть сотъ до семи; а у Краевскаго я уже забралъ впередъ за этотъ годъ болѣе 1000 руб. Это просто—оргія отчаянія, и я иногда смѣюсь надъ своимъ положеніемъ. Кстати: подписка идетъ недурно—лучше, чѣмъ въ прошлый годъ, но у «Библіотеки для Чтенія» все-таки больше подписчиковъ. Пиши для россійской публики! Гоголя сочиненія идутъ тихо: честь и слава бараньему стаду, для котораго и Булгаринъ съ братіею все еще высокіе геніи!

Многое бы хотѣлось сказать тебѣ—да что!—ты и такъ знаешь все. Спасибо тебѣ за нѣсколько словъ задушевныхъ. Не хочу, безъ толку, плодить этой матеріи, чтобы не опошлить ее. Скажу одно: прежде я больше всего боялся своей смерти—къ стыду моему, боюсь ея и теперь; но гораздо больше боюсь твоей, ибо бо̀льшаго бѣдствія для себя представить не могу—кровь холодѣетъ при одной мысли. Это чувство для меня новое; оно мнѣ и страшно, и дорого.

Пріѣзжай, Боткинъ, въ Питеръ. Намъ въ жизни осталось одно—наша святая дружба—воспользуемся же этимъ однимъ, чтобъ нѣкогда не упрекнуть себя, что судьба не во всемъ отказала, а мы ничѣмъ не воспользовались. Теперь твоя поѣздка будетъ уже не шалость, не дурачество, а долгъ: вмѣстѣ намъ легче будетъ нести жизнь. Письмо Бакунина посылаю. Оно таково, какъ должно было ожидать. Говорятъ, онъ принужденъ былъ изъ Дрездена переѣхать въ Базель—это глубоко меня огорчило. Послѣ тебя, я этого человѣка люблю больше всѣхъ—любовь моя къ нему не страсть, а паѳосъ, ибо—любовь къ человѣческому достоинству и ко всему, чѣмъ велика и свята жизнь.

Меня мучитъ мысль, что ты оттого не ѣдешь, что меня ждешь. Я чувствовалъ, что долженъ былъ увѣдомить тебя, что ѣхать

рѣшительно не могу; но видъ пера погружалъ меня въ летаргію.

Скажи Герцену, что его «Дилетантизмъ въ Наукѣ»—статья до нельзя прекрасная—я ею упивался и безпрестанно повторялъ: вотъ, какъ надо писать для журнала. Это не порывъ и не преувеличеніе—я уже не увлекаюсь и умѣю давать вѣсъ моимъ хвалебнымъ словамъ. Повторяю: статья его чертовски хороша; но письмо его ко мнѣ меня опечалило—отъ него попахиваетъ умѣренностью и благоразуміемъ житейскимъ, т.-е. началомъ паденія и гніенія (я требую отъ тебя, чтобы ты далъ ему въ руки это мое письмо). Онъ толкуетъ, что г. Хомяковъ — удивительный человѣкъ, что онъ, правда, лежитъ по уши въ грязи, но—видишь ты—и страдаетъ отъ этого. А въ чемъ выражается это страданіе? въ болтовнѣ, въ семинарскихъ диспутахъ pro и contra. Я знаю, что Хомяковъ — человѣкъ не глупый, много читалъ и, вообще, образованъ; но мнѣ было бы гадко его слышать, и онъ не надулъ бы меня своею діалектикою, а заставилъ бы вспомнить эти стихи Барбье, взятые Лермонтовымъ эпиграфомъ къ своему стихотворенію «Не вѣрь себѣ».

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Ces marchands de pathos et les faiseurs d'emphase,
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

Хомяковъ—это изящный, образованный, умный И. А. Хлестаковъ, человѣкъ безъ убѣжденія—человѣкъ безъ царя въ головѣ; если онъ къ тому еще проповѣдуетъ, онъ—шутъ, паяцъ, кощунствующій надъ священнодѣйствіемъ религіознаго обряда. Плюю въ лицо всѣмъ Хомяковымъ, и будь проклятъ, кто осудитъ меня за это!

Твоя статья о «Нѣмецкой Литературѣ» въ 1 № мнѣ чрезвычайно понравилась—умно, дѣльно и ловко. Во 2-мъ—тоже хороша, но брось ты эту колбасу Ретшера—пусть ему чортъ приснится. Это, братъ, пѣшка: его умъ—пріобрѣтенный изъ книгъ. Вагнеровская натуришка такъ и пробивается сквозь его натянутую ученость. На Руси онъ былъ бы Шевыревымъ.

Кстати: ты пишешь, что въ тебѣ развивается антипатія къ нѣмцамъ: не могу говорить объ этомъ, ибо это отвращеніе во мнѣ дошло до болѣзненности; но крѣпко, крѣпко жму тебѣ руку за это истинно человѣческое и благородное чувство.

Каткова ты видѣлъ. Я тоже видѣлъ. Знатный субъектъ для психологическихъ наблюденій! Это Хлестаковъ въ нѣмецкомъ вкусѣ. Я теперь понялъ, отчего во время самаго разгара моей мнимой къ нему дружбы меня дико поражали его зеленые стеклянные глаза. Ты нѣкогда, недостойнымъ участіемъ къ нему, жестоко погрѣшилъ противъ истины; но — честь и слава тебѣ — ты же хорошо и поправился: ты постигъ его натуру — попалъ ему въ самое сердце. Этотъ человѣкъ не измѣнился, а только сталъ самимъ собою. Теперь это—куча философскаго г . . . . : бойся наступить на нее — и замараетъ, и завоняетъ. Мы всѣ славно повели себя съ нимъ—онъ, было, вошелъ на ходуляхъ; но наша, полная презрѣнія холодность заставила его сойти съ нихъ.

Изъ Прямухина пишутъ ко мнѣ, зовутъ, удивляются, что я и не ѣду, и молчу, говорятъ, что ждутъ — о, Боже мой! Эти строки — зачѣмъ хоть онѣ не выжмутъ слезы изъ сдавленной сухимъ отчаяніемъ груди? Нѣтъ силъ отвѣчать. А, можетъ, оно и лучше, что мнѣ не удалось съѣздить: я, кажется, расположенъ къ сумасшествію, а теперешнее сумасшествіе было бы не то, что прежнее.

Странное дѣло: бываютъ минуты, когда смертельно жаждетъ душа звуковъ, и раздается въ ушахъ оперное пѣніе. Такія минуты во мнѣ и не слишкомъ рѣдки, и слишкомъ сильны.

Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданіями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно:
И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

Смѣшно сказать, а вѣдь пойду на «Роберта» или «Стрѣлка», какъ только дадутъ; но на горе мое даютъ все балетъ «Жизель» да «Руслана», о которомъ Одоевскій натрёсъ дичи въ смѣси 2 N «Отечественныхъ Записокъ».

Разъ играли мы въ преферансъ — я, Тютчевъ, Кульчицкій и Кавелинъ. Юноша распѣлся — голосъ у него недуренъ, а главное, въ его пѣніи — страсть и душа. Сначала онъ оралъ все славянскія, а я ругалъ ихъ; потомъ онъ началъ пѣсни Шиллера, а тамъ изъ «Роберта» и «Фрейшица». Смѣйся надъ моими ушами; но я въ этотъ вечеръ пережилъ годы. Не могу слышать пѣнія—оно одно освѣжаетъ душу мою благодатною росою слезъ.

Пишешь ты, что холодная вода перестанетъ дѣйствовать на мои нервы. Ну, братъ, наѣлся же ты грязи. Послѣ этого можно привыкнуть къ голоду и отстать отъ пищи. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я пытаю себя, а все иду на обливанье, какъ на казнь.

Языковъ женится,—и счастливъ, подлецъ, ходитъ съ глазами, подернутыми свѣтлою влагою слезъ блаженства. Дай ему Богъ—онъ стоитъ счастія. И если бы я могъ чему-нибудь радоваться, я бы непремѣнно порадовался его счастію.

Прощай. Пиши ко мнѣ. Что твой третейскій судъ? Повѣришь ли: каждый разъ, возвращаясь домой, мечтаю обрѣсти тебя (о, видъ, угодный небесамъ!) за самоваромъ, который теперь существуетъ у меня безъ употребленія.

Твой В. Б.

Пріѣзжай.

P. S. Письмо твое къ Панаеву—малина; только есть о чемъ поспорить съ тобою насчетъ одного пункта.

Кланяйся всѣмъ нашимъ. Крѣпко пожми руку Герцену и скажи ему, что я, хоть и побранился съ нимъ, но люблю его тѣмъ не менѣе. Въ письмѣ его ко мнѣ есть нѣсколько строкъ, писанныхъ рукою Наталіи Александровны—за нихъ я не умѣю и благодарить, еще менѣе умѣю выразить, какъ много онѣ утѣшили меня. Нѣмцу Грановскому поклонъ и привѣтъ. Онъ человѣкъ хорошій, хотя и шепелявый; но одно въ немъ худо—модерація. Нелѣпому скажи, что онъ пренелѣпо издаетъ Шекспира: къ частямъ не прилагаетъ оглавленія, въ заглавіи пьесъ не выставляетъ числа актовъ, а орѳографія у него—чухонская. Но несмотря на то, его переводъ—дѣльное дѣло, такъ же, какъ и онъ самъ хорошій человѣкъ, несмотря на всю свою нелѣпость. Милѣйшему и дражайшему М. С. Щепкину тысяча привѣтствій,—люблю его до страсти, и, еслибъ вдругъ увидѣлъ въ Питерѣ—кажется, сомлѣлъ бы отъ радости. Въ послѣднее время я что-то часто вижу его во снѣ. Кланяйся Дмитрію Щепкину и увѣдомь, гдѣ онъ располагаетъ жить, послѣ своего магистерства. Если Красовъ въ Москвѣ, жму ему руку. Лангеру, Кольчугину, Клыкову и всѣмъ нашимъ общимъ знакомымъ и пріятелямъ привѣтъ. Статья Галахова во 2 № «Отечественныхъ Записокъ»—прелесть, чудо, объяденіе.

Къ Н. А. Бакунину. 23 февраля. 1843.

Спб. 1843, февраля 23 дня.

Любезнѣйшій Николай Александровичъ, давно уже вышло изъ моды становиться на колѣна и передъ дамами, даже въ самыхъ казусныхъ обстоятельствахъ жизни, слѣдовательно, передъ мужчинами это и глупо, и унизительно, а тѣмъ болѣе передъ такимъ глуздыремъ и усатымъ (хотя и женатымъ) тараканомъ, какъ вы, но я такъ виноватъ (даже и передъ вами), что—дѣлать нечего—становлюсь передъ вами на колѣна и прошу васъ вымолить мнѣ прощеніе у кого слѣдуетъ. Но зачѣмъ и къ чему это — не лучше ли прямо обратиться въ высшую инстанцію, помимо мелочныхъ печатеприкладчиковъ? Что робѣть? Между нами такое разстояніе, а я издали и на письмѣ всегда смѣлъ и храбръ, притомъ же вы, Татьяна Александровна, и вы, Александра Александровна, такъ добры, какъ я виноватъ передъ вами. Я даже увѣренъ, что вы не только простите меня, но даже пожалѣете обо мнѣ, когда выслушаете мое оправданіе. Нѣтъ, вы не можете думать, чтобы я могъ не хотѣть говорить съ вами и не отвѣчать вамъ по равнодушію и лѣности: упрекъ въ подобномъ нехотѣніи я принимаю, Татьяна Александровна, за выраженіе вашего участія и расположенія ко мнѣ. Выслушайте меня. Мысль о поѣздкѣ въ Прямухино представлялась мнѣ, какъ награда, не за добродѣтели мои, которыми не могу похвалиться, а за мои нестерпимыя страданія, за скуку, апатію, заботы, тяжелый трудъ, лишенія и горе цѣлаго года. Желаніе ѣхать во мнѣ было такъ сильно, такъ порывисто, что я не смѣлъ разсчесть вѣроятностей на поѣздку, боясь убѣдиться въ невозможности,—и когда затаенное и сдерживаемое сознаніе этой невозможности начало уже душить и рвать меня,—я все тѣшилъ себя какою-то пьяною и безумною надеждою. Наконецъ, я убѣдился, что нечего и думать — надо отложить на неопредѣленное время. Тогда овладѣло мною такое холодное, сухое отчаяніе, что я отгонялъ отъ себя, душилъ въ себѣ всякую мысль о Прямухинѣ. И я бы солгалъ и передъ вами, и передъ самимъ собою, если бы сказалъ вамъ, что эта мысль, противъ воли, не выходила изъ головы моей: нѣтъ, я забылъ васъ, по крайней мѣрѣ, забылъ сознательно, — но зато, если что-нибудь живо напоминало мнѣ Прямухино, и ваши образы,

ваши голоса, ваша музыка и пѣніе, овладѣвали всѣмъ существомъ моимъ, — тогда жгучая тоска, какъ раскаленное желѣзо, какъ угрызеніе совѣсти за преступленіе, проникали грудь мою, и, махнувъ рукою, я хватался за все, что только могло снова привести меня въ мое мертвенно-спокойное состояніе. Странное дѣло, мысль о невозможности поѣздки одинаково терзала меня, какъ и мысль о смерти Кольцова: та и другая являлась рѣдко, та и другая острымъ пламенемъ прожигала душу и производила во мнѣ чувство, похожее на угрызеніе совѣсти, хотя я ни въ томъ, ни въ другомъ нисколько не былъ виноватъ. Вы повѣрите этому. Кромѣ того, что я васъ всѣхъ такъ люблю, что минуты, проведенныя мною годъ назадъ въ Прямухинѣ, были для меня какимъ-то блаженнымъ сномъ, — кромѣ всего этого, возьмите въ соображеніе мою петербургскую жизнь. Я недавно писалъ къ Мишелю (въ Берлинъ), что я представляю собою маленькаго Прометея въ каррикатурѣ: толстыя «Отечественныя Записки»— моя скала, къ которой я прикованъ, Краевскій—мой коршунъ, который терзаетъ мою грудь, какъ скоро она немного поживетъ. Занятіе пошлостію и мерзостію, извѣстною подъ именемъ русской литературы, критическіе (и притомъ пустые) толки о вздорахъ и пустякахъ, опротивѣли мнѣ до смерти. Прежде я работалъ много, и мнѣ не тяжела казалась моя работа, которой достало бы на пятерыхъ, — потому что я видѣлъ дѣло (и очень важное) въ этомъ занятіи и любилъ его. Теперь я вижу въ немъ вздоръ и глупость,—работаю съ отвращеніемъ и принужденіемъ, а между тѣмъ, долженъ работать такъ же много, какъ и прежде. Какъ нянька отъ ребенка, я не могу ни на 5 дней отлучиться отъ журнала, который даетъ мнѣ возможность существовать. Для себя я ничего не могу дѣлать, ничего не могу прочесть. Едва-едва удалось мнѣ прочесть по-французски «Horace» и «André»—обо всемъ остальномъ имѣю понятіе черезъ разсказы другихъ. И до чтенія ли мнѣ, если видъ книги для меня то же, что̀ для собаки палка? Вы не знаете, что̀ значатъ занятія книгою ex officio, и какъ всякое должностное занятіе опошливаетъ и омерзяетъ предметъ занятія. Притомъ же, какъ я отдѣлаюсь отъ работы, — у меня болитъ рука и не держитъ пера,—голова пуста, душа утомлена,—и тогда я играю въ преферансъ со страстью, съ опьяненіемъ, играю, разумѣется, несчастливо (ибо мнѣ ничто не удается — такъ на роду написано), ставлю ремизы (о, не дай вамъ Богъ узнать, что такое ремизъ—при большомъ количествѣ вещь нестерпимая—особенно

какъ безъ 4-хъ въ сюрахъ), проигрываюсь въ пухъ, и на мѣлокъ, и на чистыя деньги. Пока играю—мука страшная; но лишь отдалъ деньги, — какъ ни въ чемъ не бывалъ, и жалѣю только о томъ, что нельзя играть до утра, а потомъ отъ утра до вечера, и такъ до скончанія вѣка. Боже мой, я картежникъ! Вамъ, конечно, дико слышать это. Увы, я и самъ насилу привыкъ вѣрить этому. Когда вы меня видѣли, я былъ еще невиненъ, и черезъ нѣсколько недѣль удивилъ моею страстью всѣхъ знакомыхъ, которые всегда видѣли во мнѣ фанатическаго врага картъ. Семейнаго знакомства у меня мало,—однако-жъ я часто бываю въ обществѣ женщинъ, очень добрыхъ и очень милыхъ, но которыя только возбуждаютъ во мнѣ глубокую, тоскливую жажду женскаго общества. И послѣ всего этого-то не имѣть возможности отдохнуть душою на нѣсколько дней, забыть карты и всю грязь пошлой жизни! Повѣрьте,—тутъ есть, отъ чего въ отчаянье притти. Вотъ, почему я не имѣлъ силы отвѣчать на ваши письма: мнѣ надо было переболѣть душою, дать пройти горячечному кризису. Ваши письма—особенно предпослѣднее письмо — оно доставило мнѣ много минутъ счастія, но такого горькаго, такого мучительнаго! Я писалъ объ этомъ къ Боткину, недавно писалъ къ Мишелю, но къ вамъ писать не могъ, хотя мысль о томъ, какъ я глупо дѣлаю, что не пишу къ вамъ, и мучила меня. Я думаю, что я долго бы не писалъ еще къ вамъ, если бы не письмо ваше, полученное сегодня (22 февраля). Прихожу вечеромъ домой, и вижу письмо. Читаю адресъ, вскрываю — по обыкновенію, вижу два почерка—одинъ такой разборчивый, такой красивый, и принадлежащій не одной рукѣ; другой — каракули, но Державинъ сказалъ: «и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ»—вотъ почему милы мнѣ и каракули; но я читаю ихъ уже, когда выучу наизустъ строки, писанныя хорошимъ почеркомъ—извините, Николай Александровичъ.

Теперь отвѣчаю вамъ на предпослѣднее письмо. Прежде всѣхъ вамъ, Александра Александровна—вашими строками начинается оно. Вы правы: въ томъ-то и жизнь, что она безпрестанно нова, безпрестанно измѣняется: это и мой основной принципъ жизни, и я радъ, что онъ также и вашъ,—только тѣ и живутъ, которые такъ думаютъ. Старое—Богъ съ нимъ: оно хорошо и прекрасно только въ той мѣрѣ, въ какой было прямою или косвенною причиною новаго, а само по себѣ — прочь его. Вы пишете, что открыли въ себѣ новую способность — ненавидѣть до... то,

передъ чѣмъ прежде преклонялись — вотъ это, признаюсь, для меня загадка—ну, такъ вотъ и хочется, смертельно хочется посмотрѣть, какъ вы тамъ ненавидите. Прочтя эти строки, я началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, сдѣлавши серьезную мину, приложивъ ко лбу указательный перстъ и повторяя: какъ же это Александра Александровна ненавидитъ-то, вотъ посмотрѣлъ-то бы. Но шутки въ сторону. Я могу поздравить васъ съ этою новою способностію, какъ съ большимъ шагомъ впередъ. Конечно, это еще только процессъ развитія, а не результатъ его, но отъ этого процесса до результата уже недалеко. Когда человѣкъ двинется впередъ духовно, онъ сердится на свои прежнія убѣжденія; потомъ онъ начинаетъ вновь мириться съ ними, не возвращаясь къ нимъ, но видя въ нихъ путь, по которому онъ шелъ. А у каждаго свой путь, и дѣло въ томъ, лишь бы дойти до цѣли, а до того, *какъ* дошелъ, что нужды! Книги, о которыхъ вы меня спрашиваете, я получилъ. Вы прибавляете къ тому, что если онѣ и пропали, вы рады, ибо обѣщались мстить мнѣ: это хорошо, да только за что же? Впрочемъ, охотно принимаю вашъ вызовъ: не забудьте о 6.000,000, которые я выигралъ у васъ на китайскомъ бильярдѣ,—вѣдь росписку-то я храню,—и могу васъ упрятать въ тюрьму.

Очень жалѣю, что невозможность поѣздки лишила меня удовольствія увидѣться съ Наталіей Андреевной Беер, и прошу васъ передать ей мою благодарность за память обо мнѣ и добрыя строки, которыя много доставили мнѣ радости. Что же касается до любви Наталіи Андреевны къ прошедшему, то совершенно соглашаюсь (хотя это и невѣжливо съ моей стороны) съ мнѣніемъ Николая Александровича, что это чувство *нѣмецкое*, а я теперь такъ не люблю все нѣмецкое, что желалъ бы, чтобы всѣ, кого я люблю и уважаю, были чужды его.

Варвара Александровна, вы благодарите меня, что я «еще не совсѣмъ забылъ васъ», и говорите, что это очень васъ обрадовало; а я такъ ни благодаренъ за вашу благодарность, ни радъ вашей радости. За кого же вы меня принимаете? Что бы я былъ, съ позволенія сказать, за скотина такая (извините за плебейское выраженіе — такова ужъ натура моя), чтобы могъ забыть васъ! Я знаю, что я гораздо хуже, чѣмъ какимъ считаютъ меня расположенные ко мнѣ люди, но знаю (къ чему лицемѣрить?), что во мнѣ, дѣйствительно, есть и хорошія стороны,—и лучшая изъ нихъ, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ,—что многое, на

что толпа смотритъ съ безсмысленнымъ равнодушіемъ, было для меня откровеніемъ высокаго значенія жизни, и благоговѣйная память о томъ навсегда присуществлялась душѣ моей. Поѣздка въ нынѣшнемъ году имѣла для меня двойную противъ прежней цѣну, именно потому, что я могъ увидѣться съ вами и съ моимъ маленькимъ войяжеромъ, который, конечно, не могъ не измѣнить моей дружбѣ, но котораго дружбу я съумѣлъ бы вновь пріобрѣсти.

Кстати: въ строкахъ Наталіи Андреевны Беер, дѣйствительно, есть ошибки: надобно здравствуйте, а не сдравствуйте. Вообще, видно, что Александра Александровна во всей тонкости постигла мою грамматику,—что заставляетъ крайне гордиться ея автора, и даже утѣшиться въ томъ, что презрѣнная толпа не поняла ее, какъ все высокое и прекрасное, и заставила несчастнаго автора продать свое грамматическое дѣтище пудами, за простую бумагу, для оклейки комнатъ.

Въ вашихъ строкахъ, Татьяна Александровна, есть выраженіе, что намъ не должно раззнакомливаться, и что, будто, это очень легко: Богъ васъ проститъ за это выраженіе, а я ни за что на свѣтѣ не прощу. Впрочемъ, я самъ виноватъ, подавъ вамъ причину, моимъ молчаніемъ, считать меня за Богъ знаетъ кого. Итакъ, помиримся, и если вы согласны на миръ, то докажете это позволеніемъ подарить вамъ прекрасный альбомъ: «Les Femmes de Georges Sand» съ портретомъ Georges Sand. Въ Москвѣ Семенъ перепечаталъ картинки и выпустилъ въ свѣтъ съ преплохимъ переводомъ текста. Я пришлю вамъ, если позволите, парижское изданіе. Фигуры не всѣ удачны,—Женевьева вышла особенно дурна; лучше другихъ Полина, но Марта—лучше ничего нельзя вообразить. Вы спрашиваете, получилъ ли я отвѣтъ отъ Мишеля—получилъ, и именно такой, какого ожидалъ, въ какомъ былъ увѣренъ. О, будьте увѣрены, что это новое примиреніе не порывъ, не вспышка, что оно вышло изъ жизни, что я глубоко, свято люблю Мишеля, что мое уваженіе къ нему походитъ на восторгъ. Наши прошедшія ссоры — не глупыя дрязги, въ нихъ глубокій смыслъ, и потому я не стыжусь, а скорѣе горжусь ими. То была діалектика жизни, діалектика нашего развитія. Но объ этомъ послѣ, когда, Богъ дастъ, увидимся. Письмо Мишеля я переслалъ къ Боткину, который къ Мишелю теперь находится въ такихъ же точно отношеніяхъ, какъ и я, который тоже, вмѣстѣ со мною, писалъ къ Мишелю, и которому Мишель отвѣ-

чаетъ съ такою искренностію и задушевностію, какъ и мнѣ. Павелъ Александровичъ, вѣрно, читалъ это письмо. Изъ писемъ Боткина я знаю, что онъ къ нему ходитъ, и что они хороши. Досадно, что Павелъ Александровичъ, проѣзжая черезъ Питеръ, не зашелъ ко мнѣ. Ну, такъ, мы съ Мишелемъ были не въ ладу, все же это не причина не зайти ко мнѣ. Ну, да что было, того не воротишь, а лучше поговорю съ вами о другомъ, что для меня очень важно. Я смѣло обращаюсь къ вашему характеру, Татьяна Александровна, и безъ церемоній буду говорить о такомъ предметѣ, о которомъ, можетъ быть, было бы неловко начать объясненіе лично. Николай Александровичъ, въ прошлую поѣздку, опечалилъ меня своимъ мнѣніемъ о Боткинѣ. Хотя я тогда же не повѣрилъ ему, какъ человѣку, который ошибается, но все-таки я не могъ защититься отъ нѣкотораго внутренняго безпокойства. Разумѣется, я не могъ не сказать объ этомъ Боткину, и Николай Александровичъ увидитъ самъ, если поразмыслитъ объ этомъ спокойно, что я не имѣлъ права поступить иначе, при моихъ отношеніяхъ къ Боткину. Его это тронуло, какъ несправедливость со стороны людей, воспоминаніе о которыхъ ему всегда свято. Онъ показалъ мнѣ письма Мишеля и собственное свое письмо ко мнѣ, котораго онъ не кончилъ (почему я и не получилъ его), и въ которомъ онъ дѣлаетъ мнѣ родъ исповѣди. Эти числа фактически, числами (датами) доказываютъ, что Николай Александровичъ неправъ, неправъ и 1000 разъ неправъ. Боткинъ не хотѣлъ, чтобы я его оправдывалъ, но я чувствовалъ, что съ моей стороны было бы очень дурно послушаться его, и я отнялъ у него эти письма, чтобы на возвратномъ пути показать ихъ Николаю Александровичу (ибо я думалъ еще увидѣться съ вами), и они и теперь лежатъ у меня. Что было, то было, и того уже нѣтъ. Въ томъ, что было нехорошаго въ этомъ, никто не виноватъ, кромѣ судьбы. Боткина нельзя же винить въ томъ, что онъ былъ романтикомъ, мистикомъ, фантазеромъ, тогда какъ его глубокая натура назначала ему быть совсѣмъ не тѣмъ. Я не продолжаю далѣе, ибо увѣренъ, что вы меня поняли. Нѣтъ, Татьяна Александровна, я вѣрю, глубоко вѣрю, что теперь насталъ конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ и непріязненнымъ чувствамъ, и что Боткинъ долженъ быть для всѣхъ васъ тѣмъ, что онъ есть и чѣмъ онъ заслуживаетъ быть. Я понимаю, что онъ или совсѣмъ не увидится, или долго не увидится съ вами, но это не мѣшаетъ ему любить и уважать васъ всѣхъ: зачѣмъ же

вамъ питать противъ него какія бы то ни было предубѣжденія? Но нѣтъ, я знаю, что ихъ нѣтъ съ вашей стороны, Татьяна Александровна; но этотъ досадный Николай Александровичъ— разувѣрьте его и обратите къ лучшимъ и справедливѣйшимъ чувствамъ—и я буду считать себя глубоко обязаннымъ вами. Я здѣсь хлопочу болѣе о Николаѣ Александровичѣ, чѣмъ о Боткинѣ: я такъ люблю Николая Александровича, что мнѣ несносна мысль о его заблужденіи. Что же касается до Боткина, то, повѣрьте, онъ еще ничего не знаетъ о моемъ адвокатствѣ, и, вѣрно, будетъ бранить меня за него, хотя—я увѣренъ въ этомъ—внутренно-то будетъ доволенъ мною.

Теперь отвѣтъ на послѣднее письмо. Я согласенъ съ вами, Татьяна Александровна, что не стоилъ бы, чтобъ вы помнили о моемъ существованіи, если бы не отвѣтилъ на это письмо. Благодарю васъ за эти строки—онѣ такъ подѣйствовали на меня, что душа моя встрепенулась, и я вновь могу писать въ Прямухино, могу думать о немъ и быть счастливъ, думая о немъ. Вамъ то же долженъ я сказать, Александра Александровна. Скажу болѣе: сердитый тонъ вашихъ строкъ былъ бальзамомъ для моей растерзанной души. Что же касается до того, Александра Александровна, что Николай осмѣлился находить ваши строки странными и приписывать это зубной боли, то скажу вамъ, что онъ это написалъ изъ зависти къ вашему отличному слогу,—онъ, который пишетъ и каракульками, и безграмотно. Въ его злоумышленной противъ вашего стиля выходкѣ есть ужасная грамматическая ошибка: повѣрьте, вмѣсто повѣрьте.

Ну, теперь обращаю рѣчь мою къ вамъ, о, господинъ ехофицеръ и ех-глуздырь (если вы уже женаты). Вашъ дерзкій поступокъ,—жениться, забывъ уваженіе къ моей старости и не испросивъ у меня позволенія, достоинъ примѣрнаго наказанія. Что сдѣлалось съ моими пріятелями? Знаете ли, Николай Александровичъ, что вѣдь и Языковъ женится. Не хорошо, не хорошо (не вѣрьте—это голосъ лисы, которая говоритъ, что виноградъ зеленъ и киселъ)! Недавно познакомился я съ Тургеневымъ. Онъ былъ такъ добръ, что самъ изъявилъ желаніе на это знакомство. Насъ свелъ Зиновьевъ, котораго знаетъ Варвара Александровна. Кажется, Тургеневъ хорошій человѣкъ. А какой чудесный человѣкъ этотъ Зиновьевъ? Вотъ истинно крѣпкая, здоровая, дѣйствительная натура! Человѣкъ, вполнѣ достойный любви женщины, мужчина въ полномъ значеніи этого слова.

Право, совѣстно иногда увидѣть себя въ зеркало, когда говоришь съ нимъ. А вѣдь у каждаго человѣка внутри себя есть зеркало—мое довольно криво, и нравственная физіономія моя отражается въ немъ не красивѣе моей физической физіономіи. Не думайте, чтобы это было что-нибудь въ родѣ ефремовскаго самоуниженія, цѣль котораго заставить другихъ хвалить себя. Нѣтъ, я знаю себя хорошо, знаю хорошо, что я человѣкъ недюжинный, и что во мнѣ есть кое-что такого, что не въ каждомъ бываетъ. Моя главная сторона — сила чувства, и если бы моя воля хоть сколько-нибудь соотвѣтствовала чувству, я, право, былъ бы порядочный человѣкъ. А то — дрянь, совершенная дрянь. Характеришка слабый, воля безсильная,—вотъ, что сокрушаетъ. Я уже не прежній фантазеръ, и о любви, право, не мечтаю, и не думаю. Но тѣмъ хуже для меня: прежде я заставлялъ себя думать о любви и о женщинѣ, и все-таки, въ сущности, больше считалъ себя несчастнымъ отъ нея, чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ; а теперь потребность сочувствія вспыхиваетъ рѣдко, зато, право, одна минута стоитъ годовъ страданія. А между тѣмъ, разсудокъ-то видитъ ясно, что это напрасныя хлопоты: женщина любитъ въ мужчинѣ мужчину, а я составляю что-то среднее между тѣмъ и другимъ. Я знаю, что многія женщины, читая мои статьи, воображаютъ меня героемъ,—и это иногда смѣшитъ меня безъ всякой горечи. А между тѣмъ, тяжело, право тяжело. Съ горя, чтобы любить хоть что-нибудь, завелъ себѣ котенка и иногда развлекаю себя удовольствіемъ кроткихъ и невинныхъ душъ—играю съ нимъ. Воротился г. Катковъ — то-то дрянь-то! Это воплощеніе раздутаго самолюбія. Ну, да чортъ съ нимъ—онъ не стоитъ, чтобы и говорить о немъ. А ужъ пріѣду въ Прямухино—когда именно, не знаю, но чуть обстоятельства повернутся лучше, такъ и юркну, а Краевскій что себѣ хочетъ толкуй. Да что-жъ вы мнѣ ни слова не пишете, женились ли вы? Т.-е. женихъ ли вы еще, или уже филистеръ почтенный. Если послѣднее—то пишу огромную статью противъ брака, и тогда—горе вамъ! Однако-жъ, будетъ болтать. Прощайте. Жму вашу руку и прошу васъ, не помня моего невѣжества, заплатить мнѣ за зло добромъ, т.-е. порадовать меня—да нѣтъ, не смѣю и просить. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ сестрамъ Бакунинымъ. 8 марта, 1843.

Спб. 1843, марта 8.

Оправданія мои въ молчаніи не показались вамъ, Татьяна Александровна, достаточными, и вы не принимаете ихъ; а вы, Александра Александровна, ничего не говорите на этотъ счетъ—стало быть, вы согласны съ Татьяною Александровною. Послѣ этого мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ молча покориться этому строгому приговору и впредь стараться избѣжать подобнаго. Впрочемъ, я не нуждаюсь ни въ какомъ стараніи по этой части: лишь бы вы позволили, а я не перестану и не устану писать къ моимъ Прямухинскимъ друзьямъ,—вы, конечно, не лишите меня права употреблять иногда это дорогое для меня выраженіе, а я, чтобы оно самого меня не пугало своею смѣлостію, позволяю считаться въ числѣ моихъ прямухинскихъ друзей и Николаю Александровичу, хотя онъ своею женитьбою и нанесъ мнѣ жестокую обиду. Да, эта письменная бесѣда съ вами, особенно за невозможностію личныхъ сношеній, имѣетъ для меня слишкомъ много поэтическаго очарованія, чтобъ я не умѣлъ дорожить и гордиться правомъ на нее. Жизнь моя исполнена такой прозы, такъ суха, холодна, безцвѣтна и апатична, что я—бываютъ минуты—кровавыми слезами вымаливаю у неба хотя капельку росы на горящій языкъ души моей, подобно заключенному въ адѣ грѣшнику евангельской притчи. Ваше радушное вниманіе ко мнѣ оказалось для меня именно этою росою небесною,—и Богъ свидѣтель, что невозможность увидѣться съ вами стоила мнѣ сильной нравственной горячки. Васъ не должно это ни удивлять, ни казаться вамъ загадкою. Зная меня хорошо, вы должны знать, что страстность составляетъ преобладающій элементъ моей прекрасной души. Эта страстность—источникъ и мукъ, и радостей моихъ; а такъ какъ, притомъ, судьба отказала мнѣ слишкомъ во многомъ, то я и не умѣю отдаваться вполовину тому немногому, въ чемъ не отказала она мнѣ. Для меня и дружба къ мужчинѣ есть страсть, и я бывалъ ревнивъ въ этой страсти. Если бы у меня была сестра, которую бы я могъ любить,—я любилъ бы ее такъ братски, что любилъ бы, какъ брата, и того, котораго она любила бы не какъ брата, слѣдовательно, больше, чѣмъ меня; но все же въ моей любви къ

ней была бы страстность, которая могла бы даже пугать ее, если бы она не глубоко понимала мой характеръ. Впрочемъ, и сестрѣ простительно было бы съ этой стороны не вѣрно судить обо мнѣ, ибо я и самъ недавно только созналъ въ себѣ эту сторону и въ ней увидѣлъ причину многихъ моихъ глупостей, дорого стоившихъ мнѣ. Нѣтъ несчастнѣе людей, подобныхъ мнѣ, пока они не найдутъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ прочной точки опоры для своей жизни и прочнаго разумнаго основанія для своихъ связей и отношеній съ другими людьми. Такіе люди— вѣчные мучители самихъ себя и всегда въ тягость особенно тѣмъ, кого они больше другихъ любятъ, и кто бы больше другихъ былъ расположенъ принимать въ нихъ участіе. Во мнѣ всегда была глубокая жажда, мучительный голодъ умственной дѣятельности, и есть способность къ ней, но не было для нея ни пищи, ни почвы, ни сферы. Страстныя души, въ такомъ положеніи, дѣлаются добычею собственной фантазіи и силятся создать для себя дѣйствительность внѣ дѣйствительности. Чувство дѣлается альфою и омегою жизни, а дѣва идеальная и неземная становится Дульцинеею этихъ Донъ-Кихотовъ, которые только и думаютъ, какъ бы осчастливить богатствомъ своей прекрасной души и своего пустого сердца, своего празднаго самолюбиваго самоосклабленія, добродушно не подозрѣвая, что это богатство не стоитъ гроша мѣднаго. Кстати: что такое Донъ-Кихотъ?— это благородная личность, дѣятельность которой ростетъ на почвѣ фантазіи, а не дѣйствительности. Я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы кощунствовать, въ самолюбивомъ тщеславіи мнимой мудрости, надъ священной потребностію любви къ женщинѣ; но эта потребность и ея осуществленіе бываютъ пошлы, если ихъ корень не вросъ глубоко въ почву дѣйствительности и оторвался отъ другихъ сторонъ жизни. Въ нашей общественности особенно часты примѣры разочарованнаго, охладѣвшаго чувства, которое, перегорѣвъ въ самомъ себѣ, вдругъ потухаетъ безъ причины; этому причастны даже высокія и глубокія натуры— ссылаюсь на Пушкина. Гдѣ, въ чемъ причина этого явленія?—въ общественности, въ которой все человѣческое является безъ всякой связи съ дѣйствительностію, которая дика, грязна, безсмысленна, но на сторонѣ которой еще долго будетъ право силы. Обращаюсь къ себѣ, какъ представителю страстныхъ душъ. Дайте такому человѣку сферу свойственной его способностямъ дѣятельности,—и онъ переродится, будетъ мужчиною и человѣкомъ,

но эта сфера... да вы понимаете, что ея негдѣ взять. Этой сферы и теперь для меня нѣтъ, и никогда, никогда не будетъ ея для меня; но уже и то было великимъ шагомъ для меня, что я созналъ и понялъ это. Сознать причину нравственной болѣзни—значить излѣчиться отъ нея. Теперь я знакомлюсь со многими, расположенъ тоже ко многимъ, но люблю немногихъ, ибо теперь я понимаю важность слова «любить», и могу любить только на глубокихъ нравственныхъ основаніяхъ. Такая любовь, къ кому бы ни была она, исключая претензіи и требованія, не исключаетъ страстности, по крайней мѣрѣ у меня. Естественно, что въ отношеніи къ женщинамъ эта страстность ярче и эксцентричнѣе; но перетолковать ее чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе серьезнымъ, или оскорбиться ею—значитъ не понять меня. Сердце человѣка, особенно пожираемаго огненною жаждою разумной дѣятельности, безъ удовлетворенія, даже безъ надежды на удовлетвореніе этой мучительной жажды,—сердце такого человѣка всегда болѣе или менѣе подвержено произволу случайности—ибо пустота, вольная и невольная, можетъ родить другую пустоту,—и я меньше, чѣмъ кто другой, могу ручаться въ будущемъ за свою, изрѣдка довольно сильную, но чаще расплывающуюся натуру, но я за одно уже смѣло могу ручаться—это за то, что если бы Богъ снова излилъ на меня чашу гнѣва своего и, какъ египетскою язвою, вновь поразилъ меня этою тоскою безъ выхода, этимъ стремленіемъ безъ цѣли, этимъ горемъ безъ причины, этимъ страданіемъ, презрительнымъ и унизительнымъ даже въ собственныхъ глазахъ,—я уже не могъ бы выставлять наружу гной душевныхъ ранъ и нашелъ бы силу навсегда бѣжать отъ тѣхъ, кого могъ бы оскорбить или встревожить мой позоръ. Я и прежде не былъ чуждъ гордости, но она была парализована многими причинами, въ особенности же романтизмомъ и религіознымъ уваженіемъ къ такъ называемой «внутренней жизни»—этимъ исчадіемъ нѣмецкаго эгоизма и филистерства.

Вамъ, конечно, покажется нѣсколько страннымъ и неумѣстнымъ это неожиданное объясненіе, на которое не могли меня вызвать ни ваши ко мнѣ отношенія, и ни единое слово изъ вашихъ строкъ. Причина этого объясненія одна—мое робкое самолюбіе, которое—къ чему таиться?—не чуждо опасенія, чтобы тѣнь моего прошедшаго, въ глазахъ вашихъ, когда-нибудь и какъ-нибудь, благодаря моей неловкости и тому, что̀ я называю въ себѣ страстностію, не отбросилась на мое настоящее и бу-

дущее. Смѣйтесь надъ этими глупыми строками — въ вашемъ смѣхѣ я увижу доказательство, что вы больше уважаете меня, чѣмъ я самъ уважаю себя. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что въ моей, хотя и прекраснодушной, откровенности вы увидите мою готовность быть передъ вами тѣмъ, что̀ я есть, и не скрывать отъ васъ моихъ смѣшныхъ сторонъ. Въ моихъ теперешнихъ отношеніяхъ къ вамъ я чувствую и сознаю столько достоинства и возвышенности, которыя дѣлаютъ меня вдругъ и счастливымъ, и гордымъ этими отношеніями, и столько дорожу ими, что больше боюсь показаться передъ вами лучшимъ, чѣмъ я есть, нежели худшимъ, чѣмъ я есть.

Не можете себѣ представить, какъ обрадовало меня письмо ваше къ Боткину. Признаюсь, мною овладѣло какое-то безпокойство, когда я писалъ къ вамъ о Боткинѣ, и я чуть не разорвалъ уже запечатаннаго письма; но это теперь показываетъ мнѣ только то, какъ еще мало знаю я васъ. И зато, рѣдко случалось мнѣ въ жизни радоваться моей ошибкѣ. На такомъ условіи я готовъ ставить ремизы и ренонсировать, сколько угодно (сравненіе, заимствованное изъ безподобной игры въ преферансъ, въ которую я вчера опять продулся—что̀ со мною бываетъ каждый день). Воображаю, сколько чистой святой радости доставятъ ваши строки Боткину. Онъ такъ любитъ, такъ уважаетъ васъ; не одинъ вечеръ провелъ я съ нимъ въ живомъ разговорѣ о васъ,—и эти разговоры были такъ полны елеемъ молитвы, такъ тихи, кротки, такъ проникнуты душою и грустнымъ счастіемъ. Дѣло прошлое—и я не скрою его отъ васъ—глубоко, глубоко огорчила Боткина несправедливость Николая Александровича, тѣмъ больше, что, подобно мнѣ, онъ принялъ ее за отголосокъ вашей несправедливости. Но теперь все кончено. Что̀ особенно радуетъ меня во всемъ этомъ,—это то, что изъ такого прошедшаго могло возникнуть для всѣхъ насъ такое настоящее. Всѣ противорѣчія разрѣшились сами собой, безъ усилій съ нашей стороны, дымъ и чадъ исчезли—осталось одно тихое, ровное, свѣтлое и кроткое пламя взаимнаго расположенія, взаимнаго уваженія. Не видя другъ друга, мы такъ хорошо поняли другъ друга—и если что̀ въ жизни всѣхъ насъ есть святого и прекраснаго, изъ чего стоило жить, такъ это то, въ чемъ мы поняли другъ друга. Отношенія, основанныя на подобномъ «что», не могутъ не быть не только прекрасны и святы,

но и свободны, т. е. чужды всякихъ притязаній со стороны эгоизма, самолюбія, словомъ, чужды всего мелкаго и ничтожнаго. Николай Александровичъ поставилъ ремизъ на счетъ Боткина, но онъ это выкупилъ—знаете ли, чѣмъ?—Когда разставался я съ нимъ въ послѣдній разъ, мы говорили о Мишелѣ, и я говорилъ о немъ, съ ненавистью, которой силился придать холодный и спокойный характеръ; но Николай Александровичъ все-таки настаивалъ на своемъ убѣжденіи, что мы вновь сойдемся съ Мишелемъ. Тогда это казалось мнѣ невозможностію, но предчувствіе Николая сбылось, хотя онъ самъ еще не понимаетъ, какъ и на какомъ основаніи это случилось (да и гдѣ ему теперь что-нибудь понимать—на его мѣстѣ я былъ бы еще глупѣе его). Знаете ли что?—многое хотѣлъ бы я вычеркнуть изъ моего прошедшаго; но изъ исторіи моей вражды къ Мишелю я не хотѣлъ бы вычеркнуть ни одной іоты, и убѣжденъ, что онъ самъ то же думаетъ. Много бы хотѣлось мнѣ сказать вамъ, но письмо—не то, что живой разговоръ. О, Боже мой, да увижу ли я васъ! Вы видѣли меня совсѣмъ не тѣмъ, что я теперь, и тѣмъ сильнѣе во мнѣ желаніе вновь познакомить васъ съ собою и вновь познакомиться съ вами. Во время моего послѣдняго свиданія съ вами, я хорошо чувствовалъ, что между вами и мною есть что-то раздѣляющее насъ, и хорошо понималъ, что это «что-то» есть Мишель. Я не винилъ васъ въ этомъ, а себя тоже считалъ правымъ. И вотъ именно теперь-то, когда уже нѣтъ никакихъ недоразумѣній, судьба и не допустила меня увидѣться съ вами и посмотрѣть, какъ Николай Александровичъ любитъ, а Александра Александровна ненавидитъ, и какъ духъ Татьяны Александровны съ свѣтлою и спокойною улыбкою созерцаетъ все это. Варвару Александровну я такъ давно не видалъ, что не умѣю и представить себѣ ясно, какъ бы увидѣлъ ее, но это тѣмъ болѣе усиливаетъ мое желаніе увидѣть ее. Вообще, Прямухино представляется мнѣ теперь въ какомъ-то особенномъ свѣтѣ, и если бы тамъ былъ теперь Мишель, могучему духу котораго нѣтъ мѣста здѣсь и тѣсно даже тамъ, гдѣ необъятное пространство поглощаетъ другихъ, какъ море каплю воды!.. но будь такъ, какъ оно есть—ему лежитъ другой путь, и путь великій, онъ долго былъ безобразною кометою—теперь настало для него время трансформаціи въ свѣтлое лучезарное солнце.

Я теперь много думаю объ эгоизмѣ. Это интересный предметъ для изслѣдованія. Духъ тьмы и злобы есть не кто иной,

какъ эгоизмъ. Когда эгоизмъ является въ собственномъ своемъ видѣ,—онъ просто гадокъ, или просто страшенъ, какъ враждебная для другихъ сила; но онъ не обольстителенъ и никого не соблазнитъ, а всѣхъ отвратитъ отъ себя. Опаснѣе бываетъ эгоизмъ, когда онъ добродушно самъ считаетъ себя самоотверженіемъ, внутреннею жизнію. Гете, по моему мнѣнію, былъ воплощеніемъ такого эгоизма. Вникните въ характеръ Эгмонта, и вы увидите, что это лицо играетъ святыми чувствами, какъ предметомъ возвышеннаго духовнаго наслажденія, но они, эти святыя чувства, внѣ его и не присущны его натурѣ. «Какъ сладостна привычка къ жизни», восклицаетъ онъ, и на это восклицаніе хочется мнѣ воскликнуть ему: «какой же ты пошлякъ, о, голландскій герой!» Гофманъ саркастически заставляетъ Кота Мурра цитовать это восклицаніе, достойное кошачьей натуры, которая можетъ видѣть «сладостную привычку» въ томъ таинствѣ жизни, въ которомъ непосредственно открываетъ себя людямъ Богъ. Для Эгмонта, патріотизмъ не болѣе, какъ вкусное блюдо на пиру жизни, а не религіозное чувство. Святая натура и великая душа Шиллера, закаленная въ огнѣ древней гражданственности, никогда бы не могла породить такого гнилого идеала самоосклабляющейся личности, играющей святымъ и великимъ жизни. На созерцаніе эгоистической натуры Гете особенно навела меня статья во 2 № «Отечественныхъ Записокъ»—«Гете и графиня Штольбергъ». Гете любитъ дѣвушку, любимъ ею,—и что же? онъ играетъ этою любовію. Для него важны ощущенія, возбужденныя въ немъ предметомъ любви—онъ ихъ анализируетъ, воспѣваетъ въ стихахъ, носится съ ними, какъ курица съ яйцомъ; но личность предмета любви для него—ничто, и онъ борется съ своимъ чувствомъ и побѣждаетъ его изъ угожденія мерзкой сестрѣ своей и «дражайшимъ» родителямъ. Дѣвушка потомъ умираетъ,—и ни одинъ стихъ Гете, ни одно слово его во всю остальную жизнь его не напомнило о милой, поэтичной Лили, которая такъ любила этого великаго эгоиста. Вотъ онъ—идеализированный, опоэтизированный холодный эгоизмъ внутренней жизни, который дорожитъ только собою, своими ощущеніями, не думая о тѣхъ, кто возбудилъ ихъ въ немъ, какъ ростовщикъ дорожитъ своими процентами, не думая о тѣхъ, которые, можетъ быть, цѣною кровавыхъ слезъ принесли ему ихъ. Итакъ, самый опасный эгоизмъ есть тотъ, который принимаетъ на себя личину любви и добродушно убѣжденъ, что онъ—самая возвышенная, самая

эфирная любовь. Кто любитъ все, тотъ ничего не любитъ, ибо все граничитъ съ ничто. Такъ Гете любилъ все, отъ ангела въ небѣ до младенца на землѣ и червя въ морѣ, и потому не любилъ ничего.

И въ мірѣ все постигнулъ онъ
И ничему не покорился!—

сказалъ о немъ Жуковскій, не думая, чтобы въ этой похвалѣ заключалось осужденіе Гете. Переписка его съ «милою Августою» Шт. смѣшна до крайности. Какая сантиментальность—точно сладкій нѣмецкій супъ! «Разинь, душенька, ротикъ — я положу тебѣ конфетку»—такъ и твердитъ онъ Августѣ, а та, на старости лѣтъ сошедши съ ума, вздумала обращать его къ піэтизму. Можетъ быть, я ошибаюсь на этотъ счетъ, но Богъ съ нимъ, съ этимъ Гете: онъ великій человѣкъ—я благоговѣю передъ его геніемъ, но тѣмъ не менѣе я терпѣть его не могу. Недавно прочелъ я его «Германа и Доротею» — какая отвратительная пошлость! Прощайте. Богъ любви и разума да будетъ надъ вами.

Милый мой Николай Александровичъ, никогда еще каракули ваши не доставляли мнѣ столько удовольствія—скажу болѣе радости, какъ на этотъ разъ. Это каракули вдвойнѣ, и по начертанію, и по мыслямъ, ибо тѣ и другія отличаются какою-то достолюбезною безпорядочностію и какою-то наивностію. Видно, что душа и мысль ваша не у себя дома, а коли въ домѣ хозяйки нѣтъ, то о порядкѣ нечего и спрашивать. Понимаю, что вы писать терпѣть не можете, и что въ письмахъ для васъ нѣтъ толку—развѣ только отъ барышенъ (говоря вашимъ собственнымъ выраженіемъ, которое глупо-граціозно). Понимаю, что вамъ ничего не хочется говорить, да и нечего вамъ говорить. Вы теперь переживаете самую интересную эпоху вашей жизни—вы запасаетесь матеріалами для будущихъ разговоровъ, содержаніемъ для будущихъ писемъ. Теперь вы должны молчать, ибо то, что говоритъ въ васъ такъ громко и такъ краснорѣчиво, владѣетъ вами, покорило васъ, и вы способны только слушать эту музыкальную рѣчь, а кто слушаетъ, тотъ не говоритъ—нельзя дѣлать двухъ дѣлъ въ одно время. Мнѣ другая доля: отъ юности моей спрягаю глаголъ: я говорю, ты говоришь, онъ говоритъ, мы говоримъ, вы говорите, они, онѣ говорятъ

и пр. Прежде, чѣмъ западетъ въ душу чувство, я выговаривалъ его всего, такъ что ничего и не оставалось. Это значитъ, что не было ни одного могучаго чувства, которое охватило бы все существо мое и отняло бы языкъ. Теперь ужъ такое чувство даже страшно, хотя я и солгалъ бы, увѣряя, что не желаю его. Что бы я съ нимъ сталъ дѣлать, съ моею дряблою душою, съ моимъ дряннымъ здоровьемъ, моею бѣдностію и моею совершенною расторженностію съ дѣйствительностію нашего общества? Я человѣкъ не отъ міра сего. И потому вполнѣ убѣдился, что для меня не можетъ быть никакого счастія, и что въ самомъ счастіи для меня было бы одно несчастіе. Есть люди, способные увлекаться легкими, мимолетными чувствами. Я завидую имъ, ибо моя натура, къ несчастію, совсѣмъ не такова: сама гроша не стоитъ, а требуетъ многаго, но кто хочетъ многаго, тому ничего не дается. Я глубоко сознаю, что какъ бы ни очаровала меня женщина, но если я почувствую, что могу только любить ее, не уважая ее, что не могу отдаться ей весь, и что въ началѣ страсти предвидится и конецъ ея—я говорю пасъ и не хочу понапрасну ставить ремизовъ. Можетъ быть, отъ этого такъ глубоко пали мнѣ на душу стихи Лермонтова:

Любить?—но кого же?—на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Натура моя не чужда акта отрицанія, и я перешелъ черезъ нѣсколько моментовъ его; но отказаться отъ желанія счастія, котораго невозможность такъ математически ясна для меня,—еще нѣтъ силъ, и сохрани Богъ, если не станетъ ихъ на совершеніе этого послѣдняго и великаго акта. Вы читали «Horace?» Помните Ларавиньера?—вотъ человѣкъ и мужчина. Но какъ трудно сдѣлаться такимъ человѣкомъ, право труднѣе, чѣмъ уподобиться Гете. Право, простыя добродѣтели человѣка выше и труднѣе блестящихъ достоинствъ генія.

Я очень радъ, что вы уже не предубѣждены къ Боткину. Этотъ человѣкъ для меня много значитъ, и я знаю его.

Альбомъ Татьяны Александровны уже у меня, только надо еще переплести его. Я радъ, что именно этотъ подарокъ могу сдѣлать. Вѣдь это не просто хорошенькія картинки—это les femmes de Georges Sand. Говорю это не для приданія цѣны вещи, но изъявляю этимъ мою радость, что нашлась вещь, приличная для подарка, стоющая вниманія того, кому назначается. Прощайте.

Будьте счастливы, но не забывайте въ вашемъ счастіи, что не всѣ такъ счастливы, какъ вы, и что это большая причина не забываться въ счастіи.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 9 марта, 1843.

Спб. 1843, марта 9.

Ну, Боткинъ, я былъ виноватъ передъ тобою, такъ долго не отвѣчалъ на твои письма; но ужъ и отомстилъ же ты мнѣ за это, Богъ съ тобою. Получилъ ли ты то большое письмо мое, къ которому было приложено письмо Бакунина? Хоть бы только это написалъ ты мнѣ, а то меня мучитъ мысль, что письмо какъ-нибудь затерялось и не дошло до тебя. Сверхъ того, мнѣ показалось, что я такъ убѣдительно и доказательно звалъ тебя въ Питеръ, что ты непремѣнно долженъ былъ вскорѣ же пріѣхать. И вотъ я жду тебя съ часу на часъ; возвращаясь поздно домой, по обыкновенію продувшись въ преферансъ, подымаю голову вверхъ и съ біеніемъ сердца ожидаю, что окна мои освѣщены, и каждый разъ ничего не вижу въ нихъ, кромѣ тьмы кромѣшной. Входя въ комнату, быстро озираю столы — нѣтъ ли письма, и кромѣ ненавистной литературщины ничего не вижу на нихъ. Языковъ говоритъ, что М. С. Щепкинъ долженъ постомъ пріѣхать въ Питеръ. И вотъ услужливая фантазія моя рѣшила, что ты ѣдешь съ нимъ. Право, мы съ тобою играемъ въ гулючки, ожидая взаимнаго пріѣзда; но ты ждалъ меня потому, что я обѣщалъ пріѣхать, а я ждалъ тебя потому, что я самъ, за тебя, обѣщалъ, что ты пріѣдешь: вотъ и вся разница. Непотребный ты человѣкъ, что сдѣлалось съ лысымъ вмѣстилищемъ ума твоего—къ Краевскому пишешь, а мнѣ ни слова. Но я не злопамятенъ—чему при семъ прилагаются доказательства. Одно изъ нихъ, адресованное ко мнѣ, возврати ко мнѣ немедленно: оно прилагается, какъ une pièce justificative.

Знаю, что геніальный пшикъ тебя восхищаетъ, сильно дѣйствуя на твой обонятельный органъ. Истый шеллингистъ—юноша пыщъ, сирѣчь дутикъ, говоря словами Тредіаковскаго. А любопытна встрѣча его съ тобою. Да неужели ты и не думаешь ѣхать?—вѣдь это подло, Боткинъ. Что тебѣ тамъ дѣлать? Третейскій судъ твой, гдѣ, говорятъ, показалъ ты мудрость Соломона, вѣрно,

уже кончился, и ты давно, сложивъ санъ диктатора, возвратился къ мирному смакованію плодовъ сельныхъ и всякой съѣстной дряни, начиная отъ непотребнаго медоку до воды включительно. Я кромѣ хересовъ ничего не пью—даже лафиту и рейнвейну. Что въ винахъ хересъ, то въ играхъ преферансъ. Да здравствуютъ ремизы и ренонсы! Куплю, чортъ возьми—и ты купишь—ну, такъ еще же куплю, и ужъ не дамъ—играешь?—и я играю—и вотъ безъ четырехъ въ червяхъ—да здравствуетъ задоръ! Статья «Романтики» неудовлетворительна въ цѣломъ—чувствуется, что не все сказано; но выраженіе, языкъ, слогъ — просто, подлецъ, до отчаянія доводитъ — зависть возбуждаетъ и писать охоту отбиваетъ.

Прощай. Желаю тебѣ какъ можно меньше ставить ремизовъ и какъ можно больше играть въ сюрахъ. Третьяго дня съигралъ девять въ бубнахъ, а все-таки продулся.

Сейчасъ получилъ письмо твое отъ Тютчева. Съ горестью вижу изъ него, что ты не получилъ моего большого письма, при которомъ было приложено письмо Бакунина. Это меня огорчило жестоко. Если бы ты получилъ его, ты могъ бы, и не видѣвшись со мною, вложить персты свои въ раны мои, впрочемъ, и безъ того извѣстныя тебѣ хорошо. Главное, скверно то, что письмо это написалось отъ души, и притомъ для тебя много интереснаго было бы въ письмѣ Бакунина, и оно теперь погибло для обоихъ насъ. Не знаю, что и подумать объ этомъ.

Насчетъ твоей исторіи съ француженкою скажу одно — ты родился въ сорочкѣ. Больше на этотъ счетъ ничего не могу сказать—ты поймешь, почему. Если поѣдешь за границу, пріѣзжай въ Питеръ такъ, чтобъ пожить въ немъ подольше. Можетъ быть, это будетъ послѣднимъ нашимъ свиданіемъ, тѣмъ болѣе, что ты ѣдешь надолго. Я, не зная ничего хорошаго для себя въ настоящемъ, и въ будущемъ, кромѣ сквернаго, ничего не жду. Письмо твоей Armance перешлю къ тебѣ. О поѣздкѣ за границу, по отношенію ея къ этой дѣвушкѣ, ничего не могу тебѣ сказать, ибо тутъ всякій совѣтъ пустъ и вздоренъ. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, разумѣется, забылъ бы объ этой поѣздкѣ, ибо счастіе дороже путешествія, и надо оставаться вѣрнымъ тому счастію, которое ближе, не гонясь за двумя зайцами—вѣдь ни одного не поймаешь. Но это сдѣлалъ бы я, а ты можешь сдѣлать, какъ самъ найдешь лучше.

Стихи Лермонтова Краевскій получилъ.

Панаевъ боленъ — вотъ ужъ другой разъ простужается по твоему, но теперь выздоравливаетъ.

Прощай.

Злодѣй, счастливецъ, каналья!

Прощай, брате. Дай Богъ тебѣ всего, всего хорошаго.

Къ Д. П. Иванову. 9 марта, 1843.

Спб. 1843, марта 9.

Бога ради, любезный Дмитрій, скажи, что съ тобой сдѣлалось? Ужъ не умеръ ли ты? Получилъ ли ты разную дрянь, посланную мною тебѣ въ ящикѣ, черезъ контору дилижансовъ? Гдѣ Петръ Петровичъ, хлопочетъ ли онъ о моемъ дѣлѣ, т.-е. о дворянской грамотѣ? Напомни ему объ этомъ. Это дѣло для меня великой важности, и я за хлопоты не останусь у него въ долгу. Братъ Константинъ и не думаетъ высылать Никанору бумагъ, о которыхъ тотъ просилъ его, а бѣдняка изъ-за нихъ тормошитъ начальство. Честно ли, благородно ли со стороны Константина? Собирался я въ Москву, но журнальная работа и безденежье не пустили—что дѣлать! Напиши хоть строчку—умоляю тебя. Кланяюсь Алешѣ и всему твоему дому—да пребудутъ въ немъ счастіе, обиліе и здоровье. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

P. S. Пожалуйста, не оставь меня безъ отвѣта хоть на этотъ разъ.

Адресъ мой:

На Невскомъ проспектѣ, у Аничкина мосту, въ домѣ Лопатина, квартира № 48.

Къ В. П. Боткину. 31 марта—3 апрѣля, 1843.

Спб. 1843, марта 31.

То, что ты забылъ увѣдомить меня о полученіи письма моего, съ приложеннымъ къ нему письмомъ Бакунина, можно простить только сумасшедшему или влюбленному; но, какъ ты, слава

Аллаху, и то и другое вмѣстѣ, — то я и не сержусь на тебя. Письмо Александры Бакуниной ты принялъ, кажется, довольно холодно, и доволенъ только тѣмъ, что хорошо отвѣтилъ на него по французски же. Этого я не понимаю; судить чувствъ твоихъ не могу, ибо не знаю, какъ живетъ въ тебѣ прошедшее. Впрочемъ, можетъ быть, это по причинѣ того, что ты теперь и безъ ума и безъ сердца. Несмотря на то, вотъ тебѣ, недостойному, и еще письмо при семъ прилагается. Вообрази себѣ: узналъ я отъ Зиновьева, что Николай Дьяковъ въ Прямухинѣ!.. Вотъ она внутренняя-то жизнь! Зиновьевъ крѣпко не долюбливаетъ В. А. Дьякову. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ. Я самъ только извиняю ее, зная по опыту, что такое нѣметчина, привитая съ дѣтства: это все равно, что заразиться въ дѣтствѣ сифилисомъ— никогда не выздоровѣешь. Бакунинъ просилъ у отца 8000 руб. асс. единовременно, отказываясь за нихъ отъ своего наслѣдства, но дражайшій родитель, говорятъ, начисто отказалъ. А между тѣмъ Мишель въ крайности. За то Аллахъ и наградилъ родителя: сынъ у него буенъ и непокоренъ, зато дочь теперь . . . . . съ законнымъ супругомъ, и нравственность торжествуетъ.

Жду, не дождусь письма твоего. Не привезетъ ли его Галаховъ? Впрочемъ, судя по состоянію духа твоего, мало имѣю надежды на полученіе письма твоего. Очень жалѣю, что дѣлишки твои идутъ плохо, и если такъ будутъ итти, то предвижу и исходъ ихъ; но все-таки завидую — не тебѣ (ты правъ, говоря, что тебѣ нечего завидовать), а чувству, ибо питать какое бы то ни было чувство, какой бы то ни было интересъ, все же лучше, чѣмъ въ тоскѣ, апатіи, съ холоднымъ отчаяніемъ, убивать время на преферансъ, ставить ремизы, проигрывать послѣднія деньжонки, бѣситься, дойти до мальчишескаго малодушія, сдѣлаться притчею во языцѣхъ. Есть же такіе несчастные люди, надъ которыми отъ рожденія тяготѣетъ проклятіе, и которымъ нѣтъ удачи ни въ дѣлѣ, ни въ пустякахъ, и нѣтъ надежды на какое-нибудь счастіе въ жизни. Усталъ я, брате, — и мысль о смерти какъ-то чаще приходитъ на умъ и какъ-то меньше прежняго леденитъ сердце—гдѣ такъ безплодно, такъ напрасно съ враждой боролася любовь, а умъ съ глупостію. Тургеневъ поразилъ меня нечаянно, сказавши къ слову, что Гегель гдѣ-то выразился, что дѣльный человѣкъ тотъ, кто, коли видитъ, что $2 \times 2 = 4$, такъ и ставитъ 4, а пустой (прекрасная душа) тотъ, кто хоть и видитъ, что $2 \times 2 = 4$, а все норовитъ, какъ бы

поставить 5 или 10. До сихъ поръ вся жизнь моя протекала въ томъ, что я видѣлъ и понималъ, что $2 \times 2 = 4$, а ставилъ 5. Теперь ужъ не могу быть такъ глупо малодушнымъ, но отъ этого мнѣ не легче—въ этомъ мой смертный приговоръ: ждать уже нечего, и въ душѣ распространяется холодъ, сырость и смрадъ могилы. Я держался глупостью—подпора упала—и я падаю съ нею. А все животолюбіе и страхъ физическихъ мученій заставляютъ искать средствъ помощи, и я лѣчусь гидропатіею—прѣю въ паровой ваннѣ, а потомъ леденѣю въ холодной, а тамъ костенѣю подъ дождемъ и душею.

Кланяйся Наталіи Александровнѣ. Ея дружелюбное расположеніе ко мнѣ глубоко трогаетъ меня, и я не знаю, какъ и благодарить тебя за то, что ты написалъ ко мнѣ объ этомъ.

Статья моя о Державинѣ страшно искажена, но объ этомъ когда-нибудь. Чортъ возьми всѣ наши статьи, да и всѣхъ насъ съ ними.

Тургеневъ очень хорошій человѣкъ, и я легко сближаюсь съ нимъ. Въ немъ есть злость, и желчь, и юморъ, онъ глубоко понимаетъ Москву и такъ воспроизводитъ ее, что я пьянѣю отъ удовольствія. А какъ онъ воспроизводитъ Аксакова съ его кадыкомъ и идеализмомъ. Тургеневъ немного нѣмецъ, въ томъ смыслѣ, какъ и Б., который съ тономъ покровительства отзывается о П. Р., а, между тѣмъ, живетъ на его счетъ. Что за натура—З.! Мы всѣ—дрянь передъ нимъ. Ну, прощай пока.

В. Б.

Докторъ, содержащій водолѣчебное заведеніе, сказалъ мнѣ, что я стражду біеніемъ сердца—я самъ подозрѣвалъ это, но не хотѣлъ повѣрить, т.-е. видѣлъ, что $2 \times 2 = 4$, а хотѣлъ поставить 25. Вода помогаетъ мнѣ—не знаю, что будетъ впередъ.

Апрѣля 3.

Наконецъ, Галаховъ пріѣхалъ, и я получилъ отъ него твои пять строкъ, до того скверно написанныя, что насилу могъ я ихъ разобрать. Ну, душа моя, поздравляю тебя; ты рѣшительно сумасшедшій, и тебѣ надо теперь вести свой дневникъ: что будутъ передъ нимъ записки титулярнаго совѣтника Поприщина (онъ же и Фердинандъ VII)! Какъ я гордъ передъ тобою, сознавая себя въ полномъ разумѣ, какъ презираю я тебя! Такъ без-

плодная женщина смотритъ на родильницу, а та думаетъ себѣ: я больна, изъ меня течетъ и то, и другое, зато у меня есть дитя! Странно устроено все на бѣломъ свѣтѣ! Любовь смѣшна и исполнена комизма по этой эгоистической сосредоточенности въ себѣ самой и разсѣянному равнодушію ко всему, что не она: но въ этомъ-то и заключается весь рай ея, все упоеніе. И если въ чемъ человѣкъ, особенно русскій человѣкъ, можетъ найти хоть минутное счастіе, такъ это, конечно, въ любви, и ужъ, конечно, всего менѣе въ россійской словесности.

Прочелъ я статью твою о нѣмецкой литературѣ. Славная статья! Она понравилась мнѣ больше всѣхъ прежнихъ твоихъ статей, можетъ быть, потому, что ея содержаніе ближе къ сердцу моему. Краевскій читалъ мнѣ о праздникѣ фурьеристовъ — чудесно! Славно откаталъ ты эту гнилую филистерскую сосиську— Гуцкова. Вотъ такъ бы хотѣлось отдѣлать свиную колбасу— Ретшера! Тургеневъ сказалъ, что статьи Ретшера отзываются процессомъ пищеваренія, а я возразилъ: нѣтъ, испражненія. Не было человѣка пишущаго, который бы такъ глубоко оскорбилъ меня своею пошлостію, какъ этотъ нѣмецкій Шевыревъ. Если бы Ретшеръ нашелъ у Шекспира или Гете драму, состоящую въ томъ, что . . . . . прибили честную женщину, а полиція передрала бы за это . . . . . ,—онъ такъ бы написалъ о ней: субстанціальное право . . . . . , оскорбленное субстанціальною стихіею честности, разрѣшилось въ коллизію драки, которая, оскорбивъ субстанціальную власть полиціи, была наказана розгами, послѣ чего все пришло въ гармонію примиренія. Ретшеръ въ отношеніи къ Гегелю есть тотъ человѣкъ въ «Разъѣздѣ» Гоголя, который, подцѣпивъ у другого словечко «общественныя раны», повторяетъ его, не понимая его значенія. Хорошъ былъ Гуцковъ у Georges Sand—вотъ семинаристъ-то, с . . . . . с . . . !

Когда я написалъ къ тебѣ начало этого письма, то въ тотъ же вечеръ сошелся у Комаришки съ Тургеневымъ и изъявилъ ему мое удивленіе, что Варвара Александровна опять сошлась съ своимъ мужемъ. Каково же было мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что Тургеневъ смотритъ на эту женщину такъ же, какъ и Зиновьевъ. Слово за слово, и я узналъ отъ него, что Мишель внутренно давно уже разошелся съ нею, видя, что она его ни-

сколько не понимаетъ и только повторяетъ его слова. Наконецъ, дѣло дошло до того, что разстаться съ нею сдѣлалось для него необходимостью. А я такъ привыкъ религіозно уважать эту женщину, это благоговѣніе было передано мнѣ Станкевичемъ. Всѣ видѣли въ ней феноменъ даже между Бакуниными, которыя всѣ казались феноменами. Вотъ, что говоритъ Тургеневъ о всѣхъ Бакуниныхъ, и сестрахъ и братьяхъ, за исключеніемъ одного Мишеля: всѣ они созданы быть не чѣмъ другимъ, какъ несчастными. Натуры пламенныя и порывистыя, они лишены глубокаго религіознаго чувства, и потому всегда наклонны на половину помириться и съ самими собою и съ дѣйствительностію на основаніи какого-нибудь моральнаго чувствованьица, или принципика; у нихъ нѣтъ силъ прямо смотрѣть въ глаза чорту. Какъ хочешь, Боткинъ, а тутъ правды больше, чѣмъ во всѣхъ нашихъ нападкахъ на нихъ. Темное чувство, бывало, возстановлявшее насъ противъ нихъ, имѣло справедливое основаніе; но мы врали, ибо сами любили ставить 5, хотя и видѣли, что 2×2 всего 4. Оттого и не могли добиться толку.

Вообще, я теперь больше всего думаю о характерахъ и значеніи близкихъ и знакомыхъ мнѣ людей. Эта наука мнѣ не далась: у меня, коли кто, бывало, прослезится отъ пакостныхъ стишонковъ Ключникова, тотъ уже и глубокая натура. Теперь я потерялъ даже смыслъ слова «глубокая натура»—такъ затаскалъ я его. Смѣшно вспомнить, какъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, я думалъ въ одномъ Языковѣ найти все, что̀ оставилъ въ Москвѣ, и дивился глубокости его натуры. А это просто добрая благородная натура, совершенно невинная въ какой бы то ни было силѣ или глубокости. Для друзей, онъ готовъ увѣровать въ какое угодно ученіе и будетъ наполовину невпопадъ повторять ихъ слова, добродушно думая, что имѣетъ свое убѣжденіе, да еще глубокое. Его до слезъ тронетъ стихотвореніе Лермонтова—и онъ увидитъ образецъ краснорѣчія въ трехъ безсмысленнѣйшихъ строкахъ безсмысленнѣйшей статьи Шевырева. Духовнаго развитія онъ чуждъ совершенно, и Ключниковъ напрасно толковалъ съ нимъ . . . . . [1]).
буфонъ довольно дурного тона, которымъ разъ можно потѣшиться, но не болѣе, какъ разъ. Языковъ видитъ въ Булгаковѣ падшаго ангела: угадалъ!

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ, кажется, недостаетъ листковъ.—*Прим. А. П.*

Пожалѣй о бѣдномъ папашѣ Кречетовѣ: дня три-четыре тому назадъ съ нимъ случился ударъ и воспаленіе въ мозгу. Языковъ бросился къ нему и безъ лѣкаря выпустилъ ему двѣ тарелки крови. Бѣднякъ безнадеженъ—въ бреду, и бредитъ все книжнымъ языкомъ и высокимъ слогомъ, съ примѣсью comme ça, comme ci, mon cher,Виссаріонъ и пр. Семейство должно итти по міру: трагедія и комедія. Съ удовольствіемъ извѣщу тебя, что Панаевъ принялъ дѣятельное участіе и занялъ, чтобъ дать взаймы женѣ папаши, которая, разумѣется, теперь безо всякихъ средствъ.

Все перечитываю статью твою—прелесть. Будь литература на Руси выраженіемъ общества, а, слѣдовательно, и потребностію его, будь хоть сколько-нибудь человѣческая цензура—ты былъ бы лихимъ борзописцемъ, выучился бы писать скоро и бѣгло, и написалъ бы горы. Безъ этого—голодъ, одинъ голодъ научитъ писать скоро и много. Ты довольно обезпеченъ, чтобъ не бояться голода, и потому считаешь себя неспособнымъ къ скоро и много писанію. Къ несчастію, судьба слишкомъ развила во мнѣ эту несчастную способность.

Сейчасъ кончилъ 1-ю часть исторіи Louis Blanc. Превосходное твореніе! Для меня оно было откровеніемъ. Луи Бланъ—святой человѣкъ—личность его возбудила во мнѣ благоговѣйную любовь. Какое безпристрастіе, благородство, достоинство, сколько поэзіи въ мысляхъ, какой языкъ!

Я нѣсколько сблизился съ Тургеневымъ. Это человѣкъ необыкновенно умный, да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ,— и отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Тургенева много юмору. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что разъ, въ спорѣ противъ меня за нѣмцевъ, онъ сказалъ мнѣ: да что вашъ русскій человѣкъ, который не только шапку, да и мозгъ-то свой носитъ набекрень! Вообще, Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужденіяхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ

всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости характера и неопредѣленности натуры и дурного развитія, довольно падокъ. У Комаришки висятъ портреты актрисъ и пѣвицъ парижскихъ. Мнѣ понравилась одна выраженіемъ неопредѣленной вдумчивости въ лицѣ; а другая не понравилась немножко . . . . . выраженіемъ. «Вы, я замѣчаю (сказалъ мнѣ Тургеневъ), любите женщинъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ: что въ нихъ толку? Вотъ эта—другое дѣло: я вижу, что это женщина неглупая и страстная, и знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло; а та—какой-то субстанціальный пирогъ». А вѣдь похоже на правду, Боткинъ?

По обыкновенію, я весь промотамшись, и потому замышляю подняться на аферы. Некрасовъ на это—золотой человѣкъ. Думаемъ смастерить популярную миѳологію. Не знаешь ли какой-нибудь нѣмецкой книжонки попроще—мы бы ужъ перевели ее. И не можешь ли самъ чѣмъ помочь намъ?—А каково сочиненіе нашего Кульчика-Ремизова о преферансѣ?—Языкова ты увидишь дня черезъ три по полученіи этого письма—смотри же, не проговорись ему. Посылаю тебѣ пародію на «Братьевъ Разбойниковъ»: пожалуйста, распространи ее по Москвѣ. Впрочемъ, для этого тебѣ стоитъ только дать ее Кетчеру. Кстати: скажи Кетчеру, что Ратьковъ не выдаетъ подписчикамъ послѣднихъ выпусковъ Шекспира, говоря, что не получилъ ихъ. Да что же ты не шлешь Прокоповичу денегъ за Гоголя? напомни также М. С. Щепкину (которому жму руку крѣпко на крѣпко), чтобы и онъ выслалъ Прокоповичу 25 руб. за переписку «Женитьбы» и «Игроковъ».

Пародія на «Братьевъ Разбойниковъ» напомнила мнѣ оригиналъ: какая дѣтская мелодрама, и какъ жиденьки и легоньки первыя поэмы Пушкина до «Цыганъ.»—Слышалъ я, что Грановскій далъ Погодину статью: можетъ быть, онъ (Грановскій) и хорошо сдѣлалъ, только я этого не понимаю; впрочемъ, у всякаго свой образъ мыслей, и у насъ въ Петербургѣ многіе литераторы не гнушаются печататься въ «Пчелѣ» и «Маякѣ»:—почему же московскимъ гнушаться печататься въ «Москвитянинѣ»: вѣдь «Москвитянинъ» немногимъ чѣмъ глупѣе и подлѣе «Пчелы» и «Маяка.»

Кланяйся всѣмъ нашимъ. Прощай. Если немножко придешь въ разсудокъ, то вспомни меня и напиши что-нибудь. Впрочемъ, желая тебѣ счастія, желаю подольше быть дуракомъ. Прощай.

Твой В. Б.

Къ И. С. Тургеневу. Весна 1843.

Прощайте, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ! Очень жалѣю, что не удалось въ послѣдній разъ побесѣдовать съ вами. Ваша бесѣда всегда отводила мнѣ душу, и, лишаясь ея на нѣкоторое время, я тѣмъ живѣе чувствую ея цѣну. Будьте добры и, по обѣщанію вашему, доставьте эти тетради по надписанію. Въ письмѣ къ Бакунину запечатано—что̀ бы вы думали?—книжка о преферансѣ. Это для стариковъ,—пусть посмѣются. Прощайте.

Вашъ В. Б.

Къ В. П. Боткину. 17 апрѣля, 1843.

Спб. 1843, апрѣля 17.

Спасибо тебѣ, добрый мой Боткинъ, за письмо твое. Оно доставило мнѣ какое-то грустное упоеніе счастія. Оно было такъ неожиданно, и притомъ—быть понятымъ въ своемъ глубочайшемъ страданіи, о которомъ смѣшно было бы и толковать тѣмъ, которые сами не видятъ его—это лучшее и священнѣйшее, что̀ только можетъ дать дружба. Только ты нѣсколько преувеличилъ дѣло, а потому немного и устыдилъ меня. Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что чужое счастіе глубоко и страдательно потрясаетъ меня; но это только при первомъ извѣстіи о немъ. Потомъ я уже смотрю на него, какъ на что-то такое, что̀ въ порядкѣ вещей, интересуюсь имъ, люблю его. Теперь мнѣ малѣйшая подробность твоей исторіи интересна, и займетъ меня живо и пріятно. И потому—пиши, пиши и пиши. Не знаю, я ли не совсѣмъ понимаю твое положеніе, или ты самъ не совсѣмъ понимаешь его, только тутъ есть что-то не такъ. Мнѣ кажется, что ты самъ себѣ не смѣешь признаться въ важности этого событія и какъ будто стараешься смотрѣть на него, какъ можно умѣреннѣе и легче: осторожность сердца, много разъ обманутаго, ума, искушеннаго опытомъ и измученнаго сомнѣніемъ! Есть два рода любви. То, что мы называемъ любовью романтическою мистическою, фантастическою—это цвѣтъ юности и болѣзнь натуръ внутреннихъ: въ этой любви любишь не предметъ любви, а свою любовь, съ мистикою ея ощущеній. Эта любовь прекрасна и благоуханна, какъ цвѣтокъ весенній, и, подобно ему, скоро

вянетъ. Отличительный характеръ любви дѣйствительной (въ которой мы чувствуемъ потребность, когда уже жизнь порядочно поистреплетъ насъ) состоитъ въ томъ, что любишь предметъ любви, а не любовь свою. Присутствіе любимаго существа тутъ даритъ тебя не восторгами, а кроткимъ чувствомъ удовлетворенія—тебѣ хорошо и легко—больше ничего; его радость радуетъ тебя больше твоей радости, его печаль тревожитъ тебя больше твоей печали. Въ романтической любви ты только больше уходишь въ себя, думая совсѣмъ выйти изъ себя, и въ основѣ ея и въ проявленіи ея—капризный поэтическій эгоизмъ. Въ любви дѣйствительной ты—человѣкъ, и я понимаю, что ты сказалъ не фразу, говоря, что уступилъ бы мнѣ Armance, чтобъ только видѣть меня счастливымъ. Во время исторіи твоей съ Александрой Александровной ты не стыдился передо мною своего счастія, и если бы тебѣ тогда пришла въ голову мысль о подобной уступкѣ—это былъ бы порывъ натянутаго великодушія, въ основѣ его лежало бы самолюбіе, жадное рыцарскихъ подвиговъ, какъ права на самоосклабленіе. Ты пишешь, что глубоко дорожишь этою дѣвушкою и ея къ тебѣ склонностію: это значитъ, что ты любишь ее, а не любовь свою, слѣдовательно, любишь просто, и точка отправленія чувства твоего есть ея личность, а все, что̀ есть прекраснаго въ ней, служитъ не предлогомъ къ твоему чувству, а только оправданіемъ его разумности. Ты говоришь, что она не хороша собою: это, по мнѣ, тоже хорошій признакъ, если ты, въ которомъ такъ развито чувство красоты, и который такъ эстетически сладострастенъ и развратенъ, если ты могъ полюбить не красоту, а душу въ лицѣ женщины, то ты дуракъ, если не понимаешь, что «счастье такъ возможно, такъ близко». Ты говоришь, что чувствуешь въ себѣ силу оторваться отъ этой дѣвушки, и что, поэтому, это не любовь, а склонность. Не знаю, можетъ быть, оно и такъ—трудно судить безошибочно о такихъ важныхъ вопросахъ жизни; но пока мнѣ все кажется, что отказаться отъ истиннаго чувства легче, чѣмъ отъ фантастическаго; но за то въ первомъ случаѣ мы теряемъ счастіе на всю жизнь, а во 2-мъ только на время сходимъ съ ума. Ты говоришь, что желалъ бы имѣть дитя отъ нея, и что заранѣе любишь его до безумія: дуракъ, дуракъ, съ длинной бородою укоротился умъ твой! Но, впрочемъ,—я скептикъ, и, можетъ быть, оно и такъ—т. е., можетъ быть ты и правъ—это не любовь, а склонность; но все-таки напомню тебѣ, вмѣсто разсужденій и спо-

ровъ; о тоскѣ одинокой жизни, о болѣзненности и брюзгливости стараго холостяка и о ядовитой грусти и жгучемъ раскаяніи, съ коими иные люди повторяютъ стихъ изъ «Онѣгина»:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!...

Журналъ губитъ меня. Здоровье мое съ каждымъ днемъ ремизится, и въ душу вкрадывается грустное предчувствіе, что я скоро останусь безъ шести въ сюрахъ, т. е. отправлюсь туда, куда страхъ какъ не хочется итти. Жизнь ничего мнѣ не дала, но люблю жизнь; смерть сулитъ мнѣ вѣчный покой, но не люблю смерти. Не упрекаю себя за малодушіе—такая натура моя, и въ ея любви къ жизни я вижу живое начало. Вода сначала только помогала мнѣ немного, а потомъ сдѣлалось мнѣ хуже. Лучше всѣхъ лѣкарствъ и водъ на меня подѣйствовалъ бы отдыхъ и удовольствіе. Вотъ почему мнѣ нужно пріѣхать въ Москву, къ тебѣ, мѣсяца на два съ половиною или больше. Я смотрю на эту поѣздку, какъ на мѣру спасенія отъ вѣрной смерти или неизбѣжной жестокой болѣзни, отъ которой надо будетъ медленно исчахнуть. Если зимняя поѣздка въ Москву, продолжившаяся съ проѣздомъ взадъ и впередъ какихъ-нибудь 3 недѣли, оживила меня и физически, и нравственно, то какъ же долженъ я поправиться, проведя лѣто вдали отъ чухонскихъ болотъ, безъ труда и заботы, съ тобою вмѣстѣ? О, да я воскресъ бы! Меня оживляетъ одна мысль объ этомъ. Добрый Некрасовъ взялся хлопотать достать мнѣ денегъ или у книгопродавца на подрядъ работы, или взаймы на вексель. Надежда на это плоха, но умирающій любитъ надѣяться. Если бъ это сбылось—я бы сказалъ директору, что онъ можетъ вычесть мое жалованье за эти мѣсяцы, и—пожелалъ бы ему «счастливо оставаться». Заѣхалъ бы на недѣльку въ Прямухино, а тамъ къ тебѣ, къ тебѣ! Какъ бы я радъ былъ увидѣть твою Armance—люблю ее, какъ сестру.

Если бы Некрасовъ досталъ мнѣ денегъ, я бы принялся за работу съ жаромъ и къ числу 20 мая былъ бы свободенъ, а въ послѣднихъ числахъ мая или самыхъ первыхъ іюня инсталлировался въ комнатѣ Николая Петровича. Боже мой, неужели и о такомъ счастіи я не долженъ смѣть мечтать!

Прощай.

Твой В. Б.

Къ В. П. Боткину. 30 апрѣля, 1843.

СПБ. 1843, апрѣля 30.

Хотѣлось бы написать къ тебѣ, Боткинъ, длинное посланіе, но, увлекшись письмомъ къ Герцену, потерялъ время, а Андрей Александровичъ сейчасъ ждетъ меня. Не знаю, получилъ ли ты письмо мое, въ которомъ я говорилъ о необходимости и надеждѣ прожить у тебя лѣто. Планъ не удался, т. е. Некрасовъ денегъ достать не могъ, а потому надо издыхать и отчаиваться въ Петербургѣ, на его болотахъ. Слушалъ я третьего дня Рубини (въ «Лючіи Ламмермуръ»)—страшный художникъ—и въ третьемъ актѣ я плакалъ слезами, которыми давно уже не плакалъ. Сегодня опять ѣду слушать ту же оперу. Сцена, гдѣ онъ срываетъ кольцо съ Лючіи и призываетъ небо въ свидѣтели ея вѣроломства — страшна, ужасна,—я вспомнилъ Мочалова и понялъ, что всѣ искусства имѣютъ одни законы. Боже мой, что это за рыдающій голосъ—столько чувства, такая огненная лава чувства—да отъ этого можно съ ума сойти! Съ И. Д. Бартеневымъ давно не вижусь: кажется, мы оба поняли, что не созданы видѣться другъ съ другомъ. Скучнѣйшій въ мірѣ человѣкъ. Уменъ, благороденъ, но самолюбивъ до комизма. Разъ я началъ хвалить Перовскаго и говорить о его значеніи для Россіи: «да, да, говоря собственно по отношенію ко мнѣ, онъ очень хорошъ ко мнѣ». Жалокъ, ничего не понимаетъ, отсталъ—послѣднее я выговорилъ ему, и это было очень не по сердцу.

Прощай, и пиши ко мнѣ, Бога ради. Умираю всѣми смертями. Теперь хочу лѣчиться у Завадскаго—посылаетъ на дачу, а что за дачи въ Петербургѣ?

В. Б.

Къ В. П. Боткину. 10—11 мая, 1843.

Спб. 1843, 10 мая.

Наконецъ-то ты откликнулся, Боткинъ. Я писалъ къ тебѣ длинное, предлинное письмо, каждый день прибавляя къ нему по нѣсколько строкъ. Сейчасъ думалъ засѣсть за него, по обыкновенію, ежеминутно ожидая письма отъ тебя—и вдругъ — оно! И потому длинное письмо мое останется безъ конца, чему я и радъ.

Спѣшу прежде всего сказать тебѣ мое прямое, честное и безпристрастное мнѣніе о важномъ для тебя вопросѣ. Не забывай, что это не болѣе, какъ мое личное мнѣніе, которое, можетъ быть, и невѣрно и даже пристрастно, какъ выраженіе моей личности, а всякая личность столь же есть ложь, сколько и истина. Итакъ, слушай. Понимаю причины, заставляющія тебя страстно желать поѣздки въ Европу, оправдываю ихъ, если хочешь; но все это уничтожается въ моемъ умѣ, сердцѣ, во всемъ существѣ моемъ твоими словами: «Да и есть что-то неблагородное, найдя дѣвушку умную, нѣжную, съ глубоко-эстетическою душою, дѣвушку, которая любитъ меня, съ преданностію и самою нѣжною искренностію, — пробудивъ ея любовь къ себѣ, — вдругъ оставить ее на годъ, оставить ее безъ дѣйствительнаго соединенія съ нею, зная и любя ее только внѣшнимъ образомъ, — оставить ее на скорбное одиночество сердца». Боткинъ, женщина есть нѣчто, и, если въ ней есть сердце, ея сердце есть еще болѣе нѣчто: знаешь ли, что, по твоему колебанію, Armance имѣетъ право думать, что ты недостаточно любишь ее. Если это такъ, мнѣ жаль обоихъ васъ, и если это такъ, то ты самъ поймешь, какъ мудрено и страшно рѣшиться мнѣ моимъ мнѣніемъ склонить вѣсы твоего рѣшенія на ту или другую сторону. Хорошо поѣхать за-границу, хорошо сдѣлать и то и другое, но лучше всего поступить честно и гуманно. Вѣдь это еще не сущность честности, не высшая степень ея — взять у человѣка послѣднія деньги и отдать ихъ съ собственною гибелью: взять у человѣка душу, сердце, счастіе и честно сберечь ихъ—вотъ высшая честность, ибо деньги еще возвратимое дѣло, а разбитое сердце слабаго существа, которому общество отказываетъ даже въ правѣ жаловаться на несчастіе,—это дѣло ничѣмъ непоправимое. Притомъ же, если эта женщина можетъ дать тебѣ счастіе,—то недостоинъ ты этого счастія, если самъ откажешься отъ него, можетъ быть, для мечты. Въ любви нѣтъ полнаго удовлетворенія—это правда, и жалокъ былъ бы человѣкъ, если бы онъ могъ найти полное удовлетвореніе въ любви; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы что-нибудь было выше любви: изъ этого слѣдуетъ только, что ничто одно не можетъ удовлетворить многихъ потребностей человѣка. Но вотъ, какое значеніе имѣетъ въ жизни мужчины преданная ему женщина: другъ нашъ, Герценъ, очень счастливо женатъ, но мы не полюбили бы его, если бы онъ отъ этого былъ не только вполнѣ счастливъ, но даже и просто

счастливъ; однако же онъ все-таки счастливѣе всѣхъ насъ. У насъ нѣтъ ничего ни впереди, ни позади, — жизнь для насъ — постылая жена, которую мы ненавидимъ, но съ которою разстаться не имѣемъ права; а у него есть живая связь съ жизнію— это его жена. Тяжело тебѣ, Боткинъ, жить и теперь, но подумай, что̀ изъ тебя будетъ въ 40 лѣтъ — вѣдь страшно подумать объ этомъ. Поѣздка за-границу освѣжитъ тебя на время, но тѣмъ тяжелѣе будетъ тебѣ жить послѣ этого краткаго оживленія. А останься ты—можетъ быть, найдешь то, что нашелъ Герценъ въ жизни, а для этого—чортъ побери и востокъ и западъ. Замѣть: я пишу—можетъ быть и подчеркиваю эти слова, чтобы ты видѣлъ, что я не фантазирую и желанія не принимаю за одно съ совершеніемъ—я вѣдь тоже умѣю сомнѣваться больше, чѣмъ обольщаться надеждою. Сверхъ того, въ жизни человѣка есть фатумъ, и простые люди справедливы, боясь суевѣрно итти противъ судьбы. Я бы на твоемъ мѣстѣ встрѣчу съ Armance принялъ за велѣніе Провидѣнія не ѣхать. Да и какъ тебѣ ѣхать— ты раздвоенъ, удовольствіе твоей поѣздки будетъ отравлено, а потому и пользы не выйдетъ. Можетъ быть, у тебя есть мысль, что вѣдь это только на годъ, что ты воротишься, и все пойдетъ по прежнему: не знаю, можетъ, оно и такъ, но я не вѣрю жизни и убѣжденъ, что чѣмъ болѣе она сулитъ человѣку, тѣмъ болѣе требуетъ, чтобы онъ цѣнилъ это, а иначе—разманитъ, да и покажетъ шишъ: вотъ, молъ, тебѣ, дураку, коли не умѣлъ воспользоваться. Еще если бы въ твоихъ отношеніяхъ къ Armance было что-нибудь опредѣленное, положительное—тогда бы другое дѣло; а то съ какою надеждою оставишь ты бѣдное, преданное тебѣ существо, что̀ будетъ для нея залогомъ, что ты не измѣнишься, что возвратишься къ ней тѣмъ же, какимъ и былъ? Скажу тебѣ болѣе—ибо ты требуешь моего мнѣнія: думая о твоей нерѣшительности въ такомъ простомъ, по моему мнѣнію, вопросѣ, я убѣждаюсь, что ты недостоинъ счастія быть любимымъ женщиною и что потому-то ты и любимъ... Нѣтъ, если бы меня любила горничная, которая была бы такъ ниже моихъ потребностей, что не могла бы занять меня болѣе двухъ мѣсяцевъ, но если бы она была привязана ко мнѣ искренно, и я зналъ бы, что разрывъ съ нею стоилъ бы ей горькихъ, хотя и непродолжительныхъ слезъ,— о, пусть лучше не узнаю я, что такое и минутное забвеніе, на чувственности основанное, чѣмъ испытать такое положеніе. Можетъ быть, это происходитъ отъ врожденнаго мнѣ прекрасно-

душія, слабости характера и дикихъ особенностей моей нелѣпой натуры; но я таковъ, а ты вѣдь требовалъ моего мнѣнія, въ которомъ я былъ бы самимъ собою. Прибавлю еще и вотъ что: понимаю всю прекрасную сторону поѣздки за-границу—понимаю ее такъ же глубоко, какъ и ты; но не думаю, чтобы изъ-за нея стоило рисковать тѣмъ, что̀ можетъ повлечь за собою или сознаніе утраты предоставлявшагося счастія или—что̀ еще хуже—вѣчное раскаяніе въ разбитомъ сердцѣ женщины.

Есть одно, чему можно пожертвовать женщиною и имѣть право разбить ея сердце—это долгъ; но едва ли можно видѣть долгъ въ поѣздкѣ за-границу; тогда какъ отношенія твои къ Armance, которыя ты одинъ создалъ, суть безъ всякаго сомнѣнія долгъ, въ которомъ гораздо болѣе опредѣленнаго и положительнаго, чѣмъ въ первомъ. Вотъ все, что могу сказать я объ этомъ предметѣ; коли увидимся, скажу болѣе, а пока болѣе нечего говорить.

Отвѣчай мнѣ немедленно. Сегодня (понедѣльникъ 10 мая) получилъ я письмо твое, сейчасъ же написалъ отвѣтъ, а завтра (11-го мая) оно пойдетъ къ тебѣ. Сдѣлай и ты такъ. Пиши ко мнѣ просто и коротко о своемъ рѣшеніи въ ту или другую сторону, не говоря о причинахъ. Моя поѣздка въ Москву зависитъ отъ твоего рѣшенія. Пиша къ тебѣ о моемъ страстномъ желаніи ѣхать на лѣто въ Москву,—я, признаюсь, имѣлъ надежду на твою помощь. Просить прямо я не хотѣлъ, ибо зналъ, что, если можно, ты самъ сдѣлаешь; а что̀ я просилъ косвенно, въ этомъ не каюсь и этого не стыжусь: дѣло шло не объ удовольствіи, а, можетъ быть, о спасеніи моей жизни. Я боленъ, и крѣпко боленъ; душа моя угнетена трудомъ, заботою и тоскою—мнѣ нуженъ отдыхъ, свобода, бездѣйствіе, удовольствіе (котораго я не помню съ послѣдней моей поѣздки въ Москву). Если ты остаешься и не ѣдешь за границу—я ѣду въ Москву и могу выѣхать числа 26—27 мая. Ты думаешь самъ пріѣхать—оно хорошо, да вѣдь мнѣ нужны твои деньги—стало быть, вдвойнѣ: подумалъ ли ты объ этомъ? Теперь, сколько мнѣ нужно денегъ? Вотъ объ этомъ тяжело и говорить. 40 руб. серебромъ нужны за дилижансъ взадъ и впередъ; но какъ на обоихъ путяхъ (или по крайней мѣрѣ на первомъ) мнѣ непремѣнно нужно заѣхать въ Прямухино, то выйдетъ и больше. 10 руб. серебромъ только что станетъ на издержки въ пути. Впрочемъ, я напрасно считаю вдвойнѣ—на первый случай нужно тебѣ выслать столько, чтобы

я въ Москву могъ пріѣхать. 100 руб. асс. надо будетъ внести за квартиру, иначе хозяинъ не пуститъ. Рублей 200, по крайней мѣрѣ, нужно на долги въ Петербургѣ и кое-какія приготовленія. Остальное самъ знаешь, сколько нужно для проѣзда. Много, много надо: подумай, и, подумавши, скажи прямо и искренно—вѣдь это деньги, а отдамъ-то я тебѣ ихъ, Богъ знаетъ, когда. Разумѣется, хотя въ Москвѣ мнѣ и нечего будетъ тратиться, живя на всемъ на готовомъ, но все же нельзя будетъ жить и безъ какихъ-нибудь денегъ. А у меня своихъ къ отъѣзду останется развѣ гривенника три, да и то врядъ ли. Подумай и отвѣчай немедленно. Человѣка я отпущу, квартиру поручу Левушкѣ Краевскаго. Прощай. Отвѣчай же скорѣе—по пальцамъ буду считать дни и минуты полученія твоего отвѣта.

Вторникъ, 11 мая.

Отправляя сейчасъ письмо это на почту, не могу еще не прибавить нѣсколько словъ. Я показывалъ письмо твое Панаеву; я думалъ, что онъ объявитъ себя за поѣздку противъ женщины; но онъ объявилъ себя согласно со мною, что не понимаетъ, какъ можно колебаться въ такомъ случаѣ. Трудно быть судьею чужого дѣла, но, по зрѣломъ соображеніи (ибо я безпрестанно думаю все о тебѣ), болѣе и болѣе убѣждаюсь, что я правъ. Насчетъ контракта, кажется, нечего и хлопотать—онъ, къ несчастію, ненарушимъ. Впрочемъ, надо знать всѣ подробности условія. Это непріятно, но противъ твердой воли ничто не устоитъ.

Мысль, что я ѣду въ Москву, носится въ моей головѣ, какъ пріятный сонъ. Я только тогда увѣрюсь въ ея дѣйствительности, когда петербургская застава исчезнетъ изъ виду, и, какъ узникъ, почуявшій свободу, глубоко, вольно и радостно дохну я свѣжимъ воздухомъ полей.

Если будешь высылать деньги, то высылай на имя Краевскаго, а отнюдь не на мое.

Прощай. Письмо это получишь ты въ пятницу (14 мая), а въ субботу посылай отвѣтъ, чтобы я получилъ его во вторникъ.

Кречетовъ выздоравливаетъ.

Читалъ ли ты «Парашу»?—Это превосходное поэтическое созданіе. Ты, вѣрно, угадалъ автора?

Не могу не прибавить и еще нѣсколькихъ словъ. Ты не хорошо сдѣлалъ, что не пріѣхалъ ранѣе въ Петербургъ, хоть на

недѣлю: ты и себя испыталъ бы въ разлукѣ съ Armance, да и, толкуя со мною объ этомъ предметѣ безпрестанно, можетъ быть, скорѣе напалъ бы на успокоительную истину рѣшенія. А то, какъ въ письмѣ рѣшить такое дѣло? Впрочемъ, мнѣ и еще вотъ что пришло въ голову: ты можешь ѣхать и на полгода (я не знаю, почему бы тебѣ нельзя было ѣхать меньше. чѣмъ на годъ), а въ такомъ случаѣ подождать мѣсяцъ, другой, а по надобности и третій, чтобъ увидѣть, какъ оно въ тебѣ будетъ работать, и какой, наконецъ, исходъ возьметъ твой романъ—для тебя не будетъ ни большою жертвою, ни помѣхою. А мы, между тѣмъ, съ тобою все наблюдали бы да толковали. Я не разъ замѣчалъ, что всѣ вопросы вдвоемъ рѣшаются и скорѣе и лучше, и именно посредствомъ частыхъ толковъ о нихъ. Я надѣюсь быть тебѣ полезенъ въ этомъ отношеніи. Если бы деньги позволили тебѣ пріѣхать въ Питеръ, можетъ быть, и въ двѣ недѣли дѣло уяснилось бы, и тогда ты поѣхалъ бы въ Москву проститься, а что до меня—то будь я скотина, если мой отъѣздъ въ Москву имѣетъ какое-нибудь вліяніе на вопросъ—ѣхать тебѣ или оставаться.

Къ В. П. Боткину. 24 мая, 1843.

Спб. 1843, мая 24.

Спасибо вамъ, добрые друзья мои, Боткинъ и Герценъ! Вы сдѣлали поистинѣ доброе дѣло, одолживъ меня. Никогда пріятельская услуга не была такъ кстати. Я нашелъ доктора, который далъ мнѣ большое облегченіе — это извѣстный тебѣ, Боткинъ, Завадскій. Онъ посадилъ меня на великую діету—и я теперь дышу свободно, я теперь почти здоровъ, въ сравненіи съ обыкновеннымъ моимъ состояніемъ. Но всего этого недостаточно. Преферансъ, нужда въ деньгахъ, скука и журнальная поденщина обратили бы въ ничто благодѣтельныя слѣдствія діеты и лѣченія. Мнѣ нужно воздуха, свободы, отдыха, far niente,—и я буду все это имѣть. Я теперь почти счастливъ. Душа плаваетъ въ эмпиреяхъ. Иду по улицѣ—и каждому встрѣчному, знакомому и незнакомому, такъ и хочется сказать: а я ѣду въ Москву!—Я вспомнилъ, что такое улыбка удовольствія—нежданная гостья на моей вѣчно-кислой рожѣ! Я пьянъ отъ радости. Кому отказано во многомъ, тотъ научается дорожить и немногимъ. Ты, Боткинъ,

писалъ, что вышлешь деньги въ понедѣльникъ — стало быть, я получу ихъ въ четвергъ. Но вотъ и пятница, а денегъ нѣтъ. . .
. . . . . .
. . . . . и неприсылка денегъ очень опечалили меня въ субботу. Я не сомнѣвался въ полученіи денегъ, но я слышалъ, что даже въ частныхъ конторахъ дилижансовъ (которыхъ теперь всего семь) мѣста разобраны недѣли за полторы впередъ: каково же прожить въ Петербургѣ лишнихъ полторы недѣли! Ко всему этому новое горе. Краевскій переѣзжаетъ на новую квартиру, а мнѣ страхъ какъ хотѣлось захватить его квартиру, хозяинъ обѣщалъ было, что отдастъ ее мнѣ, какъ вдругъ является нѣкто, почти уже нанявшій эту квартиру. Я взвылъ (разумѣется, духовно), бѣгу къ Лопатину, и—квартира моя. А послѣ обѣда денегъ—350 (Краевскій далъ по просьбѣ Герцена)! Ай-да суббота!

Скачу въ почтамтъ и захватилъ мѣсто въ брикѣ на 2-е іюня; стоитъ 49 руб., а мнѣ ѣхать—до Торжка только, а въ частномъ дилижансѣ заплатилъ бы 70 руб.

Увы, Боткинъ, макароны, кофе, сухари и прочая, и прочая ты можешь оставить для себя: я не ѣмъ говядины. Вина не нюхаю; припасай мнѣ куръ и телятины и зелени. Больше ничего.

Сегодня поутру получилъ письмо отъ Лангера; но на него не отвѣтилъ: скоро обо всемъ переговоримъ...

Итакъ, я выѣзжаю 2 іюня утромъ. Въ Прямухинѣ я пробуду дней пять, а, можетъ быть, и недѣлю, а около 10 іюня непремѣнно буду пить чай на Маросейкѣ, въ домѣ Боткина.

Жму руку Герцену. Застану ли я въ Москвѣ Грановскаго?

Письма Armance привезу самъ.

Твой Бѣлинскій.

Къ И. А. Бакунину. 24 мая, 1843.

Здравствуйте, Николай Александровичъ! спѣшу обрадовать васъ пріятнымъ извѣстіемъ, что четвертаго числа іюня мѣсяца, сего 1843 года, вы будете имѣть неизрѣченное счастіе видѣть мою особу въ Богоспасаемомъ селѣ Прямухинѣ.

В. Бѣлинскій.

Спб. мая 24.

Къ А. А. Краевскому. 26 іюня, 1843.

Не знаю, съ чего начать? Думаю, лучше всего съ денегъ: предметъ самый интересный. Я—судырь ты мой—въ нѣкоторомъ родѣ обанкрутился, а деньги страшно нужны—свидѣтель Боткинъ. Нѣтъ ли въ московской конторѣ вашей—пришлите писаніе, да получу по оному, и за это возьмите душу подъ залогъ—вѣдь иначе пойдетъ къ чорту, а чѣмъ вы хуже чорта? — и черенъ, и желченъ, и вообще скверность такая, что только поплевать да бросить. Ради всего въ мірѣ—выручите. Да нельзя ли побольше? Статья пишется, и лихая. О сплетняхъ потолкуемъ при свиданіи. Горе, горе и горе — въ бани не пускаютъ вдвоемъ, а потому въ Москвѣ нѣтъ никакой поэзіи, а есть только Шевыревъ съ «Москвитяниномъ», да это не замѣняетъ клубнички. Драму Тургенева пришлю скоро—славная вещь; а при семъ прилагаю два его стихотворенія для «Отечественныхъ Записокъ».

Галаховъ обѣщалъ мнѣ доставить стихотворенія Милькѣева, и я напишу на нихъ разборъ. Да и вообще, какія книги поинтереснѣе есть въ Москвѣ, я готовъ писать рецензіи и ручаюсь, что онѣ будутъ поживѣе писанныхъ въ Петербургѣ. Равнымъ образомъ, если что есть изъ книгъ въ Питерѣ поважнѣе—пришлите: мигомъ отхвачу. За пересылку статей не берусь, но это дѣло Галахова, а за мной дѣло не стало бы—руки что-то расчесались на бумагомараніе.

Кудрявцевъ пишетъ повѣсть.

Прощайте. Пожалуйста же вонмите гласу моего моленія; если же нельзя, то отвѣтьте немедленно. Тогда я съ отчаянья поколочу Шевырку и брошусь въ Москву рѣку, что̀ сдѣлать тѣмъ легче, что въ этой лужѣ утонуть нельзя. Кстати, о потопленіи: у Герцена утонулъ человѣкъ Матвѣй, славный былъ человѣкъ.

В. Бѣлинскій.

Москва, 1843, іюня 26.

Къ И. С. Тургеневу. 8 іюля, 1843.

Любезнѣйшій

Иванъ Сергѣевичъ!

И хочется писать къ вамъ, и нечего писать. Вы поймете меня. У насъ съ дуракомъ нечего говорить потому, что ни въ чемъ

нельзя сойтись съ нимъ, а съ умнымъ нечего говорить потому, что ни въ чемъ нельзя разойтись съ нимъ. Въ обоихъ случаяхъ результатъ одинъ: или перекидываніе общими мѣстами, или краснорѣчивое молчаніе. Я въ Москвѣ все умнѣю, т.-е. все подвигаюсь впередъ въ способности скучать и зѣвать, и ставить $2+2=4$, зѣвая и скучая. Это прогрессъ.

Напрасно вы не распорядились раньше присылкою въ Москву экземпляровъ «Параши». Всѣ спрашивали ее давно, и разошлось бы много. Я еще разъ десять прочелъ ее: чудесная вещь, вся насквозь пропитанная и поэзіею (что очень хорошо), и умомъ (что еще лучше, особенно вмѣстѣ съ поэзіею). Боткину она очень нравится, потому что Боткинъ умный человѣкъ, а другимъ она нравится въ половину, или потому, что другіе видятъ въ ней эпиграмму на себя, или потому, что они въ поэзіи ищутъ вздора (т.-е. прекрасныхъ чувствъ), а не дѣла (т.-е. $2+2=4$). Драма ваша—весьма и тонко умная и искусно изложенная вещь. Я (по данной мнѣ вами власти) обрекъ ее на растлѣніе въ «Отечественныя Записки» и послалъ къ Краевскому, отъ котораго уже чортъ не вырветъ ее. Не нравятся мнѣ въ ней двѣ вещи: эпиграфъ (который могутъ счесть за претензію) и два стиха:

Подыму тебя съ дороги—
Покажу тебя богамъ.

Если захотите ихъ перемѣнить, это легко можно сдѣлать черезъ Панаева.

А стиховъ вы прислали мнѣ мало—это, сударь, стыдно.

Очень радъ буду увидѣться съ вами, но если бы вы уѣхали изъ Питера, я не зналъ бы, куда и дѣваться; съ вами я отводилъ душу—это не гипербола, а сущая правда.

Жму вашу руку и желаю вамъ зѣвать, сколько можно, рѣже и меньше.

Москва (преглупый городъ).
1843. Іюля 8.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ А. А. Краевскому. 8 іюля, 1843.

Ну, спасибо вамъ, о, грубѣйшій изъ всѣхъ директоровъ, когда-либо существовавшихъ въ семъ печальномъ мірѣ: ваша бумажка за № пришла кстати. Деньги я получилъ, и за нихъ душевно

благодаренъ вамъ. Какъ видно, Глазуновъ очень дорожитъ коммиссіонерствомъ у васъ; деньги онъ далъ (кажется) свои, и безъ всякаго колебанія. А что вы бранитесь въ письмѣ, это — ваше благородіе, ангелъ мой, — ужъ такой обычай у васъ — собачья натура, которая, коли не лаетъ, такъ рычитъ. А притомъ, вы и врете — чортъ бы васъ взялъ — ужасно. Я оставилъ вамъ нѣсколько рецензій, а книгъ — вы пишете сами — въ Питерѣ нѣтъ: а между тѣмъ, вы еле-еле можете расплачиваться съ Некрасовымъ, Сорокиными и прочею голодною братьею, работающею за меня. Въ Москвѣ какія есть книжонки позабавнѣе — я беру на себя (двѣ уже доставлены мнѣ) — итакъ, если въ Питерѣ работаютъ за меня, то я въ Москвѣ дѣлаю кое-что не за себя: одно на одно найдетъ. Но это все вздоръ; а дѣло вотъ въ чемъ: я душу васъ часто несвоевременными просьбами на счетъ денежной клубнички — это правда; но за то я въ вѣрѣ твердъ и хожу въ «Отечественныя Записки» (. . . . .) и въ будни и въ праздники. Недавно получилъ я предложеніе отъ одного богатаго и притомъ очень порядочнаго человѣка: онъ проситъ меня, какъ объ одолженіи, чтобы я поѣхалъ съ нимъ на два года за границу, въ его экипажѣ, и взялъ бы отъ него шесть тысячъ за эти два года. Предложеніе соблазнительно, и часа два я былъ въ лихорадкѣ отъ него; но тѣмъ, разумѣется, дѣло и кончилось. Видно, насъ съ вами самъ чортъ связалъ веревочкой. Если этотъ человѣкъ даетъ мнѣ 6000 за два года, то, вѣрно, далъ бы и еще двѣ, чтобы я, воротясь въ Питеръ, могъ жить, пока бы не пріискалъ работы. Фамилія этого человѣка — Косиковскій. Его знаютъ Панаевъ, Комаришка и пр. Этотъ случай посланъ мнѣ судьбою въ насмѣшку надо мною — видитъ око, да зубъ неймётъ; хороша клубничка, да жена сторожитъ. А жена эта — старая, кривая, рябая, злая, глупая старуха, словомъ, расейская литература, чортъ бы ее съѣлъ, да и подавился бы ею. Другой на моемъ мѣстѣ, чтобъ только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть въ киргизскія степи; а я, Донъ-Кихотъ нравственный, отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и пр., отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизаціи, отъ здоровья и, можетъ быть, еще чего-нибудь большаго. Такова ужъ моя натура.

Прилагаемое письмецо доставьте къ Тургеневу черезъ Панаева. Драма его передана въ контору для пересылки вамъ. Это вещь необыкновенно умная, но не эффектная для дуры публики нашей;

но какъ вамъ нечего печатать—то и это благодать Божія, благо оригинальная пьеса. Я пишу къ нему, чтобъ онъ выбросилъ эпиграфъ, да перемѣнилъ два стиха. Денегъ онъ, какъ человѣкъ обезпеченный, разумѣется, не имѣетъ въ виду; но изъ деликатности не мѣшало бы предложить ему экземпляръ «Отечественныхъ Записокъ», тѣмъ болѣе, что онъ и впредь вкладчикомъ вашего журнала быть не откажется. При драмѣ получите вы статью Соколовскаго, доставленную мнѣ Грановскимъ. Что касается до посвященія благородному имени моему пьесы Т. Л., то вы напрасно и писали о немъ: вычеркните, да и все тутъ. Вы знаете, что я не изъ числа мелочныхъ людей и за посвященіями не гонюсь.

Шевыревъ безчинствуетъ и два раза обругалъ Крюкова въ университетѣ. Послѣдній собирается что-то писать для «Отечественныхъ Записокъ», да, вѣрно, дѣло кончится сборами.

Есть въ Москвѣ двоюродный братъ Венелина, который, благоговѣя передъ памятью своего, дѣйствительно, сумасброднаго, но тѣмъ не менѣе и замѣчательнаго родственника, желаетъ напечатать все, что только осталось написаннаго его рукою. Для этого у него нѣтъ средствъ, и думаетъ пріобрѣсти ихъ, напечатавъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (за общую плату—150 руб. съ листа) годныя для журнала статьи. Ключниковъ читалъ изъ нихъ о Дмитріи Самозванцѣ и критику на Карамзина—говоритъ—интересны очень. Я привезу ихъ съ собой; а между тѣмъ чудаку хочется, чтобы вы сказали объ этомъ что-нибудь въ письмѣ ко мнѣ или къ Боткину, а мы бы передали ему. Кстати: Венелина, между прочимъ, уложилъ въ могилу Погодинъ.

Къ А. А. Краевскому. 22 іюля, 1843.

Спасибо вамъ, Краевскій, за доброе письмо ваше. Оно очень и очень утѣшило и порадовало меня. Я увидѣлъ въ немъ съ вашей стороны истинное и искреннее ко мнѣ участіе. За границу я рѣшительно не ѣду, и прошу васъ сказать объ этомъ г. Косиковскому черезъ друга нашего Александра Сергѣевича Комарова. Не ѣду я, во 1-хъ, потому, что тогда же рѣшилъ для себя не ѣхать. Была у меня минута (и минута тяжкая) борьбы; но она была непродолжительна. Я боялся не просьбъ, не заманиваній и обѣщаній вашихъ (которыя, разумѣется, были бы не-

пріятны)—не въ нихъ была главная сила—она была въ тѣхъ нравственныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я чувствую себя къ журналу вашему и къ вамъ. Я всегда васъ зналъ, въ отношеніи къ себѣ, человѣкомъ добрымъ и честнымъ, и не считаю себя въ правѣ для своей выгоды поставить васъ въ затруднительное положеніе. Если я употребилъ слово донкихотство, это было остаткомъ, слѣдомъ минутной борьбы, которую я выдержалъ по полученіи письма г. Косиковскаго, и слѣдствіемъ досады на судьбу, которая вздумала меня попотчивать не кстати тѣмъ, чѣмъ не могъ я воспользоваться. А какъ судьба лицо безплотное, сирѣчь духъ, и ее сколько ни брани, ей все нипочемъ, то я съ больной-то головы—да на здоровую, и сказалъ вамъ слово, которое могло вамъ показаться жесткимъ или неумѣстнымъ, и за которое вы меня должны извинить. Мы съ вами связаны—терпѣли вмѣстѣ горе и стыдъ, ратовали за одно и любили одно. Видно, насъ самъ чортъ связалъ веревочкой, какъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, и намъ, видно, не развязаться. Повторяю вамъ, я давно рѣшился не ѣхать. Но на дняхъ со мною случилось нѣчто такое, что должно имѣть вліяніе на всю мою жизнь, и вслѣдствіе чего, если бы Европа сама пріѣхала ко мнѣ въ гости, я бы не принялъ ее. Пока—это тайна, о которой изъ питерскихъ друзей моихъ я говорю вамъ первому, а васъ прошу не говорить никому; пріѣду—узнаете все. Итакъ, объ этомъ больше нечего говорить. Я увѣренъ, что вы поймете это мое письмо такъ же просто и такъ же искренно, какъ я понялъ ваше. Я больше всего въ мірѣ боюсь фальшивыхъ отношеній, и больше всего хлопочу о томъ, чтобъ быть съ людьми на прямыхъ отношеніяхъ [1]).

Думалъ я писать къ г. Косиковскому, но онъ скоро будетъ самъ въ Москвѣ. Жалко мнѣ, что я его напрасно взволновалъ,

[1]) Говорю объ искренности, а самъ было и своровалъ (какъ говорится въ русскихъ историческихъ актахъ) и не договорилъ вамъ признанія, что меня немного кольнулъ тонъ вашего прежняго письма и толки о платимыхъ вами за меня деньгахъ,—что и заставило меня отвѣтить вамъ нѣсколько въ полемическомъ тонѣ. Но я былъ неправъ. Я долженъ былъ отличить идею отъ формы: вы—прекрасный человѣкъ, но грубоваты въ формахъ—вотъ и все. Видно, такъ ужъ Господомъ Богомъ устроено, чтобы за каждымъ человѣкомъ водились грѣшки, и волтеріанцы напрасно возстаютъ противъ этого. Я самъ человѣкъ съ грѣхами. Будемъ же умѣть прощать другъ другу и быть снисходительными другъ къ другу.—*Прим. Бѣлинскаго.*

не имѣя духу выразиться опредѣленнѣе и включивъ глупую фразу о свиданіи съ вами. Изъ этого вижу, что я плохой политикъ, и что мнѣ надо впредь дѣйствовать по-кетчеровски.

Вѣрю вамъ, что вы будете рады, что остаюсь, и радуюсь за васъ, что, удержавъ стараго сотрудника, вы въ немъ же пріобрѣтете новаго, т. е. болѣе усерднаго и аккуратнаго. Вы поймете, о чемъ я говорю, и не станете шутить, ибо, какъ вы сами справедливо замѣтили въ письмѣ къ Боткину, есть вещи въ жизни, надъ которыми не должно шутить. Но теперь, теперь потерпите немного и будьте снисходительны. Жизнь не дается человѣку два раза, и человѣку простительно забыться въ ней хоть на первую минуту. Статью вамъ вышлю къ 10-му августа, а насчетъ рецензіи—будьте добры—если будутъ книги поинтереснѣе, нельзя ли прислать: хочется недѣльки двѣ оттянуть у заботы и горя житейскаго.

В. Бѣлинскій.

Посылаю вамъ филиппику противъ Шевырки. Боюсь, что опоздалъ, но это не моя вина, а выходъ 6 № «Москвитянина». Хотѣлось бы, чтобы это было напечатано въ 8 № «Отечественныхъ Записокъ». Вчера вы должны были получить посланную мною рецензію на стихотворенія Милькѣева. Прощайте.

NB. Въ Москвѣ проливные дожди каждый день уже болѣе мѣсяца. Сегодня свѣтло, да Богъ знаетъ, на долго ли.

Москва. 1843, іюля 22.

Къ Н. А. Бакунину. 24 августа, 1843.

Москва. 1843, августа 24.

Любезнѣйшій

Николай Александровичъ!

Намѣреніе мое побывать въ Прямухинѣ на возвратномъ пути не можетъ сбыться. Какъ водится, я ничего не дѣлалъ по пріѣздѣ въ Москву, и потому меня застигла работа. Боткинъ уѣхалъ еще 20 августа, а я остался дописывать статью. Между тѣмъ, въ Питерѣ меня ждутъ и проклинаютъ, да и Боткина мнѣ необходимо застать въ Петербургѣ, чтобъ проститься съ нимъ надолго. Боткинъ писалъ къ Павлу Александровичу, думая, не будете ли чего съ

нимъ писать или наказывать. Но дня выѣзда онъ не назначилъ, ибо самъ не зналъ его. Я выѣзжаю послѣ завтра—въ четвертокъ (26 авг.), стало быть, черезъ Торжокъ буду проѣзжать въ пятницу утромъ рано. Если что приготовили вы для отсылки съ Боткинымъ, то передайте мнѣ.

Прошу у Александры Александровны извиненія, что такъ долго не отвѣчалъ на ея письмо. О чемъ она писала ко мнѣ, о томъ самомъ я лично говорилъ съ Константиномъ Андреевичемъ Бееромъ. У Краевскаго есть уже давно хорошій переводъ «Consuelo», и если онъ рѣшится печатать этотъ романъ, то, разумѣется, въ извѣстномъ уже ему и готовомъ переводѣ знакомаго ему человѣка,—и я тутъ, при всемъ моемъ желаніи, ровно ничего не могу сдѣлать. Ради всего святого, прошу Варвару Александровну позволить мнѣ еще нѣкоторое время придержать портретъ Станкевича. Горбуновъ былъ въ Москвѣ на самое короткое время и никакъ не могъ приняться за эту работу. Изъ Петербурга я тотчасъ перешлю портретъ въ цѣлости. Мой портретъ Мишеля несравненно лучше вашего литографированнаго. Боткинъ не могъ налюбоваться на работу, а онъ знаетъ толкъ въ этихъ вещахъ. Прочелъ я «Le Compagnon du Tour de France»—божественное произведеніе!

Кланяюсь всѣмъ вамъ и желаю быть здоровыми и счастливыми. Поправляется ли Алексѣй Александровичъ?

Александру Александровичу и Варварѣ Александровнѣ прошу васъ передать мой задушевный поклонъ. Если вы женаты уже, то не считаю за нужное напоминать вамъ, что вы обязаны съ самой лучшей стороны отрекомендовать меня своей супругѣ и увѣрить ее въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности. Маленькаго Сашу цѣлую. Здорова ли подруга его юности—галка? Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Не оставилъ ли я у васъ моего пальто? Если да, то не худо, если бы кстати вы прислали его ко мнѣ въ Торжокъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 1. Письмо къ В. П. Боткину отъ 22 ноября 1839 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (82—85). Извлеченія изъ этого письма впервые сдѣланы Пыпинымъ, затѣмъ, новыя выдержки въ статьѣ С. Невѣдѣнскаго «Катковъ и Бѣлинскій» («Рус. Вѣсти.», 1886, кн. 6), послѣ вошедшей въ его книгу «Катковъ и его время» (Спб., 1888); нѣкоторыя дополненія, по матеріаламъ Пыпина, въ статьѣ Н. А. Котляревскаго (сборникъ «Помощь голодающимъ», М., 1892) и у Р. В. Иванова-Разумника («Великія Исканія», 1911). Полностью печатается впервые.

«молодой, молодой человѣкъ, но говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ»—фраза Бобчинскаго о Хлестаковѣ.

«о твоемъ дѣлѣ»—объ отношеніяхъ между Боткинымъ и А. А. Бакуниной.

Къ стр. 3. «прочелъ мнѣ свою статью»—это статья «О философіи», напечатанная потомъ въ 4-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1840 г.

— Въ чемъ выразилось участіе Т. А. Бакуниной въ отношеніяхъ между Боткинымъ и ея сестрою, пока остается неяснымъ. Вѣроятно, это будетъ разъяснено въ работѣ А. А. Корнилова «Семейство Бакунинныхъ».

— «уважаетъ въ другихъ права дружбы»—въ подлинникѣ «другихъ» пропущено.

— «при его братѣ»—Н. А. Бакунинѣ.

Къ стр. 6. «который понялъ Мишеля»—въ подлинникѣ слова «понялъ» нѣтъ, но пропускъ этого или однороднаго слова очевиденъ.

«доставитель этого посланія»—какъ видно изъ письма къ Боткину отъ 30 ноября (стр. 10), письмо это было отправлено не черезъ Стефанова, какъ предполагалось, а черезъ А. Ѳ. Заикина

Къ стр. 7. «Краевскій же»—въ подлинникѣ описка: «Краежскій же».

Объ отзывѣ Одоевскаго о «Пятидесятилѣтнемъ дѣдушкѣ» сказано, конечно, иронически.

— «религія есть основа всего»—здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, слово «религія» надо понимать, конечно, не въ его теологическомъ значеніи.

Къ стр. 8. «какъ отъ чумы»—въ подлинникѣ «какъ» пропущено.

Къ стр. 9. «Кланяйся Ивану Петровичу»—Ключникову.

— «Петру Петровичу»—Ключникову.

— «отъ Дмитрія»—отъ Д. М. Щепкина, брата «барышни», извѣстной героини «гисторіи».

— «я понимаю Фроловыхъ» — русская семья, постоянно жившая за границей. Съ ними были очень близки Грановскій и Станкевичъ.

— «очень хорошія статейки»—шуточная фраза, опять по Гоголю. Упоминаемыя статьи были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1839, № 11. Въ прежнія собранія сочиненій Бѣлинскаго онѣ не входили; въ изданіи подъ ред. С. А. Венгерова помѣщены въ IV и V томахъ.

— «Хорошъ нашъ старецъ-то»—А. М. Бакунинъ, противящійся браку дочери съ Боткинымъ.

Къ стр. 10. «только бы дѣло-то хорошо кончилось» — т.-е. чтобы состоялся бракъ Боткина съ А. А. Бакуниной.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 30 ноября 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (86—87). Извлеченія изъ него впервые сдѣланы Пыпинымъ; новая выдержка въ статьѣ С. Невѣдѣнскаго («Рус. Вѣстн.», 1888, кн. 6). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 11. «Какой гнусный старичишка!»—относится къ А. М. Бакунину, который, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, воспротивился браку своей дочери съ Боткинымъ на томъ основаніи, что тотъ не былъ дворяниномъ.

— «Кирюшѣ»—К. А. Горбунову, художнику-портретисту, впослѣдствіи академику, оставившему, между прочимъ, извѣстный портретъ Бѣлинскаго.

— «съ Огаревымъ»—въ подлинникѣ: «съ Агаревымъ».

— «Марьѣ Львовнѣ» — женѣ Н. П. Огарева, рожденной Рославлевой.

— «маленькаго Цахеса» — повѣсть Гофмана «Крошка Цахесъ, прозванный Киноварь», написанная въ 1819 г.; въ русскомъ переводѣ появилась въ печати лишь въ 1844 г. («Отеч. Зап.», 1844, т. XXXIV).

— Приписка Бѣлинскаго къ письму Н. А. Бакунина къ сестрамъ печатается по тексту собранія Пыпина. Получена Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые. Относится къ концу 1839 или къ началу 1840 года.

— «когда будете писать къ Варварѣ Александровнѣ»—В. А. Дьякова была въ это время въ Петербургѣ.

— «миломъ Сашѣ»—маленькомъ сынѣ В. А. Дьяковой.

Къ стр. 12. Письмо къ В. П. Боткину отъ 16 декабря 1839 г.—10 февраля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (88—90). Извлеченія изъ него впервые у Пыпина, незначительныя новыя выдержки въ статьѣ С. Невѣдѣнскаго («Рус. Вѣстн.», 1888, кн. 6), въ статьѣ Н. А. Котляревскаго («Помощь голодающимъ», 1892) и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.», 1911). Полностью печатается впервые.

— «о нашемъ юношѣ» — рѣчь идетъ о М. Н. Катковѣ и его отношеніяхъ къ женѣ Н. П. Огарева, Маріи Львовнѣ.

Къ стр. 13. «аналитическаго»—въ подлинникѣ: «аналистическаго».

— «брата Мишеля Алешу»—ему въ то время было 16 лѣтъ.

Къ стр. 14. «судьба послала было мнѣ минуту жизни и радости»—Бѣлинскій здѣсь имѣетъ въ виду свою «исторію съ гризеткой».

«извѣстный намъ полковникъ»—неясно, о комъ идетъ рѣчь.

Къ стр. 16. «Вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва!»—этой часто встрѣчающейся въ письмахъ Бѣлинскаго фразѣ А. Н. Пыпинъ въ своей книгѣ даетъ слѣдующее объясненіе: «У Гофмана есть разсказъ объ удивительномъ и полу-фантастическомъ музыкантѣ Крейслерѣ—гдѣ Гофманъ, самъ замѣчательный музыкантъ и композиторъ, главнымъ образомъ высказалъ свою эстетику музыки (часть этого разсказа была переведена Боткинымъ въ «Наблюдателѣ»). Однажды этотъ капельмейстеръ Крейслеръ, въ кружкѣ своихъ друзей, вздумалъ фантазировать на испорченномъ фортепьяно, гдѣ остался цѣлъ только басъ,—онъ беретъ аккорды и «подъ трепетъ звуковъ» декламируетъ слова, которыя должны были выразить смыслъ музыки. При одномъ изъ этихъ аккордовъ, Крейслеръ говоритъ о «дикомъ, бѣшеномъ безумствѣ», «судорожномъ упоеньи», «пляскѣ вкругъ зіяющихъ могилъ и разрытыхъ гробовъ»,—«Вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣтъ отзыва!» и проч. («Моск. Набл.», 1838, іюль, кн. 2, стр. 186).

«Можетъ быть, на музыкальныхъ вечерахъ Боткина были воспроизведены эти фантазіи капельмейстера Крейслера; по крайней мѣрѣ, Бѣлинскій не одинъ разъ повторялъ въ письмахъ приведенныя слова».

Къ стр. 17. «А впрочемъ, душа моя, Тряпичникъ, я жуирую... по субботамъ встрѣчаюсь съ посланниками»—гоголевскія фразы.

Къ стр. 18. «Видѣлъ И. А. Крылова» — въ подлинникѣ описка: «Видѣлъ П. А. Крылова».

— «поведенція юноши»—опять, какъ и раньше, Каткова.

— «Съ однимъ я видѣлся въ Питерѣ»—т.-е. съ однимъ изъ членовъ московскаго герценовскаго кружка, но неизвѣстно, съ какимъ именно. Пыпинъ въ своей книгѣ высказываетъ предположеніе, что съ самимъ Герценомъ, потому что дальше въ письмѣ упоминается его имя.

— «И. В. С—ъ» — затрудняемся сказать, кого здѣсь разумѣетъ Бѣлинскій.

Къ стр. 19. «Владиміръ Константиновичъ»—Ржевскій.

Къ стр. 20. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 30 декабря 1839 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Небольшая выдержка изъ него приводится Пыпинымъ. Та же выдержка у Р. В. Иванова-Разумника, причемъ послѣдній не совсѣмъ точно относитъ ее къ началу 1840 г. Полностью печатается впервые.

— «Леонора Яковлевна»—жена Д. П. Иванова.

— «Зинаида»—его дочь.

Къ стр. 21. «Что Петя?»—П. П. Ивановъ.

— «Кланяйся Алешѣ»—А. П. Иванову.

— «Поклонись Дарьѣ Титовнѣ»—Бѣлинскій въ Москвѣ долгое время снималъ у нея квартиру, много задолжалъ ей и расплачивался по частямъ. Ему удалось окончательно разсчитаться съ нею лишь въ апрѣлѣ 1841 г., какъ видно изъ письма къ Д. П. Иванову отъ 11 апрѣля 1841 г. (стр. 239).

Къ стр. 22. Письмо къ К. С. Аксакову отъ 10 января 1840 г. печа-

тается по тому тексту, который былъ данъ въ «Руси», 1881, № 8, гдѣ оно впервые напечатано.

Къ стр. 25. «Николая Филипповича»—Павлова.

— «Сергѣю Тимофеевичу»—Аксакову.

— «Митьки»—сына М. С. Щепкина, Дмитрія.

— «Да ты самъ это знаешь»—къ этимъ словамъ редакція «Руси» сдѣлала такое примѣчаніе: «внизу письма приписка Ив. Ив. Панаева о глупости самого Бѣлинскаго, вновь приписка о Панаевѣ: «скотина» и т. п. ласки».

— «Книга о ноздренномъ дыханіи»—къ этимъ словамъ редакція «Руси» сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: «извѣстная мистическая книжка «Добротолюбіе», которую предлагалъ Константинъ Сергѣевичъ кн. Одоевскому».

Къ стр. 26. Письмо къ В. П. Боткину отъ 3—10 февраля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Письмо это было написано на 8-ми листкахъ, изъ которыхъ въ собраніи Солдатенкова (91—95) Пыпинымъ были найдены только 1-ый, 2-ой, 6-ой, 7-ой и 8-ой листки; 3-ій же, 4-ый и 5-ый листки оказались въ собраніи А. В. Станкевича. При этомъ отрѣзано нѣсколько словъ въ концѣ 3-го листка и больше половины 4-го листка. Часть образовавшихся такимъ путемъ пропусковъ была пополнена Пыпинымъ по бумагамъ А. А. Бакунина. Впервые извлеченія изъ этого письма у Пыпина; по одной новой выдержкѣ даютъ С. Невѣдѣнскій («Рус. Вѣстн.», 1888, кн. 6) и Н. А. Котляревскій («Помощь голодающимъ»); нѣсколько новыхъ выдержекъ у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»).

— «куча вздору, приложеннаго къ сему посланію» — т.-е. письмо, начатое 16 декабря (стр. 12—20).

Къ стр. 27. Рецензія о романѣ Каменскаго напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1839, кн. 12, стр. 15—23. Она не входила въ прежнія собранія сочиненій Бѣлинскаго. Въ редактируемомъ С. А. Венгеровымъ изданіи помѣщена въ V томѣ.

— Къ словамъ «всѣ восхитились» Пыпинъ въ своей книгѣ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Восхитился, вѣроятно, ближайшій кружокъ редакціи журнала; но впослѣдствіи Бѣлинскій говоритъ, что статья произвела и совершенно иное впечатлѣніе—на нее «негодовали», или смѣялись надъ ней, по его словамъ».

— «чтобы истребить»—въ подлинникѣ: «что истребить».

Къ стр. 28. «прочелъ вслухъ твою статью»—это статья «Итальянская и германская музыка».

— «О старикѣ»—А. М. Бакунинѣ.

— «въ Питерѣ ему не такъ будетъ скучно, какъ мнѣ»—сказано иронически.

— «Ты познакомился съ С.» — вѣроятно, съ Н. С. Селивановскимъ. «Глупыя» письма заключались въ просьбахъ оказать денежную помощь. Одно такое письмо сохранилось; оно напечатано въ I томѣ (стр. 63).

— Словами «недоконченную поэму» кончается 2-ой листокъ письма, и дальше слѣдуютъ листки собранія Станкевича.

Къ стр. 29. «шепеляваго профессора»—Грановскаго, который, дѣйствительно, нѣсколько пришепетывалъ.

Къ стр. 30. За фразой «Но мнѣ нельзя и думать объ этомъ» въ

концѣ 3-го листка собранія А. В. Станкевича отрѣзано нѣсколько словъ, и 4-ый листокъ того же собранія, у котораго отрѣзано болѣе половины, начинается со словъ: «Кстати. Мысли мои...». Образовавшійся пропускъ, отъ словъ «Братъ Мишеля» до словъ «не напрасно жилъ» возстановленъ Пыпинымъ по бумагамъ А. А. Бакунина.

— «Братъ Мишеля»—Н. А. Бакунинъ.

Къ стр. 31. «зри письмо къ Каткову»—ни этого, ни другихъ писемъ къ Каткову не было въ распоряженіи Пыпина, и вообще до сихъ поръ неизвѣстно ни одно письмо Бѣлинскаго къ Каткову; врядъ ли эти письма сохранились. Не сохранились также упоминаемыя здѣсь письма къ Кудрявцеву и Ключникову. Впрочемъ, возможно, что намѣреніе Бѣлинскаго писать имъ осталось невыполненнымъ (см. стр. 69).

— На оборотѣ 4-го листка собранія Станкевича отъ словъ «А каковы Лермонт...» до словъ «И дышитъ непонятная» — пропускъ, возстановленный по бумагамъ А. А. Бакунина.

Къ стр. 33. Словами «нормальнымъ состояніемъ» кончается 5-ый листокъ письма, собранія Станкевича, и дальше опять идутъ листки собранія Солдатенкова.

Къ стр. 35. «спрашивалъ о его статьѣ»—статья Бакунина «О философіи» напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1840, кн. 4, стр. 55—78.

— «Литературная Газета» съ 1840 г. смѣнила «Литературныя Прибавленія» и издавалась до конца сентября подъ редакціей Краевскаго, а потомъ Ѳ. Кони.

Къ стр. 36. «Leiermann»—пѣсня изъ «Winterreise» Шуберта.

Къ стр. 37. «встрѣтиться съ однимъ Андросовымъ»—бывшимъ издателемъ «Московскаго Наблюдателя».

— «Петру Кононовичу и Аннѣ Ивановнѣ»—родителямъ В. П. Боткина.

Къ стр. 38. Письмо къ В. П. Боткину отъ 18—20 февраля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Станкевича. Извлеченія впервые у Пыпина; новыя выдержки сдѣланы Е. А. Ляцкимъ при 2-омъ изданіи книги Пыпина (1908) и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— Это письмо является отвѣтомъ на нижеслѣдующее, печатаемое по тексту собранія Пыпина, письмо В. П. Боткина отъ 9—12 февраля 1840 г.:

«Москва, 9 февраля 1840.

Здорово, любезный мой Виссаріонъ. Давно, давно мы не видались, давно не говорили, хотя я съ тобою чаще говорю, нежели ты со мной, именно я читалъ твою критику въ послѣднемъ № «Отечественныхъ Записокъ» за 1839 г. — Ужасно скучно, — есть нѣсколько страницъ прекрасныхъ, — но въ цѣломъ чрезвычайно апатическое произведеніе, — да вышло такъ, что я не могъ дочитать ея. Да и напрасно ты взялся за предметъ, въ которомъ ты такъ несвободенъ. Подписался я на «Отечественныя Записки», но до сихъ поръ еще не получилъ 1-го №. А подписался, кажись, въ Почтамтѣ.

Ну, будетъ объ литературѣ, чортъ съ ней, — она мнѣ надоѣла особенно съ тѣхъ вечеровъ, когда еще добродушный Аксаковъ увѣрялъ меня, что Пушкинъ и Гоголь—великіе поэты; а кстати о Гоголѣ,—Кирюша по-

знакомился съ нимъ,—и Гоголь его оцѣнилъ и полюбилъ. Онъ обѣщаетъ ему непремѣнно, что Брюлловъ приметъ его къ себѣ ученикомъ и возьметъ въ Италію, а Брюллова на дняхъ ждутъ сюда. Ты можешь себѣ вообразить, что дастъ Кирюшѣ знакомство и разговоры съ Гоголемъ, а особенно разсказы Гоголя объ Италіи и итальянскихъ школахъ живописи, которыя, видно, Гоголь пристально изучалъ,—дай Богъ, еслибъ пришлось Кирюшѣ поскорѣе убраться отсюда,—только тамъ свободно могли бы развернуться крылья его. Ты, можетъ, слышалъ, что Аксаковъ (я, впрочемъ, не видалъ его съ отъѣзда Панаева), Самаринъ и Катковъ держатъ на магистровъ, завтра послѣдній экзаменъ—вѣрно, выдержатъ, да и смѣшно было бы не выдержать; несмотря на мое презрѣніе къ тебѣ, я думаю, ты бы такъ выдержалъ на магистра, право, лучше всѣхъ ихъ троихъ.

Ну, дражайшій и чудовищный мой Виссаріонъ, былъ я въ Харьковѣ, видѣлъ Кронеберговыхъ,—а что? ты краснѣешь? Иль ужъ потерялъ ты наконецъ и способность краснѣть при имени Софьи, какъ во время оно,—другіе образы смѣнили въ воображеніи твоемъ добродушную, умненькую дѣвушку.—А она? видишь ли, хорошее сердце женское лучше сердца мужчины, оно долѣе хранитъ въ себѣ память о людяхъ. Хотя Софья и никогда не видѣла тебя,—но она тебя хорошо знаетъ, любитъ разспрашивать о тебѣ,—я уже не говорю о томъ, какъ она любитъ читать статьи твои. Вообще, въ Харьковѣ имя твое, право, лучше извѣстно, нежели въ Москвѣ,—а все черезъ добрую Софью и Кульчицкаго,—а «Наблюдатель» считаетъ Софья просто своимъ журналомъ, журналомъ своихъ близкихъ людей, и не можетъ безъ грусти вспомнить, что больше ужъ нѣтъ «Наблюдателя». Видишь, тебѣ недаромъ хотѣлось ѣхать въ Харьковъ, — и я увѣренъ, время, которое бы тамъ провелъ, было бы однимъ изъ пріятнѣйшихъ и вмѣстѣ изъ простѣйшихъ въ твоей жизни. Кстати, слѣдовало бы прежде сказать, но забылъ,—Кульчицкій посылаетъ тебѣ письмо,—онъ не рѣшался, и хотѣлось ему написать тебѣ, я его поджегъ и прошу тебя отвѣчать ему,—онъ тебя искренно любитъ и уважаетъ. Пожалуйста, не полѣнись. Вообще, въ провинціяхъ жалуются, что нынче ввелось такое нелѣпое обыкновеніе не подписывать именъ подъ статьями,—и это особенно относительно тебя. Ты себѣ составилъ уже имя, и твое имя всегда заставитъ прочитать статью и даже получать журналъ,—nec plus ultra провинціальнаго почтенія. Въ Харьковѣ мнѣ жалуясь говорили объ этомъ нѣсколько очень порядочныхъ людей; — нѣтъ, надо рѣшительно настаивать, чтобъ твои и Каткова критики были непремѣнно подписаны, — это даже много будетъ содѣйствовать къ успѣху журнала. Ты въ этомъ не можешь не согласиться со мною—и долженъ настоять. Кстати, скажу тебѣ, когда Мочаловъ былъ въ Харьковѣ, то твоя статья о «Гамлетѣ» въ «Наблюдателѣ» была просто истаскана.

Ты не можешь представить себѣ, какъ часто потребность видѣться съ тобою до того овладѣваетъ мною, что вотъ такъ бы и поѣхалъ въ этотъ пресловутый Питеръ.

12 февраля. Ясное утро.

Сейчасъ дочиталъ твою статью о Менцелѣ, одна изъ самыхъ живыхъ одушевленныхъ статей, какія я когда-либо читалъ. Спасибо тебѣ,—ты мнѣ

ею доставилъ много пріятныхъ минутъ, и какъ я радъ, что подъ нею, наконецъ, стоитъ твое имя. Ахъ ты мой неистовый Виссаріонъ, скоро ли придется мнѣ узрѣть тебя и снова вложить персты въ твои раны. Я къ сожалѣнію мало знаю твою петербургскую жизнь, не знаю круга, въ какомъ ты живешь, не знаю прекрасныхъ звѣздъ, блистающихъ на твоемъ полушаріи,—а можетъ быть ужъ есть одна, къ которой порываешься ты. Съ нѣкотораго времени во мнѣ утвердилась крѣпкая вѣра, что ты непремѣнно найдешь себѣ сочувствующее существо, но думаю, что это тогда можетъ совершиться, когда ты больше и глубже разовьешь въ себѣ таинственное Entsagung, этотъ высокій актъ нравственнаго духа, о которомъ ты, къ сожалѣнію, ничего не упомянулъ, и который, какъ красная, тоненькая, часто совсѣмъ незамѣтная снаружи, ниточка въ снастяхъ англійскаго королевскаго флота, проходитъ сквозь всѣ почти большія произведенія Гете, и которой апотеоза такъ поразительно и могущественно представлена въ Wahlverwandschaften.

Кронебергъ поручилъ мнѣ взять отъ тебя рѣшительный отвѣтъ: напечатается ли «Ричардъ II» въ «Отечественныхъ Запискахъ», и если напечатается, то, конечно, Краевскій дастъ за него не менѣе 400. Это мнѣ нужно знать, потому что мнѣ хотѣлось бы издать «Ричарда» отдѣльно,—это было бы лучше, чѣмъ въ журналѣ. Объ этомъ непремѣнно и поскорѣе отвѣчай хоть въ двухъ словахъ. Я привезъ съ собою изъ Харькова небольшую статью покойнаго Кронеберга: «Ричардъ II». При неопредѣленности понятій объ искусствѣ, многое и очень многое въ ней выговорено превосходно. Если хочешь, и она можетъ найтить мѣсто въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я, пожалуй, пришлю ее. Кстати, я прочелъ Шекспирову комедію: «Что угодно», и чувствую, что, дѣйствительно, помолодѣлъ послѣ нея. Во все чтеніе словно носишься на парахъ благоуханій и самъ не знаешь, что передъ тобой—дѣйствительный ли міръ или фантастическій,—это дѣйствительность, но какъ-то чудно улетученная, просвѣтленная во всѣхъ темныхъ сторонахъ своихъ,—и тутъ онъ же, тихій, кроткій, меланхолическій Вилліамъ,—Божественный и единственный. Я уговорилъ Кронеберга перевести эту комедію, и онъ ужъ началъ, обѣщаетъ скоро кончить. Какъ только получу, тотчасъ пришлю къ тебѣ—и ты мнѣ скажешь спасибо.

Что сказать тебѣ объ себѣ? Много тоски, худо то, что много сомнѣній, много самой глубокой, сердечной досады дѣлали мнѣ эти странныя, фантастическія и фанатическія понятія объ отношеніяхъ къ братьямъ, въ которыхъ жила она до сихъ поръ. Понятія отвлеченныя, дикія и рабскія, которыя мѣшали мнѣ всякое дѣйствительное сближеніе съ Александрой Александровной. Но, порадуйся, разумность беретъ верхъ,—и я прямо высказалъ Мишѣ, что я только тогда могу быть въ истинно дружескихъ и родственныхъ отношеніяхъ, когда сестра совершенно отдѣлится отъ нихъ,—или братъ, или мужъ,—двойственности и тождественности тутъ быть не можетъ.—Голова у Миши чудная,—онъ все истинно понимаетъ, жаль, что она у него часто идетъ врозь съ чувствами; понимаетъ прекрасно, а поступаетъ дурно;—и въ этомъ случаѣ онъ согласенъ со мною, потому что истина была очевидна,—но такъ ли чувствуетъ—дѣло темное. Жизнь моя во все это время была какая-то странная, чи-

талъ мало, дѣльнымъ ничѣмъ не занимался,—большею частью лежалъ на кровати и думалъ объ испанскихъ дѣлахъ. Ахъ, кабы поговорить съ тобой,—если бы ты зналъ, какъ хочется мнѣ поговорить съ тобой и тѣмъ облегчить душу. Я слышалъ, ты сбираешься лѣтомъ въ Москву,—то-то былъ бы для меня праздникъ! Ты, кажется, знаешь, что окончаніе моего дѣла отложено на годъ, т.-е. до ноября. Я какъ-то надѣюсь на лѣто, хоть въ послѣдніе мѣсяцы. Впрочемъ, родители полны увѣренности, что время заставитъ Александру Александровну перемѣнить свое намѣреніе...»

— Приводя въ V томѣ редактируемаго имъ собранія сочиненій Бѣлинскаго (стр. 555) нѣсколько строкъ изъ письма Бѣлинскаго отъ 18—20 февраля 1840 г., С. А. Венгеровъ высказываетъ предположеніе, что въ письмѣ Боткина рѣчь шла о будущей женѣ Бѣлинскаго. Напечатаніе этого письма показываетъ несостоятельность этого предположенія.

Къ стр. 39. «при имени Софьи»—С. И. Кронебергъ, дочери профессора И. Я. Кронеберга.

Къ стр. 40. «Съ Кульчицкимъ у меня начинается отчаянная переписка»—Бѣлинскій еще не былъ лично знакомъ съ А. Я. Кульчицкимъ и вступилъ съ нимъ въ переписку черезъ посредство Боткина. Когда впослѣдствіи Кульчицкій переѣхалъ въ Петербургъ, они очень близко сошлись другъ съ другомъ (см. воспоминанія Панаева и Тургенева). Кульчицкій умеръ въ 1845 г., 30 лѣтъ отъ роду. Писалъ въ журналахъ подъ псевдонимомъ «Говорилина».

Къ стр. 41. «Тебѣ не понравилась моя статья въ XII № «Отечественныхъ Записокъ»—это статья объ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія».

Къ стр. 42. «перечитывалъ его»—въ подлинникѣ: «перечитывалъ ее».

— «Непремѣнно буду отвѣчать»—этотъ отвѣтъ неизвѣстенъ; впрочемъ, можетъ быть, онъ и не былъ написанъ.

Къ стр. 46. «Entsagung»—по объясненію Пыпина, самоотверженіе, самоотрицаніе, о которомъ не мало говорилось въ кружкѣ между прочимъ и по поводу Шиллеровскаго «Resignation».

Къ стр. 47. «Муравьевы»—семьи Муравьевыхъ и Бакунинхъ были связаны родственными отношеніями. Особенно хорошо относился къ М. А. Бакунину и очень высоко цѣнилъ его Александръ Николаевичъ Муравьевъ (1792—1864), декабристъ, одинъ изъ основателей Союза Спасенія въ 1816 г., приходившійся ему двоюроднымъ дядею (по матери). Въ началѣ 1838 г. М. А. Бакунинъ увлекался его дочерью, Софьею Александровною. Подробнѣе объ отношеніяхъ Бакунина къ семьѣ Муравьевыхъ см. «Семейство Бакунинхъ», А. А. Корнилова («Рус. Мысль», 1913, III).

Къ стр. 48. «къ Вронскому»—на поляхъ Пыпинскаго собранія имѣется слѣдующая, сдѣланная рукою Пыпина, отмѣтка: «кажется такъ; или Врасскому?»

Къ стр. 49. «она»—А. А. Бакунина.

Къ стр. 51. «Марграфъ»—Германъ (1809—1864), нѣмецкій писатель оставившій между прочимъ сочиненіе, весьма важное для исторіи «молодой Германіи».

— Письмо къ Д. П. Иванову отъ 21 февраля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Вы-

держка изъ него была приведена въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «мое письмо не дошло до тебя»—въ дѣйствительности же, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, Д. П. Ивановъ получилъ его.

Къ стр. 54. «Степановъ»—бывшій издатель «Московскаго Наблюдателя».

— «Внучкѣ своей»—дочери Д. П. Иванова.

Къ стр. 56. Отрывокъ изъ письма къ В. П. Боткину безъ даты печатается по тексту собранія Пыпина. Взятъ Пыпинымъ изъ собранія Станкевича. Приводя въ своей книгѣ извлеченія изъ этого отрывка, Пыпинъ высказываетъ предположеніе, что онъ предшествуетъ письму къ Боткину отъ 24 февраля—1 марта и написанъ въ февралѣ 1840 года. Отрывокъ этотъ, по указанію Пыпина, написанъ тѣмъ же почеркомъ и на той же бумагѣ, какъ письма той поры.

Къ стр. 57. Приписка Бѣлинскаго къ письму Н. А. Бакунина къ сестрамъ, съ рекомендаціей имъ М. А. Языкова, печатается по тексту собранія Пыпина. Получена Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые. Должна быть отнесена къ концу февраля или началу марта 1840 г., потому что М. А. Языковъ предполагалъ быть у Бакуниныхъ по дорогѣ въ Москву, а въ Москву онъ поѣхалъ, какъ видно изъ письма къ В. П. Боткину отъ 1-го марта 1840 г. (стр. 65), въ первыхъ числахъ марта.

— Изъ писемъ Бѣлинскаго къ М. А. Языкову отъ 16 апрѣля 1840 г. (стр. 117) и къ В. П. Боткину того же числа (стр. 116) видно, что Языковъ не исполнилъ своего намѣренія заѣхать къ Бакунинымъ, за что Бѣлинскій и журилъ его.

Къ стр. 58. Письмо къ В. П. Боткину отъ 24 февраля—1 марта 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Станкевича. Извлеченія впервые у Пыпина, затѣмъ у С. Невѣдѣнскаго («Рус. Вѣстн.», 1888, кн. 6) и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 59. «у васъ»—т.-е. у В. П. Боткина и А. А. Бакуниной, по ихъ вступленіи въ бракъ.

Къ стр. 62. «Пашенька»—П. А. Бакунинъ, которому въ то время было 19 лѣтъ.

Къ стр. 64. «онъ это и дѣлалъ»—въ подлинникѣ: «онъ это это и дѣлалъ».

Къ стр. 65. «Письмо къ Мишелю»—это письмо отъ 26 февраля (стр. 75).

Къ стр. 67. «Бахчисарайскій Фонтанъ» — въ подлинникѣ: «Бахч. Сарай».

— Владиславлевъ—Владиміръ Андреевичъ (умеръ въ 1856 г.), издатель альманаховъ «Утренняя Заря» (1839—1843). Кромѣ того, самъ написалъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ.

Къ стр. 68. «Егоръ Ѳедорычъ»—Гегель.

— «брешетъ, собачій сынъ»—снова реминисценція изъ Гоголя.

Къ стр. 69. «Новогреческія пѣсни я замѣтилъ»—онѣ были напечатаны въ «Одесскомъ Альманахѣ», 1840 г., Надеждина.

— «Семенъ Егоровичъ Раичъ» (1792—1855)—братъ митрополита московскаго Филарета (настоящая фамилія Амфитеатровъ), бездарнѣйшій поэтъ и переводчикъ.

Къ стр. 70. «Стихи Лермонтова недостойны его имени»—это стихотворенія «Узникъ» и «Ангелъ». Тотъ же взглядъ, только въ нѣсколько болѣе мягкихъ выраженіяхъ, высказанъ Бѣлинскимъ и въ его рецензіи объ «Одесскомъ Альманахѣ» («Отеч. Зап.», 1840, № 3).

— Стихотвореніе «Сонъ», подписанное буквой «М.», принадлежитъ А. Н. Майкову. Въ той же рецензіи Бѣлинскаго, какъ и въ настоящемъ письмѣ, оно выписывается цѣликомъ («Отеч. Зап.», 1840, 3).

Къ стр. 73. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 26 февраля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

— «чтобъ тебя во всѣ приглашали»—въ подлинникѣ: «чтобъ ты во всѣ приглашали».

Къ стр. 74. «Приложенное письмо къ Никанору» — оно не сохранилось.

Къ стр. 75. Письмо къ М. А. Бакунину отъ 26 февраля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Въ собраніи Солдатенкова (96) Пыпинъ нашелъ только первыя двѣ странички 1-го листка этого письма (3-ья и 4-ая оторваны); продолженіе этого письма, съ пропускомъ въ двѣ странички, составляетъ отрывокъ письма, находящійся въ собраніи Станкевича, начинающійся со 2-го листка, писанный той же рукой, на бумагѣ такого же качества и формата, что и 1-ый листокъ. Извлеченія изъ этого письма впервые приведены у Пыпина; новыя выдержки, по тексту собранія Пыпина, даны Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.»).

Къ стр. 76. Словами «я бредилъ» кончается листокъ, находящійся въ собраніи Солдатенкова.

— словомъ «служить» начинается листокъ собранія Станкевича.

Къ стр. 77. «Я дилетантъ»—въ подлинникѣ здѣсь и вездѣ дальше: «диллентантъ».

— «Чацкіе»—въ подлинникѣ: «Чадскіе», какъ и дальше на той же стр. «Чадскій».

Къ стр. 80. «Ему понравился»—въ подлинникѣ: «Его понравился».

Къ стр. 82. «сравнивалъ себя съ нимъ»—въ подлинникѣ: «сравнивалъ его съ нимъ».

Къ стр. 87. Письмо къ В. П. Боткину отъ 14 марта 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (97—100). Извлеченія изъ него впервые сдѣланы Пыпинымъ, новыя выдержки, по тексту собранія Пыпина, у Р. В. Иванова-Разумника. Полностью печатается впервые.

— «прекраснодушное и москводушное посланіе къ Мишелю»—письмо къ М. А. Бакунину отъ 26 февраля 1840 г. (стр. 75).

Къ стр. 89. «какъ грубо всѣ они не поняли»—Н. А. Бакунинъ въ 1833 г. уѣхалъ въ Петербургъ и не былъ въ Прямухинѣ до 1838 года.

Къ стр. 90. «я долженъ познакомить тебя съ домашними тайнами «Отечественныхъ Записокъ»—объ основаніи «Отечественныхъ Записокъ»

см. «Литературныя Воспоминанія» И. Панаева («Соврем.», 1861, февр.; отд. изд. 1876 г.).

Къ стр. 91. «Но не то дурно»—въ подлинникѣ: «не» пропущено.

Къ стр. 94. Графиня Сарра Толстая — была дочь Ѳ. И. Толстого-Американца. Она умерла въ 1838 г., 17-лѣтъ отъ роду. Ея сочиненія были изданы въ 1839 г. и въ общую продажу не поступали.

— Вельтманъ — Александръ Ѳомичъ (1800—1860), извѣстный въ свое время романистъ и археологъ, скоро забытый.

Письмо къ В. П. Боткину отъ 19 марта 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (101—102). Извлеченія изъ этого письма по тексту собранія Пыпина сдѣланы Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— «именемъ котораго не хочу осквернить»—рѣчь идетъ о М. А. Бакунинѣ.

— «На вѣсахъ ея души, ея сердца, ея любви»—А. А. Бакуниной.

Къ стр. 95. «спасибо тебѣ за Степановскую росписку»—изъ письма къ В. П. Боткину отъ 16 апрѣля 1840 г. видно, что Бѣлинскій былъ долженъ Степанову, а Степановъ Боткину, и послѣдній перевелъ долгъ Степанова на Бѣлинскаго (стр. 101).

Отрывокъ изъ письма къ М. А. Бакунину, безъ даты, печатается по тексту собранія Пыпина. Полученъ Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ него, по тексту собранія Пыпина, впервые помѣщены у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»), причемъ послѣдній относитъ его къ марту 1840 года.

Къ стр. 97. «твоя статья уже напечатана»—письмо, очевидно, написано очень скоро послѣ ея напечатанія, а статья эта («О философіи») напечатана въ 4-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1840 г.

Къ стр. 98. Письмо къ К. Г. Бѣлинскому отъ 9 апрѣля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Д. П. Иванова. Съ нѣкоторыми незначительными сокращеніями оно было напечатано въ «Русской Старинѣ», 1876, февраль, куда было доставлено И. Н. Захарьинымъ.

— «напрасно ты думаешь, что я сердитъ на тебя»—въ 1836 г., послѣ смерти отца, Бѣлинскій хотѣлъ взять брата Никанора къ себѣ въ Москву, но Конст. Григ. удерживалъ его при себѣ, что весьма испортило отношенія между братьями.

— «Сестрѣ кланяйся, и съ мужемъ»—Александра Григорьевна вышла въ 30-хъ гг. замужъ за нѣкоего Кузьмина.

Къ стр. 99. Капитонъ Андреевичъ и Дмитрій Капитоновичъ (въ подлинникѣ сокращенно: «Д. К.»)—отецъ и сынъ Исаевы.

— «моя сестра неспособна къ такому черному дѣлу»—Конст. Григ. писалъ брату, что сестра не хочетъ отпустить на волю крѣпостную Бѣлинскихъ, Авдотью; Бѣлинскій уговаривалъ родителей отпустить ее еще въ 1834 году и предлагалъ даже выкупить ее на свои средства (т. I, стр. 59).

— Надеждѣ Николаевнѣ Щетининой—родственницѣ Бѣлинскаго; ка-

жется, это та самая г-жа Щ., со словъ которой въ путевыхъ запискахъ М. Погодина приведенъ разсказъ о Бѣлинскомъ («Русскій», 1868).

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 17 апрѣля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (103—111). Извлеченія изъ него приведены впервые у Пыпина, затѣмъ въ статьѣ С. Невѣдѣнскаго «Катковъ и Бѣлинскій» («Рус. Вѣстн.», 1888, кн. 6) и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— «у меня въ душѣ»—въ подлинникѣ «въ» пропущено.

Къ стр. 100. «Николай»—Н. А. Бакунинъ.

— «онъ писалъ къ ней»—къ А. А. Бакуниной.

— «Альбано»—волшебникъ, одинъ изъ героевъ Гофмана.

Къ стр. 101. «старикъ»—А. М. Бакунинъ.

— «четырехъ московскихъ Бакуниныхъ»—младшіе братья М. А. Бакунина, Павелъ, Александръ и Алексѣй, поступили въ Московскій университетъ.

— «ты не получилъ моего маленькаго письмеца»—отъ 19 марта 1840 г. (стр. 94).

«Заикина»—въ подлинникѣ сокращено: «З.»

— По поводу «отвяжись» см. письмо къ В. П. Боткину отъ 14 марта 1840 г. (стр. 89).

Къ стр. 102. Враскій—Борисъ Алексѣевичъ (1795—1880), литераторъ и переводчикъ.

Къ стр. 103. «Каталани» — знаменитая итальянская пѣвица (1799—1849). Концертировала и въ Россіи.

«портретъ Панаева» — Пыпинъ въ своей книгѣ къ этому мѣсту даетъ слѣдующее примѣчаніе: «Бѣлинскій разумѣетъ статьи Панаева въ «Литературной Газетѣ», подъ названіемъ «Портретная Галлерея». Въ одной изъ этихъ статей («Лит. Газета», № 12, 10 февраля) читатели должны были угадывать Сенковскаго, Греча, Булгарина, Полевого».

Къ стр. 106. «Крошка Цахесъ, прозванный Киноварь» Гофмана, написанный въ 1819 г., появился въ русскомъ переводѣ лишь въ 1844 г. («Отеч. Зап.», 1844, т. XXXIV).

— «Мейстеръ Фло, сказка въ семи приключеніяхъ двухъ друзей» Гофмана, написанная въ 1822 г., появилась въ русскомъ переводѣ въ 1840 г. («Отеч. Зап.», 1840, т. XIII).

Къ стр. 107. «о божественныхъ переводахъ К. К. Павловой»—рожденной Янишъ (1810—1894), жены Н. Ф. Павлова; писала оригинальныя стихотворенія, переводила русскихъ поэтовъ на французскій и нѣмецкій языки, а также съ иностранныхъ языковъ на русскій. Кромѣ того, извѣстна любовью къ ней Мицкевича, посвятившаго ей нѣсколько стихотвореній.

Къ стр. 108. «въ заточеніи»—на гауптвахтѣ, послѣ дуэли съ Барантомъ. Объ этомъ свиданіи разсказалъ И. И. Панаевъ въ своихъ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ» («Современникъ», 1861, № 2); отд. изд. СПБ. 1876.

Къ стр. 109. «Онъ въ восторгѣ отъ «Одесскаго Альманаха»—изданнаго въ 1840 г. Надеждинымъ.

— «славная его статья о книжкѣ Максимовича»—статья Каткова объ «Исторіи древней русской словесности» Максимовича напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1840, № 4.

— «наблюдательская»—т.-е. напечатанная въ 1838 г. въ «Московскомъ Наблюдателѣ». О ней Бѣлинскій говоритъ въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу отъ 2 окт. 1839 г. (т. I, стр. 346).

«Къ повѣсти Соллогуба ты черезчуръ строгъ» — это «Большой Свѣтъ, повѣсть въ двухъ танцахъ» («Отеч. Зап.», 1840, № 3).

Къ стр. 110. «я вижу себя»—въ подлинникѣ «себя» пропущено.

Къ стр. 113. «вдался въ нѣчто въ родѣ полемической переписки» — ни одно письмо Бѣлинскаго къ И. П. Ключникову, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Къ стр. 114. Здѣсь опять отголоски того увлеченія Бѣлинскаго, о которомъ онъ разсказалъ въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу отъ 2 октября 1839 г. (т. I, стр. 353 и сл.).

Къ стр. 115. «остритъ надъ какою-то моею Мильхенъ» — поводъ къ этимъ остротамъ могли дать Кетчеру тѣ мѣста въ письмахъ Бѣлинскаго къ Боткину, гдѣ онъ говоритъ о Софьѣ Кронебергъ.

— «Всѣхъ стариковъ перевѣшалъ бы!»—въ подлинникѣ «бы» пропущено.

Къ стр. 116. «твоего брата»—Николая Петровича.

«И знать не знаю и вѣдать не вѣдаю» — между тѣмъ, Бѣлинскій писалъ «о Снѣ» и даже выписывалъ все это стихотвореніе въ письмѣ къ Боткину отъ 1 марта 1840 г. (стр. 70), стало быть, всего за полтора мѣсяца до того. Конечно, Бѣлинскій не могъ забыть самаго стихотворенія, приведшаго его въ такой восторгъ, и забылъ лишь, что именно оно озаглавлено «Сонъ».

— «Отвѣчай... на главный пунктъ письма»—т.-е. о результатахъ переговоровъ съ Огаревымъ.

Къ стр. 117. Письмо къ М. А. Языкову отъ 16 апрѣля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (112—113). Печатается впервые.

— «не былъ у Бакуниныхъ»—Языковъ предполагалъ заѣхать къ Бакунинымъ по дорогѣ въ Москву (стр. 57).

Къ стр. 118. Письмо къ Н. Х. Кетчеру отъ 16 апрѣля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Х. Кетчера въ октябрѣ 1873 г. Извлеченія изъ этого письма сдѣланы Пыпинымъ. Полностью печатается впервые.

— «нелѣпый»—такъ Кетчера звали въ кружкѣ.

— «Цахеса»—въ подлинникѣ: «Захеса».

Къ стр. 119. «Николаю Платонову»—Н. П. Огареву.

— «Николаю Михайловичу»—Н. М. Сатину.

— «Александру Ивановичу»—А. И. Герцену.

— Письмо къ П. Н. Кудрявцеву отъ 24 апрѣля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (115—116). Выдержки изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «Вотъ уже второе письмо отъ васъ»—первое отъ 7 января и второе отъ 3 апрѣля 1840 г.

— «въ вашемъ студенческомъ сюртукѣ»—Кудрявцевъ былъ тогда на послѣднемъ курсѣ.

— «еслибы ваше обѣщаніе пріѣхать въ Питеръ сбылось» — лѣтомъ 1840 г., по окончаніи курса, Кудрявцевъ, дѣйствительно, пріѣхалъ ненадолго въ Петербургъ.

Къ стр. 120. Повѣсть Кудрявцева «Недоумѣніе» была тогда только что напечатана въ «Отечественныхъ Записках», 1840, № 4.

— «что вы это творите съ вашимъ Сульe?»—Кудрявцевъ писалъ Бѣлинскому, что ему очень нравятся печатавшіяся тогда въ «Отечественныхъ Записках» повѣсти Сулье; одна изъ повѣстей Сулье была еще раньше напечатана въ «Московскомъ Наблюдателѣ».

— Сулье—Мельхіоръ-Фредерикъ (1800—1847), французскій драматургъ и романистъ.

Къ стр. 121. «отяжелѣло»—въ подлинникѣ: «отяжело».

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 24 апрѣля 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (114). Выдержки изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые. Письмо это является отвѣтомъ на неизвѣстное до сихъ поръ въ печати и крайне, повидимому, интересное письмо Боткина къ Бѣлинскому, содержащее сообщенія о происходившихъ въ Москвѣ спорахъ по поводу Бѣлинскаго. Неизвѣстно, сохранилось ли вообще это письмо.

Къ стр. 123. Письмо къ В. П. Боткину отъ 16 мая 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (117—120). Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина; новая выдержка, по тексту собранія Пыпина, у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»); полностью печатается впервые.

Къ стр. 124. «такъ и хлопнулъ бы» — въ подлинникѣ «бы» пропущено.

— «новый адвокатъ»—Н. А. Бакунинъ.

— «у прежняго»—М. А. Бакунина.

— «произведя глуздыря» — такъ шутливо-ласково называлъ Бѣлинскій Н. А. Бакунина. Глуздырь—умникъ, разумникъ.

Къ стр. 125. «ты купилъ его»—въ подлинникѣ: «ты купилъ ее».

— «Языковъ говорилъ мнѣ, что онъ питаетъ»—въ подлинникѣ слова «онъ» нѣтъ, но его необходимо вставить, потому что несомнѣнно, что рѣчь идетъ о враждебности къ Каткову Бакунина, а не Языкова.

— «парадокса о Пушкинѣ» — къ этимъ словамъ Пыпинъ въ своей книгѣ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Парадоксъ заключался въ мнѣніи Боткина о недостаткѣ рефлексіи у Пушкина, что, по его мнѣнію, было недостаткомъ его поэзіи, а по мнѣнію Бѣлинскаго—великимъ достоинствомъ. См. письмо отъ 21 февр.—1 марта».

Къ стр. 126. «обнаруживаетъ ее» — въ подлинникѣ «ее» пропущено.

Къ стр. 127. «Статья Каткова прелесть»—вѣроятно, имѣется въ виду та же статья о книгѣ Максимовича («Отеч. Зап.», 1840, кн. 4).

— «стихи Лермонтова... прелесть»—это «Воздушный Корабль».

«пѣсня Кольцова—объяденіе»—это «Дума Сокола».

«водевильные куплеты на манеръ Requiem»—это стихотвореніе Сатина «De profundis».

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 13 іюня 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (121—123). Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина; новыя выдержки, по тексту собранія Пыпина, въ статьѣ Н. А. Котляревскаго («Помощь голодающимъ») и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 129. «построенные изъ кокоръ»—кокорой называется часть еловаго ствола съ корнями, приблизительно къ нему перпендикулярными.

Къ стр. 130. «на мысль о разницѣ»—въ подлинникѣ: «на мысль на разницу».

Къ стр. 131. «Спекулятивной натуры не видалъ»—не совсѣмъ ясно, кого разумѣетъ подъ этимъ Бѣлинскій, но вѣроятнѣе всего—Герцена (см. стр. 162).

Къ стр. 133. «о Комаровѣ»—А. А. Комаровъ былъ преподавателемъ русской словесности во второмъ кадетскомъ корпусѣ и близкимъ членомъ кружку Панаева.

Къ стр. 134. «Якубовичъ»—вѣроятно, Лукьянъ Андреевичъ (1805—1839), поэтъ мало даровитый, но въ 30-хъ гг. охотно печатавшійся въ журналахъ.

«Муравьевъ фарисей»—Андрей Николаевичъ (1806—1874); человѣкъ и писатель рѣзко клерикальнаго образа мыслей, отличавшійся въ этомъ отношеніи крайней нетерпимостью и не гнушавшійся въ борьбѣ съ противниками прибѣгать даже къ доносамъ.

Къ стр. 135. Письмо къ К. С. Аксакову отъ 14 іюня 1840 г. печатается по тому тексту, который былъ данъ въ «Руси», 1881, № 8, гдѣ оно впервые появилось.

Къ стр. 138. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 17 іюня 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

Къ стр. 140. «отъ твоихъ стариковъ и Василія Петровича»—въ подлинникѣ: «отъ твоихъ стариковъ и В. П.»; если надо читать «Василія Петровича», то тогда рѣчь идетъ о Боткинѣ; но возможно, что Бѣлинскій имѣетъ здѣсь въ виду сестру Д. П. Иванова, Вѣру Петровну.

Къ стр. 141. Письмо къ В. П. Боткину отъ 12 августа 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (124—126). Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина; новыя выдержки, по тексту собранія Пыпина, у Н. А. Котляревскаго («Помощь голодающимъ»), Е. А. Ляцкаго (дополненія ко 2-му изд. книги Пыпина, 1908) и Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— Въ этомъ письмѣ Бѣлинскій извѣщаетъ Боткина о смерти Станкевича, но Боткинъ узналъ о ней изъ другихъ источниковъ, до полученія этого письма, какъ видно изъ слѣдующаго, печатаемаго по тексту собранія Пыпина, письма:

«Давно сбираюсь писать тебѣ, Виссаріонъ, — но, право, рука не по-

дымается.—Слышалъ ли ты о смерти Станкевича? — Если слышалъ, мнѣ больше ничего не остается сказать. Глубоко поразило меня это извѣстіе,— даже теперь не могу ясно представить себѣ—неужели Станкевичъ умеръ?

Къ Грановскому не могу писать. Нѣсколько разъ принимался, — сердце такъ обливается кровью,—просто не въ силахъ написать къ нему. Боже мой, какъ поразитъ его смерть Станкевича!.

Прощай.

Твой В. Боткинъ.

17 августа, 1840.

Поклонись всѣмъ, кто еще помнитъ меня».

«на ярмарку»—въ Нижнемъ Новгородѣ.

— «Не былъ ли»—въ подлинникѣ: «Не былъ бы».

Къ стр. 144. «Фрауенштетъ» — Юліусъ (1813—1878), нѣмецкій философъ, сначала увлекавшійся гегельянствомъ, а потомъ ставшій ревностнымъ послѣдователемъ Шопенгауера.

— «2-ая статья о Лермонтовѣ» — она была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1840, № 7.

Къ стр. 145. «романа Купера, служащаго продолженіемъ «Могиканъ»— это «Путеводитель въ Пустынѣ» (The Pathfinder).

— «Статью Ретшера, переведенную тобой»—это статья «Четыре новыя драмы, приписываемыя Шекспиру». («Отеч. Записки», 1840, т. XIII).

Письмо къ В. П. Боткину отъ 12 — 16 августа 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (127—130). Содержаніе этого письма излагается у Пыпина, извлеченія изъ него, по тексту собранія Пыпина, приводятся у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— Это и есть то письмо, которое обѣщалъ Бѣлинскій написать Боткину въ предыдущемъ письмѣ (отъ 12-го же августа, стр. 144). Изъ него видно, что нельзя считать правильнымъ высказанное И. И. Панаевымъ въ его «Литературныхъ Воспоминаніяхъ» («Современникъ», 1861, № 11; отд. изд. СПБ. 1876) утвержденіе, что ссора между Бакунинымъ и Катковымъ была вызвана «разсужденіями о разныхъ философскихъ вопросахъ». На самомъ дѣлѣ причиной ссоры были чисто личныя отношенія.

Къ стр. 147. «театромъ такого рода объясненія» — въ подлинникѣ «такого» пропущено.

Къ стр. 149. «молодецъ хочетъ отдѣлаться» — въ концѣ концовъ, дуэль, дѣйствительно, не состоялась и за-границей.

— «письма къ Кульчицкому, Кронебергу и Красову» — изъ всѣхъ этихъ писемъ сохранилось лишь письмо къ Кульчицкому отъ 3 сентября (стр. 155); можетъ быть, впрочемъ, другія и не были написаны. Также не сохранилось и того упоминаемаго Бѣлинскимъ письма, гдѣ должны были быть изложены разныя подробности объ исторіи Бакунина съ Панаевымъ.

— Письмо къ Н. Х. Кетчеру отъ 16 августа 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Х. Кетчера въ октябрѣ 1873 г. Печатается впервые.

— «авось въ печать попадетъ»—напечатаніе «Цахеса» встрѣтило препятствіе со стороны цензуры; онъ былъ напечатанъ лишь въ 1844 г.

Къ стр. 150. «читалъ ли ты въ «Репертуарѣ» Петра Ивановича Злослова, куплетъ г. Артемовскаго?»—«Репертуаръ русскаго театра»—ежемѣсячный журналъ, выходившій въ СПБ. въ 1839—1841 гг. Издавалъ его И. П. Песоцкій. Въ 1842 г. слился съ журналомъ «Пантеонъ». Въ 8-ой книжкѣ этого журнала за 1840 г. подъ заглавіемъ «Петръ Ивановичъ Злословъ» (куплетъ изъ водевиля) было напечатано слѣдующее стихотвореніе, подписанное «Артемовскій»:

Онъ живетъ за Москворѣчьемъ,
Тѣшитъ сказками народъ,
Занимается злорѣчьемъ,
Имъ да сплетнями живетъ.
Какъ-то разъ, во славу Богу,
Чтобы хлѣбъ не даромъ ѣсть,
Онъ собрался въ путь-дорогу
Старый хламъ на рынокъ несть.
Онъ собрался, снарядился,
Онъ пошелъ-было—и вотъ
Параличъ съ нимъ приключился
Онъ остался у «Воротъ».
Сидя тамъ, онъ всѣхъ ругаетъ,
Юродивый дурачокъ,
И за сплетни получаетъ
Ломтикъ хлѣба иль щелчокъ.

Къ стр. 151. Письмо къ А. П. Ефремову отъ 23 августа 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ кн. Л. В. Шаховского въ февралѣ 1875 г. Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго» (М. 1899).

— «въ другой разъ увѣдомляешь ты»—въ первый разъ о смерти Л. А. Бакуниной.

«когда умерла она»—Л. А. Бакунина.

Къ стр. 153. «ѣхать» — за-границу. Рѣчь идетъ о предполагаемой дуэли между Бакунинымъ и Катковымъ. Ефремовъ писалъ, что эту дуэль необходимо отсрочить изъ вниманія къ состоянію находившейся тогда за-границей сестры Бакунина, В. А. Дьяковой, на которую дуэль подѣйствовала бы несомнѣнно крайне тяжело.

— «въ родѣ той записки, какую онъ вытребовалъ себѣ»—за нѣсколько лѣтъ до того у Бакунина было столкновеніе съ В. К. Ржевскимъ, тоже кончившееся вызовомъ; но дуэль не состоялась, такъ какъ В. К. Ржевскій письменно представилъ такія объясненія, послѣ которыхъ Бакунинъ могъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

— «помнишь ли осень 1836 года»—когда Бѣлинскій и Ефремовъ вмѣстѣ были въ Прямухинѣ.

Къ стр. 154. Письмо къ К. С. Аксакову отъ 23 августа 1840 г. печатается по тому тексту, который данъ въ «Руси», 1881, № 8, гдѣ оно впервые напечатано.

Къ стр. 155. Письмо къ А. Я. Кульчицкому отъ 3 сентября 1840 г.

печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Н. Тютчева. Извлеченія изъ этого письма помѣщены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— Во время написанія этого письма знакомство Бѣлинскаго съ Кульчицкимъ было еще заочнымъ: они никогда не видѣлись; но Бѣлинскій давно зналъ Кульчицкаго по его письмамъ къ Боткину и по разсказамъ о немъ Боткина. Боткинъ же познакомился съ Кульчицкимъ въ семействѣ Кронеберговъ, въ Харьковѣ, куда ему приходилось ѣздить по торговымъ дѣламъ.

— «милое письмо ваше отъ 28 генваря»—это первое письмо А. Я. Кульчицкаго къ Бѣлинскому. Въ собраніи Пыпина имѣется слѣдующая выписка изъ этого письма: «Василій Петровичъ завтра уѣзжаетъ. Время, которое провелъ съ нимъ въ этотъ пріѣздъ, будетъ принадлежать къ лучшимъ временамъ моей жизни. Переписка никогда не замѣнитъ личнаго свиданія и бесѣды! Мы видѣлись почти каждый день; обѣдъ, большею частію, у него; вечеръ у Кронеберговыхъ, добрыхъ, милыхъ Кронеберговыхъ — и такъ проходило счастливое время, тихо, негромко... Но я забываю, что, кромѣ Боткина, остальное вамъ чуждо въ Харьковѣ!»

Къ стр. 156. «покойный его родитель... почтилъ меня перепискою»—письма И. Я. Кронеберга къ Бѣлинскому напечатаны въ I томѣ настоящаго изданія (стр. 410—412).

— «Sehnsucht»—въ подлинникѣ: «Sehsucht».

Къ стр. 157. «будетъ для меня истиннымъ праздникомъ»—въ подлинникѣ «для» пропущено.

- Письмо къ В. П. Боткину отъ 5 сентября 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (131—133). Извлеченія изъ него впервые у Пыпина, затѣмъ въ статьѣ Н. А. Котляревскаго («Помощь голодающимъ»), въ дополненіяхъ Е. А. Ляцкаго при 2-мъ изданіи книги Пыпина (1908) и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 158. «только не сердись»—въ подлинникѣ: «то не сердись».

— «не стою за нашъ вѣкъ» — въ подлинникѣ: «не стою не за нашъ вѣкъ».

Къ стр. 160. «перешли мои письма къ Кронебергу и Кульчицкому»—на письмѣ къ Кульчицкому отъ 3 сентября (стр. 155) Боткинъ въ Москвѣ вписалъ отчество Кульчицкаго, письмо же къ Кронебергу неизвѣстна.

Къ стр. 161. «его статья жива, остроумна»—говорится о статьѣ А. И. Кронеберга «Обзоръ мнѣній о Шекспирѣ, высказанныхъ европейскими писателями въ XVIII и XIX столѣтіяхъ» («Отеч. Зап.» 1840, № 9).

— «Пріятно было»—въ подлинникѣ: «Пріятно бы».

— «извѣстная дама»—Софья Кронебергъ.

— «Его письмо потрясло мою душу» — это письмо отъ 15 августа 1840 г.; въ полномъ собраніи сочиненій Кольцова, изданномъ Разрядомъ Изящной Словесности Академіи Наукъ напечатано на стр. 218—224.

Къ стр. 162. Письмо къ В. П. Боткину отъ 4 октября 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (134, 135 и 135а). Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены у Пыпина, затѣмъ въ статьѣ С. Невѣдѣнскаго («Рус. Вѣстн.», 1888,

кн. 6), въ дополненіяхъ Е. А. Ляцкаго ко 2-му изданію книги Пыпина и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— «не Катковъ»—въ подлинникѣ сокращеніе: «не К.» Можетъ быть, вѣрнѣе здѣсь читать: «не Кудрявцевъ»—Кудрявцевъ былъ какъ разъ въ это время въ Петербургѣ, а съ Катковымъ у Бакунина были не такія отношенія, чтобы Бѣлинскій могъ говорить о проводахъ, какъ о чемъ-то возможномъ.

— «но Герценъ» — вѣроятно, надо читать такъ; въ подлинникѣ: «но Гр—ъ»; о «спекулятивной натурѣ» говорится еще въ письмѣ къ В. П. Боткину отъ 13 іюня 1840 г. (стр. 131).

Къ стр. 163. «Histoire des Croisades contre les Albigeois»—въ XVI и XVII томахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г. напечатана статья «Альбигойцы и крестовые противъ нихъ походы въ XIII столѣтіи». Это переводъ вышедшей въ 1840 г. въ Парижѣ книги Барро и Даррагона «Monfort et les Albigeois». Подъ переводомъ подпись: «пер. съ франц. А. Шумиловъ».

— «какимъ-то фантастическимъ ужасомъ»—въ подлинникѣ: «какимъ фантастическимъ ужасомъ».

Къ стр. 165. «Не вырѣзывай его изъ «Отечественныхъ Записокъ»—романъ Купера «Патфайндеръ» былъ напечатанъ въ 8 и 9 №№ «Отечественныхъ Записокъ» за 1840 г.

Къ стр. 166. «какъ Мишель Бакунинъ!..» — въ подлинникѣ: «какъ —ель —инъ!..»

— «вѣчно остающаяся»—въ подлинникѣ: «вѣчно остающая».

Къ стр. 167. «исполни и обѣщаніе свое» — дать Никанору 25 руб., какъ видно изъ письма къ Д. П. Иванову отъ 4-го же октября (стр. 168).

— Письмо къ Д. П. Иванову отъ 4 октября 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

— «и 50 руб.» — въ подлинникѣ послѣ цифры 50 стоитъ какой-то значокъ, вѣроятно, обозначающій: рублей (то же и дальше, послѣ цифры 25).

Къ стр. 168. Письмо къ В. П. Боткину отъ 25 октября 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (136—139). Извлеченія изъ этого письма впервые сдѣланы Пыпинымъ, затѣмъ С. Невѣдѣнскимъ («Рус. Вѣстн.», 1888, кн. 6) и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— Письмо это является отвѣтомъ на слѣдующее, печатаемое по тексту собранія Пыпина, письмо Боткина:

«Москва, 22 октября 1840.

Друже Виссаріоне! Посылаю тебѣ окончаніе «12-ой ночи»—ради Бога, напиши мнѣ, нравится ли тебѣ эта чудесная, музыкальная, задумчивая, шутливая, воздушная ночь? Шекспиръ не далъ ей названія—онъ назвалъ ее «Что угодно». Если будете печатать ее, то вымарайте посвященіе мнѣ, къ чему это? Или поставь только начальныя буквы. Еще посылаю переводъ Кронеберга изъ Гейне. Премилое стихотвореніе!

Ахъ, Виссаріонъ, — такъ много, такъ много лежитъ у меня на душѣ

для тебя,—во мнѣ совершилось такъ много. Виссаріонъ,—мѣра терпѣнія переполнилась,—моральныя фантазіи, непроницаемость, письма и слова ея къ братьямъ,—Виссаріонъ, стыдно и больно признаться тебѣ,—чувство мое убито, умерло. Сознаніе моего человѣческаго достоинства, наконецъ, моя гордость, все возстало во мнѣ, и томительный, еще таившійся призракъ любви—отлетѣлъ. Да,—и нѣтъ въ сердцѣ даже сладкаго воспоминанія, словно я спалъ,—только оскорбленное мое чувство напоминаетъ мнѣ о минувшемъ. Въ іюнѣ, когда страданія мои (это были вопли моей натуры, боровшейся съ ложнымъ своимъ положеніемъ) дошли до невыразимой тяжести, я написалъ ей письмо, вырвавшееся изъ глубины разорванной души,—она отвѣчала моральною запискою, въ которой говорила только о томъ, что она худо дѣлаетъ, нарушая данное отцу слово не писать мнѣ. Эта записочка все рѣшила. Третьяго дня я сказалъ Павлу все откровенно. Онъ все понимаетъ. Благословляю прошедшее,—оно было воспитаніемъ моимъ, вратами, черезъ которыя вступилъ я въ разумную, а не въ фантастическую дѣйствительность. Ясно вижу, что въ этомъ соединеніи ждало меня одно несчастіе. До сихъ поръ не слыхалъ я отъ нея яснаго, разумнаго, откровеннаго слова—фразы идеальныя. Ея поэтической натуры не касалось еще сознаніе, она еще ни въ чемъ не дала себѣ отчета,—и, словно шутя, вступила со мной въ такія важныя отношенія. Ясно, что она не любила,—все одна фантазія. Точно такъ же она думала любить Веневитинова, Станкевича, можетъ быть, и тебя, еслибъ ты умнѣе держалъ себя. Я не виню ее,—она ложно понимала жизнь, она думала, что поступаетъ хорошо. Но ея положеніе—больно мнѣ. Дѣйствительность мститъ за себя. Я спокоенъ, совѣсть не упрекаетъ меня,—я искренно, глубоко любилъ ее,—а въ отвѣтъ нашелъ что? Зачѣмъ она писала и говорила братьямъ одно, а мнѣ другое? Я запутывался, бывало, въ объясненіяхъ себѣ ея поступковъ и писемъ, которыхъ рѣшительно не понималъ—какія-то идеальныя, туманныя рефлексіи. Что скажешь ты, мой Виссаріонъ,—станешь ли упрекать меня въ самолюбіи? Жду твоего рѣшенія. Но ея судьба? О, Немезида, Немезида—ты никого не щадишь.

Павелъ нынче напишетъ ей,—не знаю, какъ. Обо всемъ тебя увѣдомлю.

Дорогому Алексѣю Васильевичу мой земной поклонъ.

Твой храбрый капитанъ Василій».

— «не вини и ее»—здѣсь и дальше говорится о А. А. Бакуниной.

Къ стр. 170. «чтобы небо просвѣчивало»—въ подлинникѣ: «что небо просвѣчивало».

Къ стр. 173. «Что угодно»—это комедія Шекспира, извѣстная еще подъ заглавіемъ «Двѣнадцатая ночь»; она была переведена А. И. Кронебергомъ, и объ этомъ-то переводѣ и идетъ здѣсь рѣчь.

— «бѣдныя, но вѣрныя»—въ подлинникѣ: «бѣдныя, не вѣрныя».

— статья Каткова о сочиненіяхъ Сарры Толстой напечатана въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1840 г.

— «Корсаковъ»—Петръ Александровичъ (1790—1844), очень плодовитый, но мало даровитый писатель и переводчикъ. Въ 1835 г. былъ на-

значенъ цензоромъ. Въ 1840 г. предпринялъ вмѣстѣ съ Бурачкомъ изданіе «Маяка».

— «Бурачокъ» — Степанъ Анисимовичъ (род. 1800), представитель крайней реакціи въ литературѣ и публицистикѣ, вдохновитель «Маяка».

— На письмо Бѣлинскаго отъ 25 октября 1840 г. Боткинъ отвѣчалъ слѣдующимъ, печатаемымъ по тексту собранія Пыпина письмомъ (конца его не сохранилось):

«Москва, 29 октября, 1840.

Въ первый еще разъ въ жизни я почувствовалъ участіе дружбы, — и это было твое письмо, которое я нынче получилъ. Благодарю, благодарю! Больше ничего не могу сказать тебѣ, Виссаріонъ. Милый мой другъ, ты считаешь меня больше глубокимъ и лучшимъ, нежели каковъ я есмь въ самомъ дѣлѣ, и приписываешь натурѣ моей святыя стороны, какихъ въ ней нѣтъ и духу. О, какое сладкое чувство свободы! Послушай, какъ медленно и свѣжо вздыхаю я, мнѣ кажется, словно я вышелъ изъ тюрьмы, изъ душной атмосферы. Видишь ли, сколько во мнѣ эгоизма, — я вижу только себя, и ощущеніе внутренней свободы еще такъ сильно, что я не могу себѣ привести въ сознаніе ничего другого; я не знаю, при этомъ есть внутри меня какое-то чувство правоты. Въ этой исторіи я игралъ страдательную, даже почти нѣсколько жалкую роль; я самъ видѣлъ въ Москвѣ, что состояніе ея духа такъ мало соотвѣтствовало нашимъ отношеніямъ, чувствовалъ, что ея страждущій, печальный видъ обдавалъ холодомъ мою любовь,—но я такъ вѣрилъ въ Александру Александровну [1]), что изламывалъ всю голову стараніями объяснить себѣ такое состояніе духа, я просто относилъ это къ странности натуры и фантастической отвлеченности — другого думать не смѣлъ. И вотъ, Виссаріонъ, цѣлый годъ все это въ такомъ же положеніи. Сколько я ни старался принудить ее къ объясненію, — я получалъ въ отвѣтъ земныя, рѣшительно отдаленныя отъ предмета письма, въ которыхъ ни одного отголоска сердца, чувства, — я уже не говорю любви. Моя гордость стонала, мое чувство, безпрестанно оскорбляемое ея письмами, исполненными рефлектированныхъ афоризмовъ, часто очень милыхъ фантазій, граціозности и многаго, но что нисколько не носило на себѣ характера нашихъ отношеній, — мое чувство, Виссаріонъ, вскипало горечью почти отъ каждаго письма ея, но я давилъ его, и оно никогда не осмѣливалось доходить до сознанія, до мысли. У меня была такая глубокая вѣра въ ея душу, въ ея нравственное достоинство. Боже меня сохрани сомнѣваться въ ангельской чистотѣ души ея, въ ея нравственномъ достоинствѣ,—но видишь ли, мой Виссаріонъ, она не понимала всей важности отношеній, въ которыя вошла. Духомъ она была еще дит- -шутя сказала она сестрѣ и братьямъ, что любитъ меня, безъ сознанія вошла со мною въ такія рѣшительныя отношенія. Она, дѣйствительно, любила меня, — но любила неглубоко, легко, фантастически, рисуя въ своемъ воображеніи мечтательное, отвлеченное, свое домашнее замужество. Я такъ живо чувствовалъ нашу

[1]) Она первая прервала молчаніе въ нашихъ отношеніяхъ и сдѣлала ихъ нѣсколько опредѣленными.—*Примѣчаніе Боткина.*

взаимную симпатію (это было въ послѣднюю мою поѣздку въ Прямухино), такъ свободно могъ погружаться въ ея существо, такъ глубоко и живо чувствовалъ свою близость, даже единство съ нею, — ахъ, Виссаріонъ, — тутъ въ первый разъ я почувствовалъ все достоинство жизни, все невыразимое счастіе жить; — передо мною была дѣвушка, которая не только соотвѣтствовала всѣмъ моимъ мечтамъ, фантазіямъ, но безконечно превышала ихъ; — мечты и фантазіи исчезли — я любовался божественною дѣйствительностью (ты знаешь, что это не фразы), — и я чувствовалъ, видѣлъ, что эта дѣвушка неравнодушна ко мнѣ, я видѣлъ это въ ея глазахъ, въ которые я могъ засматриваться, сколько доставало силъ у души, и тогда ужъ мои глаза были очень смѣлы. Да, она любила меня. На такую поэтическую, граціозную, но не твердую душу, — внѣшность и люди могутъ имѣть сильное вліяніе. Въ то время Мишель имѣлъ еще обо мнѣ порядочное мнѣніе, коллизіи съ родителями въ виду не было — все происходило въ идеальной, самодѣльной дѣйствительности — ея чувство не встрѣчало препятствій — и тихо, невыразимо граціозно отдавалось своему влеченію. Объясненіе: Гете говоритъ, что выговоренное слово всегда страшно, хоть даже сердце и давно позволило его. Это было первое приближеніе къ разумной дѣйствительности — и бѣдная Александра впала въ страждущее состояніе. Правда, она еще тогда знала, что родители рѣшительно не согласятся, и сама мнѣ сказала объ этомъ, прибавивъ: «но что мнѣ до нихъ, — если я захочу, то будетъ по моему». Ты поймешь, подъ какимъ очарованіемъ долженъ былъ находиться я. Я разстался съ ней съ тяжестью на сердцѣ, потому что, несмотря на прекрасныя слова ея, я видѣлъ, что имъ нисколько не соотвѣтствовала ея непосредственность: она была въ какомъ-то лихорадочномъ, напряженномъ, неестественномъ состояніи. Все я это ясно видѣлъ и иногда обращался съ нею, какъ съ сомнамбулкой, думая, какъ успокоить ее. Я чувствовалъ и видѣлъ, что въ душѣ ея происходитъ что-то. Татьяна Александровна убѣждала меня, чтобъ я просилъ Александру Александровну рѣшительно объясниться со мною, разрѣшить для меня свое таинственно-страждущее положеніе — на мои вопросы она отвѣчала только: «я согласна быть вашей». Это было страшно, Виссаріонъ, — слышать такія слова и видѣть непосредственное опроверженіе ихъ. Боже, въ какомъ я былъ состояніи! Это было вечеромъ; — воротясь домой, безумный, я написалъ ей письмо, въ которомъ говорилъ, что «намъ рѣшительно должно разстаться, что мнѣ такъ тяжело, что я лишилъ бы себя жизни, но я такъ слабъ, что не могу рѣшиться на это». Такое письмо было глупо, — но я извиняю его необыкновенностію, томительною таинственностію положенія (Мишель послѣ ставилъ мнѣ это несчастное письмо въ страшную вину и ядовито отзывался о немъ, — онъ зналъ жизнь изъ книгъ нѣмецкихъ?!?!?!?! ужъ изъ французскихъ больше получилъ бы для нея смысла, а то изъ нѣмецкихъ, гдѣ толковалось о блаженствѣ, примиреніи, просвѣтлѣніи страстей духомъ, о героизмѣ, чуждомъ всякаго паденія, и прикладывалъ ко мнѣ свои абстрактныя теоріи). Въ отвѣтъ я получилъ записочку, главное содержаніе которой: «я согласна, я буду счастлива, я отдаюсь Богу и вамъ». Это было въ день моего отъѣзда въ Нижній, — мы простились. Богъ знаетъ, какое было мое положеніе. Я нарочно разсказалъ тебѣ мои

непосредственныя отношенія; письменныя стали еще туманнѣе. Къ несчастію, одно письмо попалось въ руки Павлу и дошло до святого старца. Это именно было къ несчастію. Наши отношенія, будучи такъ неопредѣленны, для нея непонятны въ ихъ важности, заключая въ себѣ столько земного, непосредственнаго, загадочнаго, —вдругъ насильственно вводятся въ формы общественныя. Не случись этого,—они или свободно бы уяснились, или ослабѣли и прекратились; впрочемъ, нѣтъ, я благодаренъ этому несчастному случаю — безъ него, можетъ быть, я долго, долго гнался бы за призраками,—что дѣлать, иногда поневолѣ сдѣлаешься эгоистомъ, не хочется жизнь свою бросать призракамъ, хоть я нисколько не дорожу ею, но вотъ видишь, у меня много гордости и довольно смысла къ дѣйствительности. Александра Александровна именно такъ создана Богомъ, чтобъ только мучить. Это чарующій Сфинксъ; вся она какая-то тайна, гармоническая, высочайшая женственная Unbefangenheit. Но она и сама для себя тайна,—словно природа, лишивъ ее внутренней ясности, сознанія, нарочно хотѣла вознаградить, воплотивъ въ ней все очарованіе женственности. Но она не создана, чтобъ быть женою — и несчастіе ждетъ того, кто поддастся очарованію этого сфинкса. Назадъ тому недѣли двѣ Павелъ приносилъ мнѣ ея письмо къ А. Бееръ—письмо, по обыкновенію, темное, въ большей части мѣстъ неизвѣстно, что она хочетъ сказать. Но смыслъ его, кажется, тотъ, что она признается, что не чувствуетъ въ себѣ любви,—что соглашается съ А. Бееръ въ томъ, что она прежде писала ей, что вся жизнь ея была фраза и подражаніе, что сначала эти слова оскорбили ее, но теперь она чувствуетъ ихъ истину. Признаюсь тебѣ, это письмо сдѣлало на меня и дурное и хорошее впечатлѣніе — послѣднее признаніе показываетъ пробужденіе сознанія, но еще въ дѣтской формѣ, — а первое? Неужли-жъ въ самомъ дѣлѣ вся эта трагикомедія случилась для того, чтобъ дать мнѣ извѣдать глубину романтическаго настройства духа, узнать всю опасность фантастическихъ понятій о жизни и понять, что поэзія, истина и дѣйствительность заключаются въ простотѣ, разумности, понимаемости, — не въ отдаленіи отъ ежедневности и обыкновенности и презрѣніи къ нимъ, а въ принятіи ихъ въ свои сферы и въ наполненіи ихъ эластическихъ, всякому удобныхъ формъ благороднымъ своимъ содержаніемъ; если вся эта исторія была для того, чтобы вывести ее изъ дѣтскихъ понятій, изъ фантастическаго, напряженнаго состоянія. Все это прекрасно,—но ея будущее? Будетъ ли она въ состояніи забыть это прошедшее, примириться съ нимъ? Нѣтъ у меня на нее ни одного упрека, она такъ же чиста, какъ была для меня прежде, я ни въ чемъ не виню ее; напротивъ, черезъ нее я столько понялъ въ жизни, что, не будь этого событія, я еще очень надолго остался бы ребенкомъ. Да, она сдѣлала меня мужчиной, давъ узнать опытомъ все опасное безумство воображенія, вычитанныхъ понятій о жизни и фантастическихъ стремленій. Между нами такъ мало было простоты, задушевности, откровенности,—но только не съ моей стороны, я писалъ avec tout épanchement du coeur,—въ отвѣтахъ ея были большею частью мысли, навѣянныя нѣмецкими книжками и холодившія своею рефлексіею,—въ ея письмахъ не было личности, не видно было человѣка съ тѣломъ и кровію — отъ этого я такъ равнодушенъ былъ къ ея письмамъ, они

мнѣ говорили о многомъ, только кромѣ ея самой и нашихъ отношеній; а все, что она говорила кромѣ себя самой и нашихъ отношеній, было такъ бѣдно содержаніемъ, такъ непонятно, туманно. Сентенціи, которыми она иногда перемѣшивала письма свои, такъ явно были прививныя, что очень часто видно, что она сама хорошо не понимала ихъ.

Я сказалъ, что на такую поэтическую, граціозную, но не глубокую душу внѣшность и люди могутъ имѣть сильное вліяніе. Коллизія съ родителями. На нѣсколько времени эти внѣшнія бури разсѣяли внутренній мракъ,—она приняла положеніе твердое, рѣшительно сказала волю свою родителямъ; — въ это время письма ея имѣли характеръ ясный, опредѣленный,—такихъ было письма два. Буря прошла, — согласіе отложено на годъ; до февраля въ письмахъ ея сохранилась ясность, — потомъ наступила прежняя темнота. Какъ-то я прихожу къ братьямъ, они мнѣ показываютъ письмо отъ нея,—я, кажется, тогда писалъ тебѣ о письмѣ этомъ, и какое впечатлѣніе оно произвело на меня. Мои отношенія къ Мишелю тогда уже измѣнились—и какъ для меня неожиданно! Я возвращаюсь въ первыхъ числахъ февраля изъ Харькова, ничего не предчувствуя и разставшись съ Мишелемъ, какъ нельзя лучше, довезя его до Мценска — и вдругъ нахожу у себя на столѣ письмо отъ него. Вотъ въ чемъ было дѣло: пораженный разсказами А. Беера о томъ состояніи, въ какомъ въ Москвѣ находилась Александра Александровна, разсказами о письмѣ моемъ, о которомъ ему передано было такъ, что будто я грозилъ застрѣлиться, если Александра Александровна не согласится принадлежать мнѣ (можно ли было еще болѣе переврать?), Мишель возымѣлъ ко мнѣ сильную враждебность и подъ вліяніемъ ея написалъ къ Александрѣ Александровнѣ письмо, въ которомъ старался пояснить для нея ея положеніе, требовалъ яснаго отвѣта на вопросъ, любитъ ли она меня, писалъ, что я, вѣроятно, стану стараться отдѣлить ее отъ братьевъ, что всѣ они, равно какъ и самъ онъ, ко мнѣ расположены дурно. Сверхъ ожиданія, отвѣтъ Александры Александровны былъ необыкновенно ясенъ и опредѣленъ; вотъ что писала она: «Мишель, я люблю Боткина, мнѣ не страшно соединиться съ нимъ. Я знаю его лучше, нежели вы»,—и потомъ «я перенесла бы разлуку съ вами, но не утрату любви вашей». Этотъ отвѣтъ, несмотря на враждебность ко мнѣ Мишеля, душевно приблизилъ меня къ нему—я забылъ все, что между нами было; но въ то же время я очень хорошо видѣлъ, что этотъ человѣкъ скверно расположенъ ко мнѣ и себѣ на умѣ. Наконецъ, получаютъ они то письмо, о которомъ упомянулъ я, гдѣ она говоритъ о своей разлукѣ съ братьями, что она ея не перенесетъ,—о томъ, какъ она будетъ одна и проч. Я тогда писалъ тебѣ обо всемъ этомъ. Черезъ недѣлю послѣ этого я написалъ къ ней письмо, въ которомъ горько жаловался ей, что взаимныя отношенія наши, несмотря на ихъ внѣшнюю формальность, такъ еще неопредѣленны, ложны, что въ ней нѣтъ внутренняго рѣшенія, хотя она его и выговорила, что письма ея къ братьямъ странно противорѣчатъ нашимъ выговореннымъ отношеніямъ,—я не говорю уже о внутреннихъ,—долженъ ли я былъ надѣяться какого-нибудь объясненія, по крайней мѣрѣ внятнаго отвѣта,—ничего не было; я получилъ адресованное на мое имя письмо къ братьямъ, странное, туманное, непонятное, болѣзненное, въ которомъ она проситъ у нихъ

прощенія въ томъ, что она слабая дѣвочка, что она не можетъ забыть умершую сестру свою, — потомъ обращается ко мнѣ: «Боткинъ, я дѣлаю васъ несчастливымъ,—но я хочу быть умнымъ, послушнымъ дитею и думать о вашемъ счастіи, — да, я хочу васъ сдѣлать счастливымъ или не жить. я въ это время много играла на фортепьяно, хотѣла своими успѣхами сдѣлать вамъ удовольствіе».—Вотъ все объясненіе,—конечно, мило, но что же это такое, и сколько-нибудь было ли мнѣ легче отъ этого лепета? Тутъ пошло хуже и хуже. Мишель поѣхалъ въ Прямухино. Разумѣется, при враждебности ко мнѣ, онъ не щадилъ меня тамъ,—и передъ бѣдною дѣвушкою были два препятствія: несогласіе родителей и нелюбовь братьевъ ко мнѣ. Чувство ея, будучи по себѣ слабо, легко, болѣе въ воображеніи, нежели въ сердцѣ, естественно, должно было поддаться вліянію Мишеля, который, если и не говорилъ прямо, но много говорилъ молча; ты знаешь его искусство въ этомъ родѣ словесности. Дѣла пошли хуже. Родители узнали, что, несмотря на запрещеніе ихъ, переписка между нами продолжалась — и снова запретили ее Александрѣ Александровнѣ. Когда Мишель поѣхалъ въ Тверь, я послалъ съ нимъ письмо къ Александру Михайловичу, въ которомъ умолялъ его оставить всѣ свои сомнѣнія на счетъ моего состоянія, что отецъ мой даетъ мнѣ теперь 50 тысячъ, что я отъ семейства своего буду независимъ,—умолялъ его позволить мнѣ пріѣхать къ нему объясниться съ нимъ лично, и проч. Старикъ не отвѣчалъ мнѣ, но написалъ къ Мишелю (это все въ Твери) для того, чтобъ онъ мнѣ показалъ,—нѣчто въ родѣ записки изъ дѣла—вотъ что пишетъ онъ рукою Варвары Александровны» . . . . . .

Къ стр. 174. Письмо къ В. П. Боткину отъ 31 октября 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (140—141). Извлеченія изъ этого письма у Пыпина и Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— Въ подлинникѣ явная описка: письмо датировано Бѣлинскимъ 31 ноября. Пыпинъ въ своей книгѣ относитъ письмо къ 31 октября.

— «ибо для нашего общества»—въ подлинникѣ: «для» пропущено.

Къ стр. 175. «и кому-жъ»—въ подлинникѣ: «на кого-жъ».

Къ стр. 176. «интересно прочесть повѣсть Кудрявцева» — вѣроятно, Бѣлинскій имѣетъ здѣсь въ виду повѣсть «Звѣзда», напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1841, т. XV.

Къ стр. 177. «Рабусъ»—Карлъ Ивановичъ (1800—1857), живописецъ-пейзажистъ, съ 1827 г. академикъ; съ 1834 г. сталъ жить въ Москвѣ и, между прочимъ, состоялъ преподавателемъ въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, гдѣ, какъ извѣстно, одно время преподавалъ и Бѣлинскій. Былъ извѣстенъ среди москвичей, какъ остроумный и живой карикатуристъ.

Къ стр. 178. Письмо къ В. П. Боткину отъ 10—11 декабря 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (142—145). Извлеченія изъ этого письма впервые сдѣланы Пыпинымъ, затѣмъ Е. А. Ляцкимъ при 2-мъ изданіи книги Пыпина и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.»).

Къ стр. 179. «Теперь объ ней»—А. А. Бакуниной.

Къ стр. 181. «Если женщина захочетъ»—къ слову «женщина» Пы-

пинъ дѣлаетъ на поляхъ своего собранія слѣдующую отмѣтку: «въ рукописи вырвано, кажется, сокращеніе: ж.»

Къ стр. 182. «брилліантъ»—въ подлинникѣ: «брилльянъ».

— «графомъ Соллогубомъ» — впослѣдствіи ставшимъ извѣстнымъ писателемъ.

— «религіозное чувство»—и здѣсь это слово совершенно лишено его теологическаго значенія.

Къ стр. 183. «но за человѣчность»—въ подлинникѣ «за» пропущено.

Къ стр. 186. «памфлетовъ»—въ подлинникѣ: «памфлетъ».

— «талантливое»—въ подлинникѣ: «таланливое».

Къ стр. 187. «пропахнувшій Жуковымъ» — т.-е. табакомъ фабрики Жукова.

— «Къ пріѣзду Каткова»—Катковъ вернулся въ Петербургъ лѣтомъ 1840 г.

Къ стр. 188. «Джемсонъ»—англійская писательница (1797—1860), очень въ свое время извѣстная историческими и критическими сочиненіями въ области изящныхъ искусствъ и археологіи; одно изъ ея сочиненій было посвящено портретамъ и характеристикамъ шекспировскихъ героинь. Статья Боткина, излагавшая его содержаніе («Женщины, созданныя Шекспиромъ»), напечатана въ № 2-мъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г.

— «въ статьѣ о 4 драмахъ Шекспира»—Пыпинъ въ своей книгѣ дѣлаетъ къ этому мѣсту такое примѣчаніе: «Бѣлинскій разумѣетъ статью Ретшера, взятую, кажется, изъ Hallische Jahrbücher: «Четыре новыя драмы, приписываемыя Шекспиру», перев. въ «Отеч. Зап.» 1840, кн. 11. Здѣсь рѣчь идетъ о драмѣ «Лондонскій Блудный Сынъ».

— «Якимовъ—Василій Алексѣевичъ (1802—1853), профессоръ русской словесности въ Харьковскомъ университетѣ. Между прочимъ перевелъ на русскій языкъ «Короля Лира» и «Венеціанскаго купца», но эти переводы отличаются той же бездарностью, что и его собственныя произведенія.

Къ стр. 190. «отрывокъ изъ его записокъ» — это «Записки одного молодого человѣка («Отеч. Зап.» 1840, № 12). Этимъ началось сотрудничество Герцена въ «Отечественныхъ Запискахъ».

— Отрывокъ изъ письма къ В. П. Боткину, начинающійся словами «въ немъ нѣтъ ни почвы, ни воздуха», печатается по тексту собранія Пыпина. Взятъ Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (146—147). Приводя въ свой книгѣ выдержки изъ него, Пыпинъ относилъ его къ ноябрю или декабрю 1840 г. и высказывалъ предположеніе, что онъ можетъ относиться къ письму отъ 10 — 11 декабря 1840 г. (см. также примѣчаніе на стр. 190); новыя выдержки изъ этого отрывка сдѣланы С. Невѣдѣнскимъ («Рус. Вѣстн.», 1888, кн. 6), причемъ послѣдній невѣрно относитъ его къ 1839 г. Р. В. Ивановъ-Разумникъ приводитъ изъ этого отрывка одно мѣсто, уже имѣющееся у Пыпина, и относитъ его къ 31 окт. 1840 г., не указывая основаній, по которымъ онъ это дѣлаетъ. Вѣроятно, это просто недосмотръ.

Къ стр. 191. «милый Алексѣй Васильевичъ»—Кольцовъ.

Къ стр. 192. «забыть даже и Маросейку»—на Маросейкѣ въ Москвѣ жилъ В. П. Боткинъ.

— «какъ тебѣ понравилась»—въ подлинникѣ слова «понравилась» нѣтъ.

— «тогда какъ я»—въ подлинникѣ «я» пропущено.

— «твою статейку о выставкѣ»—рѣчь идетъ, вѣроятно, о небольшой статейкѣ, помѣщенной въ № 11 «Отечественныхъ Записокъ» за 1840 г.: «Выставка картинъ въ Московскомъ архитектурномъ училищѣ».

— «Аксаковъ сказывалъ»—К. С. Аксаковъ былъ тогда въ Петербургѣ на возвратномъ пути изъ-за границы.

Къ стр. 193. «Есть поэзія художественная» — въ подлинникѣ заключенныя въ скобкахъ имена сокращены такъ: «(высшая—Гомеръ, Шекспиръ, В. С., К., Б., Ш., Гет., П. Г.);»

— «читать этого мѣста»—эпизодъ «Матери» изъ 2-ой части «Фауста» переданъ въ примѣчаніи къ переводу Каткова статьи Ретшера («Моск. Набл.», 1838, т. XVII).

— «хочетъ писать къ его барынѣ»—К. А. Горбуновъ былъ крѣпостнымъ. Его отецъ былъ лакеемъ.

— «Алексѣй Тимоѳеевичъ Никольскій»—художникъ; о немъ еще упоминается на стр. 191.

Къ стр. 194. «письмо къ Кольцову прочти»—это письмо, какъ и всѣ остальныя письма Бѣлинскаго къ Кольцову, не сохранилось.

— Письмо къ В. П. Боткину безъ даты печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (297—298). Извлеченія изъ этого письма помѣщены у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Изъ содержанія письма видно, что оно написано въ декабрѣ 1840 г., между 11-мъ и 14-мъ числами.

— «вотъ тебѣ и еще писулька»—кромѣ письма отъ 10—11 декабря 1840 г.

— «заставлялъ ее»—въ подлинникѣ «ее» пропущено.

— «Алексѣя Васильевича»—Кольцова.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 26 декабря 1840 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (148—149). Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены въ книгѣ Пыпина, позднѣе у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— «послѣднее большое письмо»—отъ 10—11 декабря.

Къ стр. 195. Приводимые Бѣлинскимъ стихи принадлежатъ Кольцову.

— Упоминаемая Бѣлинскимъ рецензія Кудрявцева напечатана въ № 12 «Отечественныхъ Записокъ» за 1840 г.

— «Лирическій Пантеонъ», съ которымъ Фетъ выступилъ на литературное поприще, былъ подписанъ буквами А. Ф.

— «статья Искандера»—это «Записки одного молодого человѣка».

Къ стр. 196. «Каковы послѣднія-то стихотворенія Кольцова» — въ №№ 11 и 12 «Отечественныхъ Записокъ» за 1840 г. напечатаны: «Дуютъ вѣтры, вѣтры буйные», «Лѣсъ» (О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ), «Разлука», «Такъ и рвется душа изъ груди молодой».

— «Ночь» Кольцова помѣщена въ № 2 «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г.

— «своего «Ворона»— въ подлинникѣ: «своего ворона».

Письмо къ В. П. Боткину отъ 30 декабря 1840 г.—22 января 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (150—157). Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены у Пыпина, затѣмъ въ статьѣ С. Невѣдѣнскаго («Рус. Вѣстн.», 1888, кн. 6); новыя добавленія, по тексту собранія Пыпина, сдѣланы Н. А. Котляревскимъ («Помощь голодающимъ») и Е. А. Ляцкимъ (2-ое изд. книги Пыпина, 1908).

— «Все, что написалъ ты о Гете и Шиллерѣ» — Пыпинъ въ своей книгѣ указываетъ, что этого письма Боткина не было въ его распоряженіи.

— «не задыхаясь»—отъ восторга.

Къ стр. 197. «талантливаго»—въ подлинникѣ: «таланливаго».

— «пишетъ навыворотъ по-телеграфски» — т.-е. обратно тому, какъ писалъ, будучи издателемъ «Московскаго Телеграфа».

Къ стр. 198. «талантливо»—въ подлинникѣ опять: «таланливо».

Къ стр. 199. «вы были у Полевого»—Ксенофонта Алексѣевича.

— «Русскій Вѣстникъ»—ежемѣсячный журналъ, издававшійся въ 1841 г. Н. И. Гречемъ при ближайшемъ участіи Н. А. Полевого, въ полное распоряженіе котораго перешелъ въ 1842 г. Прекратилъ существованіе въ 1844 г.

Къ стр. 201. «Нащокинъ» — Павелъ Воиновичъ, извѣстный другъ Пушкина.

— «да книги нѣтъ»—книга гр. Сарры Толстой была отпечатана въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу не поступила.

— «Въ немъ»—въ Катковѣ.

— «онъ для этого слишкомъ молодъ» — Катковъ родился въ 1818 г. и, слѣдовательно, былъ моложе Бѣлинскаго на 7 лѣтъ.

Къ стр. 202. «разойдусь во взглядѣ на послѣднюю исторію юноши»—какъ видно дальше изъ письма, рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Каткова къ женѣ Н. П. Огарева, рожденной Рославлевой. Бракъ Огарева былъ несчастливъ, и онъ очень скоро разошелся съ женой. Переписка между Огаревыми напечатана въ книгѣ Гершензона «Образцы прошлаго», М. 1912. Впослѣдствіи Огаревъ женился на Н. А. Тучковой.

— «Что же до участія»—въ подлинникѣ «до» пропущено.

Къ стр. 203. «С—го» — трудно сказать, кого здѣсь имѣетъ въ виду Бѣлинскій; такъ же неясно, кто упоминаемый въ этой же строкѣ «казначей».

Къ стр. 205. «вашего чувства»—В. П. Боткина и А. А. Бакуниной.

— «старикъ-то теперь торжествуетъ»—А. М. Бакунинъ.

— «на берегу Мертваго моря»—въ подлинникѣ: «на берегу мертваго плода».

Къ стр. 207. «несправедливъ къ нему»—къ Герцену.

Къ стр. 208. «къ С—му»—по всей вѣроятности Н. С. Селивановскому.

— «о стихахъ Пушкина въ альманахѣ»—это альманахъ Владиславлева «Утренняя Заря» на 1841 г. Тамъ стихотвореніе Пушкина «Для береговъ отчизны дальней».

Къ стр. 209. Въ № 1 «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г. помѣщено стихотвореніе Лермонтова: «Есть рѣчи...»

— «Мнѣ сдается, что моя статья недурна»—это статья о стихотвореніяхъ Лермонтова, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1841, № 2. Въ изд. подъ ред. С. А. Венгерова помѣщена въ VI томѣ.

Къ стр. 212. Письмо къ А. Н. Струговщикову печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. Н. Струговщикова въ маѣ 1875 г. Печатается впервые.

— Струговщиковъ—Александръ Николаевичъ (1809—1878); по общему признанію, является однимъ изъ лучшихъ нашихъ переводчиковъ, хотя его переводы и не отличаются строгой близостью къ тексту.

— «Губеръ»—Эдуардъ Ивановичъ (1814—1847); одно время велъ отдѣлъ критики въ «Библіотекѣ для Чтенія» и былъ фельетонистомъ «СПБ. Вѣдомостей». Въ 1845 г. выпустилъ книжку собственныхъ стихотвореній. Переводъ 1-ой части «Фауста» сдѣланъ имъ былъ дважды, такъ какъ первый переводъ свой онъ уничтожилъ, оставшись неудовлетвореннымъ имъ

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 1 марта 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (158—161). Извлеченія изъ этого письма помѣщены въ книгѣ Пыпина, затѣмъ, по тексту собранія Пыпина, у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— «Отрывокъ изъ Hallische Jahrbücher»—этотъ журналъ издавался съ 1837 г. Эхтермейеромъ и Арнольдомъ Руге и былъ выразителемъ мнѣній лѣваго гегельянства.

Къ стр. 215. «ты найдешь мою статью» — это «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды» («Отеч. Зап.», 1841, № 3).

— «семинаристъ Никитенко»—Александръ Васильевичъ (1804—1877), писатель, профессоръ, съ 1833 г. цензоръ. Авторъ извѣстнаго дневника: «Моя повѣсть о самомъ себѣ и чему свидѣтель въ жизни былъ» (СПБ., 1893; 2-е изд. СПБ., 1905).

Къ стр. 216. Объ искаженіи цензурою мѣста въ статьѣ «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды» см. Собраніе сочиненій Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 573.

Къ стр. 217. «и что въ немъ особенно примѣчательнаго»—намекъ на Софью Кронебергъ (см. пис. къ В. П. Боткину отъ 18—20 февр. 1840 г., стр. 38—41).

— «переводъ критики ретшеровой» — въ подлинникѣ «критики» пропущено.

— «Эпиграфъ изъ Пушкина кстати»—передъ II-мъ очеркомъ (Офелія) стоитъ:

«Я помню столь же нѣжный взглядъ
И красоту еще земную».

Къ стр. 219. «Переводъ Гетевской пьесы Кронеберга»—въ XV томѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г. напечатанъ небольшой переводъ А. И. Кронеберга «Ганимедъ» (изъ Гете). Въ немъ, между прочимъ, есть такіе стихи:

1) Звучитъ мнѣ любящая пѣснь соловья,—
2) Летитъ на любящую душу мою—
3) Въ твое безконечно-любящее лоно,

— «Ключниковъ (И. П.)»—въ подлинникѣ: «Ключниковъ (И. И.).»

Къ стр. 221. Гофмейстеръ—извѣстный нѣмецкій филологъ (1796—1844). Написалъ, между прочимъ, большую біографію Шиллера.

— «Письма изъ-за границы» Анненкова съ марта 1841 г. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ печатались сначала въ «Отечественныхъ Запискахъ», потомъ въ «Современникѣ». Вошли въ собраніе сочиненій П. В. Анненкова.

— «Я еще больше полюбилъ этого человѣка» — Бѣлинскій познакомился съ Анненковымъ въ 1840 г. и сразу коротко сошелся съ нимъ. Первое упоминаніе о немъ въ письмѣ къ В. П. Боткину отъ 13 іюня 1840 г. (стр. 133).

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 13 марта 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова. (162—165). Извлеченія изъ него впервые сдѣланы Пыпинымъ, затѣмъ, по тексту собранія Пыпина, Н. А. Котляревскимъ («Помощь голодающимъ»), Е. А. Ляцкимъ (дополненія при 2-мъ изд. книги Пыпина) и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— Письмо это не застало Боткина въ Москвѣ: онъ выѣхалъ въ Петербургъ въ понедѣльникъ на 6-й недѣлѣ поста. Въ Петербургѣ онъ думалъ пробыть довольно долго, но уже въ среду на Страстной долженъ былъ уѣхать обратно, получивъ извѣстіе о смерти матери, о чемъ въ письмѣ Бѣлинскаго къ Н. А. Бакунину отъ 6—8 апрѣля 1841 г. (стр. 235).

Къ стр. 222. «экстатическія»—въ подлинникѣ: «экстастическія».

Къ стр. 224. «доморощеннымъ философомъ»—конечно, М. А. Бакунинымъ.

Къ стр. 227. «хорошо до мочи нѣтъ»—такъ въ подлинникѣ; но, вѣроятно, здѣсь описка, и вмѣсто «хорошо» должно быть «нехорошо».

— Письмо къ А. А. Краевскому безъ даты печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ октябрѣ 1873 г. Это письмо цѣликомъ напечатано съ подлинника въ «Отчетѣ Имп. Публ. Библіотеки» за 1889 г., приложеніе.

— Письмо написано въ мартѣ 1841 г., такъ какъ упоминаемая въ немъ рецензія на «Душеньку» Богдановича напечатана въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г. Въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Бѣлинскаго рецензія эта печаталась въ сокращенномъ видѣ; полностью напечатана въ 6-мъ томѣ собранія сочиненій, издаваемаго подъ редакціей С. А. Венгерова.

Къ стр. 228. Письмо къ А. А. Краевскому безъ даты печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ октябрѣ 1873 г. Выдержка изъ этого письма впервые помѣщена А. А. Краевскимъ въ «Голосѣ», 1869, № 204. Полностью оно напечатано съ подлинника въ «Отчетѣ Имп. Публ. Библіотеки» за 1889 г., приложеніе.

— «Что до 3-ей статьи о Петрѣ Великомъ»—по этому указанію можно заключить, что письмо написано въ мартѣ или апрѣлѣ 1841 г. 1-ая

статья напечатана въ № 4 «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г., а 2-я въ № 6, помѣченномъ цензурою 28 апр. 1841 г. Письмо Бѣлинскаго, въ которомъ говорится о его намѣреніи писать третью статью въ маѣ, очевидно, написано до сдачи этого № въ цензуру, такъ какъ въ концѣ второй статьи было напечатано, что продолженія не будетъ.

Къ стр. 229. Письмо къ Н. А. Бакунину отъ 6—8 апрѣля 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ этого письма впервые сдѣланы Пыпинымъ, затѣмъ В. А. Гольцевымъ («Сб. Общ. Люб. Росс. Слов.», 1891) и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ» («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 231. «еще съ однимъ»—вѣроятно, Бѣлинскій имѣетъ здѣсь въ виду Каткова.

Къ стр. 232. «Какъ бы горячо прижалъ я къ сердцу благороднаго П. Ѳ. Заикина»—онъ былъ тогда за-границей.

Къ стр. 233. «полно быть дюпомъ»—отъ французскаго dupe—глупый, простофиля.

Къ стр. 234. «и не плюются»—въ подлинникѣ «не» пропущено.

Къ стр. 236. «которая далеко теперь отъ васъ»—В. А. Дьякова была въ то время за-границей.

— «отъ какого-то безпокойства» — въ подлинникѣ: «отъ какого безпокойства».

Къ стр. 238. Письмо къ В. П. Боткину отъ 9 апрѣля 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (172—173). Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «также къ Каткову въ Берлинъ» — этого письма не сохранилось.

Къ стр. 239. «Гефестъ хромоногій»—вѣроятно, Н. М. Сатинъ, у котораго, какъ извѣстно, постоянно болѣла нога; ни одинъ изъ докторовъ, ни въ Россіи, ни за границей, не могъ даже точно опредѣлить его болѣзни.

«Хорошъ Шевыревъ: Лермонтовъ подражаетъ Бенедиктову» — имѣется въ виду статья Шевырева въ № 4 «Москвитянина» за 1841 г.

— «Изъ моей несчастной статьи» — изъ 1-ой статьи о Петрѣ Великомъ, напечатанной въ № 4 «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г.

— Письмо къ Д. П. Иванову отъ 11 апрѣля 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

Къ стр. 241. «къ Кони»—Ѳедоръ Алексѣевичъ (1809—1879), извѣстный водевилистъ, журналистъ и переводчикъ.

— «Письмо мое къ Никанору»—этого письма не сохранилось.

Къ стр. 242. «нашего студента»—вѣроятно, П. П. Иванова.

— Письмо къ Н. Х. Кетчеру безъ даты печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Х. Кетчера. Изъ этого письма приведены двѣ выдержки въ воспоминаніяхъ А. В. Станкевича о Н. Х. Кетчерѣ («Русск. Арх.», 1887, т. I, кн. 3), причемъ А. В. Станкевичъ относитъ это письмо къ 1841 г. Что письмо, дѣйствительно, написано въ 1841 г., можно рѣшительно утверждать на основаніи имѣющихся въ немъ указаній на статью Булгарина о Кони. Надо думать, что Бѣлинскій имѣетъ здѣсь въ виду его большую статью, помѣщенную въ № 67 «Сѣверной

Пчелы» за 1841 г., отъ 24 марта, всецѣло посвященную Кони; о мелкихъ, довольно частыхъ въ этой газетѣ, выпадахъ противъ Кони врядъ ли Бѣлинскій писалъ бы въ такихъ выраженіяхъ. Воспоминанія Станкевича весьма любопытны, но, къ сожалѣнію, они касаются преимущественно послѣднихъ лѣтъ жизни Кетчера и мало даютъ для характеристики Кетчера ранней поры.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 21—28 іюня 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (166—171). Извлеченія изъ этого письма помѣщены у Пыпина, затѣмъ у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 244. «что знаетъ Кайдановъ» — Иванъ Кузьмичъ (1782—1843); авторъ очень распространенныхъ, но малонаучныхъ, историческихъ учебниковъ.

Къ стр. 245. «Уваровъ»—Сергѣй Семеновичъ (1786—1855); съ 1818 г.—Президентъ Академіи Наукъ; Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ съ 1833 по 1848 г. Въ 1846 г. возведенъ въ графское достоинство.

Къ стр. 246. Дестунисъ—Спиридонъ Юрьевичъ (1782—1848), по происхожденію грекъ съ о. Корфу, образованіе получилъ въ Москвѣ, съ 1826 г. жилъ въ Петербургѣ; написалъ много статей по вопросамъ эллинизма. Извѣстенъ также своимъ переводомъ Плутарха, вѣрнымъ, но тяжелымъ (1813—1821).

Къ стр. 247. «всевѣдущій»—въ подлинникѣ: «всевѣдующій».

«Александръ-то Филипповичъ»—Македонскій.

— «мою внутренность»—въ подлинникѣ: «мою внутренности».

Къ стр. 249. Первые переводы изъ Жоржъ-Зандъ стали появляться въ русскихъ журналахъ еще въ 30-хъ годахъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ 1842 г., благодаря, конечно, главнымъ образомъ, Бѣлинскому, начался цѣлый рядъ переводовъ изъ нея.

— «какую гадость написалъ Лермонтовъ»—это «Послѣднее Новоселье», напечатанное въ 5-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г.

— Взглядъ Бѣлинскаго на изображеніе Жанны д'Аркъ Шекспиромъ былъ впослѣдствіи развитъ Боткинымъ въ его статьѣ: «Шекспиръ, какъ человѣкъ и лирикъ» («Отеч. Зап.», 1842, кн. 9).

— «Спасибо Кетчерушкѣ»—за переводъ Шекспира.

Къ стр. 250. Приводимая Бѣлинскимъ пѣсня Беранже переведена И. Ф. Тхоржевскимъ.

Вотъ какъ переведены имъ приводимыя Бѣлинскимъ строки:

«Чтобъ освѣжить слегка мои трофеи,
Вплетя опять въ нихъ свѣжіе цвѣты,
Я вздумалъ пѣть, — какъ вдругъ увидѣлъ феи
Мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ знакомыя черты.
«Ужъ надъ тобой зимы повѣялъ холодъ»,
Она сказала, «съ голоса ты спалъ,
За двадцать лѣтъ борьбы и онъ усталъ:
Ты все вѣдь въ бурю пѣлъ, пока былъ молодъ».
Прощайте, пѣсни! Старость настаетъ...
Зимою птица не поетъ».

«Кому понятны спичи и сатиры?
Лишь тѣмъ, кто самъ учить бы могъ другихъ.
А ты, чтобъ всѣмъ понятенъ былъ твой стихъ,
Ты сочеталъ звукъ лютни съ звукомъ лиры».

Полностью все стихотвореніе напечатано въ «Сборникѣ пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ поэтовъ», подъ редакціей П. В. Быкова (Спб. 1894).

Къ стр. 251. «Познакомился съ Липпертомъ»— К. Ѳ. Липпертъ давалъ тогда въ «Отечественныхъ Запискахъ» обзоры иностранныхъ литературъ. Въ 1842 г. онъ помѣстилъ въ нихъ рядъ большихъ статей о Гете.

— Письмо къ П. Н. Кудрявцеву отъ 28 іюня 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. Д. Галахова и Колосова. Извлеченія изъ этого письма помѣщены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «прочтя вашу «Звѣзду» — эта повѣсть была напечатана въ 3-ьей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г.

Къ стр. 252. «Не выставить ли въ переводѣ вашего настоящаго имени» — Кудрявцевъ подписывалъ свои повѣсти буквами «А. Н.» или псевдонимомъ «Нестроевъ».

— «въ гнусной Коневской газетишкѣ» — «Пантеонѣ», выходившемъ ежемѣсячно въ Петербургѣ съ 1840 г. и посвященномъ главнымъ образомъ театру и драматической литературѣ.

— «Морошкинъ»—(въ текстѣ опечатка: «Морошнинъ»)—Ѳедоръ Лукичъ (1804—1857), извѣстный ученый юристъ, профессоръ московскаго университета. Кромѣ юридическихъ трудовъ, написалъ нѣсколько статей по русской исторіи, лишенныхъ, однако, научнаго значенія.

Письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому отъ 29 іюня 1841 г. печатается по тому тексту, который данъ въ «Русской Старинѣ» (1904, авг., с. 413—414), гдѣ оно напечатано впервые.

Къ стр. 254. Записка къ А. А. Краевскому безъ даты и года печатается по тому тексту, который былъ данъ въ «Русской Старинѣ» (1904, авг.) гдѣ она напечатана впервые. Она сохранилась въ бумагахъ кн. Одоевскаго; относится къ тому же времени, что и вышеприведенное письмо Бѣлинскаго къ Одоевскому, и, очевидно, была переслана къ кн. Одоевскому Краевскимъ.

«у Михайловскаго-Данилевскаго» — Александра Ивановича (1790—1848), извѣстнаго военнаго историка.

— Разборъ 2-го тома альманаха «Сто русскихъ литераторовъ» напечатанъ Бѣлинскимъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1841 г., т. XVII.

— «стихи Сатина» — вѣроятно, говорится о стихотвореніи «Поэту-судіи», съ датою «Іюля 8, 1841. Москва», напечатаномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1841 г, т. XVII.

— Письмо къ Н. Х. Кетчеру отъ 3 августа 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Х. Кетчера въ октябрѣ 1873 г. Извлеченія изъ этого письма сдѣланы Пыпинымъ; почти цѣликомъ приведено въ книгѣ Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»).

Къ стр. 257. «уничтожаетъ Абдель-Кадера» — знаменитаго арабскаго вождя (1807—1883). Съ 1832 по 1847 г. велъ упорную борьбу съ французами за независимость Алжира, иногда съ большимъ успѣхомъ. Въ 1847 г. былъ взятъ въ плѣнъ, въ которомъ пробылъ до 1852 г., когда былъ отпущенъ на свободу съ полученіемъ пенсіона отъ французскаго правительства.

Къ стр. 258. «Ластовка» и «Снипъ»—малорусскіе альманахи. Рецензія Бѣлинскаго о «Ластовкѣ» была напечатана въ 6-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г. Въ собраніи сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, помѣщена въ VI томѣ.

«Жаль, что умеръ Шишковъ»—Александръ Семеновичъ (1754—1841). Въ 1796 г. Шишковъ былъ избранъ членомъ Россійской Академіи, а въ 1813 назначенъ ея Президентомъ.

— «Борька Ѳедоровъ»—Ѳедоровъ, Борисъ Михайловичъ (1794—1875), стихотворецъ, драматургъ и журналистъ. Въ началѣ 40-хъ г.г. писалъ критическіе разборы въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ началѣ 1833 г., по предложенію А. С. Шишкова, былъ избранъ почетнымъ членомъ Россійской Академіи.

— «Статья Герцена—прелесть»—это «Еще изъ записокъ одного молодого человѣка» («Отеч. Записки», 1841, кн. 8).

— «Карлово»—дача Ѳ. В. Булгарина, близъ Дерпта.

Къ стр. 259. Письмо къ Н. Х. Кетчеру отъ 25 августа 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Х. Кетчера.

— На этомъ письмѣ есть приписка, сдѣланная рукой Клюшникова: «Ты хотѣлъ сдѣлать мнѣ какое-то порученіе. Я нарочно былъ у тебя съ Николаемъ Петровичемъ. Если нужно непремѣнно со мной видѣться — пріѣзжай завтра утромъ часовъ въ 10 къ Боткинымъ —и мы увидимся.

Твой П. Клюшниковъ».

Эта приписка Клюшникова сдѣлана имъ, конечно, уже на полученномъ письмѣ, у Кетчера, въ его отсутствіе изъ дому.

— Письмо къ Д. Н. Иванову отъ 25 августа 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Незначительная выдержка изъ этого письма помѣщена у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»).

Къ стр. 260. «рыцаря чести» — говорится о Шевыревѣ, у котораго Никаноръ Бѣлинскій держалъ экзаменъ для поступленія въ Университетъ и не выдержалъ его. Вотъ что писалъ Бѣлинскому Д. П. Ивановъ 18 августа 1841 г.: «Судя по жесткости вопросовъ Шевырева, я предполагаю навѣрно, что онъ хотѣлъ взять зло свое на тебя,—просто этотъ рыцарь чести, какъ ты называлъ его, не могъ подавить чувства вражды къ тебѣ. Иначе къ чему отнести эти намеки, эти рѣчи на языкъ статей твоихъ въ разговорѣ съ Никаноромъ во время экзамена»...

Къ стр. 261. «Вѣра Петровна»—сестра Д. П. Иванова, которую Бѣлинскій зналъ съ дѣтства.

— «Алешѣ и Петру»—братьямъ Д. П. Иванова.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 8 сентября 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (174, 304—306). Извлеченія изъ этого письма впервые сдѣланы Пыпинымъ, затѣмъ, по тексту собранія Пыпина, Н. А. Котляревскимъ («Помощь голодающимъ», 1892), Е. А. Ляцкимъ (дополненія ко 2-му изданію книги Пыпина, 1908) и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.»).

Къ стр. 263. «а безъ дѣятельности» — въ подлинникѣ «безъ» пропущено.

Къ стр. 265. «процессъ Банкаля»—Банкаль (1750—1826) видный политическій дѣятель эпохи Великой французской революціи, членъ конвента, жирондистъ. Пробылъ въ тюрьмѣ нѣсколько лѣтъ по обвиненію въ соучастіи измѣнѣ Дюмурье.

— «а я слушаю» — начало письма до словъ «а я слушаю» включительно написано на одномъ полулистѣ очень тонкой почтовой бумаги, 4° (Собр. Солд., 174); дальше писано на обыкновенной писчей бумагѣ въ листъ, начиная со 2-го листа; затѣмъ 3-го листа только половина (Собр. Солд. 304—306).

Къ стр. 266. «вельможи»—въ подлинникѣ: «вельможу».

Къ стр. 268. «этого чудовища»—въ подлинникѣ: «это чудовища».

Къ стр. 270. «Что за дивная повѣсть Кудрявцева»—вѣроятно, «Цвѣтокъ», напечатанный въ 9-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г.

«Петру Николаевичу»—Кудрявцеву.

Къ стр. 271. Письмо къ Н. А. Бакунину отъ 9 декабря 1841 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены у Пыпина, затѣмъ въ статьѣ Гольцева («Сборн. Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 г.») и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 273. «Вашъ меньшой братъ»—Алексѣй Александровичъ.

«до молодого ли философа»—Алексѣя Александровича.

«стараго политика»—конечно, М. А. Бакунина.

Къ стр. 276. «какъ можно больше изъ міра»—въ подлинникѣ «больше» пропущено.

— «тѣмъ я буду довольнѣе» — потому что больше останется мѣста въ письмѣ для сестеръ.

— Письмо къ И. И. Ханенкѣ отъ 8 февраля 1842 г. печатается по тому тексту, который данъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1876, т. II, кн. 7, стр. 359—360), гдѣ оно впервые напечатано. Фамилія Ханенки тамъ не напечатана, а указана лишь первая буква ея. Редакція «Русскаго Архива» указываетъ въ примѣчаніи, что Ханенко былъ знакомъ съ Ѳ. Н. Глинкой, уважалъ его, какъ человѣка, и очень цѣнилъ, какъ поэта. Дальше въ письмѣ идетъ рѣчь о попыткѣ Бѣлинскаго записаться на службу для полученія чина; попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ изъ-за непредставленія какихъ-то бумагъ.

Къ стр. 278. Письмо къ М. В. Орловой отъ 4 марта 1842 г. печатается по тому тексту, который данъ въ сборникѣ «Помощь голодающимъ» (М., 1892), гдѣ оно впервые напечатано съ примѣчаніями Г. А. Джаншіева.

Затѣмъ письмо это было напечатано въ сборникѣ «Лепта Бѣлинскаго», вышедшемъ въ томъ же, 1892, году, но нѣсколько позже. Въ обоихъ этихъ сборникахъ фототипіей воспроизводится первая страница этого письма. Самимъ Бѣлинскимъ оно датировано «4 марта», и мы оставляемъ его на этомъ мѣстѣ, хотя, повидимому, здѣсь несомнѣнная ошибка: 17 марта Бѣлинскій писалъ Боткину о томъ, что онъ скоро получитъ отъ него посылку, которую долженъ передать по назначенію Галаховъ; если же Боткинъ захочетъ самъ передать ее, пусть увѣдомитъ, и тогда Бѣлинскій напишетъ объ этомъ (стр. 287); на это Боткинъ въ письмѣ отъ 22 марта отвѣтилъ, что желалъ бы самъ доставить посылку (стр. 416). Извѣстилъ Бѣлинскій Боткина объ отправкѣ рукописи «Демона» письмомъ отъ 4 апрѣля (стр. 293), а письмо Боткина, сообщающее объ исполненіи этого порученія, напечатанное въ обоихъ указанныхъ сборникахъ, помѣчено 22 апрѣля. Въ собраніи Н. Зинченко (1899) перепечатано безъ постскриптума.

— Съ М. В. Орловой, своей будущей женой, Бѣлинскій познакомился еще въ 1835 г. у Петровыхъ и тогда же узналъ отъ А. Д. Галахова, что его статьи высоко цѣнятся ею. Она уже была въ то время классной дамой въ Александровскомъ Институтѣ. При первомъ знакомствѣ она не произвела на Бѣлинскаго замѣтнаго впечатлѣнія, и онъ заинтересовался ею лишь во время своей поѣздки въ Москву зимой 1842 г.

Къ стр. 279. «прошу васъ позволить Василію Петровичу Боткину явиться къ вамъ»—въ сборникѣ «Помощь голодающимъ» помѣщено письмо В. П. Боткина къ Бѣлинскому отъ 22 апр. 1842 г., въ которомъ Боткинъ сообщаетъ объ исполненіи порученія Бѣлинскаго относительно рукописи «Демона» и о произведенномъ на него М. В. Орловою впечатлѣніи. Кромѣ того, тамъ напечатаны «Воспоминанія о Маріѣ Васильевнѣ Бѣлинской» ея сестры, А. В. Орловой, написанныя въ августѣ 1891 г., вскорѣ послѣ смерти М. В. Бѣлинской (въ 1890 г.).

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 14 марта 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (175, 175 а). Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены у Пыпина, позднѣе у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Конца письма недостаетъ.

Къ стр. 280. «Кульчика»—А. Я. Кульчицкаго; личное знакомство съ нимъ началось въ 1841 г., въ первый пріѣздъ Кульчицкаго въ Петербургъ.

— «смѣшивать мизерную особу И. П. Ключникова съ благородною особою Петра Бульдогова»—въ 3-ьей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 г. была напечатана статья Бѣлинскаго «Педантъ, литературный типъ», подписанная псевдонимомъ «Петръ Бульдоговъ». Боткинъ приписалъ ее И. П. Ключникову и, очевидно, писалъ объ этомъ Бѣлинскому. О принадлежности «Педанта» перу И. П. Ключникова Боткинъ писалъ и А. А. Краевскому 14 марта 1842 г. (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1889 г., приложеніе; тамъ же напечатаны и остальныя письма Боткина къ Краевскому, начиная съ 27 іюня 1841 г.).

Къ стр. 282. Письмо къ В. П. Боткину безъ начала печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова

(271—284). Извлеченія изъ него приведены у Пыпина, при чемъ Пыпинъ высказываетъ предположеніе, что отрывокъ этотъ представляетъ окончаніе письма отъ 14 марта; вѣроятно, это такъ; во всякомъ случаѣ, это письмо относится къ веснѣ 1842 г.

— «Статьею о Майковѣ я самъ доволенъ»—она была напечатана въ № 3 «Отечественныхъ Записокъ» 1842 г. Тамъ же напечатана и упоминаемая дальше статья о Мирошевѣ.

— «Кабакъ»—тоже стихотвореніе Огарева.

г-жа Ганъ (Елена Андреевна, 1814—1842) писала подъ псевдонимомъ Зинаиды Р—вой. Повѣсть «Напрасный даръ» напечатана въ № 3 «Отечественныхъ Записокъ» 1842 г.

— «Дядѣ Кроносу» (изъ Гете) Н. П. Огарева напечатано лишь въ 1845 г. («Отеч. Зап.», 1845, кн. 5).

— «Клавиго» — герой драмы Гете того же названія, написанной въ 1774 г. и переведенной на русскій языкъ А. Н. Струговщиковымъ. Принадлежа къ слабымъ произведеніямъ Гете, драма эта, однако, несомнѣнно интересна тѣмъ, что въ ней, дѣйствительно, много автобіографическихъ элементовъ.

— «зензухтъ» — въ другихъ случаяхъ Бѣлинскій пишетъ нѣмецкими буквами «sehnsucht».

Къ стр. 283. «статьи Сабурова» — Ивана Васильевича (1788—1883); въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 г. печатались его статьи «Записки пензенскаго земледѣльца о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства».

объ исторіи Лоренца» — вышедшей въ 1841 г. и озаглавленной: Руководство къ всеобщей исторіи. Сочиненіе Фридриха Лоренца. Часть первая. Спб.». Эта книга составилась изъ лекцій, читанныхъ Лоренцомъ въ Педагогическомъ Институтѣ, и была не болѣе, какъ компилятивнымъ учебникомъ.

— «картины Вернэ» — извѣстнаго французскаго художника-баталиста (1789—1863).

— «До отъѣзда» — съ этихъ словъ и до конца написано на отдѣльномъ листкѣ.

— «честный ли человѣкъ Краевскій» — въ подлинникѣ «ли» пропущено.

Къ стр. 284. Письмо къ В. П. Боткину отъ 17 марта 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (176—178). Извлеченія изъ этого письма сдѣланы Пыпинымъ, Е. А. Ляцкимъ (при 2-мъ изданіи книги Пыпина) и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вед. Иск.»).

— «ты ничего не прислалъ мнѣ съ Кульчикомъ о Лоренцѣ и тѣмъ ввергъ меня въ бѣдственное положеніе писать о томъ, чего не знаю»— очевидно, Бѣлинскій чувствовалъ себя недостаточно подготовленнымъ писать по спеціальному вопросу; между тѣмъ, объ этой книгѣ ему надо было написать рецензію, да и кромѣ того это представляло ему возможность высказать въ печати, хотя бы въ самой общей формѣ, тѣ новыя воззрѣнія, къ которымъ онъ пришелъ.

— «Я только вчера кончилъ переписывать его «Демона» — для М. В. Орловой, которой и послалъ въ подарокъ переписанный экземпляръ черезъ Боткина.

Къ стр. 285. «вотъ ея конецъ» — Бѣлинскій ошибочно указываетъ, что «Договоръ» былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» безъ конца. То, что онъ считаетъ окончаніемъ «Договора», будучи, вѣроятно, введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь невѣрнымъ рукописнымъ спискомъ, на самомъ дѣлѣ отрывокъ изъ посланія къ гр. Растопчиной.

Къ стр. 286. «Александру Ивановичу»—Герцену.

— «рюмки»—въ подлинникѣ: «люмки».

Къ стр. 287. «я о семъ черкну слова два въ «дерзкомъ посланіи» — онъ это и исполнилъ въ письмѣ, помѣщенномъ на стр. 278 и помѣченномъ 4 марта, вмѣсто 4 апрѣля.

Къ стр. 288. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 17 марта 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

Къ стр. 289. Письмо къ В. П. Боткину отъ 31 марта 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (179—183). Извлеченія изъ этого письма сдѣланы Пыпинымъ, Е. А. Ляцкимъ (дополненія при 2-мъ изданіи книги Пыпина) и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— Это письмо является отвѣтомъ на слѣдующее, печатаемое по тексту собранія Пыпина, письмо Боткина къ Бѣлинскому отъ 22 марта 1842 г.:

«22 марта 1842.

Какъ! и еще письмо отъ васъ, Виссаріонъ Григорьевичъ!! Два письма на одной недѣлѣ! Знать, я въ самомъ дѣлѣ пришелъ тебѣ на память, — хоть я и ясно вижу, что «умыселъ другой тутъ былъ». Галахова увидѣть постараюсь непремѣнно — и вамъ и проч. Что же касается до передачи «Демона», то, ради всѣхъ ангеловъ!—позволь мнѣ самому доставить его. Причина моего желанія должна быть тебѣ ясна: эта дѣвушка тебѣ нравится, — и, какъ кажется, сама неравнодушна къ тебѣ, — то суди самъ, могу ли я, могу ли я не чувствовать внутренней потребности видѣть и узнать ее. Съ этимъ вмѣстѣ меня и Институтъ очень интересуетъ. Зная твою рефлектирующую натуру, я предчувствую, что тебѣ не хотѣлось бы, чтобъ я доставилъ самъ посылку — (а я имѣю претензіи считать себя человѣкомъ опаснымъ для женщинъ) — но, caro amico, не знаю, какъ ты, а я съ нѣкотораго времени сталъ на жизнь смотрѣть очень смѣло, — и скорѣй самъ пойду на встрѣчу, нежели постараюсь уклониться отъ какого-нибудь ея щелчка. Но, можетъ быть, я говорю вздоръ, въ такомъ случаѣ начхай мнѣ на лысину.—Но о семъ довольно.

Я зналъ, что тебѣ понравится «Договоръ». Въ меня онъ особенно вошелъ, потому что въ этомъ стихотвореніи жизнь разоблачена отъ патріархальности, мистики и авторитетовъ. Страшная глубина субъективнаго *я*, свергшаго съ себя всѣ субстанціальныя вериги. По моему мнѣнію, Лермонтовъ нигдѣ такъ не выражался весь, во всей своей духовной личности, какъ въ этомъ «Договорѣ». Какое хладнокровное, спокойное презрѣніе всяческой патріархальности, авторитетныхъ, привычныхъ условій, обратившихся въ рутину. Титаническія силы были въ душѣ этого человѣка! Мнѣ сейчасъ представилось то, въ чемъ состоитъ его разительное отличіе отъ Пушкина. Попробую какъ-нибудь намекнуть объ этомъ раз-

личій, хотя чувствую, что сознаніе его во мнѣ самомъ еще не ясно. Пушкинъ всегда пребывалъ въ субстанціальныхъ сферахъ. Паѳосъ его состоитъ, главное, въ разрѣшеніи (Auflösung) опирающейся на самой себѣ и на произволѣ своемъ субъективности — въ томъ, что̀ мы прежде называли субстанціальными силами. Общій колоритъ его—внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Герои его предстоятъ намъ сначала отвлеченными, напряженными — впослѣдствіи трагическая коллизія совершенно перерождаетъ ихъ, разоблачая ихъ отъ напряженности и отвлеченности, наполняя ихъ эгоистическій умъ, «кипѣвшій въ дѣйствіи пустомъ»,—общечеловѣческимъ содержаніемъ, дѣлая изъ героевъ—просто людей, но людей, которые сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ наши сердечныя симпатіи; такъ что внимательное чтеніе Пушкина можетъ быть превосходнымъ воспитаніемъ въ себѣ человѣка, болѣе нежели чтеніе Гете. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ глубже Шиллера схватываетъ жизнь. Шиллеръ лишь въ идеальномъ отраженіи схватывалъ ее; отвлекалъ своихъ героевъ отъ ежедневности, сосредоточивая ихъ въ праздничныхъ ихъ минутахъ. Шиллеръ не любитъ жизни такъ, какъ она есть — съ ея грязью и солнцемъ. Трагическія явленія ея онъ разрѣшаетъ не въ ея же собственной сферѣ, а переноситъ ихъ въ сферу идеальную, которая имѣетъ ту невыгоду, что лишаетъ героевъ ихъ человѣческой простоты, единичной индивидуальности, сообщая имъ нѣкоторую напряженность и безличность.

Пушкинъ для того, чтобы разрѣшить трагическія явленія жизни, не улетучиваетъ ихъ въ идеальный міръ, не отвлекаетъ отъ дѣйствительной жизни въ міръ духовности, не ласкаетъ сліяніемъ душъ въ небесныхъ сферахъ; у него страданіе не спекулируетъ на награду: онъ всегда здѣсь, всегда на почвѣ простой, общечеловѣческой ежедневности — всегда съ разительнымъ, глубочайшимъ чувствомъ дѣйствительности. Онѣгинъ — сначала отчасти неопредѣленный, туманный и напряженный образъ — постепенно воплощается въ личность человѣка. Послѣ послѣдняго разговора его съ Татьяной — героя уже нѣтъ — это уже человѣкъ. Мнѣ кажется, что и личность Алеко, послѣ убійства Земфиры, становится иною — онъ безмолвно перерождается: съ послѣднимъ страшнымъ взрывомъ субъективнаго произвола—непосредственный человѣкъ умираетъ. Миѳъ о второмъ пришествіи есть многозначительный миѳъ: ему предшествуетъ совершенное растлѣніе міра, брани и убійства, страданіе и гибель. Страшный Судъ истребляетъ съ лица земли растлѣнное человѣчество — и лишь послѣ очищенія земли настаетъ царство Духа. Такъ всякая истинная трагедія есть осуществленіе предъ нами Страшнаго Суда. Если Шиллеръ землю улетучиваетъ въ небо, то Пушкинъ раскрываетъ предъ нами царство нравственныхъ силъ на землѣ, но раскрываетъ такъ, что мы ясно чувствуемъ, что внутренніе, субстанціальные законы дѣйствительности суть вмѣстѣ и нравственные законы. Земное и небесное уже не являются противоположными, а сливаются въ единое и конкретное.

Одна лишь ограниченность и незнаніе могли называть Пушкина подражателемъ Байрона. Нѣтъ двухъ поэтовъ, болѣе противоположныхъ въ своемъ паѳосѣ. Но о семъ слѣдуетъ объясниться обстоятельно—уже не поскучайте, Виссаріонъ Григорьевичъ,—хотя все, что ни написалъ и ни

напишу, доказываетъ тебѣ, какъ я самъ еще темно понимаю, что хочу сказать—но вѣдь я повѣствую вамъ все, что бредетъ въ умъ.

Въ настоящее время начинается въ Европѣ новая эпоха. Міръ среднихъ вѣковъ,—міръ непосредственности, патріархальности, туманной мистики, авторитетовъ, вѣрованій, вступаетъ въ борьбу съ мыслію, анализомъ, правомъ, вытекающимъ изъ сущности предмета, идеи, а не привязаннымъ къ нимъ со внѣ или по преданію и предположенію, — и вступаетъ въ борьбу не въ одинокихъ, разбросанныхъ явленіяхъ,—что было и въ средніе вѣка, — а цѣлыми массами. Недаромъ кричатъ Шевыревъ и «Маякъ», что Европа находится въ гніеніи, что связи семейства, общества, государства въ ней потрясены. Это такъ дѣйствительно: старые институты семейственности и общественности со всѣхъ сторонъ получаютъ страшные удары. Конецъ среднихъ вѣковъ и начало новаго времени есть собственно 18 вѣкъ.

Во Франціи совершилось отрицаніе среднихъ вѣковъ въ сферѣ общественности; въ Байронѣ явилось оно въ поэзіи, — и теперь является въ сферѣ религіи въ лицѣ Штрауса, Фейербаха и Бруно Бауэра. Человѣчество сбрасываетъ съ себя одежду, которую носило слишкомъ 1000 лѣтъ,— и облекается въ новую. Я потому говорю такъ о среднихъ вѣкахъ, что догматы европейскаго общества, нервы, образующіе существующій организмъ его—были развиты и утверждены средними вѣками.

Духъ новаго времени вступилъ въ рѣшительную борьбу съ догмами и организмомъ среднихъ вѣковъ. И внимательное созерцаніе современнаго положенія Европы, дѣйствительно, представляетъ гніеніе и распаденіе всего стараго порядка вещей. Новые люди съ новыми идеями о бракѣ, религіи, государствѣ,—фундаментальныхъ основахъ человѣческаго общества, — прибываютъ съ каждымъ днемъ: новый духъ, какъ кротъ, невидимо бѣгаетъ подъ землею — и копаетъ ее — чудный рудокопъ. Das alte stürzt, — es ändert sich die Zeit, — und neues Leben steigt aus den Ruinen.

Байронъ (мнѣ бы слѣдовало говорить прежде о Руссо — но этакъ письму моему и конца не будетъ—главное дѣло въ томъ, что Байронъ насквозь пропитанъ сочиненіями Руссо),—Байронъ первый явилъ поэтически отрицаніе общественнаго устройства, выработаннаго средними вѣками (ты уже понимаешь, что разумѣю я подъ средними вѣками) — или, говоря невполнѣ мою мысль выражающими словами — отрицаніе стараго времени. Весь существенный паѳосъ его состоитъ въ этомъ. Субъективное *я*, столь долгое время скованное веригами патріархальности, всяческихъ авторитетовъ и феодальной общественности—впервые вырвалось на свободу;—упоенное ощущеніемъ ея, отбросило отъ себя свои вериги и возстало на давнихъ враговъ своихъ.

Да, паѳосъ Байрона есть паѳосъ отрицанія и борьбы; основа его — историческая, общественная. Его не занимаетъ (какъ Гете) поэтическое разрѣшеніе внутреннихъ мистерій души человѣческой; трагическое его состоитъ въ борьбѣ индивидуума съ обществомъ. Ни одинъ поэтъ въ мірѣ не исполненъ такъ движенія и соціальныхъ интересовъ, какъ Байронъ,— и потому ни одинъ поэтъ не напечатлѣлъ такъ своего генія на своемъ вѣкѣ, какъ Байронъ (и Руссо). Онъ есть поэтъ отрицанія и борьбы,—

сказалъ я,—и отсюда его страшная, неотразимая иронія и міровой юморъ. Въ поэзіи Байрона міръ является сорвавшимся съ давней, привычной колеи своей.

Пафосъ Пушкина—чисто внутренній; онъ углубленъ въ представленіе явленій внутренняго міра. Сфера историческая, общественная — не его сфера. Ты мнѣ укажешь на произведенія его молодости?—но они принадлежатъ не болѣе, какъ къ эпохѣ формированія его генія, къ эпохѣ духовнаго броженія. Его не занимаютъ вопросы и судьбы общественнаго, историческаго человѣка,—онъ занятъ явленіями внутренняго міра,—и, кажется, болѣе заботится о томъ, чтобъ его не тревожила дѣйствительность. Это чисто художническая натура: онъ принимаетъ общественную организацію, какъ она есть—его не раздражаетъ ея аномалія.

Онъ человѣкъ преданія и авторитета. Здѣсь, благо пришлось къ слову, не могу умолчать, что, какъ я высоко ни ставлю «Онѣгина», какъ мнѣ истинною и глубокомысленно-дѣйствительною ни кажется развязка его,—все однако-жъ не могу я примириться съ положеніемъ Татьяны, добровольно осуждающей себя на проституцію съ своимъ старымъ генераломъ. Конечно, всякое художественное созданіе есть отдѣльный міръ, входя въ который мы обязуемся жить его законами, дышать его воздухомъ, но какъ тутъ быть, когда мы застигнуты другими понятіями и принципами, когда то, что прежде считалось нравственнымъ, высокою жертвою, доблестью — кажется теперь безнравственнымъ, прекраснодушіемъ, слабостью? Поэтическія созданія, являющіяся на такихъ всемірно-историческихъ рубежахъ враждующихъ міросозерцаній, становятся сами въ трагическое положеніе.

Лермонтовъ весь проникнутъ Байрономъ. Какъ геній Байрона воспитался подъ вліяніемъ Руссо, такъ Лермонтовъ—подъ вліяніемъ Байрона, и въ лицѣ Лермонтова въ русскомъ искусствѣ впервые явился духъ «европейскаго гніенія». Внутренній, существенный пафосъ его есть отрицаніе всяческой патріархальности, авторитета, преданія, существующихъ общественныхъ условій и связей. Онъ самъ, можетъ, еще не сознавалъ этого—да и пора дѣйствительнаго творчества еще не наступила для него. Дѣло въ томъ, что главное орудіе всякаго анализа и отрицанія есть мысль,—а посмотри, какое у Лермонтова повсюдное присутствіе твердой, опредѣленной, рѣзкой мысли — во всемъ, что ни писалъ онъ; замѣть — мысли, а не чувствъ и созерцаній. Не отсюда ли происходитъ то, что онъ далеко уступаетъ, какъ ты замѣчаешь, Пушкину—«въ художественности, виртуозности, въ стихѣ музыкальномъ и упруго-мягкомъ». Въ каждомъ стихотвореніи Лермонтова замѣтно, что онъ не обращаетъ большого вниманія на то, чтобы мысль его была высказана изящно — его занимаетъ одна мысль,—и отъ этого у него часто такая стальная, острая прозаичность выраженія. Да, пафосъ его, какъ ты совершенно справедливо говоришь, есть «съ небомъ гордая вражда». Другими словами, отрицаніе духа и міросозерцанія, выработаннаго средними вѣками, или, еще другими словами—пребывающаго общественнаго устройства. Духъ анализа, сомнѣнія и отрицанія, составляющій теперь характеръ современнаго движенія, есть не что иное, какъ тотъ діаволъ, демонъ—образъ, въ которомъ религіозное чувство воплотило различныхъ враговъ своей непосредственности. Не

правда ли, что̀ особенно важно, что фантазія Лермонтова съ любовію лелѣяла этотъ «могучій образъ»; для него

Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно...

Въ молодости онъ тоже на мгновеніе являлся Пушкину,—но кроткая, нѣжная, святая душа Пушкина трепетала этого страшнаго духа, и онъ съ тоскою говорилъ о печальныхъ встрѣчахъ съ нимъ. Лермонтовъ смѣло взглянулъ ему прямо въ глаза, сдружился съ нимъ и сдѣлалъ его царемъ своей фантазіи, которая, какъ древній понтійскій царь, питалась ядами; они не имѣли уже силы надъ ней—а служили ей пищей: она жила тѣмъ, что было бы смертію для многихъ (Байрона, Сонъ, VIII строфа,—который ты долженъ непремѣнно прочесть).

23 марта.

Перечитавъ написанное, вижу, что я болѣе запуталъ, нежели уяснилъ то, что̀ думалъ сказать,—такъ что хочется разорвать. Впрочемъ, и по сбивчивымъ намекамъ, ты, можетъ быть, догадаешься о томъ, что̀ думалъ я сказать: это же самое послужитъ тебѣ фактомъ моего настоящаго взгляда кой на что. О такихъ предметахъ невозможно говорить мало, тотчасъ представляется множество сторонъ—такъ что безпрестанно теряешься. Для уясненія себѣ того, какъ понимаю выраженіе Лермонтова «съ небомъ гордая вражда», а равно для уясненія моего взгляда на средніе вѣка вообще, не лишнимъ считаю сказать слѣдующее — не поскучай прочесть:

Всякая религія основывается на отчужденіи духа; отчужденіи, въ которомъ духъ знаетъ не самого себя,—но другое, ему противостоящее, внѣшнее;—знаетъ его, какъ божественное, внѣшнее; какъ сущность и истину себя самого и всѣхъ вещей. Въ религіи человѣкъ чувствуетъ себя зависящимъ: онъ внѣ самого себя, не свободенъ, подверженъ авторитету, преданъ власти, которая утвердительно полагаетъ себя — не какъ его собственная власть, но какъ сверхъ-естественная, сверхчеловѣческая. Древнія религіи не могли эту противоположность божественнаго и человѣческаго довести до крайности: въ греческой религіи, напримѣръ, духъ ведетъ съ богами веселую игру—heiteres Spiel, по выраженію Гегеля. Онъ никогда почти не теряетъ того сознанія, что собственно самъ онъ—духъ, есть всѣ тѣ божества, что онъ власть ихъ, а не они его. Въ христіанствѣ совершилось отчужденіе и распаденіе духа съ самимъ собою и съ дѣйствительностью. Исторія христіанскихъ вѣковъ слишкомъ хорошо доказываетъ ложность того, будто бы, чрезъ идею христіанства, уничтожилось древнее распаденіе божества и человѣчества, неба и земли. Напротивъ, чрезъ него они были противуположены другъ другу: единство же ихъ положительно признано въ немъ одномъ—и нигдѣ кромѣ его. Чрезъ это самое—все царство дѣйствительности,—семейство, государство, искусство, наука—стало лишено божественности, сдѣлалось т.-е. безбожнымъ. А такъ какъ всякая религія имѣетъ основаніемъ своимъ противуположность бо-

жественнаго и человѣческаго,—то христіанская религія есть уже потому самому абсолютная религія, что она довела эту противуположность до абсолютной крайности ея.

Чрезъ христіанство, «котораго царство не отъ міра сего»,—дѣйствительность явилась чуждою самой себѣ; такою, которая свою сущность, истину свою, своего Бога,—не въ себѣ имѣетъ,—но тамъ, внѣ себя. И потому, намъ предстоятъ два царства: съ одной стороны—дѣйствительный міръ,—здѣсь, какъ царство конечности, временнаго, грѣха; съ другой стороны—міръ представляемый, идеальный (въ смыслѣ противуположности дѣйствительному), т.-е. міръ вѣры,—тамъ, какъ царство безконечности, вѣчности, святого: оба—одинъ внѣ другого,—каждый противуположность другому. Посему ничто не существуетъ здѣсь само по себѣ и для себя, ничто не имѣетъ истины и значенія чрезъ себя самого и въ себѣ самомъ; ничто здѣсь не имѣетъ въ немъ самомъ пребывающаго и ему имманентнаго духа, — но существуетъ лишь внѣ себя, въ чуждомъ ему. Отсюда произошло то, что все было поставлено вверхъ ногами; ибо все имѣетъ истину внѣ себя, въ противоположномъ себѣ. Міръ явился извращеннымъ: дѣйствительное—имѣетъ значеніе, какъ несущественное и недѣйствительное,—а недѣйствительное—какъ существенное и дѣйствительное,—и сей извращенный міръ есть именно средніе вѣка, которые только съ этой точки могутъ быть ясно поняты и объяснены. Поэтому, въ нихъ, наприм., является намъ: естественное — неестественнымъ, грѣхомъ; — а опять грѣхъ же самый не чѣмъ инымъ, какъ наслѣдственнымъ, врожденнымъ состояніемъ человѣка; — нравственное—безнравственнымъ, или на языкѣ среднихъ вѣковъ нечистымъ,—потому, говоритъ св. Августинъ, — «лучше было бы, еслибъ браки и дѣторожденіе совсѣмъ прекратились: тогда скоро бы настало царство небесное». Красота есть безобразіе и твореніе діавола; умъ и мудрость суть предъ Богомъ заблужденіе и слѣпота; а слѣпота и простота есть истинная мудрость; жизнь есть смерть, и лишь со смертію начинается собственно жизнь; здѣсь — есть чуждое, смердящее, лишенное божества,—и только тамъ есть истинное здѣсь, отчизна и домъ отчій.—Да, духъ, такъ сказать, чрезъ отрицаніе самого себя долженъ былъ познать себя. Если религія съ другой стороны есть погруженіе человѣка въ вѣчныя, невыразимыя тайны божества, то въ христіанской религіи духъ раскрылъ самому себѣ такія тайны свои, что замираетъ сердце отъ блаженства, когда подумаешь о нихъ. Но какимъ страшнымъ путемъ распаденія долженъ онъ былъ достигнуть до проявленія и сознанія тайнъ сихъ, до примиренія съ самимъ собою, которое является въ новѣйшей философіи и новѣйшей критической теологіи! Въ этомъ-то значеніи Фейербахъ и называетъ теологію антропологіею—пунктумъ!!.

Мнѣ хотѣлось бы сказать тебѣ о моей теперешней жизни; она есть не что другое, какъ отрицаніе мистики и романтики, къ которымъ особенно была склонна моя натура, но въ которыхъ я совершенно потонулъ въ продолженіе отношеній моихъ къ Александрѣ Александровнѣ. Все, на чемъ лежитъ печать мистики (не мистицизма) и романтики—пробуждаетъ во мнѣ теперь враждебное чувство. Я страшно ошибся, довѣрясь внутреннимъ явленіямъ и предчувствіямъ моей души, принявши ихъ за истинное и таинственно-дѣйствительное. Это есть не болѣе, какъ воплощеніе стре-

мленій души; они имѣютъ истину только въ себѣ самихъ и никакой внѣ себя. Можетъ быть, я впалъ теперь въ другую крайность, но эта крайность пока даетъ какое-то горькое наслажденіе душѣ.

Прощай—увѣдомь меня хоть однимъ словомъ о полученіи этого письма, и какъ тебѣ кажутся его, и проч.

Кольчугинъ книгу послалъ тебѣ въ подарокъ. Воображаю, какъ ты былъ удивленъ, читая ее?

Что касается до Лоренца,—право, Виссаріонъ, я полагалъ, что ты уже оставилъ намѣреніе писать о немъ, тѣмъ болѣе полагалъ, что отъ тебя по сему предмету не получилъ ни строчки. Въ противномъ случаѣ я непремѣнно бы принялся,—и хоть что-нибудь сдѣлалъ бы, хотя, знаю напередъ, это была бы скучная и апатическая штука. Грановскій говоритъ, что Грецiя у Лоренца отдѣлана неудовлетворительно, да и вообще это книга не болѣе, какъ для гимназій.

Слышалъ я, что Шевыревъ сказалъ одному студенту, спросивши того: «Вы, можетъ быть, читали этотъ, всякое нравственное чувство возмущающій, пасквиль? Я этого такъ не оставлю: тамъ есть выписки изъ статьи моей, которыя приписываются педанту».—Слухи о предполагаемыхъ его жалобахъ различны. Одни говорятъ, будто онъ писалъ даже къ министру,--жаловался кн. Дм. Вл. Голицыну, и будто князь въ Петербургѣ будетъ говорить объ этомъ.—Другіе же, напротивъ, говорятъ, что Шевырева убѣдили не узнавать себя въ типѣ. Но одно я считаю весьма возможнымъ, что Погодинъ (можетъ быть, даже, для отклоненія грозы, приближающейся въ «Литературномъ Циникѣ») и Шевыревъ—дѣйствительно станутъ говорить Уварову о духѣ, направленіи и проч. «Отечественныхъ Записокъ».—Что это весьма можетъ быть,—ты долженъ согласиться. Не мудрено также, что Уваровъ велитъ обращать цензурѣ особенное вниманіе на «Отечественныя Записки».

На этой недѣлѣ видѣлъ 2 раза Шевырева въ концертахъ. Святители! Какъ это заочно ты могъ такъ разительно вѣрно схватить всю его личность! «Натянутая важность лица, при смѣшной фигурѣ и брюшкѣ» и проч.—живой Шевырка! Впрочемъ, теперь брюшка почти не видно.—Эхъ, еслибъ ты смастерилъ типъ на Н. Ф. Павлова,—Грановскій, ужъ незлобивый Грановскій, вопіетъ на него.—Прощай—пожми руку Панаеву и Языкову.

Я слышалъ, что Татьяна Александровна очень опасна—чахотка. Недавно пріѣзжала сюда Александра Александровна съ Николаемъ навѣстить ее. Какъ мнѣ хотѣлось взглянуть на Николая!»

Къ стр. 291. «О Лоренцѣ не хлопочи: преступленіе совершено» и т. д.—на основаніи этихъ словъ Р. В. Ивановъ-Разумникъ устанавливаетъ, что напечатанный въ 4-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 г. разборъ книги Лоренца принадлежитъ Бѣлинскому. До этого времени изслѣдователи не считали этотъ разборъ статьей Бѣлинскаго. Между тѣмъ, статья эта очень важна, какъ первое, хотя и блѣдное, выраженіе въ печати соціалистическихъ идей Бѣлинскаго (см. «Вел. Иск.»).

— «Неуваженіе къ Державину»—т.-е. со стороны Бѣлинскаго. Очевидно, Гоголь ставилъ въ вину Бѣлинскому его якобы неуваженіе къ Державину, и этотъ отзывъ дошелъ до Бѣлинскаго. Конечно, такое

грубое пониманіе его взгляда на Державина, не могло не возмутить Бѣлинскаго.

— «Прокоповичъ»—Николай Яковлевичъ (1810—1857), мало извѣстный поэтъ, другъ Гоголя, постоянно жившій въ Петербургѣ въ качествѣ преподавателя русскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ, исполнявшій всѣ порученія Гоголя по петербургскимъ дѣламъ его.

Къ стр. 292. «Субъектъ»—М. В. Орлова.

— Рецензія на «исторію древней философіи» пастора Зедергольма помѣщенная въ № 3 «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 г., дѣйствительно, написана Боткинымъ. Отправляя эту рецензію въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», Боткинъ сопроводилъ ее письмомъ, въ которомъ объяснялъ особенности языка статьи желаніемъ обойти цензурныя препятствія.

— «Ивана Петровича»—Ключникова.

Къ стр. 293. «Авдотья Яковлевна»—жена И. И. Панаева.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 4 апрѣля 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (184—185). Извлеченія изъ этого письма приведены у Пыпина. Полностью печатается впервые.

«Что же до главнѣйшей посылки»—это переписанный собственноручно Бѣлинскимъ «Демонъ» Лермонтова для М. В. Орловой.

Къ стр. 295. Письмо къ В. П. Боткину отъ 8 апрѣля 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (186). Печатается впервые.

— «у него умерла жена»—Анна Яковлевна, рожденная Брянская, сестра Авдотьи Яковлевны Панаевой.

— «Варвару Николаевну»—мать А. А. Краевскаго.

Къ стр. 296. Письмо В. П. Боткину отъ 13 апрѣля 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (187—195). Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены у Пыпина, затѣмъ, по тексту собранія Пыпина, въ статьѣ Н. А. Котляревскаго («Помощь голодающимъ», 1892), причемъ тамъ письмо это ошибочно помѣчено 12 апрѣля, и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 297. «Въ Новгородѣ же былъ встрѣченъ маленькимъ гробомъ»—проѣздомъ черезъ Новгородъ въ Москву Бѣлинскій видѣлся съ Герценомъ, у котораго въ это время умеръ сынъ.

Къ стр. 298. «Лизавету Яковлевну»—сестру жены Краевскаго.

— «Кирюшу»—К. А. Горбунова.

«Лизавета Яковлевна, пришедши»—должно быть такъ; въ подлинникѣ, вѣроятно, описка: «А. Я., пришедши.»

Къ стр. 301. «Рѣдкинъ»—Петръ Григорьевичъ (1808—1891) знаменитый юристъ, профессоръ московскаго университета, позже с.-петербургскаго, въ 30-хъ и 40-хъ гг. бывшій горячимъ сторонникомъ гегелевской философіи, авторъ многихъ статей и научныхъ сочиненій.

— «увѣдомь»—въ подлинникѣ: «увѣдь».

Къ стр. 302. Письмо къ М. С. Щепкину отъ 14 апрѣля 1842 г. пе-

чатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Х. Кетчера. Печатается впервые.

— «съ Я. Г. Брянскимъ»—Яковъ Григорьевичъ Брянскій (1790—1853), одинъ изъ лучшихъ актеровъ того времени, былъ отцомъ А. Я. Краевской и А. Я. Панаевой.

Къ стр. 303. «повѣсть Кукольника»—рецензія Бѣлинскаго объ этой повѣсти напечатана въ 10-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 г. Въ собраніи сочиненій подъ ред. С. А. Венгерова помѣщена въ VI томѣ.

— «Нестору»—Н. В. Кукольнику.

— «Башуцкій» — Александръ Павловичъ (1801—1876), написалъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ, печатавшихся въ журналахъ всѣхъ направленій; самъ издавалъ нѣсколько журналовъ, не имѣвшихъ прочнаго успѣха.

— «На мою статью въ 1 №»—это статья «Русская литература въ 1841 году». Въ собраніи сочиненій подъ ред. С. А. Венгерова напечатана въ VII томѣ.

Къ стр. 304. «Вельегорскому»—такъ въ подлинникѣ; теперь обыкновенно принято писать: «Вьельгорскіе». Братья графы Матвѣй (1787—1863) и Михаилъ (1788—1856) Юрьевичи Вьельгорскіе были извѣстными дѣятелями и меценатами въ музыкальной области. Преимущественно музыкальные интересы и связывали ихъ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ.

Къ стр. 305. Письмо къ В. П. Боткину безъ начала, продолженіе котораго помѣчено 20 апрѣля, относится, какъ видно изъ его содержанія, къ 1842 году. Печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (302—303). Извлеченія изъ этого письма приводятся у Пыпина и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»).

— Начало отрывка касается, повидимому, Руссо. Все письмо было, вѣроятно, очень длинное, какъ это можно заключить изъ словъ: «Усталъ—едва пишу».

— По всей вѣроятности, именно это письмо вызвало слѣдующее письмо Грановскаго къ Бѣлинскому (безъ года и даты; печатается по тексту собранія Пыпина):

«Боткинъ прочелъ мнѣ твое письмо, неистовый Роландъ. Письмо очень хорошо, потому что вылилось изъ души въ теплую минуту; но исторической истины въ немъ нѣтъ. Шепелявый другъ твой правъ, утверждая, что Робеспьеръ былъ мелкій, дрянной человѣкъ, бывшій органомъ и орудіемъ чужой воли. Объ этомъ мнѣ хочется написать статью, разумѣется, для тебя только, а теперь поговоримъ вкратцѣ.

Тебѣ нравится личность Робеспьера потому, что онъ удовлетворяетъ дѣлами своими твоей ненависти къ аристократамъ и т. д. Но, Боже мой, сколько мелкихъ личныхъ побужденій вмѣшивалось въ общіе виды Робеспьера! Какъ безконечно выше его стоитъ S. Just, ограниченный фанатикъ, но благородный и глубоко убѣжденный. Краснорѣчіе Робеспьера, несмотря на приводимые тобою отрывки, все-таки далеко не можетъ сравниться съ краснорѣчіемъ жирондистовъ, не говоря уже о Мирабо. Какъ государственный человѣкъ, въ великомъ значеніи слова, Робеспьеръ ничтоженъ, равно какъ и St. Just. За него работали Карно, Мерленъ и

другіе даровитые Горцы. Онъ былъ практическій человѣкъ, потому что умѣлъ опошлять и прикладывать къ дѣйствительности высшіе вопросы, рѣшеніе которыхъ очевидно принадлежитъ будущности, т. е. изъ общихъ вопросовъ онъ извлекалъ частную пользу для себя и для своей партіи. Его добродѣтель, которой главною чертою было то, что онъ не кралъ и не искалъ выгодныхъ должностей, очень похвальна во французскомъ bourgeois; но сама по себѣ дрянь. Жиронда выше его по тому именно, что у нея недоставало такъ называемаго практическаго смысла. Она понимала значеніе революціи, которая должна была измѣнить не однѣ наружныя политическія формы, но рѣшить всѣ общественныя задачи и противорѣчія, которыми такъ давно страдаетъ міръ. Жиронда опредѣлила и указала на всѣ вопросы, о которыхъ теперь размышляетъ Европа; Жиронда объявила, что революція не есть событіе французское, а всемірное; Жиронда сошла въ могилу чистая и святая, исполнивъ свое теоретическое назначеніе.— Робеспьеръ, хотя онъ говоритъ противное, смотрѣлъ на революцію, какъ на событіе политическое (исключительно) и французское; оно-то доставило среднему сословію то положеніе, изъ котораго его можетъ выбить только новая революція.—Боткинъ скажетъ тебѣ многое на словахъ— скучно писать объ этомъ на половинѣ листа.

Что ты, мой милый Виссаріонъ? Какъ живешь? Что читаешь? Смотри, братъ, не поддайся берлинской философіи, которую собирается привезти къ вамъ Катковъ.—Несмотря на наше разногласіе о Робеспьерѣ, почти во всемъ прочемъ я съ тобой согласенъ. До смерти хочется, чтобы ты поболѣе читалъ: это бы освѣжило тебя. Читай французскихъ историковъ и достань себѣ Encyclopédie Nouvelle; она познакомитъ тебя съ Leroux. Одинъ изъ самыхъ умныхъ и благородныхъ людей въ Европѣ. Читай, Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ трудно будетъ писать. Прощай, другъ, жму тебѣ крѣпко руку. Пришли скорѣе письма Станкевича и укажи на статьи его, напечатанныя въ «Телескопѣ» и «Молвѣ».

Твой Грановскій».

— Въ матеріалахъ, собранныхъ Пыпинымъ, есть письмо В. П. Боткина къ А. И. Герцену отъ 28 мая 1842 г., въ которомъ, между прочимъ, есть такое мѣсто: «поклонитесь Кетчеру: «Генрихъ» его еще у Никитенки; на дняхъ Языковъ поѣдетъ за нимъ, и онъ тотчасъ же вышлется. Кстати, пусть онъ скажетъ Грановскому, что мнѣніе его о Робеспьерѣ и Жирондистахъ совершенно противоположно мнѣніямъ всѣхъ лучшихъ умовъ во Франціи, и Леру въ особенности. Леру чрезвычайно высоко ставитъ Робеспьера, называя его la pythonisse et oracle de la Révolution и рѣшительнымъ противникомъ bourgeoisie, представителями которой, по мнѣнію Леру, были Жирондисты. Словомъ, совершенно противъ того, что сбирался доказывать нашъ шепелявый другъ».

Къ стр. 306. «Николаю Петровичу»—Боткину.

— «Исторія русской литературы и хрестоматія»—она не была издана.

— «извѣстной посылки»—рукописи «Демона».

— «глупо-подлую драму» — это «Ямщикъ, или шалость гусарскаго офицера».

— «дрянную газетишку»—«Пантеонъ», издававшійся съ 1840 г. подъ

редакціей Ѳ. А. Кони. Въ 1842 г. «Пантеонъ» слился съ «Репертуаромъ», издававшимся съ 1839 г. И. П. Песоцкимъ, и Ѳ. А. Кони принялъ редакторство въ новомъ журналѣ лишь въ 1847 г.

Къ стр. 307. «Саничка Станкевичъ»—хотя Бѣлинскій называетъ его здѣсь кандидатомъ въ покойники, онъ прожилъ послѣ того еще 70 лѣтъ и скончался лѣтомъ 1912 г.

— «о смерти Андрея Ивановича»—Кронеберга; слухи о смерти А. И. Кронеберга оказались невѣрными: Кронебергъ скончался въ 1855 г.

— «дражайшаго»—отца В. П. Боткина.

— «Интересно, какъ напишетъ Фроловъ біографію Станкевича»—Фроловъ, бывшій другомъ Станкевича въ періодъ его пребыванія за границей, дѣйствительно, не исполнилъ своего намѣренія написать біографію Станкевича. Въ 1857 г. біографія Станкевича была выпущена П. В. Анненковымъ, хотя не знавшимъ Станкевича лично, но собравшимъ обширные для нея матеріалы, благодаря своей близости съ друзьями Станкевича.

Къ стр. 308. Письмо къ Н. В. Гоголю отъ 20 апрѣля 1842 г. печатается по тому тексту, который данъ въ «Русской Старинѣ» (1889, январь), гдѣ оно впервые напечатано.

— «г. Снѣгиревъ» — Иванъ Михайловичъ (1793—1868), профессоръ Московскаго университета, авторъ научныхъ сочиненій и статей по археологіи и искусству. Съ 1828 г. по 1855 г. занималъ должность цензора.

— «Петрушка Корсаковъ»—Петръ Александровичъ Корсаковъ (1790-1844), весьма незначительный писатель, занимавшійся и издательской дѣятельностью. Съ 1835 г. былъ цензоромъ.

Къ стр. 309. «изрыгнулъ хулу» — Бѣлинскій, очевидно, имѣетъ въ виду свой рѣзкій отзывъ объ ученыхъ статьяхъ Гоголя въ «Арабескахъ» (въ концѣ статьи «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя»).

— Вотъ, что писалъ Гоголь по поводу этого письма Прокоповичу 11 мая 1842 г.: «Я получилъ письмо отъ Бѣлинскаго. Поблагодари его. Я не пишу къ нему потому, что минуты не имѣю времени, и потому, что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой черезъ Петербургъ («Русское Слово», 1859, I).

Къ стр. 310. Отрывокъ изъ письма къ В. П. Боткину, относящійся къ лѣту 1842 г. (потому что онъ написанъ въ то время, когда Боткинъ жилъ въ Павловскѣ съ Панаевымъ и Языковымъ, а это было именно лѣтомъ 1842 г.), печатается по тексту собранія Пыпина. Взятъ Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (295). Извлеченія изъ него впервые приведены Пыпинымъ.

Къ стр. 311. «Липертарія»— К. Ѳ. Липпертъ, писавшій въ «Отечественныхъ Запискахъ» обзоры иностранныхъ литературъ; въ 1842 г., въ 1, 2, 3 и 5 книжкахъ печатались, кромѣ того, его статьи о Гете.

— Точками замѣнены мѣста, могущія показаться кощунственными.

Къ стр. 312. Отрывокъ изъ письма къ В. П. Боткину, относящійся, какъ видно изъ его содержанія, къ лѣту 1842 г., печатается по тексту собранія Пыпина. Взятъ Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (301). Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина.

— 16-й куплетъ, такъ понравившійся Бѣлинскому, читался такъ:

«Таковъ былъ умъ его глубокій.
Но что чудеснѣй: умъ въ Петрѣ,
Иль гражданина духъ высокій
Въ самовластительномъ царѣ?»

— «г. ли Л. Т.»—передъ этимъ въ подлинникѣ зачеркнуто: «Тургеневъ ли». Въ дѣйствительности Тургеневъ подписывалъ свои стихотворенія «Т. Л.», а не «Л. Т.»

— «Капитоныча» — Дмитрія Капитоновича Исаева, сына секретаря чембарскаго земскаго суда, К. А. Исаева. На его сестрѣ, Александрѣ Капитоновнѣ, былъ женатъ братъ Бѣлинскаго, Константинъ. О немъ еще упоминается въ письмѣ къ К. Г. Бѣлинскому отъ 9 апрѣля 1840 г. (стр 99).

— Письмо къ Д. П. Иванову отъ 6 или 7 ноября 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

— «съ какимъ-то ужасомъ»—въ подлинникѣ: «съ какимъ ужасомъ».

Къ стр. 315. Письмо къ В. П. Боткину отъ 7 ноября 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (196—197). Печатается впервые.

— Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ объ отъѣздѣ Боткина въ Москву послѣ долгаго пребыванія его въ Павловскѣ и Петербургѣ.

Къ стр. 316. «Николаю Петровичу»—брату В. П. Боткина.

«Михаилу Семеновичу»—Щепкину. Упоминаемаго письма къ нему не сохранилось.

— Письмо къ Н. А. Бакунину отъ 7 ноября 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ него впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Новыя выдержки въ статьѣ Гольцева въ «Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 г.» (позже вошла въ его книгу «Литературные Очерки», М., 1895) и у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»).

— «давно уже пріѣхала»—изъ-за границы.

Къ стр. 317. «До меня дошли хорошіе слухи о Мишелѣ»—въ октябрѣ 1842 г. М. А. Бакунинъ выступилъ въ органѣ лѣвыхъ гегельянцевъ подъ псевдонимомъ Жюля Элизара. Его статья обратила на себя всеобщее вниманіе. Бѣлинскій въ то время не зналъ, что подъ псевдонимомъ Жюль Элизаръ скрывается именно М. А. Бакунинъ, но зналъ о его близости къ лѣвымъ гегельянцамъ.

— «написалъ къ нему письмо»—оно до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ.

— «Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки: это—вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа»—эти слова взяты эпиграфомъ къ вступительной статьѣ Драгоманова къ подготовленнымъ имъ къ печати письмамъ М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву; изданіе это вышло въ свѣтъ уже по смерти Драгоманова (Женева, 1896).

Къ стр. 319. Письмо къ В. П. Боткину отъ 23 ноября 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Сол-

датенкова (198—199). Извлеченія изъ него впервые приведены въ книгѣ Пыпина, позднѣе, по тексту собранія Пыпина, въ статьѣ Н. А. Котляревскаго въ сборникѣ «Помощь голодающимъ» (М., 1892).

— А. В. Кольцовъ скончался 19 октября; такимъ образомъ Бѣлинскій узналъ о его смерти только черезъ мѣсяцъ.

— «писанный тремя руками»—т.-е. самого Николая Александровича, Татьяны Александровны и Александры Александровны.

— «я потерялъ свой носъ»—намекъ на свою остроту въ письмѣ къ В. П. Боткину отъ 7 ноября 1842 г. (стр. 316).

— «Culte къ тебѣ послать не могу»—неясно, о чемъ здѣсь говоритъ Бѣлинскій.

Къ стр. 321. «твоя статья крѣпко нравится художникамъ»—это статья Боткина о выставкѣ въ Академіи Художествъ, напечатанная въ 11-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 г.

— Письмо къ Н. А. Бакунину отъ 28 ноября 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ него приведены впервые у Пыпина, позднѣе у Гольцева («Сборн. Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 г.») и Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»).

— «глуздырь»—т.-е. умникъ, разумникъ.

Къ стр. 324. «баронесса Н. А. Бейеръ фонъ Вейсенфельдъ»—Н. А. Бееръ.

Къ стр. 325. Письмо къ И. И. Панаеву отъ 5 декабря 1842 г. печатается по тому тексту, который данъ въ «Воспоминаніи о Бѣлинскомъ» И. Панаева («Современникъ», 1860, кн. I), гдѣ оно напечатано впервые.

— «прочелъ «Мельхіора»—«Мельхіоръ» Жоржъ Зандъ былъ напечатанъ въ 12-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 г.

Къ стр. 326. Письмо къ В. П. Боткину отъ 9—10 декабря 1842 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (200—205). Извлеченія изъ него впервые приведены въ книгѣ Пыпина.

Къ стр. 327. «облегчаетъ боль»—въ подлинникѣ: «облегчаетъ вопль».

— «Не отъ всякаго можно требовать»—въ подлинникѣ «можно» пропущено.

— «стихи на Дмитріева»—эти стихи являлись отвѣтомъ на стихи М. Дмитріева «Безымянному Критику», напечатанные въ 1841 г. въ «Москвитянинѣ».

Къ стр. 328. «Густавъ Адольфъ»—эта драма напечатана въ 12-ой книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» за 1842 г.

— «статья о Баратынскомъ»—она была напечатана въ 12-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 г.

— «Моллера»—Ѳедора Антоновича (1812—1875), историческаго живописца. Картина «Невѣста, задумавшаяся надъ обручальнымъ кольцомъ», написанная въ 1842 г., считается одною изъ лучшихъ его картинъ.

— «Гедеоновымъ»—Александръ Михайловичъ Гедеоновъ (1790—1867) былъ тогда директоромъ Императорскихъ театровъ; но врядъ ли Бѣлинскій могъ назвать его «мальчишкой»; можетъ быть, онъ хотѣлъ указать на вліяніе, оказываемое на А. М. Гедеонова его сыномъ, Степаномъ Александровичемъ (1816—1878), уже въ то время увлекавшимся вопросами искусства.

Къ стр. 331. «Г. М.», «—К.—Левіаѳанъ»—затрудняемся указать, кого здѣсь имѣетъ въ виду Бѣлинскій.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 6 февраля 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (206—209). Извлеченія изъ него впервые сдѣланы Пыпинымъ, позднѣе, по тексту собранія Пыпина, Н. А. Котляревскимъ («Помощь голодающимъ», 1892) и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.»).

— «изъ статьи моей въ 1 №»—это «Русская литература въ 1842 году».

— Сравненіе себя съ Прометеемъ, а Краевскаго съ коршуномъ повторяется и въ письмѣ къ Н. А. Бакунину отъ 23 февраля 1843 г. (стр. 338).

Къ стр. 331. Статья Герцена «Дилетантизмъ въ наукѣ» была напечатана въ 1-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1843 г. Тамъ же и статья Боткина о нѣмецкой литературѣ.

— «Хомяковъ»—въ подлинникѣ: «Х.»

— «Барбье»—въ подлинникѣ: «В» (Barbier).

«къ нѣмцамъ»—въ подлинникѣ: «къ нмцмъ».

Къ стр. 335. «Каткова ты видѣлъ»—въ подлинникѣ: «К. ты видѣлъ».

— «Тютчевъ»—Николай Николаевичъ (1815—1878), близкій другъ Бѣлинскаго за послѣдніе годы его жизни. Въ 1842 г. онъ поселился на одной квартирѣ съ А. Я Кульчицкимъ, а вскорѣ къ нимъ присоединился и К. Д. Кавелинъ. Всѣ они сотрудничали въ «Отечественныхъ Запискахъ». Бѣлинскій очень часто приходилъ къ нимъ играть въ преферансъ. Въ матеріалахъ Пыпина имѣется записка Тютчева, написанная въ 1874 г., подъ заглавіемъ «Мое знакомство съ Бѣлинскимъ», а также замѣчанія его на «Воспоминанія о Бѣлинскомъ» К. Д. Кавелина, присланныя ему, очевидно, Кавелинымъ, еще въ рукописи. По печатному тексту воспоминаній Кавелина видно, что многія изъ этихъ замѣчаній приняты имъ во вниманіе.

— «статья Галахова»—это «Философія анатоміи», основанная на работахъ французскихъ натуралистовъ, главнымъ образомъ Жоффруа Сентъ-Илера.

Къ стр. 337. Письмо къ Н. А. Бакунину и его сестрамъ отъ 23 февраля 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ него впервые приведены въ статьѣ Гольцева («Сборн. Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 г.»).

— «у кого слѣдуетъ»—т. е. у сестеръ.

Къ стр. 338. «Я недавно писалъ Мишелю»—это письмо не сохранилось.

— «Horace» и «André»—романы Жоржъ-Зандъ.

Къ стр. 339. «я писалъ объ этомъ къ Боткину»—въ письмѣ отъ 6 февраля 1843 г. (стр. 331).

— «ненавидѣть до...»—многоточіе въ подлинникѣ.

Къ стр. 340. «Наталіей Андреевной Бееръ»—здѣсь и дальше сокращенно: «Н. А. Б.»

Къ стр. 341. «съ моимъ маленькимъ войяжеромъ»—Сашей, сыномъ В. А. Дьяковой.

— «Семенъ»—знаменитый московскій типографъ. О немъ есть монографія. Б. Л. Модзалевскаго.

Къ стр. 342. «Павелъ Алексáндровичъ»—Бакунинъ. Въ подлинникѣ: П. А.»

Къ стр. 343. «Недавно познакомился я съ Тургеневымъ»—это первое въ перепискѣ Бѣлинскаго упоминаніе о немъ.

Къ стр. 344. «и о любви»—въ подлинникѣ «о» пропущено.

Къ стр. 345. Письмо къ сестрамъ Бакунинымъ отъ 8 марта 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ этого письма впервые сдѣланы Пыпинымъ; новая выдержка въ статьѣ Гольцева («Сборникъ Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 г.»).

Къ стр. 349. «вновь познакомить васъ съ собою и вновь познакомиться съ вами»—въ подлинникѣ: «вновь познакомить меня съ собою и вновь познакомиться съ нами».

Къ стр. 350. «Гете и графиня Штольбергъ»—во 2-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» за 1843 г. напечатана статья о только что вышедшей въ Германіи книгѣ: «Goethe's Briefe an die Gräfin Augusta zu Stolberg», Stutgardt, Cotta. Въ 1775 г. Гете вступилъ въ переписку съ гр. Августой Штольбергъ, не будучи съ нею знакомъ и даже никогда не видѣвъ ея, зная ее только по разсказамъ двухъ ея братьевъ. Переписка эта продолжалась и въ 1776 г.; главной темой ея были отношенія Гете къ любимой имъ дѣвушкѣ Лили Шёнеманнъ. Въ 1876 г. отношенія съ Лили порываются, прекращается также и переписка съ гр. Штольбергъ. Лишь въ 1822 г. гр. Штольбергъ, тогда уже гр. Бернсторфъ, возобновила переписку съ Гете. Это объясняется тѣмъ, что подъ конецъ жизни она стала очень набожной, обратилась къ мистицизму, и ее сильно мучила мысль о спасеніи души Гете, къ которому она, очевидно, сохранила сильное дружеское чувство, хотя они ни разу и не видѣли другъ друга.

— «Дѣвушка потомъ умираетъ»—Лили Шёнеманнъ вышла замужъ за нѣкоего Туркгейма; умерла въ 1815 г. Гете ничѣмъ не откликнулся на ея смерть.

Къ стр. 353. Письмо къ В. П. Боткину отъ 9 марта 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (210—212). Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина.

— «Получилъ ли ты то большое письмо мое»—имѣется въ виду письмо отъ 6 февраля 1843 г. (стр. 331); Бѣлинскій напрасно думалъ, что письмо это съ прилагаемымъ письмомъ Бакунина не дошло по назначенію: въ дѣйствительности, Боткинъ получилъ оба письма, какъ это видно изъ письма къ В. П. Боткину отъ 31 марта—3 апрѣля 1843 г. (стр. 355).

— «какъ une pièce justificative»—т.-е., какъ оправдательный документъ.

— «геніальный пшикъ»—все это мѣсто относится къ М. Н. Каткову, недавно возвратившемуся изъ-за границы.

Къ стр. 354. «Статья «Романтики»—это вторая статья Герцена «Дилетантизмъ въ наукѣ», съ подзаголовкомъ: «Дилетанты-романтики» («Отеч. Зап.», 1843, кн. 3).

— «Насчетъ твоей исторіи съ француженкой»—это «исторія» съ Armance, кончившаяся женитьбой на ней Боткина и очень скорымъ разводомъ. Объ этой «исторіи» см. особенно у Герцена «Basile и Armance» и «Воспоминанія» А. Я. Головачевой-Панаевой.

Къ стр. 355. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 9 марта 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

— «о дворянской грамотѣ»—хлопоты на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ, и Бѣлинскій получилъ дворянство лишь въ 1848 г., незадолго до смерти.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 31 марта—3 апрѣля 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (213—218). Извлеченія изъ этого письма впервые приведены Пыпинымъ, позднѣе, по тексту собранія Пыпина, Н. А. Котляревскимъ («Помощь голодающимъ», 1892) и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.», 1911).

Къ стр. 357. «Кланяйся Наталіи Александровнѣ»—Герценъ; въ подлинникѣ сокращенно: «Кланяйся Н. А.»

— «Статья моя о Державинѣ»—2-ая, которая была напечатана въ 3-ей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1843 г.

— «Б.»—вѣроятно, М. А. Бакунинъ.

— «П. Р.»—затрудняемся указать, кого здѣсь имѣетъ въ виду Бѣлинскій.

— «З.»—можетъ быть, Зиновьевъ, о которомъ нѣсколько разъ упоминается въ письмахъ того времени.

Къ стр. 358. «Прочелъ я статью твою»—это статья В. П. Боткина въ 4-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1843 г., посвященная разбору «Парижскихъ писемъ» Гуцкова.

— «у Комаришки»—т. е. у А. С. Комарова.

Къ стр. 360. «Сейчасъ кончилъ 1-ую часть исторіи Louis Blanc»—это «Histoire des Dix Ans».

Къ стр. 361. «сочиненіе нашего Кульчика-Ремизова о преферансѣ»—это написанная въ 1843 г. А. Я. Кульчицкимъ, подъ псевдонимомъ кандидата философіи П. Ремизова, шуточная брошюрка о преферансѣ. Кульчицкій былъ постояннымъ партнеромъ Бѣлинскаго по преферансу, и брошюрка эта была написана, главнымъ образомъ, для того, чтобы доставить удовольствіе Бѣлинскому. Объ этой брошюркѣ Бѣлинскій написалъ небольшую замѣтку въ 4-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1843 г. Въ статьѣ «Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго» («Русская Старина», 1908, IV) Н. О. Лернеръ воспроизвелъ брошюрку Кульчицкаго-Ремизова полностью, но онъ почему-то пишетъ о М. Т. Кульчицкомъ, тогда какъ Кульчицкаго звали Александромъ Яковлевичемъ; въ этой же замѣткѣ Н. О. Лернера говорится, что Кульчицкій умеръ въ 1846 г. Въ матеріалахъ Пыпина есть записка Н. Н. Тютчева, въ которой онъ утверждаетъ, что онъ не разлучался съ Кульчицкимъ до самой его смерти, и что смерть эта послѣдовала отъ чахотки въ апрѣлѣ 1845 г.

— «Грановскій далъ Погодину статью»—это помѣщенная въ «Москвитянинѣ» статья «Начало прусскаго государства».

Къ стр. 362. Письмо къ И. С. Тургеневу безъ года и даты, относящееся, какъ видно изъ его содержанія, къ веснѣ 1843 г., печатается по тому тексту, который былъ данъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», 1894, май,

гдѣ оно напечатано впервые и куда доставлено для напечатанія И. Ф. Рындой.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 17 апрѣля 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (219—221). Извлеченія изъ него приведены впервые въ книгѣ Пыпина, позднѣе, по тексту собранія Пыпина, у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.», 1911).

— «подробность твоей исторіи»—съ Armance.

Къ стр. 364. «Николая Петровича»—Боткина.

Къ стр. 365. Письмо къ В. П. Боткину отъ 30 апрѣля 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (222—223). Извлеченія изъ этого письма впервые сдѣланы Пыпинымъ.

— «увлекшись письмомъ къ Герцену»—это письмо не сохранилось; въ подлинникѣ сокращенно: «къ Г.»

— «Андрей Александровичъ»—Краевскій; въ подлинникѣ сокращенно: «А. А.»

— «Рубини»—Джіованни Баттиста (1795—1854), знаменитый итальянскій теноръ, особенно прославившійся исполненіемъ Россиніевскаго репертуара.

— «Перовскаго»—Льва Алексѣевича (1792—1856), бывшаго съ 1841 г. по 1852 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 10—11 мая 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (224—230). Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина.

Къ стр. 368. Отъ словъ «такъ же глубоко» до словъ «сердцѣ женщины» и отъ словъ «едва ли можно» до словъ «нечего говорить» написано по зачеркнутому.

Къ стр. 369. «Читалъ ли ты «Парашу»—поэму въ стихахъ И. С. Тургенева, написанную и вышедшую въ 1843 г.

Къ стр. 370. Письмо къ В. П. Боткину отъ 24 мая 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (231). Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина.

— «Душа плаваетъ въ эмпиреяхъ»—гоголевская фраза.

Къ стр. 371. «бѣгу къ Лопатину»—владѣльцу дома, въ которомъ жили Бѣлинскій и Краевскій.

— «Ай-да суббота!»—Пыпинъ указываетъ, что съ этихъ словъ часть второго листка письма, на третьей страницѣ, оторвана, и строки идутъ далѣе такъ:

Скачу въ почтамтъ и захв
мѣсто въ брикѣ на 2-е іюня
итъ 49 р., а мнѣ ѣхать—
жка только, а въ частн. д
заплатилъ бы 70 р.

Увы, Б., макароны, кофе
хари и прочая, и прочая т
оставить для себя: я не

говядины. Вина не пюха
пасай мнѣ куръ и тел
зелени. Больше ничего.

Сегодня поутру получилъ
отъ Лангера; но на него
скоро обо всемъ переговоримъ.

Итакъ, я выѣзжаю 2
ромъ. Въ Пр. я пробуду дней
м. б. и недѣлю, а около 10 іюн
мѣнно буду пить чай на мор
въ домѣ Боткина.

Жму руку Г-ну. Заст
ану ли я въ Москвѣ Гр—го?

— Письмо къ Н. А. Бакунину отъ 24 мая 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые.

Къ стр. 372. Письмо къ А. А. Краевскому отъ 26 іюня 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ октябрѣ 1873 г. Двѣ выдержки изъ этого письма приведены А. А. Краевскимъ въ «Голосѣ», 1869, № 204, причемъ одна изъ нихъ ошибочно помѣчена 1844-мъ годомъ.

Къ этому письму имѣются слѣдующія собственноручныя приписки В. П. Боткина: 1) послѣ словъ «свидѣтель Боткинъ» рукой Боткина идетъ: «Правда, 1000 разъ правда»; 2) послѣ словъ «два его стихотворенія для «Отечественныхъ Записокъ»:—«Въ самомъ дѣлѣ, Андрей Александровичъ, съ Бѣлинскимъ случилось совсѣмъ неожиданное происшествіе,—и если ему нужны деньги, то, я честью свидѣтельствую вамъ, не на пустяки, а дѣйствительно на дѣло, на честное дѣло. Дайте приказъ въ московскую контору, хоть на 250 руб. асс., если нельзя на бо́льшую сумму. Я бы самъ снабдилъ его деньгами, но вѣдь бюджетъ мой съ этой стороны очень ограниченъ. Пожалуйста, будьте добры. Что касается до моихъ статей о нѣмецкой литературѣ, погодите, ради Бога, дайте пройти тяжкому и мучительному кризису, который запуталъ меня и въ сердцѣ, и въ душѣ, и въ совѣсти—вы не поймете—когда-нибудь самъ разскажу вамъ»; 3) въ самомъ концѣ, подъ подписью Бѣлинскаго: «Коршъ сначала согласился было принять на себя переводъ «Антикварія» и «Эйванго», но потомъ вчера прислалъ ко мнѣ письмо, которое вмѣсто всѣхъ объясненій при семъ прилагаю. Я просилъ его, чтобы хотя сестра его, Марья Ѳедоровна, взяла на себя переводъ какого-нибудь изъ присланныхъ вами романовъ. Я знаю, она переведетъ хорошо: мнѣ ужъ и прежде говорилъ о ней Грановскій. Но послѣ я подумалъ,—да какъ еще это покажется вамъ—и потому прежде, нежели отнестись къ ней, подожду вашего отвѣта. Она хорошо переведетъ, ибо основательно знаетъ англійскій языкъ. Да я полагаю, что и Коршъ не допуститъ явиться имени любимой имъ сестры на посредственно переведенной книгѣ».

— «стихотворенія Милькѣева» — довольно посредственнаго поэта (1815—1840), печатавшаго свои стихотворенія въ «Современникѣ» редакціи Плетнева. Въ 1843 г. его стихотворенія вышли отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ собраніи сочиненій Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова рецензія о нихъ помѣщена въ VIII томѣ.

Къ стр. 373. Письмо къ И. С. Тургеневу отъ 8 іюля 1843 г. печатается по тому тексту, который данъ въ предисловіи С. Н. Кривенко къ «Стихотвореніямъ И. С. Тургенева» (СПБ., 1891), гдѣ оно напечатано впервые. Но тамъ оно помѣчено 8-ымъ іюня, между тѣмъ, какъ видно изъ письма къ А. А. Краевскому отъ 8 іюля 1843 г. (стр. 374), слѣдуетъ считать эту помѣтку ошибочной и отнести написаніе письма къ 8 іюля.

— Письмо къ А. А. Краевскому отъ 8 іюля 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ октябрѣ 1873 г. Выдержки изъ этого письма приведены А. А. Краевскимъ въ «Голосѣ», 1869, № 204. Полностью напечатано съ подлинника въ «Отчетѣ Имп. Публ. Библіотеки» за 1889 г., приложеніе.

— «ваша бумажка за №»—на полученіе денегъ.

Къ стр. 374. «Сорокиными»—въ «Отечественныхъ Записках» попадаются иногда стихотворенія М. П. Сорокина.

Къ стр. 375. «Что касается до посвященія благородному имени моему пьесы Т. Л.»—Тургеневъ подписывалъ свои стихотворенія буквами Т. Л. Здѣсь рѣчь идетъ объ его стихотвореніи «Толпа»; оно было напечатано въ «Отечественныхъ Записках» безъ посвященія Бѣлинскому, но въ бумагахъ Краевскаго сохранился автографъ этого стихотворенія Тургенева, съ посвященіемъ Бѣлинскому.

— Въ концѣ этого письма имѣется слѣдующая приписка В. П. Боткина:

«Сегодня же съ плачемъ отправился я къ Коршу — и повѣдалъ ему печаль вашу, присовокупивъ къ ней и свое краснорѣчіе. Стѣсненный моимъ могучимъ краснорѣчіемъ, Коршъ наконецъ принужденъ былъ высказаться откровенно. Дѣло вотъ въ чемъ: въ ожиданіи будущихъ благъ, т.-е. процентныхъ денегъ со всей суммы подписки на «Московскія Вѣдомости», — Коршъ получаетъ теперь 114 р. асс. въ мѣсяцъ. А на рукахъ у него семья. Чтобъ избавиться какъ-нибудь отъ голода,—онъ принужденъ переводить для «Москвитянина», единственно изъ того только, чтобъ получать тотчасъ деньги за каждый переведенный листъ. Взявшись за переводъ Вальтера Скотта,—онъ долженъ будетъ бросить работу, доставляющую ему насущный хлѣбъ. Въ разговорѣ этомъ онъ далъ замѣтить, что заняться переводомъ Вальтера Скотта въ ожиданіи денегъ лишь по отпечатаніи — для него совершенно невозможно. Я вспомнилъ одно мѣсто изъ письма вашего ко мнѣ относительно Кетчера, — сказалъ Коршу, что, кажется, есть возможность получить нѣкоторую сумму впередъ.—Эти слова дали другой характеръ нашимъ совѣщаніямъ — и дѣло получило прямой видъ. Коршъ признался, что онъ не имѣлъ духу высказать это прежде. Наконецъ, онъ сказалъ, что если издатели, черезъ ваше посредничество, могутъ заплатить за него теперь 618 руб. асс., — онъ тотчасъ же принимается за переводъ «Эйванго», который будетъ непремѣнно готовъ къ 1-му ноября. И на такихъ условіяхъ онъ согласенъ оставить у себя и «Антикварія», котораго кончитъ къ концу февраля. О всемъ этомъ онъ просилъ меня написать вамъ, — что я сегодня же и исполняю. Не знаю, какъ вы на это обстоятельство посмотрите. Я считаю

Корша за самаго благороднѣйшаго человѣка, какого только мнѣ удалось встрѣтить въ жизни — и издатели рискуютъ потерять свои деньги лишь въ случаѣ его смерти, — да и въ этомъ случаѣ сестра очиститъ память брата. Пожалуйста, увѣдомьте, какъ можно, скорѣе. Я вамъ признаюсь, что, положась на слова вашего письма, я имѣлъ неосторожность сказать Коршу, что это дѣло возможное—а онъ въ отвѣтъ на это: «я завтра же принимаюсь за переводъ». Впрочемъ, я не далъ ему полнаго увѣренія, сказавши, что напишу къ вамъ и не знаю, что вы на это теперь отвѣтите. На всякій же случай, и чтобъ не медлить дѣломъ—я взялъ у Корша адресъ, кому слѣдуетъ заплатить деньги,—который прилагаю здѣсь. Словомъ, — я далъ Коршу надежду: — дай Богъ, чтобъ вашъ отвѣтъ не разрушилъ ея. Повторяю, — отвѣтьте скорѣе то или другое. А то я передъ Коршемъ стану въ скверное положеніе, — отвлекши его на нѣсколько дней отъ его работъ денежныхъ.

Кетчеръ переводитъ «Веверлея». Только это могу вамъ сказать о немъ. Онъ въ деревнѣ, за 50 верстъ. Я былъ тому назадъ 8 дней—отвезъ ему англійскій оригиналъ. Съ сентября онъ переѣзжаетъ на службу въ Петербургъ, и принялъ уже мѣсто у Рихтера—и помощника редактора «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Это вѣрно. Но, кажется, ближе половины сентября онъ въ Петербургѣ не будетъ. Я на себя готовъ взять переводъ «С. Ронанскихъ Водъ», — если это не къ спѣху—а потому вышлите мнѣ оригиналъ. Вашъ покорный слуга между тѣмъ переживаетъ трудный періодъ своей жизни—но, кажется, онъ скоро долженъ кончиться. Жму вамъ руку.

В. Боткинъ.

8 іюля, 1843. Москва».

Письмо къ А. А. Краевскому отъ 22 іюля 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ октябрѣ 1873 г. Выдержки изъ него приведены А. А. Краевскимъ въ «Голосѣ», 1869, № 204. Полностью, съ подлинника, напечатано въ «Отчетѣ Имп. Публ. Библіотеки» за 1889 г., приложеніе.

Къ стр. 376. «случилось нѣчто такое»—конечно, это рѣшеніе жениться на М. В. Орловой.

Къ стр. 377. «филиппику противъ Шевырки» — это отвѣтъ на помѣщенный въ 6-ой книжкѣ «Москвитянина» разборъ «Полной Русской Хрестоматіи», составленной А. Д. Галаховымъ. Онъ напечатанъ въ 8-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» (6-ая книжка «Москвитянина» запоздала и вышла 17 іюля, вмѣсто 1 іюня). Отвѣтъ самого Галахова на этотъ разборъ помѣщенъ въ 8-ой же и 9-ой книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ».

— Письмо къ Н. А. Бакунину отъ 24 августа 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые.

— «чтобъ проститься съ нимъ надолго»—передъ его отъѣздомъ за границу.

Къ стр. 378. «Горбуновъ»—неоднократно упоминавшійся въ прежнихъ письмахъ Кирюша.

— «лучше вашего литографированнаго»—литографированный портретъ М. А. Бакунина приложенъ къ IV тому собранія сочиненій Бѣлинскаго, редактируемаго С. А. Венгеровымъ.

«Le Compagnon du Tour de France»—произведеніе Жоржъ-Зандъ; въ подлинникѣ сокращенно: «Le C. du T. de F.»

— «Алексѣй Александровичъ»—младшій изъ братьевъ Бакунинихъ.

Содержаніе.

	стр.
Къ В. П. Боткину. 22 ноября, 1839	1
Къ В. П. Боткину. 30 ноября, 1839	10
Къ сестрамъ Бакунинымъ. Конецъ 1839 или начало 1840	11
Къ В. П. Боткину. 16 декабря, 1839—10 февраля 1840	12
Къ Д. П. Иванову. 30 декабря, 1839	20
Къ К. С. Аксакову. 10 января, 1840	22
Къ В. П. Боткину. 3—10 февраля, 1840	26
Къ В. П. Боткину. 18—20 февраля, 1840	38
Къ Д. П. Иванову. 21 февраля, 1840	51
Къ В. П. Боткину. Февраль, 1840	56
Къ сестрамъ Бакунинымъ. Февраль, 1840	57
Къ В. П. Боткину. 24 февраля—1 марта, 1840	58
Къ Д. П. Иванову. 26 февраля, 1840	73
Къ М. А. Бакунину. 26 февраля, 1840	75
Къ В. П. Боткину. 14 марта, 1840	87
Къ В. П. Боткину. 19 марта, 1840	94
Къ М. А. Бакунину. 1840	95
Къ К. Г. Бѣлинскому. 9 апрѣля, 1840	98
Къ В. П. Боткину. 16 апрѣля, 1840	99
Къ М. А. Языкову. 16 апрѣля, 1840	117
Къ Н. Х. Кетчеру. 16 апрѣля, 1840	118
Къ П. Н. Кудрявцеву. 24 апрѣля, 1840	119
Къ В. П. Боткину. 24 апрѣля, 1840	121
Къ В. П. Боткину. 16 мая, 1840	123
Къ В. П. Боткину. 13 іюня, 1840	128
Къ К. С. Аксакову. 14 іюня, 1840	135
Къ Д. П. Иванову. 17 іюня, 1840	138
Къ В. П. Боткину. 12 августа, 1840	141
Къ В. П. Боткину. 12—16 августа, 1840	145
Къ Н. Х. Кетчеру. 16 августа, 1840	149
Къ А. П. Ефремову. 23 августа, 1840	151

	стр.
Къ К. С. Аксакову. 23 августа, 1840	154
Къ А. Я. Кульчицкому. 3 сентября, 1840	155
Къ В. П. Боткину. 5 сентября, 1840	157
Къ В. П. Боткину. 4 октября, 1840	162
Къ Д. П. Иванову, 4 октября, 1840	167
Къ В. П. Боткину. 25 октября, 1840	168
Къ В. П. Боткину. 31 октября, 1840	174
Къ В. П. Боткину. 10—11 декабря, 1840	178
Къ В. П. Боткину. Между 11 и 14 декабря, 1840	194
Къ В. П. Боткину. 26 декабря, 1840	194
Къ В. П. Боткину. 30 декабря, 1840—22 января, 1841	196
Къ А. Н. Струговщикову. Вѣроятно, 1841	212
Къ В. П. Боткину. 1 марта, 1841	212
Къ В. П. Боткину. 13 марта, 1841	221
Къ А. А. Краевскому. Мартъ, 1841	227
Къ А. А. Краевскому. 1841	228
Къ Н. А. Бакунину. 6—8 апрѣля, 1841	229
Къ В. П. Боткину. 9 апрѣля, 1841	238
Къ Д. П. Иванову. 11 апрѣля, 1841	239
Къ Н. Х. Кетчеру. Весна 1841	242
Къ В. П. Боткину. 27—28 іюня, 1841	243
Къ П. Н. Кудрявцеву, 28 іюня, 1841	251
Къ кн. В. Ѳ. Одоевскому. 29 іюня, 1841	253
Къ А. А. Краевскому. Лѣто 1841	254
Къ Н. Х. Кетчеру. 3 августа, 1841	254
Къ Н. Х. Кетчеру. 25 августа, 1841	259
Къ Д. П. Иванову. 25 августа, 1841	259
Къ В. П. Боткину. 8 сентября, 1841	261
Къ Н. А. Бакунину. 9 декабря, 1841	271
Къ И. И. Ханенкѣ. 8 февраля, 1842	276
Къ М. В. Орловой. 4 марта (4 апрѣля), 1842	278
Къ В. П. Боткину. 14 марта, 1842	279
Къ В. П. Боткину. Мартъ, 1842	282
Къ В. П. Боткину. 17 марта, 1842	284
Къ Д. П. Иванову. 17 марта, 1842	288
Къ В. П. Боткину. 31 марта, 1842	289
Къ В. П. Боткину. 4 апрѣля, 1842	293
Къ В. П. Боткину. 8 апрѣля, 1842	295
Къ В. П. Боткину. 13 апрѣля, 1842	296
Къ М. С. Щепкину. 14 апрѣля, 1842	302
Къ В. П. Боткину. Апрѣль, 1842	305
Къ Н. В. Гоголю. 20 апрѣля, 1842	308
Къ В. П. Боткину. Лѣто 1842	310
Къ В. П. Боткину. Конецъ лѣта 1842	312
Къ Д. П. Иванову. 6 или 7 ноября, 1842	312
Къ В. П. Боткину. 7 ноября, 1842	315
Къ Н. А. Бакунину. 7 ноября, 1842	316

стр.

Къ В. П. Боткину. 23 ноября, 1842 319
Къ Н. А. Бакунину. 28 ноября, 1842. 321
Къ И. И. Панаеву. 5 декабря, 1842 325
Къ В. П. Боткину. 9—10 декабря, 1842. 326
Къ В. П. Боткину. 6 февраля, 1843 331
Къ Н. А. Бакунину. 23 февраля, 1843 337
Къ сестрамъ Бакунинымъ. 8 марта, 1843 345
Къ В. П. Боткину. 9 марта, 1843. 353
Къ Д. П. Иванову. 9 марта, 1843. 355
Къ В. П. Боткину. 31 марта—3 апрѣля, 1843 355
Къ И. С. Тургеневу. Весна 1843 362
Къ В. П. Боткину. 17 апрѣля, 1843 362
Къ В. П. Боткину. 30 апрѣля, 1843 365
Къ В. П. Боткину. 10—11 мая, 1843. 365
Къ В. П. Боткину. 24 мая, 1843 370
Къ Н. А. Бакунину. 24 мая, 1843. 371
Къ А. А. Краевскому. 26 іюня, 1843. 372
Къ И. С. Тургеневу. 8 іюля, 1843. 372
Къ А. А. Краевскому. 8 іюля, 1843 373
Къ А. А. Краевскому. 22 іюля, 1843. 375
Къ Н. А. Бакунину. 24 августа, 1843 377
Примѣчанія. 379

Изданія К-ва „Огни“.

Бѣлинскій. Письма. Три тома. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Спб. 1914 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.

Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники 1770—1788.—Е. А. Сабанѣевой. Предисловіе Д. А. Корсакова. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1914. Ц. 1 р.

Былины. Старинки богатырскія. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Тексты избраны Е. А. Ляцкимъ. Художественная рамка и виньетки исполнены В. А. Никольскимъ по стариннымъ образцамъ. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Спб. 1911 г. Ц. 2 р.

Стихи духовные. Словеса золотыя. Вступительная статья Е. А. Ляцкаго. Тексты избралъ Е. А. Ляцкій, при участіи Н. С. Платоновой. Въ приложеніи: ноты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. (1854—1855). Редакція и примѣчанія кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго и со вступительной замѣткой С. Ѳ. Ольденбурга. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ Московской жизни 40-хъ годовъ. Дневникъ Е. И. Поповой. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Спб. 1911 г. Ц. 2 р. 25 к.

Русскіе художники. Суриковъ. Текстъ В. А. Никольскаго. Портретъ художника и 7 репродукцій съ его картинъ. Рек. Уч. Ком. М. Н. П. Спб. 1910 г. Ц. 1 р.

Иностранные художники. Пювисъ де-Шаваннъ. Текстъ Я. А. Тугендхольда. Съ портретомъ художника и 7 репродукціями съ его картинъ. Спб. 1911 г. Ц. 1 р.

А. Родэнъ. Искусство. Переводъ Л. М. Со многими иллюстраціями. Спб. 1913. Ц. 1 р. 75 к.

Р. Тепферъ. О прекрасномъ въ искусствѣ. Переводъ съ франц. М. Г. Спб. 1913 г. Ц. 90 к.

Къ новымъ далямъ. Сборникъ стихотвореній современныхъ поэтовъ (1900—1910). Бальмонтъ, Бунинъ, Брюсовъ, Гиппіусъ, Лохвицкая, Маковскій, Соловьева (Allegro), Ѳедоровъ, Чюмина и др. Составила Л. Д. Свербеева. Изданіе художественное. Спб. Ц. 90 к.

Б. Садовской. Пятьдесятъ лебедей. Стихотворенія (1909—1911). Спб. 1913 г. Ц. 1 р.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными (1865—1875). Со статьей Е. А. Ляцкаго и примѣчаніями М. Н. Чернышевскаго. Портреты, рисунки, автографъ. Вып. I. Спб. 1912 г. Ц. 2 р.

— То же. Вып. II. (1876—1877). Спб. 1913 г. Ц. 2 р.

— То же. Вып. III. (1878—1883). Спб. 1914 г. Ц. 2 р.

А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Портреты. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь. Личность. Творчество. Критико-біографическіе очерки. Изданіе 2-е, значительно переработанное и дополненное. Портреты, автографъ. Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Н. Толстой. Картинки Отечественной войны изъ романа „Война и миръ“. Извлечено М. П—ой. Спб. 1912 г. Ц. 15 к.

Книга о святомъ Францискѣ Ассизскомъ. Предисловіе и переводъ В. Конради. Изданіе художественное. Спб. 1913 г. Ц. 3 р.

За изданіями к-ва „Огни“ обращаться въ книжный складъ „Жизнь и Знаніе“: Спб., Фонтанка, 38, кв. 19.

Инв. № 2382
Цена 10 р. — к.

М 9

Цѣна каждаго тома — [illegible] коп.

Главный складъ изданій: Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе".
Спб., Фонтанка, 38, кв. 19. Телеф. 227—42.